Бернар Вербер
Смех Циклопа

Аннотация

Дарий по прозвищу ЦИКЛОП – любимец французской публики и лучший в мире комик. Полные залы, овации, гомерический хохот. Годы успеха и славы. Все это исчезло в одно мгновение. Осталось лишь безжизненное тело в личной гримерке.

Великий комик мертв. Журналисты Исидор и Лукреция убеждены, что эта смерть не случайна – Циклопа убили. Они начинают собственное расследование, которое приводит их туда, где РОЖДАЕТСЯ СМЕХ.

Новый бестселлер культового французского писателя Бернара Вербера, автора мировых бестселлеров «Империя ангелов», «Муравьи», «Зеркало Кассандры».

Бернар Вербер
Смех Циклопа

Посвящается Изабелле

Смех свойственен только человеку.
Франсуа Рабле

Я считаю, что телевидение очень способствует развитию культуры. Каждый раз, когда дома кто-нибудь включает телевизор, я ухожу в соседнюю комнату и сажусь читать.
Граучо Маркс

Смеяться можно надо всем, но не со всеми.
Пьер Деспрож

Людьми нас делает не ум.
Людьми нас делает человечность.
Пьер Тейяр де Шарден

Акт I
«Ни в коем случае не читать»

1

Почему мы смеемся?

2

– … И тогда он прочитал фразу, расхохотался и умер!

По огромному залу парижской «Олимпии» словно пробегает дрожь. Тишина. И вот зрители начинают смеяться. Волна веселья, мощная и округлая, словно гигантский пузырек шампанского, нарастает, а затем рассыпается дождем аплодисментов.

Юморист Дарий кланяется.

Это невысокий голубоглазый человек с черной пиратской повязкой на глазу, со светлыми, слегка вьющимися волосами, в розовом смокинге и бабочке того же цвета, в белой рубашке. Он скромно, едва заметно улыбается и снова кланяется, отступает на шаг. Публика легендарного зала встает, овации усиливаются.

Артист приподнимает черную повязку и показывает спрятанное в пустой глазнице маленькое, светящееся пластиковое сердечко. Зрители в ответ закрывают правой ладонью правый глаз: это фирменный жест поклонников комика. Дарий возвращает повязку на место и медленно отходит в глубь сцены.

Публика скандирует:

– Да-рий! Да-рий!

Но пурпурный тяжелый бархатный занавес уже начинает медленно опускаться. Гаснут прожектора над сценой, в зале постепенно загораются люстры.

Крики не стихают:

– Еще! Еще! Еще!

А комик, весь в поту, уже бежит по коридору за кулисами. Зал не успокаивается и ревет:

– Циклоп! Циклоп! Еще! Еще!

Коридор у гримерки Дария забит поклонниками. Комик пожимает руки. Произносит какие-то слова. Берет подарки. Благодарит. Его бьет нервная дрожь. Он вытирает лоб, снова и снова приветствуя почитателей своего таланта. С трудом протискивается сквозь толпу. Добравшись наконец до гримерки, он просит телохранителя проследить, чтобы его больше не беспокоили. Закрывает дверь, украшенную его портретом и именем. Запирается на два оборота ключа.

Проходит несколько минут.

Телохранителю удается оттеснить толпу. Он разговаривает с дежурным пожарным, когда из гримерки доносится взрыв хохота, а затем грохот, как будто кто-то упал. И наступает долгая тишина.

3

«Конец легенды».

«Розовый клоун откланялся».

«Самый популярный француз умер в „Олимпии“ от сердечного приступа».

«Прощай, Дарий, ты был лучшим».

С такими заголовками выходят газеты на следующий день. С этой темы начинается выпуск дневных новостей.

– Мы узнали об этом вчера вечером, в половине двенадцатого. Знаменитый юморист Дарий, известный также как Великий Дарий или Циклоп (настоящее имя – Дарий Мирослав Возняк), умер от сердечного приступа после выступления в «Олимпии». Страшное известие потрясло всю Францию. Блестящая карьера прервалась на самом пике. Слово нашему специальному корреспонденту, который находится на месте событий.

На экране появляется длинная очередь. Люди в дождевиках, под зонтами стоят перед входом в кассы знаменитого мюзик-холла. В кадре маячит размахивающий микрофоном журналист.

– Да, Жером! Именно здесь умер накануне вечером Великий Дарий. Это событие поразило всех, словно громом. Здесь же состоится и грандиозное представление, посвященное памяти Циклопа – об этом нам сообщили сегодня утром. Потрясающее шоу соберет всех юмористов – друзей Дария. Они оденутся в костюмы розового клоуна и будут читать его миниатюры. Как вы сами видите, новость распространилась со скоростью света – толпы поклонников кинулись покупать билеты.

Ведущий благодарит корреспондента и продолжает выпуск.

– Президент Республики направил семье Дария письмо, в котором говорится: «Кончина Циклопа – это огромная потеря, как для мира эстрады, так и для всего нашего народа. От меня ушел не только один из самых остроумных моих сограждан, от меня ушел друг, который дарил мне, как и многим французам, минуты радости в самых непростых ситуациях».

Ведущий опускает листок на стол, складывает на нем руки.

– Похороны Дария Возняка состоятся в узком кругу в среду в одиннадцать часов утра на кладбище Монмартра.

4

Если бы я мог выбирать, то хотел бы умереть спокойно, во сне, как мой дедушка.

И конечно, не вопить от ужаса и не биться в истерике, как это делали триста шестьдесят девять пассажиров «Боинга», который дедушка пилотировал за несколько секунд до смерти.

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

5

Вторник, одиннадцать часов утра. Общее собрание сотрудников журнала «Современный обозреватель», работающих в разделе «Общество». Кабинет руководителя раздела Кристианы Тенардье напоминает гигантский аквариум.

Она кладет ноги в сапогах на мраморный стол.

Человек пятнадцать журналистов сидят, утонув в больших кожаных диванах. Они чувствуют себя несколько неуютно и, чтобы придать себе уверенности, вертят в руках журналы, блокноты, ручки, что-то сосредоточенно ищут в своих ноутбуках.

– Вот чего ждет от нас читатель! Вот что должно быть в следующем номере, и для этого надо работать, работать и работать. Не отвлекаться на мелочи! Докопаться до самого дня бездны. Весь выпуск будет посвящен теме «Смерть Циклопа».

Журналисты одобрительно мычат.

– Газеты уже расхватали все, что можно, и нужно найти что-то новое. Неожиданное! Необычное! Исключительное! Я хочу услышать ваши потрясающие предложения.

Тенардье кивает журналисту, сидящему справа, у самой батареи:

– Максим, какие идеи?

– Дарий и политика, – говорит он.

– Слишком избито. Общеизвестно, что он был обласкан всеми существующими партиями. И делал вид, что поддерживает их все, не поддерживая ни одну.

– Можно развить тему. Он представлял среднего француза, Францию низов. Малоимущие признали его официальным выразителем своих идей. Он был избран «Самым популярным французом». Можно осветить это и с другой точки зрения, ответив на вопрос: «Почему народ так любил его?»

– Мы рискуем скатиться к излишнему популизму. Обойдемся без демагогии. Следующий. Ален?

– Дарий и секс. Можно составить список его побед. Ведь у него в постели побывало немало знаменитостей. И некоторые из них довольно фотогеничны. Это могло бы придать номеру… э-э-э… живости.

– Слишком вульгарно. У нас не бульварный журнал, и это может повредить нашему имиджу. А главное, такие фотографии стоят слишком дорого. Следующий.

Флоран Пеллегрини, знаменитый криминальный репортер, поднимает красивое лицо, отмеченное сорока годами работы и алкоголизма, и неторопливо произносит:

– Дарий и деньги. Я знаком со Стефаном Крауцем, его бывшим продюсером, он с удовольствием расскажет об экономической империи Дария. У него был настоящий замок в пригородах Парижа. Он открыл отделения «Циклоп Продакшн» за границей. Вместе с братьями управлял производством всех сопутствующих товаров и зарабатывал огромные деньги. Уверяю вас, сердечко в глазу – это бренд, который отлично продается.

– Слишком приземленно. Еще идеи? Франсис?

– Тайны его нелегкой молодости. Подробности несчастного случая, во время которого он потерял глаз. И как он использовал свое увечье, превратив его в фирменный знак. У меня даже заголовок готов: «Реванш Циклопа».

– Слишком приторно. Истории о несчастном ребенке, боровшемся за место под солнцем, слишком откровенно выжимают слезу. Об этом уже тысячу раз писали. Напрягитесь, игра стоит свеч. Шевелите мозгами. Следующий. Клотильда?

Журналистка встает, словно примерная ученица.

– Дарий и экология. Он поддерживал борьбу с загрязнением окружающей среды и даже участвовал в демонстрациях против строительства атомных электростанций.

– Слишком слабо. Сейчас все звезды борются за экологию, это модно. Боже, какое убожество. Совершенно в вашем стиле.

– Но, госпожа Тенардье…

– Никаких «госпожа Тенардье». Бедная Клотильда, ни одной толковой идеи. Вы зря теряете время, пытаясь стать журналистом. Вам бы лучше коз доить.

Раздаются приглушенные смешки. Жертва издевательств задета за живое и с возмущением смотрит на Тенардье.

– Вы… вы… вы…

– Что? Сволочь? Сука? Шлюха? Постарайтесь найти точное определение. И если у вас нет ничего интересней, чем идиотский «Дарий и экология», то молчите и не заставляйте нас тратить время попусту.

Клотильда резко поворачивается и выходит, хлопнув дверью.

– Ах! Она идет рыдать в туалет! Никакой выдержки. А еще хочет стать настоящим репортером. Следующий. Ваша блестящая идея?

– Дарий и молодежь. Он основал школу юмористов и театр, чтобы помогать молодым талантливым комикам выбиться в люди. Предприятия некоммерческие. Вся прибыль идет на поддержку начинающих артистов.

– Слишком просто. Мне нужно что-нибудь поострее, чтобы выделиться на фоне других журналов. Что-то действительно захватывающее, о чем никто не знает. Давайте! Шевелите мозгами!

Все переглядываются, больше ничего никому в голову не приходит.

– А что, если смерть Дария… это преступление?

Тенардье оборачивается к тому, кто произнес эти слова, и видит Лукрецию Немрод, молодую журналистку, пишущую о науке.

– Что за чушь. Следующий.

– Подождите, Кристиана, дайте ей высказаться, – замечает Флоран Пеллегрини.

– Да это полная ерунда! Убийство! Может быть, еще и самоубийство?

– У меня есть зацепки, – спокойно произносит Лукреция.

– И что же это за «зацепки», мадемуазель Немрод?

Лукреция выдерживает небольшую паузу и говорит:

– Пожарный из «Олимпии», который стоял рядом с гримеркой в момент смерти Дария, заявляет, что слышал хохот прямо перед тем, как Дарий упал.

– Ну и что?

– По его словам, Дарий очень громко рассмеялся, а потом неожиданно рухнул на пол.

– Бедная Лукреция, вы что, соревнуетесь с Клотильдой по части нелепых предположений?

Журналисты насмешливо перешептываются.

Максим Вожирар, торопясь поддержать начальницу, добавляет:

– Это не может быть преступлением! Гримерка была закрыта изнутри на ключ, у дверей стояли телохранители, «розовые громилы» Дария. И кроме того, на трупе не обнаружено никаких повреждений.

Лукреция не дает сбить себя с толку.

– Мне кажется странным то, что Дарий так громко расхохотался за несколько секунд до смерти.

– Почему же, мадемуазель Немрод?

– Потому что юмористы редко смеются.

Тенардье роется в сумочке и извлекает оттуда миниатюрную гильотинку. Потом достает маленький кожаный портсигар, выуживает из него сигару, вдыхает аромат табака. Кладет сигару в гильотинку и отрезает кончик. Пеллегрини царапает что-то на листке бумаги. Лукреция, не торопясь, излагает.

– Производители пищи обычно не едят то, что производят, потому что знают, из чего сделан их товар. Врачи не любят лечиться. Виктор Гюго, объясняя, почему он не читает других авторов, говорил: «Коровы не пьют молока».

Журналисты кивают. Лукреция чувствует себя более уверенно и продолжает:

– Модельеры часто плохо одеты. Журналисты не верят тому, что пишут в газетах.

Флоран Пеллегрини незаметно передает Лукреции записку, но она не обращает на нее внимания и развивает свою мысль:

– Мы профессионалы, и знаем, с какими искажениями, перекосами и неточностями фабрикуются новости, поэтому мы им не доверяем. Я думаю, что юмористы представляют себе, как сочиняются шутки, и нужно нечто из ряда вон выходящее, чтобы заставить их расхохотаться.

Две женщины с вызовом смотрят друг на друга.

Кристиана Тенардье, редактор раздела «Общество» в «Современном обозревателе»: костюм от Шанель, блузка от Шанель, часы от Шанель, духи от Шанель, рыжие крашеные волосы, черные глаза, скрытые голубыми линзами. Из своих пятидесяти двух двадцать три года проработала в редакции. Многие утверждают, что она доросла до своей должности благодаря таланту к закулисным играм. Она поднялась по карьерной лестнице, не написав ни одной статьи, не проведя ни единого расследования, ни разу не выехав на место событий. Кое-кто намекает, что ей помогли интрижки с директорами журнала, но, ввиду ее непривлекательной внешности, это кажется маловероятным.

Лукреция Немрод, начинающая журналистка двадцати восьми лет. Пришла в журнал одной из последних, работает внештатно, специализируется на научной тематике. В ее активе шесть лет журналистских расследований и сотня репортажей. У нее тоже рыжие волосы. Но натурального цвета, что подтверждают веснушки, усеивающие ее щеки. Миндалевидные глаза искрятся изумрудной зеленью. Лицо с маленьким острым носом и волевым подбородком напоминает мордочку землеройки. Изящная головка венчает подвижное, тренированное тело в черной китайской блузе с вышитым красным драконом, которого пронзает меч.

Кристиана Тенардье молча раскуривает сигару, что свидетельствует о том, что она сосредоточенно думает.

– Убийство Циклопа… Это может стать настоящей сенсацией, – признает Флоран Пеллегрини. – Утрем нос ежедневным газетам.

Тенардье выпускает длинную струйку дыма.

– Или навсегда потеряем доверие читателя и станем посмешищем всего Парижа. Улики все-таки очень и очень спорные.

Она пристально смотрит на молодую журналистку, которая не отводит глаз. Между ними идет безмолвный поединок, вечная борьба претендентов на власть: так Александр Великий некогда бросил вызов своему отцу Филиппу II Македонскому, так Брут, смерив Цезаря яростным взглядом, нанес ему удар кинжалом, так Даниэль Кон-Бендит насмерть стоял против французских жандармов в 1968 году. И все та же мысль не дает покоя представителям молодого поколения: «Освобождай место, старая развалина! Твое время прошло, теперь будущее за мной».

Кристиана Тенардье все это понимает. Она достаточно умна, чтобы помнить, как заканчиваются такие поединки: очень редко победой старшего. Помнит об этом и Лукреция.

Субординация на предприятии служит лишь одному: воспитанию в молодых терпения, думает она.*Мы должны ждать, пока некомпетентные старики, пресытившись властью, отдадут ее в наши руки.*

– Смерть Циклопа – преступление?.. – задумчиво повторяет Тенардье.

Журналисты уже начинают вполголоса переговариваться, насмехаясь над Лукрецией. По отношению к властям предержащим нужно проявлять лояльность.

Тенардье выпрямляется и решительным жестом тушит сигару.

– Очень хорошо, мадемуазель Немрод, я разрешаю вам начать расследование. Но ставлю два условия. Во-первых, я требую основательности, улик, настоящих серьезных свидетельских показаний, фотографий, фактов.

Журналисты кивают в такт ее словам.

– И во-вторых, удивите меня!

6

Когда было создано человеческое тело, каждая из его частей захотела сделаться главной.

МОЗГ сказал: я контролирую всю нервную систему, я должен стать главным.

НОГИ сказали: мы поддерживаем все тело в вертикальном положении, мы должны стать главными.

РУКИ сказали: мы делаем всю работу и зарабатываем деньги, чтобы кормить тело, мы должны стать главными.

ГЛАЗА сказали: мы добываем основную информацию о внешнем мире, мы должны стать главными.

РОТ сказал: я всех кормлю, я должен стать главным.

То же самое сказали СЕРДЦЕ, УШИ и ЛЕГКИЕ.

Наконец заговорила ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ. Она тоже хотела стать главной. Прочие части тела засмеялись при мысли, что какая-то ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ хочет ими управлять.

Тогда ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ рассердилась. Она закрылась и отказалась работать. От этого МОЗГ впал в лихорадочное возбуждение, ГЛАЗА остекленели, НОГИ почувствовали слабость и потеряли способность ходить, РУКИ бессильно повисли, а СЕРДЦЕ и ЛЕГКИЕ начали борьбу за жизнь. И все стали умолять МОЗГ уступить и позволить ДЫРКЕ В ЗАДНИЦЕ сделаться главной.

Так и произошло. Все части тела опять заработали нормально, а ДЫРКА В ЗАДНИЦЕ принялась всеми командовать. Основным ее занятием, как у всякого начальника, достойного этого названия, стало разгребание «дерьма».

Мораль: совершенно не обязательно быть умным, чтобы сделаться начальником. Шансов стать им у самой обычной ДЫРКИ В ЗАДНИЦЕ гораздо больше, чем у кого бы то ни было другого.

Отрывок из скетча Дария Возняка «У дырки в заднице есть будущее»

7

Глаза Лукреции пробегают современную басню «Мозг и дырка в заднице», ее губы улыбаются, руки теребят листок бумаги, который Флоран Пеллегрини незаметно передал ей во время собрания.

Какую поддержку может оказать вовремя рассказанная шутка! – думает она.

После собрания Пеллегрини садится за свой стол, прямо напротив стола Лукреции.

– Только один вопрос – ты с ума сошла, Лукреция? С чего это ты вдруг решила, что Дария убили? Ты вляпалась в жуткую историю. А ты ведь знаешь, что Тенардье с тебя глаз не спускает. Ты надеялась войти в штат к концу года, а теперь стала первым кандидатом в безработные.

Лукреция морщится и обхватывает себя за плечи.

– Я люблю загадочные убийства в закрытом помещении. Хочу переплюнуть Гастона Леру!

Флоран Пеллегрини насмешливо хмыкает.

– Что это за убийство без следов на теле жертвы, без улик, свидетелей и мотива?

Лукреция замечает кучу писем, скопившихся на ее столе. Она решает не обращать на них внимания.

– Я люблю, когда расследование действительно трудное.

– Но ты понимаешь, что ввязалась в опасное дело?

– Я очень любила Циклопа.

Пеллегрини с искренней жалостью смотрит на Лукрецию.

– Твои байки про Виктора Гюго, который говорил, что коровы не пьют молока, меня не убеждают.

Старый журналист морщится. Лукреция знает, что его мучают боли в печени. Он слишком много пьет и уже прошел несколько курсов дезинтоксикации. Чтобы заглушить страдания, он достает бутылку виски и стакан, но, подумав, начинает пить прямо из горлышка.

Флоран боится начальства, старается всем угодить, постоянно заключает сделки с совестью. Ни за что не стану такой, как он.

Пеллегрини делает большой глоток, морщится еще сильнее, потом продолжает:

– Будь осторожна, Лукреция! Ты не видишь, что ходишь по краю пропасти. Если споткнешься, в «Современном обозревателе» никто не протянет тебе руку помощи. Даже я. А затея расследовать смерть Дария мне кажется просто бредовой.

Он протягивает ей бутылку. Лукреция колеблется, потом качает головой.

А вдруг он прав? Вдруг я совершила большую ошибку в выборе сюжета? В любом случае, отступать слишком поздно.

Она смотрит на листок с шуткой, комкает его и запускает в корзину для бумаг. И промахивается на несколько сантиметров.

Старый журналист дрожащей рукой поднимает бумажный комок, бросает… и попадает в цель.

8

Ворон с черным блестящим оперением летит высоко в небе. Вокруг кружат товарищи. С громким карканьем они садятся на расколовшийся могильный камень. Их крики сливаются в пронзительную песню, доставляющую удовольствие только им самим.

Главное событие дня – похороны Циклопа.

Процессия медленно следует за катафалком, украшенным розовыми флажками, на которых изображен глаз с сердечком внутри. Здесь родственники Дария, его друзья, лучшие мастера веселья, шуток, каламбуров и розыгрышей.

Все грустны и утешают друг друга тем, что хотя бы дождь прекратился на несколько минут. Замыкают процессию политики, актеры и певцы.

Фотографов тут почти столько же, сколько участников траурной церемонии. Жандармерия и «розовые громилы», представители службы безопасности «Циклоп Продакшн», не дают толпе поклонников Дария прорваться на кладбище.

Траурный кортеж останавливается у открытого склепа. На розовом мраморе золотыми буквами выбито: «ЛУЧШЕ БЫ ТУТ ЛЕЖАЛИ ВЫ».

Священник поднимается на возвышение и, проверив микрофон, говорит:

– Эта эпитафия станет его последней шуткой. Я пообещал Дарию, что напишу эти слова на его могиле. Он знал, что Господь может в любой момент призвать его к Себе. «Лучше бы тут лежали вы». Сколько иронии – и вместе с тем сколько искренности. Отбросим лицемерие, сказал мне Дарий, это слова, под которыми подписался бы кто угодно.

Среди всхлипываний раздаются сдержанные смешки. Только одна женщина с лицом, закрытым черными кружевами, рыдает в голос. Какой-то пожилой человек начинает довольно громко смеяться, и окружающие смотрят на него с осуждением.

– Не смущайтесь, – продолжает священник. – Смейтесь. Дарий смеялся надо всем. Он посмеялся бы и над своими похоронами. Он смеялся надо всем, но по-доброму. Великодушно. Смиренно. Многие не знают, но Циклоп был верующим человеком. Каждое воскресенье, почти тайком, Дарий посещал мессу. Он говорил: «Комику не полагается ходить в церковь».

Несколько новых смешков нарушают тишину.

– Дарий был моим другом. Он рассказывал мне о своих тревогах, сомнениях, о стремлении к самосовершенствованию. Поэтому я с большей уверенностью, чем кто бы то ни было, могу заявить: в каком-то смысле это был святой человек. Он не только доставлял

радость близким и зрителям, он еще и помогал молодым талантливым юмористам – в своей школе смеха, в своей телепередаче и в своем частном театре.

Женщина под вуалью рыдает все громче.

– Иисус сказал: «Бог есть любовь», но можно добавить… «Бог есть смех».

На некоторых лицах появляются одобрительные улыбки.

– Все мы должны постоянно воспитывать в себе не только чувство любви к ближнему, но и чувство юмора.

Люди сморкаются в платки. Какой-то человек в шляпе с широкими полями рыдает, поддерживая женщину под вуалью.

– Дорогой Дарий, всеми любимый Циклоп, ты покинул нас, оставил нас сиротами. Ты погрузил нас в печаль. Прости, но твоя последняя шутка оказалась неудачной…

Теперь слышны лишь всхлипывания. Смех умолкает.

– Пыль, ты станешь пылью, прах, ты вернешься к праху. Попрощайтесь же с ним. Сначала мать покойного, госпожа Анна Магдалена Возняк.

Священник насыпает в ладонь плачущей женщине горсть земли. Она приподнимает вуаль и бросает землю на гроб, на знаменитую фотографию Дария, где он поднимает пиратскую повязку и, улыбаясь, демонстрирует сердечко в пустой глазнице.

Лукреция подходит ближе. Она разглядывает и запоминает лица.

9

– Доктор, как же так!.. Ваш коллега поставил мне другой диагноз!

– Ну и что. Вскрытие покажет, что я прав.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Доверяйте медицине, и она отплатит вам сторицей»

10

Поднимается ветер. Качаются деревья. Колышутся кусты. Ветер срывает с людей черные шляпы и вуали, руки в перчатках придерживают их.

Лукреция, выстояв длинную очередь, бросает горсть песка на гроб. Она рассматривает процессию и толпу поклонников за оградой.

Дария больше нет. От меня уходят даже те, кого я считаю близкими по духу. Все покидают меня.

Вот и Циклоп покинул меня.

И родители.

Все, к кому я чувствую привязанность, покидают меня. Словно какое-то насмешливое божество дарит нам встречи с чудесными людьми лишь для того, чтобы затем разлучить нас и полюбоваться сверху нашими расстроенными физиономиями.

Лукреция отходит в сторону и садится на могильный камень про́клятого поэта. Ветер кружит в воздухе листья. Ее пробирает дрожь.

На моих похоронах не будет никого. Ни семьи, ни друзей. Надеюсь, что моим любовникам тоже не придет в голову нелепая мысль встретиться у моей могилы.

Она сплевывает на землю. Священник вдалеке продолжает надгробную речь. Лукреция слышит обрывки фраз.

– Дарий Возняк был маяком, освещавшим своим остроумием печальный мир, погруженный во тьму.

Маяк в ночи…

Он был маяком, лучом солнца в моих личных потемках. Он больше не будет освещать мою жизнь, но я попытаюсь пролить свет на обстоятельства его смерти.

Лукреция делает издалека несколько фотографий и садится на мотоцикл «гуччи» с объемом двигателя в тысячу двести кубических сантиметров. Включает в айфоне композицию «Fear of the Dark» английской рок-группы Iron Maiden и сворачивает в сторону кольцевой автодороги. Ее рыжие волосы выбиваются из-под шлема и развеваются на ветру.

Она прибавляет газу, стрелка спидометра подскакивает до ста тридцати километров в час.

Перед смертью я буду лежать в больнице одна.

И умирать буду одна.

И я буду одна, когда мое тело опустят в землю.

Как бомжей, как некогда актеров, меня бросят в общую могилу, потому что никто не согласится оплатить мой гроб, а священники сочтут, что я слишком много грешила и не заслуживаю погребения в освященной земле.

Никто не заплачет обо мне.

А потом меня забудут. И напоминать обо мне будут лишь статьи в архивах «Современного обозревателя». Те немногие статьи, которые Тенардье разрешила мне подписать своим именем.

Вот и все, что останется после меня на Земле.

11

Сумасшедший залезает на стену, окружающую психиатрическую больницу, с любопытством осматривается и окликает прохожего:

– Эй, а вас тут много?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Необычная точка зрения»

12

Лукреция возвращается домой. Смотрит на человека, который спит в ее постели, на его одежду, аккуратно сложенную на стуле. Открывает окно. Простыни начинают шевелиться, в простынях, между белыми складками, появляется лицо, приоткрывается глаз.

– А… Лулу! Ты вернулась?

Лукреция хватает пиджак молодого человека и выбрасывает в окно. Немедленно открывается второй глаз.

– Что ты делаешь, Лулу! Ты с ума сошла! Ты что, выбросила мой пиджак в окно? Мы же на пятом этаже!

Лукреция не отвечает. Носки летят вслед за пиджаком. Она берет кожаную сумку, лежащую на стуле, и держит ее за окном на весу.

– Только не это! Там же мой ноутбук! Он хрупкий!

Лукреция выпускает сумку из рук. Снизу доносятся треск расколовшегося пластика и звон разбившегося стекла.

– Убирайся! – говорит она спокойно.

– Какая муха тебя укусила? Ты спятила? Что ты творишь, Лулу?

– У моего поведения три причины. Первая, ты мне надоел. Вторая, я устала от тебя. Третья, ты мне наскучил. И еще четвертая, ты меня раздражаешь. И пятая, по утрам у тебя плохо пахнет изо рта. И шестая, по ночам ты скрипишь зубами, даже скрежещешь, я это ненавижу. И седьмая, я не люблю уменьшительные имена вроде Лулу. Такие прозвища, на мой взгляд, унизительны.

Она берет его рубашку и выбрасывает в окно.

– Но, детка…

– Восьмая причина: еще меньше мне нравятся нелепые обращения, которые подходят любой девушке и любой собачке.

Она выкидывает его трусы.

– Что с тобой случилось, моя обожаемая Лулу?! Ведь я люблю тебя!

– А я тебя больше не люблю. Да и не любила никогда. И я не «твоя», я тебе не принадлежу. Меня зовут Лукреция Немрод. А не Лулу. И не детка. Вон отсюда. Брысь.

Она собирается выкинуть в окно брюки, но парень выскакивает из постели, выхватывает их у нее из рук и быстро надевает.

– Почему ты меня прогоняешь, моя Лу… детк-к… Лукреция?

Она бросает ему ботинки, которые он обувает уже на пороге.

– Пожалуйста. Я уже знаю, как ты выражаешь чувство любви, теперь мне интересно, как проявляется твое чувство юмора. И поскольку я вижу, что ты больше привязан к своим вещам, чем ко мне, иди собирай их на тротуаре. И побыстрей, а то их утащат.

– Клянусь, я люблю тебя, Лукреция! Ты всё для меня!

– «Всё» – этого мало. Я уже сказала, ты мне наскучил.

– Ну, хочешь, я тебя рассмешу?

Ее лицо на секунду меняется.

– Хорошо, даю тебе последний шанс. Попытайся меня рассмешить. Если сумеешь, то останешься.

– Э-э…

Она разочарованно закрывает глаза.

– Не впечатляет.

– Вот, придумал!.. Надзиратель на римской галере говорит гребцам: «У меня две новости, хорошая и плохая. Хорошая – сегодня у вас будет двойная порция супа!» Все кричат «ура!». «А плохая – капитан хочет покататься на водных лыжах!»

Лукреция невозмутимо говорит:

– У меня тоже две новости, хорошая и плохая. Хорошая: можешь пойти покататься на водных лыжах. Плохая: без меня. Давай, выметайся!

– Но…

Она бросает ему майку и собирается захлопнуть дверь.

– Нет, ты все-таки не…

Лукреция пытается закрыть дверь, он мешает ей, просунув в проем ботинок. Она прыгает ему на ногу, молодой человек кривится от боли и убирает ботинок. Она выталкивает его из квартиры и щелкает замком.

Он стучит в дверь кулаком, звонит в звонок.

– Лукреция! Не бросай меня! Что случилось?

Она открывает дверь.

– Ты забыл это!

Она бросает ему мотоциклетный шлем, который, подпрыгивая, катится вниз по лестнице.

Она очень громко включает «Eruption» рок-группы Van Hallen, садится за стол, разворачивает газеты и запускает компьютер. На экране появляется портрет Циклопа.

«Что случилось? У меня должна быть свежая голова. А тип, который в третьем часу дня еще валяется в постели, небритый и пахнущий козлом, несовместим с моим расследованием. Оно обещает быть непростым, и от его результатов зависит моя судьба.

Мне нужна не обуза, а ракетный двигатель.

Кроме того, он ничего не поймет, так что нечего и время терять.

Сначала действовать, потом – философствовать.

13

Почему Бог сначала сотворил мужчину, а уже потом женщину?

Потому что для создания шедевра необходим набросок.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Война полов на ваших глазах»

14

Чиркает спичка. Вспыхивает пламя. Рука подносит огонек к папиросе. Несколько волосков в усах съеживаются. Рот медленно выпускает струйку дыма, закручивающуюся в ленту Мёбиуса.

На голове Франка Тампести, пожарного из «Олимпии», старая хромированная каска, на плечах – потертая кожаная куртка с золочеными нашивками. Он щурится от едкого дыма.

Лукреция думает, что в один ряд с производителями, которые не едят свою продукцию, можно поставить и пожарного, играющего с огнем.

– Я уже все рассказал вашим коллегам. Читайте газеты.

Ха! Ты не знаешь, с кем имеешь дело.

У Лукреции есть большая связка отмычек, которые откроют любой замок. Нужно только выбрать подходящий.

Она достает пятьдесят евро.

Начнем с ключа, который подходит чаще остальных. С денег.

— За кого вы меня принимаете? – возмущается пожарный.

Она предлагает ему еще пятьдесят евро.

– Настаивать бесполезно, – говорит пожарный, отворачиваясь и всем своим видом показывая, что он предпочитает папиросу разговорам с Лукрецией.

Еще пятьдесят евро.

Три бумажки исчезают так быстро, что Лукреции кажется, будто они ей приснились.

– М-м… Это было триумфальное возвращение Дария, который не выступал уже четыре года. Собрались все сливки. Даже министры – культуры, путей сообщения и министр по делам ветеранов войны. Успех был полнейший. Когда Циклоп закончил, публика билась в истерике. На бис он не вышел. Сбежал за кулисы. Времени было одиннадцать двадцать пять или двадцать шесть. Не помню точно. Дарий весь взмок. Понятно, вымотался: два часа отработал на сцене один. Он мне кивнул, машинально, не глядя. Увидел поклонников, столпившихся у гримерки. Раздал автографы, поговорил с ними немного, взял цветы и подарки. Обычное дело. Перед тем как зайти в гримерку, попросил телохранителя, чтобы его не беспокоили. И закрылся на ключ.

– А потом? – нетерпеливо спрашивает Лукреция.

Пожарный затягивается, и половина папиросы превращается в пепел.

– Я остался в коридоре, чтобы проследить, не вздумает ли какой-нибудь мальчишка тайком тут закурить, – говорит он, выпуская клубы сизого дыма. – И вдруг мы с телохранителем услышали, как Дарий за дверью смеется. Я подумал, что он читает скетчи для следующего выступления. Он хохотал все громче и громче, а потом резко умолк. И мы услышали шум, словно он упал.

Лукреция записывает.

– Вы говорите, он смеялся? А что это был за смех?

– Громкий. Очень громкий. Он прямо заходился.

– Долго это продолжалось?

– Нет, совсем недолго. Десять – пятнадцать секунд, двадцать максимум.

– А потом?

– Да я вам говорю: грохот падающего тела – и все. Полная тишина. Я хотел войти, но телохранитель получил строгие указания. Тогда я пошел за Тадеушем Возняком.

– За братом Дария?

– Да. Он еще и его продюсер. Тадеуш разрешил воспользоваться универсальным ключом, я открыл дверь, и мы вошли. Дарий лежал на полу. Вызвали «скорую помощь». Врачи попытались сделать прямой массаж сердца, но Дарий был уже мертв.

Пожарный тушит окурок и включает противопожарную сигнализацию.

– Можно зайти в гримерку?

– Это запрещено. Нужно разрешение на обыск.

– Как удачно, оно у меня как раз с собой.

Лукреция показывает ему еще пятьдесят евро.

– Что-то я не вижу подписи прокурора.

– Простите, я забыла! Какая рассеянность!

Лукреция достает еще пятьдесят евро. Пожарный быстро забирает обе бумажки и открывает дверь в гримерку. На полу видны контуры тела, очерченные мелом. Лукреция разглядывает очертания трупа, делает фотографии.

– Это тот самый розовый пиджак, который был на нем во время выступления?

– Да, никто ничего тут не трогал, – подтверждает пожарный.

Лукреция роется в карманах пиджака и достает пронумерованный список миниатюр с последнего концерта.

А-а… ясно. Чтобы не забыть последовательность скетчей.

Она осматривает пол, становится на четвереньки и находит под столом маленькую коробочку размером с пенал, из синего лакированного дерева с металлическими украшениями.

Это не очешник и не футляр для драгоценностей. Пыли нет. Она попала сюда недавно.

На крышке золотыми чернилами выведены три большие буквы:

«B.Q.T.».

Ниже, более мелко, написано:

«Не читать!».

Пожарный Франк Тампести удивляется:

– Что это?

– Если бы я знала… Может быть, орудие преступления?

Пожарному кажется, что Лукреция издевается над ним, и он недоверчиво качает головой.

– Как можно этим причинить себе хоть какой-то вред? Разве что запихнуть ее себе в горло…

Лукреция фотографирует шкатулку, осматривает ее со всех сторон и открывает. Внутри она обтянута синим бархатом, чуть более светлым, чем дерево снаружи, посередине углубление для какого-то цилиндрического предмета.

– Футляр для ручки? – предполагает пожарный.

– Для ручки или свернутой в трубку бумаги. Поскольку надпись на шкатулке гласит «Не читать!», я склоняюсь ко второму варианту.

– Свернутый листок бумаги?

– Возможно, это часть орудия преступления. Мы нашли «револьвер», теперь надо искать «пулю», – заявляет Лукреция.

Она берет со столика листок бумаги, отрывает кусочек примерно того же размера, что и углубление в шкатулке, скатывает в трубочку, а затем расправляет.

– Вот примерно такого размера был лежавший тут листок…

Она становится туда, где, судя по начерченному на полу силуэту, стоял Дарий Возняк, поднимает руки так, как сделал бы человек, читающий записку, и позволяет листку выскользнуть из пальцев. Медленно кружась, бумажка падает и исчезает под бахромой кресла.

Лукреция ложится на пол, чтобы посмотреть, куда делся листок. Она находит его рядом с другим клочком бумаги – плотным, черным с одной стороны и белым – с другой.

– А вот и «пуля», – торжествующе объявляет она.

– Что это?

Лукреция поднимается с пола, зажав в руке трофей.

– Светочувствительная бумага.

Франк Тампести скручивает новую папиросу.

– Ну, вы и занятная барышня. Шустрей, чем полицейские. И где вы всему этому научились?

– Один друг-журналист показал мне, как нужно осматривать место преступления и искать улики. Судя по размерам шкатулки, туда можно положить только свернутый листок бумаги. Или ручку. Но положили не ручку.

Лукреция еще раз смотрит на синюю лакированную шкатулку и листок фотобумаги, потом оборачивается к пожарному.

– Это никому не нужно, поэтому я все конфискую, – сообщает она, протягивая Франку Тампести очередную купюру, которую тот кладет в карман. – Вы помните, кто дал ему эту шкатулку?

– Нет, но я знаю, как это выяснить. Можно посмотреть записи в помещении, откуда ведется видеонаблюдение.

– Отлично, идем.

Пожарный удерживает Лукрецию.

– Обычного разрешения на обыск будет недостаточно.

Лукреция достает три бумажки по пятьдесят евро.

– Если кто-нибудь об этом узнает, я лишусь работы. Профессиональная этика не позволяет мне даже на минуту представить, что я соглашусь.

Заглянув в бумажник и увидев, что денег там больше нет, Лукреция начинает нервничать.

Делать нечего, испробуем ключ номер два.

Прежде чем пожарный успевает отреагировать, она вцепляется в его запястье и выкручивает до тех пор, пока он не начинает чувствовать острую боль в локтевом суставе. Франк Тампести роняет папиросу и глухо рычит.

– Мы так хорошо понимали друг друга, – шепчет Лукреция. – Через мгновение вам придется выбирать: либо хорошее воспоминание о нашей встрече… – Она сует ему под нос еще одну купюру. – Либо плохое. Решать вам.

Пожарный морщится.

– Разумеется, если мне угрожают, я могу и забыть о профессиональной этике.

Лукреция ослабляет захват и небрежно бросает деньги. Пожарный поспешно ловит их и прячет в карман. Как человек, умеющий проигрывать, он пожимает плечами, поднимает папиросу и ведет Лукрецию к запертому помещению. Садится перед экраном и копирует видеозаписи на диск. Потом разглаживает усы и протягивает диск Лукреции.

– Будем считать, что вы нашли его в мусорном ведре, договорились?

Чем политик отличается от женщины?

Когда политик говорит «да», это означает «может быть».

Когда политик говорит «может быть», это означает «нет».

Когда политик говорит «нет», его называют подлецом.

Когда женщина говорит «нет», это означает «может быть».

Когда женщина говорит «может быть», это означает «да».

Когда женщина говорит «да», ее называют шлюхой.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Война полов на ваших глазах»

16

Рука вставляет диск в компьютер и включает программу просмотра.

Какую же тайну заключает в себе эта синяя шкатулка?

На экране, разделенном на четыре части, идет запись с камер наблюдения, установленных за кулисами «Олимпии». Лукреция сразу переходит к просмотру материала, снятого за несколько минут до смерти Дария.

23 часа 23 минуты 15 секунд.

Плотная толпа с цветами и подарками собралась у гримерки. Некоторые поклонники в клоунских масках или в ярком гриме.

Флоран Пеллегрини, великий репортер и сосед по кабинету, подходит к Лукреции и спрашивает:

– Что это за клоуны в розовых костюмах?

– Намек на миниатюру Дария «Я просто клоун». В первых рядах зрители часто сидят в гриме, в розовых костюмах и с повязкой на правом глазу.

23 часа 24 минуты 18 секунд.

Вид сверху. В коридоре появляется Дарий.

23 часа 25 минут 21 секунда.

Он идет к гримерке.

Два журналиста смотрят запись в замедленном режиме. Поклонники протягивают Дарию свертки, которые он небрежно принимает. Вот он останавливается и разговаривает с каким-то человеком, который вручает ему какой-то маленький предмет.

23 часа 26 минут 9 секунд .

Лукреция приближает изображение. Картинка размыта, но можно разглядеть человека в клоунском гриме, протягивающего Дарию темно-синюю лакированную шкатулку. Красный нос, повязка на правом глазу, круглая шляпа, скрывающая волосы.

Лукреция приближает изображение еще больше, и вдруг замечает, что этот человек загримирован не так, как остальные. Уголки его губ опущены, на правой щеке нарисована слеза.

– У меня сестра глухонемая, я умею читать по губам. Наверное, я смогу тебе помочь, – говорит Флоран Пеллегрини.

Лукреция дает крупный план рта, кадр за кадром отслеживая произносимые слова.

Пеллегрини наклоняется к экрану:

– Он говорит Дарию: «Вот… что… ты… всегда… хотел… знать».

Лукреция возвращается назад. Она ищет самое четкое изображение грустного клоуна, увеличивает его и включает принтер, чтобы напечатать изображение на бумаге.

Пеллегрини сдвигает очки на кончик носа и подносит синюю шкатулку к глазам.

– Ты была без перчаток и смазала все отпечатки пальцев?

Черт побери! Я и не подумала об этом! Какая же я дура!

Репортер вглядывается в шкатулку.

– «B.Q.T.»… Что бы это значило? Коэффициент полезного действия?

– Давай посмотрим в Интернете, – предлагает Лукреция.

Пеллегрини задает поиск в «Google» и зачитывает.

– Boeuf Qui Tourne. Марка шашлычницы. Belle Queue Tordue. Порносайт.

– А на английском что? – спрашивает Лукреция.

– Boston Qualifi ying Time. Be QuieT. Big Quizz Thing.

Флоран Пеллегрини проводит пальцем по золоченым буквам на крышке шкатулки.

– Внутри было вот это, – добавляет Лукреция.

Пеллегрини осторожно берет в руки клочок бумаги.

– Это фотобумага фирмы Кодак. Я думаю, там был какой-то текст. Дарий прочел его, бумага почернела, и послание стало невидимым. Возникает три вопроса. Первый: что это был за текст? Второй: как именно умер Дарий? Третий: кто хотел его устранить?

Лукреция задумчиво поправляет длинные рыжие волосы.

– А вдруг он умер… от смеха?

Великий репортер морщится.

– Умереть от смеха? Какая ужасная смерть!

– Не знаю. Может быть, это приятно?..

– Ты даже не представляешь, как это может быть больно! У тебя когда-нибудь был приступ неконтролируемого смеха? Судорогой сводит бока, живот, горло, кажется, что голова горит огнем, ты задыхаешься!.. Умереть от смеха? Какой ужас!

Лукреция безуспешно пытается вспомнить, когда в последний раз хохотала от души.

– Что ж, твое расследование начинается удачно, – добавляет репортер. – Тенардье хотела чего-то захватывающего, и, похоже, она это получит. «Убивающий текст» – это уже что-то новое. «Текст, прочитав который можно умереть от смеха» – это эксклюзив. Сначала я не очень-то поверил в твою историю с убийством, но, должен признать, ты готовишь сенсацию. Браво, малышка.

– Не называй меня малышкой, – огрызается Лукреция.

Флоран Пеллегрини улыбается.

– Почему это дело так тебя зацепило? Признайся, это ведь не только профессиональный интерес? Ты тратишь на него слишком много сил. Я могу отличить простое любопытство от одержимости.

Молодая женщина открывает шкаф коллеги, достает бутылку виски и два стакана. Наливает себе до краев. Ее взгляд становится задумчивым.

– Однажды, очень давно, я была… Как бы это сказать… В небольшой депрессии. По телевизору как раз передавали один из скетчей Циклопа, и он поднял мне настроение. С тех пор, сам того не зная, Дарий стал членом моей семьи.

– Понимаю.

– Когда он умер, я словно потеряла «старого дядюшку-весельчака», который под конец обеда, когда все уже наговорились, рассказывает анекдоты.

Она залпом выпивает виски.

– Так ты хочешь отомстить за старого дядюшку-весельчака?

Лукреция пожимает плечами.

– Смешить людей – это великодушно. Дарий спас меня, и я хочу пролить свет на обстоятельства его смерти. Он был лучом солнца, озаряющим потемки моей жизни.

– Слушай, ты становишься поэтом. Это первый шаг к алкоголизму.

Пеллегрини наливает себе полный стакан и чокается с Лукрецией. Она хочет его остановить, ведь старый репортер только что прошел курс дезинтоксикации. Проблемы с печенью едва не стоили ему жизни. Но он успокаивает ее жестом, означающим, что ситуация под контролем. Выпив, он морщится.

– Лукреция, это дело тебе не по зубам. Если ты ничего не нароешь, Тенардье тебя не простит. Она разрешила тебе вести расследование не ради твоих прекрасных глаз, а чтобы доказать, что ты не на что не годишься. Это ловушка.

– Знаю.

– Она не любит тебя.

– Почему?

– Она вообще не любит женщин. Они для нее прежде всего соперницы. Ты красивая и молодая, а она старая и уродливая.

– Я в курсе. «Белоснежку» я читала. «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?»

– Я не шучу, Лукреция. Тенардье ищет предлог, чтобы вычеркнуть тебя из списка журналистов на сдельной оплате. Ты бросила ей вызов перед всей редакцией – и теперь рискуешь головой.

Лукреция задумывается. Она кажется все более обеспокоенной. Наливает себе второй стакан виски.

– И что ты посоветуешь, Флоран?

– Сама ты не справишься, тебе нужен помощник. Ты уже прошляпила отпечатки пальцев.

Черт подери, как я могла так опростоволоситься ?

– Не хочешь вести расследование вместе со мной?

– Нет. Ты же знаешь, я еле на ногах держусь. Алкоголь – прибежище журналистов, которые слишком много знают. Особенно журналистов «Современного обозревателе». Рано или поздно наступает момент, когда совесть уже не дает нам заснуть без алкоголя. Столько отвратительных вещей произошло в этой редакции у меня на глазах, при полном всеобщем равнодушии. Сколько раз глупость и ложь вылезали на обложку под видом «специального расследования»…

Флоран Пеллегрини хочет налить себе еще, но руки у него дрожат так сильно, что он не сразу справляется с этой задачей. Лукреция помогает ему.

– Только один человек может помочь тебе в таком расследовании. И ты сама знаешь кто.

Молодая журналистка и седой репортер смотрят друг на друга.

– Знаешь, Флоран, я сама сразу же подумала о нем.

– Не сомневаюсь. На самом деле ты мечтаешь провести с ним еще одно расследование и нарочно ввязалась в это дело потому, что оно может его заинтересовать. Так?

Лукреция предпочитает не отвечать. Пеллегрини берет ее за руку и подмигивает.

– Отправляйся к нему в башню. Я уверен, он согласится.

17

Альпинист поднимается на вершину крутой горы, но вдруг он срывается и падает. Веревки лопаются одна за другой, но ему удается ухватиться за край скалы, и он повисает над пропастью.

Он кричит:

– На помощь! На помощь! Кто-нибудь! Помогите!

Появляется Бог и говорит:

– Я здесь. Отпусти руку, Я тебя поймаю. Доверься Мне, Я тебя спасу.

– На помощь! Есть тут кто-нибудь еще?

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

18

– Нет!

Входная дверь слегка приоткрывается. И резко захлопывается, как только хозяин видит Лукрецию.

Я и забыла, как он любезен.

Она выжидает некоторое время, потом, используя отмычку, открывает замок и проникает в странное жилище. Она выходит к маленькому острову, окруженному водой, на который ведет небольшой мостик.

Исидор одет в пеструю гавайскую рубашку и желтые шорты с фиолетовыми полосками, на носу у него темные очки, на ногах – шлепанцы.

Он сидит за столом, его пальцы летают над клавиатурой. Он ведет себя так, словно не замечает присутствия Лукреции. Не давая себя смутить, она рассказывает ему о плане расследования и предлагает работать вместе.

– Я, кажется, уже сказал вам: нет.

– Но мне нужна твоя помощь…

– Об этом и речи быть не может. Исключено.

– Но…

– Мне очень жаль, но я не буду помогать вам в расследовании. Я научный журналист в отставке. Я завязал со всем этим и хочу, чтобы меня оставили в покое.

Лукреция удивляется, что он опять обращается к ней на «вы». Вероятно, это для того, чтобы она поняла: за время, прошедшее со дня их последней встречи, она стала для него чужим человеком.

Она вздыхает, оглядывает убежище журналиста-отшельника, когда-то лучшего в своей профессии. Это старая водонапорная башня посреди пустыря в Порт-де-Пантэн, на окраине Парижа. Исидор превратил ее в свое жилище. Войти сюда можно по центральной лестнице, ведущей к двухметровому островку с белым песочком и двумя пальмами посередине. Остров находится посреди бассейна, диаметр которого пятьдесят метров, а глубина – десять.

Мост из дерева и лиан соединяет остров с «материком», где стоит кое-какая мебель, придающая помещению относительно жилой вид. Кровать с балдахином заменяет спальню, стол, уставленный компьютерами, – кабинет, чуть дальше плита символизирует кухню, раковина – ванную комнату, а широкий диван с низеньким столиком и плоским телевизором – гостиную.

Бирюзовая вода цистерны с плеском бьется в бортики. Сквозь прозрачную крышу всегда видны солнце, луна или звезды. Остров, затерявшийся в просторах Индийского океана. В самом центре цивилизации.

– Почему ты не хочешь… вы не хотите мне помочь?

– Я не любил Дария. И рад, что он умер.

– Вы не любили Дария? Не любили Циклопа? Но он же самый популярный француз! Все любили Дария.

– Я – не все. Если большинство ошибается, это еще не значит, что они правы.

Опять эта фраза …

– Дарий никогда не казался мне смешным. Его юмор был тяжелым и вульгарным. Он презирал женщин, иностранцев, стариков. Он все высмеивал и никого не уважал.

– Но это же и есть задача юмора?

– Тогда я спрашиваю: «Зачем нужен такой юмор?» Я решительно не одобряю людей, которые считают, что обязаны испытывать спазмы в диафрагме при виде бедолаги, поскользнувшегося на банановой кожуре.

– Но…

– Не настаивайте. Я считаю, что издеваться над невезучими, слабыми или отличающимися от нас людьми – занятие, недостойное мыслящего человека. Юмористы предлагают смеяться над рогоносцами, пьяницами, калеками, толстяками, коротышками, блондинками, бельгийцами, женщинами, священниками и так далее. А я лично считаю, что коллективное высвобождение дискриминационных позывов просто непристойно. Вот почему смерть Дария Возняка – радостное событие для умных людей, обладающих хорошим вкусом.

– Но…

– Более того, он даже не сам сочинял скетчи. Он воровал их у других или просто присваивал безымянные шутки. И никто не видел в этом ничего предосудительного.

Лукреция встряхивает волосами.

– Но я вам рассказала о начале своего расследования…

– И что? Орудие убийства – синяя шкатулка с буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать»? Засвеченная фотобумага? Видеозапись с грустным клоуном? Вы называете это «началом расследования»? Вы шутите, мадемуазель Немрод?

Он бесит меня. Как он бесит меня.

Лукреция молча смотрит на него. Бывший лучший журналист Франции сильно похудел со времени их последнего свидания. Но его толстые щеки, пухлые губы, круглые, изящно очерченные уши, плешь и слишком тонкий (для роста под два метра) голос по-прежнему придают ему сходство с большим ребенком.

– Я не могу больше с вами разговаривать. У меня встреча с друзьями.

С друзьями? Я думала, что у него нет друзей.

Исидор снимает полосатые шорты и рубашку с красно-зелеными цветами, меняет темные очки на очки для плавания, завязывает потуже поясок на плавках. Он подходит к краю бассейна и мастерски, без малейшего всплеска, ныряет.

Из воды, словно приветствуя его, немедленно выпрыгивают два дельфина.

А вода-то не пресная, а морская!

Лукреция уже имела возможность восхититься дельфинами, когда впервые попала в это странное жилище.

Как красиво.

Как удивительно.

Как необычно.

Как жаль, что он не рад мне.

Исидор плавает. Лукреция садится и терпеливо ждет. Неожиданно она испускает вопль:

– Осторожно! Там…

Она указывает на стремительно приближающийся треугольный плавник. Исидор выныривает, отплевываясь.

– Осторожно! Акула! – кричит Лукреция.

Плавник рассекает поверхность бассейна и приближается к погруженному в воду человеку, который сохраняет абсолютное спокойствие. В тот момент, когда ужасные челюсти должны были лязгнуть, Исидор протягивает руку и гладит бок огромной рыбы.

– А… вы про Джорджа? Я нашел его, когда он бился в сетях у побережья Кубы.

Исидор подплывает к Лукреции и кладет локти на бортик бассейна.

– Джордж попался рыбакам, которые собирались отрезать ему плавник. Из акульих плавников готовят суп, якобы обладающий возбуждающими свойствами. А затем выбросили бы еще живую рыбу обратно в море, чтобы она, опустившись на дно, медленно издохла в страшных мучениях. Но разве кого-то волнуют страдания акулы, отдавшей жизнь ради эрекции китайцев? Мой приятель-гринписовец догнал кубинское судно и спас рыбу. Но несчастную акулу уже ранили гарпуном, ее нужно было вылечить. А главное, успокоить.

Что он несет? Успокоить акулу?

— Я назвал его Джорджем, не мог же он оставаться без имени. Джордж очень боялся людей, он думал, что все мы очень опасны. Он стал… Как это называется?.. Человекофобом.

Ну, тогда я – акулофоб.

— Кроме того, Джордж – немного параноик. Полная опасностей жизнь в океане не для него.

Да он просто спятил.

— Я предложил взять его к себе. Сначала я боялся, что ему будет трудно привыкнуть, но все сложилось как нельзя лучше, и он отлично ладит с моими дельфинами – Джоном, Ринго и Полом. Джордж – белая акула, которую ошибочно называют «пожирательницей людей». Это существа с очень богатым прошлым, они жили еще во времена динозавров. Эволюция никак не повлияла на их физиологию, поскольку этот вид и так уже обладал всем необходимым. Можно сказать, что они идеальны. Фильм Спилберга «Челюсти» сильно и незаслуженно подорвал их имидж, и теперь я пытаюсь их реабилитировать. Для начала тут, у себя в бассейне.

Исидор долго плавает. Он пытается ухватить акулу за плавник и покататься на ней, но рыба застенчиво ускользает от него. Он догоняет ее безупречным кролем. Акула прячется на дно бассейна, он ныряет, играет с ней, но, ничего не добившись, поднимается на поверхность.

– Я его знаю. Джордж боится. Его беспокоит ваше присутствие, мадемуазель Немрод. Он уверен, что я не желаю ему зла, а вот насчет вас у него есть сомнения. И он отказывается общаться со мной, пока я вас не выгоню. Мостик у вас за спиной. Вы ведь найдете дорогу сами?

Не дожидаясь ответа, Исидор ныряет и плывет к своему другу. Лукреция стоит и смотрит, как он двигается под водой. Исидор высовывает голову из воды и снимает очки.

– Вы еще здесь? Мне кажется, я дал вам понять, что вы можете уйти. Спасибо. До свиданья, мадемуазель Немрод.

Тон стал еще суше.

Лукреция мысленно пытается отыскать ключ, чтобы открыть эту дверь.

– Исидор, мне кажется, вы всегда любили игру и азарт. Предлагаю сыграть в «три камешка». Поставим на кон ваше участие в расследовании.

Он удивленно спрашивает:

– Вы, что же, и правила помните?

– Конечно. Нет ничего проще. Мы берем по три камешка или спички. Каждый зажимает в кулаке одну, две или три спички, а может быть, и ни одной, потом мы вытягиваем руки и по очереди говорим, сколько у нас спичек.

Дельфин выпрыгивает из воды, но Лукреция не отвлекается и продолжает:

– То есть это будет цифра от нуля до шести. Тот, кто ответил правильно, откладывает в сторону одну спичку. Играем дальше, и первый, кто трижды выиграет и избавится от всех спичек, становится победителем.

Исидор колеблется, потом вылезает из бассейна, вытирается и обматывает полотенце вокруг талии. Он пристально смотрит в глаза Лукреции, похожие на два сияющих нефрита.

– Почему бы и нет, в конце-то концов? Я согласен разыграть мое участие в вашем расследовании. Но если вы проиграете, я запрещаю вам беспокоить меня.

Они берут по три спички, прячут их за спиной и выбрасывают вперед сжатые кулаки.

– Прошу, мадемуазель Немрод. Начинайте.

– Я думаю, что у нас… м-м… всего четыре спички.

– Три, – отвечает Исидор.

Они раскрывают ладони. Две спички у Лукреции, одна – у Исидора. Исидор аккуратно кладет перед собой одну спичку. Игра возобновляется. Теперь выигрышная цифра – от нуля до пяти. Поскольку Исидор выиграл, он начинает.

– Пять.

– Четыре, – отвечает Лукреция.

Они раскрывают ладони. Пять. Исидор откладывает в сторону еще одну спичку. Начинается третий тур.

– Ноль, – говорит он.

– Один, – говорит она.

Они раскрывают ладони. Ни одной спички. Лукреция озадаченно смотрит на пустые ладони.

– Вы выиграли три раза подряд, а я ни разу. Как вам это удается?

– Я понял, что в последней партии вы поставите минимум, потому что перед этим поставили максимум. Элементарно.

– Это в последней, а до того?

– Вы боялись проиграть – и стали предсказуемой.

Он меня бесит. Он меня бесит. Он меня бесит.

Он наливает себе коктейль из овощных соков и украшает стакан маленьким бумажным зонтиком.

– Прощайте, Лукреция.

Она молча стоит перед мостиком.

– Вы нужны мне, Исидор…

– Лукреция, я не ваш папочка. И вам никто не нужен.

Она подходит к нему, достает из кармана лакированную синюю шкатулку и подносит к его лицу.

– Дайте хотя бы совет, в каком направлении начать расследование. Пожалуйста.

Он размышляет, рассматривая шкатулку, буквы «B.Q.T.» и надпись «Не читать!».

– М-м… во-первых, надпись. Это знаменитый принцип американского психотерапевта Милтона Эриксона – «воздействие от противного». Эриксон основал свое учение на случае, который произошел с ним в детстве. Его отец, фермер, пытался загнать корову в хлев и тянул ее за веревку. Но животное не желало подчиняться. Маленький Эриксон, которому было тогда девять лет, начал смеяться над отцом. Тот сказал: «Давай попробуй сам, раз ты такой умный». И мальчик решил не тащить корову за веревку вперед, а потянуть ее за хвост назад. Животное, сопротивляясь, рванулось в обратном направлении и оказалось в хлеву.

– Какая связь между Эриксоном и Циклопом?

– Тот, кто оставил эти слова на коробке, хотел, чтобы Дарий обязательно прочел записку, которую тот при других обстоятельствах, возможно, и не стал бы читать. Если бы на коробке написали «Прочтите обязательно», он мог бы заподозрить что-нибудь неладное.

– Черт подери, Исидор! Перестаньте демонстрировать свою образованность и помогите мне!

Он улыбается, медлит, потом небрежно бросает:

– Ну что ж, на основании той скудной информации, которую вы сообщили, могу сделать вывод, что история этой странной смерти началась задолго до рождения людей, сыгравших в ней главную роль.

– Что это значит? Хватит говорить загадками!

Исидор выдерживает паузу и отвечает:

– Я считаю, что самый главный вопрос, который вы должны себе задать, чтобы успешно завершить расследование, – это «Почему люди начали смеяться?».

19

321 255 лет до нашей эры

Восточная Африка, место, где позднее будет Кения

Два племени гоминидов издалека заметили друг друга. Обычно небольшие стада кочующих людей избегали встреч. Но на этот раз, быть может из-за хорошей погоды, они решили вступить в борьбу и попытаться завладеть самками соседей.

Они сошлись в жестокой схватке, каждый старался бить как можно сильнее и быстрее, используя палки и обточенные камни, чтобы нанести максимальный ущерб противнику.

Во время сражения два вождя заметили друг друга и обменялись вызывающими взглядами. Вожак северного племени был коротышкой с большими ногами. Предводитель южной группы – широкоплечим великаном. С решительным видом они начали приближаться друг к другу.

Это привлекло всеобщее внимание. Толпа окружила вождей, чтобы наблюдать за их борьбой. А те, подбадриваемые криками соплеменников, окидывали друг друга грозными взглядами, рычали и гримасничали. Они пугали друг друга, топали ногами и выкатывали глаза. Все присутствующие чувствовали, что это великое противостояние решит судьбу одного из племен.

Наконец, вожак южного племени с хриплым воплем бросил в лицо сопернику горсть песка и, пока тот тер глаза, опрокинул его на землю. Затем южанин схватил большой камень и высоко его поднял, намереваясь расколоть голову врага, как орех.

Соплеменники за его спиной принялись дружно издавать звуки, означавшие: «Убей! Убей!» А противники начали кричать нечто вроде: «Вставай! Вставай!»

Вожак южного племени прицелился, чтобы с первого удара размозжить голову северянина. На секунду все замолкли. Сама природа, казалось, затаила дыхание.

И именно в этот миг прямо в глаза человеку, поднявшему высоко вверх камень, нагадил пролетавший над ним гриф.

От неожиданности внезапно ослепший южанин выронил камень, который упал ему на ногу. Он издал пронзительный визг, означавший: «Ой, как больно!», и принялся скакать на месте, держась обеими руками за ногу.

Для лежащего на земле человека события происходили, словно в замедленной съемке. У него в голове как будто что-то щелкнуло. Страх исчез. Появилось какое-то щекочущее тепло в горле. Оно поднялось ко рту, затем поползло вниз к животу. Диафрагму свело судорогой, и с губ сорвался звук, напоминающий икоту.

Все это длилось доли секунды, но, как только физиологический процесс начался, остановить его уже ничто не могло. Вожаком северян овладело нечто вроде шумного приступа отрыжки.

Он смеялся.

Вскоре, словно заразившись от предводителя, все остальные члены племени северян принялись икать, выражая облегчение и удивление при виде столь неожиданной развязки, свалившейся прямо с неба. Представители южан, поколебавшись, тоже поддались освободительным спазмам.

Такое случалось не в первый раз, но прежде смех был явлением индивидуальным или, максимум, внутрисемейным. А сейчас несколько десятков человек хором, одновременно, хохотали над одним и тем же событием.

Вожак южан, вытерев с лица помет грифа, собрался завершить то, что собирался сделать, но, увидев развеселившихся соплеменников, понял, что так поступать не следует. Он выбросил камень, и, следуя всеобщему примеру, тоже принялся смеяться. Убийство? Об этом никто уже и не думал.

В общем настроении что-то изменилось. До такой степени, что бывшие соперники решили объединиться в одно племя.

История о грифе, нагадившем с неба в судьбоносный момент, передавалась из поколения в поколение. Ее дополняли, иллюстрировали мимикой, жестами, обогащали деталями. И каждый раз слушатели смеялись так, словно видели эту удивительную сцену наяву.

Так родилась первая шутка, так люди впервые открыли способность вместе смеяться над одним и тем же событием.

Гораздо позже историки установили, что именно в ту эпоху человечество перешло на новую ступень развития.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

20

Вороны дерутся над трупом маленькой мышки, чьи внутренности еще дымятся.

Лукреция возвращается на кладбище Монмартра и, пройдя мимо надгробия певицы Далиды, находит могилу Дария.

«Лучше бы тут лежали вы».

Он мог бы еще поставить тут зеркало вместо своей фотографии.

«Посмотрите-ка на себя: придет и ваш черед отправиться на съедение червям». Я уверена, ему бы это понравилось.

Она задумчиво стоит перед могилой комика.

Дарий, я продолжу расследование.

Я найду твоего убийцу.

Что посоветовал мне Исидор? Отправиться к началу времен. Найти самую древнюю шутку. Узнать, что впервые рассмешило наших предков.

Новый порыв ветра яростно треплет кроны деревьев.

Не знаю, зачем мне эта информация, и даже не представляю, где ее искать. Разве есть свидетельские показания? Кто это видел? Кто слышал? Кто мог об этом рассказать? Никто. Естественно, никто.

Тучи мчатся по небу, словно спешат открыть ей какой-то секрет.

А что впервые рассмешило меня саму?

Лукреция вспоминает раннее детство.

Свое рождение.

На кладбище.

Уже смешно.

Она достает пачку сигарет, но ветер задувает пламя зажигалки. Она прячет крохотный огонек в ладонях. Наконец ей удается закурить, и она глубоко затягивается, прикрыв глаза.

Родители оставили ее в корзине на чьей-то могиле. Могильщики нашли ее и отнесли в больницу.

Начать там, где все заканчивается, – разве не отличная шутка судьбы?

Затем ее отправили в приют для юных католичек «Нотр-Дам-де-ля-Совгард».

Навязывание религиозной морали вызвало у нее и ее однокашниц то самое «противодействие» Эриксона, о котором упоминал Исидор. Им говорили: «Никакого секса», «Никаких наслаждений», «Никаких радостей». И чем настойчивей их толкали к фальшивой добродетели, тем сильнее девочки стремились к греху.

Сама окружающая обстановка наводила на мысли о пороке. Приют для девочек «Нотр-Дам-де-ля-Совгард» казался Лукреции очень похожим на замок Синей Бороды: каменные стены, запах плесени, сырые подвалы, скрипучие дубовые двери и узкие темные коридоры.

В пятнадцать лет под предлогом медицинского осмотра (ей поставили диагноз «замедленное развитие») ее ощупал мужчина, пришедший в детский дом «с инспекцией». Это был родной брат матери настоятельницы, священник, руководивший католическим приютом для мальчиков. Позже Лукреция узнала, что он оставил сан и стал президентом межрегиональных конкурсов красоты.

Нашел себе занятие по вкусу.

После этого «инцидента» она почувствовала глубокое отвращение, во-первых, к мужчинам и, во-вторых, к собственному телу. В сознании подростка одно было неразрывно связано с другим. Мужчины жаждали ее тела и стремились воспользоваться им.

Поскольку она не любила мужчин, ее, естественно, заинтересовали женщины.

Поскольку она не любила свое тело, у нее, естественно, образовалась склонность к мазохизму.

Через год у нее появилась удивительная любовница. Мари-Анж Жиакометти. Высокая тонкая брюнетка с темными волосами до пояса и пьянящим ароматом кожи. На ее лице всегда сияла широкая улыбка, смеялась она громко и искренне.

Как только Лукреция увидела эту девушку, она потеряла голову от любви.

Интересное выражение «потерять голову от любви». Почему не «найти»? Наверное, потому, что любовь ведет к безумию, к потерям. Сильная любовь – это любовь, в которой теряешь себя.

Образ бывшей любовницы все отчетливей встает перед мысленным взором Лукреции. Мари-Анж смеялась и шутила надо всем и никогда не унывала. Мари-Анж с глазами, черными, как два колодца… Мари-Анж с незабываемым ароматом кожи…

После печального эпизода с братом настоятельницы Лукреция начала истязать себя. Тело стало причиной ее страданий, его следовало наказать. Она втыкала себе в кожу булавки и резала себя ножом, чтобы почувствовать боль, которую могла контролировать.

Однажды Мари-Анж увидела, как Лукреция прокалывает себе кожу иглой циркуля. Она нежно сказала ей: «Я могу помочь тебе», отвела Лукрецию в комнату, закрыла дверь на ключ и раздела ее. Связала и стала ласкать, лизать, целовать, а под конец до крови укусила в шею.

Лукреция почувствовала, что становится другой, и это ей понравилось.

Две девушки начали часто уединяться. Чем больше Лукреция отдавалась во власть порочных игр Мари-Анж, тем больше доверяла ей. И себе. Она больше не истязала себя. Она сделала себе пирсинг: на языке и соске. У нее появилось наконец чувство, что она сама решает, страдать ей или нет. Она выбрала себе палача, выбрала пытки, и никто, кроме ее любовницы, отныне не смел причинять ей боль.

Постепенно Лукреция становилась сильнее, и физически, и духовно. Она начала делать успехи в учебе. Приступы депрессии и тревоги исчезли. Она похудела и увлеклась спортом. Она захотела сделать свое тело мускулистым, рельефным, совершенным.

Готовым служить, играть, страдать.

У них появился ритуал: Мари-Анж запирала дверь, зажигала свечи, включала музыку, чтобы заглушить стоны. Обычно это была «Лакримоза» из «Реквиема» Моцарта.

Вслед за укусами появились плетка и хлыст. Постепенно игры усложнялись, и каждый раз, переходя на новый уровень, Лукреция испытывала некую гордость. Ей казалось, что она вступила в борьбу с драконом и, несмотря на раны, вышла из схватки победительницей: она преодолела страх, доверилась палачу, нарушила законы морали и бросила вызов всем, кто мог бы ее увидеть.

Наконец кто-то полюбил ее тело. Она знала, что, несмотря на роль жертвы, на самом деле доминировала в их паре она, определяя и силу агрессии Мари-Анж, и глубину их страсти. Афоризм «Покорись, чтобы покорить» выражал всю суть их отношений.

А потом случилось*это* .

Вторая шутка судьбы.

Небо темнеет, вдалеке поблескивают молнии. Грохочет гром, но дождя еще нет.

Лукреция глубоко вдыхает теплый воздух, затем медленно выдыхает. И опускает ресницы.

Суббота, десять часов вечера.

Как обычно, они встретились в комнате Мари-Анж. И как обычно, разделись.

На этот раз любовница привязала ее к кровати. Она лежала на спине, совершенно голая, с повязкой на глазах и кляпом во рту.

Ласки, поцелуи, укусы, удары плеткой.

Лукреция испытывала запретное наслаждение каждым нервом, каждым сантиметром тела. Кляп и «Лакримоза» Моцарта заглушали ее стоны.

И вдруг поцелуи прекратились.

Лукреция ждала, с тревогой и нетерпением. Она ощутила странный свежий ветерок, пробежавший по ее животу. Она подумала, что Мари-Анж забыла запереть дверь.

Но тут же услышала шорохи, скрип.

И свистящее «Тихо!».

Когда Мари-Анж неожиданно сдернула повязку с ее глаз, она все поняла.

Вокруг нее, с фотоаппаратами и мобильными телефонами, стояли шестьдесят девочек, то есть все, кто жил на их этаже.

В тот момент, когда Лукреция осознала, в каком чудовищно унизительном положении она оказалась, Мари-Анж произнесла ужасающие слова:

– С первым апреля!

И нарисовала фломастером между грудей Лукреции рыбку. Ей казалось, что смех Мари-Анж – самое страшное, что она когда-либо слышала.

Любовь всей ее жизни не только предала ее, она еще и выставила ее на посмешище ради первоапрельской шутки.

Проклятое первое апреля.

Затем Мари-Анж передала фломастер тем, кто тоже хотел нарисовать первоапрельскую рыбку на теле жертвы. Целый косяк рыбок украсил тело Лукреции.

И они смеялись, смеялись хорошей шутке.

Проклятое первое апреля.

Когда девочки ушли, Мари-Анж развязала Лукрецию и погладила по голове.

– Ты ведь поняла, что это просто шутка?

Лукреция молча одевалась. Мари-Анж добавила:

– Хорошо, что ты нормально к этому отнеслась. Я боялась, что ты обидишься, ведь многие люди лишены чувства юмора. Главное в шутке – сюрприз. С первым апреля тебя, Лукреция.

Она ласково ущипнула подругу за щеку и поцеловала в нос.

В небе вспыхивает целый сноп молний.

В памяти Лукреции запечатлелась каждая секунда того незабываемого первоапрельского вечера.

Глотая слезы, она вернулась к себе. Взяв банные принадлежности, отправилась в душ. Там она до крови терла кожу махровой мочалкой, чтобы уничтожить проклятых рыбок, покрывавших ее грудь, живот, руки и ноги. Но чернила не смылись полностью.

Лукреции пришлось смириться и предоставить остальную работу времени. Лишь спустя недели ее тело вновь стало чистым.

Завернувшись в маленькое полотенце, с горящей кожей и истерзанной душой, Лукреция пришла в свою комнату, бросилась на кровать и позволила горю излиться потоком обильных слез, которые она больше не пыталась сдерживать.

Она включила маленький радиоприемник, стоявший у изголовья, чтобы никто не услышал ее рыданий. Сквозь треск послышался голос, на который она сначала не обратила никакого внимания. Она, не отрываясь, смотрела на свою белую, как у всех рыжеволосых людей, кожу, на которой резко выделялись воспаленные участки с нарисованными рыбками. И Лукреция решилась.

Она достала бритву и поднесла к запястью, на котором тоже была рыбка. В голове эхом повторялись слова: «С первым апреля!». «Это просто шутка». Она прекрасно помнит холодное прикосновение лезвия. Уже появилась первая капля крови.

– Подожди, не делай этого!

Лукреция вздрогнула и застыла.

–Не делай этого , – повторил голос. *–Это бессмысленно. Здесь рыбы нет.*

Эскимос переходит на другое место. Снова сверлит лед и закидывает в воду леску с крючком и наживкой. Он ждет, усевшись перед лункой, но голос раздается снова:

– Здесь рыбы тоже нет.

Эскимос оглядывается. Он никак не может понять, кто с ним разговаривает. Потом он опять переходит на новое место и опять сверлит лунку. Закидывает леску и ждет. И тут снова раздается голос, на этот раз очень сердитый:

– Сколько тебе повторять, здесь рыбы нет!

Эскимос встает, грозит небу кулаком и кричит:

– Кто это? Бог?

Голос отвечает:

– Нет, это директор катка.

Из приемника раздался хохот.

Лукреция поневоле усмехнулась сквозь слезы. Веселый живительный ручеек растопил ее душу, скованную льдом решимости совершить самоубийство.

Трудно одновременно смеяться и лишать себя жизни. Ее мышцы расслабились, рука сама отложила бритву и прибавила звук. Лукреция улеглась на кровать, свернувшись калачиком. Она вся оказалась во власти голоса, лившегося из приемника. С каждой новой улыбкой он дарил ей и новое мгновение жизни. Слезы высохли, и она заснула. У нее появился друг, пусть она и знала его лишь по голосу. Друг, с которым судьба свела ее в нужное время в нужном месте и который произнес слова, сохранившие ей жизнь.

Этим человеком, которого послало само Провидение, был Дарий Возняк, лежащий сейчас под мраморной плитой. Он тогда еще не был так знаменит и только начинал путь к вершинам славы.

Не знакомый с Лукрецией, ни о чем не подозревающий комик заставил ее смеяться и спас от смерти.

В последующие годы она все время стремилась узнать о нем больше. При каждой возможности ходила на его выступления. Видя его на сцене, дыша с ним одним воздухом,

купаясь в волнах смеха, который он вызывал у зала, она испытывала то же, ни с чем не сравнимое чувство легкости и блаженства, некогда остановившее ее во время попытки перерезать вены. Оставаясь чужим человеком, Дарий стал для нее источником силы, членом семьи, которую одинокая Лукреция сама себе придумала.

– Я в долгу перед тобой, Дарий, – шепчет она могильному камню и снова видит надпись: «Лучше бы тут лежали вы».

– Лучше бы тут лежала я.

Лукреция покидает кладбище.

Проклятые первоапрельские рыбки.

Она идет по Монмартру, поднимается по улице Сен-Венсан, которую любит за сохранившееся тут тихое сельское очарование давно ушедших времен. Ставни кирпичных домов стучат под порывами влажного ветра. У подножия собора Сакре-Кёр она усаживается на ступени длинной каменной лестницы и смотрит на расстилающуюся перед ней панораму столицы. Город предстает перед ней в дымном сиянии, мерцает белыми и красными огоньками фар.

Мгновенная вспышка в небе, далекий гром, и вдруг самая темная из туч начинает изливаться дождем. Люди вокруг – в основном это туристы – разбегаются в поисках убежища.

Лукреция, дрожа, втягивает голову в плечи, с трудом прикуривает и закрывает глаза. Темнеет. Промокшая, дрожащая, едва освещенная мягким светом фонаря, она остается на ступеньках Сакре-Кёр в одиночестве.

21

Жильбер приходит в больницу навестить соседа-японца, попавшего в ужасную автокатастрофу. Сосед лежит в палате, весь опутанный резиновыми трубками, закованный в гипс, и напоминает мумию. Он не может двигаться, из-под бинтов видны только его закрытые глаза. Жильбер молча стоит у постели и смотрит на соседа. Неожиданно тот широко открывает глаза, кричит: «Сакаро аота наками аниоба!» – и умирает.

В день похорон Жильбер подходит к вдове и матери покойного.

– Мои соболезнования…

Он обнимает обеих и говорит:

– За несколько мгновений до смерти он произнес: «Сакаро аота наками аниоба!» Что означают эти слова?

Мать падает в обморок, а вдова в ярости смотрит на Жильбера.

Жильбер настаивает:

– Так что же он сказал?

Вдова переводит:

– Ты стоишь на кислородной трубке, идиот!

Отрывок из скетча Дария Возняка «И последние станут первыми»

22

Появляется оранжевый краешек солнца. Оно поднимается над горизонтом и превращается в безупречный круг желтого цвета. Лукреция не спала всю ночь, сидела на улице под дождем, размышляла и курила до тех пор, пока не задремала.

Она кашляет.

Пора бросать курить, а то стану похожей на Тенардье или пожарного из «Олимпии». На стариков с морщинистой кожей и почерневшим сердцем.

Она давит каблуком окурок.

Уже девять утра, и она отправляется в городской морг. Там пахнет формалином и разлагающимся жиром.

Лукреция устремляется в лабиринт коридоров.

Сюда привозят как никому не известные, так и самые знаменитые трупы.

Ее принимает судмедэксперт, красивый, стройный, улыбающийся мужчина в белом халате. На кармане вышито его имя: доктор П. Бовен.

– Увы, мадемуазель. Если вы не родственница покойного, я не могу сообщить вам никакой информации.

Почему люди всегда мешают тем, кто хочет идти вперед?

Она перебирает варианты отмычек – и протягивает доктору пятьдесят евро.

– Подкуп должностного лица? Это уголовное преступление!

Лукреция раздумывает, стоит ли доставать еще деньги. Она вспоминает перечень побудительных стимулов, составленный ею во время последнего расследования.

Первое: боль. Второе: страх. Третье: материальная заинтересованность. Четвертое: половое влечение.

Она приходит к выводу, что четвертый пункт может стать хорошей мотивировкой для особи мужского пола.

Небрежно, делая вид, что ей жарко, она расстегивает две пуговицы на черной шелковой китайской блузе с вышитым красным драконом, пронзенным мечом. И открывает ложбинку груди, не стесненной бюстгальтером.

– Буквально пара вопросов.

Судмедэксперт смотрит на ее грудь. Колеблется. Пожимает плечами и открывает набитый папками шкаф.

– Что именно вы хотите узнать о Дарии Возняке?

– От чего он умер?

– От остановки сердца.

Лукреция включает диктофон, но на всякий случай достает еще и блокнот и начинает записывать.

– Любая смерть происходит в результате остановки сердца. Даже смерть от укуса змеи или повешения. Я сформулирую вопрос иначе: что вызвало остановку сердца?

– Думаю, переутомление. После выступления он был совершенно обессилен. Никто не отдает себе отчет в том, что артист, который два часа подряд смешит публику, тратит чрезвычайно много энергии. Это огромное нервное напряжение.

– Что означают буквы «B.Q.T.»?

– Вот это.

Судмедэксперт показывает инструменты из нержавеющей стали.

– Basic Quality Tools. Хирургические ножи, которые я покупаю по десять штук со скидкой. По-английски надо произносить БиКуТи. Как бигуди.

Ложный след. Надо держать его в напряжении, иначе он ускользнет при первой же возможности. Томный взгляд номер двадцать четыре бис, едва заметная улыбка номер восемнадцать, и вот ты уже спекся.

— А возможно ли, что Дарий умер… от смеха? – спрашивает Лукреция.

Врач смотрит на нее с удивлением.

– Нет, от смеха умереть нельзя. Смех лечит. Смех приносит только пользу. Существует даже смехотерапия: люди специально смеются, чтобы укрепить иммунную систему и лучше спать.

– От чего же мог умереть Дарий в запертой комнате, учитывая, что перед самой кончиной он расхохотался?

Доктор Бовен аккуратно закрывает папку и ставит на место.

– У него, видимо, были проблемы со здоровьем. То, что он рассмеялся перед смертью, не более чем совпадение. С тем же успехом он мог играть на пианино или кататься на велосипеде. И это не означало бы, что его убило пианино или велосипед. Должен же был он чем-то заниматься в тот момент, когда ему отказало сердце. Вот и все.

Врач берет емкость с формалином, в котором плавает человеческое сердце.

– Спросите его родных, они подтвердят, что у него и раньше случались сердечные припадки. Я в этом уверен.

23

45 000 лет до нашей эры

Восточная Африка, место, где теперь находится Эфиопия

Шел проливной дождь.

Племя людей, которых впоследствии назовут кроманьонцами, нашло пещеру и решило в ней поселиться. Но тех, кто вошел в пещеру первыми, сожрали обитавшие там свирепые львы. Остальные заколебались.

Небо пришло им на помощь, ударив молнией в ближайшее дерево. Один из кроманьонцев тут же вооружился пылающей веткой. Благодаря огню, им удалось, потеряв всего лишь двоих соплеменников, прогнать семью львов, оказавших упорное сопротивление.

Заняв пещеру, люди немедленно притащили кучу сухих листьев и сучьев, чтобы поддерживать спасительное пламя. Все уселись вокруг костра, радуясь его теплу и свету. В этот момент у входа в пещеру появилась еще одна группа гуманоидов. Вновь прибывшие очень напоминали кроманьонцев, хотя некоторые различия у представителей двух племен все же имелись.

Гости, по сравнению с хозяевами пещеры, казались невысокими и коренастыми, их низкие и узкие лбы отличались очень выпуклыми надбровными дугами. От холода их

защищала более тщательно сшитая одежда из звериных шкур. Кроманьонцы не знали, что позднее непрошеных визитеров окрестят неандертальцами.

Дождь усиливался, кроманьонцы и неандертальцы молча разглядывали друг друга. И те, и другие слишком устали, чтобы затевать драку. «Природа-мать и так жестока к нам, не стоит осложнять ситуацию проявлениями агрессии среди собратьев», – думало большинство из них. И вновь прибывшим разрешили занять место у огня.

Они сбились в группы по семьям. Чтобы создать домашнюю атмосферу, они чесались и искали друг у друга блох. Когда молнии освещали пещеру изнутри, матери прижимали к себе малышей, чтобы успокоить их.

Более любопытный, чем остальные, кроманьонец приблизился к чужому племени и прорычал нечто, означавшее:

– Погодка сегодня не очень, не правда ли?

На что один из неандертальцев ответил рычанием, которое можно перевести так:

– Что вы говорите?

Начался диалог.

– Не могли бы вы повторить? Я вас не понимаю!

Кроманьонец начал строить гримасы и качать головой.

– Я по-прежнему не понимаю, что вы говорите, и считаю, что нам будет трудно понять друг друга, поскольку наши языки не похожи друг на друга.

К беседующим подошел второй кроманьонец и спросил:

– О чем это он толкует?

– Не знаю, я пытаюсь ему объяснить, что наше общение может быть затруднено. Мы явно изъясняемся на разных наречиях.

В конце концов раздраженный неандерталец встал, взял обугленный кусок дерева и начал рисовать на стене пещеры молнию в виде символического зигзага.

На что кроманьонец, рассмотрев изображение, тоже схватил уголек и нарисовал рядом с зигзагом фигурку человека с открытым в знак удивления ртом.

Он хотел сказать: «Ничего не понимаю».

Довольный, поскольку обмен картинками показался ему более плодотворным, чем рычание, неандерталец изобразил над зигзагом круг. Большую круглую тучу, из которой исходит молния.

«Уж не имеет ли он в виду фрукт с черенком?» – подумал кроманьонец. Он показал на свой рот, желая сказать: «Вы нарисовали еду, вы голодны, не так ли?»

Поскольку его собеседник пребывал в недоумении, кроманьонец начертил большую фигурку человека, открывшего рот в намерении съесть плод.

Появление каждого нового изображения вызывало комментарии и восхищение соплеменников.

Взбешенный отсутствием понимания, неандерталец вышел из пещеры и вытянутым вверх пальцем показал на темную тучу.

В эту минуту на небе зигзагом сверкнула молния и ударила в мокрый, превратившийся в громоотвод палец. Бездыханный неандерталец рухнул на землю.

Это было так неожиданно, что племя неандертальцев застыло от удивления.

А кроманьонец подумал: «Так он говорил не о фруктах, а о молнии!..»

Осознание ошибки произвело на него странный эффект. Он почувствовал щекотку где-то в животе и расхохотался.

Его поведение оказалось заразительным.

Кроманьонцы начали смеяться, а неандертальцы, потрясенные потерей самого общительного соплеменника, решили не есть его и даже не оставлять валяться на земле, а зарыть в глубине пещеры.

Так, благодаря юмору, человечество сделало очень важный шаг в развитии. Отныне неандертальцы стали хоронить умерших, а кроманьонцы начали рисовать на стенах пещер. Рисунки часто изображали круг с выходящим из него зигзагом и находившегося под ним, а не рядом, человечка с открытым ртом.

И каждый раз, когда кроманьонец рисовал круглую тучу, молнию и фигурку с открытым ртом, все племя начинало смеяться. Кроманьонцы придумали графическую шутку. И облачко, которое потом появилось в комиксах.

Считается, что хомо сапиенс именно в то время преобразился в хомо сапиенс сапиенс, то есть в современного человека.

А неандертальцы, так и не открывшие в себе чувство юмора, вымерли.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

24

Кажется, что широкоплечий человек с покатым лбом и квадратным подбородком не способен издавать членораздельные звуки. Лишь розовый костюм говорит о том, что перед вами не горилла, а человек.

Лукреция показывает журналистское удостоверение, охранник в розовой униформе звонит начальнику, который звонит своему начальнику, и лишь тогда ей разрешают проникнуть в парк, находящийся в частном владении.

Чем дальше едет Лукреция на своем мотоцикле, тем больше восхищается роскошью поместья. Дарий Возняк возвел рядом с Версалем уменьшенную копию королевского дворца, посыпал аллеи гравием, разбил сады во французском стиле, установил фонтаны и статуи.

Посреди двора, заставленного дорогими машинами, возвышается статуя комика, приветствующего публику. На шестах колышутся розовые флаги с изображением глаза с сердечком внутри. Как только Лукреция останавливает мотоцикл, к ней с зонтиком подбегает лакей в ливрее старинного покроя.

Мать Дария, Анна Магдалена Возняк, – несколько расплывшаяся дама семидесяти восьми лет, в черном платье с декольте и рукавами, обшитыми черным кружевом. Ее шею охватывает ожерелье из крупного жемчуга. Толстый слой косметики скрывает морщины. Седые волосы, выкрашенные в розовый цвет и уложенные в сложную прическу, придают ей несколько старомодный вид.

– Сердечные приступы у Дария? Ничего подобного, мадемуазель! Дарий славился железным здоровьем. Он занимался спортом, причем экстремальным. И это давалось ему

легко. У него было сильное, тренированное сердце, как и у всех в нашей семье, кстати. Один из моих родственников – чемпион по марафонскому бегу. А дедушка Дария по отцовской линии был олимпийским чемпионом по плаванию.

Ага, тут, по крайней мере, все ясно. Эта женщина скучает, она любит поговорить, особенно о сыне. Ключом станет умение слушать.

— Госпожа Возняк, пожалуйста, расскажите о его детстве.

Старая женщина устраивается в огромном кресле, обитом гобеленовой тканью, не прерывая рассказа, берет клубок шерсти и начинает довязывать то ли шарф для карлика, то ли носок для великана.

– Вы хотите услышать правду, моя милая? Правда заключается в том, что мы были очень бедны. Семья польских эмигрантов, приехавшая на север Франции, чтобы работать на шахте. Это было после Первой мировой войны, в тридцатые годы. Когда шахты закрыли, мои родители остались без работы. В семидесятые годы мы переехали в северные предместья Парижа. Там, на свадьбе двоюродного брата, я и познакомилась со своим будущим мужем. Он тоже был поляком. Работал механиком в гараже. И пил. Он погиб в автокатастрофе: его машина врезалась в платан. Для меня настали тяжелые времена: четверо детей и ни копейки денег.

– У Дария были братья и сестры?

– У меня родились три мальчика и девочка: Тадеуш, Леокадия, Дарий и младший Павел.

Лукреция записывает все в блокнот.

– Насколько Дарий – я звала его Дарио – вырос общительным, настолько Павел оказался замкнутым и робким. Леокадия отличалась очень решительным характером. Но самым жестким, наверное, стал Тадеуш, хотя он всегда восхищался средним братом. Между прочим, Павел и Дарий были очень похожи друг на друга.

Лукреция старается понравиться старой даме. Она думает о том, что вежливость и улыбка тоже могут служить орудием для добывания информации.

– А каким был Дарио в детстве?

– У него очень рано проявился талант юмориста. Знаете, мадемуазель, он побеждал несчастья смехом. После смерти отца он сочинил скетч «Платан, который не заметил папу». Он рассказывал эту трагическую историю от лица дерева. Она вызывала смешанные чувства… Но, честно говоря, это было очень смешно.

Погрузившись в воспоминания, Анна-Магдалена устремляет взгляд вверх. Она робко улыбается.

– Он смотрел на страшную, жестокую, ничем не прикрытую правду с другой точки зрения. Переворачивал ее, чтобы справиться с ней и перевести дыхание.

– Должна признать: требуется известное мужество, чтобы смеяться над смертью собственного отца.

Лукреция осматривает обстановку гостиной. Здесь чувствуется влияние находящегося по соседству дворца. Позолоченный, лепной потолок, тяжелая мебель, зеркала и античные статуи. Толстый ковер на полу со сложным цветочным рисунком. Одна современная деталь: на стенах в золоченых рамах висят портреты диктаторов, фотографии

атомных взрывов, катастроф и аварий. Все с одинаковой подписью: «Вам это кажется смешным?» – и автографом Дария.

Анна-Магдалена, жеманно отставив мизинец, разливает чай.

– Когда Леокадия умерла от рака поджелудочной железы, Дарий придумал скетч «Моя сестра торопилась».

– Как сложилась ваша жизнь после гибели мужа и дочери?

– Я оказалась в нищете, с тремя детьми на руках. Одна подруга, находившаяся в той же ситуации, предложила мне работу – официанткой в баре по вечерам. Сначала я отказалась. Потом согласилась. Спустя некоторое время подруга нашла более выгодное место. Она привела меня в бар, где надо было раздеваться. Сначала я отказалась. Потом согласилась. А затем она же пригласила меня в публичный дом.

– Вы отказались?

– Там я стала зарабатывать больше.

– Знаете, вы можете не рассказывать мне этого, если не хотите.

Старая дама поправляет свою облитую лаком прическу. Драгоценности позвякивают.

Она испытывает меня. Главное, не подавать виду. Сделать заинтересованное лицо.

— Вот что я вам скажу, мадемуазель. Я не боюсь своего прошлого. Я справилась с ним. И если вы хотите понять, кем был Дарий, вы должны понять, кем была я, его мать.

– Конечно. Простите меня, я вас слушаю.

– Я работала в борделе в северных предместьях Парижа. Вот и все.

Лукреция делает вид, что записывает.

– Это оказалось легче, чем я думала. Мужчины – те же дети. Клиенты в основном хотели поговорить, хотели, чтобы их выслушали. Они нуждались в общении с женщиной, которая их ни в чем не упрекает. В отличие от жены.

– Разумеется.

Господи, она собирается мне рассказывать о каждом посетителе, со всеми подробностями. Караул! Держаться. Улыбаться.

— Я наряжала их девочками, рыцарями, разбойниками, младенцами. Больше всего им нравилось, когда я пеленала их, посыпала тальком промежность, шлепала по попе. На самом деле мы – те же психоаналитики, только берем не так дорого. К тому же мы внимательней и не боимся дотронуться до клиента. А им так нужны прикосновения. Вот в чем трагедия современного общества: нехватка физического контакта. – С этими словами Анна-Магдалена хватает журналистку за руку и крепко ее сжимает.

– Разумеется.

– Ко мне приходил один юморист, на сцене его звали Момо. Длинный, худой, в парике, лицо, как лисья мордочка, но он умел меня рассмешить. Однажды я ему сказала: «Каждый раз, когда тебе удастся меня рассмешить, мы будем заниматься любовью бесплатно». Я хотела, чтобы он приходил почаще.

– Понятно.

Лукреция чувствует, что у нее кончается запас ободрительных восклицаний.

– И Момо приходил. И помогал мне выносить мою тяжкую жизнь за стенами борделя. Потому что после смерти дочери сыновья приносили мне массу огорчений. Дария исключили из школы за то, что он намазал клеем стул учителя. Он действительно слишком

далеко зашел со своими шутками. Его не принимали ни в одно учебное заведение. Он маялся дома от безделья или слонялся по улицам.

– Представляю себе.

– Однажды он взорвал петарду, которая разбила витрину магазина и тяжело ранила прохожего. Он провел три дня в тюрьме. Тут я решила, что пора ему найти нормальную профессию, пока дело не закончилось плохо. Моя мать говорила: «Лучше развивать достоинства, чем исправлять недостатки». Будь он постарше, я бы устроила его в магазин шуточных подарков и розыгрышей, но в семнадцать лет… надо было найти что-то другое. Мне пришло в голову попросить помощи у моего любимого клиента, у клоуна Момо. Я подумала: «Человек, который смешит других, наверняка добрый».

– Конечно.

– Я сказала Момо: «Мой сын – гениальный шутник. Но его комическая энергия направлена не в ту сторону».

– Понимаю.

– Клоун Момо не был знаменит, но у него была своя публика, и ему хватало на жизнь. Я познакомила его с моим Дарио. Он разыграл перед Момо скетч: «Мама наконец нашла работу» – про меня, как я из официантки превратилась в проститутку. Он мастерски умел находить уязвимые места. Момо сразу подпал под его обаяние.

– Да, я понимаю.

Теперь Лукреция записывает все подряд.

– Момо сказал: «У него врожденный талант, но этого мало. Я займусь его воспитанием. Он должен научиться уважать хоть что-то, пусть это будет хотя бы юмор». Да, вот такой парадокс… Смех – дело серьезное, – усмехается старая дама.

– Несомненно.

– Серьезное отношение к юмору потребовало много усилий. Момо попросил, чтобы Дарио обращался к нему «учитель», а сам называл его «ученик». Занятия проходили на заброшенном заводе, Момо говорил, что посторонние люди могут помешать. Он посвятил мальчика в тайны благородной профессии клоуна. Научил его жонглировать, играть на трубе, изрыгать пламя, рыгать и пукать. Он говорил, что это тоже орудие комика.

– В самом деле.

– Однажды, когда Момо и Дарио репетировали на заброшенном заводе, на них упал ржавый железный пресс. Момо погиб на месте, а сын получил серьезные травмы.

– Тогда Дарий и лишился глаза?

– Металлический прут, торчавший из пресса, выколол ему глаз. Он очень тяжело переживал случившееся. Но, едва встав на ноги, сочинил знаменитый скетч «В стране зрячих одноглазый – король». Помните? «Одного глаза достаточно, а два – чересчур, особенно для аллергика в сезон цветения».

Эта старая коза никогда не умолкнет. Да и что ей еще делать, кроме как пережевывать детство обожаемого Дарио. А я… Я должна держаться.

Анна-Магдалена Возняк глубоко вздыхает.

– Но Момо успел обучить Дарио всему. Я знала, что мой мальчик подготовлен, однажды он станет лучшим и прославится. Я это знала, и он сам это знал. Я посоветовала

ему и дальше идти своим путем. Дарио связался с продюсером Мо-мо, знаменитым Стефаном Крауцем, и попросил взять его в шоу.

– Что? – ошарашенно бормочет Лукреция.

– Тот сказал ему: «Рассмешите меня, – и перевернул песочные часы, – у вас есть три минуты».

– Три минуты, чтобы рассмешить незнакомого человека?

– Но это же был мой Дарио. Он справился. Стефан Крауц дал ему возможность стать звездой.

Старая дама неожиданно умолкает, между ее бровей появляется недовольная морщинка. Кажется, ее беспокоит что-то, появившееся за спиной Лукреции. Журналистка оборачивается и видит в окно, что во внутренний двор въехали розовый «роллс-ройс» и мотоцикл «Харлей-Дэвидсон».

Из роллс-ройса вылезают два невысоких человека, за ними третий, огромный и мощный. Они поднимаются по ступеням и входят в гостиную.

– А, Тадеуш, Павел… Я как раз о вас говорила.

Пренебрежительно кивнув в сторону Лукреции, старший спрашивает:

– Это еще что?

Анна-Магдалена берет чашку с чаем.

– Успокойся, Таду. Это журналистка из крупного еженедельника «Современный обозреватель». Она пишет статью про Дария.

Лукреция замечает, что самый молодой из вошедших, видимо Павел, похож на Дария, но более тщедушен и застенчив. Лицо огромного человека в розовом костюме напоминает морду питбуля.

– Мама! Мы рассказали уже все, что можно, всем журналистам планеты. Сколько будет продолжаться этот балаган? Хватит! Иногда нужно и помолчать. Ты не отдаешь себе отчета в том, как ты болтлива.

– Я сказала только самое главное.

– К тому же ты страшно несдержанна. Надеюсь, ты не рассказывала о своем прошлом?

Анна-Магдалена ставит чашку на стол.

– Иногда мне кажется, что ты стыдишься меня, Таду.

– Но, мама… Журналисты – это гиены, которые питаются падалью. Ты что, не видишь, как они обнюхивают еще теплую могилу брата и ищут, чем бы поживиться? Эта девушка – наемница, она зарабатывает деньги. А как можно заработать деньги? Выставив на всеобщее обозрение то, что есть скандального и постыдного в нашей семье. Ты рассказываешь ей о своей жизни, а она в ответ плюнет тебе в лицо.

– Это правда, мадемуазель Немрод? Неужели вы такая?

Анна-Магдалена огорчена. Тадеуш говорит охраннику, похожему на питбуля:

– Убери это отсюда.

Лукреция встает и пятится к двери, пытаясь избежать физического контакта с гигантом в розовом костюме.

– Я провожу расследование вовсе не о жизни Дария. Меня интересует его смерть. И у меня есть версия, о которой еще никто не подумал.

Тадеуш Возняк жестом останавливает телохранителя.

– Продолжайте.

– Я считаю, что Дарий умер не от сердечного приступа. Это было убийство.

Наступает тишина. Члены семьи Возняк удивленно переглядываются.

– Не верю, – отрезает Тадеуш.

– Пожарный утверждает, что Дарий очень громко рассмеялся за секунду до того, как упал.

На лице Тадеуша появляется скептическое выражение.

– И еще я нашла это, – добавляет Лукреция.

Она достает синюю шкатулку с буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать!».

На этот раз Тадеуш Возняк не может скрыть удивления.

– Это валялось под креслом в гримерке.

Тадеуш берет в руки шкатулку и внимательно рассматривает ее.

– Еще у меня есть вот это. – Лукреция протягивает ему размытую фотографию грустного клоуна с большим красным носом и слезой на щеке.

Тадеуш долго разглядывает снимок, медленно качает головой и возвращает его Лукреции.

– Я знаю, кому была выгодна смерть брата, – говорит он. – И могу назвать его имя.

25

В дремучих лесах Канады охотник заготавливает дрова, ожидая наступления холодов.

В какой-то момент он задумывается: «Интересно, хватит ли мне этого на всю зиму?»

Мимо проходит старый индеец шаман. Охотник спрашивает:

– Скажи, мудрец, зима будет холодной?

Индеец смотрит на охотника, несколько минут размышляет и говорит:

– Да, белый человек, зима холодная.

Охотник решает нарубить еще дров и снова принимается за работу.

Через час он снова задумывается, достаточно ли теперь дров.

Мимо снова проходит шаман, и охотник опять спрашивает:

– Ты давно здесь живешь, скажи, зима действительно будет холодной?

Индеец смотрит и отвечает:

– Да. Зима будет холодная.

Обеспокоенный охотник рубит еще кубометр дров.

Через час шаман снова проходит мимо и опять отвечает:

– Зима ужасно холодная.

Охотник спрашивает:

– А ты откуда знаешь?

Шаман отвечает:

– У нас есть поговорка: «Чем больше белый человек заготавливает дров, тем холодней будет зима».

Отрывок из скетча Дария Возняка «Странные иностранцы»

26

Ледяной ветер продувает извилистые улочки.

Подумать только, март, а погода – будто зимой.

На обратной дороге Лукреция заходит в зоомагазин и покупает рыбку – императорского сиамского карпа, – а также аквариум, баночку дафний, флуоресцентную лампу, насос, водоросли и забавные пластмассовые декорации.

Придя домой, она ставит аквариум на стол рядом с компьютером. Посыпает дно цветными камешками, устанавливает пластмассовые игрушки, включает лампу и насос. Вскоре посреди водяного психоделического царства вверх поднимается цепочка пузырьков.

Отлично.

Лукреция выпускает рыбку в ее новую квартиру.

Пусть я веду расследования не так хорошо, как Исидор, зато у меня тоже есть рыбка. Надо дать ей имя. Что-нибудь мощное… и более интересное, чем Джон, Пол, Ринго или Джордж. Придумала! Имя библейского чудища! Левиафан!

Лукреция смотрит на рыбку, проводит пальцем по выпуклой стенке аквариума.

– Эй, Левиафан! Я чувствую, ты принесешь мне удачу.

Она бросает рыбке щепотку дафний.

– Расти побыстрей, и я куплю тебе большой аквариум. И может быть, даже представлю Джорджу, Полу, Джону и Ринго. Выглядят они немного заносчивыми, но вообще ребята симпатичные. Только у акулы агорафобия, но для тебя это и лучше.

Левиафан выпускает несколько пузырьков. Он пытается понять, что это за ужасная огромная фигура за стенками аквариума. Помахивая оранжевым хвостовым плавником, он исследует весь сосуд, находит скалу, водоросли, миниатюрный пиратский корабль, из которого поднимаются вверх пузырьки, и, поняв наконец, что он в стеклянной тюрьме, решает спрятаться за рифом и подвести итог своей пятнадцатидневной жизни.

– Маленькая рыбка станет большой, – говорит Лукреция. – Может, мы и ниже ростом, чем другие, но мы им еще покажем, где раки зимуют! Правда, Левиафан?

Она корчит рыбке рожицы. Рыбка думает: «Пока враг близко, буду сидеть за скалой. А потом сделаю себе пузырьковый массаж живота».

Рыбка ждет. «Так, без паники. Все здесь такое страшное, но и в этом должен быть какой-то смысл. Где моя мать? Где братья? Где друзья? Куда исчезла живая природа? Я же свободная рыбка! О, еда! Я считаю, что еда – это лучший способ борьбы со стрессом. Фу, это высохшие трупы!»

Лукреция смотрит, как рыбка с удовольствием ест сушеных дафний.

– Мой маленький Левиафан, я уверена, что ты парень не промах. Ты, наверное, верховодил в большом аквариуме зоомагазина. Мы с тобой из одного теста, мы сильные! У нас бывают трудности, но мы их преодолеваем! Так ведь?

Лукреция тоже решает поесть, а потом принять ванну и вымыть голову. Она долго стоит под обжигающим душем, выходит из ванной с мокрыми волосами. Как было бы

здорово пойти сейчас в парикмахерскую, ведь это – лучшее лекарство. Она всегда считала, что если кто и в состоянии бесконечно слушать рассказы о чужих несчастьях, так это парикмахеры, гадалки и психоаналитики. И лидируют в этом списке парикмахеры, которые делают еще и массаж головы.

Однако у нее совсем не осталось денег, а услуги парикмахеров стоят дорого. Особенно услуги ее мастера, удостоенного титула «архитектор волосяного пейзажа». Тридцать евро за визит.

– Ну и ладно, – говорит она.

Лукреция решает сделать все возможное своими силами: десять минут – мытье головы шампунем, пять минут – маска для волос с укрепляющим бальзамом на маточном молочке, пятнадцать минут – сушка и выпрямление кудрей при помощи профессионального, самого модного и лучшего фена «Samsung» мощностью 2000 ватт, единственного предмета роскоши в ее обиходе. От дождя ее волосы начали завиваться, а она этого терпеть не может.

Во время сушки волос Лукреция размышляет о собственной хрупкости. Она придумала целый комплекс мер безопасности, исключающий всякую возможность возникновения желания покончить жизнь самоубийством.

Первое: усиленно потреблять шоколадно-ореховую пасту. Она лелеет тайную надежду, что однажды появится шоколадно-ореховая паста, не содержащая жира. Но это чудо, на которое особенно рассчитывать не приходится.

Второе: грызть ногти. Она престала этим заниматься пять недель назад, но знает, что привычка вернется при первом же приступе уныния.

Третье: ходить в парикмахерскую. Она нашла в своем районе нового парикмахера, Алессандро, который привил ей любовь к Элтону Джону, принцессе Диане, фильму «Приключения Присциллы, королевы пустыни», гоночным велосипедам «Рэйли» и греческой кухне на оливковом масле. Но сейчас он переживает личную драму и стал непривычно молчаливым.

Четвертое: пить успокоительное, смешивая его с шотландским виски пятнадцатилетней выдержки. Существенный минус: рези в желудке.

Пятое: вышвыривать на улицу любовников. Она только что это сделала, но особого облегчения не испытала.

Я бы добавила шестое: найти настоящего друга.

Высушив волосы, Лукреция возвращается к рыбке.

Левиафан, хочешь стать моим другом?

— Я чувствую, что ты меня не разочаруешь, в отличие от остальных самцов, которые здесь побывали.

Она целует стеклянную стенку аквариума и случайно опрокидывает баночку с дафниями. Приходится собирать их с пола чайной ложкой.

Может быть, я чересчур возбудима?

Лукреция переходит к процедуре, которая для нее не удовольствие, а средство подавления тревоги.

Седьмое: удаление с кожи рыжих волосков.

Она долго выбирает одежду, попутно отметив, что ей нечего надеть.

Я забыла еще один источник радости. Восьмое: шоппинг. Ни одна женщина не признается мужчине в том, что больше всего на свете ее возбуждает вид примерочной в магазине.

Лукреция улыбается. Это шутка из скетча Дария. Она решает еще раз обдумать обстоятельства его смерти и включает запись с самыми знаменитыми миниатюрами Великого Дария.

«Наши друзья животные».

Исидор сказал, что Дарий воровал шутки и присваивал чужие идеи. Может и так, зато он умел преподнести их публике.

Она смотрит на невысокого, светловолосого человека в розовом костюме, с черной повязкой через глаз и красным носом.

Какая сила! Какой талант! Какая режиссура! Какая харизма! Какая легкая и точная игра!

Теперь, когда она кое-что знает о его прошлом, скетчи о гибели отца, о смерти сестры, о проституции матери кажутся ей образцом честности и смелости.

Он занимался чем-то вроде психоанализа на глазах у миллионов людей. Юмор – это способ победить горе.

Лукреция выключает видео и закуривает.

Победить горе.

Она вспоминает свою жизнь после «случая с Мари-Анж».

Неделю она провела в своей комнате в полной прострации. Без парикмахера. Без шоколадно-ореховой пасты. Без успокоительных пополам с виски. Без рыбки. Без любовника, которого можно прогнать. Ей оставалось лишь до крови грызть ногти.

Естественно, всему приюту «Нотр-Дам-де-ля-Совгард» стало известно о первоапрельской шутке. С Лукрецией перестали разговаривать. Ее избегали, как прокаженной, словно боялись заразиться. Она больше не ходила на занятия, и ей даже не делали замечаний. Ее никто не навещал. Повариха из столовой приносила еду ей в комнату. Лукреция начала толстеть. Много спала. И никого не хотела видеть.

Однажды какая-то девочка все-таки сумела к ней прорваться и сказала: многие считают поведение Мари-Анж некорректным и уничтожили все фотографии.

– Напрасно. Я уверена, что некоторые получились просто отлично, – надменно ответила Лукреция.

Она раздобыла скетч Дария «Эскимос и рыба». Прослушала его еще раз, словно ища в нем скрытый смысл.

Здесь нет рыбы. Это говорит директор катка.

Она поняла, что неверно оценила проблему, неправильно выбрала цель и напрасно поддалась чувству гнева. На катке надо не ловить рыбу, а кататься на коньках. Надо изменить свое поведение.

Шутка убила ее.

Шутка ее спасла.

Шутка вернула ее к жизни.

Но сначала необходимо принять трудное решение.

Когда змея меняет кожу, она слепа.

Лукреция украла на кухне большой нож для мяса. И отправилась убивать Мари-Анж.

Так заканчиваются удачные шутки, думала она, сжимая ручку ножа. И уже знала, что именно скажет, вонзая лезвие в сердце Мари-Анж. «С первым апреля!»

Замок сломался после первого же удара ногой. Но Мари-Анж в комнате не было. Лукреция узнала, что ее мучительница уехала. На стене висела записка: «Не обижайся, Лукреция. Это была просто шутка. Я люблю тебя и буду любить всегда. Твой ангел Мари», а рядом – первоапрельская фотография.

Она еще издевается надо мной!

Лукреция разорвала фотографию. Ей казалось, что у нее украли возможность отомстить. В висках у нее стучало: «Я больше никогда не буду жертвой».

Она принялась активно заниматься боевыми искусствами. Китайское кунг-фу слишком напоминало танец, японское карате показалось чересчур примитивным. А вот корейское тэквондо понравилось ей агрессивностью и эффективностью. К нему она добавила израильскую кравмагу, которая позволяла найти выход из самой безнадежной ситуации. Сначала она назвала изобретенный гибрид «приют-квандо», а потом «Лукреция-квандо». Правил в этой борьбе не было. Смертельные удары поощрялись.

Чтобы проверить свое искусство в деле, она стала задирой. Полюбила конфликты. Искала стычек и начинала драться, не снисходя до объяснений.

Любая мелочь могла вывести ее из себя. Слабых всегда завораживает сила и агрессия, особенно бессмысленная, и у Лукреции появилось много подруг. Она сколотила целую банду. Отныне в дортуарах «Нотр-Дам-де-ля-Совгард» ее слово стало законом.

Стук в дверь выводит Лукрецию из задумчивости. Она возвращается в реальную жизнь. Смотрит в глазок и видит любовника, которого выгнала вчера.

– Прости меня, я виноват! Я очень раскаиваюсь, – слышит она сквозь дверь.

Он звонит еще несколько раз, и только тогда Лукреция открывает дверь. Она молча бьет его головой в лицо. Раздается звук, как будто кокос раскололи молотком. Парень отлетает назад, его лицо залито кровью.

– Ты тут ни при чем. Просто я собираюсь бросить курить и уже сейчас на взводе.

Лукреция захлопывает дверь и закуривает. Ждет. Парень не возвращается.

Она садится и снова пересматривает последний скетч Дария, заканчивающийся словами: «И тогда он прочел последнюю фразу, расхохотался и умер».

Эти слова потрясают ее.

Дарий словно знал, что с ним произойдет. Или хотел, чтобы произошло. Тогда это не просто последний скетч, а обращение к убийце.

Она смотрит на Левиафана. Ее забавляет новый сожитель.

– Рыбка, а что тебе кажется смешным?

Карп подплывает к стеклянной стенке и, глядя на огромный, тревожащий его силуэт, выпускает пузырек воздуха.

27

Жилец спорит с хозяином квартиры.

– А я говорю, что в квартире мыши!

– Этого не может быть! Квартира в идеальном состоянии.

Жилец кладет на пол кусочек сыра, и по комнате пробегает мышь, но так быстро, что ее трудно заметить.

– Я не уверен, что видел мышь, – бормочет хозяин.

Жилец бросает на пол несколько кусочков сыра. Одна за другой появляются три мыши, красная рыбка и четвертая мышь.

– Ну что, теперь видели?

– Видел. И красную рыбку тоже.

Взбешенный жилец восклицает:

– Сначала разберемся с мышами, а уж потом поговорим про сырость!

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

28

Перед зданием на бульваре Османн, в шестнадцатом округе Парижа, у входа с медной табличкой, на которой большими буквами выгравировано «С.К.П.», а чуть ниже «Стефан Крауц Продакшн», с грохотом, в облаке дыма останавливается мотоцикл «гуччи».

Девушка-секретарь указывает Лукреции в сторону приемной, где уже полно посетителей. Все они нервничают так, словно сидят под дверью дантиста, известного своей жестокостью.

Все молча смотрят в пол, устланный толстым красным ковром. Девушка полирует ногти. Молодой человек учит наизусть какой-то текст. Мужчина постарше читает старый бульварный журнал с фотографией королевской четы на обложке. Стены увешаны афишами Дария и других, менее известных артистов.

Дверь открывается, в приемную вываливается взъерошенный человек. Вслед ему несется громкий голос:

– И больше не возвращайтесь! Я не могу терять время на юмор… двухтысячного года!

Человек, понурившись, уходит. В дверь заходит следующий… И тут же вылетает обратно.

– С вами свяжутся! Спасибо! Следующий! – кричит тот же голос.

Только что выставленный кандидат делает жест, означающий: «Желаю удачи».

Наконец подходит очередь Лукреции.

Она входит в кабинет, увешанный большими фотографиями, на которых Стефан Крауц изображен со знаменитостями из мира музыки, кино и политики. Он пожимает им руки или похлопывает их по плечу.

Голова Крауца имеет несколько удлиненную форму, уши слегка оттопырены. Продюсер одет в черный кожаный пиджак и фирменные джинсы. Он сидит в глубоком кресле, обтянутом кожей зебры, его пальцы порхают над клавиатурой ноутбука. Из-под стола торчат ноги в ковбойских сапогах.

Она ждет. Сначала ей кажется, что Крауц составляет расписание деловых встреч, но вскоре она понимает, что он переписывается в социальной сети Интернета с несколькими людьми одновременно. Наконец, не глядя на нее, он произносит:

– Ну, давайте насмешите меня.

И, даже не поздоровавшись, машинально переворачивает песочные часы.

– У вас три минуты.

Лукреция молчит. Крауц наконец поднимает на нее глаза.

– Мадемуазель, вы теряете время.

Песок сыплется вниз. Когда последняя песчинка падает на дно, Крауц поворачивается к ноутбуку.

– Вы упустили свой шанс.

Он нажимает на кнопку интерфона и говорит:

– Карин, сколько раз повторять! Не пускайте ко мне кого попало. Я зря трачу время. Следующий!

Но Лукреция не поднимается со стула.

– Благодарю вас, мадемуазель. Вам позвонят, если вами кто-нибудь заинтересуется.

В конце концов, молчаливая, как рыба, зеленоглазая красотка в китайском наряде может подойти для авторского кино…

– Я пришла не за тем, чтобы вас смешить, – произносит наконец Лукреция.

Крауц утомленно потирает рукой лоб.

– Вы актриса?

– Нет.

– Разумеется. Вы не похожи на истеричку. Дайте догадаюсь… Вы фининспектор? У меня уже было две финансовых проверки с начала года… сколько можно?!

– Нет.

Кто-то уже заглядывает в дверь, чтобы занять место Лукреции.

– Кто вас звал? Вы же видите, мы еще не закончили!

Незваный гость, кажется, только рад отложить экзамен.

Он извиняется и осторожно прикрывает за собой дверь.

– Ладно, продолжим играть в загадки. Не юморист, не актриса, не фининспектор. Если вы дочь одной из моих любовниц, знайте – шантаж со мной не пройдет. Я признаю вас наследницей только после положительного анализа ДНК в том медицинском центре, который выберу я сам.

– Нет.

– Вы страховой агент? Кухни, балконы?

– Нет.

Крауц щелкает подтяжками.

– Сдаюсь.

Она протягивает ему визитную карточку.

– Лукреция Немрод. Журналистка. Работаю в «Современном обозревателе».

– Надеюсь, вы не собираетесь говорить со мной про Дария.

Крауц хмурится. Лукреция быстро перебирает ключи.

Какой подойдет к этой двери?

Ключ эгоцентризма. Как все люди, использующие чужой талант, он мечтает о признании его собственных способностей.

— Все интересуются Дарием, но никто не знает, что без вас Дария бы не было. Мы хотим написать большую статью о «настоящем создателе феномена Дария».

Лукреция волнуется – не перегнула ли она палку? Крауц наклоняется к интерфону и говорит:

– Карин? Пять минут ни с кем меня не соединяй и никого ко мне не пускай.

Потом он оборачивается к молодой журналистке.

– Обязательное условие: я должен прочесть статью перед тем, как она выйдет. Можете задать пять вопросов.

– Почему только пять?

– Просто так. Теперь вопросов осталось четыре.

Лукреция не дает сбить себя с толку.

– Тадеуш Возняк рассказал, что вы судились с Дарием, когда он захотел получить права на свои первые альбомы. Это правда?

– Да. Три вопроса.

– Вы должны были вот-вот проиграть процесс, поскольку «моральные права артиста на его произведения» во Франции неотчуждаемы. Последнее заседание должно было состояться на следующей неделе. Теперь Дарий умер, и права на его альбомы останутся у вас. Это так?

– Да. Два вопроса. Скажите, вы точно собираетесь написать обо мне хвалебную статью?

– Другими словами, смерть Дария за несколько дней до вынесения судом окончательного решения вам очень выгодна. Это просто невероятная удача. Исчезновение Дария не только спасает вас, но и приносит вам состояние. Вы возвращаете себе его первые альбомы, которые публика просто обожает. Выпускаете сборник хитов. Устраиваете концерт памяти Дария в «Олимпии». Да еще вам принадлежат все права на распространение видеозаписей выступления Дария. Вы вытянули счастливый билет в тот самый миг, когда должны были все потерять. Это так?

– Да. Один вопрос.

– Это вы убили Дария?

– Нет.

Продюсер широко улыбается.

– Время вышло. Спасибо и до свидания, мадемуазель. И обязательно пришлите мне статью перед публикацией, иначе будете иметь дело с моим адвокатом. Он сидит на проценте и очень заинтересован в успехе любого процесса. Кроме того, у него есть свои причины ненавидеть прессу.

Лукреция пристально смотрит на него и идет ва-банк.

– Я думаю, вы лжете. Циклопа убили вы.

Стефан Крауц рассматривает набор брелоков для ключей: это резиновые фигурки с кнопкой в животе. Он выбирает одного человечка и нажимает ему на живот. Из микрофона, вмонтированного в фигурку, раздается хохот.

– Знаете, что это такое? «Машинки для смеха». Когда мне не хочется смеяться самому, я включаю такую игрушку. Очень полезная вещь. Я не утомляю мышцы лица и предотвращаю появление морщин. Вы мне нравитесь, дарю вам одну. Выбирайте. Вот, например, «грубый смех крестьянина».

Продюсер берет брелок, нажимает, слышится утробный хохот.

– Это не ответ, господин Крауц.

Он кладет брелок на стол и пожимает плечами.

– Тогда, может быть, эта, – говорит он, выбирая фигурку в виде полуобнаженной девушки. – «Смех смущенной юной девственницы».

Он нажимает на брелок, раздается пронзительный смех, прерываемый икотой, которая постепенно переходит в звуки, сопровождающие оргазм.

– Дарю. Не благодарите меня. Это рекламная продукция, их делают в Китае.

Лукреция действительно замечает на фигурке надпись «Не для продажи». Она принимает странный подарок.

– Так каков же ваш ответ? – спрашивает невозмутимо она.

– Ваши обвинения настолько смешны, что ответить на них можно лишь механическим смехом. Вы думаете, что я прошел сквозь стену или по тайному ходу проник в гримерку Дария и задушил его, а телохранитель тем временем спокойно стоял у двери?

Крауц нажимает на брелок с надписью «Смех старого маньяка». Он перестает улыбаться.

– Видите ли, мадемуазель, ссориться – это непрофессионально. В нашей среде все течет, все изменяется, вчерашние друзья становятся врагами, а послезавтра снова друзьями. Мы затеваем процессы, деремся, угрожаем, кричим, а потом миримся. Шоу-бизнес – это большая, шумная и, несмотря ни на что, дружная семья, что бы там ни думали люди со стороны. Бродячие актеры, шуты, ремесленники развлечений. Мы нужны обществу так же, как и врачи. Да что я говорю! Мы важнее врачей. Мы нужны для того, чтобы люди могли выносить своих начальников, подчиненных, жен, детей, любовниц, мужей, налоги и болезни.

– Вы так и не ответили на вопрос.

– Это и есть ответ.

Он вздыхает.

– Дарий меня разочаровал. Я был обижен на него за то, что он меня бросил. Даже не бросил, а предал. И я начал против него процесс. Который, скорее всего, я бы проиграл. Это правда. Но мое шоу в «Олимпии» навсегда прославит его имя. И я делаю это не ради денег, что бы вы там ни думали. Я знаю, если он смотрит на меня с небес, то хочет сказать: «Спасибо, Стефан».

Продюсер прижимает руку к сердцу и смотрит в окно, куда-то вдаль. Потом нажимает на брелок, который заливается пронзительным хохотом.

– Где вы были в момент его смерти? – спрашивает Лукреция.

– В зале. Я аплодировал Дарию, которого вытащил из безвестности и поднял на вершину искусства. Рядом со мной сидел министр культуры, который может это подтвердить. Я думаю, для алиби достаточно?

Лукреция нажимает на кнопку брелока в форме полуобнаженной девушки. Слышится искусственный смех.

– Скажите честно, кому, кроме вас, выгодна смерть Дария?

– Его брату Тадеушу. Он будет распоряжаться наследством и возглавит «Циклоп Продакшн».

– Кто еще, помимо Тадеуша, мог желать его смерти?

– Основные мотивы убийства – деньги и слава. Я думаю, что если убийство действительно имело место, то в нем замешан его главный соперник. Тот, кто станет теперь номером один в мире юмора.

Крауц вертит в руках фигурку клоуна.

– И как нарочно, у него эксклюзивный контракт с «Циклоп Продакшн».

29

4803 год до нашей эры

Междуречье Тигра и Евфрата, территория современного Ирака

После долгих скитаний люди нашли плодородную землю и решили начать оседлый образ жизни. Собиратели и охотники превратились в земледельцев.

Появились первые деревни с прочными домами из обожженного кирпича. Люди сеяли пшеницу и собирали урожай. Вокруг деревень в поисках отбросов бродили животные: козы, бараны, коровы. Их приручили и поместили в загоны. Так возникло животноводство.

Век за веком поля расширялись, поголовье скота увеличивалось. Деревни становились поселками. Поселки разрастались в большие города с сотнями и тысячами жителей.

За шесть тысяч лет до нашей эры появились мегаполисы Урук, Эриду, Лагаш, Умма, Ур. Они принадлежали к самой первой человеческой цивилизации – шумерской.

Самым большим и развитым был шумерский город Ур. В прекрасном 4803 году он начал войну с городом Киш, принадлежавшим к соперничающей с шумерами аккадской цивилизации. Война между шумерами и аккадцами шла долго и измотала оба лагеря.

Однажды царство Киш одержало важную, хотя и не решающую победу. После этого аккадский царь по имени Энби Иштар предложил шумерскому царю по имени Эншакушана заключить мир. Войска соперников собрались в долине, на нейтральной территории.

Цари уселись друг напротив друга, а между ними устроился переводчик.

– Итак, – произнес шумерский царь Эншакушана, – что он предлагает?

Переводчик перевел вопрос. Министры окружили царей и внимательно слушали. Наконец ответ Энби Иштара был переведен.

– Он говорит, что хочет мира.

– Очень хорошо. Скажи ему, что мы тоже хотим мира, мы обессилены войной.

Аккадский царь посоветовался о чем-то с министрами, потом обратился к переводчику. Ответ был готов.

– Что он говорит? – спросил шумерский царь.

– Он говорит, что выиграл последнее сражение и выиграл войну. Он не хочет разрушать город Ур – и требует, чтобы вы платили ему дань в течение пяти лет, отдали весь запас зерна, предоставили пять тысяч рабов мужского пола и три тысячи рабов женского пола, причем царь и министры сами выберут их.

Шумерский царь Эншакушана выдержал паузу.

Переводчик начал проявлять нетерпение.

– Что я должен сказать? Господин, они ждут ответа.

Тогда шумерский царь подошел к аккадскому царю со странным выражением лица. Казалось, он собирается что-то сказать, но вместо того, чтобы воспользоваться для этого ртом, издал низкий рокочущий звук анальным отверстием.

Пук получился громким и трубным. Таким стал ответ царя Эншакушана царю Энби Иштару.

Реакция не заставила себя ждать, все шумерские министры рассмеялись. Не засмеялся только аккадский царь. Он побагровел и выпучил глаза от обиды. Потом отдал какой-то приказ, оставшийся непереведенным, и его генералы вместе с писцами покинули шатер.

Когда шумерский царь Эншакушана и его подданные остались в одиночестве, все они снова громко расхохотались.

Царь велел писцу:

– Это событие должно остаться в веках. И, вспоминая его, пусть все смеются, как смеялись мы.

Писца звали Син-Леке-Уннини. Он поклонился, но пребывал в глубоком замешательстве. Как нарисовать пускание ветров? Как при помощи рельефного изображения отразить весь комизм ситуации? Весь вечер он размышлял, как запечатлеть в веках смешную сцену. И весь следующий день, и еще много дней.

Два месяца спустя шумерский царь Эншакушана выиграл сражение с царем Энби Иштаром и одержал решающую победу. Шумеры захватили город Киш, и законы города Ур воцарились в побежденном аккадском мегаполисе.

С триумфом проезжая по улицам Киша, царь вспомнил о неудачной попытке перемирия и спросил писца Син-Леке-Уннини, как обстоит дело с увековечиванием достопамятной сцены. Писец уклонился от ответа.

Через некоторое время Син-Леке-Уннини пришла в голову смелая идея: отказаться от рисунков, которые изображали только видимые предметы, и использовать слоги. Из слогов можно составлять слова, обозначающие не только видимые, но и невидимые вещи, и даже такие абстрактные понятия, как чувства.

И Син-Леке-Уннини принялся не рисовать, а царапать по сырой глине черточки, напоминающие по форме гвозди. Он решил, что разные сочетания вертикальных и горизонтальных черточек будут обозначать разные слоги.

Так родилась клинопись.

Писец Син-Леке-Уннини подробно описал встречу своего царя с царем противника и то, каким неожиданным образом Эншакушана завершил переговоры. Син-Леке-Уннини не только изобрел следующую после идеографической письменность, он записал первую в мире юмористическую миниатюру.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник G.L.H.

30

Лукреция сидит у парикмахера Алессандро, который только что намазал ее волосы чем-то вязким и зеленоватым.

– Краситься будем? Предлагаю что-нибудь вроде красного дерева.

– До свиданья морковный цвет? – спрашивает Лукреция.

– Будет нечто среднее между морковным оттенком и красным деревом. И наверное, надо подровнять волосы. Просто уберем то, что отросло. Поверь, Лукреция, стрижка все меняет к лучшему.

– Нет, спасибо. Так сойдет.

Парикмахер начинает энергично массировать ей голову. Странные запахи вырываются из многочисленных флаконов, которые он по очереди открывает и нюхает.

– Мне тут рассказали отличный анекдот…

– О нет, Алессандро, спасибо! В последнее время у меня… Как бы это сказать… «передоз анекдотов».

Алессандро погружается в молчание, которое нисколько не смущает его клиентку.

Знаю, что поход в парикмахерскую сейчас – безумие, но мне это действительно нужно. Я трачу слишком много нервов на расследование. Мне кажется, что я должна понять что-то важное. Что я могу что-то упустить.

Можно ли убить человека смехом?

Кто мог ненавидеть самого популярного француза?

B.Q.T. …

Bienheureux celui Qui se Tait?

А что думать про Стефана Крауца? Тадеуш прав, ему больше, чем другим, выгодна смерть Дария. А Крауц считает, что это на руку Тадеушу.

– Алессандро, как ты относишься к Дарию?

– Я его о-бо-жал. Это же гений! Я так расстроился, когда он умер! У меня даже аппетит пропал на три часа.

– А что тебе в нем нравилось?

– Все! Он был такой смешной! И в нем чувствовалось благородство. Знаешь, Лукреция, о его смерти ходило много слухов. Похоже, его убрали секретные службы. Как леди Ди.

– Почему?

– Он слишком много знал о крупных политиках. Он же со всеми был знаком! Они могли ему о чем-нибудь проболтаться, а потом пожалеть. Та же история, что с Мэрилин Монро или Колюшем. Политики подсылают наемных убийц, а потом выдают это за несчастный случай. Но мы-то не дураки!

– Убит секретными службами? Алессандро, откуда ты это взял?

– Из Интернета. В тот вечер один парень написал в Сети, что у него есть секретная информация. Он работает в службе национальной безопасности. Имени своего он не мог назвать, но кое-что рассказал. Тебе корни и концы в один цвет красить? Может, сделаем мелирование?

– И как же они убили Дария?

– Тот парень – у него ник «Глубокая глотка» – считает, что это ФБР. Вроде бы они сделали муху, или комара, или муравья – в общем, что-то такое с отравленным жалом, – запустили его в систему вентиляции, и оно укусило Дария.

– М-м… я читала нечто подобное в одном научно-фантастическом романе. В «Дне муравьев», кажется.

– Но это правда! И мотив есть…

– Да? Какой?

Я совсем забыла… Парикмахер – это не только психотерапия, это еще и информация, которую нигде больше не найдешь.

– Только не говори, что ты не поняла!

Алессандро шепчет ей на ухо:

– Он собирался участвовать в президентских выборах! Как Колюш! И его бы избрали! Он же был самый популярный.

– Ясно. А при чем тут ФБР?

Парикмахер снова наклоняется.

– Наш президент – агент ФБР, и они не хотят конкуренции.

Алессандро многозначительно прижимает палец к губам.

– Ну так что, мадемуазель Немрод, корни тоже красим или в следующий раз? – говорит он громко, чтобы усыпить подозрения окружающих.

– А сколько это стоит?

– О, для такой хорошей клиентки, как ты, Лукреция, сегодня за полцены. И еще я могу попросить Луизу, чтобы она тебе сделала ногти. Мы только что получили новые, американские, из особо прочного пластика, с рисунком – лань в лесу на фоне заката. Только представь, на каждом ногте – лань и закат. Можно даже на ногах, если захочешь.

Звук трубы заглушает ответ Лукреции. На улице неожиданно раздается страшный шум.

Карнавальное шествие? За несколько дней до первого апреля? Вот еще одно непредвиденное последствие глобального потепления.

По мостовой движется толпа людей в маскарадных костюмах. Они играют на трубах, кларнетах и саксофонах.

Откуда эта постоянная потребность в определенный день заставлять себя смеяться и веселиться, а на День Всех Святых опять становиться серьезным? Словно мы все должны одновременно испытывать одни и те же чувства.

Лукреция рассеянно наблюдает в зеркало за процессией, которая постепенно запруживает всю улицу. Вдруг она вздрагивает.

Среди веселых гуляк, облепивших огромную куклу, едущую на колеснице, Лукреция замечает клоуна с большим красным носом, печально опущенными углами рта и слезой на щеке.

Черт побери, да ведь это ГРУСТНЫЙ КЛОУН!

Она вылетает из парикмахерской.

– Эй! Вы, там!

Клоун замечает ее, спрыгивает с колесницы и бросается бежать. Лукреция, с головой, вымазанной зеленой кашицей, мчится за ним. Клоун пытается раствориться в толпе, но Лукреция забирается на колесницу и сверху следит за его передвижениями.

Вместо того чтобы гнаться за ним по пятам, она огибает процессию и выскакивает перед ним как из-под земли. Лукреция опрокидывает его на землю и начинает душить. Через несколько секунд она ослабляет хватку, стирает парикмахерской накидкой грим с лица клоуна и видит, что перед ней юноша лет шестнадцати.

– Почему ты убегал?

– Клянусь, это не я воровал мобильники! Это все они!

Лукреция отпускает его, и юноша пускается наутек. Прохожие смотрят на нее с удивлением. Зеленая кашица вот-вот зальет ей глаза.

На что я надеялась? Вот так, случайно встретить убийцу на улице?

А вдруг убийство Циклопа такая же выдумка, как международный заговор Алессандро?

Преступление с целью наживы? Маловероятно.

Зависть коллег? Слишком сложный способ устранения соперника.

Крауц? Жадность продюсера? Что-то он не похож на злодея.

Тадеуш? Брат, которому не терпится заполучить наследство? Ну, не знаю…

Остается синяя шкатулка. Только она. Синяя шкатулка с буквами «B.Q.T.».

Статью из этого не сделаешь.

А что, если Тенардье права? Может быть, я действительно так же бездарна, как Клотильда.

Пеллегрини дал хороший совет: нужно заручиться поддержкой Исидора, он опытный и проницательный журналист. Одна я не справлюсь.

Но этот самодовольный толстяк отказывается мне помогать.

Может, бросить это дело? «Увы, Кристиана, вы были правы. Дарий умер от сердечного приступа. Я ошиблась, сочинив целую детективную историю. Я просто хотела привлечь к себе внимание».

Невозможно. Хотя бы из гордости. Я ни за что не брошу расследование. Я завершу его любой ценой. Отступать слишком поздно.

Лукреция возвращается в парикмахерскую.

– Ты что, увидела мужчину своей мечты? – с иронией спрашивает Алессандро.

– Совершенно верно. Но я ошиблась, это был не он, – серьезно отвечает Лукреция и усаживается в кресло, не заметив в глубине зала человека, который внимательно наблюдает за ней, прикрывшись газетой.

31

В 2 года успех – это не писать в штаны.

В 3 года успех – это иметь полный рот зубов.

В 12 лет успех – это быть окруженным друзьями.
В 18 лет успех – это водить машину.
В 20 лет успех – это хорошо заниматься сексом.
В 35 лет успех – это зарабатывать много денег.
В 60 лет успех – это хорошо заниматься сексом.
В 70 лет успех – это водить машину.
В 75 лет успех – это быть окруженным друзьями.
В 80 лет успех – это иметь полный рот зубов.
В 85 лет успех – не писать в штаны.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Если ты любишь, тебе всегда двадцать лет»

32

Волнение достигает апогея. Комик Феликс Шаттам взмок так, что ему приходится вытираться полотенцем. Руки у него дрожат.

Стоя за кулисами «Олимпии», Лукреция издалека наблюдает за ним. Прогон при закрытом занавесе, последняя репетиция.

Феликс Шаттам оттачивает с ассистентом детали выступления. Помощник подает реплики, щелкая хронометром.

– На словах «прелестная компания» должен быть смех. Дай им четыре секунды, не больше, набери воздуха и продолжай. Смех и, может быть, аплодисменты продолжаются. Итак: твой текст.

Феликс Шаттам произносит:

– «Может быть, но, учитывая создавшееся положение, это было бы слишком просто».

– Отлично! Таращишь глаза и резко вздергиваешь подбородок на тридцать пять градусов. Делаешь три шага вправо, слегка оборачиваешься – на три четверти, там желтый прожектор, который освещает тебя в профиль. Следующую реплику говоришь с кривой усмешкой. Улыбка номер тридцать два бис. Давай.

Раздается объявление по громкоговорителю:

– Зрители больше не могут ждать! Пора на сцену!

Из зала действительно доносятся крики.

– Фе-ликс! Фе-ликс!

Комик начинает отчаянно паниковать. Ассистент обнимает его за плечи.

– Не обращай внимания. Текст.

– Хорошо, продолжаю: «И еще нужно, чтобы они были в курсе. Поскольку, если я не ошибаюсь, вы все не в курсе».

– Произноси четче, ты глотаешь слова. Повтори.

– «Чтобы они были в курсе». Так нормально?

– Сойдет. Тут снова должен быть смех. Ты пережидаешь. Если смех усиливается, подыгрываешь: «А вас, мадам, это, видимо, касается в первую очередь». Что-нибудь в этом

роде, хорошо? Или сосчитай до пяти. Потом принимаешь раздосадованный вид и произносишь следующую реплику.

– «Да, но, чтобы держать их в курсе, нужно все знать самому».

– К этому времени, по идее, проходит минута двадцать секунд от начала скетча. Будь внимательней, не теряй ритма. Легкая улыбка номер шестьдесят три. Она тебе особенно хорошо удается, на щеке появляется ямочка. Ты садишься. Набери в грудь воздуха – реплика длинная. И не глотай слоги, ты плохо выговариваешь «статистика» и «непорядочность».

Лукреция думает, что репетиция напоминает ралли, где второй пилот предупреждает о виражах и препятствиях и о том, где прибавить скорости.

Она хочет подойти ближе, но чья-то рука удерживает ее.

– Не отвлекайте их!

Это Франк Тампести, пожарный-курильщик.

– Собьете настрой, и Феликс сдуется, как дырявая покрышка. Вы даже не представляете, какая напряженная работа предшествует юмористическому представлению. Все рассчитано до секунды.

Лукреция слышит, как зал кричит все громче:

– Фе-ликс! Фе-ликс!

Голос из громкоговорителя:

– Двадцать минут опоздания! Ребята, если так дальше пойдет, они тут все разнесут! Пора выходить!

Феликс Шаттам снова впадает в панику, и снова ассистент обнимает его за плечи, призывая к спокойствию. К ним подходит человек в темном костюме.

– А это кто? – шепчет Лукреция.

– Боб, его секундант.

– Секундант? Какой секундант?

– Технический специалист по юмору, который редактирует окончательную постановку миниатюры, выбрасывает ненужное, докручивает гайки, отлаживает эффекты, подчеркивает оттенки интонации и следит даже за выражением глаз комика. Смешить – дело тонкое. А как известно, где тонко, там и рвется.

Артисты так погружены в работу, что не замечают присутствия Лукреции. Неожиданно Феликс Шаттам вскрикивает:

– Черт! У меня пропал голос! Боб, опять! Я не могу говорить! Я пропал! Врача!

Громкоговоритель верещит:

– Больше ждать нельзя! Двадцать пять минут опоздания!

Публика неистовствует и топает ногами:

– Фе-ликс! Фе-ликс!

Артист взмок от отчаяния.

– Это невозможно! Катастрофа! У меня пропал голос! Я не могу выступать, верните им деньги!

– Принесите ему меда! – кричит секундант.

Пожарный Тампести убегает и возвращается с большой желтой банкой. Феликс съедает одну, две, десять ложек меда. Он пытается что-то сказать, но лишь хрипит, как осипший соловей.

Он опустошает банку, пытается прочистить горло, но это заканчивается приступом кашля.

– Надо возвращать деньги! – твердит он, побагровев от волнения.

– Ладно, пора применять сильнодействующие средства. Я вызываю врача! – говорит Боб.

Лукреция в растерянности наблюдает за ними.

– Возвращайте деньги! Все отменяем! Я не могу говорить, у меня пропал голос! – повторяет Феликс.

– Сейчас придет врач, – подбадривает его Боб.

Пожарный шепчет Лукреции:

– Не волнуйтесь. Каждый вечер одно и то же. У него от страха парализует голосовые связки.

– Они действительно все отменят и вернут деньги?

– Да нет, конечно. Это все психология. Переклинило его. Комики – самый легковозбудимый народ в мире. Нервы вечно на пределе, нескончаемые жалобы и боли во всем теле. Но хотя все это происходит только в его воображении, снять стресс без врача не получается.

– Где этот чертов врач? – рычит Боб.

Наконец появляется старичок с огромной сумкой.

– Как вчера, доктор. Как вчера.

Врач явно смущен.

– Вы знаете, что этого нельзя делать. Ежедневное применение кортизона опасно – возникает привыкание. Это не игрушки!

Зал вопит:

– Фе-ликс! Фе-ликс!

– У нас нет выхода, доктор. Приступайте!

Врач достает шприц, наполняет его лекарством и втыкает иглу в горло Феликса, туда, где находятся голосовые связки. Вытирает ватным тампоном красную капельку.

– А-э-и-о-у. Шла Саша по шоссе и сосала сушку. Ба-бе-би-бо-бу, бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка бела губа была тупа.

Зал продолжает неистовствовать. Громкоговоритель оживает:

– Утихомирьте зрителей! Начинаем!

Молодая журналистка остается за кулисами и смотрит выступление.

Сцена освещена, пурпурный бархатный занавес разъезжается под аплодисменты публики. Феликс Шаттам, ставший после смерти Дария Возняка самым популярным юмористом Франции, начинает первый скетч.

– Ну, друзья, долго же вы собираетесь! Сколько вас можно ждать? – произносит он голосом президента республики.

Зал смеется.

– У меня для вас две новости, хорошая и плохая. Хорошая: выступление началось. Плохая: вам придется терпеть меня целых полтора часа. Но это все-таки не пятилетний срок.

Зал взрывается хохотом.

Секундант Боб облегченно вздыхает. Феликс вызвал две первые волны смеха, самое трудное позади. Теперь все пойдет как по нотам. Он следит за выступлением с хронометром в руках.

К Лукреции подходит пожарный.

– Я не люблю имитаторов. Как правило, в обычной жизни эти люди безлики, вот и поют с чужого голоса.

– Я знал всех комиков моего времени, они ведь выступали здесь… – Кажется, пожарный решил пуститься в воспоминания. – Дарий чем-то напоминал Колюша, а Феликс больше похож на Тьерри Лелюрона. Кстати, жен обоим нашел их агент Ледерманн.

Лукреция пытается слушать скетч, но пожарный невозмутимо продолжает:

– Быть имитатором – это болезнь. У них раздвоение личности. Но их не лечат, а наоборот… Им платят за то, что они выставляют свою патологию напоказ!

Лукреции это кажется забавным, и она думает, что пожарный не так уж далек от истины.

Смех в зале затихает и возникает вновь, как океанский прибой. Волны становятся все выше, и последняя накрывает весь зал. Зрители встают, начинается овация.

– Еще! Еще! Феликс! Феликс!

Комик бросает взгляд на Боба, который жестом дает понять, что время еще есть. Феликс не заставляет себя упрашивать. Он читает еще два скетча, изображая папу Римского и президента США.

Полный триумф. Кланяясь, Феликс напоминает, что будет участвовать в шоу, посвященном памяти Дария, которое состоится здесь же, в «Олимпии».

Пурпурный занавес закрывается. Артист с трудом протискивается к своей гримерке сквозь толпу поклонников, требующих автограф. Служба безопасности оттесняет их к выходу и обещает, что Феликс выйдет к ним. Когда коридор пустеет, Лукреция подходит к Бобу, стоящему перед гримеркой, и просит разрешения взять интервью для «Современного обозревателя».

– Феликс устал. Его нельзя беспокоить, поговорите завтра с его пресс-атташе.

Лукреция хватает Боба за запястье, выворачивает ему руку и врывается в гримерку.

– Что вы делаете? – удивленно восклицает Феликс, который снимает грим перед зеркалом.

– Я журналистка. Хочу задать вам несколько вопросов.

– Сейчас совсем не подходящее время.

Боб уже входит с угрожающим видом, он готов вызвать службу безопасности.

Лукреция быстро перебирает список ключей.

Деньги? Нет.

Секс? Нет.

Слава? Нет.

Умение слушать? Нет.

Только что у него был припадок паники. Этот человек живет в страхе. Страх – вот отличный ключ.

Она поворачивается к комику.

– Я пришла спасти вам жизнь. Здесь умер Дарий, и это не было несчастным случаем. Вы тоже погибнете, если не поможете мне!

Феликс испытующе смотрит на нее, затем разражается хохотом и обращается к Бобу, которому по-прежнему не до смеха:

– Отличная шутка!

Господи, кажется, я поняла! Юмор – вот правильный ключ. Значит, я ошибалась. Есть юмористы, которые любят смеяться.

— Что ж, хорошо. Я дам интервью, но при одном условии: вы рассмешите меня еще раз.

Лукреция думает, что мужчины до старости остаются детьми и, предложив поиграть, от них можно добиться чего угодно. Исидор клюнул на три камешка, Феликс – на лучшую шутку.

Но у нее всего одна попытка. Бить надо сразу в цель.

– Как слепому парашютисту узнать, что он скоро приземлится?

Комик кивает, приглашая ее продолжать.

– Поводок собаки-поводыря начинает провисать.

Феликс выглядит удивленным. Он не смеется.

– Это шутка Дария. Я ее забыл. Вы не поверите, но у меня в памяти анекдоты вообще не задерживаются, я помню только свои собственные скетчи… Ладно, задавайте ваши вопросы, пока я снимаю грим, – соглашается он, признавая ее победу.

– Какие отношения связывали вас с Дарием?

– Циклоп – мой учитель, друг, названый брат. Он научил меня всему. Предложил контракт с «Циклоп Продакшн», помог достичь славы. Я всем обязан ему.

– Вас очень огорчила его смерть?

– Вы не можете себе представить, как я переживаю. Ему было всего сорок два года. Он был еще так молод! Как это несправедливо! Такое комическое дарование! Он умер, едва начав восхождение к вершинам таланта. Я считаю, он мог бы достичь гораздо большего. Его последнее шоу потрясает мастерством и новизной. Это, наверное, и подорвало его силы. Я-то знаю, каких жертв требует юмористическое шоу.

Лукреция кивает, записывает, поправляет новую прическу – шедевр Алессандро, а затем спокойно говорит:

– Я ведь не шутила. Я действительно считаю, что Дария убили. Как вы думаете, кто мог желать ему смерти?

Комик прекращает снимать грим. Выражение его лица меняется.

– Никто! Все любили Циклопа! Абсолютно все!

– Сомневаюсь. Когда ты так знаменит, то обязательно вызываешь зависть и ревность. Быть лучшим – значит иметь врагов.

– Я вижу, куда вы клоните. Если вы думаете, что я убил Дария, то вы ошибаетесь. Я сидел в зале, с друзьями, и ни на секунду не отлучался до самого конца представления.

Нам, комикам, очень важно чувствовать зрителей. Итак, если допустить, что вы правы – хотя это маловероятно, – кто мог желать его гибели? Нужно подумать…

Феликс оборачивается и, подражая голосу знаменитого сыщика из телесериала, загадочно говорит:

– Ищите виновника его смерти не среди лучших, а… среди худших!

– И кто же худший?

Феликс вытирает руки.

– Тот, чья карьера погибла по вине Дария. Такой человек действительно мог затаить зло на Циклопа. И даже желать его смерти.

Феликс Шаттам снимает с лица последние следы грима, словно воин, смывающий боевую раскраску после выигранного сражения.

– Если вы любите загадки, я подарю вам одну.

– Я вся внимание.

– Человек останавливается на распутье. Одна дорога ведет к сокровищам, другая – в логово дракона, к гибели. У начала каждой дороги стоит всадник: один всегда лжет, а другой говорит правду. Им можно задать только один вопрос. Кого из всадников и о чем нужно спросить?

Лукреция задумывается, потом говорит:

– Увы, никогда не была сильна в логике. Такие загадки для меня слишком сложны. Я позвоню вам, если узнаю ответ. Дайте мне, пожалуйста, номер вашего телефона.

Она выходит из театра. На улице дождь.

Только бы волосы не начали завиваться. Я столько заплатила парикмахеру…

Она смотрит на блистающую огнями «Олимпию».

Никогда не думала, что это так трудно. То, что делал Дарий и продолжает делать Феликс, чрезвычайно сложно и изнурительно. Теперь я знаю, каково им приходится. Ни за что не согласилась бы смешить кого-то за деньги. Я бы с ума сошла от ужаса, если бы зрители не смеялись или смеялись слишком тихо.

Она закуривает и сильно затягивается, чтобы снять напряжение.

33

Трое друзей обожают анекдоты. Они знают их наизусть и уже не рассказывают, а просто называют номера.

Один говорит:

– Двадцать четвертый!

Все покатываются со смеху.

Другой говорит:

– Семьдесят третий!

Все снова хохочут.

Последний:

– Моя очередь! Пятьдесят седьмой!

Гробовая тишина.

– Вы что? В чем дело? Вам не нравится пятьдесят седьмой? – расстроенно спрашивает он.

– Нравится, – отвечают ему друзья. – Ты просто не так его рассказываешь.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Школа смеха»

34

Рука скользит по ткани.

Лукреция берет из шкафа шелковую тунику цвета спелой сливы, достает из холодильника банку шоколадно-ореховой пасты, зачерпывает мизинцем тягучую сладкую массу. Она садится у компьютера и, печатая девятью пальцами, начинает изучать сайты известных юмористов.

Кроме Дария Возняка и Феликса Шаттама на вершине юмористического олимпа еще человек двадцать. Официальные сведения о гонорарах юмористов основаны на кассовых сборах. Дарий собирал сто тысяч евро за вечер. Феликс – всего шестьдесят.

Лукреция понимает, что умение потешать публику приносит огромные деньги, и это никого не возмущает, не то что прибыли промышленников или политиков.

Отличная все-таки профессия.

Она записывает загадку Феликса Шаттама.

«Человек останавливается на распутье. Одна дорога ведет к кладу, другая – в логово дракона, к гибели. У начала каждой дороги стоит всадник. Один всегда лжет, а другой говорит правду. Им можно задать только один вопрос. Кого из всадников и о чем нужно спросить?»

Это не шутка. Здесь надо искать скрытый философский смысл.

Вдруг Лукреция замечает, что красная рыбка как-то странно себя ведет. Вместо обычных плавных кругов карп быстро выписывает по аквариуму восьмерки.

Левиафан хочет мне что-то сказать.

Лукреция подходит и внимательно наблюдает за рыбкой. Затем оборачивается и смотрит на шкаф.

Бумаги лежат не так, как всегда. Все вещи передвинуты.

Кто-то заходил в квартиру и рылся тут!

Гость оставил мало следов, значит, это кто-то опытный.

Не вор. Скорее частный детектив. Видимо, мое расследование кого-то беспокоит. Или интересует. Может быть, убийцу?

Лукреция возвращается к аквариуму. Сиамский императорский карп прячется в длинных водорослях, которые качаются в струе пузырьков, поднимающихся над затонувшим пиратским кораблем.

– Левиафан, на будущее, приглядывай за комнатой. Если тут будет кто-то посторонний, выражай свои чувства яснее. Поступай, как дельфины: они выпрыгивают из воды и кричат.

Левиафан разгоняется и стремительно выскакивает из своего убежища. Лукреция видит отражение на стенке аквариума. Тень, прятавшаяся за занавеской, выскальзывает в прихожую и покидает квартиру.

Незваный гость бежит по лестнице, Лукреция преследует его.

Черт возьми! Он еще был в комнате! Вот что пытался сказать Левиафан!

Лукреция не может догнать незнакомца.

Что же он искал у меня?

Лица, закрытого капюшоном, не разглядеть. Незнакомец спускается в метро, проскакивает через турникет и оказывается на платформе. Лукреция успевает прыгнуть вслед за ним в подошедший поезд… и видит в окно, как человек в капюшоне бежит к выходу из метро. Он просто сделал вид, что садится в поезд.

Пора прибегнуть к решительным мерам. Я должна узнать, что происходит.

Она дергает стоп-кран. Поезд останавливается под оглушительный визг тормозов. Звенит звонок. Лукреция с усилием открывает двери и бежит за капюшоном. Она видит, как вдалеке фигура незнакомца сливается с толпой.

Я не могу его упустить.

Она решает сократить путь и сворачивает в более свободные боковые коридоры. Смотрит вперед, поверх голов, и забывает посмотреть под ноги. Наступает на что-то гладкое и желтое – и скользит. Земля уходит у нее из-под ног. Контакт с поверхностью планеты нарушен.

Господи, неужели это банановая кожура? Только не это! Только не сейчас!

И Лукреция шлепается на задницу.

Неподалеку сидит нищий с обезьянкой в балетной пачке. Нищий смеется. Обезьянка тоже.

35

Слепой заходит в бар, где сидит много блондинок. Он протискивается к стойке и заказывает себе пиво. Потом говорит официантке:

– Хочешь анекдот про блондинку?

В баре воцаряется тишина. Сидящая рядом женщина говорит громким низким голосом:

– Голубчик, пока ты не начал, хочу предупредить… Во-первых, официантка блондинка. Во-вторых, вышибала тоже блондинка. В-третьих, у меня рост метр восемьдесят, вес восемьдесят пять килограммов, черный пояс карате, и я тоже блондинка. В-четвертых, рядом со мной сидит еще одна блондинка, она профессионально занимается греко-римской борьбой. В-пятых, барменша – чемпионка по тяжелой атлетике и тоже блондинка. И все мы достаточно болезненно относимся к заявленной тобой теме. Ну как, ты все еще хочешь рассказать свой анекдот?

Слепой отвечает:

– Нет. Замучаешься объяснять, где смеяться.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

36

Зрители в «Заднице мира» не смеются.

Артист рассказывает анекдоты только о заиках. Кое-кто встает и, вздыхая, проходит мимо сцены к выходу. Комик начинает следующий скетч.

В первом ряду кто-то громко храпит, ему не мешает неестественный хохот, которым юморист разражается после каждой шутки.

– Слышали девиз общества заик? «Дайте за-Ко-Ко-Кон-чить!»

Жидкие аплодисменты. Многие шикают и свистят, но комик раскланивается словно под гром рукоплесканий.

Зрители расходятся, некоторые в полный голос говорят: «Полное убожество».

Обескураженный комик остается на сцене один, и вдруг видит, как к нему приближается восхитительная молодая женщина на высоких каблуках, с осиной талией и большими сияющими зелеными глазами.

– Вам понравилось? – спрашивает он, и уже достает ручку, чтобы дать автограф.

Лукреция вспоминает слова Феликса: «Кто хочет уничтожить сильнейшего? Слабейший».

Она представляется. При слове «журналистка» юморист улыбается, вспоминая дни своей минувшей славы. Лукреция задает вопрос, но комик грустно качает головой.

– Нет, я не Себ. Он наверху, в самом маленьком зале. На «Задворках Задницы мира». Идите скорей, выступление сейчас начнется. А как вам мое шоу? Просто чтобы знать.

– Очень хорошо, правда, – отвечает Лукреция уже на бегу.

Наверху в маленьком зале занавес открывается, и комик Себастьян Доллен по прозвищу Себ начинает первый скетч акробатическим этюдом со стулом. Он оглядывает публику. В зале, рассчитанном на пятьдесят человек, всего пять зрителей. Он прекращает выступление.

– Послушайте, – говорит он, – народу мало, но я не хочу отменять спектакль. У меня есть развлечение специально для вас – пародия на каждого из присутствующих.

И Себ изображает каждого из пяти зрителей. Первый удивлен. Второй думает: «Посмотрим, сумеешь ли ты меня рассмешить!» Третий смеется надо всем подряд, чтобы получить максимум удовольствия за свои деньги. Четвертый устал и вот-вот заснет, а пятый не успевает следить за происходящим.

Затем комик просит пятерых зрителей подойти поближе и сесть в первом ряду. Он импровизирует, придумывая шутки на тему утренних новостей и последних событий в мире. В этих удивительных экспромтах есть что-то трогательное и интригующее.

Кто этот человек?

Обаяние Себастьяна Доллена покоряет Лукрецию. Он с неподражаемой легкостью меняет темы, шутки сыплются одна за другой. Пятеро зрителей хохочут, хлопают от души. В конце выступления Себ раздает им бесплатные билеты для знакомых.

Немногочисленная публика уходит в полном восторге. Лукреция, пришедшая последней, продолжает сидеть в тени, в глубине зала.

На сцену поднимается директор.

– Очень хорошо, Себ! Сегодня ты отлично выступил.

– Правда?

– Жалко, народу не было. И мы, к сожалению, не сможем больше сотрудничать.

– Дайте мне еще один шанс. Я уступлю вам шестьдесят процентов сбора, – просит комик. – Вы же знаете, нужно время, чтобы шоу приобрело популярность.

– Себ, шестьдесят процентов от трех проданных и двух бесплатных билетов – это не бог весть что.

– Но они смеялись! Вы же слышали, они остались довольны! Семьдесят процентов.

Директор зала беспомощно разводит руками.

– С тобой все кончено, Себастьян. Наступает момент, когда нужно уходить на пенсию.

– Да мне тридцать семь лет!

– Для комика это много. Ты начал в двадцать, у тебя за плечами больше семнадцати лет на сцене. Ты уже старый комик, час твоей славы прошел.

– Хорошо, восемьдесят вам и двадцать мне. Вы знаете, на что я способен. И публика тоже знает.

– Прекрати, Себастьян. Бесплатных билетов недостаточно, чтобы привлечь зрителей. Я не говорю ничего нового: в наши дни нужны выступления по телевизору.

– Но высокий уровень моих…

– Сначала телевидение, потом уровень.

Себастьен Доллен высок, тщедушен, волосы свисают на лоб, а зубы напоминают костяшки домино. Директору «Задницы» лет тридцать, он похож на чиновника, на нем серый костюм, желтый галстук и дорогие часы. Разговаривая, он смотрит на свои вычищенные до блеска ботинки.

– Девяносто процентов вам, – говорит юморист.

– Театр – это та же булочная. Чтобы процветать, он должен продавать свою продукцию. У тебя могут быть лучшие слойки в мире, но если покупатели не придут в магазин, ты разоришься. Пойми, Себ, мне очень нравится твоя работа, я твой самый верный поклонник. Но я не меценат и не министерство культуры. Я человек, который купил помещение и задолжал банку. Меня уже тянет ко дну шоу этого кретина внизу, я больше не могу рисковать.

– Дайте мне его зал.

– Нет, не могу. На него приходят девяносто человек, которые уходят разочарованными. А на тебя пять, хотя они остаются довольны. Закон чисел на его стороне. Закон сборов, во всяком случае. А для меня это самый важный показатель. Ты, наверное, самый остроумный и талантливый артист из всех, что выступали в этом театре, но люди об этом не знают, потому что о тебе не говорят средства массовой информации. А слухи, увы, распространяются медленно. Пойми и ты меня. Я возьму Бельгадо.

– Николя Бельгадо? Но у него все шутки ниже пояса!

– Может быть, но он нравится молодежи, и его начали показывать на популярных каналах – видимо, потому, что тема «ниже пояса» нарушает запреты. Бери с него пример, попробуй более «запретный» юмор.

– Может, некрофилию? Люди, которые трахаются с трупами, для вас достаточно запретны?

– Почему бы и нет! Я серьезно, Себ. Юмор должен потрясать устои. «Ниже пояса» – это просто, но и до этого надо было додуматься. Николя занял свободную нишу.

Себ глубоко вздыхает.

– Если вы меня оставите, я отдам сто процентов сборов.

Директор ласково кладет ему руку на плечо.

– Это непрофессионально. Ты нищенствуешь. Я не могу заставить тебя работать бесплатно. Ты же не собака!

– Я так решил. Я слишком люблю сцену и не могу ее покинуть.

– Но у меня тоже есть совесть. Я не могу обирать бедных талантливых комиков.

– Да, ведь вы даете сцену богатым бездарным комикам, которым она вовсе не нужна. Вы же знаете, Николя Бельгадо – сын производителя сахарной свеклы. Он выступает, чтобы хоть чем-то себя занять. А на телевидение он пролез благодаря связям отца, который покупает рекламное время.

– Ну вот, ты становишься злым, собираешь сплетни про коллег. Однако ты забываешь: не хочу тебя обидеть, но, когда *тебя* показывают по телевизору, ты производишь впечатление… совершенно заурядного человека.

Лицо Себа искажается от самого страшного оскорбления, которое только может услышать профессиональный юморист.

– Послушай, Себ. Вот тебе дружеский совет: продолжать карьеру в твоем случае – это просто продлевать агонию.

Затаившись в последнем ряду, Лукреция, не дыша, слушает их разговор.

Себастьян Доллен хочет что-то сказать, открывает рот, потом, очевидно передумав, уходит, тяжело ступая.

Лукреция бесшумно встает и следует за ним.

Себастьян Доллен заходит в ближайшее кафе, здоровается с несколькими знакомыми. Хозяин тепло приветствует его. Комик садится за стойку и требует водки.

– Прости, Себастьян. Ты мне и так должен больше тысячи евро.

Хозяин указывает на объявление, висящее над бутылками: «Мы не отпускаем в кредит, чтобы не терять друзей».

– Всего одну рюмку! У меня был тяжелый день… Я дам тебе бесплатные билеты на свое следующее выступление.

– Я уже был на твоем выступлении. С сыном. Ему не понравилось.

– Да ему же три года! Он все время плакал. И кстати, сорвал спектакль.

Хозяин непоколебим.

– Вот именно. Юмористическое шоу не должно вызывать слезы у детей. Может быть, тебе что-то поменять в своем творчестве?

Хозяин смотрит на комика, и его начинает терзать совесть. Он достает бутылку водки и наливает стакан до краев.

– В последний раз.

Через час Себастьян Доллен, пошатываясь, выходит из бистро, которое тут же закрывается. Хозяин явно не сдержал слово.

Комик прислоняется к дорожному указателю и рушится вместе с ним на землю. Никто не пытается поднять его, и он лежит на тротуаре, словно тряпичная кукла. Молодой человек в кепке подходит к Себастьяну, делает вид, что хочет помочь, и запускает руку ему в карман, чтобы стащить бумажник.

Лукреция догоняет парня в кепке. Она хватает его за плечо, наносит сильный удар в живот. Пока вор, согнувшись пополам, хватает воздух ртом, она забирает у него бумажник и возвращает владельцу, который все еще валяется под фонарем.

Себастьян Доллен открывает один глаз и вместо благодарности произносит:

– Он все равно пустой.

Лукреция помогает комику встать. Он шатается и опирается на ее плечо.

– Я видела ваше выступление и слышала разговор с директором. Я журналистка и…

Он резко отталкивает ее, едва не падает, но все-таки удерживается на ногах.

– Куда вы лезете? Оставьте меня в покое! Я не нуждаюсь в вашей жалости!

Лукреция отмечает, что ключ «сочувствие» не работает.

Чтобы завоевать доверие этого выпавшего из гнезда птенца нужно что-то другое. Помогу ему катиться вниз по наклонной плоскости.

– Можно угостить вас стаканчиком? Это успокаивает.

Себастьян Доллен хочет отказаться, но ему не хватает силы воли.

– Я, кстати, еще и голодна, – говорит Лукреция.

Она находит индийский ресторанчик, еще открытый в этот поздний час. Себастьян падает на стул, Лукреция заказывает бутылку вина.

13,7 градуса. Это развяжет ему язык.

Себастьян Доллен залпом выпивает целый бокал.

– Мне не нужна помощь, – бормочет он. – И уж во всяком случае, от журналистов. Ик. Они не сделали мне ничего хорошего. Всегда игнорировали меня, пренебрегали моей работой. Они могли бы меня спасти, но не захотели! Так оставьте теперь меня в покое! Уже слишком поздно.

– Скажите, Себ, сколько дней вы не ели?

Его выступающие скулы и худая фигура говорят о вынужденном посте. Лукреция заказывает курицу тандури и сырные лепешки.

– Я не голоден.

Лукреция снова наливает ему полный бокал бордо.

– Что вам нужно? – спрашивает Доллен.

– Я готовлю репортаж о смерти Дария.

– Надоело, со всех сторон только о нем и слышно! Говорите обо мне, это единственное, что меня интересует.

– Но его смерть наверняка взволновала вас?

– Да уж, взволновала – так взволновала!

Он усмехается.

– Я страшно рад, что этот урод подох, что его сожрут черви, что он сгниет! Я бы с удовольствием помочился на его могилу!

С этими словами Себастьян Доллен выходит в туалет. Через некоторое время он возвращается в зал, застегивая на ходу ширинку.

– Вы были с ним знакомы? – спрашивает Лукреция.

– Да, и это было незабываемое знакомство! Он пришел на мое первое выступление. Я усадил его на лучшее место. Я заставил публику аплодировать ему! «Сегодня нам повезло, вместе с нами в зале находится гениальный комик, Циклоп, сам Великий Дарий!» Он встал, и все зрители, мои зрители, ему хлопали! Я тогда собирал залы на сто пятьдесят – двести человек. После спектакля он сказал (мне врезалось в память каждое слово): «Мне понравились три твоих скетча, я буду их исполнять». Я подумал, что не понял его, и спросил: «Вы хотите их купить?» А он ответил: «Нет, идеи принадлежат всем, я возьму их себе, вот и все». Я возразил: «Но эти скетчи написал я. Я их создатель». А он положил мне руку на плечо и сказал: «Идеями должны распоряжаться не те, кому они пришли в голову, а те, кто может донести их до зрителя. Если бы скетчи могли сами принимать решение, они выбрали бы не тебя, ничтожного, никому не известного комика, а меня, великого Дария, знаменитого артиста, который может обеспечить им лучшую жизнь. Поэтому не будь эгоистом, считай свои скетчи детьми, которые хотят сменить семью и стать богатыми и счастливыми».

Себастьян Доллен словно заново переживает эту сцену.

Официант в тюрбане и тапках с загнутыми носами приносит курицу тандури, и комик жадно набрасывается на еду.

– Я помню, он еще сказал: «Представь, что я щедрый приемный отец. Я воспитаю твоих детей, осыплю их подарками и прославлю на весь мир». Я ответил: «Нет, я не позволю украсть моих детей». Тут его тон совершенно переменился, он стал угрожать: «Думаю, ты не понимаешь, с кем говоришь! Что ж, будь по-твоему. Я хотел по-хорошему, но тебе не нравится честная игра. Я все равно отниму у тебя то, что мне нужно. А будешь мешать, сверну тебе шею».

– Вы ни с кем его не путаете? – с сомнением спрашивает Лукреция.

– Вы считаете, такое можно выдумать? Я говорю о Циклопе. О человеке с горящим сердечком в глазу. О любимце толпы.

Лукреция пристально смотрит на него.

– В это трудно поверить… Но продолжайте. Что же было дальше? – говорит она, записывая слова Себа, чтобы показать ему: информацию, полученную от него, она считает важной.

– Дарий, как и обещал, начал практически слово в слово исполнять три скетча из моего репертуара. В залах на несколько тысяч зрителей. Сволочь. Он все предусмотрел и, видимо, записал их на мобильный телефон во время моего выступления. Три моих лучших скетча! С тем же успехом он мог прийти в картинную галерею, украсть три знаменитых полотна, а потом продать их. Чистый, неприкрытый грабеж!

Себ роняет на пол вилку. Под неодобрительными взглядами остальных посетителей он поднимает ее и вытирает салфеткой.

Чтобы отвлечь окружающих, Лукреция достает машинку для смеха, которую ей подарил Стефан Крауц, и нажимает кнопку. Негромкий искусственный смех разряжает обстановку в зале.

Себастьян Доллен продолжает.

– Вы понимаете, он вызывал аплодисменты целой толпы моими шутками, моими трюками, моими персонажами. Он украл у меня даже мимику, даже манеру смотреть.

Лукреция наливает ему вина. На этот раз не для того, чтобы развязать ему язык, а чтобы успокоить.

– Я подал жалобу в суд. Но знаете, как говорится: «Хороший адвокат знает законы. А очень хороший адвокат знает судью». – Себастьян зло смеется. – У Дария был именно такой адвокат. Он брал очень дорого, всех знал и был знаменит тем, что не проиграл ни одного процесса. Он легко справился со мной. И это еще не самое страшное. Суд не только вынес решение в пользу Дария и разрешил ему исполнять мои скетчи, меня обязали возместить деньги, потраченные на защиту от «противозаконных попыток нанести ущерб имиджу публичного человека». И я возместил!

Вилка Себастьяна опять рискует свалиться на пол. Чтобы отвлечь его, Лукреция быстро наливает ему вина. Она пытается утешить его:

– Еще Лафонтен говорил: «У сильного всегда бессильный виноват».

– Да, у бесчестного всегда виноват честный. Но и это еще не все. Когда все кончилось, мой адвокат развел руками: «Увы, не повезло! У них защита сильнее», и пошел к Дарию за автографом. Вот этого я ему никогда не прощу. Да и не только адвокат, и судья тоже: «Это для моего сына, он ваш поклонник». Почти все выстроились в очередь за автографом, как в скетче Дария «Петрушка побеждает квартального». А злым квартальным оказался я…

Себастьян Доллен горько усмехается, берет сырную лепешку и продолжает говорить с набитым ртом:

– Но он и на этом не остановился. Ему было мало обокрасть, разорить и унизить меня в суде. Дарий решил, что пора, как он и обещал, «свернуть мне шею». Он занес меня в «черный список» всех телеканалов.

В зале появляется человек с букетиками жасмина, которые опрысканы ароматизатором. Приняв Лукрецию и Доллена за влюбленную парочку, он предлагает им цветы. Лукреция качает головой. Человек настаивает.

– К сожалению, вы опоздали, мы уже переспали, – резко говорит Лукреция, чтобы избавиться от надоедливого продавца.

Тот поспешно отходит и начинает предлагать цветы другой парочке.

– Как это, в черный список? – недоумевает она.

– Очень просто. Достаточно невинной фразы, вроде: «Я не появлюсь на этом канале, если там будет выступать Себ». Скажите это один раз одному журналисту, и новость разнесется повсюду.

– Вы его ненавидите?

– Это слово недостаточно сильно, чтобы выразить всю степень моего отвращения к нему.

– Его смерть обрадовала вас?

– Я открыл шампанское, чтобы отпраздновать это событие. Когда показывали его похороны, я танцевал перед телевизором.

– Вы убили его?

Себастьян нервно усмехается.

– Нет. Я слишком труслив. И жалею об этом. Ведь если бы я это сделал, то смог бы спокойно смотреть себе в глаза.

– Как вы думаете, кто мог бы решиться на это?

Комик задумывается.

Официант-индиец приносит десертное меню. Лукреция выбирает сладкое блюдо с непонятным названием «Гулаб джамун» – пропитанные медом шарики из манки с шафраном.

Себастьян Доллен ест жадно, не замечая вкуса, его челюсти двигаются так энергично, словно он хочет перекусить хребет невидимому врагу.

Он взмахивает рукой.

– Да кто угодно! Думаю, все, кто не входил в банду его приятелей, искренне ненавидели его. Я имею в виду тех, кто знал, что он на самом деле собой представляет!

Чтобы поднять настроение, Лукреция снова достает брелок. Раздается механический смех. Себ с интересом рассматривает брелок «Смущенная девственница».

– Хуже всего то, что мой процесс имел чудовищные последствия. О нем написали в газетах, и это стало предупреждением для всех. Комики испугались. И, не оказывая сопротивления, позволили себя грабить.

– Не могу в это поверить. Но не могу поверить и в то, что вы все это выдумали.

Себастьян хочет налить вина в уже полный бокал. На скатерти расплывается пятно.

– Дарий был вором. Он крал чужие шутки, беззастенчиво присваивал анекдоты.

Возможно, Исидор прав.

– Когда остальные комики поняли, что Дарий вор, то решили прибегнуть к самообороне: они стали прерывать выступления, когда он входил в зал. Только так они могли показать свое отношение к его бесчестному поведению.

– Но он же помогал молодежи, основал школу смеха, поддерживал новые таланты. Это ведь настоящая благотворительность!

– В этом-то и весь ужас. Если не верите, посмотрите на плоды его «благотворительности» в так называемом «Театре Дария», где воспитывают юных комиков. Сходите туда. Там вы найдете ответ на вопрос «Кем же на самом деле был Дарий?».

Лукреция не знает, что и думать. Она смотрит на совершенно пьяного Себастьяна Доллена, который продолжает пить, пить и пить.

На стене за его спиной картина: великолепный дворец из золота и серебра.

37

3212 год до нашей эры

Индия, город Хараппа

Девушка танцевала под звуки томной мелодии, которую три музыканта исполняли на флейте, арфе и тамбурине.

Решив проблемы питания, безопасности, строительства жилищ, общественной организации, политики, гигиены, люди начали тратить свободное время на те виды

деятельности, которые не были насущно необходимыми – такие, как религия, живопись, музыка, танцы, игры, литература.

После выступления к танцовщице подошел молодой принц. Он развернул папирус, на котором его писец нарисовал множество разнообразных поз для занятий любовью. Он показал девушке изображение, отмеченное индийской цифрой 83.

Юная танцовщица несколько раз перевернула рисунок, прежде чем наконец поняла, что ей предлагает принц. Она кивнула, и они поднялись в спальню, где стояла огромная кровать с красными подушками. Девушка встала на четвереньки, принц прижался к ней сбоку и вошел в нее так, как было изображено на рисунке. Они переплели ноги и руки, сблизили губы. Их тела начали двигаться в сладострастном ритме. Принц двигался так же хорошо, как и девушка. Рядом с кроватью курился фимиам. Они долго наслаждались друг другом. Кожа танцовщицы пахла магнолией.

Наконец семя принца изверглось, девушка испустила стон. Они захотели разжать объятия, но их половые органы не разъединялись, они не могли отодвинуться друг от друга.

Сначала им было смешно, но потом они начали сердиться. Принц позвал слуг, те явились и, обнаружив два прикованных друг к другу тела, не смогли удержаться от смеха.

Контраст между мгновением наслаждения и развязкой был слишком комичен. Слуги рассказали всем об этой смешной истории, которая позже была записана и сопровождена иллюстрацией.

Это случилось в третьем тысячелетии до нашей эры. Так появилась первая шутка о сексе.

Пребод, один из слуг, занимался йогой. Вдохновленный забавным происшествием, он создал новую йогу – йогу смеха.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник G.L.H.

38

Снаружи «Театр Дария» похож на цирк. Разноцветные лампочки мигают вокруг афиш и объявлений, написанных ядовито-розовыми буквами. Над каждым входом реют знамена с эмблемой Дария. Траурная кайма напоминает о том, что основатель театра недавно скончался.

Лукреция встает в конец длинной очереди. Подойдя к кассе, она предъявляет журналистское удостоверение, но кассир говорит, что бесплатные билеты – только для представителей прессы, приглашенных «Циклоп Продакшн», а скидки полагаются инвалидам, студентам, безработным и вдовам героев войны.

– Вот одна из проблем Франции, – вещает кассир с сильным славянским акцентом. – Французы борются с неравенством, но поддерживают привилегии!

Он очень доволен шуткой, явно позаимствованной у кого-то из тех, кто изображен на афишах.

Лукреция покупает билет и проходит мимо контролера. Зал вмещает более четырехсот человек. Вокруг главной сцены со всех сторон стоят удобные кресла. Это настоящий ринг, окруженный веревками и освещенный мощными прожекторами. Зрители рассаживаются и под оглушительную музыку из фильма «Рокки» появляются две команды по шесть человек, одна в синей одежде, другая – в красной.

Лукреция узнает учеников «Лиги Импровизации», она видела их по телевизору. Это молодые комики из новой «Школы Смеха».

Еще одна организация, созданная и возглавленная Дарием.

Зал аплодирует артистам, которые вскидывают руки, словно гладиаторы перед смертельной схваткой, и занимают места в противоположных углах ринга.

Музыка все громче, на сцену выходит ведущий в розовом костюме, светло-розовой рубашке и темно-розовом галстуке – это брат Дария, Тадеуш Возняк.

Он кланяется, ждет, пока стихнут аплодисменты, и берет микрофон.

– Дамы и господа, сегодня особый день. Дария больше нет.

С потолка до самого пола разворачивается огромная фотография Дария, приподнимающего повязку над глазом со светящимся сердечком.

– Дарий расстроился бы, увидев, что мы грустим, – продолжает Тадеуш. – Я знаю, если бы он был сейчас с нами, то лучшим приветствием стал бы хохот.

Зрители аплодируют, некоторые пытаются смеяться.

– Он говорил: «Люди умирают, шутки живут». Поэтому сегодня состязание импровизаторов пройдет так, словно дух Дария парит над этим рингом.

Бурные аплодисменты.

– Для тех, кто здесь впервые, напоминаю правила турнира. Я вытащу из шляпы записку с темой для импровизации. Затем каждая команда представит участников, которые будут выступать.

Зал свистит в знак того, что правила ему знакомы, но Тадеуш невозмутимо продолжает:

– Соревноваться можно один на один, двое на двое… и так вплоть до шестерых против шестерых. Допускаются и такие варианты, как один против двоих, двое против четверых и даже один против шестерых. Капитан каждой команды решает, сколько человек примет участие в схватке. В конце каждого раунда ваши аплодисменты, зафиксированные аплодиметром, определят самую остроумную команду. Всего двенадцать раундов. Ваши аплодисменты помогут выбрать лучшего игрока лучшей команды…

Зрители одобрительно гудят.

– …который сможет принять участие в телевизионной передаче «Шоу Дария».

Лукреция делает пометки в блокноте.

Тадеуш представляет публике двенадцать игроков. Сбросив плащи, они остаются в майках и шортах. На спине и на груди у них, словно у хоккеистов, порядковые номера. Синяя команда против красной.

Лукреция вспоминает, что идея устраивать турниры комиков-импровизаторов родилась в Квебеке и пользовалась большим успехом задолго до того, как появилась в Париже.

Игроки пожимают друг другу руки. Тадеуш Возняк вызывает капитанов, которые тянут жребий, чтобы узнать, какая команда выступает первой. Капитан «красных» достает записку из шляпы Тадеуша и читает:

– Ваша мать узнала, что вы – наемный убийца.

Капитаны совещаются с командами. Синие выдвигают азиатку под номером четыре. От красных выходит чернокожий юноша, он будет изображать сына. Члены команд подсказывают своим игрокам остроумные реплики, капитаны дают последние советы.

Молодые люди встают друг напротив друга и начинают диалог.

После третьей реплики за спиной Лукреции раздается крик:

– Смеши или убирайся!

Зал подхватывает клич, подстегивая соперников.

Девушка «синих» явно вырывается вперед, юноша «красных» защищается. Учитывая, что он изображает наемного убийцу, это выглядит довольно странно.

Зал вновь скандирует:

– Смеши или убирайся!

Выкрики мешают обоим игрокам. Смех то стихает, то усиливается, голоса выступающих становятся громче, мимика выразительнее, зал чувствует волнение обоих участников поединка. Зрители молоды, возбуждены, реагируют остро. Они свистят, аплодируют, давят на участников поединка.

Раздается звук гонга. Словно два обессиленных схваткой боксера, молодые юмористы расходятся по углам ринга, к ним подбегают капитаны.

Тадеуш приглашает обоих соперников в центр площадки. Он поднимает руку девушки, зал аплодирует, аплодиметр показывает четырнадцать баллов из двадцати. Затем он поднимает руку молодого человека, одиннадцать баллов. Тадеуш объявляет девушку победительницей в первом раунде.

Затем он вызывает капитана команды противников, и тот вытягивает новую тему: «Скандал на собрании жильцов дома из-за того, что кое-кто ездит в лифте вместе со своими собаками». Обе команды решают выступать в полном составе.

Лукреция неожиданно осознает, что, сама того не замечая, смеется. Это является подтверждением высокого уровня шоу и таланта комиков. Четыреста зрителей смеются вместе с ней.

Кто-то снова выкрикивает:

– Смеши или убирайся!

Два часа пролетают как одно мгновение. Победу одерживают «синие». Все члены команды по очереди выходят вперед. Юная азиатка, игравшая мать наемного убийцы, получает максимум баллов на аплодиметре и становится победительницей.

Тадеуш Возняк протягивает ей микрофон.

– Я выиграла потому, что чувствовала в себе дух Дария, – восклицает девушка восторженно. – Я старалась играть так, как играл бы он.

– Как тебя зовут?

– Жин Ми. Я хочу сказать, что для всех юмористов Дарий остается примером для подражания.

Всеобщее волнение достигает апогея. Зал аплодирует, стоя. Тадеуш ждет, пока наступит тишина, и говорит:

– Мы увидим блистательную Жин Ми в следующем выпуске телевизионного «Шоу Дария».

Неожиданно из динамиков раздается голос Дария:

– Когда-нибудь смеяться будут все. На свете не останется ни грустных детей, ни умирающих от голода бедняков, войны прекратятся. Мир станет не черным, серым или белым, а розовым.

Звучит адажио Сэмюэла Барбера для струнного оркестра, которое исполнялось на похоронах Кеннеди. Удивительный контраст с саундтреком из кинофильма «Рокки». Когда музыка стихает, весь зал поднимается и аплодирует огромной фотографии Дария.

Себастьян Доллен клеветал. Не может быть, чтобы Дарий воровал чужие идеи. Он творец, созидатель, он построил этот театр. Благодаря ему молодые таланты имеют возможность показать, на что они способны, могут расправить крылья. Себ просто завистник, озлобленный неудачник.

У выхода из театра Лукреция замечает Жин Ми, победительницу сегодняшнего турнира.

– Я журналистка из «Современного обозревателя», – представляется Лукреция. – Как вы объясняете ваш триумф?

– Я вырвала у соперников победу потому, что во мне был дух Дария. Я делала то, что делал бы он.

Лукреция замечает, что девушка выработала казенный язык для общения с прессой. Она уже знает: для того, чтобы быть понятой, нужно без конца повторять одно и то же.

– Вы учились у него? Каким он был преподавателем?

– Внимательным и великодушным. Он помогал нам, исправлял ошибки новичков. Всегда умел ободрить, не ругал, не наказывал. Даже запрещал смеяться друг над другом. Одно это дало нам очень много. Другой такой чудесный человек не скоро появится на свет.

– А что вы думаете о новом поколении юмористов?

– Мне кажется, они не умеют и не хотят работать. Они думают, что все само упадет с неба. А я, например, целых два года готовилась к сегодняшней победе.

Жин Ми решает закончить разговор на веселой ноте.

– Знаете, говорят, что сама форма египетских пирамид доказывает – уже в древности люди с каждым днем трудились все менее усердно.

– Это ваша шутка?

– Нет, Дария. Он всегда повторял ее, когда видел, что мы начинаем лениться.

39

2630 год до нашей эры
Египет, Мемфис

– Как его зовут?

– Имхотеп, о повелитель! Он хороший писец. Родом из Гебелена, это маленькая деревушка в южных предместьях Фив. Я не знаю, что на него нашло, – говорит первый министр. – Он просто сошел с ума! Не сомневайтесь, мы накажем его за дерзость.

Фараон Джосер, основатель III египетской династии, почесал смазанную жиром прямоугольную бородку. Лежавшие перед ним папирусы действительно были очень и очень странными.

До сих пор монарх держал в руках лишь военные сводки, отчеты о состоянии казны да карты новых земель. Теперь же он столкнулся с каким-то незнакомым литературным жанром – это были рассказы о выдуманном фараоне Сисбеке.

– Читай!

Очень смущенный министр преодолел нерешительность и начал громко читать:

– Фараон имел обыкновение есть перед сном. Однажды вечером, сев за стол, он обнаружил, что все кушанья безвкусны. Мясо напоминало глину, а напитки – воду. Когда он лег в постель, то весь вспотел и не мог заснуть. Тогда Сисбек позвал лекарей. Те сказали фараону, что он заболел той же болезнью, от которой умер его отец, а лечения от нее не существует. Сисбек заподозрил, что лекари хотят отомстить ему за то, что он издал несколько ущемляющих их законов. Но лекари клялись, что говорят правду. Сисбек начал угрожать расправой, и тогда они признались, что единственный, кто может его вылечить, это колдун Мерире. Правитель пришел в неописуемый гнев из-за того, что они не сказали ему этого раньше.

Министр умолк и с тревогой взглянул на фараона.

– Не должен ли я арестовать глупого писца, сочинившего эту оскорбительную историю?

Фараон Джосер сказал только:

– Читай дальше!

Министр распростерся у ног господина и, уткнувшись лбом в пол, сказал:

– Рукопись на этом заканчивается. Мы успели вовремя вмешаться. Этот рассказ не имеет ничего общего с действительностью. В нем говорится о гневливом фараоне, бездарных лекарях и колдуне, который умеет лечить от всех болезней. Во всем этом нет логики. И я уже не говорю об иллюстрациях!..

После замечания министра фараон Джосер обратил внимание на рисунки и понял, что взволновало первого министра. Фараона Сисбека автор изобразил с головой льва, врачей – с головами шакалов, слуг – в виде маленьких бабуинов, а у первого министра оказалась голова крысы. Благодаря одежде и профессиональным знакам различия все персонажи были узнаваемы.

– Животные, переодетые людьми. Это оскорбительно! И для вас, господин, и для нас.

Фараон Джосер выждал несколько секунд, не зная, как реагировать, а затем расхохотался. И велел немедленно привести автора басни, этого пресловутого писца Имхотепа. Стража немедленно отправилась за преступником. Имхотепа арестовали, связали, силой доставили ко двору и без всяких церемоний бросили к ногам фараона Джосера. Правитель сошел с трона и приблизился к распростертому на земле молодому человеку. Окружавшая злоумышленника стража не давала ему даже приподняться. На вид ему было не больше девятнадцати лет.

– Простите, господин, я не хотел, не понимал, что могу оскорбить вас, – бормотал юноша, не осмеливаясь посмотреть на фараона.

– Убить его? – спросил первый министр.

Но фараон неожиданно помог молодому человеку подняться на ноги.

– У меня есть вопрос к тебе, Имхотеп. Ты сочинил продолжение истории про фараона, врачей и колдуна?

– Э-э…

– Не бойся. Она мне очень понравилась. Я хочу знать, чем все закончилось.

Тогда один из стражников достал свитки папируса.

– Мы нашли у него другие рукописи, где нарисованы животные, переодетые людьми.

Фараон уселся на трон и приказал продолжить чтение. Первый министр поспешил подчиниться.

– Колдун Мерире осмотрел Сисбека и объявил, что может его вылечить. Но при одном условии. Чтобы фараон выздоровел, сам колдун должен умереть.

Фараон расхохотался:

– Великолепно! Как тебе это пришло в голову?

– Э-э… Я все придумал. И нарочно нарисовал всем персонажам головы животных, чтобы никто не решил, что история правдива.

– Читай, – приказал Джосер.

И первый министр продолжил:

– Смерть колдуна оказалась единственным способом спасти фараона. И тот приступил к торгу. Он посулил Мерире любую награду в обмен на жизнь, но колдун не соглашался. Фараон повысил ставки. Он пообещал, что его сын получит особое положение при дворе. Но Мерире этого было мало. Тогда фараон объявил, что во время похорон колдуна по всему Египту пройдут траурные шествия и ему станут поклоняться во всех храмах, начиная с Гелиополиса, где имя Мерире будет выбито на каждой стене.

Колдун все еще колебался. Он ответил, что ему обидно умирать как раз тогда, когда он удостоился чести познакомиться с великим фараоном и оценить его доброту. Это казалось ему несправедливым.

Фараон Джосер рассмеялся еще громче.

Первый министр продолжал читать, а у Имхотепа зародилась надежда на благополучный исход дела.

– Наконец колдун сдался, но поставил несколько условий. Он хотел, чтобы правитель поклялся перед богом Птахом, что будет держать взаперти его жену и та больше никогда не увидит ни одного мужчины. Даже самого фараона. Кроме того, он не желал умирать в одиночестве. Он требовал, чтобы вместе с ним убили лекарей, которые презирали его и не пускали к фараону.

Фараон согласился.

В назначенный день колдун Мерире умер. Он долго путешествовал по стране мертвых, и однажды встретил богиню Хатор. Мерире спросил, что нового на земле, и богиня рассказала, что фараон женился на его вдове и сделал ее правительницей. Тогда Мерире решил вернуться на землю и восстановить справедливость.

Первый министр дочитал папирус до конца. Фараон Джосер смеялся над каждой строкой.

– Я хочу услышать продолжение. Я требую! Мне очень нравятся твои истории, Имхотеп. Они ужасно забавные.

– Я пока больше ничего не сочинил.

– Назначаю тебя официальным комическим писцом. Отныне ты будешь смешить меня приключениями колдуна Мерире. Я хочу, чтобы он отомстил, ясно?

Фараон Джосер снова стал рассматривать рисунки и добавил:

– Отличная идея – нарисовать вымышленным персонажам головы животных.

Так Имхотеп изобрел не только комиксы и юмористические журналы, но и басни, в которых вместо людей действуют животные. Некоторые картуши с текстами Имхотепа впоследствии появились на вазах и барельефах.

Люди не всегда помнили истории, сочиненные Имхотепом, но лев в одежде фараона, лис, наряженный пастухом и ведущий к озеру стадо уток, обезьяны, играющие на арфе для мышей, надевших женское платье и принимающих подарки от солдат с головами шакалов, казались им забавными.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник G.L.H.

40

Выражение лица хмурое и неодобрительное.

– Я не верю ни одному вашему слову.

Лукреция едва заметно отстраняется, словно боясь, что начальница забрызгает ее слюной.

– Но кое-какие улики все-таки есть.

– Улики? Вы издеваетесь? Три дня вы занимаетесь этим делом, и что вы называете уликами?

Лукреция остается невозмутимой. Кристиана Тенардье закуривает толстую сигару и несколько раз шумно затягивается.

– Допустим, я соглашусь с гипотезой – абсолютно, кстати, невероятной, – что было совершено убийство. И как же, по-вашему, его совершили?

Лукреция не дает сбить себя с толку.

– Очень хитроумным способом. При помощи неизвестного оружия. Убийца был чрезвычайно предусмотрителен и изворотлив, его мотивы пока не ясны.

– Вы используете журналистские увертки, которые мы приберегаем для простофиль. Я хочу сказать, для провинциальных читателей…

Твердо стоять на своем. Не отступать.

– Я принесла вам улики.

Тенардье рассматривает разложенные на мраморном столе предметы: синюю шкатулку с буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать!», кусок почерневшей фотобумаги, размытый снимок, на котором с трудом можно различить грустного клоуна с большим

красным носом. Она перебирает фотографии Стефана Крауца, Себастьяна Доллена, Феликса Шаттама.

– Это не улики. Дарий был один в запертой гримерке. На теле нет следов насилия, на двери нет следов взлома, и только вы подозреваете, что это преступление.

– Если несколько человек совершают одну и ту же ошибку, это еще не значит, что они правы, – цедит Лукреция.

Сейчас это изречение Исидора как нельзя более кстати.

– Я отлично слышу, что вы там бормочете. Если вы одна говорите глупости, это еще не значит, что вы правы, – отвечает ей Тенардье.

Лукреция и Тенардье испепеляют друг друга взглядом. Тенардье выпускает несколько больших клубов дыма.

– Кем вы себя возомнили, мадемуазель Немрод? Думаете, вам все позволено потому, что у вас высокая грудь, круглая задница и манеры продавщицы из супермаркета?

Лукреция сохраняет спокойствие. Ей нужно согласие Тенардье.

– Дайте мне время. Это очень непростое дело.

– И сколько времени вам нужно?

– Неделю.

Тенардье чиркает спичкой о подошву и прикуривает погасшую сигару.

– Пять дней. Не больше.

Отлично. Мне хватит и трех.

– Не забывайте, ваше положение в редакции весьма шатко. Безработных журналистов полно, на ваше место много охотников. И это серьезные, заинтересованные люди, которые знают, что значит профессионально вести расследование.

Лукреция борется с желанием схватить несколько сигар и затолкать их Тенардье в глотку.

Она кивает.

– Конечно, я понимаю.

– Дайте мне эксклюзивный материал! Удивите меня! Все очень просто – либо вы доводите расследование до победного конца, либо я вас увольняю. Без вариантов. Понятно?

Лукреция сжимает кулаки и перебирает различные способы более или менее болезненно оборвать жизнь начальницы.

– Да, кстати… Вы, кажется, были в «Театре Дария»? Скажите – кто победил? Китаянка?

Ее нельзя недооценивать. Она многое слышит, многое знает. Она в курсе всего, что происходит. Может быть, она не умеет писать, зато умеет добывать информацию.

– Да, китаянка.

– Остроумная? Значит, некрасивая!

– Почему?

– У меня есть теория. Я считаю, что человек обладает только нужными ему свойствами. А ненужные исчезают. Поэтому чувство юмора бывает лишь у очень некрасивых девушек. Оно им жизненно необходимо.

Тенардье начинает хохотать. Лукреция думает о том, что смех другого человека иногда может вызвать чувство неловкости.

– Нет, эта китаянка была и остроумная, и красивая, – отвечает она. – Очень красивая.

41

1268 год до нашей эры

Северный Китай, Империя Шан.

Территория современной провинции Хэнань

Император Во Дин, двадцать первый правитель династии Шан, с нетерпением ожидал возвращения своей армии.

К нему вошел генерал, командовавший войсками в сражении с вражеской империей Туфанг, преклонил колени и объявил:

– Мы одержали победу, повелитель.

Император вздохнул с облегчением:

– Браво, генерал.

Военачальник снял шлем, и по его плечам рассыпались длинные шелковистые волосы. Перед правителем стояла принцесса Фу Хао, любимая жена из его гарема.

Император возглавил войско из пяти тысяч солдат и победил армии Цинь, Ба и Цюйан, но принцесса Фу Хао захотела сражаться с императором Туфанга без его помощи. Во Дин не сомневался, что ее ждет поражение, но воля и решительность женщины произвели на него такое сильное впечатление, что он разрешил ей командовать армией.

Еще никогда на женщине не лежала такая ответственность.

Воительница сняла с плеча сумку и бросила к ногам повелителя предмет, похожий на мяч. Это была голова императора Туфанга.

– Армия противника уничтожена. Все города заняты, повелитель, – произнесла она.

– Я не думал, что ты добьешься успеха, – признался он.

На самом деле император Во Дин знал, с кем он имел дело.

Фу Хао отличалась жестокостью, властностью и деспотичностью. Он наблюдал, как она руководила войсками, подбадривая их нетерпеливыми окриками. Он стал свидетелем казни офицеров, показавшихся ей некомпетентными.

– Повелитель, я хочу попросить об одной милости.

– Слушаю тебя.

– Я хочу, чтобы никто не забыл, что самую великую войну династии Шан выиграла женщина.

Император встал и поправил на поясе меч.

– Не беспокойся, об этом будет объявлено.

– Нет, повелитель. Я хочу, чтобы о подвиге было не просто объявлено, я хочу, чтобы все обстоятельства этой победы были записаны с моих слов.

– Зачем это? Все и так обо всем узнают.

– Нынешнее поколение узнает, а следующее забудет. И никто потом не поверит, что женщина привела к победе армию мужчин.

Император пригласил подругу сесть.

– Я говорю серьезно, повелитель. Я хочу, чтобы ты позвал писца, и я расскажу ему все подробности великого сражения.

Император Во Дин трижды хлопнул в ладоши. Немедленно появился писец, который низко поклонился повелителю.

– Писец! Запиши приключения…

– Подвиги, – поправила Фу Хао.

– Подвиги принцессы…

– Императрицы.

– Императрицы Фу Хао в войне с армией…

Во Дин посмотрел на искаженное лицо мертвого императора.

– … с армией Туфанга.

– Их было восемь тысяч. Обязательно отметь, что они превосходили нас численностью, – потребовала императрица.

Писец поклонился, взял острую бамбуковую палочку, обмакнул в чернила какого-то невезучего осьминога и принялся записывать то, что диктовала ему императрица.

Потом по приказу Фу Хао на площади перед дворцом собрали всех пленных, и вооруженные мечами жрецы начали приносить их в жертву великому божеству Шанди, чье имя означает «Высочайший». Кровью убитых наполняли чаши, стоявшие рядами на площади.

Собравшаяся толпа встречала аплодисментами каждую новую смерть.

– Ты хочешь убить всех пленных? – спросил император Во Дин у императрицы Фу Хао. – Их можно было бы использовать в качестве рабов.

– Я – женщина. Солдаты не должны считать меня слишком чувствительной. Сознание того, что я жестока, как мужчина, сплотит армию.

Император Во Дин еле слышно вздохнул, на этот раз вовсе не с облегчением. Вопли пленников смешивались с криками толпы.

Императрица обернулась к писцу.

– Все началось на восходе. Наши войска собрались на холме, посреди равнины. Накануне я сама произвела разведку. Перед нами расстилались плодородные земли…

Писец быстро скрипел палочкой.

– Я поставила лошадей сзади…

Император склонился к первому советнику и прошептал ему на ухо:

– Что ты обо всем этом думаешь, Ли?

– Императрица Фу Хао – великая военачальница и великая жрица, а теперь она стала и великим литератором. О битве узнают все, победа империи Шан над империей Туфанг останется в веках.

– Ладно, прекрати, мне не нужна официальная версия. Я спрашиваю, что*ты* об этом думаешь.

– Императрица Фу Хао восхитительна. Вам очень повезло, господин.

– Скажи правду, Ли.

– Если я скажу правду, вы меня убьете.

– Так ты думаешь, что…

– Нет, повелитель, я бы никогда не осмелился.

– Осмельсь! Это приказ.

Снова послышались вопли пленных и крики толпы. Императрица продолжала диктовать писцу.

– Хорошо, я думаю, что…

– Правду, Ли. Говори, что хочешь, но только правду.

Лоб первого советника покрылся испариной.

– Э-э… Я думаю, что вы превратились в женщину, а она стала мужчиной.

Удивленный император посмотрел на советника, который, скрывая тревогу, отвесил ему низкий поклон.

Во Дин расхохотался:

– Она – мужчина, а я – женщина!

Смех императора становился все громче. Императрица Фу Хао прекратила диктовать.

– Что так насмешило вас, повелитель?

Через несколько дней с великого советника живьем содрали кожу. Из Южного царства вызвали палача-специалиста, который был таким мастером своего дела, что ему понадобилось сделать всего один надрез.

Так первый советник по имени Ли Хуан Ю ввел при дворе императора должность королевского шута. Но этот опыт не имел продолжения при императорском дворе Шан. Прошло очень много лет, прежде чем в Китае снова осмелились пошутить на эту тему.

Что же касается династии Шан, то, несмотря на первые победы, она потерпела впоследствии множество поражений. Размеры империи начали уменьшаться, и в конце концов она исчезла. Ее поглотила династия Чжоу.

Но «шутка советника Ли» продолжала жить в памяти людей даже тогда, когда исчезла сама династия Шан со всеми ее императорами и императрицами.

Это доказывает, что острое слово долговечней и властителей, и их династий.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник G.L.H.

42

Металлическая дверь, ведущая на остров посреди бассейна, скрипит. В проеме показывается голова.

– Тук-тук! – кричит Лукреция. – Никто не отвечает, входная дверь не заперта. Надеюсь, я вас не потревожила…

Исидор сидит в позе лотоса на маленькой красной подушечке. Ноги скрещены, спина выпрямлена, веки полуопущены. Лицо бесстрастно. Он похож на Будду, лишь легкое колыхание кимоно свидетельствует о том, что он дышит.

– Если что, обязательно скажите.

Лукреция одета в сиреневое платье, украшенное с одной стороны изображением белых цветов. На шее у нее колье – дракон такого же изумрудного цвета, как и ее глаза. Она проходит по мостику из лиан и бамбука.

Исидор не шевелится.

Дельфины и акула прячутся на дне огромного бассейна, как будто понимая, что ничто не должно мешать хозяину во время медитации. Лукреция обходит вокруг Исидора, словно проверяя, жив ли он, и садится напротив.

Она достает брелок, нажимает на кнопку, звучит все тот же «смех смущенной юной девственницы». Исидор никак не реагирует.

– Не торопитесь, Исидор. Дайте знать, когда закончите.

Исидор еще полчаса сидит неподвижно. Он совершенно невозмутим.

Лукреция осматривает его библиотеку и изучает Древо Возможностей – схематическое изображение огромного растения, покрытое, словно листьями, маленькими записочками. На них – все варианты будущего, которые только приходят Исидору в голову.

Лукреция читает недавно появившиеся тексты. Все они начинаются со слов: «А что, если…».

«А что, если всю поверхность планеты покроет снег?»

«А что, если глобальное потепление настолько уменьшит запасы воды, что людям придется воевать за последние оазисы?»

«А что, если на всей Земле установят единую обязательную религию?»

«А что, если банды вооруженных преступников начнут контролировать целые регионы и полиция не сможет их остановить?»

«А что, если сила притяжения планеты изменится и отрывать ноги от поверхности Земли станет очень трудно?»

«А что, если исчезнут все виды диких животных?»

Лукреция думает, что Исидор впал в депрессию, раз видит в будущем только катастрофы. Но тут же замечает и менее мрачные предположения.

«А что, если на Земле останутся одни женщины?»

«А что, если люди прекратят стремиться к дальнейшему развитию экономики?»

« А что, если удастся остановить демографический рост?»

«А что, если появится мировое правительство, которое предотвратит появление диктаторов и сумеет справедливо разделить богатства земли?»

Она возвращается к хозяину дома и смотрит на него. Его дыхание замедленно, почти неуловимо.

Она замечает, что у него очень красивые губы, и чувствует неожиданное желание поцеловать его.

Исидор открывает глаза. Даже не дав себе труда поздороваться с Лукрецией, он встает и наливает себе стакан горячего чая. Наслаждается его ароматом и пьет мелкими глотками.

– Исидор, вы должны…

Совершенно спокойно он произносит:

– Вон!

– Но…

– Мне кажется, я ясно выразился. Я не хочу вести расследование вместе с вами.

– Появились новые обстоятельства.

Лукреция торопливо рассказывает Исидору об успехах в расследовании.

– У меня уже есть подозреваемые.

Он ничего не отвечает.

– Вы спросите – кто? Во-первых, Стефан Крауц, бывший продюсер Дария. Во-вторых, Феликс Шаттам. Комик, который теперь считается лучшим. В-третьих, Себастьян Доллен, юморист, которому Дарий причинил больше всего зла. И который по его милости стал «худшим».

Исидор не слушает ее. Он открывает холодильник, достает огромный кусок говядины и бросает акуле Джорджу. Тот проглатывает мясо, поднимая огромные волны.

Лукреция сама наливает себе чаю.

– Исидор, я серьезно. Дело кажется все более запутанным. Я не справлюсь одна, вы действительно мне нужны.

– А вы мне – нет.

– Вы по-прежнему не хотите мне помогать?

– Нет.

– Тенардье сказала, что я рискую потерять работу.

– Сочувствую.

К такому характеру нужен маленький тонкий ключик.

– Предлагаю снова сыграть в три камешка. Если я выиграю, вы мне поможете.

Исидор колеблется, но его азартная натура берет верх. Он вздыхает и, покорившись, пожимает плечами.

– Хорошо, я согласен.

– Вести расследование?

– Нет, поставить на кон мое участие в расследовании.

Исидор достает спичечный коробок, они берут по три спички. Вытягивают вперед сжатые кулаки.

– Три, – говорит Лукреция.

– Одна.

Она открывает ладонь, на которой лежит одна-единственная спичка.

Исидор показывает пустую руку.

Он выиграл.

Во второй раз тоже.

И в третий.

Лукреция не выигрывает ни разу.

– Всухую. Скажите хотя бы, как вы это делаете, Исидор.

– Вы боитесь проиграть и хотите выиграть. Два этих желания делают ваше поведение предсказуемым. Когда вам станет все равно, вашу игру станет невозможно предсказать. Тогда вы сможете выиграть.

Он бесит меня.

Лукреция бросает спички на пол. Исидор поднимает их, кладет в коробок и убирает коробок на место, в ящик.

– Помогите мне хотя бы немного. Дайте подсказку, направление, угол зрения.

Помедлив, он говорит:

– Я вам уже помог в прошлый раз. «Поднимитесь к историческим истокам смеха». Вы это сделали?

– Честно говоря… Э-э… я подумала, что криминальное расследование начинается с…

Она прикусывает язык.

– Видите, вы меня не слушаете. Зачем тогда просить советов?

– Н-ну… я пока вела классическое расследование: судебно-медицинский эксперт, семья, подозреваемые, – а уж потом я хотела обратиться к научно-философской подоплеке дела.

Исидор приносит несколько сельдей и бросает их дельфинам, которые ловят рыбу на лету.

– Вы неправы, но… в память о наших прошлых приключениях я «немного» помогу вам в вашем «классическом», как вы выражаетесь, расследовании.

Уф, спасибо, спасибо!

Он бросает дельфинам последнюю рыбу и приглашает Лукрецию сесть за рабочий стол, у ноутбука.

– Что вам сказал последний подозреваемый?

– Это тот, которого предпоследний подозреваемый назвал «худшим из комиков». Его зовут Себастьян Доллен. Он посоветовал пойти в «Театр Дария» и внимательно за всем наблюдать.

– Ну, хоть его-то вы послушались?

– Конечно. Я сходила на турнир учеников «Школы Смеха». Это было соревнование импровизаторов.

– На что это похоже?

Он наливает себе еще горячего чая, по-прежнему не предлагая Лукреции.

– Очень впечатляюще. Ведущий Тадеуш Возняк превозносил покойного брата.

– Что вы видели? – нетерпеливо спрашивает Исидор.

– Я видела место, где терпеливо и бережно взращивают молодые таланты. Слышала воспоминания о великом профессионале Дарии, которого любили, которым восхищались и который до сих пор вдохновляет многочисленных учеников.

Лукреция сама наливает себе чаю. Исидор задумывается, потом включает компьютер.

– Думаю, стоит повнимательней присмотреться к театру. Себастьян Доллен не просто так рассказал вам о нем. Никогда не проходите мимо подсказок.

– Но это комик-неудачник, озлобленный завистник, мстительный пьяница. Когда мы разговаривали, он едва контролировал себя.

– Именно поэтому надо было слушать его особенно внимательно. Алкоголь снимает запреты и обнаруживает истинные побуждения. Мне Себастьян Доллен кажется достойным доверия. А «Театр Дария», колыбель юмористических талантов, – интересным направлением в расследовании.

Лукреция смотрит на него с сомнением.

– В вас живет дух иждивенца, – продолжает Исидор. – Помогая вам, я оказываю вам медвежью услугу. Мешаю найти ваш собственный стиль расследования.

Теперь лицо Лукреции выражает упрямство.

Исидор открывает спутниковую карту, постепенно приближает изображение, сосредоточенно рассматривая «Театр Дария». Он переходит к трехмерному изображению, потом к общему плану улиц и изучает дом со всех сторон. Просматривает фотографии фасада и снимки прилегающих домов.

Неожиданно он обращает внимание на одно изображение. Приближает его, рассматривает детали.

– Вот, посмотрите. Это кажется мне странным.

Лукреция придвигается к экрану.

– Здесь написано «Закрыто по понедельникам». То же самое на афишах при входе и на их сайте, – говорит Исидор.

– Ну и что? У всех театров по понедельникам выходной. Ничего удивительного.

Исидор сохраняет несколько фотографий из Интернета. Он переходит от режима дня к режиму ночи и обратно.

– Посмотрите, в какой день недели и в какое время суток сделан этот снимок.

– В понедельник, без двух минут в полночь.

– Выходной, а все окна освещены так, словно театр открыт. Это вас не смущает?

– Наверное, это бухгалтерия работает.

– И все окна освещены?

– Значит, идет уборка. Уборщицы всегда включают полное освещение.

Исидор запускает другие программы, сохраняет фотографии, помещает их в папку «Расследование дела Дария». На экране появляются кривые графиков, цифры.

– Посмотрите, это потребление электричества «Театром Дария». В полночь понедельника все работает на полную мощность, как будто идет спектакль, хотя официально театр закрыт.

– Может быть, это закрытые вечеринки. Они, наверное, сдают зал частным лицам.

Исидора ее слова не убеждают.

– Вот информация с городских камер видеонаблюдения. Во двор заезжают машины, хотя главный вход заперт.

– У вас есть какое-то объяснение?

– По понедельникам в театре происходит что-то интересное, объединяющее состоятельных людей (обратите внимание: во дворе стоят преимущественно лимузины и роскошные седаны). Дорогая Лукреция, вот вам совет более ясный, чем предыдущий: отправляйтесь туда в понедельник вечером и посмотрите, что там происходит.

– И это ваш совет?

Исидор резко встает.

– Вы выводите меня из себя, Лукреция. Я ведь вас не приглашал! Я делаю вам одолжение, отвечаю на ваши вопросы, а вы и этого не цените. Вы сами не знаете, чего хотите. Вы просите о чем-то, вам дают то, о чем вы просите, а вы говорите… что вам это не подходит!

Он прав. Я не знаю, чего хочу. И он должен помочь мне понять, чего мне не хватает. Я чувствую, что он это знает.

– Извините меня, я увлеклась.

Исидор вплотную подходит к Лукреции и говорит прямо ей в лицо:

– Вы просто капризный, избалованный ребенок. Убирайтесь вон!

Я женщина.

– Я вам не отец и не психоаналитик. Идите и узнайте, что там делается в полночь по понедельникам. Вот мой единственный совет.

Лукреция пристально смотрит на него. И через силу произносит:

– Почему вы так нужны мне?

– Потому что у вас нет того, что как раз и составляет мою силу. Женской интуиции.

Он выключает компьютер и поворачивается к ней спиной.

– Хорошо! – рычит она в бешенстве. – У вас она есть, а у меня нет! Так научите меня! Объясните, как пробудить в себе эту пресловутую «женскую интуицию»!

Исидор нехотя оборачивается.

– Это очень просто. Надо подключиться к «внутреннему я», к тому «я», на которое никто не имеет влияния, к тому «я», которое все чувствует, замечает детали и знаки, невидимые для остальных. Я почувствовал здесь что-то странное. Пойдите в «Театр Дария» в понедельник в полночь! Все!

Раздается громкий плеск, дельфин выпрыгнул из воды. Лукреция набирает в грудь воздуха и выпаливает на одном дыхании:

– Очень жаль, Исидор! Я была о вас лучшего мнения. Вы строите из себя всезнайку, а на самом деле вы всего лишь несовременный, оторванный от настоящей жизни человек, который сидит в своей башне из слоновой кости. Вам только кажется, что вы все понимаете. Я ошиблась в вас, Исидор. Обещаю больше вас не беспокоить.

На лице Исидора разочарование.

– Я так и знал, что вы меня не послушаетесь.

Он раздевается, бросается в бассейн и начинает плавать с дельфинами, не обращая на нее больше никакого внимания.

Несколько минут она смотрит на него, потом поднимается по мостику и выходит.

Зато он открыл мне свой секрет: слушать себя и не поддаваться постороннему влиянию. Даже его влиянию!

43

Верблюжонок спрашивает у мамы:

– Почему у меня такие огромные ноги и на каждой по три пальца?

– Чтобы не проваливаться в песок, пересекая бескрайние пустыни.

– А-а… Понятно.

Через несколько минут верблюжонок опять спрашивает:

– А почему у меня такие густые брови?

– Чтобы в глаза не попадала пыль.

– А-а… понятно.

Еще через несколько минут верблюжонок снова спрашивает:

– А зачем мне большой горб на спине?

Мама-верблюдица устала от вопросов, но все-таки отвечает:

– Мы храним в нем воду для долгих переходов по пустыне. Благодаря этому мы можем не пить много десятков дней.

– Значит, если я правильно понял, у нас большие ноги, чтобы не проваливаться в песок, густые брови, чтобы защитить глаза от пыли, горб на спине, чтобы хранить воду во время долгих переходов по пустыне… Мама, а скажи мне еще…

– Что, дитя мое?

– Зачем нам все это тут, в зоопарке?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

44

Лукреция хорошо подготовилась. На ней черная кожаная куртка, черные спортивные брюки, черная шапочка, удобная обувь, рюкзак.

Понедельник. Близится полночь.

С террасы кафе она смотрит на «Театр Дария». Пока ничего подозрительного. В окнах темно, дверь закрыта, улица перед театром пустынна.

Какая я дура, что послушала его!

Исидор – конченый человек, он только и умеет, что умничать с важным видом, а на деле одни понты. Как же, «женская интуиция»… Сидит, оторванный от мира, в водонапорной башне и ничего не видит, ничего не понимает, ничего не знает. Надутый индюк.

Лукреция ждет. Справа проходит группа студентов. Они курят и смеются.

Она вспоминает себя в их возрасте. Она как раз вышла из приюта. Это тоже случилось первого апреля.

Проклятое первое апреля.

Ей было восемнадцать лет. У дверей приюта стояли пятеро мужчин, разговаривали и курили. Все девочки знали, что это сутенеры.

Словно гиены, которые ждут, когда детеныши газели выйдут на опушку леса.

Приют никак не помогал воспитанницам устроиться в жизни. Девушки выходили из его дверей с чемоданом и пятью сотнями евро, не зная, где провести ближайшую ночь.

Спрос рождает предложение, и вокруг воспитательного заведения для сирот со временем образовалась целая система по переподготовке «ненужных детей».

В нее входили недорогая гостиница, в которой девушки могли остановиться на первое время, недорогая же закусочная и, что совершенно логично, ночной клуб.

Юные сироты проводили первую ночь в отеле, лукаво названном «Пристанище», потом ели в ресторанчике «Оазис». Именно там обычно им предлагали место официантки, а потом и танцовщицы в ночном клубе «Черная сова».

Путь, пройденный матерью Дария, не сильно отличался от того, который ждал воспитанниц приюта.

Затем сутенеры и дилеры делили добычу. Дилеры сначала совращали девушек, потом подсаживали на наркотики и передавали сутенерам. Лукреция тоже провела первую ночь взрослой жизни в «Пристанище» и пообедала в «Оазисе», но дальше пошла другой

дорогой. Лукреция не стала официанткой, она разбила подбородок владельцу ресторана. Лукреция не стала танцовщицей в «Черной сове», она сломала руку вышибале и подожгла ночной клуб. Лукреция не стала проституткой, а выстрелила в ноги сутенеру, который хотел «помочь ей найти место».

И стала ночевать под мостом.

Она решила обучиться новой профессии.

В первую очередь она жаждала самостоятельности. Если уж работать, то на себя. Сначала она занялась карманными кражами, потом воровством, потом воровством со взломом.

Юная Лукреция орудовала по ночам в пустых виллах и замках. Она придумала себе удобный неброский рабочий костюм. Объект она выбирала по переполненным рекламой почтовым ящикам, по ступеням, покрытым пылью, по закрытым ставням. Она находила и обезвреживала систему безопасности. Залезала в окна и брала те вещи, которые легко было продать знакомой перекупщице антиквариата. Почтенная дама восьмидесяти лет отметила способности Лукреции и посоветовала ей двигаться дальше. Она обучила ее благородной профессии взломщика сейфов. «Каждый сейф придуман человеком. Пойми его создателя, и ты поймешь механизм. Представь, что сейф – это мозг человека, которого ты хочешь подчинить себе. Мысленно подбирай ключи, пока не найдешь подходящий. Остальное – дело техники».

Лукреция пришла в восторг от этого урока и переквалифицировалась во взломщицу самых сложных сейфов. Она находила их везде – за картинами, за фальшивыми перегородками, за огромными шкафами. А потом перебирала в уме ключи.

Так она заработала себе на однокомнатную квартирку в Камбре и начала вести почти нормальную жизнь. Она считала себя «независимым индивидуальным предпринимателем», оптовым торговцем подержанными вещами.

Юная Лукреция так и продолжала бы свою криминальную карьеру, если бы не один случай. Как-то она забралась на виллу, которая казалась пустой, и столкнулась с ее владельцем, как назло решившим в тот вечер переночевать дома.

Это был тщедушный человечек, с которым она легко могла бы справиться, но он предложил ей просто поговорить, объяснив, что страдает бессонницей и что ее ночной визит ему даже приятен.

Юная Лукреция пришла в замешательство. Когда прошел первый страх, она почувствовала интерес – и, почувствовав, что ей ничто не угрожает, решила принять предложение хозяина дома.

Человек в пижаме рассказал ей, что занимается делом, которое когда-то безумно его интересовало, а теперь кажется скучным. Он работал главным редактором местной газеты.

Они проговорили всю ночь. Человек в пижаме рассказал, что профессия, которой раньше занимались люди, стремившиеся рассказать людям нечто новое, теперь отдана на откуп папенькиным сынкам и дочкам, лентяям, бездельникам, скептикам, а главное, невеждам.

Человек в пижаме был страшно разочарован.

Он объяснил, что в наши дни журналистами становятся так же, как чиновниками. Контроль над прессой отсутствует, репортеры пишут как бог на душу положит, не

проверяя фактов и воруя чужие сюжеты. Ни профессиональной этики, ни желания принести пользу больше нет.

Человека в пижаме звали Жан-Франсис Хельд. Когда-то он был знаменитым военным корреспондентом в «Современном обозревателе». Его должны были назначить редактором рубрики, но должность отдали интриганке Кристиане Тенардье. Хельд уехал в провинцию и стал главным редактором «Северного слова». Он потерял веру в справедливость, а поведение коллег вызывало у него такое отвращение, что он с нетерпением ждал выхода на пенсию.

Он угостил Лукрецию сливовым ликером и стал расспрашивать о ее жизни.

Почувствовав к ночному собеседнику удивительное доверие, Лукреция решила играть в открытую и рассказала ему о приюте, о своих скитаниях, о воровстве. На это Хельд сказал, что она, по крайней мере, смела и не боится действовать. А это достоинства встречаются редко и, как он считает, очень важны для профессии журналиста.

Хельд предложил Лукреции работу. Он считал, что у хорошей воровки больше шансов стать хорошим журналистом, чем у любого другого. «Статья ничего не стоит, если ты не был на месте событий», – утверждал он. Он брался обучить ее писать и фотографировать, если она согласится работать в его журнале.

– Да я двух слов связать не могу!

– Это может любой. Действуй согласно правилу пяти «W»: Who? What? When? Where? Why? Кто? Что? Когда? Где? Почему? Ты начинаешь с вопроса: «Что произошло в ночь на пятое ноября на улице Акаций?» Затем вводишь персонажей: «Может быть, об этом знает мэр города Камбре?» И отвечаешь на пять вопросов. «Так как он в этот день…» и так далее. И завершаешь вопросом: «А может быть, проблема в государственном финансировании?» Проблему государственного финансирования можно пристегнуть к чему угодно. И надо бить по местным депутатам – это нравится читателям.

– И все?

– Конечно. Вот увидишь, даже если ты воспользуешься только половиной моих советов, этого будет более чем достаточно. В стране слепых одноглазый – король! И провидец.

Лукреция решила довериться судьбе. Решка – журналистка, орел – воровка. Монетка улетела высоко под потолок и долго не падала. На следующее утро Жан-Франсис Хельд взял ее репортером в газету «Северное слово» в рубрику «Мелкие происшествия». Первое же задание открыло для Лукреции новый мир.

Ей безумно понравилось проводить расследования, писать, фотографировать. Она интересовалась всем.

Жан-Франсис Хельд научил ее находить ключ к любому собеседнику.

За несколько месяцев Лукреция стала известна на весь город. Там, где другим журналистам хватало информации из официальных источников, она полагалась на чутье, вникала в суть и раскапывала сенсацию. Она обожала криминальные расследования и раскрыла два убийства, опередив полицию. Разоблачила коррумпированных муниципальных чиновников. Обнаружила предприятия, загрязнявшие воздух.

Лукреция обличала мошенников и защищала тех, кто пал жертвой несправедливости.

– Ты превзошла мои самые смелые ожидания, – признался Жан-Франсис Хельд. – Но не путай профессию журналиста с работой судьи. Ты не должна вершить закон. На тебя жалуются. Нельзя безнаказанно лезть в дела местных князьков и выставлять их на посмешище.

Юная Лукреция прикинулась, что не понимает. Жан-Франсис Хельд был вынужден расставить все точки над «i». Один из героев разоблачительной статьи Лукреции оказался другом владельца газеты. Который просто потребовал ее немедленного увольнения.

Жан-Франсис Хельд сказал ей тогда:

– Я слишком горжусь тобой, чтобы бросить на произвол судьбы. Возьми это письмо, отдай его главному редактору «Современного обозревателя». Оно должно помочь тебе. – И негромко добавил: – Добившись успеха, не останавливайся. Иди вперед.

Рекомендательное письмо сыграло свою роль. Лукрецию взяли на испытательный срок (с построчной оплатой) в редакцию «Общество», в раздел «Наука». Это было единственное свободное место.

Лукреция совершенно не интересовалась наукой, но подумала: «Я не могу обмануть доверие Жана-Франсиса Хельда».

Вот как все начиналось. И вот почему она сегодня здесь.

Она маленькими глотками пьет крепкий кофе – и вдруг замечает, что обстановка на улице меняется. Множество роскошных автомобилей медленно проезжают мимо «Театра Дария» и сворачивают в переулок за ним.

Лукреция смотрит на часы. Без пяти двенадцать. Она расплачивается, надевает рюкзачок и идет к переулку. Она быстро находит въезд для грузовых машин, через который можно проникнуть во двор, где находится автостоянка. Там уже стоит несколько лимузинов, из которых высаживаются люди в вечерних туалетах.

Служебный вход в здание освещен. Наверное, частная или корпоративная вечеринка. Но люди, заходящие в театр, не похожи на родственников или коллег. Это мужчины в смокингах и молодые женщины в длинных платьях. У входа охранники в розовых костюмах проверяют пригласительные билеты.

Поняв, что ее не пропустят, Лукреция решает проникнуть внутрь через чердак. Она лезет вверх по водосточной трубе, перебирается с одного здания на другое и оказывается на крыше «Театра Дария». Проходит по освещенному луной кровельному железу – и думает, как, должно быть, приятно кошке прыгать высоко над головами людей.

Она находит слуховое окошко, взламывает его и проникает внутрь. Бежит по коридорам верхних этажей и оказывается прямо над сценой, на колосниках. Отсюда она увидит все, оставаясь незаметной.

Лукреция наводит объектив «никона» с фокусным расстоянием в двести миллиметров на лица присутствующих. В зале, рассчитанном на полтысячи зрителей, находится двести или триста человек.

Ринг неожиданно освещается, и над ним включается большой экран. Тадеуш Возняк поднимается на ринг и берет микрофон.

– Наступила минута, которой мы все ждали. Это интересней, чем петушиные бои, интересней, чем бокс, интересней, чем казино, лошадиные бега и покер. Это великий

турнир «ПЗС»! «Пуля За Смех»! Проигравшему достанется пуля двадцать второго калибра из пистолета Benelli MP 95E в упор, прямо в висок!

Шквал аплодисментов.

– А победитель получит не тысячу, не десять тысяч, не сто тысяч… а миллион! Да-да-да! Тот, кто сумеет рассмешить противника, получит миллион евро.

Публика возбужденно скандирует:

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

– Итак, миллион евро наличными или пуля? Кому что достанется?

Лукреция устраивается поудобнее, проверяет настройки фотоаппарата, открывает на максимум диафрагму, чтобы использовать весь имеющийся свет.

Эта дурацкая женская интуиция его не подвела. И в который раз. Он бесит меня. С другой стороны, это и к лучшему. Тенардье хочет сенсации. Думаю, я подброшу ей «жареный» матерьяльчик.

Тадеуш Возняк в отлично сшитом розовом костюме жестом успокаивает аудиторию.

– Дамы и господа! Сегодня у нас три дуэли «ПЗС». Итак, первая пара. Это Жин Ми, недавняя победительница официального соревнования Лиги импровизации…

На ринг поднимается фигура в маске, плаще и капюшоне.

Надо же, они соблюдают анонимность.

– Жин Ми совсем недавно получила прозвище Пурпурный Тарантул. Поприветствуем ее.

Жин Ми откидывает капюшон и кланяется.

Затем появляется вторая, более коренастая фигура; над маской торчат непослушные волосы.

– Она встретится с Артусом по прозвищу Белозубый Палач.

Артус поднимает руки в знак победы и скалится, словно готовый укусить хищник.

– Артус, что ты купишь на миллион евро?

– Этот театр.

В зале раздается смех.

– Отлично, уже смешно. Очень многообещающе. А ты, Жин Ми, что ты купишь на миллион евро?

– Ресторан для моей семьи. Будем делать суши.

– Но мне кажется, суши – это японская, а не китайская еда.

– А много ли японских ресторанов держат японцы?

Снова раздается смех.

– Очень смешно. Браво. Начинаем поединок. Ставки принимают наши очаровательные распорядительницы, «девушки Дария».

По проходам идут полуобнаженные девушки с плетеными корзинками, собирают деньги и выдают розовые билеты. На большом экране крупным планом появляются лица противников в масках, ниже бегут цифры.

Понятно, суммы ставок.

– Дуэль «ПЗС» начинается! – объявляет Тадеуш.

Звонит колокол, это означает, что ставки больше не принимаются, лампы вокруг сцены вспыхивают на полную мощность. Дуэлянты выходят на середину ринга и по знаку Тадеуша пожимают друг другу руки.

Тадеуш просит их выбрать цвет.

– Черный, – говорит Артус.

– Белый, – отзывается Жин Ми.

Она опускает руку в мешок и достает белый камешек. Ей начинать.

Соперники садятся в кресла. Две роскошно одетые девушки пристегивают их руки и ноги кожаными ремешками так, чтобы нельзя было пошевелиться. Затем девушки подкатывают к каждому креслу тяжелый штатив, к которому привинчен пистолет. В висок каждому из противников упирается ствол, к курку подсоединен электрический провод, ведущий к пульту дистанционного управления.

Ассистентки укрепляют датчики на сердце, шее и животе дуэлянтов.

У Лукреции перехватывает дыхание. Ее мозг отказывается воспринимать картинку, которую посылают ему глаза.

– Напоминаю правила «ПЗС», – продолжает Тадеуш Возняк. – Каждый из соперников по очереди рассказывает анекдот. Противник слушает. Датчики, установленные на коже, определяют изменения электроколебаний, поступающих на гальванометр. Шкала имеет двадцать делений. Если один из дуэлянтов засмеется и электроколебания превысят девятнадцатое деление, на спусковой крючок поступит сигнал. Тот, кто сумеет вызвать смех, будет жить. Тот, кто не сумеет сдержать смех, умрет.

По залу пробегает нетерпеливый гул. На экране, под изображениями лиц, появляются линии, обозначающие уровень электроколебаний.

К дулу пистолетов прикреплены микрофоны.

По сигналу Жин Ми рассказывает первый «пристрелочный» анекдот о сексуальных повадках кроликов.

Линия Артуса почти неподвижна, колебания едва достигают одиннадцатого деления – это значит, что он уже слышал этот анекдот или он ему кажется несмешным. Теперь очередь Артуса. Он рассказывает анекдот о проститутках. Ему везет чуть больше – линия Жин Ми останавливается у тринадцатого деления.

Дуэлянты пристально смотрят друг на друга.

Анекдоты сыплются как из рога изобилия – анекдот о лесбиянках, анекдот о бельгийцах, непристойный анекдот, абстрактный английский анекдот.

Соперники обстреливают друг друга анекдотами о блондинках, но их линии не идут дальше пятнадцатого деления.

Кто-то в зале выкрикивает девиз, который быстро подхватывают все остальные:

– Смеши или умри!

Жин Ми изо всех сил пытается найти брешь в обороне Артуса, но безуспешно.

– Смеши или умри! Смеши или умри! – бушует зал.

Жин Ми понимает, что нужно рисковать, и бросается в лобовую атаку. Ее анекдот ставит под сомнение сексуальную ориентацию соперника.

Это неожиданно срабатывает. Колебания на датчиках удивленного Артуса доходят до семнадцатого деления, зал ревет. Но Белозубый Палач подавляет желание засмеяться, до крови прикусив язык.

В ответ он рассказывает длинный запутанный анекдот. Китаянка не понимает, куда Артус клонит, но развязка дает блестящий результат. Показания гальванометра подскакивают вверх. Колебания доходят до шестнадцатого деления, и публике кажется, что это все. Но на Жин Ми накатывает вторая волна смеха, линия ползет дальше. Семнадцатое, восемнадцатое, девятнадцатое деление. Звучит выстрел. Пуля разносит череп юмористке-любительнице.

Зрители вскакивают в едином порыве и издают рев, как в древние времена, когда на арене цирка погибал гладиатор.

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

Победителя награждают оглушительными аплодисментами.

– Вот такой убойный юмор! – объявляет Тадеуш Возняк. Он поднимается на сцену, отвязывает победителя, бросает на тело погибшей красный цветок и жестом приказывает убрать труп.

Лукреция в бешеном темпе делает снимки. Ее руки дрожат.

Это невозможно! Я не только удивлю Тенардье, но и получу премию за лучший репортаж года. В первом ряду сидит несколько знаменитостей!

– Победил Артус, Белозубый Палач. Вот сумка с миллионом евро, не облагаемым налогами, мелкими купюрами… Хотя, между нами, чтобы купить этот театр, нужно, как минимум, вдвое больше. Тебе придется выиграть еще один турнир.

Победитель берет сумку и обнажает в улыбке белые зубы, слегка порозовевшие от крови, сочащейся из прокушенного языка. Он нагибается, подбирает что-то с пола и показывает залу найденный на ринге предмет. Это сережка его соперницы.

Потрясенная Лукреция фотографирует. Неожиданно она начинает задыхаться, у нее кружится голова. Не в силах больше сдерживаться, она выскакивает на крышу, ее рвет. Содержимое ее желудка остается на крыше театра.

Психи! Это просто психи!

Лукреция снова пролезает в слуховое окно, петляет по коридорам и выходит к двери, которая ведет к колосникам. Она идет по лестницам и осматривает пространство за кулисами театра.

В зале «девушки Дария» выдают деньги тем, кто поставил на Белозубого Палача.

Когда Лукреция проходит мимо гримерок, позади нее раздается голос:

– Что вы здесь делаете, мадемуазель Немрод?

45

1012 год до нашей эры
Империя майя.
Обсерватория Чичен-Ица

Астрономы, собравшиеся в зале предсказаний, пытались узнать будущее.

Один из них, по имени Ицтачихуатль, был удивлен необычным расположением звезд. Он принялся искать ответ в картах, потом в календарях и наконец взволнованно заявил:

– Мир погибнет через 2480 лет.

Все астрономы майя прильнули к телескопам и стали рассматривать звезды, но не увидели ничего особенного.

– Ты говоришь глупости, Ицтачихуатль. Ничто на небе не предвещает катастрофы.

Тут пришел великий жрец. Он посмотрел карты и заявил:

– Ицтачихуатль прав. Мир исчезнет именно через 2480 лет. В среду, около одиннадцати часов утра.

Никто не осмелился спорить с великим жрецом. И все писцы майя выбили на каменных таблицах, выложили камешками и записали на пергаментах, что мир погибнет в такой-то день и в такой-то час.

Все майя начали жить в режиме страшного обратного отсчета, означавшего гибель цивилизации.

Ицтачихуатль потом говорил, что он сказал это просто так, для смеха, что он просто решил пошутить, но никто уже не мог подвергнуть сомнению слова, подтвержденные самим великим жрецом.

Это событие имело важнейшие последствия для цивилизации майя, поскольку 2480 лет спустя, в среду, около восьми часов утра, согласно предсказаниям астрономов и по приказу властвовавшего в тот момент царя, майя, не дожидаясь конца света, решили уничтожить сами себя.

По необъяснимому совпадению они приняли решение погибнуть как раз накануне появления в их краях первых конкистадоров. В 1492 году по испанскому календарю.

Гораздо позже заговорили о цивилизации, исчезнувшей таинственным образом. И никто не догадался, что она погибла из-за неудачной шутки.

Ицтачихуатль изобрел разрушительный юмор.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

46

В голосе того, кто задал вопрос, нет агрессии. Ему просто интересно.

– А вы-то сами что здесь делаете? – спрашивает удивленная Лукреция.

Он отвечает так, словно речь идет о чем-то само собой разумеющемся:

– Я участвую в турнире «ПЗС». Кажется, в третьем раунде.

– Но это же очень опасно!

Себастьян Доллен едва заметно улыбается.

– Я бы сказал, это смертельно опасно.

– Не делайте этого, умоляю вас.

Комик берет Лукрецию за руку, ведет в гримерку и закрывает дверь на ключ, чтобы им никто не помешал.

– У меня нет выбора. Либо это, либо нищета. Знаете, сколько получит финалист? Миллион! Миллион евро за правильный анекдот, рассказанный в правильный момент! Отличная причина попытаться блеснуть остроумием! И потом, то, что Дарий украл у меня, тянет как раз на эту сумму. Я просто верну себе старый должок, – говорит он, усмехаясь.

– Но вы погибнете!

– Если уж так суждено, то я погибну, занимаясь любимым делом на глазах благодарных зрителей! Чего еще можно желать?

Себастьян Доллен садится к окруженному лампочками зеркалу и начинает гримироваться. Он еле заметно улыбается.

– А насчет Дария вы были правы.

– Что?

– Это действительно убийство.

– Откуда вы знаете? Вы его убили?

– Нет, не я. Я уже говорил, что у меня не хватило бы на это смелости. Но я знаю, кто убийца.

В этот момент в динамиках в зале и в гримерках звучит объявление о начале второго раунда «ПЗС».

– Занимайте ваши места! Шоу продолжается. Во втором раунде встречаются победитель предыдущего раунда Артус Белозубый Палач и Кати Серебристая Ласка. Напоминаю, что Кати уже нескольких недель остается абсолютной чемпионкой…

Слышны овации, Тадеуш продолжает:

– Затем победитель второго раунда скрестит шпаги с опытным мастером, с Себастьяном по прозвищу Ученый.

Лукреция бормочет:

– Я хочу сказать, что…

– Тише! Мне нужно следить за поединком, иначе я не пойму, как выиграть.

Он прибавляет звук.

Они молча смотрят друг на друга, прислушиваясь к тому, что происходит на ринге.

– Скажите хотя бы… – шепчет Лукреция.

– Тише!

Себастьян Доллен достает блокнот и записывает. В динамиках раздается треск. Артус рассказывает непристойный анекдот.

– Ага! Он начал с того, что принесло ему успех в предыдущем раунде.

Кати отвечает абстрактным анекдотом.

Лукреция вдруг понимает, что это поединок не только стратегов, но и психологов.

Это больше напоминает партию в шахматы, чем словесную дуэль. Мало быть просто остроумным, нужно нащупать слабое место противника.

Белозубый Палач рассказывает анекдот про психов. Серебристая Ласка начинает смеяться, но до выстрела дело не доходит. Толпа скандирует:

– Смеши или умри!

Лукреция вздыхает:

– Артус очень силен, он владеет искусством…

– Тихо, я слушаю, – прерывает ее Себастьян, делая пометки в блокноте.

Кати собирается с силами и отвечает детским анекдотом про лягушек. Результат почти нулевой.

– Она выиграет, – говорит Себастьян Доллен со знанием дела.

Артус рассказывает анекдот про гомосексуалистов.

Кати отвечает анекдотом про блондинок, который заставляет Белозубого Палача фыркнуть. Смех усиливается, усиливается и… заканчивается звуком выстрела.

Зал взрывается.

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

Слышатся голоса «девушек Дария», которые идут по рядам, раздавая выигрыш.

Тадеуш Возняк вновь берет микрофон.

– В третьем раунде «ПЗС», как я уже говорил, мы увидим схватку победительницы – Кати Серебристой Ласки и Себастьяна Ученого.

Шум усиливается, перерастая в вопль:

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

Лукреция вздрагивает.

Они жаждут крови. Они требуют смерти за смех! Ничего ужаснее я не видела в жизни.

Себастьян встает, одергивает пиджак и надевает маску.

– Не ходите! – умоляет его Лукреция.

– Слишком поздно! Не переживайте, я выиграю. Мне кажется, у этой Серебристой Ласки не такие уж острые зубки.

Он перечитывает свои записи, словно генерал, оценивающий урон, нанесенный неприятелем. Несколько раз подчеркивает шутку, позволившую Кати выиграть.

– Неплохо, неплохо. Она сильнее, чем кажется на первый взгляд.

Он отмечает анекдоты, над которыми Ласка начинала смеяться. Это бреши в ее обороне, именно там он собирается нанести удар.

– Если вы проиграете, я не узнаю имени убийцы…

– Как я могу проиграть? Я же профессионал.

Он поправляет узел галстука.

– Ладно!.. Вообще-то я могу назвать убийцу прямо сейчас.

– Думаю, это будет разумно.

– Но на этом ваше расследование закончится. Будет обидно…

– Перестаньте надо мной издеваться.

Из динамиков звучит голос:

– Себ, на сцену!

Толпа беснуется.

– Себ! Себ! Себ!

– Увы, мне пора. Я назову вам имя после дуэли.

Он берется за ручку двери.

– Нет, пожалуйста, сейчас, – умоляет Лукреция, едва сдерживаясь, чтобы не броситься на комика с кулаками.

– То есть вы считаете, что я могу проиграть? Так, Лукреция?

– Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Всегда есть место случаю… Назовите имя.

Себастьян Доллен становится очень серьезным.

– Мне кажется, вы не поняли, с кем имеете дело, мадемуазель. Я великий комик. Я алкоголик, я разорен, но я профессионал. И не боюсь соперничества с любителями, пусть даже смелыми и везучими. Я скоро вернусь и открою вам имя убийцы Дария. Обещаю.

Он смотрит на Лукрецию и ободряюще улыбается.

– Вы боитесь, не так ли? Не знаю, что пугает вас больше – моя смерть или возможность упустить информацию.

– Ваша смерть…

– М-м-м… Вы красивы. Поцелуйте меня. Если мне суждено погибнуть, то пусть хотя бы на моих губах останется вкус вашего поцелуя.

Лукреция сначала колеблется, потом целует его настоящим, долгим, страстным поцелуем. Из динамиков доносятся вопли толпы:

– Себ Ученый! Себ Ученый!

– Себастьян, кто убил Дария?

Господи, так бы и двинула ему, чтобы он наконец говорил! Спокойно, продолжаем использовать ключ «обольщение».

Себастьян Доллен гладит ее длинные рыжие волосы. Лукреция думает, что не зря сходила к парикмахеру.

– Слушайте внимательно. С незапамятных времен идет борьба между смехом тьмы и смехом света. Дарий принадлежал к лагерю тьмы. «Архангел Михаил поразил копьем дракона».

– Что это значит?

– Несмотря на свой розовый смокинг и прекрасные манеры, Дарий на темной стороне. Настоящие злодеи всегда выглядят привлекательно.

– Себ! Себ! Себ! – ревет толпа с возрастающим нетерпением.

Себастьян Доллен приходит в восторг. Он делает глубокий вдох, словно наслаждается ароматом чудесного блюда.

– Сюда стоило прийти хотя бы для того, чтобы услышать, как зал скандирует мое имя! Вы не находите, дорогая мадемуазель Немрод? Сегодня день моей славы, быть может, последний. Пора идти под свет прожекторов.

Он целует ей руку.

– Себ, умоляю!.. Скажите, кто убил Дария?

– Триста…

– Триста чего?

– Не триста, а Тристан Маньяр. Это имя убийцы.

Уф! Ну, вот и все. Дело сделано. Я победила. Я знаю имя убийцы! Кристиана Тенардье будет гордиться мной. Меня возьмут в штат.

Но первый восторг проходит, и Лукреция удивляется, что комик вдруг так просто сообщает имя убийцы. Ей это кажется странным.

– Тристан Маньяр, бывший комик?

– Он самый, моя дорогая.

– Какой же у него был мотив?

– Вот такой.

Себастьян Доллен берет листок бумаги и толстым фломастером выводит три буквы: «G.L.H.».

Снова какие-то непонятные буквы. Мало было «B.Q.T.». Ему, видимо, нравится таинственность.

– Найдите Тристана Маньяра, станьте членом GLH – и узнаете, кто убил Дария.

– Что такое GLH?

– Это секретное общество, которое…

Дверь неожиданно распахивается, и на пороге появляется Тадеуш Возняк. Лукреция едва успевает сунуть листок в карман и юркнуть за дверь.

– Себ, что ты копаешься? Ты что, не слышишь, как они беснуются? Они весь зал разнесут, если ты сейчас же не выйдешь.

Тадеуш Возняк втягивает носом воздух.

– Что у тебя за одеколон? Прямо какие-то женские духи.

– Это лосьон после бритья. Бергамот и лилия.

Себ поправляет маску и выходит, закрыв за собой дверь.

Фанфары возвещают о начале состязания. Лукреция немного выжидает и незаметно возвращается на свой наблюдательный пост под потолком.

Тадеуш, безупречный в роли церемониймейстера, представляет публике участников последнего раунда:

– Наш новый претендент, самый опытный из всех, по прозвищу… Себ… Ученый!

Зал взрывается аплодисментами.

– Себ! Себ! Себ!

– Видишь, как они тебя любят? Кстати, Себ когда-то дружил с Дарием. Они даже обменивались идеями для скетчей. Ну, было это давно, в старые добрые времена, о которых все уже забыли. Но Себ остается для всех юмористов эталоном качества. Не так ли, Себ? Ну-ка поаплодируем ему как следует.

Лукреция поудобнее устраивается на колосниках и собирается фотографировать все, что произойдет дальше.

– И победительница предыдущего раунда, удивительная и неустрашимая Кати по прозвищу Серебристая Ласка. Напоминаю, что бой идет без правил. Правило одно – быть остроумным.

Себастьян Доллен достает белый камешек и получает право нанести первый удар.

Его привязывают к креслу.

Он кажется совершенно расслабленным, в то время как его соперница еще не успокоилась после предыдущего состязания.

Звучит сигнал начинать.

Себастьян Доллен внимательно смотрит на противницу. Потом спокойно рассказывает анекдот.

В зале раздается смех.

Соперница реагирует вяло. Гальванометр показывает двенадцать делений.

Толпа выказывает признаки нетерпения – свистит, улюлюкает, начинает скандировать:

– Смеши или умри!

Кати рассказывает анекдот о собаках.

Зрители смеются, а Себ – нет. Он снова демонстрирует свое умение подавлять эмоции. Показания гальванометра даже не превышают одиннадцатой отметки. Борьба явно будет жесткой.

Анекдот про младенцев. Результат Кати: тринадцать.

Анекдот про испанцев. Результат Себа: одиннадцать.

Анекдот про русских. Результат Кати: четырнадцать.

Анекдот про врачей. Результат Себа: одиннадцать.

Анекдот про священников. Результат Кати: тринадцать.

– Себ! Себ! – скандирует половина зала.

– Кати! Кати! – отвечает другая половина.

Соперники отлично владеют собой и не поднимаются выше двенадцатого деления. Напряжение разочарованной публики растет. Кровь гладиаторов не льется, зрители недовольны.

Половина зала скандирует:

– Смеши!..

Другая отвечает:

– Или умри!

Себастьян рассказывает анекдот про военных. Реакция Кати: пятнадцать.

Кати рассказывает анекдот про полицейских. Реакция Себа: одиннадцать.

Зал перевозбужден. Лукреция продолжает фотографировать.

Соперники никак не могут нащупать слабое место в психологической обороне друг друга. Оба ожесточаются.

Себастьян рассказывает анекдот про коров. Ошибка. Реакция Кати: десять.

Кати отвечает анекдотом про кур: девять.

Каждый лихорадочно ищет слабое место в обороне противника. Зал улюлюкает и скандирует:

– Смеши или умри!

Перерыв, и новый раунд. Все без изменения.

Неожиданно, может быть от усталости, взмокший Себастьян проявляет слабость. Его щеки подрагивают. Он негромко смеется, хотя Кати еще не рассказала анекдот.

Вот где таится опасность. Нервный смех от напряжения. У него уже пять делений, а Кати еще даже рта не раскрыла. Он, наверное, выпил для храбрости.

Анекдот Кати взламывает первую линию психологической обороны Себа. Это чувствует весь зал. Гальванометр показывает уже пятнадцать делений. Шутка Кати, словно торпеда, преодолевает вторую линию сопротивления. Шестнадцать. Зал застывает. Третья линия укреплений прорвана: семнадцать, восемнадцать.

Абсолютная тишина. Слышен только смех Себа, усиленный микрофоном, прикрепленным к дулу пистолета.

Девятнадцать…

Лукреция фотографирует без остановки. Ей кажется, что все происходит как в замедленной съемке.

В нескольких метрах от Себа включается электромеханическое устройство, которое давит на спусковой крючок пистолета. Боек ударяет по патрону, вспышка, порох воспламеняется и выталкивает пулю из дула. Малокалиберный унитарный патрон кольцевого воспламенения двадцать второго калибра пролетает несколько сантиметров, пронзает кожу, пробивает череп, проникает сквозь массу мозга и выходит из другого виска. Себ, с лица которого еще не исчезла улыбка, обмякает в кресле.

Зрители вскакивают с радостными воплями:

– ПЗС! ПЗС! ПЗС!

«Девушки Дария» появляются на ринге, отвязывают тело и уносят на носилках, прикрыв красным покрывалом.

Тадеуш Возняк берет микрофон.

– Ну что ж! Значит, нашему Себу Ученому было чему поучиться!

В зале смех. Тадеуш, улыбаясь, продолжает:

– Не помню, кто сказал: «Опыт – это накопленные нами ошибки!» Итак, победитель – Кати Серебристая Ласка. Она – чемпион недели и участвует в следующем турнире. Победит ли она Артуса, который продержался две недели? Мы узнаем об этом… в следующий понедельник!

– ПЗС! ПЗС! ПЗС! – ревет толпа.

Тадеуш Возняк закрывает тремя пальцами правый глаз. Все повторяют его жест.

Лукреция чувствует, как к горлу снова подкатывает тошнота, но она справляется с собой. Она настраивает фотоаппарат на крупный план, но тут из ее кармана выскальзывает клочок бумаги, на котором Себастьян Доллен написал три буквы: «G.L.H.». Записка, кружа, словно осенний лист, опускается на ринг между двумя ярко освещенными креслами.

Зрители поднимают глаза и видят под потолком молодую женщину с фотоаппаратом.

47

Разговаривают три мышки.

Первая гордо заявляет:

– Я умею доставать сыр из пружинных мышеловок, а на мне – ни царапины. Секрет в том, что это нужно делать очень быстро.

Вторая говорит:

– Подумаешь! Видела крысиный яд в розовых гранулах? Я им выпивку закусываю!

Третья смотрит на часы и небрежно произносит:

– О, уже пять! Пока, девчонки, мне пора. Пойду кота насиловать.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

48

Рискованные повороты, скрежет тормозов, летящие по ветру длинные волосы, выбившиеся из-под шлема.

Лукреция прибавляет газа, металл грохочет, мотоцикл мчится вперед. В зеркале заднего вида растет маленькая точка. С каждым поворотом она все ближе. Теперь Лукреция может ясно рассмотреть преследователя.

За ней на «Харлее» мчится телохранитель, похожий на питбуля. На груди его ядовито-розовой куртки зеленые буквы: «Дарий». Пещерный человек даже не надел шлем. Он не торопится, он уверен, что Лукреции не уйти.

Мужчины постоянно недооценивают женщин, и напрасно. Предрассудки мачо за последний век нисколько не изменились. Особенно среди мотоциклистов.

Лукреция проносится на красный свет, петляет между машинами. К счастью, улицы в этот поздний час свободны.

Она замечает еще двух телохранителей – на таких же мотоциклах, в такой же одежде.

Черт! Я сама недооценила Исидора! Он же сказал: «Я так и знал, что вы меня не послушаете», чтобы заставить меня туда пойти. И я, конечно, пошла! И более того… Он оказался прав. Он бесит меня.

Лукреция прибавляет газа. Она знает свой мотоцикл, как всадник знает свою лошадь. Она прислушивается к рычанию мотора, словно к дыханию мчащегося галопом чистокровного жеребца. По звуку шин, словно по стуку копыт, она может определить, насколько хорошо сцепление колес с дорогой. Ее итальянский скакун умеет даже прыгать. Но свободу его движений сдерживает коляска.

Широкий трехколесный мотоцикл с коляской, который Лукреция купила на первый гонорар в «Современном обозревателе», уступает в маневренности и скорости двухколесному. Но она считает свой мотоцикл идеальным транспортным средством. В коляске можно возить чемоданы, инструменты или пассажиров.

На полной скорости она обгоняет автофургон, огибает грузовик, который сдает задом, едет по встречной полосе, по тротуару среди разбегающихся пешеходов. Три мотоциклиста не отстают. Лукреция выезжает на широкий проспект. На спидометре сто десять километров в час. Опасность столкновения слишком велика, быстрее ехать нельзя.

Лукреция уходит на кольцевую автодорогу и петляет между грузовиков. Но три розовые точки в зеркале заднего обзора продолжают преследование.

Неожиданно мотоциклист, похожий на питбуля, прицеливается и стреляет. Одна пуля едва не задевает Лукрецию, другая разбивает фару ближайшей машины. Третья вдребезги разносит фотоаппарат.

Ах так! Вот в какие игры вы играете? Я думаю, вы не поняли, с кем имеете дело! Тем хуже для вас. Пора выдвигать большую артиллерию.

Она мысленно перебирает арсенал подручных средств.

И выбирает самое убойное.

49

Два человека сидят за столом. Один режет торт на две очень неравные части и берет себе самую большую. Второй обижается:

– Это невежливо!

– А что бы ты сделал на моем месте?

– Я взял бы кусок поменьше!

– Так чем ты недоволен? Я тебе его и оставил!

Отрывок из скетча Дария Возняка «Все дело в логике»

50

Замок щелкает. Лукреции удается его взломать. Задыхаясь, она распахивает входную дверь и врывается в дом.

– Скорее! – кричит она, бегом преодолевая мостик с лианами.

Исидор не плавает с дельфинами и не медитирует. Он ест и смотрит по телевизору новости с выключенным звуком. В комнате звучит классическая музыка: «Нептун» из симфонической сюиты «Планеты» Густава Холста.

Под мощные звуки сотен скрипок команда спасателей разбирает завалы после землетрясения.

Исидор как завороженный смотрит на страшные кадры, не требующие комментариев. На экране охваченных отчаянием людей сменяет руководитель страны в военной форме. Вне себя от гнева, он кому-то грозит. Может быть, вулкану или министру, не принявшему вовремя меры. Или соседнему государству.

– Скорее! – повторяет Лукреция.

Она загораживает экран, пытаясь привлечь внимание Исидора. Он наклоняется вбок, пытаясь увидеть экран.

– Опять вы? – невозмутимо замечает он. – Это уже насилие.

Он наливает себе напиток янтарного цвета и жестом просит Лукрецию отодвинуться.

– Исидор! Объяснять некогда, но…

– Убирайтесь.

Лукреция подбегает к окну и видит, что рядом с ее «гуччи» остановилось три мотоцикла.

– Скорее, Исидор, они уже здесь!

– Ничто не может служить оправданием поспешности.

– Они здесь! Они гонятся за мной потому, что я все видела. Они очень опасны!

– Какое мне дело до ваших неприятностей?

– Они хотят меня убить!

Она показывает ему то, что осталось от фотоаппарата. Он не проявляет никакого волнения.

– Люди умирают каждый день.

– Скорее! Надо готовиться к обороне!

– Во-первых, когда приходишь к кому-то в дом, надо поздороваться. Хотя бы постучать или позвонить в дверь.

– Я стучала!

– Придется повесить на дверь более надежный замок.

Лукреция с трудом переводит дух.

– Вы были правы! По понедельникам ночью там творятся ужасные вещи. Это опасные безумцы.

– О ком это вы?

– О «Театре Дария». По понедельникам они убивают друг друга шутками и пулями.

Исидор наконец поднимает глаза на Лукрецию. Ее рыжие волосы растрепаны, кожаный костюм в нескольких местах порван.

– Ничего не понимаю. О чем вы говорите?

– Они уже близко! И вооружены!

По телевизору начинается новый сюжет. Папа Римский обращается к толпе. Бегущая строка сообщает, что он не рекомендует верующим пользоваться презервативами. Музыка по-прежнему не соответствует изображению на экране.

– Да послушайте же меня, Исидор!

Лукреция выключает стереосистему. Исидор невозмутимо прибавляет звук телевизора. Тогда Лукреция хватает пульт, и наконец наступает тишина.

– Вы что, не понимаете? Они преследуют меня! Они знают, что я здесь!

– Всегда есть три выхода. Первый – сражаться. Второй – защищаться. Третий – бежать.

Черт, это ведь у него я научилась все нумеровать.

Они слышат топот. Кто-то поднимается по винтовой лестнице.

Исидор включает камеру видеонаблюдения, и на экране появляются три вооруженных человека в розовых костюмах. Они подходят к входной двери.

– Ясно. Кажется, вы были правы.

– Что будем делать?

– Вариант номер три: побег.

– Но лестница одна!

– У меня есть аварийный выход.

– Делайте что хотите, но только скорее, они уже тут!

– Перестаньте сходить с ума, вы становитесь предсказуемой. Сохраняйте спокойствие и следуйте за мной.

– Но они уже…

Незваные гости всего в нескольких метрах от входа, когда Исидор не спеша переходит по мостику на центральный остров и запирает замок. Телохранители стучат и пытаются войти. Они стреляют в замочную скважину, которая звенит как колокол, все сильнее и сильнее молотят кулаками по металлической двери.

– Ну и где ваш аварийный выход? Что это – туннель, вторая лестница, лифт, частный вертолет, катапульта? – спрашивает Лукреция, задыхаясь.

Исидор достает из шкафа холщовый мешок, открывает слуховое окно, вынимает из мешка длинную веревочную лестницу и сбрасывает в окно.

– Вы что, смеетесь? Это и есть аварийный выход?

Удары в дверь, ведущую в квартиру, усиливаются. Исидор и Лукреция вылезают в слуховое окно и торопливо спускаются по веревочной лестнице вниз.

Несколько потревоженных летучих мышей взлетают в воздух.

Я чувствую, что, когда мы спустимся, он скажет мне что-нибудь неприятное.

Мужчины все такие, им всегда нужно кого-то упрекать.

Наконец их ноги касаются земли. Лукреция ведет Исидора к мотоциклу, протягивает ему шлем и мотоциклетные очки. Он садится в коляску и накрывает колени пледом.

– Вы понимаете, что вы наделали? Я спокойно сидел дома и смотрел телевизор, а вы ворвались ко мне посреди ночи. Надеюсь, что причина у вас уважительная, – ворчит он.

Лукреция протягивает ему револьвер. Исидор с пренебрежением смотрит на оружие и отшвыривает прочь.

– Вы с ума сошли? Это коллекционный «манурин» 1973 года, «магнум», триста пятьдесят седьмой калибр, он стоил бешеных денег!

– Огнестрельное оружие мешает думать. Считается, что оно может решить за нас наши проблемы, но это не так.

– Если будет погоня, мы сможем отстреливаться!

– Насилие – последний аргумент дурака.

Вот уж кто дура, так это я. Какую я сделала глупость, что поехала к нему. И все из-за гордости! Не выношу, когда меня отвергают.

– Ну и что же вынудило вас побеспокоить меня в столь неподходящее время? Что побудило вытащить меня на мороз? – спрашивает Исидор.

– Зов приключений.

Лукреция резко нажимает на стартер. Верный мотоцикл начинает рычать, срывается с места, и они ныряют в ночь.

51

963 год до нашей эры

Иудейское царство, Иерусалим

Иудеей в ту пору правило Собрание мудрецов из двенадцати колен Израилевых. Профессиональной армии в стране не существовало. При необходимости защитниками родных земель становились хлебопашцы; пастухи и крестьяне брали в руки оружие, когда враг покушался на их границы. Но вторжения становились все более частыми и опустошительными, с севера наступали филистимляне, с юга – египтяне. И евреи в конце концов решили создать постоянную армию. Но чтобы платить жалованье солдатам, нужно собирать налоги. А чтобы собирать налоги, нужна администрация. А чтобы контролировать администрацию, нужна централизованная исполнительная власть. И жители Иудеи изменили систему управления страной. На смену Совету мудрецов из двенадцати колен Израилевых пришло государственное устройство по египетскому образцу, с правительством, во главе которого стоял царь.

Первым царем избрали Саула, за талант стратега и природную харизму.

Вторым царем сделался другой искусный стратег – Давид, победитель филистимлян и великана Голиафа.

Третьим царем стал его сын Соломон.

Соломон укрепил армию, подписал мирные договоры с соседями и начал строительство гигантского храма, объединившего в себе все главные архитектурные и художественные достижения того времени.

Соломон собрал представителей двенадцати колен Израилевых, велел ввести еще один небольшой налог и пообещал, что, как только в стране окончательно воцарится мир, а храм будет закончен, налоговое бремя будет облегчено.

Когда храм Соломона был достроен, а границы укреплены, мудрецы из двенадцати колен Израилевых попросили срочной встречи с царем, чтобы напомнить ему о данном слове.

Царь оказался в затруднительном положении. Его администрация разрослась и стала очень многочисленной. Насколько легко было когда-то увеличить штат, настолько же трудной и даже опасной казалась теперь попытка сократить количество наместников, их заместителей, стражников и солдат. Соломон осознал, что налоги – это система, которая легко развивается в сторону увеличения и с большим трудом поддается модификации в обратном направлении.

Поэтому, когда чрезвычайное Собрание мудрецов из двенадцати колен потребовало изменить финансовую политику, Соломон принялся мямлить и краснеть. Тогда один советник дипломатии, некий Ниссим бен Иегуда, решил разрядить обстановку шуткой.

Удивленные мудрецы некоторое время колебались, а затем разразились хохотом. Обсуждение снижения налогов отложили на более позднее время.

Удивленный и обрадованный Соломон отвел Ниссима бен Иегуду в сторону, чтобы поблагодарить за неожиданное вмешательство.

– Я думаю, что, если бы ты не свел все к шутке, мне пришлось бы пересматривать экономическую политику.

– Смех – проводник духовности, – сказал Ниссим. – Разве Сам Бог не любит остроумной шутки? Разве Он не велел Аврааму принести в жертву единственного сына, а когда тот был уже связан, сказал: «Ладно, я пошутил!»? Разве это не проявление юмора? Разве не Он дал Исааку имя, дословно означающее: «Тот, кто смеется»?

– Действительно, я никогда не задумывался над этим.

– Юмор может решить любую проблему, ваше величество.

– Во всяком случае, он помог мудрецам из двенадцати колен Израилевых смириться с налогами.

После этого случая царь Соломон решил дать Ниссиму бен Иегуде, в придачу к должности советника по дипломатии, должность советника по кадровой политике.

Он заметил, что слова, подсказанные Ниссимом, позволяют ему легко убеждать в чем угодно представителей колен Израилевых, а также и остальных подданных. Однажды он призвал Ниссима к себе:

– Ниссим, я хочу, чтобы ты научил меня быть остроумным и в твое отсутствие.

– Господин, умение вызывать смех – это целая наука.

– Нет, остроумное замечание рождается само по себе, нужно просто понять механизм, а потом использовать его.

– Ничего подобного. Обратите внимание, каждая шутка подчиняется принципу тройственности.

– То есть?

– Я приведу пример. Идет праздник. Кто-то приходит в зеленой тоге с красными полосами. Все удивляются. Когда приходит второй человек в точно такой же зеленой тоге, все удивляются еще больше. Но появление третьего гостя в зеленой тоге с красными полосами вызывает смех. Магия тройки.

– Потрясающе! Ты прав! Научи меня быть остроумным, Ниссим.

– Первое правило – никогда не предупреждать: «Сейчас я вас рассмешу» или «Я знаю хороший анекдот». Смех появляется в результате удивления, должен сработать эффект неожиданности. Второе правило – рассказчик не должен смеяться заранее. Вы говорите: «Я знаю одну историю» – и спокойно ее рассказываете. Комическая развязка наступает внезапно. Попробуйте, господин!

– Попробовать что?

– Рассказать анекдот. Например, в форме загадки.

– Не знаю…

– Ну, как найти красивую, умную и добрую жену?

– Не знаю.

– Надо просто взять трех жен.

– О, здорово! Опять твоя тройка, да?

– А еще адаптация под слушателя. У вас гарем из девятисот жен, поэтому для вас, господин, эта шутка имеет особый смысл.

Соломон, не подумавший об этом, смеется снова.

– Теперь вы мне тоже расскажите что-нибудь.

Царь Соломон собирается начать.

– Нет, вы улыбаетесь. Надо оставаться серьезным.

Царь подчиняется.

– Вы не удержались от смеха в конце. Если хотите рассмешить другого, сохраняйте невозмутимость.

Царь прислушивается к совету и рассказывает анекдот во второй раз.

– И не забывайте проявлять парадоксальность мышления. Удивляйте слушателей. Давайте потренируемся, занимаясь повседневными делами. Чем вы будете заниматься сегодня после обеда?

– Я буду вершить суд.

– Быть может, вы вынесете какое-нибудь парадоксальное решение? Любое дело можно разрешить подобным образом. Это и будет ваша первая попытка стать остроумным.

Царь Соломон решил попробовать.

К нему пришли две женщины, каждая из которых претендовала на одного и того же ребенка. Ниссим бен Иегуда издалека подбадривал правителя взглядом. Пытаясь следовать наставлениям советника, царь Соломон подумал и произнес самые нелепые, как ему казалось, в этой трагической ситуации слова:

– Раз две женщины не могут поделить этого ребенка, разрубите его пополам.

Никто не засмеялся. А реакция спорящих оказалась поразительной.

Первая претендентка сказала:

– Я подчиняюсь решению повелителя.

А вторая воскликнула:

– Нет! Пусть мой сын живет с чужой женщиной, я не хочу, чтобы он умер.

Соломон, скрыв разочарование и быстро оценив создавшееся положение, произнес:

– Отдайте ребенка второй женщине, она думает о благе младенца, следовательно, она и есть настоящая мать.

Раздались аплодисменты. Все принялись восхвалять мудрость царя.

– Ничего не вышло, – сказал Соломон Ниссиму.

– Да, никто не засмеялся. Они были слишком удивлены. Надо рассчитывать дозу. Мы еще поработаем над этим, господин.

А история с разрубленным пополам младенцем стала широко известна.

Все пересказывали ее друг другу, но не для смеха, а в назидание. Цари соседних стран мечтали встретиться с мудрым монархом.

Соломона посетила царица Савская.

Ниссим бен Иегуда подготовил Соломона.

– Чтобы вызвать смех, сделайте что-нибудь неожиданное. Ломайте стереотипы, удивляйте, шокируйте, нарушайте логику.

В тот же вечер в зале приемов собрался весь двор и более сотни жен из царского гарема. Министры, наместники, дипломаты выражали почтение африканской царице. Царица Савская возложила подарки к ногам Соломона и произнесла длинную хвалебную речь, которую заранее велела перевести на древнееврейский.

Наступило молчание. Все ждали ответа Соломона. Царь посмотрел на Ниссима бен Иегуду, который ободряюще ему подмигнул.

И Соломон сказал:

– Что ж, дорогая царица Савская, ваша несравненная красота поразила меня, и тем сильнее тронули меня ваши слова. Вместо долгих речей предлагаю вам… взойти сегодня на мое ложе!

Царь улыбнулся, ожидая взрыва хохота. Но никто не засмеялся. Присутствующие потрясенно молчали. Представителей обеих стран охватило смущение. Оскорбленные жены стремительно покинули зал приемов.

Повисла гнетущая тишина. Царь Соломон нашел глазами Ниссима, который сокрушенно покачал головой.

Монарх хотел извиниться, оправдаться, даже засмеяться, чтобы исправить положение. Но он вспомнил слова Ниссима: «Никогда не смейтесь над своими шутками».

Поэтому он выдержал роль до конца, взял царицу Савскую за руку и повел в царскую опочивальню мимо окаменевших от возмущения придворных.

Соломон отказывался признать себя побежденным. Со свойственным ему упорством он продолжал заниматься с Ниссимом, развивая в себе способность «придумывать смешные фразы».

– Юмор может изгонять злых духов, – уверял Ниссим. – Он уничтожает то, что пугает нас. Скажите, господин, чего вы боитесь больше всего на свете? Мы посмеемся над этим. Это будет наше следующее упражнение.

– Чего я боюсь? Своей матери Вирсавии. Когда она сердится, я становлюсь маленьким ребенком.

– Очень хорошо. Чтобы не произносить лишний раз ее имени, будем говорить «еврейская мать».

Царь Соломон пытается вспомнить что-нибудь смешное о своей матери, но тема кажется ему запретной.

– Помоги мне, Ниссим.

– Ну что ж… Что вас больше всего в ней раздражает?

– Она следит за всеми моими действиями и непрерывно высказывается по любому поводу. Что бы я ни делал, мне все время кажется, что у меня ничего не получается.

Ниссим едва заметно улыбается.

– Как узнать, что вы сын еврейской матери, господин?

– Не знаю.

– Ночью вы встаете в туалет, а когда возвращаетесь, ваша постель уже заправлена!

Соломон смеется.

– Ваша очередь, господин.

– Ничего не приходит в голову. Расскажи еще один анекдот.

Ниссим бен Иегуда задумывается, а потом говорит:

– Три еврейские матери сидят на скамеечке. Первая вздыхает: «О-хо-хо», вторая отвечает: «Ай-ай-ай», а третья говорит: «Ну, хватит! Мы же договорились – ни слова о детях».

Соломон снова хохочет.

– Как это ты так легко их придумываешь, Ниссим?

– Я наблюдаю за людьми на улице, подмечаю их особенности. И пытаюсь взглянуть на все с другой точки зрения.

Так Ниссим в присутствии царя Соломона придумал первые анекдоты про еврейских матерей.

Однажды он обратился к правителю со странной просьбой:

– Господин, я хотел бы создать общество, чтобы заниматься юмором как новой наукой.

– Я не понимаю. Юмор – не наука, это развлечение.

– Пока не наука. Я хочу собрать несколько талантливых людей и создать мастерскую юмора. Для начала хватит трех помощников и помещения, где можно спокойно работать. Возможно ли это, господин?

Соломон удовлетворил просьбу Ниссима, хотя так и не понял, зачем нужна мастерская юмора.

Позже царь Израиля сочинил сборник анекдотов, который в шутку озаглавил: «Песнь песней» (непереводимая игра слов). Затем он написал «Сборник анекдотов», название которой перевели как «Книга притчей Соломоновых». Чтобы звучало более солидно.

В этом заключалась трагедия царя Соломона. Его шутки воспринимали как мудрые высказывания либо как поэтические преувеличения. Никто не видел подтекста. И все считали, что царю пристал не юмор, а важность и величественность. Это очень удручало Соломона. Одна из его шуток осталась жить в веках: «Человек, из праха ты вышел и во прах обратишься!» Она должна была вызвать смех, но ее поняли неправильно, и

служители всех религий используют ее в качестве мистического заклинания у гроба с покойником.

Тем временем в подвалах дворца Ниссим бен Иегуда с тремя учениками втайне от всех создавал новое искусство: искусство вызывать смех. С каждым днем все больше изумляясь необычайным возможностям этой зарождающейся науки.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

52

Комиссар Маленсон медленно сцепляет и расцепляет пальцы. У него коротко подстриженная бородка с проседью и разочарованный вид. Над его столом портрет президента Республики соседствует с фотографией Генри Фонды в фильме «Меня зовут никто». Это кумир комиссара Маленсона. Из камеры предварительного заключения доносятся пьяные крики и удары в дверь.

– Знаете… Все, что вы рассказываете, кажется этаким произведением искусства… другими словами… историей, высосанной из пальца, – говорит комиссар.

Он очень доволен своим остроумием.

Лукреция пытается сохранять спокойствие.

– Я журналистка, и говорю о том, что видела собственными глазами.

На лице полицейского появляется выражение усталости. Он смотрит на настенные часы: два часа двадцать минут. Сегодня у него ночное дежурство, и только он собрался подремать, как в кабинет ворвались эти двое. Ему не терпится избавиться от незваных гостей. Но слова «Современный обозреватель» на трехцветной карточке вынуждают его соблюдать элементарную вежливость.

– Да… Но в отличие от нас журналисты не дают клятвы никогда не лгать. Насколько я знаю, нет ни одного наблюдательного органа, никакой системы контроля, которые проверяли бы достоверность того, что вы публикуете.

Исидор одобрительно кивает.

– Он в чем-то прав.

– У нас есть отдел собственной безопасности. А разве существует какая-нибудь «журналистская полиция», которая наказывает вас за вольные или невольные ошибки? Вы можете позволить себе любые крайности. А моя профессия научила меня тому, что человек, лишенный контроля, начинает злоупотреблять властью.

– Он в чем-то прав, – повторяет Исидор.

Он выводит меня из себя. Я не нанималась защищать профессию журналиста. А Исидор еще и масла в огонь подливает!

В кабинет входит женщина в темно-синей форме, она принесла комиссару бумаги на подпись.

Обернувшись, Исидор видит в приемной людей в форме, которые, зевая, играют в карты. Женщина-полицейский печатает отчет, перед ней сидит бомж с залитым кровью лицом.

– Уровень профессиональной ответственности у ваших коллег весьма относителен. Поэтому ваш рассказ, сами понимаете, кажется мне несколько сомнительным.

Он находится в выигрышной позиции. Надо нападать, не раздумывая о выборе оружия.

— В таком случае я буду вынуждена опубликовать в своем журнале совершенно правдивую информацию о том, что вы отказали нам в помощи. Название статьи я уже придумала: «Комиссар, которого не стоит беспокоить». Я расскажу, как исправную налогоплательщицу преследовали трое вооруженных злоумышленников. Как они проникли ночью в частное жилище. Как несчастная женщина, сумев убежать, пришла в полицию, а комиссар заявил, что пострадавшая – журналистка, поэтому он ей не верит.

– Она в чем-то права, – замечает Исидор.

– И естественно, я расскажу о не интересующих полицию преступлениях, каждый понедельник вершащихся в театре в присутствии четырехсот человек, которые, таким образом, являются соучастниками. Кроме того, я подам на вас жалобу за отказ в помощи человеку, находящемуся в опасности.

Они пристально смотрят друг на друга. Полицейский колеблется. На лице Исидора появляется усмешка, которая означает: «Сами разбирайтесь. Я знаю, она не подарок. Ее не переспоришь».

Комиссар вздыхает и берет телефонную трубку.

– Алло, это Маленсон. Есть у нас патрульные машины рядом с метро «Ледрю Роллен»? А… Пусть съездят в «Театр Дария». Обычная проверка… Что? Да, я знаю, что сейчас два часа ночи. Да, я знаю, что по понедельникам театр закрыт. Это для… Хорошо, скажите им, чтобы они мне перезвонили.

Он кладет трубку.

– Ну, все, теперь остается только ждать.

Он нервно барабанит пальцами по столу. При первом же звонке хватает трубку и слушает, кивая. Отвечает: «Да-да, понятно». Потом говорит, обращаясь к Лукреции:

– Они говорят, что театр закрыт. Ничего не видно и не слышно. Нашли только трех бомжей, которые, завернувшись в одеяла, спят на картонках под запертой дверью. Это их вы приняли за убийц?

Лукреция выходит из себя.

– Разумеется, преступники не стали вас дожидаться! Но должны остаться какие-то следы. Взломайте дверь, войдите, и вы все узнаете.

Комиссар Маленсон снова начинает переплетать пальцы.

– Понимаете… сейчас слишком поздно, чтобы оформить разрешение на обыск и подписать его у судьи. Тем более, театр принадлежит таким непростым людям. Пресса пронюхает и выставит меня на посмешище.

Лукреция вскакивает и стучит по столу.

– Пресса – это я!

На комиссара Маленсона это не производит никакого впечатления.

– Не только вы. Насколько я знаю, вы – не единственный журналист на свете. И я не хотел бы закончить свою карьеру где-нибудь в провинции.

– Но погибли люди! Я вам клянусь!

– Знаете, в провинции есть свое очарование, – вставляет Исидор.

Комиссар качает головой. Он смотрит на фотографию Генри Фонды, копирует его позу и спокойно говорит:

– Идите домой. И позволю себе дать вам один совет: не связывайтесь с семьей Возняк. Они слишком могущественны. Они сильнее прессы и полиции, вместе взятых. Ни вы, ни я им не соперники.

53

К раввину за советом приходит женщина, которая потеряла мужа, работу, сбережения.

Раввин говорит:

– Коза!

– Коза?

– Да. Заведите козу. Это должно помочь.

Женщина ничего не понимает, но следует совету раввина: покупает козу и селит ее у себя дома.

Коза повсюду гадит, портит мебель, жует ковры, все в доме пропиталось отвратительным запахом.

Женщина в отчаянии. Она снова приходит к раввину и жалуется. Дом превратился в хлев, она боится туда заходить, ведь коза еще и отличается злобным нравом.

Раввин говорит:

– Отлично. Теперь продайте козу.

Женщина делает, как он сказал, и вскоре приходит радостная.

– Ах, ребе, вы были правы! Как хорошо без козы! Я наслаждаюсь каждой минутой. Спасибо за чудесный совет.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Все дело в логике»

54

Три часа утра. Лукреция и Исидор медленно едут по пустынным парижским улицам под ритмичные звуки «Resistance» группы Muse.

– Хорошо, – подводит итог Лукреция. – В следующий понедельник надо вернуться туда с фотоаппаратом и камерой. Тогда им придется признать, что «Театр Дария», открывающий молодые таланты, не что иное, как преступный концерн.

Исидор повышает голос, чтобы заглушить музыку.

– Следует избегать лобовых атак. Комиссар Маленсон прав, они слишком могущественны. Тадеуш Возняк – брат самого популярного француза и владелец громадного состояния, на его стороне симпатия подавляющего большинства. Вся пресса восхваляла Дария, и она поддержит Тадеуша. «Современный обозреватель» не отстанет: с волками жить – по-волчьи выть. Это нельзя сбрасывать со счетов.

– Убийство людей для забавы тоже нельзя сбрасывать со счетов.

– Вы так думаете? Мне кажется, человеческая жизнь стоит все меньше и меньше. Десять заповедей уже не в моде. Экономические, политические, религиозные интересы и даже конкуренция в мире юмора гораздо важнее.

– Но нельзя же в самом деле…

Лукреция прерывает себя на полуслове. Останавливает мотоцикл. Открывает рот от удивления. Они у самой водонапорной башни. Исидор снимает шлем и тоже изумленно молчит. За окнами последнего этажа колышутся голубоватые волны.

Они бегом поднимаются по винтовой лестнице и выбегают на центральный остров цистерны. Квартира со всей мебелью затоплена. Дельфины и акула плавают по гостиной, кухне, спальне, огибают столы, диваны, кровать. Подушки качаются на волнах. Дельфины открывают носом дверцы шкафов и вытаскивают оттуда рубашки и брюки, которые медленно, словно медузы, шевелятся на дне бассейна.

Исидор застывает. Он словно оглушен. Лукреция говорит:

– Э-э… Мне очень жаль, Исидор. Ужасно жаль.

Он молчит. Лукреция бормочет:

– Это розовые громилы Дария. Они отомстили… Затопили тут все.

Она прыгает в воду прямо в кожаном костюме, плывет в ванную, находит открытый на полную мощность кран и закрывает его. Плывет на кухню и закрывает кран там.

– Ну, вот… Я остановила потоп.

Исидор не подает признаков жизни. Лукреция забирается на островок и начинает выжимать длинные рыжие волосы.

Чувствую, он опять скажет, что это я во всем виновата.

С детства меня обвиняют во всех смертных грехах. Можно подумать, это я затопила его квартиру!

Исидор по-прежнему не издает ни звука, но она видит, что он стискивает кулаки.

– Хорошо, хорошо. Да, вы не хотели, чтобы я приходила к вам. Да, этой неприятности не случилось бы, если бы я не привела их к вам. Все, я признаю свою ошибку. Раскаяние смягчает наказание, не так ли?

Неожиданно Исидор ударяет Лукрецию в подбородок. Она падает в воду. Он прыгает вслед за ней, и начинается драка. Джордж, Ринго, Пол и Джон подплывают поближе, чтобы посмотреть, что за игру затеяли два человека.

Сокрушительные удары Исидора смягчаются водой. Лукреция не отвечает, она лишь уворачивается от кулаков, которые яростно молотят вокруг.

Довольно много времени спустя, обессиленные, в тяжелой, промокшей одежде, они выбираются обратно на остров.

– Я ненавижу вас, Лукреция! Не желаю вас больше видеть! Никогда.

Сколько раз я это слышала? А еще: «Ты приносишь несчастья», «Все, кто доверял тебе, потом раскаивались», «Ты не только не помогаешь людям, ты усложняешь им жизнь». Да, я знаю. Знаю.

— Я уже сказала, мне очень жаль. Вы что, хотите меня убить? – спрашивает она, задыхаясь.

– Отличная идея!

– Исидор, вы ошибаетесь, не я ваш враг. Враг – это Тадеуш Возняк.

Он смотрит на нее, как бык на красную тряпку.

– Я укрылся здесь от чужой агрессии и глупости. Я был уверен, что уж тут меня никто не потревожит. Но из-за вас…

– Я просто добавила немного соли в эту пресную воду. Вы должны быть мне благодарны.

Исидор смотрит на затопленную квартиру и снова пытается ударить молодую женщину, но она успевает отпрыгнуть.

– Исидор, я не хочу драться, – говорит она. – Надо просто вытащить мебель и просушить. Кое-что, конечно, придется заменить, но это ведь не конец света. Кто не переживал небольшой потоп? Ищите во всем хорошую сторону: у ваших питомцев никогда не было столько места для игр. Посмотрите, как они счастливы!

Его кулаки снова сжимаются.

– Вспомните ваш девиз: «Насилие – последний аргумент дурака».

Он бросается на нее, теперь они дерутся на суше. Исидор сильнее, но неповоротливее. У Лукреции лучше реакция, но она не хочет сделать ему больно и просто уклоняется от ударов.

Наконец, обессиленный, он успокаивается.

– Вам лучше? Вы выплеснули гнев? Поговорим, как взрослые люди!

Исидор бледнеет от ярости и бросает на Лукрецию уничтожающий взгляд.

– Мне не о чем с вами разговаривать. Уходите! Убирайтесь из моей жизни и никогда не возвращайтесь. Никогда!

Она занимает оборонительную позицию, готовясь защищаться от новых ударов.

– Посмотрите на себя: вы весь мокрый, вам негде спать. Исидор, будьте благоразумны. Позвольте мне вам помочь! Пойдемте ко мне – там, как бы это выразиться… не так сыро.

Он снова накидывается на нее с кулаками.

55

Женщина собирает шкаф, купленный в разобранном виде. Закончив, она отходит в сторону, чтобы полюбоваться результатом своей работы. По улице проезжает автобус, и шкаф рассыпается на части.

Женщина снова его собирает. Под окнами опять проезжает автобус, и шкаф рассыпается.

Женщина звонит в магазин. После долгих объяснений администратор магазина решает послать к ней мастера, который попытается во всем разобраться. Приехав к женщине, мастер тщательно собирает шкаф. Но как только по улице проезжает автобус, шкаф рассыпается.

– Вот видите, я это не выдумала, – говорит женщина.

– Ничего не понимаю, – отвечает мастер. – Может быть, мотор автобуса так шумит, что шкаф разваливается от вибрации?

Он снова собирает шкаф, залезает внутрь, чтобы посмотреть, какие шурупы вывинчиваются от вибрации, и тщательно закрывает изнутри створки шкафа. Мастер в шкафу, женщина снаружи. Ждут автобуса.

И тут возвращается муж женщины. Восклицает: «Ты купила новый шкаф!», открывает дверцы и видит внутри мужчину.

– Что вы тут делаете? – спрашивает он.

Мастер бормочет:

– Вы не поверите, жду автобус.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Все дело в логике»

56

Сначала они слышат пронзительный вой сирены, а потом видят языки пламени, вырывающиеся из окон.

Жар чувствуется за несколько десятков метров от дома.

Лица собравшихся вокруг оцепления освещены оранжевыми отблесками. Люди тихо переговариваются:

– У кого это горит?

– У девушки, которая одевается в китайском стиле. Она журналистка в «Рапид» или в «Современном обозревателе».

– А… эта, у которой мотоцикл… Вечно от него шум. Она еще всегда ставит его в неположенном месте.

– Да, по-моему, это у нее.

Пожарные разматывают шланги, к окнам поднимается лестница. Лукреция слезает с мотоцикла и медленно снимает темные очки.

Нет! Только не это!

С ее губ срывается только одно слово:

– Левиафан!

Она бросается вперед, расталкивает пожарных, ныряет под ленту и мчится вверх по лестнице.

Через несколько мгновений она возвращается, вся покрытая копотью, с дымящимися растрепанными волосами. Она задыхается, кашляет.

Под мышкой она держит расплавившийся ноутбук, старого плюшевого медведя, почерневший фен и синюю лакированную шкатулку с буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать!». На ладони у нее лежит маленькая обугленная рыбка с белыми выпученными глазами.

Увидев то, что Лукреция хотела спасти, Исидор поднимает брови.

– М-м… что это?

– Не что, а кто. Его звали Левиафан. Он был моим другом. Они мне за это заплатят! – рычит она.

Она кладет останки Левиафана в спичечный коробок, прыгает на мотоцикл и яростно заводит мотор, намереваясь поехать к «Театру Дария». Исидор удерживает ее за руку. Из

ее кармана вываливается брелок и разражается хохотом. Исидор поднимает его и убирает в сумку, но механический смех не смолкает. Он глушит мотор и отбирает у Лукреции ключи.

– Успокойтесь! Пора перестать метаться и совершать необдуманные поступки. Поступим согласно старому, дорогому мне принципу. Первое: собрать информацию; второе: обдумать; третье: действовать. Для начала обратимся к правилу номер один-бис: ничего не делать сгоряча. Давайте все обсудим где-нибудь на нейтральной территории.

Подкрепляя слово делом, Исидор садится в коляску и возвращает Лукреции ключи. Она молча заводит мотор.

57

Пожилая супружеская пара вспоминает молодость и любимый ресторанчик, где сорок лет назад по вечерам выступал артист, коловший членом грецкие орехи. Супруги находят ресторанчик и узнают, что тот артист по-прежнему там выступает. Действительно, в конце вечера перед посетителями появляется сильно постаревший артист во фраке. Вспыхивают прожекторы, и артист разбивает членом три кокосовых ореха.

Супруги проходят к артисту за кулисы и спрашивают, почему он заменил грецкие орехи на кокосовые.

Тот отвечает:

– Старею… Зрение уже не то.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Все дело в логике»

58

Гроб осторожно закрывают.

Руки роют могилу в мягкой земле кладбища на Монмартре и опускают туда спичечный коробок.

Вместо надгробного камня Лукреция кладет деревянный брусок, на котором толстым фломастером написано: «Левиафан».

И эпитафия: «Родился в воде, погиб в огне, упокоился в земле».

Исидор сочувственно кивает.

– Я уверен, что она была необыкновенной, выдающейся рыбкой.

– Это был он. Королевский сиамский карп. Сильный характер, твердые убеждения. Левиафан сообщил мне, что в квартире в мое отсутствие был обыск. А ведь аквариумной рыбке не так просто общаться с людьми.

– А у меня был бонсай, который однажды сбросил все листья.

– Чтобы сказать вам, что кто-то рылся в ваших вещах?

– Нет… просто бонсай – очень нежное растение.

Исидор и Лукреция идут по Монмартру к ближайшей гостинице. Это «Hôtel de l’Avenir», отель «Будущее».

Флегматичный администратор, со впалыми щеками, длинный и худой, как жердь, удивляется, что у вновь прибывшей пары нет багажа. Девушка с растрепанными волосами вся вымазана в саже, на мужчине мокрая одежда.

– Мы просто потрахаться, – уточняет журналистка, пресекая любые вопросы.

Администратор вежливо улыбается, делает вид, что оценил шутку, и кладет на стойку ключ.

– Вам повезло, осталась одна свободная комната.

Журналисты поднимаются наверх и находят нужный номер. Лукреция открывает дверь, проходит внутрь и раздвигает шторы.

– Не самый удачный вариант, – замечает Исидор, осматривая комнату.

– О деньгах не беспокойтесь, я включу это в командировочные расходы. Тенардье заплатит.

– Меня не это волнует.

– А что тогда?

Вид у Исидора недовольный.

– Всего одна кровать. Ладно, я буду спать на диване.

Он подходит к окну, одобрительно смотрит на открывающуюся панораму Парижа, задергивает шторы, зажигает лампу и садится в кресло. Достает айфон и набирает номер.

– Алло! Жан-Луи? У меня в башне проблемы с водой. Нет. Нет, это не просто протечка. Скорее что-то вроде наводнения.

Пауза.

– Маленькое? Нет, большое. Какое слово я должен употребить, если диван и кровать плавают, а телевизор целиком находится под водой? Пожалуйста, почини все как можно быстрее. Выкини испорченную мебель и посмотри, не повреждены ли перекрытия. Подсчитай, сколько будет стоить ремонт. Неплохо бы еще купить новую мебель и переклеить обои. Я все оплачу.

Он переводит дыхание.

– Да, и покорми Пола, Джона, Ринго и Джорджа. Дельфинам – сельдь, а Джорджу – вареный рис с морковью и немного нежирной говядины. Если мясо будет с жилками, вырежи их. Держи меня в курсе. Спасибо, Жан-Луи.

– Черт побери, вот теперь будет война! – восклицает Лукреция с яростью. – Эти подонки за все заплатят!

– «Не рыдать и не смеяться: понять», – изрекает Исидор.

– Клоун Ашилль Завата?

– Нет, Спиноза. Когда мы поддаемся эмоциям, то ни о чем не думаем, ничего не видим и не понимаем.

– Тут и понимать нечего. Тадеуш Возняк с бандой «розовых громил» уничтожил наши квартиры. Это предупреждение – не надо лезть в их маленькие тайны.

– Мы потеряли наши дома. Но узнали, что происходит в «Театре Дария». Адам и Ева выбрали знание и были изгнаны из рая. «Если чего-то не хватает, то другого будет с избытком».

– Лао-Цзы?

– Нет, я. Но не я один понял этот принцип.

Лукреция в бешенстве кружит по комнате.

– Надо действовать быстро, чтобы помешать им.

Исидор продолжает спокойно сидеть.

– Нет. Сначала надо все обдумать.

– И что вы предлагаете? Сидеть и разговаривать?

– Именно. Даже суперактивному человеку иногда полезно поговорить.

Руками, все еще выпачканными в саже, Лукреция раздвигает шторы и смотрит на Париж, сияющий тысячами огней.

– У меня есть знакомые, у которых есть знакомые, у которых есть очень серьезные знакомые, которые не побоятся напасть даже на семью Возняк.

– Это не то, что нам нужно.

– Я не люблю бесполезную болтовню. Что вы собираетесь делать, господин Хитрее-всех-на-свете?

– Для начала – успокоиться. Вернемся на исходную позицию. Нас хотят сбить со следа, но мы не должны поддаваться на провокации. Мы настигнем наших врагов, разгадав загадку смерти Дария.

Лукреция мрачно смотрит на Исидора.

– Теперь есть кое-что поважнее убийства Дария.

– Нет. Именно убийство Дария сейчас важнее всего. Как только мы раскроем эту тайну, нас станут считать защитниками Циклопа. Мы начали расследование, чтобы наказать его обидчиков. И тогда все, кто его любит и ценит, окажутся на нашей стороне.

Лукреция начинает понимать. Она молча слушает.

– Мы встанем на защиту Дария. Во имя его славы и таланта мы нападем на коварного брата, который предал память Циклопа и пытается очернить его имя, устраивая бесчеловечные поединки. Симпатии публики будут на нашей стороне.

Лукреция смотрит на Эйфелеву башню, на которой, вместо обычной подсветки, неожиданно вспыхивают цифры огромных электронных часов.

– А что, если Дарий знал об этих ночных турнирах? – говорит Лукреция.

– Вы шутите? Разумеется, он знал! Скорее всего, он и был вдохновителем этого «ПЗС», но, поскольку у него репутация ангела, мы его трогать не будем.

– Что же вы предлагаете?

– Мы, два честных журналиста, стремящихся докопаться до истины, расследуем обстоятельства смерти Циклопа. Когда мы заработаем славу «защитников Дария», мы сможем действовать, прикрываясь его именем, и выведем Тадеуша на чистую воду. Пресса и публика встанут на нашу сторону, и полиции останется просто кинуться по горячим следам. Тадеуш Возняк лишится политической поддержки. Он станет беззащитным, и мы сразимся с ним на равных.

Я не ослышалась?

— Вы сказали «мы»? Значит, вы будете мне помогать?

Да, да! Я не ослышалась!

Исидор садится, вдруг почувствовав усталость.

– Нет. Я просто так выразился. Я не хочу участвовать в расследовании. Я убежал вместе с вами, потому что вы привели к моему дому преступников, которые преследовали *вас* .

– Но ведь ваш дом затоплен…

– … что привело меня в такую ярость, что я стал агрессивен. Но эта ярость была направлена на вас, а не на них. Я сержусь только на тех, кого уважаю и кто меня разочаровал. На остальных я не обращаю внимания.

– Значит, я должна быть польщена?

– Я противник насилия, а не бык, который бросается на красную тряпку.

– Вы сами сказали, что все это связано с тайной убийства Дария. Только вернувшись на исходные рубежи и разгадав загадку…

Исидор мрачнеет.

– Вы грубо ворвались в мой мир. Если вы хотите, чтобы я вам помог, это нужно заслужить.

– Что я должна сделать?

– Сыграть в игру, правила которой вы сами установили.

Лукреция смотрит на него с удивлением.

Никогда не могла понять этого человека. Он совершенно непостижим. У него «другие» мозги.

— Три камешка?

– Конечно, три камешка.

– То есть вы хотите сказать, что после всего, что мы пережили, ваше решение зависит от игры в три камешка?

Исидор кивает.

– Вы сами это предложили, когда в первый раз пришли ко мне.

Маньяк мелочей, совершенно не замечающий крупных событий. Его волнуют детские, а не взрослые игры.

Он совершенно не похож на других, у него все устроено наоборот.

С ним нужно вести себя вопреки правилам логики.

Просто живой парадокс.

Журналисты садятся за письменный стол. Лукреция долго роется в его ящиках и наконец находит спичечный коробок.

В течение всей игры Исидор сосредоточен и невозмутим. Он словно забыл о том, что привело их в этот гостиничный номер.

– Четыре, – произносит он.

– Пять, – отвечает Лукреция.

Они раскрывают ладони. У нее три спички, у него – одна.

Это означает, что он выиграл первую партию.

Он выигрывает и вторую. Как обычно, без комментариев.

Она выигрывает третью партию.

И четвертую.

К последней партии у каждого остается по одной спичке.

Они вытягивают вперед руки и пристально смотрят друг другу в глаза.

– Одна, – говорит она.

– Ни одной, – отвечает он.

Лукреция открывает пустую ладонь.

Исидор даже не показывает, что у него в руке.

– Браво. Вы выиграли, Лукреция.

И быстро собирает спички.

Я победила! Господи, я выиграла у самого Исидора Катценберга в три камешка!

— Знаете, что я сделала? – говорит она. – Я последовала вашему совету. Я перестала думать, и каждый раз количество спичек было совершенно случайным. Я стала непредсказуемой!

Он кивает.

– Ну, так вы согласны участвовать в расследовании? С чего начинаем?

– Сейчас четыре часа утра. Предлагаю для начала поспать.

Она подходит к нему.

– Исидор, вы можете лечь вместе со мной на кровати.

– Я уже сказал, что буду спать на диване.

Это невероятно! Он что, не замечает меня? Не видит мою грудь, мои ягодицы? Я сейчас наверняка такая сексуальная – возбужденная, с обгоревшими распущенными волосами, в черном кожаном костюме, глаза сияют, как подсветка Эйфелевой башни… Черт побери, я – мечта любого мужчины, никто не смог бы устоять.

— Почему вы не хотите спать рядом со мной? Обещаю, мы ляжем у разных краев, и я до вас не дотронусь. Я даже не храплю.

– А я как раз храплю.

Она подходит ближе. Нежно касается его груди. Он отступает на шаг.

– Почему вы меня отталкиваете? Я вам не нравлюсь?

– Я уже говорил, разница в возрасте делает романтическую связь между нами просто… смешной.

Услышав эти слова, она морщится.

Он хотел сказал «похожей на инцест». Зачем он пытается запачкать одно из самых прекрасных моих воспоминаний? У меня их не так много.

— Исидор, вам напомнить, что наши тела уже узнали друг друга? И мне казалось, вам это понравилось…

– Это не было любовью. Вы – сирота, вы ищете отца. Если хотите эффективной совместной работы, считайте меня напарником, а не сексуальным партнером. Поэтому вот три правила на этот вечер. Во-первых, меня запрещается трогать. Во-вторых, меня запрещается будить. В-третьих, меня запрещается… э-э… ну, пока достаточно первых двух.

Он идет в ванную. Чистит зубы. Принимает душ. Возвращается в комнату в трусах и майке, садится в кресло в позе лотоса.

– Что это вы делаете?

– Я забываю.

– Что?

– Я забываю обо всем. Даже о вас. Это ритуал очищения. Перед сном я чищу зубы, тело и разум. Не должно остаться ни обид, ни сожалений, ни страха, ни разочарований. Я вспоминаю обо всем, а потом стираю одну за другой картины, возникающие в мозгу. Пока не сотру все. Во рту не остается кусочков пищи. На коже не остается грязи. В голове не остается черных мыслей.

– М-м… а о чем вы думаете, когда ни о чем не думаете?

Он приоткрывает один глаз и вздыхает.

– Ладно, сегодня пропустим. Я чувствую, что ничего не получится.

– Мне очень жаль, Исидор. Надеюсь, что я тут ни при чем.

– Не надо ни о чем жалеть. Укрепляйте психологическую защиту. Собирайте силы. Готовьтесь пережить то, чего вы еще никогда не переживали. Я тоже буду к этому готовиться.

Он достает из шкафа одеяло, заворачивается в него и ложится на диван.

В конце концов, он самый обычный мужчина.

Словно подтверждая ее мысли, Исидор начинает громко храпеть.

Акт II
Первый вздох

59

498 год до нашей эры

Греция, Афины

Эпикарм, молодой человек двадцати одного года, недавно с отличием закончил престижную «Школу Пифагора». Он написал две трагедии, которые пока никто не взял к постановке, и, к великому сожалению, уже подумывал о ремесле, не связанном с искусством: о торговле сандалиями.

Однажды вечером, прогуливаясь неподалеку от большого и уже опустевшего афинского рынка, он увидел, как какой-то человек убегает от пятерых преследователей. Они догнали жертву, повалили на землю, начали бить и обыскивать.

В «Школе Пифагора» Эпикарм изучал математику, литературу, историю, философию, а также искусство рукопашного боя. Особенно он преуспел в борьбе с использованием палки, которая в его руках превращалась в грозное оружие.

Молодой человек врезался в группу хулиганов и, вращая палкой, начал наносить им удары. Те отступили и обратились в бегство.

Эпикарм помог жертве разбойного нападения подняться на ноги. По одежде он сразу догадался о том, что перед ним житель Иудеи. Эпикарм свободно говорил на древнееврейском и начал беседу. Молодой человек из Иудеи поблагодарил его и поспешно продолжил свой путь. Эпикарм не заметил в темноте большого красного пятна, расплывавшегося на одежде еврея. Его ранили ножом в живот. Не сделав и ста шагов, он рухнул на землю.

Эпикарм изучал медицину у самого Гиппократа. Он знал, что делать в подобных случаях и остановил кровотечение. Разорвав собственную одежду, он быстро перевязал рану путника.

Придя в себя, молодой еврей пробормотал, что чувствует себя лучше и ему нужно торопиться, но, сделав несколько шагов, вновь упал.

Эпикарм взвалил еврея на плечи и понес к себе домой. Он ухаживал за ним всю ночь, меняя повязки. Под утро раненый заснул. В бреду он твердил о великой тайне, которую должен сохранить любой ценой.

Сначала Эпикарм подумал, что его гость – член какой-нибудь еврейской секты. Он слышал, что в иудаизме время от времени появляются эзотерические ответвления.

Еврей метался в лихорадке еще целый день, но все-таки остался в живых, благодаря бальзамам и лекарственным компрессам, которые изготовил Эпикарм.

Придя в себя, он назвал свое имя – Иммануил, из колена Вениаминова.

Эпикарм знал о недавних событиях в Израиле. После смерти царя Соломона на трон взошел его сын Ровоам, и представители двенадцати колен Израилевых просили его снизить налоги. Царь Ровоам отказал им, и это стало причиной раскола. Представители десяти колен избрали себе нового царя: Иеровоама.

Колено Вениаминово и колено Иудино остались верны сыну Соломона.

Молодые люди долго беседовали. Между ними завязалась дружба. Эпикарм научил Иммануила греческим играм, а тот помогал афинянину совершенствоваться в древнееврейском языке.

– В бреду ты говорил о какой-то великой тайне. Что это за тайна? – спросил Эпикарм.

Иммануил рассказал ему невероятную историю. Во времена царя Соломона один из его советников, некий Ниссим Бен Иегуда, создал мастерскую, чтобы исследовать силу слова и мысли, и сделал потрясающее открытие. Он создал некое духовное сокровище. С тех пор существует группа посвященных, хранящих эту тайну.

Ассирийцы захватили север страны и проведали о духовном сокровище. Они не знают, что это такое, но не прекращают попыток добыть его и преследуют любого, кто, по их мнению, может быть посвящен в тайну. Вот почему на него напали те пять разбойников. Это были ассирийцы. Иммануил признался, что он хранитель духовного сокровища.

– Оно не должно попасть в чужие руки. Подобно живому существу, сокровище живет своей жизнью, его надо кормить и охранять. А главное, необходимо следить, чтобы оно вас не укусило.

– Это живое существо?

– Это дракон. Его укус смертелен.

Встреча с Иммануилом перевернула всю жизнь Эпикарма. Иммануил не просто посвятил его в тайну, он изменил его мировоззрение, открыл ему новую, удивительно увлекательную философию. В самом конце Иммануил рассказал о кодексе чести и законах, которые соблюдают хранители секрета Ниссима бен Иегуды.

После этого молодой афинянин разительно изменился. Его одежда, образ жизни, круг общения – все стало другим. Он понял, что ошибался, желая сочинять трагедии, как и все прочие молодые авторы. Гораздо более мощный способ воздействовать на умы – мысль, выраженная не в трагической, а в комической форме.

Эпикарм начал разыскивать в греческой мифологии смешных персонажей и наткнулся на Момуса.

Момус был младшим богом, сыном Никты (богини Ночи) и Эреба (бога Мрака), братом Танатоса (бога Смерти). Он стал шутом, развлекавшим богов на Олимпе.

Он смеялся над Гефестом, спрашивая его, почему тот не сделал человеку дверцы в груди, открыв которую можно было бы увидеть его мысли.

Он смеялся над Афродитой – богиней, которая только и делает, что болтает глупости да демонстрирует всем свои сандалии.

Момус потешался даже над Зевсом, высмеивая его жестокость и сексуальную озабоченность.

Он так издевался над богами, что перестал быть смешным и начал всех раздражать. Его прогнали с Олимпа.

Лишь Дионис продолжал дружить с Момусом. И тот научил его искусству комических куплетов. А главное, доверил ему секрет юмора: «Нельзя быть остроумным, если пьешь воду. Чтобы придумать убойную шутку, нужно подвергнуться магическому воздействию вина».

Эпикарм вдохновился этим мифологическим героем и написал первую комедию. Иммануил помог ввести в текст шутки, придумал сценографию и костюмы. А сам Эпикарм сочинил блестящие диалоги и отшлифовал психологические портреты персонажей.

Пришел день, когда пьесу «Момус» сыграли в маленьком театре неподалеку от Акрополя. Публика, удивленная необычным спектаклем, начала улыбаться, затем раздались взрывы хохота.

После окончания спектакля зрители не аплодировали. Воцарилась долгая тишина. Друзья не понимали, победа это или поражение. Иммануил первым захлопал в ладоши, весь театр последовал его примеру. Успех оказался триумфальным.

Эпикарм прославился на всю Грецию. После «Момуса» он написал «Безумного Геракла» и «Одиссея-перебежчика». Он брал трагедии и превращал их в комедии. Всего он написал тридцать пять пьес на мифологические сюжеты.

Потом, по совету Иммануила, в его произведениях появились герои из народа. Свет увидели «Котелки», «Крестьянин», «Грабежи». Вслед за успехом у простого зрителя пришел успех у аристократов. На спектаклях по пьесам Эпикарма и богачи, и бедняки хохотали до колик.

Авторы трагедий его ненавидели, называли его произведения «незамысловатыми», говорили, что его нельзя воспринимать всерьез.

Эпикарм отвечал, что именно этого и добивается – «чтобы его не воспринимали всерьез». Чтобы еще раз подтвердить могущество комического театра, Эпикарм вывел на сцену персонажей с человеческим телом и головой животного. Это увенчалось немедленным и продолжительным успехом.

Однажды, уже на склоне лет, Эпикарм, достигший вершины славы, встретился со своим старым другом Иммануилом.

– Помнишь, когда мы впервые встретились, тебя преследовали люди, которые хотели украсть твою тайну, – сказал Эпикарм. – Ты говорил о живом сокровище, о драконе, чей укус смертелен. Я часто думаю об этом. Что это за тайна?

Девяностодвухлетний Эпикарм дрожал всем телом, девяностопятилетний Иммануил выглядел не лучше.

В глазах старого еврея загорелся странный огонек.

– Ты действительно хочешь знать? И понимаешь, что, узнав эту тайну, можешь умереть?

Старый греческий комик медленно кивнул головой. Он был готов рискнуть. Тогда Иммануил принес маленький сундучок с надписью на древнееврейском языке.

– Подожди, я сам разберу, – сказал Эпикарм, желая показать другу, что он не забыл его уроки. Он начал медленно читать, сразу же переводя на греческий: *–Бевакаша ло лигро* . Так,*бевакаша* — пожалуйста.*Ло* — нет или не.*Лигро* – читать. «Пожалуйста, не читайте».

Иммануил протянул другу ключ от сундучка и торжественно произнес:

– Именно за этим сокровищем охотились ассирийцы. Теперь поступай так, как хочешь. Я никогда не открывал этот сундучок. Я просто хранитель. Ты должен сам решить, хочешь ли прочесть лежащий в нем пергамент.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

60

Он погибает, даже не успев понять, что произошло.

Рука сбрасывает труп на пол, измазав простыню кровью.

Ненавижу комаров.

Но под потолком уже кружит второй комар.

Лукреции не удается заснуть. Она встает. Утро. Пять часов, пять минут.

Он согласился участвовать в моем расследовании. САМ ИСИДОР КАТЦЕНБЕРГ СОГЛАСИЛСЯ УЧАСТВОВАТЬ В МОЕМ РАССЛЕДОВАНИИ!

Она разглядывает потолок, освещенный лампой, пытаясь обнаружить второго кровопийцу.

Великолепно. Хотя это стоило мне квартиры и Левиафана. За все нужно платить. И я готова платить.

Она видит комара, усевшегося на штору, и быстро прихлопывает его. Мужчина, спящий на диване, что-то бормочет во сне.

Он сказал, что хочет найти истоки.

Лукреция вынимает из пакета ноутбук и открывает его. Он не работает. Тогда она достает синюю шкатулку.

Подумать только, если бы Циклоп был слепым, он бы не погиб.

Его убил зрячий глаз.

Какой же текст мог произвести на него такое действие?

Неожиданно этот человек, любимец толпы, который вызывал всеобщую зависть и обладал всем, что только можно пожелать – деньгами, властью, женщинами, почетом, славой, – этот человек кажется ей жалким.

Видимо, превыше всего он ценил свое могущество, свои несметные богатства, свой убогий Версальский дворец, где братья служили ему как лакеи, а мать была поклонницей номер один. Его, наверное, как и меня сейчас, терзали бессонница и грусть. Ему было так грустно, что приходилось смеяться надо всем вокруг.

Нехватка одного всегда компенсируется избытком другого, говорит Исидор. Какая правильная мысль, она объясняет психологию любого, даже самого сложного человека.

Необычайное остроумие Дария объяснялось тем, что им безраздельно владели тревога и печаль.

Лукреция останавливается перед зеркалом.

И у меня избыток одних качеств компенсируется нехваткой других, Исидор отлично это понимает. Поэтому мое очарование на него не действует.

Она берет стул, ставит его у дивана. Из-под одеяла торчит голова ее товарища по приключениям.

– Кто ты, Исидор Катценберг? Почему ты так бесишь меня и так притягиваешь? – шепчет она.

Она вспоминает их первую встречу. Она занималась очень сложным расследованием, и Флоран Пеллегрини посоветовал ей обратиться за помощью к «свободному художнику», к «Шерлоку Холмсу научной журналистики». Но он предупредил: характер у этого парня, как у волка-одиночки, вернее, как у слона-одиночки.

И Лукреция узнала очень необычного человека. Необычным оказалось уже его жилище, водонапорная башня в форме песочных часов, расположенная в пригороде Парижа, за воротами Пантен.

Тогда у него не было телефона, и Лукреция не могла заранее договориться о встрече. Она просто пришла к нему в гости. Они познакомились. Оказалось, что внешне они разительно отличаются друг от друга. Она была миниатюрной, он был огромен.

Слон и мышь.

Он не хотел с ней разговаривать. И сделал все, чтобы внушить ей антипатию.

Она рассказала, что расследует смерть одного палеонтолога, и это привело ее к удивительному открытию, связанному с происхождением человека. Он заметил: «Если вас интересует прошлое человечества, значит, что у вас проблемы с вашим прошлым. Вы, очевидно, сирота». Эти слова подействовали на нее как пощечина.

Слон раздавил маленькую мышку.

Но отступать было не в правилах Лукреции. Она вернулась и с огромным трудом заручилась его помощью. Они отправились в африканские джунгли и совершили множество открытий. Они разгадали тайну «отца наших отцов». Но их находка подрывала устои общества и будоражила умы. Предать ее широкой огласке было невозможно.

Однако они оба понимали, что прикоснулись к великой тайне. Через несколько лет Лукреция предложила Исидору расследовать странную смерть одного шахматиста. За

время разлуки они оба немного изменились. Он чуть-чуть похудел, она слегка поправилась. Теперь они напоминали другую пару животных.

Медведя и кролика.

Время сделало Исидора несколько более разговорчивым. Он рассказал ей о своих увлечениях – о поиске Пути Наименьшего Насилия и эволюции сознания, заключенной в символике цифр. Показал ей Древо Возможностей.

Расследование привело их в необычную психиатрическую лечебницу на острове у Лазурного Берега, рядом с Канном.

Они открыли «Последний Секрет». Опасное расследование бросило их в объятия друг друга. В течение двух чудесных часов его огромное тело, казалось, парило в невесомости. Он был нежен, внимателен, чуток и в то же время горяч, непредсказуем и изящен.

Когда они расстались, она не сомневалась, что Исидор позвонит ей. Как все мужчины, с которыми она занималась любовью. Она забыла, что он медведь-одиночка. Ожидание оказалось напрасным, и тогда она его возненавидела. Она подумала: «За кого он себя принимает? Он толст. Он стар. У него нет друзей».

Впервые человек, к которому она испытывала сильное чувство, не отвечал ей взаимностью.

Чтобы забыть Исидора, она связалась с мужчиной, внешне похожим на него. Но вскоре рассталась с ним. Эта месть оставила у нее горький осадок.

Она заводила бурные романы, которые внезапно заканчивала беспричинным разрывом, получая удовольствие при виде отчаяния ее партнеров.

Сколько любовников она подвергла мучениям, представляя, что наказывает Исидора? Она доводила отношения с мужчиной до полного слияния тел и душ, а потом жестоко расставалась с ним. Она довела любовную игру до совершенства, превратила ее в искусство. Один из оставленных ею мужчин покончил жизнь самоубийством, двое впали в депрессию. Брошенные любовники становились ее охотничьими трофеями.

Кстати, она всегда предупреждала новых знакомых: «Я с мужчинами не церемонюсь. Вы уверены, что хотите продолжить наше знакомство?» Но вместо того, чтобы обратить в бегство, эти слова подстрекали принять вызов.

Исидор часто говорил: «Нельзя недооценивать противника». А они ее недооценивали. Потому что она была миниатюрной, юной, а главное, потому что она была женщиной. И им приходилось платить за урок.

Лукреция погружается в воспоминания.

Она превратилась в так называемую роковую женщину. Рост – метр пятьдесят пять сантиметров, вес – пятьдесят килограммов, рыжие волосы, высокая грудь, сильные ноги, изумрудные глаза.

Она снова попробовала однополые отношения, но и здесь находила удовольствие, лишь подчиняя партнершу своей воле. Она поняла, что настоящий садизм – это отказать мазохистке, умоляющей: «Сделай мне больно».

Лукреция смотрит на безмятежно спящего Исидора. Благодаря ему она познала глубину настоящей любви, лишенной стремления к безраздельной власти. Просто единение душ с тем, кто достаточно умен, чтобы понять тебя. А он…

До сих пор не могу поверить.

Он имел наглость сказать ей: «Мне это не интересно!»

Исидор улыбается. Видимо, ему снится что-то приятное.

Сейчас он еще больше похож на большого ребенка.

Ей хочется взять его на руки. Она дотрагивается до его облысевшего лба.

Вместе мы сильны. Как он этого не понимает?

Очень медленно она наклоняется и касается губами ямочки на его горле. Он тут же, не просыпаясь, отгоняет рукой нахального комара.

– Я не знаю, кто ты. Не понимаю, как устроены твои мозги. Но однажды ты поймешь, что не можешь больше жить один, – шепчет она ему на ухо. – Исидор, ты нуждаешься во мне гораздо больше, чем тебе кажется.

61

Человек заблудился в пустыне и умирает от жажды.

Вдруг он видит какого-то путника и кричит:

– Воды! Воды!

– Очень жаль, но у меня только галстуки.

– Галстуки? Да кому они тут нужны?!

Человек в отчаянии бредет дальше и наконец приходит к оазису, окруженному стеной. Вход охраняет часовой в будке.

Человек бросается к нему.

– Воды! Воды!

– У нас закрытое заведение, сударь, только для приличных посетителей. У вас есть галстук?

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

62

Утром их будит не крик петуха, а протяжный гудок рефрижератора, который привез продукты в ресторан отеля «Будущее».

Солнце встает, последовательно становясь лиловым, розовым, желтым, белым.

За завтраком Исидор достает мобильный телефон и, используя его как миниатюрный компьютер, создает файл «Расследование убийства Дария».

– Лукреция, напомните, что нам известно об этом деле.

Она не отвечает. Ее глаза прикованы к телевизору, который стоит за спиной Исидора. Он оборачивается и видит на экране лицо Себастьяна Доллена. Лукреция прибавляет звук.

В новостях сообщают, что комик Себастьян Доллен пустил себе пулю в висок. В его жизни были взлеты и падения, а перед гибелью он впал в нищету и алкоголизм.

– Это седьмой комик, который добровольно уходит из жизни, причем одним и тем же способом, – говорит журналист, напоминая об эпидемии самоубийств среди

представителей разных профессий, которая поразила сначала работников служб связи, потом служащих автомобильных заводов, а теперь комиков.

– Зачем вы включаете телевизор во время серьезного разговора? – спрашивает Исидор, никак не реагируя на услышанное.

– Перед смертью Себастьян назвал мне имя убийцы Дария.

Исидор недоверчиво спрашивает:

– Ну и кто же это? Кто, по его мнению, убил Дария?

Лукреция чувствует, что ему действительно интересно. Она повторяет то, что услышала от Себастьяна Доллена, четко выговаривая каждый слог:

– Три-стан Ма-ньяр.

– Тристан Маньяр? Тот самый Тристан Маньяр?

– Да.

– Знаменитый комик, который таинственно исчез несколько лет назад?

– Именно он. Себастьян сказал дословно следующее: «Идет битва между смехом света и смехом тьмы. Дарий принадлежал тьме, а Тристан – свету. Архангел Михаил поразил копьем дракона». Вот что он сказал перед тем, как умер на сцене.

Исидор жует круассан.

– Что вы об этом думаете? – спрашивает Лукреция.

– Я не люблю юмор. Не люблю анекдоты. Я думаю, что к этому бесполезному занятию прибегают, чтобы скрыть отчаяние, являющееся естественным состоянием человека.

Он пристально смотрит на второй круассан, но сдерживает себя.

– Именно из-за юмора человек остается в унизительном положении. Без него он бы давно уже взбунтовался. Юмор, как анальгин, не дает чувствовать боль, и мы терпим то, с чем нужно бороться.

Лукреция встает за тостами и шоколадно-ореховой пастой, садится и начинает делать бутерброды. Она говорит с набитым ртом:

– Я не об этом спрашивала. Я хочу знать, что вы думаете о версии «Тристан Маньяр»?

– Появление этого призрака в нашем деле удивительно. Это действительно может стать версией. Настоящая, серьезная, интересная тайна порой открывается при помощи тайны еще более серьезной и еще более интересной.

Исидор снова берет айфон и печатает. Оторвавшись на минуту от своего занятия, он говорит:

– Тристан Маньяр был талантлив. Он не просто переделывал старые шутки. Я его обожал. Вот кто сумел превратить свою жизнь в отличный анекдот, заканчивающийся словами: «А потом он просто исчез».

Он делает вид, что разгоняет дым.

– Я думала, что вы не любите юмор.

– Наоборот, я слишком люблю это высокое искусство и не выношу, когда его унижают вульгарным кривлянием.

– Я вас не понимаю.

– Потому что вы не знаете трех основных принципов восприятия мира. Я не люблю юмор низкого качества. Юмор на телевидении в основном способствует деградации человека и его унижению, я его не выношу. Может быть, именно такой юмор Доллен называл юмором тьмы. Как бы там ни было, именно на нем основана индустрия Дария.

– Вы преувеличиваете.

– Я люблю тонкий юмор, самоиронию, абстракцию. Тристан Маньяр был в этом очень силен. Я не люблю юмор того же качества, что скверное вино. Но при этом с удовольствием выпью бокал «Бувэ Лядюбей» урожая 1978 года или чилийского вина «Кастильо де Молина» урожая 1998 года.

– Понятие «хороший юмор» очень субъективно, вот в чем проблема. А насчет вина все уже как-то пришли к общему мнению.

Исидор взмахивает чайной ложкой.

– Верно подмечено. Но Тристан Маньяр объективно был великим юмористом потому, что он открыл некий дополнительный подтекст. Его юмор не был сальным, непристойным, расистским. Его шутки – это интеллектуальные золотые самородки. Его юмор пробуждал разум, а не усыплял его.

Он читает вслух информацию, которую нашел в Интернете.

– Карьера Тристана Маньяра неуклонно шла вверх. Его наравне с Дарием признавали лучшим комиком своего времени. Он снял множество фильмов. Но после одного выступления с ним, видимо, что-то случилось. Он исчез безо всяких объяснений, оставив жену и детей. Это объясняют депрессией, говорят, что он уехал в другую страну и сменил имя.

Исидор кладет в чашку еще сахару и размешивает.

– Мне это кажется маловероятным… Правду об исчезновении этого человека еще предстоит узнать.

Он печатает несколько фраз.

– Итак, подведем итог. У нас есть: 1) орудие преступления – темно-синяя шкатулка; 2) надпись золотыми чернилами «Не читать!» и буквы «B.Q.T.»; 3) клочок засвеченной фотобумаги фирмы «Кодак»; 4) фотография убийцы в гриме грустного клоуна; 5) имя подозреваемого, произнесенное другим подозреваемым незадолго до смерти. Тристан Маньяр…

– Ну что ж, неплохо для начала. Чего нам не хватает?

– 6) мотива преступления; 7) доказательств; 8) Тристана Маньяра.

Исидор просит еще раз показать ему фотографию грустного клоуна и ищет в Интернете портрет Тристана Маньяра.

– Посмотрим, есть ли внешнее сходство.

Они сравнивают два изображения.

– Слой грима такой толстый, что черты лица разглядеть невозможно, – говорит Лукреция. – Да и красный нос не облегчает задачу.

– Не говоря уже о плохом качестве изображения с видеокамеры, которая снимала сверху. Нельзя даже понять, какого роста этот человек.

– Он точно выше Дария. Судя по телосложению, это может быть Тристан Маньяр.

– Или кто-то еще, – отвечает Исидор.

– Что вы собираетесь делать?

– Вы, Лукреция, начнете поиски Тристана.

– Разве мы не вместе будем это делать?

– Я буду вести параллельное расследование. Расследование сути, а не формы.

– То есть?

– Я уже говорил, что необходимо понять причину возникновения смеха. Все кроется именно там. Почему люди начали смеяться? Я пойду по следу к истокам этого биологически бесполезного явления.

Лукреция разочарованно вздыхает:

– Значит, мне придется работать одной?

– Мы будем рассказывать друг другу о своих достижениях.

Лукреция, скрывая огорчение, сует палец в банку шоколадно-ореховой пасты и облизывает его.

Ладно, вернемся на землю. Для начала нужно сделать необходимые покупки. Рюкзак. Трусы, лифчики, чулки. Косметичка. Помада. Духи. Лак для ногтей. Маленький револьвер калибра 7,65. Патроны. Шампунь для нормальных волос. Ночной восстанавливающий крем. Мощный фен, гостиничный слабоват. Зубная щетка. Фотоаппарат 18-115 с картами памяти. И… презервативы. Вдруг он передумает?

63

389 год до нашей эры

Греция, Афины

Зрители стоя аплодировали пьесе «Женщины в народном собрании». В этой комедии жительницы Афин собрались на площади, чтобы захватить власть и проголосовать за решительные меры, на которые никак не решались их трусливые мужья.

Сюжет был действительно смелым для своего времени.

Автор, маленький лысый толстяк, поднялся на сцену и поклонился ликующей толпе. Его звали Аристофан. Несколько месяцев назад он стал любимцем афинян. Его пьеса «Тучи», в которой он смело и открыто издевался над самим Сократом, представляла великого философа педантом-женоненавистником. В «Осах» он смеялся над судьями, коррумпированными эгоистами, и над аристократами, судившимися из-за любого пустяка.

Он не боялся никого. Раскритиковав философов, судей, аристократов, он не пощадил и своего знаменитого собрата Еврипида, осмеяв его в «Лягушках». В «Птицах» он высмеивал афинян, ссорившихся с соседями. Во «Всадниках» он замахнулся уже на главу государства, Клеона, изобразив его глупцом и тираном. «Плутос» порицал систему перераспределения богатств между аристократами и простыми людьми.

Персонажи пьес Аристофана впервые заговорили на том языке, на которым люди разговаривают в жизни. Новый автор не стеснялся в выражениях, рассуждая о задницах, о половых органах, о деньгах, о политике. Он создал новый, более динамичный театр, действие пьесы в котором прерывалось хором, музыкой, танцами. Он придумал интермедию, «парабазу», во время которой актер, играющий главную роль, снимал

сценический костюм и начинал серьезно рассуждать о морали, выступая от имени автора. Этот прием превращал театр в политическую трибуну.

Все задавались вопросом, как далеко зайдет автор и когда же власти нанесут ответный удар.

Залы набивались до отказа, публика хохотала до хрипоты. Никто не решался трогать знаменитость, покорившую город. Сам того не зная, Аристофан придумал ангажированный юмор.

В тот вечер Аристофан еще стоял на сцене, приветствуя зрителей, но аплодисменты внезапно смолкли. В театр вошла группа вооруженных людей. Они перекрыли выход, подошли к сцене, связали автора и увели под неодобрительные возгласы толпы.

У чувства юмора есть границы. Терпение Клеона лопнуло, и он велел арестовать Аристофана. Через месяц состоялся суд.

Аристофана обвинили в нарушении общественного порядка и призывах к неповиновению властям. Платон выступил в качестве свидетеля и заявил, что, издеваясь над его учителем Сократом, Аристофан стал виновником его смерти. Многие театральные авторы, интеллектуалы, литераторы-завистники подтвердили вредное воздействие автора на неокрепшие умы молодежи.

Не нашлось никого, кто выступил бы в защиту Аристофана или хотя бы привел смягчающие вину обстоятельства. Приговор был вынесен. Аристофану запрещалось писать пьесы, и он должен был выплатить штраф тем людям, которых он оскорбил.

Но власти на этом не остановились.

В 388 году до нашей эры народное собрание Афин приняло закон, запрещающий любую политическую критику в пьесах. Комические театры были закрыты.

Аристофан разорился. Нищий, бродил он по улицам Афин, забытый всеми, презираемый бывшими коллегами и толпой, которую столько развлекал.

Однажды к нему подошел некто, представившийся сыном великого Эпикарма.

– Я знаю, кто ты. Я пришел помочь тебе.

– Я погибший человек, бывший сочинитель пьес. Нам пенсия не положена, – попытался пошутить Аристофан. – Я хотел изменить общество с помощью юмора и потерпел неудачу.

Сын Эпикарма повел его в еврейский квартал Афин.

– Твоя борьба – это и наша борьба. Мы поможем тебе. Мы считаем тебя героем.

– Мы? Кто это – мы?

– Нас десятки, сотни, тысячи.

Сын Эпикарма рассказал Аристофану, что принадлежит к тайному обществу, сражающемуся за свободу слова, за право смеяться над педантами, диктаторами, моралистами. Первые члены этого общества много лет назад пришли из Иудеи и поселились в катакомбах.

– Очередная еврейская секта?

– Нет, мы – защитники особой формы духовности. Мы считаем твои труды выдающимися и хотим поддержать тебя.

Аристофан отнесся к этим словам скептически, но терять ему было нечего. Он последовал за сыном Эпикарма в подземелье. Они пришли в большой зал. Там их

радостно встретило около полусотни человек. Вскоре тайное общество купило Аристофану дом и создало идеальные условия, благодаря которым он смог написать свою последнюю пьесу – «Кухня Эола».

За прошедшие годы многое изменилось. У власти уже стояли другие люди, и пьеса имела оглушительный успех.

Усталый и больной, Аристофан чувствовал приближение конца. Он сказал друзьям, что умирает счастливым, восстановив свое честное имя и вновь обретя свою публику.

Тогда сын Эпикарма принес ему синий ларец с надписью на древнееврейском языке.

–Бевакша ло лигро , – прочел он.

– Что это значит? – спросил Аристофан.

– Не читать!

– Зачем ты даешь мне это?

– Чтобы вы прочли. Это тайное духовное сокровище храма Соломона.

Старый комик протянул дрожащую руку к ларцу.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

64

– Яичный шампунь?

Лукреция колеблется.

– Почему бы и нет?

– Знаешь анекдот? Пока я не начал пользоваться шампунем, мои волосы были сухими и безжизненными. А теперь они сырые и шевелятся!

Лукреция морщится.

– Алессандро, тема моего последнего расследования – юмор. И я опасаюсь передозировки. Если бы ты смог сделать мне мелирование, не рассказав ни одного анекдота, я… как бы это выразиться… смогла бы немного отдохнуть.

– Ты не любишь юмор, Лукреция?

– Люблю. Но, как и в винах, предпочитаю лучшие сорта.

– Нет, вы только ее послушайте!

Да, вот так! Я сейчас нахожусь под влиянием умного мужчины.

Ей нравятся массаж головы и все манипуляции, которые совершают над ее волосами опытные руки Алессандро. Лишенный возможности шутить, дипломированный волосовед находит более нейтральную тему.

– Ты слышала о смерти Себастьяна Доллена? Седьмой юморист кончает жизнь самоубийством! Словно какая-то зараза косит остроумных людей! Что ты об этом думаешь?

Не бойся, тебе точно ничего не грозит.

— Знаешь, – продолжает Алессандро, – а я видел выступление этого парня, Себастьяна Доллена. И подумал: «Это подражатель, он исполняет скетчи Дария».

Ты даже не подозреваешь, как ты прав.

— Я его прозвал «маленький Дарий». Но, копируя мастеров, сам мастером не станешь. В моей стране есть поговорка: «Тот, кто подражает льву, становится не львом, а обезьяной».

– А если это Дарий подражал Доллену?

– Ты что, шутишь? Дарий был в сто раз сильнее, это был орел, который парил над миром юмора. О, я знаю отличный анекдот про орлов! Два орла встречаются на свадьбе у грифов…

Не имея возможности заткнуть уши на самом деле, Лукреция делает это мысленно. Она больше не воспринимает звуковые импульсы. Человеческая речь становится далеким фоном.

Исидор прав, анекдоты заполняют пустоту в головах тех людей, которым не о чем поговорить.

Ей приятно прикосновение умелых пальцев парикмахера к ее голове. Он моет их, сушит, красит и увлажняет питательным бальзамом. Лукреция выкладывает чудовищную сумму за психолого-парикмахерские услуги и садится на мотоцикл.

Она едет, размышляя под громкие звуки «Man of our time» группы Genesis.

Она останавливается на торговой улице и покупает одежду, косметику и плюшевую игрушку. Заходит в оружейный магазин, где приобретает маленький револьвер калибра 7,65.

Через час она останавливается у здания в Семнадцатом округе, неподалеку от станции метро «Терн». Находит в списке жильцов имя Карин Маньяр. Карин соглашается принять ее.

Множество фотографий в гостиной напоминает об их дружной супружеской жизни со знаменитым комиком.

– Говорили, что Тристан убежал на Маркизовы острова, потому что ему все надоело. Я слышала еще более бредовые предположения, что он впал в депрессию, что он покончил жизнь самоубийством, что его украли террористы. Но правды не знает никто. Даже я.

Лукреция записывает ее слова.

– Вам ничего не показалось странным в его поведении накануне исчезновения? Что-нибудь, чего никто не заметил. Может быть, какая-нибудь мелочь.

Карин Маньяр медленно качает головой.

– А «B.Q.T.»? Эти три буквы вам ничего не говорят?

– Увы, нет.

– А буквы «GLH»?

– Тоже нет.

Лукреция вспоминает ключи, помогающие найти подход к разным людям.

Что бы сделал на моем месте Исидор? Ах да, во время расследования «Последнего секрета» он научил меня одному приемчику. Точно, помню-помню.

– Давайте проведем небольшой эксперимент, – предлагает журналистка. – Я стану произносить слова, а вы говорите то, что первым придет вам в голову.

Карин Маньяр робко соглашается:

– Можно попробовать.

Они усаживаются в кресла друг напротив друга.

– Отвечайте сразу, не раздумывая. Первое, что приходит на ум, понимаете? Расслабьтесь. Начинаем. Белый?

– Не знаю.

– Любое слово. Итак, белый?

– Э-э… Молоко.

– Молоко?

– Э-э… Теплое.

– Теплое?

– …Семья.

– Семья?

– Любовь.

Лукреция довольна. Психологический прием Исидора работает.

– Любовь?

– Тристан.

– Тристан?

– Трусость, – сразу отвечает Карин.

– Трусость?

– Юмор.

– Юмор?

– Исчезновение.

– Исчезновение?

– Джимми.

Лукреция застывает. Обе женщины удивлены.

– Кто такой Джимми?

– Это прозвище Жана-Мишеля Петросяна, менеджера и лучшего друга Тристана.

– Как странно! Я о нем и не думала, а ваша игра вдруг вытащила его из моей памяти, – озадаченно говорит Карин Маньяр.

– Какая связь между Джимми и исчезновением Тристана?

Карин Маньяр неожиданно утрачивает спокойствие.

– Через неделю после исчезновения Тристана исчез и Джимми! Но поскольку он не был знаменит, об этом никто не говорил.

– Исчез точно так же, как Тристан?

– Точно так же.

– Оставил жену и детей?

– Да.

– И его жена больше о нем ничего не слышала?

– Да.

– У вас есть адрес Джимми?

Лукреция просит у Карин фотографию Тристана Маньяра. Она садится на мотоцикл и снова включает Genesis.

Она отлично себя чувствует. Она ощущает, как по венам стремительно бежит кровь, полная жизни, бурлящая знакомыми ей гормонами.

Гормонами любви к приключениям.

65

– Мама, я хочу познакомить тебя со своей новой девушкой. Но я пригласил еще шестерых ее подружек. Интересно, узнаешь ли ты ту, которую я выбрал.

Мать приглашает девушек в дом и угощает пирожными. Взволнованный сын спрашивает:

– Ну, мама, которая из них?

– Та, что в красном платье.

– Да, это она! Как ты догадалась?

– Она одна мне не понравилась.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Война полов на ваших глазах»

66

Квадратное лицо, густые светлые брови и бородка.

– Согласно самым полным исследованиям, юмор возник примерно четыре тысячи лет назад в Шумере. Там обнаружили первый официально зарегистрированный анекдот.

Исидор в Музее естествознания, разговаривает с человеком в белом халате, на нагрудном кармане которого вышито: «Проф. А. Левенбрук».

– Именно там зародилась письменность, – говорит Исидор. – То есть первые анекдоты находят там, где находят… первые тексты.

– Верно, – соглашается ученый.

– Это как в анекдоте про человека, который искал ключи под фонарем. Его спрашивают: «Вы их здесь потеряли?» – «Нет, но здесь светло». Но продолжайте, профессор, я вас слушаю.

– Мне нравится ваш пример. Клинопись на глиняных табличках, первое светлое место в истории цивилизации наших предков. Там мы и ищем.

– Быть может, есть и более ранние свидетельства… Более древние, – уточняет Исидор. – Скелеты первых людей нашли в торфяниках. А ведь, наверное, был где-то кто-то еще, кто не упал в торфяник.

Они проходят по залам Музея естествознания мимо чучел животных, застывших в агрессивных позах.

– Мой английский коллега профессор Пол Макдоналд из Уолверхэмптонского университета в 2008 году впервые всерьез занялся изучением происхождения юмора. Он нашел в самых древних текстах «ископаемые анекдоты».

– И какова первая шумерская шутка?

Профессор Левенбрук открывает большой шкаф и достает папку.

– Предупреждаю, она не кажется смешной вне контекста.

Он достает из папки фотографию глиняной таблички, покрытой клинописью.

– Подпись гласит, что ее изготовили в 1908 году до нашей эры, ей три тысячи девятьсот восемь лет. Датирование по углероду-14, конечно. Текст перевели лингвисты. Слушайте внимательно.

Шутка № 1, Шумер.

«Никогда не бывало, чтобы молодая женщина не пукнула, сидя на коленях у мужа».

Наступает неловкая тишина. Исидор покашливает.

– Вы уверены, что это первая шутка в истории человечества? – спрашивает он, записывая ее в айфон.

– Это первая шутка, официально признанная учеными. Историки, переводившие текст, не ожидали найти сообщение такого рода. Шутку надо соотносить с культурой эпохи и обычаями.

Профессор Левенбрук листает записи.

– Профессор Макдоналд работал над рукописями и других стран. Вот вторая найденная им древняя шутка. На этот раз Египет, 1500 год до нашей эры.

Он хочет произвести на гостя впечатление и читает медленно, как заклинание.

Шутка № 2, Египет.

«Как развлечь заскучавшего фараона?

Пусти по водам Нила корабль с молодыми женщинами, на которых нет ничего, кроме рыболовных сетей, и предложи фараону отправиться на рыбалку».

Опять пауза. Исидор прижимает палец к губам.

– М-м… Я понял. В первом случае смех вызывает слово «пукать», а во втором – образ голых женщин.

Профессор Левенбрук подтверждает:

– Это основа древнего юмора. Все шутки, найденные нашими исследователями в Китае, посвящены либо теме ниже пояса, либо насмешкам над иностранцами и женщинами. Позже начинают смеяться над людьми с различными физическими особенностями: над толстяками, коротышками, лысыми. Древние евреи шутили над характером своих матерей. У них впервые появилась самоирония. Только греки начали смеяться над человеческой глупостью вообще. Они же придумали шутки на основе логики.

Профессор подходит к другому шкафу, достает еще один документ.

– Это «Филогелос».

– Что это такое?

– В переводе с греческого «фило» – «любящий», а «гелос» – «смеяться». Первый сборник анекдотов. Я вам переведу.

Шутка № 3, Греция.

«Человек, у которого дурно пахло изо рта, жарил колбасу и так энергично дул на нее, что она превратилась в собачье дерьмо».

– Когда появился этот сборник?

– «Филогелос»? За триста шестьдесят пять лет до нашей эры. Прочту вам еще один анекдот.

Шутка № 4, Греция.

«Один кимеец был в бане, когда началась гроза. Чтобы не вымокнуть он нырнул в бассейн».

– Кимейцы были у них кем-то вроде наших бельгийцев?

– Что-то вроде того. Каждый народ выбирает предметом насмешек представителей какой-нибудь национальности, обычно жителей небольшой соседней страны. Хотите еще?

Шутка № 5, Греция.

«Один человек ненавидел жену. Она умерла. Проходя мимо похоронной процессии, кто-то спрашивает: „Кто это упокоился в мире?“ Человек отвечает: „Я, как только стал вдовцом“».

– Так вот кто был предшественником Саша Гитри!

– Я считаю, что новых шуток очень мало и появляются они крайне редко. Большинство анекдотов, которыми наводнен Интернет, были придуманы сотни, а то и тысячи лет назад. Их появление было продиктовано требованиями времени, очередным этапом развития цивилизации.

Профессор Левенбрук продолжает листать сборник.

– А, вот еще!

Шутка № 6, Греция.

«Муж спрашивает у жены: „Почему ты так меня ненавидишь?“ Жена отвечает: „Потому что ты меня любишь“».

– И это тогда вызывало смех?

– Видимо. Послушайте еще.

Шутка № 7, Греция.

«Человек видит евнуха с какой-то женщиной и спрашивает: „Это ваша жена?“ Евнух отвечает, что у него не может быть жены. „Правда? Значит, это ваша дочь“».

Профессор Левенбрук убирает папку в ящик и тянется к более высокой полке.

– А вот шутки римлян. Обратите внимание, они уже отличаются от греческих.

Шутка № 8, Рим.

«Парикмахер, лысый человек и ученый путешествовали вместе. На ночь они поставили палатку в лесу и дежурили по очереди. Парикмахеру стало скучно, и он обрил голову спящему ученому. Тот проснулся, когда настала его очередь дежурить, ощупал свою голову и закричал: „Какой дурак этот парикмахер! Разбудил лысого вместо меня!“».

– Мне больше нравится римский юмор, – говорит Исидор, продолжая делать записи.

– Тогда прочту вам еще одну.

Шутка № 9, Рим.

«Встречаются два человека. „Я слышал, что вы умерли“, – говорит один. Другой огорчается и возражает: „Но вы же видите, я не умер, жив и совершенно здоров“. Первый отвечает: „Честно говоря, тому, кто мне это сказал, я доверяю гораздо больше“».

Исидор сдержанно улыбается.

– Шутка № 10, Рим.

«Провинциал прогуливается по улицам Рима. Он привлекает всеобщее внимание потому, что чрезвычайно похож на императора Августа.

Узнав об этом, император приглашает провинциала во дворец, с удивлением разглядывает его, а потом спрашивает: „Скажите, а ваша мать никогда не была служанкой

в этом дворце?“ Его двойник отвечает: „Нет. А вот мой отец был садовником у вашей матери“».

Профессор Левенбрук читает подпись:

– Шутка приписывается Макробию. Она появилась в его «Сатурналиях» в 431 году до нашей эры.

– А есть что-нибудь посвежее?

– Профессор Пол Макдоналд, англичанин, нашел самую древнюю на сегодня английскую шутку. Это 930 год нашей эры.

Шутка № 11, Британия.

«Что висит у бедер мужчины и он с удовольствием вводит это в хорошо известное ему отверстие? Ответ: ключ».

Опять неловкое молчание. Профессор Левенбрук убирает документы и ведет журналиста в зал, где выставлены предметы, относящиеся к древнейшим цивилизациям.

– Юмор всегда связан с нарушением табу. Он помогает выпустить пар, что часто на руку политикам. Люди смеются над женщинами, евнухами и иностранцами потому, что боятся их. Такая же ситуация с евреями и их матерями.

– Смех действительно неотделим от страха, – подтверждает Исидор. – Как вы думаете, а существует универсальная шутка, которая может рассмешить представителя любого народа?

– Так сказать, общий комический знаменатель человечества? Ну, по моим данным, это пукающая собака.

Исидор удивленно поднимает брови, но продолжает записывать.

– Тибетские монахи, эскимосы, пигмеи из африканских лесов, папуасские шаманы, дети и старики – все смеются, услышав, как собака громко пускает ветры. Я, кстати, немало повеселился, найдя рингтон «звуки пуканья» для мобильного телефона. Он сейчас очень популярен.

Исидор погружается в размышления.

Профессор Левенбрук ведет его в следующий зал, посреди которого стоит стеклянная емкость. В ней в формалине плавает человеческий мозг.

– Вот неизведанная планета, которую нам предстоит изучить. Мозг! Где-то там, в его закоулках, спрятан великий секрет смеха. Но для этой экскурсии вам нужен другой гид. Невропатолог, специализирующийся по смеху. Если хотите, я могу дать вам адрес: отделение клиники Помпиду в Пятнадцатом округе.

67

Франсуаза Петросян удивительно похожа на Карин Маньяр. Лукреция не может не отметить, что комик и его менеджер выбрали себе жен с одинаковой внешностью. Быть может, здесь и нужно искать ключ.

– Джимми был потрясен исчезновением Тристана. Он сказал, что не успокоится, пока не разгадает эту загадку.

– Ему казалось, он знает,*почему* исчез Тристан, хотя он не знал ни где он, ни что с ним.

После некоторого колебания Франсуаза добавляет:

– Джимми рассказывал, что Тристан увлеченно изучал происхождение анекдотов. Он говорил: «Надо понять, откуда приходят шутки».

Лукреция слушает с возрастающим интересом, ее глаза горят.

– Мы постоянно слышим анекдоты, но не знаем, кто их сочинил, – продолжает Франсуаза Петросян. – Тристан часто использовал их в своих выступлениях, но ему казалось, что он ворует, занимается плагиатом, ведь у создателей анекдотов нет авторских прав. Он говорил, что некоторые анекдоты имеют такую сложную драматургию, что это просто не может быть случайным. Он хотел отыскать авторов…

Лукреция понимает, что тоже никогда не задумывалась над тем, где рождаются шутки.

Начать с самого начала, так, Исидор?

— Однажды Джимми сказал: Тристан хочет найти родину шуток, как лосось, поднимающийся вверх по течению, хочет добраться до истоков реки.

– И он нашел ее?

– Я плохо помню, но, кажется, он хотел встретиться с каким-то человеком в кафе, где постоянно собирается группа юмористов-любителей.

Час спустя Лукреция заходит в кафе «Встреча друзей» в Пятнадцатом округе. Это старый ресторанчик, и его завсегдатаи в основном немолоды. В одном углу сидят картежники, в другом – посетители с ноутбуками, не отрывающие глаз от экрана. У бара несколько человек с тоской смотрят в свои стаканы.

За стойкой возвышается хозяин в красной бабочке, его щеки, словно паутиной, покрыты сетью красных прожилок.

Его то и дело окликают:

– Эй, Альфонс, повтори-ка!

– Альфонс, две пива без шапки на двенадцатый!

Над стойкой висит плакат: «Тех, кто пьет, чтобы забыться, просим заплатить вперед».

Во время кратких передышек Альфонс вступает в беседу с какими-то чрезвычайно веселыми старичками.

Рядом с их столиком висит другой плакат: «Лучше тратить ум на глупости, чем портить глупостью умные вещи».

Альфонс рассказывает анекдот, который старички внимательно слушают. Потом они начинают смеяться, некоторые заходятся в кашле, другие рискуют задохнуться от астмы.

Альфонс поправляет бабочку и раздает восхищенным слушателям по кружке пива.

– Теперь я! Я! – восклицает один из старичков. – Я знаю отличный анекдот.

И выдает несколько довольно посредственных историй.

Лукреция, как солдат под огнем неприятеля, терпеливо ждет, пока старикашки угомонятся. Наконец через час наступает пауза. Хозяин в бабочке, который дирижирует этим странным оркестром, оказывается в одиночестве, и Лукреция понимает, что нельзя терять время. Она заказывает виски и говорит:

– Я веду расследование об исчезновении одного человека. Вы когда-нибудь видели тут Тристана Маньяра?

– Бывшего комика? Нет. Да и что ему здесь делать?..

Лукреция достает фотографию, которую дала ей Карин.

– Странно! Вы уверены, что это Тристан Маньяр? Я видел этого человека три года назад. Он представился журналистом и сказал, что собирает материал о парижских ресторанах. У него была борода.

– Он говорил с вами об анекдотах?

– Да, ему стало интересно, почему все здесь постоянно их рассказывают. Дело в том, что еще мои родители были отчаянными весельчаками. Они познакомились и влюбились друг в друга из-за анекдотов. Я и сам посвятил всю жизнь этому благородному занятию – смешить людей, и мои посетители знают об этом.

Альфонс указывает на ряды обувных коробок и говорит, что сортирует анекдоты «по сезонам». В разное время возникает мода на свои анекдоты. Например, анекдоты о блондинках. И тут же рассказывает один для примера:

– «Как назвать перекрасившуюся блондинку? Искусственный интеллект». Потом пошла мода на кроликов: «Морковкой запахло? Это кролик пукнул». Потом – на бельгийцев. «Как узнать бельгийца во время групповухи? Он один приходит с женой».

Лукреция машет руками, умоляя о пощаде.

– А до того были анекдоты про шотландцев, венгров, евреев, арабов, югославов, негров.

– Ну да, расистские анекдоты.

– И еще анекдоты про пришельцев.

– Интересно, может ли это считаться расизмом по отношению к пришельцам? – спрашивает Лукреция.

Альфонс открывает обувные коробки, набитые пронумерованными карточками.

– Тут про анекдоты про выпивку, – произносит он.

– Значит, Тристан Маньяр пришел к вам с накладной бородой и выдал себя за журналиста. О чем он спрашивал?

– Он хотел знать, откуда я знаю анекдот про телеведущего.

– Если не ошибаюсь, он лег в основу одного из его скетчей?

– Да, действительно, теперь я тоже это вспомнил. Я нашел в своем каталоге раздел, посвященный телевидению, и обнаружил имя автора и его адрес. Знаете, вы мне нравитесь! Хотите, расскажу вам отличный анекдот?

Исидор прав. Юмор, как красное вино, может вызвать зависимость. А если вино плохое, то еще и похмелье.

— Нет, спасибо. Просто дайте мне адрес и имя того человека, к которому вы отправили Маньяра.

Альфонс обижен, но не подает виду.

Лукреция записывает информацию и думает о том, что подниматься вверх по течению, «словно лосось», потребует много времени и сил. Особенно, если на пути будут попадаться такие остряки-самоучки.

68

Древний Рим.

Двое разговаривают на рынке. Один говорит:

– Я кастрирую рабов.

– Как же вы это делаете? – удивляется гость столицы.

– Раб опускает яички в отверстие, проделанное в сиденье, а я с размаху сдавливаю их двумя кирпичами.

– Это же очень больно! – с ужасом говорит провинциал.

– Ничего подобного! Нужно только вовремя убрать большие пальцы.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши предки все поняли»

69

Из-за двери доносится крик. Пахнет эфиром. Мужчины и женщины в белых халатах везут кресла на колесиках. Встревоженные люди останавливаются на пересечении коридоров.

– Здесь, в клинике Жоржа Помпиду, мы создали Центр углубленного изучения феномена смеха. Эту идею нам подал чиновник из сферы социального обеспечения, который доказал, что плохое настроение и пессимизм вызывают увеличение числа психосоматических заболеваний, а в тридцати процентах случаев являются причиной душевных и сердечнососудистых заболеваний.

Ученый, которого рекомендовал профессор Левенбрук, выглядит знатоком своего дела. На нагрудном кармашке белого халата вышито: «Д-р К. Скалез».

– Мы боремся с депрессией на официальных основаниях. Парадокс заключается в том, что мы живем в прекрасной демократичной стране с тремя морями и тремя горными массивами, но все ее население ворчит, хандрит и жалуется. Я уже не говорю о том, что среди молодежи невероятно высок уровень самоубийств.

Исидор включает диктофон.

– Теперь я понимаю, почему министры так часто ходят на выступления комиков, а все политические партии мечтают заманить их к себе.

– Институт социального обеспечения всегда высоко оценивал наши исследования. Смех – медицинское решение проблемы синистроза.

– Лучше предупредить, чем лечить, – соглашается Исидор.

– Самое натуральное и дешевое лекарство от депрессии – юмор. Лечение анекдотами. Принимать без ограничений. И мы хотим понять принцип его действия. Для этого мы используем новейшие технологии. Мы можем наблюдать удивительнейшие вещи: весь путь анекдота в человеческом мозгу. Идите за мной.

Доктор Скалез ведет Исидора по коридорам клиники, напоминающим переходы космической станции.

– Вы журналист? Для какого журнала вы пишете?

– Для «Современного обозревателя». И как же функционирует мозг во время смеха?

– Это ошибка, которую наш мозг совершает, чтобы компенсировать другую ошибку: беспричинную тревогу. Вот почему другие животные не смеются. Они не испытывают беспричинной тревоги, а значит им не нужно что-либо компенсировать.

– Мне кажется, обезьяны и дельфины смеются.

– Нет, мы просто принимаем за смех некоторые особенности их мимики. Иногда они растягивают губы и отрывисто дышат. Человек – единственный представитель животного мира, который умеет смеяться. «Смех присущ только человеку», – говорил Рабле.

– Что же такое шутка, анекдот?

– Это некое умозаключение, которое в последний момент заканчивается не так, как ожидалось. Возникает ощущение, что равновесие нарушено. Разум как будто спотыкается, пытается «удержаться на ногах» и, чтобы выиграть время, заставляет легкие сделать серию выдохов. Анри Бергсон считал, что смех – это «механика, действующая в живом организме».

– Да-да, мне всегда нравилось это выражение.

– В нашей лаборатории мы отслеживаем зарождение смеха.

Доктор Скалез нажимает кнопку интерфона и просит привести испытуемого номер сто тридцать три.

Входит прыщавый студент.

– Это доброволец. Мы выбрали его, учитывая его культурный уровень, коэффициент умственного развития и состояние здоровья.

Ассистенты укладывают студента на койку и прикрепляют к его телу множество датчиков. Затем койка уезжает внутрь огромного белого цилиндра, на виду остаются только ноги испытуемого.

Перед доктором Скалезом загорается множество экранов, на каждом появляется просвеченная голова студента. Видны мозг, глаза, зубы, язык, внутреннее строение носа и ушей.

Звучит анекдот.

После паузы, вызванной удивлением, испытуемый громко хохочет. Из цилиндра доносится многократно усиленное эхо.

Исидор видит на экране крошечную вспышку.

Доктор Скалез приближает изображение вспышки, просматривает запись в замедленном режиме. Исидор с изумлением рассматривает участки мозга, отреагировавшие на шутку. Процесс начинается с появления световой точки в основании мозжечка, затем нервный импульс поднимается к лобной доле.

– Реакция на шутку: появление очень слабых электрических токов, направленных из точки А в точку Б. Интенсивность тока зависит от качества шутки.

– Как по-вашему… Существует ли шутка, способная убить?

Доктор Скалез удивляется:

– Нет. Юмор лечит, он приносит только благо. Сокращения брюшных мышц благоприятно действуют на пищеварение, активизация деятельности желудочков сердца очень полезна для организма и даже укрепляет иммунную систему.

Она пожимает плечами и с улыбкой говорит:

– Если у вас есть сомнения, посетите клинику смеха. Там лечат шизофрению и даже эпилепсию. Существует даже йога смеха, когда люди нарочно вызывают у себя приступы хохота, пытаясь достичь своего рода опьянения. Мы в это не особенно верим, мы занимаемся биохимией и рентгенологией.

Ассистент помогает номеру сто тридцать три выбраться из белого цилиндра.

Исидор замечает, что у студента на глазах слезы от смеха. Он благодарит всех присутствующих и, смущаясь, спрашивает, где получать деньги.

70

Исидор медитирует в номере отеля «Будущее». Он сидит в позе лотоса.

Лукреция входит в комнату и огибает его словно статую. Наклоняется и заглядывает под кресло.

– Не обращайте внимания, я ищу мобильный телефон.

Она продолжает поиски и наконец находит то, что ей нужно.

– Надеюсь, я вас не разбудила? То есть не помешала медитировать? Мне очень неловко, но без айфона я как без рук.

Исидор открывает глаза.

– Вот, я его нашла! Медитируйте спокойно.

Исидор закатывает глаза, потом начинает разминать руки и ноги.

– О, я чувствую, вы опять сердитесь, но я думала…

Исидор встает, поворачивается к Лукреции спиной и направляется в ванную. Запирает дверь на задвижку.

– Ты… То есть вы… Вы рассердились, Исидор?

Она слышит, как из крана течет вода. Исидор, не отвечая, залезает в горячую ванну. Слышно только, как он возмущенно сопит.

– Как продвигается расследование? – наконец спрашивает он через дверь.

– Я нашла жену Тристана Маньяра. Она вывела меня на жену его агента Джимми Петросяна, которая рассказала, что Тристан пытался понять, откуда появляются анекдоты. Он хотел найти «место, где рождаются шутки».

Исидор с головой уходит под воду. Затем выныривает и слышит окончание фразы.

– … и тут я подумала: «Черт, Исидор был прав». И я пошла туда, откуда он начал путешествие вверх по течению реки юмора. Это бар, где люди с утра до ночи рассказывают дурацкие анекдоты.

– Давайте без подробностей, у меня мало времени.

– Ладно, потом я встретилась с молодым компьютерщиком, с неким Эриком Витцелем, и он показал мне сайт*blages.com* .

– Ближе к делу.

– В офисе*blagues.com* я поговорила с директором, потом с ответственным за анекдоты. Все знали анекдот, который искал Тристан.

– Без подробностей, – нетерпеливо говорит журналист.

– В итоге выяснилось, что анекдот прислали из Бретани, точнее из Морбиана, а еще точнее – из Карнака.

– От кого?

– От некого Жислена Лефевра.

– Он автор?

– Возможно.

Исидор намыливает пальцы ног. Лукреция продолжает:

– По моему мнению, которое основано на моей женской интуиции, надо двигаться в этом направлении.

Исидор снова опускает голову под воду и задерживает дыхание, выпустив несколько пузырьков воздуха.

– Исидор?

Он не отвечает. Она тихонько стучится в дверь. Сначала робко, потом с нарастающей тревогой.

– Исидор!

Он вылезает из ванны. Накидывает халат, возвращается в комнату и что-то долго записывает в айфон.

Я его когда-нибудь убью.

— А вы, Исидор, что делали?

Он отвечает, не поворачиваясь:

– Я встречался с ученым, который занимается историей юмора. Он прочел мне анекдоты, сочиненные много веков тому назад. Я понял, что вызывало смех у наших предков, и решил написать небольшое исследование об истории и эволюции юмора. В этих простых на первый взгляд рассказах есть подтекст. Каждый из этих анекдотов кажется мне вехой на пути к цели нашего расследования.

Он показывает Лукреции страницу с заголовком «Филогелос».

– Это значит «Тот, кто любит смеяться».

Лукреция читает греческие и римские анекдоты.

– Я буду их коллекционировать, как филателист – марки, – говорит Исидор, надевая очки. – Занятие для меня новое, но это интереснее, чем казалось сначала.

– Что вы еще узнали?

– Я встретил очаровательную женщину.

Лукреция чувствует легкое покалывание в сердце.

Очаровательную?

— И мы говорили с ней о том, почему и как мы смеемся.

По его тону понятно, что он поддался очарованию этой шлюхи только потому, что у нее есть диплом или высокая должность, только потому, что она работает в лаборатории и ходит в белом халате. Он всегда будет меня презирать за то, что я нигде не училась.

Черт, я ревную!

Впервые.

Ненавижу это чувство. Словно сама загоняю себя в угол. И все из-за какой-то бабы, которую я даже не видела.

— Эти экземпляры не очень смешны – я имею в виду греческие и римские анекдоты, – но я надеюсь со временем украсить коллекцию редкими бабочками и найти самую красивую.

Он начинает двигаться в том же направлении, что и я. Значит, это я на него влияю…

Лукреция подходит к Исидору и ласково разминает ему плечи. В первый момент он раздраженно отшатывается, но потом позволяет ей продолжать.

– Я рада, что веду расследование с вами, Исидор. Мне кажется, мы найдем нечто гораздо большее, чем просто убийцу. Вместе мы всегда совершаем очень важные открытия.

По его телу пробегает дрожь.

– Вам холодно?

Она растирает его махровым халатом, который он набросил на плечи.

– Я думаю. Вы сказали, что шутка, которую искал Тристан Маньяр, появилась в Карнаке? Именно там нашли самый древний французский анекдот.

– Продолжайте.

Исидор закрывает глаза и потирает нос, чтобы сосредоточиться.

– Черт, не могу вспомнить. Они все перемешались у меня в голове.

– И что мы будем теперь делать?

Он встает и подходит к окну, из которого открывается вид на Париж.

– Наверное, поедем отдыхать в Бретань. Говорят, там в воздухе очень много йода. Это полезно для здоровья.

71

Человек приходит к директору большого универсального магазина и говорит:

– Возьмите меня на работу, я лучший в мире продавец.

– Увы, у нас нет свободных мест, – отвечает директор.

– Но я лучший в мире продавец!

– Я понимаю, но у нас нет мест.

– Мне кажется, вы не поняли, – говорит человек. – Ладно, вот что я предлагаю: возьмите меня на испытательный срок, и вы поймете, что такое лучший в мире продавец.

Директор соглашается.

На следующий день он из любопытства приходит взглянуть, как работает тот, кто считает себя «лучшим в мире продавцом», и слышит, как тот говорит покупателю:

– От всей души рекомендую вот эти крючки. Это самые лучшие. И они предназначены специально для этой удочки.

Человек покупает крючки и удочку.

– Вам также понадобится жилет с карманами, чтобы было куда положить крючки. У нас как раз скидка на очень удобные жилеты с огромным количеством карманов.

Человек покупает жилет.

– Еще вам нужны солнечные очки, чтобы глаза не болели от блеска воды.

Человек покупает солнечные очки.

– Если вы хотите поймать действительно большую рыбу, вам нужна лодка, чтобы отплыть подальше от берега.

Человек идет за продавцом в отдел лодок и покупает лодку.

– Чтобы перевозить лодку, нужен прицеп.

Человек покупает прицеп.

– Чтобы тянуть прицеп, нужна мощная машина. У вас мощная машина?

Продавец ведет покупателя в отдел автомобилей, и тот приобретает дорогой внедорожник.

Когда покупатель уходит, директор говорит продавцу:

– Да, вы меня убедили. Просто великолепно! Начать с крючков и закончить роскошным джипом! Но скажите, а пришел-то он за чем?

– За прокладками для жены. А я ему сказал: выходные все равно пропали, может, на рыбалку съездите?

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

72

Выстроившиеся в ряд менгиры словно часовые смотрят на проезжающие машины.

Исидор и Лукреция мчатся со скоростью сто пятьдесят километров в час.

Наклонившись вперед, чтобы уменьшить сопротивление ветра, Лукреция в шлеме и очках авиатора вросла в кожаное сиденье.

Сложив руки на груди, Исидор сидит в коляске, словно большой ребенок, которого вывезли полюбоваться красотами природы. Воздух меняется. Становится более легким, более соленым, более живительным.

В половине девятого утра они проезжают Шартр, затем минуют Манс, Ренн, Ванн, Орэ, Плуарнель. В половине первого они уже в центре Карнака.

Маленький бретонский городок застроен домиками с декоративными балками на фасаде и шиферными крышами. Пахнет устрицами и полевыми травами, которые ветер пригибает к земле.

Исидор и Лукреция входят в блинную «У Мари» на соборной площади. Единственными посетителями оказываются двое американских туристов. Конец марта – мертвый сезон.

Морщинистая беззубая старуха в национальном костюме – двуцветном платье и высоком чепце «бигуден» – подходит принять заказ.

Лукреция находит в меню рубленую говядину с томатами и луком, а Исидор – овощной салат без заправки. Они берут по кружке сидра: Исидор – сладкий, а Лукреция – брют.

– Вы не хотите блинчиков, Исидор? Это же фирменное бретонское блюдо.

– С сегодняшнего дня я на диете. Я все еще вешу больше, чем нужно. Девяносто пять килограммов. А должно быть семьдесят пять. Предстоит сбросить двадцать килограммов, и надеюсь, расследование поможет мне это сделать. Я начинаю прямо сейчас.

Лукреция пожимает плечами.

У этого парня все-таки очень много женского в характере.

— Извините, мадам…

– Мадемуазель, – поправляет официантка.

– Прошу прощения, мадемуазель. Скажите, вы случайно не встречали этого человека?

Лукреция показывает ей фотографию Тристана Маньяра. Старуха смотрит на снимок, качает головой и уходит на кухню.

– Интересно, как далеко заплыл наш лосось Тристан Маньяр? – спрашивает Исидор, разглядывая его фотографию.

– Я чувствую, что мы у цели. Следующей вехой на нашем пути станет местный житель. Некий Жислен Лефевр. Я видела его дом, это недалеко отсюда.

Журналисты осматриваются. На стене блинной висит лакированное чучело лосося с разинутым ртом.

– Образ лосося нас преследует, – констатирует Лукреция. – И мы, между прочим, находимся именно там, где разводят лососей. Я знала, что дети рождаются в капусте, но то, что шутки рождаются в Бретани, для меня новость.

Пара американских туристов, громко переговариваясь, изучает карту региона.

– Я никогда тут не была, – признается Лукреция. – Очаровательный городок. Вы что-нибудь о нем знаете?

Исидор закрывает глаза. Лукреция ждет, что он извлечет информацию из глубин памяти, но журналист достает айфон и нажимает на кнопки.

– Карнак. Название происходит от слова «Карн», что на кельтском языке означает «маленький холм». Люди в этом регионе появились за 450 тысяч лет до нашей эры. Вероятно, это было место языческого культа; 7 тысяч лет назад местные жители насыпали здесь курган высотой 12 метров, шириной 60 метров, длиной 125 метров. В нем хоронили вождей вместе с драгоценными предметами утвари. Спустя тысячу лет здесь появились ряды мегалитических сооружений. Сейчас насчитывается 2934 менгира. Двенадцать сходящихся рядов из больших обтесанных камней. Самые большие менгиры достигают 4 метров в высоту. Двигаясь с запада на восток, вы заметите, что их размеры постепенно уменьшаются. Самые маленькие камни всего 60 сантиметров в высоту.

– Мы их видели, когда подъезжали, – кивает Лукреция.

Исидор переворачивает несколько страниц и продолжает читать.

– Легенда гласит, что святой Корнелий, преследуемый римскими солдатами, обратил их в камни.

– Красивая легенда. А что-нибудь более современное?

– В 1900 году на местных болотах был построен курорт, и Карнак теперь предстает в двух ипостасях: со стороны суши Карнак-город, со стороны моря – Карнак-пляж.

– Так мы видели только одно лицо этого Януса!

– В 1974 году на осушенных соленых болотах открывают центр талассотерапии, который, вместе с казино, является основным источником доходов 4444 ныне зарегистрированных жителей.

– Спасибо за рекламу из туристического бюро.

На улице темнеет, собирается гроза. Исидор морщится:

– Странный в этом году март.

Старая официантка в чепце приносит дымящиеся блинчики и салат. Исидор и Лукреция приступают к еде. Официантка продолжает стоять у их столика. Когда американские туристы выходят, она оглядывается по сторонам, наклоняется к журналистам и шепчет:

–*Они* вас ждут.

Сначала Исидору и Лукреции кажется, что им послышалось.

– Мы не назначали никаких встреч, – говорит Лукреция. – Вы что-то перепутали.

Но Исидор залпом допивает сидр, кладет на стол деньги и встает. Лукреции ничего не остается, как отправиться за ним. Официантка вешает на дверь объявление «Закрыто» и быстро идет по улице.

Моросит мелкий дождик, от которого невозможно укрыться.

– Скажите,*мадемуазель* , а зонтика у вас нет? – спрашивает Лукреция, боясь, как бы ее волосы не начали завиваться.

– Дождь мочит только дураков, так у нас говорят, – бормочет старуха.

Они долго бредут по мокрому блестящему шоссе, которое постепенно переходит в проселочную дорогу. Поднимаются на холм, на вершине которого стоит белая часовня с плоской крышей, увенчанная маленькой остроконечной колокольней.

Небо становится совершенно черным.

Старуха толкает тяжелую скрипучую дверь. Внутри совершенно темно, в окна видно черное небо.

– Мадемуазель? Мадемуазель?

Старуха растворилась в темноте.

Вдруг молния, прочертившая небо, освещает четыре черных силуэта. Во время короткой вспышки Лукреция успевает заметить, что одна из фигур держит охотничье ружье, направленное в их сторону.

Она слышит глухой голос:

– Что вам нужно от Тристана Маньяра?

73

Италия, Рим

На невольничьем рынке столицы кипели страсти.

– Даю двести!

– Четыреста!

– Пятьсот!

– Пятьсот? Кто больше? Пятьсот динариев за юношу – это недорого!

Толпа окружила помост, на котором торговец рабами представлял публике последнюю партию товара из недавно побежденного Карфагена. Он вывел вперед тринадцатилетнего мальчика, показал его зубы, пощупал грудные мышцы, продемонстрировал невредимые локти и колени.

– Мой карфагенец здоровый, свежий, красивый. Кто хочет его купить? Посмотрите, это первый сорт: какие большие светлые глаза! Он может отлично чистить конюшню или подавать завтрак. Хороший, молодой раб – это надежное вложение денег. Он может носить тяжести, будет сексуальной игрушкой во время оргий, станет опорой в старости.

Юноша безучастно позволял себя осматривать.

– Пятьсот динариев! Торгую себе в убыток! Кто даст шестьсот? Никто? Не пропустите выгодную сделку, этот мальчик – необычный раб! Другие рабы говорят, что у

него есть… Знаете что? Чувство юмора! Он смешил их в трюме корабля. Он будет развлекать вас во время пиров! В наши дни веселье бесценно! Шестьсот! Остроумный раб! Не скупитесь!

– Тысяча! – раздался чей-то голос.

Толпа притихла. Тысяча динариев за подростка – неслыханно!

И юношу, по-прежнему безучастного к происходящему, увел новый владелец. Когда они пришли домой, хозяин представился мальчику:

– Меня зовут Теренций Лукан, я – римский сенатор. Ты понимаешь язык, на котором я говорю?

Юноша покачал головой. Теренций Лукан не стал настаивать. Он всегда действовал по настроению. Слова «остроумный раб» показались ему такими нелепыми, что он расценил их как знак свыше.

Сенатор, как человек умный, знал, что раб станет тем, кем ты его воспитаешь. Его можно обучить мыть полы, и он превратится в прекрасного слугу. Теренций Лукан решил, что этого раба стоит просветить. Он решил дать мальчику то, о чем мечтали все: образование римского патриция.

Объясняя свой великодушный поступок удивленным приближенным, он процитировал слова работорговца: «Раб – это вложение денег, все потраченное вернется сторицей».

Молодой раб оказался способным учеником. Когда он получил образование, сенатор отпустил его на волю. Он дал ему свое имя – Теренций, к которому прибавил «Афр», что означает «пришедший из Африки».

Сенатор ввел Теренция Афра в высшее общество. Представил семье Сципионов, получившей богатство и славу благодаря генералу, победившему Ганнибала Карфагенского.

Генерал Сципион любил беседовать с Теренцием Афром о театре, и в особенности о своей страсти к комедии. Видимо, под влиянием Сципиона и приемного отца Теренция Лукана Теренций Афр написал в 166 году до нашей эры свою первую пьесу, «Девушка с острова Андрос».

Он подражал греческому автору Менандру, но изобрел при этом собственный стиль.

В отличие от модного в то время народного театра, использовавшего карикатурных персонажей и неожиданные повороты сюжета, Теренций Афр рисовал психологические портреты героев, играл оттенками настроений. Его комедии были лирическими, они вызывали и улыбку, и слезы. Часто смысл пьесы заключался в открытии истинного характера персонажей.

Теренций Афр убрал традиционно присутствовавшие в комедиях хор и музыкальные вставки, заменил быстрые диалоги с короткими репликами длинными философскими монологами. За первой пьесой последовали еще шесть. Бывший карфагенский раб быстро стал любимым драматургом образованных римских аристократов. Две его пьесы, «Евнух» и «Братья», были приписаны Менандру. А Юлий Цезарь прозвал Теренция полу-Менандром.

Теренций Афр, так же, как и его знаменитый учитель, приумножил свою славу потрясающими афоризмами.

Вот самые знаменитые из них.

«Лицемерие вознаграждается дружбой, искренность – ненавистью».

«Трудно добиться любви Венеры без участия Цереры и Бахуса».

«Что бы вы ни говорили, кто-то уже сказал это до вас».

Едва достигнув тридцати лет, Теренций Афр решил познать истинную суть комедии. В 160 году до нашей эры он поехал учиться в Грецию, чтобы понять то, что он называл «секретом комического искусства». Он прожил там год и перевел с греческого на латынь более ста пьес Менандра. Затем он продолжил углубленное изучение предмета. Он считал, что обогатит свои знания «секретами комического искусства» во время длительного путешествия в Иерусалим и Афины, а затем в Галлию.

В 159 году до нашей эры в возрасте тридцати одного года он таинственным образом исчез.

Его семья утверждала, что он погиб во время кораблекрушения в бухте Лекат у берегов Галлии.

74

Дуло охотничьего ружья приближается.

При новой вспышке молнии Лукреция ногой выбивает ружье из рук противника. Остальные не успевают ничего понять, и она успевает ударить одного ребром ладони по горлу, а второго мощным пинком отшвыривает прочь.

Исидор спокойно отходит к двери, щелкает выключателем, но тот не работает. Тогда он достает спичечный коробок и зажигает церковные свечи.

Тем временем противники Лукреции приходят в себя. Она вынуждена драться с четырьмя мужчинами. Она получает удар ногой в живот, который отбрасывает ее к стене. Она перекатывается на бок и, изловчившись, бьет противника в лоб согнутыми пальцами. Звук получается как от удара молотком по кокосовому ореху.

Противник падает как подкошенный.

– Вы не могли бы мне помочь, Исидор! Вы что, не видите, у меня неприятности!

– Вы отлично справитесь без меня, Лукреция. Я не хочу вмешиваться в вашу беседу.

Пользуясь тем, что Лукреция отвлеклась, один из мужчин подбирает ружье и стреляет, промахивается и снова стреляет. Лукреция едва успевает распластаться на полу. Прикладом, как дубинкой, противник бьет ее по спине. Лукреция перекатывается на бок, сильно ударяет мужчину ногой в пах, вскакивает, выхватывает ружье, приставляет дуло к подбородку противника и вынуждает его отступить к исповедальне.

– Ну-ну-ну, – укоризненно произносит Исидор. – Как говорил Мишель Одьяр Лино Вентуре, «это, может, и смешно, но нечестно».

Трое мужчин выведены из себя, они решают объединить усилия. Самому высокому удается схватить Лукрецию за локти, второй обхватывает ее рукой за шею, а третий, самый крепкий, бьет кулаком в живот, а затем – в подбородок. Лукреция тщетно пытается освободиться.

– Исидор, на помощь! – кричит Лукреция. – Я не могу с ними справиться!

– Держитесь, Лукреция. Я уверен, что вы одержите верх.

Она получает еще два удара. Пригнувшись, избегает третьего, и кулак нападающего с хрустом врезается в стену. Сила захвата немедленно слабеет, Лукреция прислоняется к стене, чтобы избежать нападения сзади. Она движется быстрее, чем ее соперники, уклоняется от ударов, пригибается, крутится на месте, пританцовывает и бьет точно в цель.

Вспышки молнии мелькают как стробоскоп над танцполом.

Наконец взмокшая, запыхавшаяся Лукреция укладывает на пол всех четверых злодеев.

– Ну что? Закончили? – нетерпеливо спрашивает Исидор. – Вы столько времени тратите на формальности!

Лукреция поднимает с пола мужчину, угрожавшего ружьем, и вытаскивает свой новенький пистолет «глок».

– Чего вы от нас хотите? Как вас зовут? Кто вы?

– Жислен Лефевр. Я школьный учитель.

Жислен Лефевр? Я не ослышалась?

Видя, что Лукреция онемела от удивления, Исидор вмешивается:

– Рядом с вами, судя по одежде, сельский священник и церковный сторож. Четвертый – видимо, друг господина Лефевра или родственник.

Так, надо быстро взять себя в руки.

— Зачем вы заманили нас в ловушку? – спрашивает Лукреция, описывая рукой с пистолетом несколько более широкий круг, чем следовало бы.

Ей отвечает Исидор:

– Вы показали фотографию Тристана Маньяра официантке, которая помнила о его визите и о последовавших за этим событиях. Я предполагаю, что Тристан познакомился с этими людьми. Сначала с Жисленом Лефевром, к которому его направили из Парижа. Тот рассказал, что услышал анекдот от кого-то другого…

– От меня. Меня зовут Франсуа Тильез, я шурин Жислена, – отзывается второй обезвреженный враг.

– Любитель анекдотов или что-нибудь в этом роде? Празднование крестин с вашим участием завершается незабываемыми шутками под возгласы: «Франсуа, анекдот!»

Тильез потирает подбородок, пострадавший от удара Лукреции.

– Так и есть. Как вы узнали?

– Дедукция и наблюдательность, только и всего. Немного интуиции. Тристан Маньяр спросил, откуда вы знаете анекдот, и вы ответили, что от священника.

– Это правда, – отвечает человек в темной одежде. – Мое имя – Паскаль Легерн, можете называть меня отец Легерн.

– … который сам услышал его от церковного сторожа.

– Да, – говорит самый молодой, самый высокий и самый сильный из присутствующих.

– Вот и ответ на ваш вопрос, Лукреция. Эти четыре человека – четыре порога, которые преодолел наш лосось Тристан на пути туда, «где рождаются шутки».

Исидор помогает всем подняться на ноги. Помирившихся противников освещает огонь свечей, зажженных Исидором.

Священник трогает рассеченную губу.

– Вы из*них* ? – спрашивает он.

– Из каких это «из них»? – удивляется Лукреция.

– Из числа врагов. Вы же не принадлежите к «GLH»? Значит, вы из другого лагеря.

Лукреция бросается к нему.

– Здесь я задаю вопросы! – говорит она, хватая священника за шиворот. – Что такое «GLH»?

– Э-э-э… Хранители… «B.Q.T.».

Разговор в сумасшедшем доме.

— Что такое «B.Q.T.»?

На сей раз удивленно переглядываются четверо мужчин.

Лукреция приставляет к груди священника пистолет.

– Несмотря на внешний вид и манеры некоторых из нас, мы – журналисты! – спешит вмешаться Исидор. – Репортеры из «Современного обозревателя». Мы расследуем смерть Дария Возняка.

Исидор роется в сумке Лукреции и достает синюю шкатулку с буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать!».

На лицах четверых мужчин неожиданно появляется выражение ужаса.

– Vade retro Satanas!– зажмурившись, восклицает священник и начинает креститься. Остальные испуганно отворачиваются.

– Да говорите же наконец! Что такое «GLM»и что такое «B.Q.T.»? – кричит, топнув ногой, Лукреция.

Неожиданно ее осеняет, она подносит коробку сторожу под нос.

– Говорите, или я ее открою!

Никогда она не видела такого страха в глазах человека.

– Не делайте этого! – умоляет священник. Он тут ни при чем. Он ни в чем не виноват. Он не заслужил этого наказания. – Я все расскажу.

На улице снова раздается раскат весеннего грома.

75

Лягушка-самец впал в депрессию и решил позвонить гадалке, чтобы она подняла ему настроение. Гадалка предсказывает ему будущее:

– Вы встретите девушку, которая захочет узнать о вас все.

– Отлично! А когда это будет? – спрашивает лягушка. – Во время праздника на болоте?

– Нет, через три месяца, на уроке биологии.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

76

Ботинки утопают в грязи, изо рта вырывается пар. Шестеро бредут по равнине под моросящим дождем к менгирам.

– Мы не знаем, как расшифровывается аббревиатура «B.Q.T.». Нам лишь известно, что три буквы «GLH» обозначают секретную организацию, члены которой называют себя «хранителями „B.Q.T.“». А «B.Q.T.» – это «смертельный яд для разума».

– Расследование действительно становится интересным, – бормочет Исидор.

– А до сих пор вам было скучно? – говорит Лукреция.

Небо раскалывается от грома, снова начинается гроза. Они идут среди гигантских камней, и те словно оживают при свете молний.

– За кого вы нас приняли? – спрашивает Лукреция.

– За врагов «GLH», Лукреция. Вы что, уже забыли? Записывайте тогда. Нас приняли за тех, кто хочет узнать тайну «B.Q.T.». Ваше агрессивное поведение укрепило их подозрения. Напоминаю, они помогают нам только из страха, что вы откроете ларец.

Лукреция с трудом удерживается, чтобы не огрызнуться.

Ненавижу, когда он отвечает вместо других. Он меня бесит. Он меня бесит.

Священник показывает на поле, заросшее высокими дикими травами.

– Вот здесь мы в последний раз видели Тристана Маньяра. Тогда мы не знали, кто он такой. Уже гораздо позже Жислен увидел статью в газете и сказал: «Это тот самый парень, который искал место, где рождаются шутки!»

– И где же «место, где рождаются шутки»?

Все поворачиваются к сторожу. Тот колеблется, бросает вопросительный взгляд на товарищей. Те, видимо, считают, что парижанам можно доверять. Заручившись их безмолвным одобрением, сторож наконец произносит:

– Там.

Он указывает на дольмен из трех огромных утесов, составленных в нечто вроде гигантского стола. В одном из камней видна расселина.

– Там, в ржавой жестяной коробке, каждую субботу утром появляется пластиковый пакетик, а в нем лежит листок бумаги с анекдотом.

– И давно это началось? – спрашивает Лукреция.

– Я стал забирать их оттуда с девяти лет. А раньше это делал мой отец. А еще раньше – дед.

– Кто же их пишет?

– Никто не знает. Это так, и все тут. «Шутки рождаются в дольменах, а детей находят в капусте», – говорила моя мать.

Он один смеется над своими словами.

– Отец говорил: «Сходи, возьми там кое-что и передай священнику». Я так и делал.

Лукреция со всех сторон снимает камни своим новеньким фотоаппаратом.

– Вы привели Тристана сюда?

– Да, и он остался здесь. Наблюдал день и ночь. А потом исчез.

– Куда же он делся? – спрашивает Лукреция.

Исидор отвечает вместо сторожа:

– Он увидел того, кто кладет в тайник шутки. И пошел за ним.

Франсуа Тильез энергично кивает.

– А потом? – говорит Лукреция нетерпеливо.

– Потом он исчез.

– Да, так оно и было. После исчезновения Тристана шутки продолжали появляться каждую субботу. Но кое-что изменилось. Начались проблемы.

Ветер усиливается.

– Какие проблемы? – спрашивает Лукреция.

Отец Легерн поднимает глаза к небу.

– Приехали люди из Парижа. Спрашивали про Тристана Маньяра. Хотели знать, что с ним случилось.

– И они сказали вам, что борются с «GLH». Что «GLH» – это тайное общество, члены которого являются хранителями «B.Q.T.», – продолжает Исидор.

– И что, если тайна «B.Q.T.» откроется, она взорвет людям мозг, как атомная бомба. Они хотели предотвратить эту угрозу.

– У них тоже были фотографии Тристана Маньяра. Поэтому вы настороженно относитесь ко всему, что с ним связано, так? – заключает Исидор.

– Именно так.

Дождь прекращается, но гром еще грохочет. Они идут дальше по топкой равнине.

– Куда же отправились эти люди? – спрашивает Лукреция.

– На Карнак-пляж, – отвечает Жислен Лефевр. – Ребята с лодочной станции сказали, что они взяли лодки.

– Потому что именно так поступил Тристан Маньяр, – продолжает Исидор.

– Вы бесите меня, Исидор! Прекратите отвечать вместо других!

Сторож натянуто смеется.

– Ваша подружка права, дайте мне договорить. А то мне начинает казаться, что я тут лишний. И мне обидно.

– Я экономлю ваше время, Лукреция. И ваши силы, месье Тильез. Я хоть раз ошибся?

– Что было дальше? – спрашивает Лукреция, поворачиваясь к Исидору спиной.

Развеселившийся Исидор снова отвечает вместо сторожа:

– Шутки перестали появляться.

– Верно, – подтверждает сторож. – Жестяная коробка опустела.

– И это случилось за несколько дней до смерти Дария, не так ли?

– Именно так, – отвечает сторож, с удивлением глядя на Исидора.

А тот смотрит на бескрайнюю равнину с рядами огромных камней. Гремит гром, молнии рассекают небо. Исидор шепчет:

– Только бы не опоздать!

77

140 год нашей эры

Нарбонская Галлия, Лекат

Римский корабль подошел к галльским берегам.

Галлия в ту пору делилась на три части. Кельтика занимала центральные районы, восток и запад страны, на юго-западе находилась небольшая Аквитания, а Нарбонская Галлия простиралась от Гаронны до Альп, покрывая все Средиземноморское побережье.

Корабль остановился в порту Леката, нарбонского приморского городка.

Заметив роскошно оснащенный корабль, все собравшиеся в порту галло-римляне решили, что он привез военачальника, сенатора или, по крайней мере, представителя высшей аристократии.

К их великому удивлению, на берег, играя на ходу на музыкальных инструментах, высадились загримированные актеры.

Галльскую землю посетил необычный человек. Это был высокопоставленный римский чиновник, который руководил театром и сочинял комедии. Глашатай объявил, что пьеса римского драматурга Лукиана из Самосаты (он взял себе имя сирийской провинции, в которой родился) будет исполнена в большом городском амфитеатре. Пьеса называется «Ода во славу плешивости» и пользуется огромной популярностью у римской публики.

В тот же вечер комедию сыграли перед зрителями, большинство которых составляли богатые и образованные галло-римляне. Она имела большой успех. В последующие дни состоялось представление комедий «Ода во славу мух» и «Беседы мертвецов», прославивших Лукиана в Риме.

Пока не привыкшая к гастролям столичных артистов галло-римская публика наслаждалась его произведениями, сам Лукиан отправился к мэру Леката, некоему Руфусу Жедемо.

Драматург объяснил мэру, что ищет имущество своего дяди, корабль которого потерпел крушение неподалеку от бухты Леката. Руфус Жедемо согласился помочь талантливому автору. Он открыл Лукиану доступ в городской архив.

Лукиан из Самосаты нашел в анналах города упоминание о крушении корабля «Калипсо» в 159 году до нашей эры. В списке жертв трагедии был римский гражданин по имени… Теренций Афр.

Находка очень взволновала Лукиана. Он спросил, сохранились ли какие-нибудь прибитые к берегу или найденные ныряльщиками предметы с погибшего корабля.

Руфус Жедемо ответил, что это маловероятно, но вообще подобные вещи хранятся в особом помещении, которое Лукиан может посетить. Лукиан решил задержаться в городе, столь благосклонно принимающем его.

Утром он написал странную пьесу о человеке, отправившемся в путешествие на Луну. Так появилось первое произведение в жанре научной фантастики.

После полудня он, надеясь найти что-нибудь с «Калипсо», в сопровождении двух рабов, осмотрел предметы, хранившиеся в особом зале.

Они искали очень долго.

Затем Лукиан пришел к Руфусу Жедемо и заявил, что нашел то, что искал. Дела уже требовали его возвращения в Рим, но Лукиан обещал, что на склоне лет обязательно переедет в этот очаровательный городок, удаленный от римской суеты.

Соскучившиеся за время отсутствия Лукиана римляне устроили ему прием еще более пышный, чем раньше. Ведь теперь он добился успеха и у галльских варваров.

Император Марк Аврелий пригласил его во дворец и сообщил, что дарует ему земли в знак признания его заслуг. «Лукиан сумел доказать варварам, что Рим силен не только военными, но и культурными достижениями», – сказал император.

Но затем император Марк Аврелий умер. А у его сына, Луция Элия Аврелия Коммода, «папин любимчик» оказался не в чести. Пьесы Лукиана из Самосаты были запрещены.

Император Коммод начал строительство огромного цирка Колизея, в котором можно будет «по-настоящему развлекать народ» боями гладиаторов и казнями преступников.

Лукиан не интересовался цирком. Герой одной из последних его пьес говорит: «Наслаждение смехом выше, чем наслаждение от вида человека, горящего на костре или пожираемого львами».

Императору Коммоду это не понравилось. Он приказал арестовать смутьяна и бросить на съедение львам, чтобы «проверить, что же смешит толпу больше: шутки комика или сам комик, которого рвут на части дикие звери».

Верные прежнему императору сенаторы предупредили Лукиана об опасности. Он едва успел сесть на корабль и покинуть Рим. Его парусник снова направился к Нарбонской Галлии, в бухту Леката. Он стал местной знаменитостью, был принят как герой и объявлен почетным гражданином города.

Вместе с несколькими друзьями, уроженцами тех мест, он свято хранил то, что называл «духовным наследием царя Соломона».

Тем временем секретные службы императора Коммода напали на его след. Переодевшись галлом, Лукиан из Самосаты сел на лошадь и поскакал на запад. В Кельтику, страну бретонцев.

78

Маленькая желтая яхта медленно удаляется от берега. Небо проясняется. Бретонский берег постепенно исчезает из виду. Лукреция следит за парусом на носу судна, а Исидор стоит у штурвала, не отрывая взгляда от навигатора в айфоне. На экране виден маршрут, посылаемый со спутника, и маленькая точка, обозначающая их местонахождение.

– Почему вы думаете, что Тристан Маньяр поплыл именно в эту сторону? – спрашивает Лукреция. – Опять ваша «женская интуиция»?

– Обычная логика. От дольмена, где появляются шутки, идет одна-единственная дорога, она ведет на Карнак-пляж. В мертвый сезон там открыт только яхт-клуб.

– Это еще ничего не значит.

– Подумайте сами. Предположим, существует общество, придумывающее анекдоты. Оно, конечно, «тайное». Каким будет ход рассуждений его членов? На суше спрятать ничего нельзя, везде толпы туристов, а местные жители слишком любопытны. Если хочешь создать настоящее тайное общество, которое сможет действовать свободно… нужно покинуть землю.

– Остров в бухте Карнака?

В этот момент они замечают вдали остров, который навигатор определяет как остров Уа. Яхты заходят в маленький порт и выходят из него.

– Такой остров?

– Нет, не такой. Необитаемый. Без ресторана, гостиницы, порта.

Они проплывают мимо острова Оэдик, знаменитого своим менгиром Девы Марии, который видно даже с моря.

– Без достопримечательностей. Там не должно быть ничего, что привлекает туристов.

Маленькая яхта скользит по воде, ее паруса наполнены мощным ветром из залива Морбиан.

Справа от судна появляется Бель-Иль-ан-Мер со всеми своими постройками и кораблями.

– Необитаемый остров? Но секретное общество состоит из людей. Им нужно есть, пить, им нужен теплый дом…

Исидор следит то за горизонтом, то за навигатором.

Неожиданно молчание Исидора кажется Лукреции обидным.

– Почему вы не пришли мне на помощь, когда я одна дралась с четырьмя мужчинами? – спрашивает она.

– Агрессия – последний аргумент дурака.

– Эти поговорки меня бесят. Вы вспоминаете о них только тогда, когда вам удобно.

– Мне показалось, вам нравится колотить этих ребят, и я не стал портить вам удовольствие. Скажите спасибо, что я не встал на их сторону. Вы ведь сначала деретесь, а потом думаете.

Не верю своим ушам!

– Вы! Вы!..

– Да, я знаю, вы очень меня любите, но мы не можем быть вместе.

– Вы просто…

– Старый одинокий медведь. Я уже устал вам это повторять, но вы же ничего не хотите слышать. Поэтому следите за горизонтом. Скажете, когда появится необитаемый остров.

Бель-Иль остался позади. Голубая линия горизонта сливается с небом, они в открытом море. Они долго плывут, не видя ничего, кроме нескольких танкеров вдали.

Наконец Исидор замечает нечто, похожее на землю.

– Вот!

– Да там одни скалы!

– Именно то, что нам нужно.

Они причаливают, вытаскивают яхту на берег и начинают исследовать крошечный островок.

– Что мы ищем? – спрашивает Лукреция. – Подземный ход? Пещеру? Катакомбы? Фальшивую скалу из пластика?

Исидор обшаривает весь остров, словно геолог в поисках золотой жилы. Через полчаса он устало садится на песок.

– Здесь ничего нет, – объявляет он.

– Похоже, что ваша «женская интуиция» отказывает.

Исидор достает из рюкзаков несколько банок с консервами.

– Я вам не говорил, я ведь был лично знаком с Дарием, – неожиданно признается Исидор. – Нас познакомили мои друзья.

– Я думала, вы вообще не выходите из своей башни.

Лукреция разводит костер и начинает разогревать на огне банку телятины с фасолью.

– Я хотел с ним познакомиться. Его юмор мне никогда не нравился, но я понимал, что это влиятельный человек. Мне было интересно увидеть его в неофициальной обстановке. Все равно что увидеть президента, папу Римского или рок-звезду.

– Ну и как, он вам понравился? Конечно да! Он всем нравился.

Исидор хмурится.

– На той вечеринке было около трехсот приглашенных. Мне кажется, он любил такие праздники. Он устраивал их два раза в неделю. Собирал весь бомонд – известных журналистов, политиков, телеведущих, актеров, других комиков, топ-моделей.

– Короче, всех, кто шел потом за его гробом.

– Это был его двор. Двор короля «Шута Пятнадцатого».

– Хорошо сказано.

– Это сказал Пьер Деспрож. В своей передаче он рассказывал о празднике у Колюша и придумал скетч на эту тему.

– Ну, и что дальше?

– На блюдах лежали купюры по сто евро, рядом стояли таблички: «Угощайтесь». На других блюдах высились горы белого, словно мука, кокаина, на табличках было написано: «От всей души».

– Как щедро!

Лукреция достает фляжки с водой и предлагает Исидору.

– Я наблюдал за ним весь вечер, как наблюдают за хищником в зоопарке. Его брат не выпускал из рук камеру. Дарий пошел в туалет, а Тадеуш продолжал снимать, и он сказал ему: «Хоть там дай мне побыть в одиночестве!» Меня это рассмешило.

– Тадеуш снимал его двадцать четыре часа в сутки?

– Конечно. А все остальные ходили за ним по пятам. Как только он что-нибудь говорил, ну, например: «Передайте соль, пожалуйста!», все начинали смеяться и бормотали: «Гений!»

– И это его не раздражало?

Решив, что консервы разогрелись, Лукреция достает пластиковые тарелки, выкладывает на них еду и передает Исидору.

– Нисколько. Наоборот. Потом один из присутствующих решил рассказать анекдот про поляков. Ну, как бы косвенно польстить Дарию. Циклоп сначала сделал вид, что смеется, но после встал, сделал знак одному из телохранителей, те схватили парня и подвели к Дарию. И тот ударил его так сильно, что повалил на пол. Все промолчали. Мне кажется, он был очень обидчив. Он сам смеялся надо всеми, но не выносил, когда смеялись над ним или над его польскими корнями. Вот вам еще один парадокс: юморист без чувства юмора.

– Я не могу поверить, что Дарий делал что-либо подобное.

– О, это еще далеко не все. Одному своему приятелю он захотел подарить девушку, шведскую модель. А когда девушка отказалась, он надавал ей пощечин с воплями:

«Выгоните вон эту ломаку!» Он впадал в ярость безо всякой причины. Я думаю, все его боялись.

– Вы точно ничего не выдумываете? Может быть, вы… пристрастны?

Рядом с ними на песок опускается чайка и внимательно смотрит на них.

– В тот вечер он хотел, чтобы выступил какой-то молодой талантливый комик, с которым он недавно познакомился. Парень начал свою миниатюру, но его никто не слушал. Тогда Дарий выхватил револьвер у телохранителя и выстрелил в потолок. Воцарилась тишина, а он завопил: «Вы что, никого не уважаете? Банда прихлебателей! Паразиты! Лизоблюды! Вы не видите, что мальчик из кожи вон лезет, чтобы вас рассмешить? А вы только жрете без зазрения совести и не обращаете на него никакого внимания! Смешить – это тяжелый труд! Вас не просят платить, вас просят просто заткнуться, но вам и это трудно сделать?»

– Мне кажется, он был прав.

– Наступила мертвая тишина. И молодой юморист продолжил свой скетч. И все смеялись, чтобы доставить удовольствие Дарию. Он был настоящий король. Шут Пятнадцатый, ведь он унаследовал трон Колюша, Шута Четырнадцатого.

– Он тратил деньги, угощал гостей кокаином и взамен требовал уважения.

В жизни не встречается абсолютно хороших или абсолютно плохих людей. У Дария, наверное, действительно был настоящий талант. Поэтому он возомнил о себе слишком много. Но, несмотря на это, он бесконечно уважал коллег.

А Исидор ведет себя честно, он предоставил мне как причины ненавидеть Циклопа, так и причины им восхищаться.

– Вот только Шут Пятнадцатый основал свое королевство на чужом достоянии – на анонимных анекдотах. Он вел себя подобно американским пионерам, которые украли земли индейцев, обнесли их колючей проволокой, повесили таблички и изобрели право собственности… Он не творец, а вор.

– Возможно, его талант состоял в том, чтобы с блеском представлять шутки, придуманные другими. Ведь комик больше актер, чем сценарист.

Исидор молча запускает ложку в банку с консервами. Лукреция настаивает:

– Я бы с ума сошла от волнения, если бы мне нужно было рассмешить полный зал.

– А я думаю, что у вас это очень хорошо получилось бы.

– Представьте себе пятьсот человек, заплативших за то, чтобы их развлекали, и готовых презирать вас, если вас постигнет неудача!

Исидор ставит на огонь воду. Молча протягивает Лукреции чашку растворимого кофе. Себе заваривает зеленый чай. Потом берет бинокль и смотрит на море.

– Анонимные анекдоты – это кража, о которой никто не знает потому, что обворованный не жалуется, – говорит он.

Лукреция встает и тоже смотрит на море.

– Как вы думаете, мы найдем «GLH»?

– Тристан Маньяр верил, что найдет. Поэтому он взял лодку и приплыл сюда.

– Только один вопрос. Почему вы думаете, что он приплыл именно на этот остров?

– Перед тем как отправиться в путь, я изучил маршруты яхт, нанятых той самой группой, которая отправилась на его поиски.

– Они поплыли сюда?

– В этот район. Но дальше не совсем ясно. Честно говоря, я не уверен, что именно сюда.

Лукреция застывает.

«Не уверен»?!

— Вы мчались сюда как угорелый, а теперь говорите, что не уверены?

– Я думал, что мы заплывем как можно дальше и прочешем участок. По идее, это недолго. Но остров все-таки, наверное, не тот.

– Но мы же в открытом море! Это все равно что…

– … искать иголку в стоге сена, да? Вы знаете ответ.

«Нужно сжечь стог и поднести к пеплу магнит». Его любимая фраза.

— Успокойтесь, Лукреция! На карте яхт-клуба в этой части залива Морбиан есть только три острова, к которым никогда не подплывают лодки. Нам остается два. И мы никуда не торопимся.

Лукреция встает и, чертыхаясь себе под нос, торопливо распихивает скарб по рюкзакам. Они поднимаются на яхту и отплывают в сторону начинающего темнеть горизонта.

79

Урок логики. Учительница спрашивает:

– Три вороны сидят на проводах. Охотник убивает одну, сколько осталось?

Ученик отвечает:

– Две, конечно.

Учительница возражает:

– Ни одной. После выстрела две другие вороны улетят. Ответ неверный, ход мысли неинтересный.

Тогда ученик говорит:

– А можно я тоже задам вам вопрос?

– Почему бы и нет, но только по теме.

– Три женщины загорают на пляже и едят мороженое. Первая его лижет, вторая – кусает, третья – сосет. Которая из них замужем?

– Наверное, третья.

– Нет. Замужем та, у которой на пальце обручальное кольцо. Ответ неверный, но ход мысли интересный.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Все дело в логике»

80

Темнеет, ветер усиливается. Пальцы, несколько часов подряд сжимающие тросы, побелели. Небо кажется постоянно меняющейся театральной декорацией. Яхта быстро скользит по морской поверхности. Стремительно надвигается ночь.

Исидор смотрит на показания навигатора и вдруг меняет курс, поворачивая вправо.

– Кажется, мы скоро будем на месте.

– Опять ваша пресловутая интуиция? – ехидно спрашивает Лукреция. – Хорошо хоть на море спокойно.

В этот момент молния освещает потемневшее небо. Раздаются дробные раскаты грома. Начинает хлестать дождь. Паруса надуваются, флюгер на мачте начинает бешено вращаться. Волны становятся все выше, на их гребнях появляются белые барашки. От самого горизонта грозные валы воды катятся прямо на яхту.

Оказавшееся во власти стихии маленькое судно летит вперед. Кипящие под ним волны то поднимают его вверх, то бросают вниз. Ветер завывает. Исидор и Лукреция вцепляются в канаты, а яхта все ускоряет бег по бушующему морю. Исидор знаком приказывает Лукреции опустить фок-парус. Она тут же выполняет команду и укрепляет парус внизу.

– Что теперь? – кричит Лукреция.

– Вычерпывайте воду! Она уже поднялась до колен!

– Я в первый раз плыву на яхте! – кричит Лукреция.

– Я тоже!

Что? Мне послышалось?

— Что вы сказали?

Исидор отвечает:

– Я впервые иду под парусом! Я учусь, Лукреция!

Высокая волна бьет в швертбот, поднимает судно и с грохотом швыряет вниз. Застигнутый врасплох Исидор выпускает штурвал. Яхта начинает кружиться на месте.

Парус со свистом рассекает воздух. Алюминиевая перекладина с размаху ударяет Лукрецию прямо в бровь. Лукреция оглушена, но щедро окатившая ее порция морской воды немедленно приводит ее в чувство. Струйка крови течет по ее щеке.

– Почему всегда достается мне? – возмущенно восклицает она.

Исидор, скрывая тревогу, подходит к ней.

– Это из-за вашего отношения к Вселенной, – ворчит он, уворачиваясь от боковой волны. – Вы все время сердитесь, и мир сердится на вас. Вы бьете, мир бьет вас в ответ.

– Знаете, Исидор, мне не нравятся ни ваш юмор, ни ваша философия! – кричит Лукреция, ощупывая шишку.

– Осторожно! Пригнитесь!

Бом-парус маленького судна длиной четыре метра семьдесят сантиметров снова летит по ветру. Молодая журналистка едва успевает отшатнуться.

– Умный человек не совершает дважды одну и ту же ошибку, – вопит Исидор сквозь рев бушующей стихии.

Едва он успевает это сказать, как новая волна подбрасывает яхту и обрушивает вниз. Исидор снова теряет штурвал, его швыряет вперед. На этот раз алюминиевой перекладиной по лбу получает он. Раздается гулкий звук, как от удара по пустой бочке. Исидор теряет равновесие.

«Мне кажется, я понял суть юмора, – думает он под завывание ветра. – Смешно, когда любители давать советы убеждаются в их справедливости на собственной шкуре. Так мне и надо».

Он подносит руку ко лбу и тоже чувствует под пальцами растущую шишку.

Исидор и Лукреция пытаются опустить парус. Они тянут за тросы, чтобы убрать все, что на их утлом челне может помешать разгулу стихии.

Небо темнеет все сильнее. Теперь их окружает почти полная темнота. Ветер становится штормовым. Судно несколько раз едва не переворачивается, а два его злополучных пассажира, стоя на четвереньках и цепляясь за все, что попадается под руку, вычерпывают воду.

Лукреция чувствует тошноту. Ее рвет. Она свешивается за борт, Исидор из последних сил держит ее.

Яхту накрывает гигантской волной. Неуправляемое судно крутится вокруг своей оси и ложится на бок. Исидор и Лукреция, ошалевшие от ветра, холода и скорости захлебываются в захлестнувшей их волне. Неожиданно судно напарывается на торчащую из моря скалу, которая взрезает его пластиковое днище.

Дальнейшее горе-мореплаватели видят как в замедленной съемке. Яхта резко останавливается, раздается грохот, напоминающий взрыв. От удара маленькое судно переворачивается, и его пассажиры улетают куда-то далеко в темноту.

81

421 год нашей эры

Галлия, Кельтика.

Окрестности Броселиандского леса

Римская империя гибла. Римская цивилизация, словно море во время отлива, отступала под натиском атакующих со всех сторон варваров.

Семнадцатый римский легион покидал Галлию одним из последних. Из всего лагеря защищать Кельтику от варваров остались лучшие галло-римские аристократы, воспитанные римлянами.

Саксы, уже вынудившие бретонцев отступить на юг, снова начали угрожать северным границам провинции. Тогда галло-римские бретонцы решили избрать короля, который поведет их в бой. Их выбор пал на прекрасного стратега Артура.

Артур быстро собрал группу рыцарей, воевавших некогда в семнадцатом римском легионе, и окрестил их рыцарями Круглого стола, потому что собирались они за круглым столом. Это были кельты, под влиянием римлян принявшие христианство. Артур выбрал двенадцать – по числу апостолов – рыцарей, которые уже показали себя в бою.

Начались жестокие битвы с саксами и пиктами. (Слово «пикты» означает «раскрашенные люди». Они пришли из Шотландии и получили это прозвище потому, что раскрашивали лица.) Артур и его рыцари держались стойко. Они отразили набеги саксов и дали отпор пиктам.

Чтобы заручиться поддержкой чрезвычайно суеверного коренного населения, Артур, по совету своего друида Мерлина, решил поразить воображение местных жителей. Друид

придумал двенадцати рыцарям священную миссию: найти Грааль, чашу, в которую некогда собрали кровь Христа.

Молодой король Артур сомневался в успехе этой затеи, но решил рискнуть.

Ланцелот, вернувшись из Иерусалима, подал ему позолоченную чашу. «Я нашел Грааль!» – заявил он. Никто не мог доказать обратное, и легенда прижилась. Власть короля и его двенадцати рыцарей стала священной. Римская империя превратилась в будущее государство франков.

Однако между двенадцатью рыцарями возникли разногласия. Молодые горячие мужчины с трудом ладили между собой. Рыцарь Гавейн обнаружил, что рыцарь Ланцелот Озерный вступил в запретную связь с королевой Гвиневрой, супругой самого Артура. Гавейн вызвал Ланцелота на поединок и был убит им. Ряды соратников короля затрещали по швам. Рыцари разделились на два лагеря: одни были за Ланцелота, другие – за Артура.

Мерлин сказал королю:

– Наша проблема, сир, заключается в том, что мы победили всех внешних врагов. Теперь нам придется выдумывать внутренних. Праздность – мать всех пороков. Рыцарей надо чем-то занять.

В это самое время из Иерусалима вернулся рыцарь Галахад. Он рассказал, что слышал там о «втором Граале», который называют «Мечом Соломона».

– Если первый Грааль – это вещь, предмет, то, как мне объяснили, второй Грааль, то есть «Меч Соломона», – это духовная ценность, – сказал он.

– Отлично, – сказал Артур, увидев прекрасную возможность отвлечь соратников от внутренних распрей. – Мы должны найти это сокровище.

Он отправил за вторым Граалем рыцарей Карадока, Галахада и Дагонета. Два года странствий и расследований понадобилось трем рыцарям, чтобы выяснить: ларец действительно существует, это часть сокровищ храма Соломона и в нем «не золото, не серебро, не драгоценности, а духовные богатства, неуловимые, как мысль». Называется это чудо «Меч царя Соломона».

Еще через полгода они узнали, что ларец был увезен одним евреем, который, спасая сокровище от ассирийцев, спрятал его в Греции.

Еще через год рыцари напали на след еврея. Его звали Иммануил, и он укрылся в Афинах. Они отправились в греческую столицу и узнали, что Иммануил отдал ларец некоему Эпикарму, который спрятал сокровище.

Три рыцаря Круглого стола долго вели расследование и наконец нашли зацепку. «Меч царя Соломона» попал в руки греку Аристофану, который называл его «универсальным оружием против дураков». Затем он оказался у римского литератора Теренция, бежавшего от преследования властей в Лекат, где он, по-видимому, и спрятал сокровище, которое называл «раздражителем самодовольных».

Рыцари направились в Нарбонскую Галлию, еще находившуюся под сильным влиянием Рима, и продолжили поиски. Рыцарь Дагонет убедился, что ларец действительно находился в Лекате, но римский аристократ Лукиан из Самосаты увез его на северо-запад.

К своему великому изумлению, рыцари поняли, что след привел их туда, откуда они начали расследование.

«Меч царя Соломона» спрятан Лукианом из Самосаты… в Бретани. «Мы объехали весь белый свет в погоне за тем, что было рядом!» – воскликнул остроумный Дагонет.

Спустя еще год рыцари обнаружили, что Лукиан из Самосаты спрятал «Меч царя Соломона» под менгиром в Броселиандском лесу, неподалеку от того места, где король Артур достал из камня священный меч Экскалибур.

Рыцарь Карадок, самый сильный из них, поднял менгир и нашел большой сундук. Открыв его, он обнаружил ларец. «Наверное, „Меч царя Соломона“ – это кинжал или нож», – подумал Карадок.

На крышке ларца была надпись золотыми буквами: «*Hic Nunquam Legendum Est* ».

Рыцарь Дагонет открыл ларец. Внутри лежал пергамент, но он не мог его прочесть, потому что не знал латыни. Он протянул пергамент Карадоку, который прочел его и умер на месте. Галахад, прочитавший текст через его плечо, также скончался. В живых остался только Дагонет… благодаря своему невежеству. Он решил оставить страшное оружие у себя, спрятал ларец и основал тайный рыцарский орден «Хранителей Меча царя Соломона»». Орден всегда был чрезвычайно малочисленным, и главным условием приема в него являлось незнание латыни.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

82

Чайка садится на песок рядом с Лукрецией. Ее клюв все ближе к закрытым глазам девушки. Птица колеблется, клюет песок в нескольких сантиметрах от лица Лукреции, чтобы проверить ее реакцию. Реакции нет. Тогда чайка набирается храбрости, прыгает на голову Лукреции, прицеливается и клюет ее в ухо.

И тут реакция появляется. Рука прогоняет чайку. Открывается один глаз. Затем второй. Лукреция смотрит на окружающие ее черные скалы. Больше она ничего не видит, так как остров окутан густым туманом. В воздухе с пронзительным криком кружат чайки. Лукреция пытается понять, какое сейчас время суток. Судя по светло-серому туману, утро. Пятно света высоко в небе может быть солнцем.

Она кое-как поднимается на ноги. Во рту вкус крови. Сделав несколько шагов, Лукреция видит яхту, разбившуюся о скалу, забрызганную пеной.

– Исидор! Исидор! – кричит она.

Ответа нет. Она осматривает обломки судна, оглядывается вокруг. Наконец вдали, на высоком выступе скалы, она замечает фигуру. Это Исидор. Он держит в руке мобильный и пытается поймать сигнал.

– Исидор, вы могли бы и ответить! Я боялась, что вы погибли!

– Я вас не слышал, – отвечает журналист, не поворачивая головы. – Но я понял, что вы живы.

Он то поднимает, то опускает телефон. Его лицо и руки покрыты ссадинами и синяками. Видимо, в момент кораблекрушения он тоже потерял сознание.

Он видел, как я поднялась на ноги.

— На вопрос, который вы могли бы мне задать: «Все ли с вами в порядке?», отвечаю: «В целом да, но у меня все тело болит». А если бы вы спросили: «Надеюсь, ничего страшного, Лукреция?», я бы сказала: «Нет, Исидор, уверяю вас, все в порядке». Вот такой диалог должен был состояться после серьезной аварии между джентльменом и девушкой из хорошей семьи.

– Только не надо сцен. Мы должны думать о важных вещах.

– Я называю это проявлением элементарной вежливости по отношению к девушке из хорошей семьи.

– Напоминаю вам, что вы сирота и совсем недавно дрались, как Аттила в юбке. Вам самой стоило бы научиться вежливости. Здороваться можно не только ударом ноги в живот.

– Это была самооборона, они же целились в нас из ружья!

Исидор пожимает плечами и продолжает попытки поймать сигнал мобильной связи.

– Иногда сеть появляется, но буквально на секунду. Я думаю, мы где-то за маяком Великих Кардиналов, недалеко от Оэдика. Что самое удивительное, этого острова нет ни на одной карте.

– Может, это остров из «Остаться в живых»?

– Это, видимо, какой-то сериал? Увы, я смотрю только новости. Нашего острова нет даже в «Гугл-картах».

Исидор указывает куда-то рукой, и Лукреция смутно видит что-то вроде круглой башни.

– Маяк! – восклицает она.

– Да, но никому не известный. Его тоже нет в списке бретонских маяков. Идите за мной.

Они подходят к зданию, которое, по мере приближения, медленно выступает из тумана. Вид у него нежилой и заброшенный. Дубовая дверь внизу закрыта, замочная скважина проржавела.

– Я думаю, что мы попали куда нужно, – объявляет Исидор, осматривая дверь.

– Это было бы странно. Маловероятно, чтобы шторм забросил нас именно на тот остров, который…

Исидор поднимает с земли какой-то предмет. Это розовый значок с изображением сердечка внутри глаза.

Он меня бесит, он меня бесит, он меня бесит.

Лукреция дергает ручку. Тщетно. Исидор продолжает осмотр двери, а Лукреция толкает ее плечом до тех пор, пока ей не становится больно. Они разглядывают доски, почерневшие от непогоды.

– Тайное общество смеха… Они, наверное, выдумали что-то необычное.

Лукрецию осеняет.

– Это же дверь с секретом!

Она ощупывает доски и замечает, что настоящая замочная скважина находится рядом с фальшивой ручкой. А настоящая ручка – рядом с фальшивой замочной скважиной. Она дергает ручку, раздается щелчок и дверь поддается.

– Браво, Лукреция.

– Двери и замки – моя специализация, – скромно отвечает она.

Мне кажется, я произвела на него впечатление. Без меня он бы до сих пор туда ломился.

Они входят внутрь, освещая себе дорогу мобильными телефонами, и видят две лестницы. Одна ведет наверх, другая спускается вниз. Они решают идти наверх и молча поднимаются на наблюдательную площадку маяка.

Ветер бьет в стены башни, его свист напоминает печальные звуки флейты Пана. Лукреция вздрагивает.

Как мне надоел дождь. Ветер, дождь, шторм… Кажется, что небо гневается на нас.

Исидор с порога осматривает обсерваторию маяка. В центре помещения находится красный потухший фонарь с четырьмя оптическими линзами. Над ним предохранительный колпак из стекла и меди. Лукреция проходит внутрь. Чуть в стороне стоит стол с картами, компасами, секстантами, покрытыми толстым слоем пыли.

Сюда очень давно никто не поднимался.

Исидор не спешит последовать ее примеру, и Лукреция ждет его. Она открывает дверь на балкон, опоясывающий площадку. Сильный влажный ветер ударяет ей в лицо. Исидор выходит на балкон вслед за ней. У него тоже перехватывает дыхание. Они стоят рядом и смотрят на открывшуюся перед ними панораму.

– Здесь ничего нет, – говорит Лукреция.

Ее волосы развеваются на ветру.

– А чего вы ждали?

– Только не говорите, что были уверены, что здесь ничего нет.

– Конечно, был уверен.

– Зачем тогда мы сюда залезли?

– Чтобы убедиться в этом. Быть может, обнаружить какие-то улики. Я знаю, я чувствую, что мы близки к цели.

Исидор возвращается в обсерваторию, открывает шкаф, достает бутылку рома, и они по очереди пьют из горлышка.

– Я думала, что вы пьете только морковный сок, зеленый чай и миндальное молоко.

– Так оно и есть, – кивает Исидор перед тем, как сделать второй глоток. – Но иногда я делаю исключения.

Лукреция поднимает бровь, но ничего не говорит. Дождь хлещет по окнам. Несколько мгновений они смотрят на бескрайний океан и огни далеких кораблей.

– Почему вы все время меня отталкиваете, Исидор?

– Лукреция… у вас «хронический страх быть брошенной». Вас бросили родители. Такую рану не вылечить. Можно заглушить боль анальгетиками и сохранить нормальные отношения с внешним миром, но вам всегда будет нужно, чтобы вас успокаивали, охраняли, любили. Эта потребность принимает у вас болезненные формы. И ни один мужчина не сумеет удовлетворить ее полностью. Вы подсознательно ищете отца, и, поскольку я вас оттолкнул, вам кажется, что я – ваш отец. Любой отвергший вас мужчина будет вызывать у вас желание добиться его.

Она молча слушает, каждое слово западает ей в душу.

– Вы хотите победить отвергшего вас мужчину потому, что он поступает так же, как ваш отец. Ваша привязанность ко мне – просто желание отомстить призраку. Вот почему я вас отталкиваю.

По крайней мере, честно.

Лукреция переводит дух и тихо спрашивает:

– А чем больны вы, Исидор?

– Хронической мизантропией. Я боюсь людей. Они вялы и примитивны. Они бросаются на падаль, их привлекает тухлятина. Они трусливы поодиночке и агрессивны в стае. Я живу словно среди хохочущих гиен. Они любят видеть смерть, любят мучить собратьев, они абсолютно безнравственны, беспринципны. Они не уважают других, не уважают природу. Они воспитывают детей на фильмах, где герои мучают себе подобных и считают это развлечением.

Не все такие. Он слишком сгущает краски. Он преувеличивает. У него невроз. Он тоже болен.

— Значит, у меня хронический страх быть покинутой, а у вас – хроническая мизантропия.

Небо снова сотрясается от грома, дождь усиливается.

– Я удовлетворяю ваше стремление найти отца. Вы удовлетворяете мое желание, несмотря ни на что, примириться с человечеством.

– Расследование помогает вам рассеять скуку?

– Нет. Во время шторма я размышлял. Когда я был научным журналистом, то распространял знания при помощи статей. Я скучаю по этой миссии. Мое предназначение – быть маяком, нести людям свет знаний, открывать секреты, находить забытые истины. Вот в чем смысл моей жизни! Сидя в башне, я зарываю свой талант. Я гоночный автомобиль, стоящий в гараже, и это неправильно. Я заснул, вы меня разбудили.

Лукреция, не смей умиляться!

— Вы хотите снова стать журналистом?

– Я не переставал им быть, хотя и не писал для газет.

– Не понимаю.

– У меня появилась новая цель. Я хочу тратить время на то, что не ущемляет мою свободу и позволяет распространять знания эффективнее, чем при помощи журнальных статей. Я хочу найти другой путь для популяризации науки.

– Сдаюсь.

– Я хочу стать писателем.

– Вы шутите!

– Послушайте, я ведь могу и обидеться! Вы не верите, что я могу стать писателем? Мы часто делаем открытия, которые не можем опубликовать. Вот я и возьму их за основу сюжета.

Темные тучи вдали непрерывно меняют форму, грохочет гром.

– А что, если люди прочтут правду и решат, что это выдумки?

– Может быть, зато истина увидит свет. Люди невольно задумаются и начнут задавать вопросы.

– Информация из романов кажется недостоверной.

– Неважно! Бессознательное читателей будет не судить, а впитывать ее.

– Например, историю о недостающем звене?

– Если я напишу роман об отце наших отцов, все узнают, что восемьдесят процентов наших генов совпадают с генами свиньи. Есть мясо этого животного – это все равно что заниматься каннибализмом, будить в себе дикаря. Кто знает, может быть, современный человек хотя бы перестанет есть колбасу.

– А история последнего секрета?

– Она заставит читателей задуматься о мотивах их поступков. Они зададут себе главный вопрос, который задает направление, в котором развивается личность: «Что доставляет удовольствие мне, мне одному?»

Лукреция смотрит на тучи, которые, извиваясь, летят по небу.

Черт, а правда, что радует меня, и только меня одну? Он прав, мы часто совершаем поступки, чтобы доставить удовольствие окружающим, семье, друзьям, коллегам, начальнику, соседям… А когда же мы делаем что-то для себя?

— А расследование смерти Циклопа?

– Я думаю, что мы откроем великую тайну, которая лучше всего характеризует человеческое существо. Тайну смеха.

Раздается насмешливый крик чайки.

– Вот, я рассказал, почему принимаю участие в расследовании, а вы так и не объяснили, почему его начали, – невозмутимо говорит Исидор.

– Да так… Одна история из детства.

Поняв, что продолжения не последует, и опасаясь, как бы в маяк не попала молния, Исидор глубоко вздыхает и предлагает:

– Ну что, спускаемся?

83

Королевство Венгрия, окрестности Орлеана

Римская империя продолжала распадаться.

Особенно страшная угроза надвигалась на нее с запада. Бывший союзник римлян, вождь гуннов Аттила, стал самым грозным их врагом. Он был родом из долины озера Тиса в Венгрии. Аттила долго сохранял с римлянами мирные отношения, довольствуясь данью.

Но после того, как землетрясение превратило в руины стены Константинополя, Аттила, усмотревший в этом знак свыше, не смог устоять перед искушением стать, как он говорил, «повелителем вселенной». Он напал на полуразрушенный город.

Во время этого и нескольких следующих сражений удача не всегда была на его стороне. В конце концов он решил атаковать другие границы Римской империи, и весной 451 года объединил свои войска, заручился поддержкой германцев и монголов и начал большое наступление с севера, через Галлию, историческую союзницу Рима. Пока одна часть армии наступала на Галлию с северо-востока, другая атаковала северные границы. Аттила захватил на востоке Страсбург, Метц и Реймс, на севере – Турне, Камбре, Амьен, Бове. Города были разграблены и сожжены, жители – убиты или отправлены в рабство.

Два крыла его армии уже смыкались вокруг Парижа, но, узнав, что в городе зверствует холера, Аттила обогнул его и направился к Орлеану, на подступах к которому его ждал неожиданный отпор. Армия защитников Орлеана оказала ему сопротивление.

Началась битва на Каталонских Полях. На одной стороне под предводительством самого Аттилы сражались гунны, германцы и монголы: аламаны, остроготы, вандалы, герулы, руги, паннонийцы, акациры и гепиды. Их войско насчитывало около пятисот тысяч человек.

Противостояли им галло-римляне: вестготы, бретонцы, франки, аланы, бургунды, арморикане, багоды и саматы. Их было сто двадцать тысяч человек, и во главе этой армии стоял римский военачальник Флавий Аттий. Небольшая, но очень важная деталь: Флавия Аттия связывало с Аттилой личное знакомство. В детстве Аттий жил при дворе гуннов в качестве заложника и сдружился с юным сыном вождя Аттилой.

И он, единственный из римлян, отлично знал обычаи врага.

Кавалерия Аттилы атаковала стоявшие на вершине холма галло-римские войска. Битва длилась с полудня до наступления ночи. Удар гуннов был отражен. Обе стороны понесли примерно одинаковые потери: около пятнадцати тысяч воинов. После первого столкновения в обоих лагерях началась разработка стратегии для следующего сражения.

Чтобы выведать планы неприятеля, каждая армия послала шпионов в стан противника. Гунны задержали неподалеку от расположения своих войск маленького, одетого в зеленое платье человечка с рыжими волосами. Это был бретонский друид Лоиг.

Поскольку бретонцы являлись союзниками римлян, Лоиг, владевший к тому же несколькими языками, показался гуннам в высшей степени подозрительным субъектом.

Аттила лично его пытал. После окончания жестоких истязаний Лоиг с трудом выговорил помертвевшими губами: «И это все, великий Аттила? Я немного разочарован. Я считал вас более изобретательным. Мне даже не больно. Так только девушек щекотать».

Подобная наглость в столь отчаянной ситуации удивила Аттилу. Он расхохотался и решил оставить друида при своем дворе. В последующие дни обсуждение стратегии в обоих лагерях зашло в тупик. Союзники галло-римлян перессорились. Вестготы, потерявшие вождя во время первого сражения, не пожелали больше драться и ушли. Начались разногласия и в стане гуннов. Вандалы и остроготы высказывали взаимные претензии. Монголам не нравился менталитет германцев. Все вожди решили разойтись по домам. Победителей не оказалось. Все закончилось развалом союзнических армий.

После этого Аттила окончательно оставил мысль завоевать Галлию. Отправляясь в обратный путь, он прихватил с собой бретонского шпиона Лоига. Он даже придумал ему официальную должность: «Придворный шут». Бретонец в зеленом платье, в шутовском колпаке, с посохом, увенчанном бубенчиками, стал во время трапез рассказывать приближенным вождя «смешные истории».

В 453 году греческий историк Приск Панийский, приглашенный ко двору Аттилы, признался, что самое сильное впечатление на него произвел именно «придворный шут», бретонец, говоривший на нескольких языках и развлекавший гостей удивительными шутками.

Прискус Паний не знал, что Лоиг не только развлекал Аттилу. Он тайно передавал римлянам информацию о военных планах своего господина. И все дальнейшие

наступления Аттилы провалились. А когда вождь гуннов решил осуществить последнее большое нападение, Лоиг перешел к действиям.

Он незаметно подложил ему в постель синий ларец с латинской надписью.

На следующее утро Аттилу нашли мертвым.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник GLH

84

Изготовив из подручных средств два факела, Исидор и Лукреция зажигают их и начинают спускаться по лестнице, уходящей под землю. Через десять минут они оказываются на земляной площадке без дверей.

– Не знаю, почему я вам все еще верю, Исидор.

– Потому, что вы влюблены в меня.

Лукреция не знает, что ответить. При свете факела она рассматривает кирпичи, из которых сложена стена.

– Стойте, я что-то вижу!

– Что?

– Тут кирпичи уложены по-другому.

Лукреция ощупывает стену и находит кнопку. Раздается скрежет металла, и потайная дверь отъезжает в сторону, открывая проход.

– Что там, Лукреция?

– Коридор.

Они высоко поднимают факелы.

– Он огромный. Вы думаете, что мы приближаемся к «Источнику смеха»? К тому месту, где рождаются шутки?

Исидор молча делает шаг вперед. Стены сочатся влагой.

– Включилась ваша женская интуиция?

– Перед тем как родиться, я попросил в подарок этот небольшой талант.

– Вы действительно в это верите?

– Я не верю, я проверяю на опыте. То, что у меня есть интуиция, я выяснил опытным путем. Возможно, если бы я начал рисовать, то выяснил бы, что я – художник.

– То есть, по вашему, чтобы выявить природный талант ребенка, перед ним нужно разложить разнообразные инструменты?..

– Совершенно верно. Тибетские монахи именно так и делают. Они предлагают ребенку десяток предметов и наблюдают за тем, какой он «инстинктивно» или «интуитивно» выберет.

Они слышат какие-то звуки. Лукреция достает револьвер и целится в темноту. Исидор освещает место, откуда доносится шум.

Ложная тревога – это летучие мыши резвятся под потолком.

Исидор и Лукреция осторожно продвигаются вперед.

– Кстати, каждое положительное качество человека уравновешивается соответствующим недостатком. И это тоже выясняется опытным путем.

– А у вас какие недостатки?

– Плохая память.

– И все?

– Нет, со мной невозможно ужиться. Особенно женщине.

– Вот это правда.

– Видите, я не продаю кота в мешке.

Коридор становится шире.

– Я всегда добиваюсь своего. А вы так и не ответили, почему вам не дает покоя смерть Дария.

– Меня потрясла его гибель. Он столько сделал, чтобы подняться к вершинам славы.

– Он поднялся на вершину и сорвался вниз. Оскар Уайльд говорил: «Когда боги хотят наказать нас, они выполняют наши желания».

– Я не люблю афоризмы. Дарий был остроумен. Он занимался общественно полезным делом. Смех лечит, смех успокаивает, смех…

– Спас вас? – подсказывает Исидор.

Лукреция не отвечает.

– Дарий был одаренным человеком. Одна его эпитафия: «Лучше бы тут лежали вы» – уже свидетельствует о смелости и таланте.

– Так пошутить сумеет каждый. Саша Гитри сказал своей бывшей любовнице Ивонне Прентан: «На вашей могиле напишут: „Наконец-то она холодна“».

– На что Ивонна ответила: «А на вашей – „Наконец-то он обрел твердость“».

Исидор удивлен познаниями Лукреции и беззвучно аплодирует.

– Придумайте что-нибудь сами, если вы такой умный. Что бы вы написали на своем надгробном камне?

Он думает.

– «Вы не поняли! Я же хотел, чтобы меня кремировали».

– Неплохо. А еще?

– Нет, теперь ваша очередь, Лукреция.

– М-м… Подождите… «А ведь я говорила, что болею».

– Слишком избито. Не считается.

– «Наконец-то можно полежать спокойно».

– Один – один. Теперь я: «Лучшие всегда уходят первыми».

– «Все хорошо, что плохо кончается».

Обмениваясь шутками, они идут вперед по коридору.

– Мне кажется, сами эти стены пробуждают в людях остроумие, – замечает Лукреция.

– Нет, нам просто так кажется. Сбывается то, во что веришь.

Идя вперед по коридору, они начинают чувствовать, что к запаху затхлой воды примешивается еще какое-то зловоние. Они закрывают носы рукавами. Туннель приводит в большой зал, вырубленный в скале.

Время, спрятавшееся под маяком…

Лукреция поднимает вверх факел и видит барельефы. Запах разлагающейся плоти становится нестерпимым. Посреди зала на маленьком возвышении стоят, друг напротив друга, два кресла. И штативы, к которым прикреплены опутанные электрическими проводами пистолеты.

– Черт возьми! Как в театре Дария!

– То есть?

– Штативы, кресла! Они называли это «ПЗС»! – говорит Лукреция.

– «ПЗС»? Это еще что такое?

– Сокращение, «Пуля За Смех». Так объяснил Тадеуш Возняк.

Лукреция замечает на креслах бурые пятна, похожие на засохшую кровь.

Они медленно обходят подземный храм. Лукреция наступает ногой на что-то, издавшее зловещий хруст. Она освещает факелом пол и вздрагивает. Она наступила на живот мертвого человека.

– Вот источник запаха. Гниющее тело.

Исидор наклоняется и осматривает труп.

– В помещении прохладно, это замедляет разложение. Покойник лежит здесь несколько дней, может быть, даже больше недели.

Лукреция освещает пол рядом.

– Вон и другие! Да их тут не меньше десяти!

Журналист снимает маску с первого мертвеца и видит лицо старика. На его плаще вышиты буквы: «GLH».

– Да что такое это «GLH», Исидор? Религиозное общество, члены которого жили под маяком и решили совершить массовое самоубийство, как в «Ордене Солнечного Храма» или в секте Джима Джонса? Они застрелились?

Исидор внимательно изучает пол.

– Нет, это не самоубийство.

Он делает несколько шагов, осматривает зал.

– Это убийство. Сюда пришли люди. Хозяева этого места поверили им и открыли двери. Они начали разговаривать, а затем, судя по тому, как лежат мертвые тела, гости выхватили автоматы типа «узи» и расстреляли хозяев в упор.

Научный журналист расхаживает по залу. Он подбирает гильзы, показывает их Лукреции.

– Переговоры, закончившиеся стрельбой. Вот здесь трупов больше всего. Те, кто хотел убежать, получили пулю в спину, их ранили, потом добили. А те, кому убежать удалось, ушли…

Он делает несколько шагов и указывает рукой:

– Туда.

Они идут по коридорам, то и дело натыкаясь на трупы мужчин в сиреневых одеяниях.

– Посмотрите. Пуля в спину, в сердце, в голову, – замечает Лукреция.

Они попадают в коридор, куда-то дальше.

– Можно подумать, люди жили тут, не видя солнечного света, – говорит она.

Они проходят мимо столовых, кухонь, ванных комнат.

– Целое поселение! Да их тут были сотни.

Журналисты доходят до зала, уставленного сложными приборами. Лукреция видит сканер, компьютеры.

– Это лаборатория для научных исследований.

Дальше они попадают в огромную библиотеку. Здесь на полу тоже лежат трупы.

Бюсты Мольера, Граучо Маркса, Чарли Чаплина, Бастера Китона, Гарольда Ллойда, Вуди Алена стоят между полками.

– Кто это? – спрашивает Лукреция, указывая на бюст какой-то египтянки.

Исидор освещает его факелом.

– Хатор, египетская богиня смеха.

Он указывает на изваяние карлика в тоге.

– А это Момус, шут олимпийских богов. Я видел его изображение у профессора Левенбрука. Эти боги такие древние, что все уже забыли о них, но именно они стояли у истоков юмора.

Лукреция освещает гравюры, книги, статуэтки. Все экспонаты библиотеки объединяет одна тема – смех.

– Где мы, Исидор? Куда мы попали?

– Туда, где рождаются шутки. Не это ли место искал Тристан Маньяр? Идя по его стопам, мы открыли то же, что открыл он несколько лет назад.

Лукреция снова едва не наступает на труп.

– Ужасное место. Как тут темно!

– Знаменитый закон парадокса, которому подчиняется все на Земле. Возможно, здесь, в этом ужасном месте, появляются анекдоты, над которыми все смеются.

– Вы стали настоящим лириком, дорогой Исидор.

– Тренируюсь. Ведь я собираюсь стать писателем.

– Вы и об этом напишете?

– Почему бы и нет?

– Ваша теория о том, что комики – на самом деле трагики, получает здесь полное подтверждение. Источник юмора просто отвратителен.

– Не торопитесь судить, а главное, делать выводы, Лукреция. Доверьтесь чувствам. И попробуем узнать тайну этого странного святилища. Кажется, мой роман о юморе превращается в мрачный детектив.

Лукреция высоко поднимает факел.

– Все-таки это место очень похоже на штаб-квартиру секты. Может, эта секта имеет отношение к смеху, но пока мы точно знаем только то, что она устраивала дуэли «ПЗС».

– И еще она владеет потрясающей юмористической библиотекой. Никогда не видел столько литературы, посвященной смеху, – бормочет Исидор, разглядывая книги на полках.

Он подносит факел к фолианту с названием «Филогелос».

– Что это?

– Сборник древних анекдотов.

Лукреция читает надписи на стенах:

«Смех – это протест жизни против неумолимых законов общества, мешающего ей самовыражаться» (Анри Бергсон).

«Я бы классифицировал философов по качеству их юмора» (Ницше).

– Философский уголок, – замечает Лукреция.

Исидор освещает посвященные юмору произведения Аристотеля, Платона. Декарта, Спинозы. Идя вдоль полок, он натыкается на еще один труп в сиреневом одеянии и в маске. Чем дальше они идут, тем древнее фолианты, пергаменты, выставленные под стеклом.

– Все-таки это секта, – повторяет Лукреция.

– Нет, скорее тайное общество вроде иллюминатов, тамплиеров, розенкрейцеров.

– Масоны?

– Нет, куда более тайное. Масоны сейчас дают интервью «Современному обозревателю». А эти люди себя не обнаруживают. Свои тайны они охраняют гораздо строже, чем масоны. Известны ложи G.O., G.L.F., G.L.N.F., G.L.D.H., но никто никогда не слышал о G.L.H.

Исидор освещает большой герб у себя над головой.

– Но вы, Лукреция, были правы, а я ошибался. Это похоже на масонскую ложу. Я понял смысл аббревиатуры. G.L.H.:*Grande Loge de l'Humour* — Великая Ложа Смеха.

– Но кто их убил? Зачем уничтожать масонов, интересовавшихся юмором? – спрашивает Лукреция.

– Вероятно, кому-то их шутки не нравились…

Лукреция отказывается принимать всерьез это объяснение. Они прикрепляют факелы к стене и потрясенно оглядывают огромную библиотеку, усеянную разлагающимися трупами. Неожиданно Исидор прислушивается.

– Тс-с-с! – шепчет он, прижимая палец к губам.

Он подходит к одной из полок, снимает с нее книги, кладет их на пол и прижимает ухо к доскам.

До него доносится едва слышный голос:

– Помогите!

85

1095 год нашей эры

Франция, Париж

Папе Урбану II надоело, что паломников, направляющихся в Иерусалим, убивают в Сирии и Турции, и 27 ноября 1095 года он объявил крестовый поход, чтобы проложить безопасный маршрут к святым местам.

Девизом первого крестового похода стали слова: «Этого хочет Бог!»

Решение папы привело к созданию нескольких христианских армий, которые 15 июля 1099 года взяли Иерусалим приступом. Командовавший войсками рыцарь Годфруа де Буйон провозгласил себя новым королем Иерусалима.

Спустя двадцать лет, 23 января 1120 года, рыцари-крестоносцы Гуго де Пейн и Годфруа де Сент-Омер решили организовать специальную службу для охраны

паломников, приезжающих из Европы в Иерусалим. Они стали защищать святые места и назвали себя «Нищими рыцарями Христа и Храма Соломонова». Позднее они стали известны как рыцари-храмовники, или тамплиеры.

Орден стал очень популярен. Все молодые рыцари хотели вступить в него. Поэтому Бернар Клервоский, один из руководителей тамплиеров, составил список условий, обязательных для будущих членов ордена. Будущий тамплиер должен был обладать следующими качествами:

– быть старше восемнадцати лет;

– не быть помолвленным;

– не состоять в другом ордене;

– не иметь долгов;

– обладать крепким физическим и душевным здоровьем, не иметь никаких увечий;

– не подкупать никого, чтобы вступить в Орден Храма;

– быть свободным человеком, не рабом;

– не быть отлученным от церкви.

В 1201 году Орден тамплиеров сплотился вокруг живущего в Иерусалиме Великого Магистра, высшего руководителя, который назначал местных магистров, стоявших во главе отделений ордена в других странах.

Богатство ордена объяснялось тем, что в его распоряжении оказались священные реликвии: кусочки тернового венца Христа и, как утверждали тамплиеры, фрагменты его креста. А также гораздо более древние сокровища из храма Соломона.

Тамплиеры сильно отличались от других рыцарей внешним видом: они носили короткие волосы, не имели ни усов, ни бород, их широкие белые одеяния украшал красный крест.

Они построили много крепостей на востоке и западе и организовали более семисот командорств – особых школ, в которых новые братья Ордена Храма получали духовное и военное образование.

Тамплиеры стали тайно собираться и в условиях строжайшей секретности заниматься толкованием священных текстов. Они участвовали в военных походах и спасали караваны паломников от грабителей. Со временем победа Запада над Востоком стала немыслимой без защиты и финансовой помощи тамплиеров.

Чтобы выплачивать выкуп за захваченных арабами христиан, тамплиеры собрали казну, состоявшую из серебра, золота и древних документов. Они называли ее «Ларь», потому что деньги, драгоценности и архивы хранились в сундуке.

Ларь был спрятан в Иерусалимском храме.

Но в 1187 году вставший во главе арабских войск Саладин захватил Иерусалим. Христиан перебили и изгнали из города. Считая тамплиеров лучшими представителями христианских рыцарей, Саладин подверг триста захваченных в плен членов ордена показательной казни. Тамплиеры переместили «Храм» и «Ларь» в город Сен-Жан-д’Акр. Но Саладин осадил и этот город, а в 1291 году взял его приступом. Тамплиеры бежали на ближайшую христианскую территорию: на остров Кипр. С Кипра Орден тамплиеров во главе с новым Великим Магистром Жаком де Моле, избранным во время бегства, отправился во Францию.

Последние военные поражения подорвали престиж ордена. Тамплиеры больше не могли защищать христианских паломников. Теперь, по мнению короля Филиппа Красивого, существование ордена потеряло смысл. Тамплиеры превратились в могущественного противника, владеющего множеством земель и легендарным сокровищем, знаменитым «Ларем».

Кроме того, король увяз в долгах ордену, который при необходимости ссужал деньгами правителей страны.

Атаку начал министр правосудия Гийом де Ногаре.

Ссылаясь на чей-то рассказ о непристойных обрядах сексуального характера, якобы практикуемых в ордене, Гийом де Ногаре убедил Филиппа Красивого отдать приказ арестовать всех тамплиеров во Франции.

Масштабная акция началась в пятницу 13 октября 1307 года (вот откуда страх перед пятницей, 13!). Тамплиеры не оказывали сопротивления, не сомневаясь, что справедливый процесс докажет их невиновность. Их бросили в тюрьмы в Париже, Канне, Руане, Жизоре и подвергли пыткам, добиваясь признания в извращениях.

Из ста тридцати арестованных в Париже тамплиеров тридцать восемь умерли в первые же дни. Остальные признались во всем: и в отречении от Христа, и в содомском грехе, и в поклонении идолу Бафомету. Трое впоследствии отказались от показаний, сделанных под пыткой.

Это были Великий Магистр Жак де Моле и двое младших магистров. Их заживо сожгли на острове Сите 18 марта 1314 года.

«Бог отомстит за нашу смерть. Папа Климент, король Филипп, рыцарь Гийом, меньше чем через год вас постигнет кара за ваши беззакония. Проклинаю вас и ваших потомков до тринадцатого колена». Таковы были последние слова Великого Магистра Ордена тамплиеров.

После смерти Жака де Моле Филипп Красивый приступил к методичному разграблению богатств Ордена Храма.

Гийом де Ногаре вскоре умер, и король назначил новым дознавателем по делу тамплиеров Великого Инквизитора Франции, доминиканца Гийома Умбера. Гийом Умбер нашел тайное помещение со множеством сундуков, в котором хранился и большой «Ларь». Но, сверяя обнаруженные богатства со списком, он заметил, что не хватает маленькой шкатулки.

Вновь подвергнутые пыткам арестованные признались, что Жак де Моле считал маленький ларец самым ценным сокровищем. Он называл его «тайным оружием против предателей». Тамплиеры очень точно описали ларец: деревянный, синего цвета, с латинской надписью.

Но даже под пытками члены ордена не сказали, что в нем хранится. Они только сказали, что в ларце не деньги, не брильянты и не другие осязаемые материальные ценности. Великий Магистр Жак де Моле говорил, что в нем находится «духовное богатство», наследие царя Соломона.

Оставшийся в живых тамплиер Гуго де Перо признался, что некогда один приехавший из Бретани брат приказал произвести тщательные поиски в храме Соломона. Где в глубоком подвале и обнаружили это сокровище.

Филипп Красивый пришел в ярость. «Я требую, чтобы мне принесли синий ларец!» – вопил он. Мысль о «малом ларе», якобы еще более ценном, чем большой, не оставляла его. Он приказал Гийому Умберу любыми способами найти его.

После долгих допросов и бесконечных пыток Великий Инквизитор узнал, что группа тамплиеров, ускользнув от преследования, бежала в Бретань и укрылась в Броселиандском лесу.

Гийом Умбер бросился по следу беглецов. Снова прибегнув к арестам и пыткам, он добыл новую информацию: тамплиеры отправились в порт Карнака и уплыли в Англию. Посланные вдогонку шпионы нашли их следы в Шотландии.

Гийом Умбер посоветовал Филиппу Красивому обратиться с просьбой к королю Англии. Но Эдуард I, всегда относившийся с недоверием к надменному французскому кузену, отказал ему в помощи.

С тех пор никто во Франции больше не слышал о «малом ларе», о знаменитом «маленьком синем ларце, в котором лежит сокровище, но не деньги и не драгоценности».

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

86

Снова слышится слабый голос.

– Умоляю… помогите!..

Идя на зов, Лукреция находит в задней стенке книжного шкафа углубление.

– Это дверь, – говорит она. – Здесь где-то должен быть механизм.

Исидор ощупывает стенку и находит металлическую пластинку. Он достает револьвер, отходит и несколько раз стреляет в замок. Вместе с Лукрецией они толкают деревянную стенку, и она со скрипом открывается.

На полу неподвижно лежит человек. Лукреция бросается к нему и прикладывает руку к его сердцу.

– Он еще жив!

Человек хрипит:

– Надо… надо… вы должны…

– Кто вы? – спрашивает Лукреция.

– Не задавайте бессмысленных вопросов, Лукреция. Вы прекрасно видите, кто это. Тот, кого мы ищем. Тристан Маньяр.

Исидор спокойно произносит эти слова и быстро отправляется на поиски воды. В ванной он находит стакан, поспешно возвращается и помогает человеку приподняться.

– Вы… вы… вы должны…

Исидор осматривает человека и видит, что он ранен в живот.

– Может быть, наверху ваш телефон найдет сеть, и мы сможем вызвать помощь? – шепчет Лукреция.

– Я… я…

Глаза человека закрываются. Исидор тихо говорит:

– Слишком поздно. Уже ничего нельзя сделать, он потерял слишком много крови. С минуты на минуту он умрет.

Внезапно Тристан Маньяр открывает глаза. Несмотря на то что он еле жив, взгляд его горит огнем. Он снова бормочет.

– Вы… вы… должны…

Исидор обнимает его, как ребенка, которого нужно успокоить, и начинает баюкать.

Лукреция замирает.

Тристан Маньяр все еще пытается что-то сказать:

– Вам надо… вы… вы…

– Не волнуйтесь, все хорошо. Не торопитесь, вам будет легче.

Исидор наклоняется, прижимается ухом к губам раненого и шепчет:

– Говорите, я вас прекрасно слышу.

Человек что-то бормочет в ухо Исидору. Тот кивает.

По лицу Тристана Маньяра видно, что он испытывает огромное облегчение. Он широко открывает глаза, слабо улыбается, словно благодаря того, кто его выслушал, и испускает последний вздох.

Исидор закрывает ему глаза.

– До скорой встречи в другой жизни, – произносит он.

Исидор берет тело Тристана Маньяра на руки и несет к столу.

– Будет нескромно спросить, что он вам сказал?

Исидор продолжает молчать.

– Я вам передала все последние слова Себастьяна Доллена, а вы?! Это нечестно, Исидор!

Исидор молчит.

– Я думала, что мы ведем расследование вместе! – выходит из себя Лукреция.

– Я ничего вам не скажу. И не просите меня об этом, пожалуйста.

Она поражена.

– Вы просто…

– Лукреция. Вы так…

– Глупы?

– Нет. Юны.

Лукреция опять не понимает, насмешка это или комплимент. Ей было бы легче, если бы Исидор откровенно нагрубил ей, тогда и она могла бы не стесняться в выражениях. Но он не доставляет ей такого удовольствия.

– Вы…

– Что?

Он улыбается.

– Я тоже к вам очень хорошо отношусь, Лукреция. Спасибо. Итак, следуем нашему принципу. Первое, обмениваемся информацией. Второе, размышляем. Третье, действуем.

Он осматривает комнату. По-видимому, они в потайном кабинете. Исидор замечает вскрытый сейф.

– Что здесь произошло? – спрашивает Лукреция.

Исидор указывает на выдвинутые ящики стола.

– Первая версия оказалась правильной. Пришли гости. Члены Великой Ложи Смеха приняли их.

– Этим объясняется то, что на пути к храмовому помещению ничего не тронуто.

– Беседа в храмовом зале привела к разногласиям. Гости – пять-шесть человек – решили прибегнуть к сильнодействующим аргументам. Они были вооружены и начали стрелять во всех подряд.

Исидор закрывает глаза, чтобы лучше представить себе, как это происходило.

– Первые умерли внизу, там, где мы их нашли. Остальные бросились бежать, их догнали и добили. Поэтому у них прострелены головы. Тристан Маньяр был с теми, кто пытался спастись.

– Похоже, что так и было. Один из нападающих последовал за ним, он успел вбежать в потайной кабинет, пока дверь еще не закрылась. Поэтому она не была взломана. Но тут его ранили в живот. Нападавший не хотел его убивать, он хотел заставить его говорить и открыть сейф.

– Правильно, Лукреция. Затем гость опустошил сейф, оставил Тристана Маньяра умирать и закрыл за собой дверь кабинета.

– Значит, Тристан Маньяр не убивал Дария.

– Я бы выразился иначе. Мы явно имеем дело с двумя враждующими партиями. С одной стороны тайное общество, Великая Ложа Смеха, спрятавшаяся под этим маяком. К ней принадлежал Тристан Маньяр. А с другой стороны Дарий, его братья и «розовые громилы».

– Смех света против смеха тьмы…

– Что?

– Это слова Себастьяна Доллена. Он утверждал, что две эти силы враждуют с древних времен. Джедаи против Дарта Вейдера и империи зла.

Исидор размышляет, продолжая тщательно изучать комнату.

– Забавно. Вы мне все больше напоминаете мою племянницу Кассандру. Она тоже сирота и все время сравнивает людей с героями фильмов, в основном, кстати, фантастических. Мне пришло в голову, что больше всего меня трогает в вас то, что вы похожи на мою маленькую племянницу Кассандру.

Лукреция осматривает полки, на которых не хватает книг.

– Давайте дальше, Исидор. Итак, между людьми с маяка, приверженцами смеха света, и «розовыми громилами», приверженцами смеха тьмы, идет борьба.

Исидор находит в шкафу пачку печенья. Он протягивает одно Лукреции.

– Вы считаете, что сейчас самое время перекусить?

– Тристан продержался так долго благодаря этому печенью и бутылкам с водой. У меня от всех этих приключений разыгрался аппетит.

Он жадно ест печенье.

– Продолжайте, Исидор.

Он говорит с набитым ртом.

– В обоих обществах играют в вашу «ПЗС». Скорее всего, ее изобрели здесь, а Дарий ее украл.

Исидор садится и продолжает шумно жевать.

– И?..

– И все, – отвечает он с полным ртом.

– Как это?

– Пока это все, что я могу вам сказать.

– А взломанный сейф? А потайной кабинет?

– Наверное, здесь члены Великой Ложи Смеха прятали свои сокровища. А чужак, гнавшийся за Тристаном Маньяром и убивший его, все унес.

– То есть смех тьмы победил.

– Да. Похоже, что так.

– Значит, по вашей теории, сторонники смеха тьмы – это Дарий и его братья. И Дарий убит.

– Именно так.

– Следовательно, один из рыцарей смеха света, член Великой Ложи Смеха, выжил и отомстил за своих братьев.

Исидор прекращает жевать.

– Нужно еще убедиться в том, что Дария убили.

– Как, вы в это не верите?!

– Я просто не делаю окончательных выводов.

– А вы представьте себе это. Представьте, что смех может убить. Неважно, убийство это было или самоубийство. Точно установлено, что Дарий в момент смерти находился один, и последнее, что доносилось из его гримерки, был хохот. А ведь Дария, как любого профессионального комика, рассмешить непросто. Вызвать у него смех может только очень высокий уровень юмора. Но он хохочет, хохочет взахлеб, все громче и громче… Кто сказал, что у смеха есть предел? Я думаю, что спазм или даже тетания диафрагмы может вызывать в организме повышенную потребность в кислороде, которую легкие, блокированные выдохом, не в состоянии ему предоставить…

Довольная собой Лукреция берет печенье. Они хрустят уже вдвоем. Неподвижное тело Тристана Маньяра лежит совсем рядом.

– Неплохо, совсем неплохо. Вы делаете успехи, дорогая Лукреция.

– Согласитесь, ставки в этой игре чрезвычайно высоки. В желании овладеть проклятой синей шкатулкой люди не останавливаются ни перед чем: возможное убийство Дария, смертоносные дуэли «ПЗС», уничтожение наших домов, резня на острове.

Исидор поднимает на лоб очки, роется в шкафу, находит еще пачку печенья и снова набивает рот.

– Просто восхитительный вкус. Интересно, как Тристан Маньяр мог убить Дария, если он лежал тут при смерти? Отправил почтового голубя с синей коробочкой в лапках?

Лукреция ударяет кулаком по ладони.

– Не почтового голубя… а грустного клоуна.

Исидор снова улыбается снисходительной улыбкой, которая всегда приводит Лукрецию в бешенство.

– Я прекращаю расследование, – объявляет он. – Осталось только придумать, как вернуться обратно и сообщить в полицию о трупах.

Нужно успокоиться. Это дело вымотало мне все нервы. То, что случилось здесь, очень серьезно. Я должна не нападать на Исидора, а, наоборот, заставить его делать то, что мне нужно.

Она выпрямляется. Достает из сумки фотоаппарат и начинает фотографировать.

– Как вы думаете, я смогу сделать из этого статью?

– Дело еще не закончено, Лукреция. Зачем писать, пока ответ не найден? И тут вы его не найдете. Я думаю, что часть членов Великой Ложи Смеха ушла отсюда через потайной ход.

Он зажигает факелы и отправляется на поиски выхода. Лукреция идет за ним. Они выходят к развилке, откуда коридоры расходятся как лучи.

– Тут они оторвались от преследователей, – говорит Исидор.

Он по очереди встает у начала каждого туннеля. Пламя факела колеблется от сквозняка. Наблюдая за ним, Исидор находит коридор с лестницей, ведущей на поверхность. Они выходят к маленькой бухточке, где у причала стоят моторные лодки.

Исидор садится в одну из них.

– Что вам сказал Тристан Маньяр? – спрашивает Лукреция.

– Что мне пора возвращаться к дельфинам и акуле. Потом добавил, что погода улучшается и можно совершить отличную морскую прогулку. Вы едете со мной, Лукреция? Я такую лодку тоже еще никогда не водил, и я начинаю привыкать предаваться навигационным экспериментам в вашей компании.

Лукреция нехотя залезает в лодку. Исидор дергает за веревку, мотор издает ворчание, переходящее в ровное гудение. Они плывут прочь от острова с маяком. Горизонт светлеет.

– Хватит скрытничать. Что вам сказал Тристан Маньяр.

– Это никак не связано с расследованием. И это очень личное.

Исидор широко улыбается и запускает мотор на полную мощность. Они направляются к бретонскому берегу.

87

1314 год нашей эры

Шотландия, Глазго

Тайное сокровище спрятали в Шотландии, в одном из старинных командорств тамплиеров.

Шотландия переживала трудное время. Английская армия разгромила и обезглавила шотландские войска в битве при Фолкерке. Предводителя шотландцев Уильяма Уоллеса взяли в плен и, по приказу короля Эдуарда I, повесили, вынули еще живого из петли, привели в себя, выпустили кишки, четвертовали и сожгли (именно в такой последовательности). С тех пор шотландское население подвергалось беспрерывным репрессиям.

Глава клана Роберт Брюс, под влиянием прибывших из Франции тамплиеров, в частности Давида Балльоля, занявшего при нем место шута, нашел в себе мужество опять взяться за оружие. Он собрал новую армию, и шотландцы вырвали у англичан победу в битве при Бэннокберне 23 июня 1314 года.

Роберт Брюс под именем Роберта I стал королем Шотландии.

Но монарх, едва взошедший на трон, чувствовал шаткость своего положения. Он знал, что Лондон никогда не смирится с независимостью богатой северной провинции.

Тогда его шуту Дэвиду Балльолю пришло в голову использовать оставшихся в живых тамплиеров, чтобы заманить врага в ловушку. Он решил написать поддельное письмо, сообщающее о правах английского монарха на… корону Франции.

– И он пошлет войска на север, а не на юг, – объяснил Давид Балльоль.

Успех военной хитрости превзошел самые смелые ожидания шотландцев.

Новый английский король, тоже Эдуард, поверил, что является внуком Филиппа Красивого, и объявил о претензиях на трон франков.

Началась Столетняя война.

Англия переключила свое внимание на французов, и Шотландия получила передышку.

Английская армия, вооруженная новыми дальнобойными луками (доказавшими свою эффективность в сражении при Фолкерке), легко побеждала французских рыцарей, закованных в тяжелые металлические латы. Битва при Азенкуре наглядно показала, что маленькая армия с современным вооружением может одолеть даже превосходящую ее по численности неповоротливую тяжелую кавалерию. Сражение шло долго, но англичане бесспорно сражались лучше.

Причем настолько, что шотландцы испугались, как бы англичане, одолев французов, не бросили бы снова свои войска против них.

Тогда новый король Шотландии Иаков I по совету своего старого шута решил сыграть с Англией «хорошую шутку». Подготовка «хорошей шутки» отняла немало времени и сил.

Простодушная пастушка Жанна услышала однажды таинственные голоса. На самом деле это были голоса людей, спрятавшихся за деревом и говоривших в большой рог, чтобы усилить звук.

– Жанна, освободи Францию от английских завоевателей! Это твое предназначение!

Шутники были в таком восторге, что с трудом удерживались от смеха.

Результат не заставил себя ждать. Наивная молодая пастушка восприняла шутку всерьез. Она всем рассказала, что с ней говорили ангелы, и сумела убедить близких помочь ей. Она даже добилась встречи с самим королем Франции, Карлом VII, и сообщила ему, что получила послание свыше. Оценив всю своевременность этого события, в которое доверчивые люди поверили всем сердцем, король Франции дал ей под начало нескольких рыцарей. Соотношение сил и положение на франко-английском фронте изменилось.

Король Англии был вынужден послать подкрепление для борьбы с таинственной ясновидящей, появившейся неизвестно откуда. Шотландия ликовала. Давида Балльоля называли спасителем.

Шотландия насладилась необычайно долгим периодом независимости, спокойствия и культурного процветания. Иаков I и его сын Иаков II издали Закон об образовании и основали университеты в Сент-Эндрюсе, Глазго и Абердине, чтобы поднять «духовность» населения. Французским тамплиерам, нашедшим убежище в Шотландии, разрешили основать орден, состоящий из учеников, компаньонов, надсмотрщиков, мастеров и

великих мастеров. В основном они занимались возведением памятников и зданий и стали называться франкмасонами.

От этого мощного религиозного движения отпочковалось скромное ответвление, занимавшееся не материальным, а духовным строительством. Его возглавил старый шут Давид Балльоль, проживший более ста лет, что в ту эпоху случалось чрезвычайно редко. Вдохновившись произведениями Ниссима бен Иегуды, он создал Великую Ложу Смеха – *The Great Loge of Humour* — и назначил себя ее Великим Мастером.

Эта ложа была гораздо менее заметной и значительно более деятельной, чем ее знаменитая старшая сестра. В частности, она создала сеть для обмена информацией между шутами королевских дворов всей Европы.

В дальнем уголке храма Давид Балльоль спрятал наследие Соломона, «малый ларь», в котором якобы хранилось «самое совершенное оружие против тиранов, педантов и дураков».

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

88

Наступает ясное утро. Дождь прекратился. Чайки кружат над кучами морских водорослей на берегу. Исидор и Лукреция вновь завтракают в блинной «У Мари». Лукреция ест блинчики с шоколадно-ореховой пастой, Исидор пьет зеленый чай.

– Так не худеют, – говорит Лукреция. – Если вы пропустите прием пищи, в следующий раз ваш организм усвоит двойную порцию жира.

Исидор делает вид, что не слышит. Сквозь кружевную занавеску они видят, как по улице проезжают машины спасателей, нагруженные телами в черных пластиковых мешках.

Исидор и Лукреция договорились с полицейскими – чтобы не привлекать внимания к уголовному расследованию, они обещали молчать о том, что обнаружили на маяке. Пока официальная версия звучала так: во время прогулки на яхте Исидор и Лукреция заметили на скалистом берегу необитаемого острова разбитый во время шторма корабль. Все находившиеся на борту пассажиры погибли.

Опознание тел и выяснение причин смерти будут проведены в судебно-медицинском институте Ренна. Это позволит выиграть время, избежать паники и не возбудит излишнего любопытства.

Жители Карнака стоят на пляже, смотрят на тела в черных мешках и ни на минуту не подвергают сомнению официальную версию.

Старая официантка в кружевном колпаке приносит Лукреции новую порцию блинчиков с пьяной вишней. Ставя на стол кофейник, она наклоняется и шепчет:

– Священник просит вас прийти в часовню Святого Михаила. Я вам показывала дорогу туда. Если хотите, могу проводить еще раз.

Исидор немедленно вскакивает и идет за официанткой. Взбешенная Лукреция следует за ними, на ходу доедая блинчики. Они идут той же дорогой, но на этот раз при

дневном свете и без дождя, поднимаются на холм и входят в белоснежную часовню. Отец Паскаль Легерн ждет их с озабоченным видом.

– Я вам не все сказал, – говорит он, не поворачиваясь к ним лицом. – Теперь, когда вы частично разгадали загадку тайного общества, вы имеете право знать.

– Да мы и так уже знаем.

Священник оборачивается.

– Что вы знаете?

– Две недели назад сюда приехали люди из Парижа. Громилы в розовых костюмах.

– Верно.

– Они сопровождали комика Дария и были чем-то недовольны.

– Возможно. Я не интересуюсь шоу-бизнесом. Один из них – невысокий блондин – явно был главным.

– С повязкой на правом глазу? – спрашивает Лукреция, не желая оставаться на вторых ролях.

– Да-да. Они пошли на пляж и взяли моторную лодку.

– Сколько их было? Пятеро, шестеро?

– Шестеро.

– Очень хорошо. Три брата Возняк и три телохранителя. Верно?

– Да.

– Остального я как раз не знаю. Что произошло дальше?

Отец Легерн недоверчиво смотрит на Исидора и Лукрецию.

– Как вы докажете, что не заодно с ними?

– Вы знаете, что с острова привезли трупы. Тела умерших будут наконец погребены по-христиански.

– Это ничего не значит. Вы из Парижа. Никто не знает, что там творится. Я не люблю парижан.

Лукреция видит, что священник хочет поделиться с ними какой-то информацией, но никак не может решиться. Она понимает, что ключи «подкуп», «угроза», «обольщение» не откроют его душу. Ей интересно, что придумает Исидор.

– Отлично, так вы позвали нас, чтобы ничего не сообщить? – спрашивает она.

Это все из-за Исидора, который решил показать, какой он умный, и зачем-то принялся рассказывать все сам.

— Как, по-вашему, Иисус Христос относился к юмору? – говорит Исидор.

Паскаль Легерн не скрывает удивления:

– К юмору?

– Да. Вы считаете Иисуса Христа остроумным? Любил ли он посмеяться с друзьями, ценил ли шутки или был мрачным типом, который все время всех поучал?

– Н-ну…

Исидор отвечает сам:

– Он ведь сказал: «Возлюбите друг друга». Если знать нравы той эпохи, это неплохая шутка.

– Конечно.

– А ребятам, которые собирались забросать камнями блудницу, он заявил: «Пусть тот, на ком нет греха, бросит камень первым». Тоже смешно.

– Действительно.

– И еще: «Вы видите соломинку в глазу соседа, а в своем глазу бревна не замечаете». И: «Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царствие Небесное». А превращение воды в вино и умножение хлебов похоже на дружескую вечеринку с массовиком-затейником, который показывает фокусы и рассказывает анекдоты.

Священник приходит в замешательство.

– Я не разрешаю вам говорить в таком тоне о нашем Спасителе, да еще в Его доме.

– А я думаю, что Он бы мне это разрешил.

Собеседники с вызовом смотрят друг на друга.

– К чему вы клоните, господин Катценберг?

– Мне кажется, что с незапамятных времен идет война между смехом света и смехом тьмы. На острове произошла кровавая схватка. Помогите нам встать на сторону света.

Отец Легерн в полном смятении.

Ничего не получится. Слишком сильно напирает. Он его напугал.

— В конце концов, ведь это вы позвали нас сюда, – говорит она решительно. – Что вы хотите нам сказать?

Священник опускает глаза.

Он хочет облегчить душу.

— Это случилось две недели назад. Через несколько часов после того, как люди в розовых костюмах уплыли, к берегу причалили моторные лодки. Их было не меньше десяти.

Уцелевшие члены Великой Ложи Смеха.

— Человек пятьдесят, но не в розовых костюмах. Этих я видел впервые. Среди них были раненые. Они сказали, что их преследуют и пытаются убить. Они искали убежища. Церковь – прибежище гонимых, и я их спрятал.

Исидор одобрительно кивает.

– Пятьдесят человек? Это не так-то просто!

– Я спрятал их в подземелье часовни.

– Умно, – признает Исидор.

– Потом розовые костюмы вернулись. Они были вооружены и не скрывали своих намерений. Они начали искать беглецов.

Дарий и его приспешники.

— Они все осмотрели, но они не знали о подземелье в часовне Святого Михаила, – продолжает Паскаль Легерн.

– Можно нам осмотреть подземелье? – спрашивает Лукреция.

Священник кивает и отпирает огромный замок на двери.

Они оказываются в подземной пещере.

– Лет пять назад мы перестали пускать сюда туристов, чтобы все сохранить в неприкосновенности.

Лукреция и Исидор видят на каменных стенах наскальные рисунки, трогательное напоминание о первобытных художниках. Видят изображения, относящиеся к средневековью.

– Я лечил их и кормил.

– Это были молодые люди? Старые? С ними были дети? – спрашивает Лукреция.

– Много пожилых. Женщин и мужчин поровну. Без детей. Они провели здесь три дня. Они очень переживали, спорили о причинах катастрофы. Осыпали друг друга упреками.

Исидор освещает мобильным телефоном покрытую барельефами стену. Изображения следуют одно за другим, как в комиксах. На первом виден дворец, рядом с которым стоит человек в короне. Под фигуркой царя надпись:*Соломон* . Ниже группа людей мастерит какого-то дракона. Под самым маленьким человечком написано:*Ниссим бен Иегуда* . Рядом с драконом – три древнееврейские буквы.

На втором барельефе изображен сундук, три древнееврейские буквы заменены тремя греческими. Мужчина в тоге открывает сундук, и все присутствующие с улыбками умирают.

На третьем барельефе римский легионер садится на парусное судно, пересекает море и прибывает в порт. Затем он скачет на лошади и прячет в подвале церкви сундучок, на котором видны три буквы, уже не греческие, а латинские.

Внизу подпись:*Hic Nunquam Legendum Est* .

На четвертом барельефе изображены лежащие вокруг сундучка люди. У них веселые лица, но глаза закрыты.

Вдруг священник хватается за голову.

– Я не знал! – говорит он с глухим стоном.

– Чего вы не знали?

– Я спас их потому, что не знал, кто они такие!

Священник подходит к Лукреции и крепко сжимает ей руку.

– Я не знал, что такое «GLH».

На пятом барельефе рыцарь скачет по дороге к Иерусалиму, надпись под ним гласит: «Дагонет».

– Мы знаем, что такое «GLH», – говорит Лукреция. – Это масонская ложа, посвященная смеху.

– Нет, я не об этом. Я не знал. Они меня обманули. Я не знал, кто они, – возбужденно повторяет священник. – Они утверждали, что они охраняют чудовище, а на самом деле они сами его создали! И выкормили!

Исидор и Лукреция недоуменно переглядываются. Голос священника, которого охватывает все больший ужас, начинает дрожать.

– Когда они ушли, я еще раз рассмотрел знакомые фрески. Они говорили, что решение спрятано в них, но они его не нашли. Я не понял, что они хотели этим сказать.

Священник подходит к Исидору и указывает на деталь шестого барельефа. Монгольский военачальник во главе войска собирается атаковать город. Но одетый шутом человек открывает ларец, и вождь монголов падает мертвым на землю. На ларце написаны три буквы: «B.Q.T.» и слова:*Hic Nunquam Legendum Est* .

– Я не понял, о чем идет речь. Я думал, что это всего лишь буквы.

Священник вздрагивает от отвращения.

– А теперь я догадался: «B.Q.T.» – это «Bel Qzebu Th». Вельзевул! Одно из имен Сатаны. Посмотрите на эти барельефы, члены «GLH» поклоняются ларцу.

Глаза священника начинают гореть сумасшедшим огнем.

– Люди в розовых костюмах тоже ищут ларец, они хотят присвоить дьявольского дракона, обладающего таинственной силой. Посмотрите на фрески: как только ларец открывается, все умирают. И посмотрите на их лица, увидев «Bel Qzebu Th», они теряют рассудок!

Он хватает Исидора за ворот рубашки и трясет.

– Теперь вы знаете! Перестаньте искать «B.Q.T.», иначе вы тоже сойдете с ума! Не пытайтесь его найти! Отступитесь! Отступитесь!!!

Он делает шаг назад, часто крестится, его глаза блуждают.

–*Vade retro Satanas* ! Вы тоже поддались очарованию демона, вышедшего из мрака времен. Парижане, возвращайтесь в Париж! Вы навлекаете на нас одни несчастья. Вы поклоняетесь языческим идолам. Не знаю, что вам нужно, но воплощение Зла уже покинуло бретонскую землю. Оно находится в вашей проклятой столице власти и страха. Найдите его и погибните от безумия, которое оно несет!

89

1450 год нашей эры

Франция, Париж

Столетняя война с англичанами подходила к концу, французы мечтали о завершении темных и жестоких времен, они жаждали смеха и веселья. И группа студентов факультета права решила возродить древний праздник Сатурналий.

Этот праздник был посвящен богу Сатурну и, согласно мифологии, освобождал людей. Во время Сатурналий забывали о социальных различиях. На целый день все вставало с ног на голову: рабы не подчинялись хозяевам, без страха разговаривали с ними, критиковали и даже могли потребовать, чтобы хозяева прислуживали им. Дети не слушались родителей, жены – мужей, граждане – руководителей общества. Отменялись публичные казни, закрывались суды и школы, никто не работал.

Ни приказывать, ни наказывать в этот день было нельзя.

Чтобы приблизить праздник к французским традициям, его переименовали в «День шутов». Очень быстро он стал популярен в народе. Раз в год простые люди могли снять напряжение, бедные и слабые могли забыть на время о тяготах повседневной жизни. И даже взять реванш. Праздник широко отмечали каждый год в феврале. На виселицах болтались куклы, изображающие влиятельных людей, все плясали и пили.

Популярность «Дня шутов» обеспокоила церковь и знать, которым не нравилось народное веселье, грозившее перейти в настоящий бунт. Папа Римский запретил праздновать «День шутов» под страхом отлучения от церкви.

Но нашлась группа молодых людей, которые не собирались отказываться от праздника. Это были студенты юридического факультета университета, которому покровительствовал орден Святого Михаила. Они назвали себя «Беззаботными ребятами».

Они и раньше отмечали день своего святого покровителя, ставя сатирические пьесы, в которых издевались над политиками. С их легкой руки день святого Михаила стал «Днем шутов». Студенты наряжались королевскими шутами, надевали желто-зеленые костюмы, колпаки с бубенчиками и ослиными ушами, потрясали шутовскими жезлами.

Их ежегодные собрания разгоняла конная полиция.

Предводитель «Беззаботных ребят», Франсуа Вийон, отличался особенно буйным нравом. В 1455 году во время «Дня шутов» он ранил священника. В следующем году участвовал в краже со взломом. Сообщник выдал его под пыткой. Франсуа Вийон бежал из Парижа в Анжер, где начал писать длинные поэмы: «Баллада о противоречиях», «Баллада о поговорках», «Баллада о мелочах».

Одновременно Франсуа Вийон продолжал воровать. Его поймали, посадили в тюрьму Шатле, пытали и приговорили к повешению. Ожидая смерти, он написал «Балладу о повешенном».

Однажды к нему в камеру пришел незнакомец в сиреневом одеянии.

– Ты помнишь меня? – спросил он.

Лицо Франсуа Вийон осветилось улыбкой.

– Уильям Алесис! Ты участвовал в «Дне шутов». Тебя еще называли Шотландцем!

Перед ним действительно стоял один из «Беззаботных ребят». Только уже с бородой и седыми волосами. Товарищи обнялись и начали вспоминать старое доброе время, когда они вместе смеялись над скрягами. Гость сделал Франсуа Вийону предложение. Зная, что тот хорошо пишет, он попросил его отныне посвятить себя не поэзии, а сатире.

– Но я никогда не сочинял ничего подобного. У меня не получится! – воскликнул Франсуа Вийон.

– Да ладно! В жизни ты веселый, а стихи пишешь грустные. Пиши весело, и я обещаю спасти тебя.

5 января 1463 года Уильям Алесис сумел освободить Франсуа Вийона. Смертную казнь заменили десятилетним изгнанием из Парижа.

Вийон уехал в Бретань.

Больше никаких официальных сведений о нем не сохранилось. На самом деле, спрятавшись где-то в Бретани вместе с Уильямом Алесисом и другими бывшими «Беззаботными ребятами», он приступил к осуществлению серьезного проекта.

Они решили поставить комическую пьесу с более сложной психологией героев, чем в ярмарочных фарсах.

Целая команда авторов помогала Франсуа Вийону в создании «комического шедевра». Новое произведение, «Фарс о мэтре Патлене», появилось в 1464 году, через год после чудесного освобождения Вийона из тюрьмы. Пьеса была написана народным языком. Сюжет ее был таков.

Мэтр Патлен, хитрый, нечистый на руку адвокат, постоянно стремится поживиться за чужой счет. Он заказывает шерстяной костюм у купца Гийома, пообещав заплатить позже и угостить его обедом. Когда Гийом приходит за деньгами, он видит заплаканную супругу

адвоката и его самого, лежащего якобы при смерти. Гийом не решается потребовать долг и уходит ни с чем.

Некоторое время спустя пастух Тибо просит Мэтра Патлена защитить его от обвинений в краже баранов у хозяина. Адвокат, запросив огромный гонорар, придумывает хитрость: во время процесса Тибо должен изображать слабоумного и в ответ на все вопросы блеять, как баран.

Заседание суда начинается, и Мэтр Патлен, к своему удивлению, видит, что истцом на процессе выступает продавец шерстяной одежды Гийом. Уловка Мэтра Патлена отлично срабатывает, и судьи принимают блеющего, словно баран, Тибо за умственно отсталого. Мошенник торжествует, но, когда он просит Тибо выплатить ему гонорар, тот отвечает блеяньем. Так адвокат попадается в собственные сети.

На ярмарке впервые показали комедию с четким сюжетом и сложными характерами героев. Ее юмор был более тонким и менее вульгарным, чем в обычных народных фарсах.

Успех оказался оглушительным. Пьесу начали исполнять во многих настоящих театрах Франции.

Официальные власти и церковь чувствовали, что в комедии неявным образом критикуется общество, что тон в отношении социальных институтов взят непозволительный, но в чем именно заключается крамола, понять не могли и пьесу не запретили.

Великая Ложа Смеха, тайно обосновавшаяся в Бретани, нашла новое направление юмора: народный фарс.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

90

Туман полосами закрывает рыжую луну. Эйфелева башня мигает всеми огнями, отмечая наступление новых суток.

Полночь.

Мотоцикл с коляской останавливается неподалеку от «Театра Дария». Лукреция снимает шлем и комбинезон, натягивает костюм, более подходящий для предстоящих гимнастических упражнений. Исидор берет маленький рюкзачок, в который они сложили все, необходимое для боевой операции.

Лукреция смотрит в объектив на стоящие во дворе машины. Затем, забросив крюк, залезает на крышу. Исидор остается на тротуаре.

– Увы, Лукреция, я слишком тяжелый.

– Вам нужно сесть на жесткую диету, Исидор, – говорит Лукреция.

– Я подумываю об этом. И о психоанализе. Возможно, мне придется сменить тело, разум и образ жизни.

– Вы серьезно?

– Почти.

Он бросает ей веревочную лестницу. Лукреция привязывает лестницу к трубе и знаком приглашает его подниматься. Она помогает Исидору преодолеть последние метры, подтягивая его за руки.

И вот они уже оба стоят на крыше театра Дария. Исидор несколько раз оступается и едва не падает.

– У вас кружится голова? – шепчет Лукреция.

– И голова тоже. Я такими вещами заниматься не могу. Я – мозг, вы – мышцы, – отвечает он тихо.

– Лучше быть и тем, и другим.

– Я вас предупреждал, что стану камнем, который потянет вас на дно. Драться я не собираюсь. Использовать оружие тоже не буду, даже против негодяев.

– Ладно, я поняла. Не в первый раз женщина работает, а мужчина отдыхает.

– Как у львов. Самки охотятся, самцы ждут. Закон матери природы.

– Что меня больше всего бесит в вас, Исидор, так это то, что вы все знаете. У вас всегда найдется история, доказывающая, как дважды два четыре, что вы правы, а я нет.

– Вы правы, – бормочет Исидор.

Они осторожно передвигаются по крыше к слуховому окошку, в которое Лукреция залезла в прошлый раз. На этот раз оно закрыто.

Лукреция достает отмычку, и вводит в щель два плоских металлических лезвия. Несколько движений, и задвижка открыта. Она бросает в окошко веревку, они залезают внутрь и по узкому коридорчику добираются до колосников. Со своего насеста они отлично видят ринг и постепенно заполняющийся зал.

Исидор смотрит в маленький бинокль. «Девушки Дария» помогают зрителям занять свои места. Лукреция фотографирует. Они ждут.

Звук труб возвещает о начале представления.

Появляется Тадеуш Возняк в безупречно сидящем розовом костюме. Его сопровождает все тот же телохранитель, похожий на питбуля, который, едва войдя в зал, смотрит на балкончик системы управления. Лукреция едва успевает пригнуть голову Исидора. Она использует видоискатель в качестве перископа, чтобы убедиться, что опасность миновала. К счастью, телохранитель занимает место, с которого он не может их заметить. Музыка становится громче.

Тадеуш Возняк вспрыгивает на освещенный прожекторами ринг.

– «Тот, кто первым засмеется, получит пулю в висок» – какой прекрасный симбиоз игры в гляделки и русской рулетки! Наш приз стоит того, чтобы рискнуть жизнью! Победителю достанется миллион евро! А проигравшему – пуля двадцать второго калибра из пистолета Benelli MP 95E.

– «ПЗС»! «ПЗС»! «ПЗС»! – начинает скандировать зал.

– Как приятно! Я чувствую, что публика сегодня горячая! В этом случае дуэль бывает особенно жесткой! Предвижу вопрос: «Что же у нас в программе?» Вы не будете разочарованы! Мы приготовили вам сюрприз, будут и лидеры, и аутсайдеры. Но сначала позвольте представить вам новенького.

На сцену выходит маленький человечек в черном плаще и черной маске, из-под которой торчит белая борода.

– Как вас зовут?

– Мое настоящее имя? Жак Люстик. Это означает «веселый».

– Нет, я хочу услышать ваше прозвище.

– А? Мой псевдоним – Капитан Каламбур.

– Ух ты, как звучит! Сегодня играет Капитан Игры Слов!

– Плохая игра слов может вывести вас из игры.

– Ого! Он начинает с места в карьер! Но подожди, Капитан Каламбур, прибереги силы для соперника.

– Да, лучше иметь дело с соперником, чем с сокамерником.

Зал свистит, человечек кланяется.

– Отлично! Очень хорошо. Расскажите нам о себе, дорогой друг!

– Моя мама – дама, отец-молодец, брат – хват. А дядя – тетя!

Зал свистит, но Жак словно не слышит. Он вскидывает руки, будто ему аплодируют.

– Итак, Капитан Каламбур встретится с нашим старым знакомым, о котором так много писали газеты его родной Ниццы, – с Франки Зеленым Сарычем.

На сцене появляется рыжий молодой человек в зеленой одежде, зеленом плаще и зеленой маске. Он выходит на середину ринга и приветствует зрителей.

– Франки из Ниццы, Франки Зеленый Сарыч, скажи-ка в микрофон, кем ты считаешь своего соперника?

– Жертвой игры слов.

Зал одобрительно смеется. Тадеуш Возняк в восхищении. Он поднимает руки, чтобы успокоить зал.

– Друзья, друзья! Давно удача так не улыбалась нам, оба противника – мастера благородного искусства игры слов, которую Виктор Гюго называл… «испражнениями разума». Как это многообещающе!

«Девушки Дария» снимают с юмористов плащи, усаживают в кресла и пристегивают ремнями. Потом спускаются в зал и, проходя по рядам, принимают ставки, которые тут же появляются на большом экране над рингом.

Большинство ставит на Франки Зеленого Сарыча, пять к одному.

– Они надевают маски и выступают под псевдонимами, как участники боев без правил. Что-то есть в этом ребяческое, – замечает Исидор.

– Ребяческое? Через несколько минут здесь начнется бойня!

– Которая не поможет нам найти «B.Q.T.». А мы ведь ищем именно это.

– Между прочим, я хочу сделать сенсационный репортаж для «Современного обозревателя». А вам нужен материал для вашего фантастического романа.

Лукреция непрерывно фотографирует.

– Теперь комиссар Маленсон уже не станет сомневаться в наших словах.

Тадеуш Возняк делает знак. Свет в зале гаснет, яркость прожекторов над рингом увеличивается. Франки начинает довольно остроумным анекдотом, который, видимо, сочинил сам.

Капитан Каламбур громко смеется, но останавливается на пятнадцатом делении. В ответ он рассказывает старую шутку с очень непритязательной игрой слов. Никакого

успеха. Франки скупо усмехается, он просто рад неудаче соперника. Прибор показывает отметку «пять» из «двадцати».

Зал свистит. Уже слышится боевой клич:

– СМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Но Капитан Каламбур безмятежно улыбается. Звучит шутка Франки, опять вызывающая смех на пятнадцать баллов. Капитан Каламбур отвечает анекдотом на «семь» баллов.

Исидор шепчет Лукреции:

– Капитан Каламбур победит.

– Франки Зеленый Сарыч гораздо остроумнее.

– Тут дело не в остроумии, а во владении собой. Капитан Каламбур никогда не позволит себе подняться выше пятнадцати.

– Его шутки просто чудовищные.

– Да, но он их выбирает, ориентируясь на реакцию противника.

– Франки моложе, у него больше сил, – говорит Лукреция.

Обмен анекдотами продолжается. Капитан Каламбур по-прежнему держится на отметке в пятнадцать баллов и вынуждает Зеленого Сарыча подняться до одиннадцати. Старый комик не превышает отметки в пятнадцать баллов, несмотря на свист толпы, а молодой, невзирая на поддержку зрителей, постепенно теряет самообладание.

Лукреция замечает, что перестала фотографировать. Ее захватил поединок.

Господи, я не могу остаться равнодушной к этому преступному развлечению. Теперь я понимаю, почему для некоторых эта смесь юмора и азарта стала наркотиком.

Я с удовольствием подсказала бы Франки пару шуток. Старик похож на извращенца, уверена, что он отреагировал бы на непристойность. Кстати, мне всегда казалось, что бородачам нельзя доверять. Им есть что скрывать. Как минимум, подбородок.

Исидор тоже застыл от ужаса и любопытства, вызванных этим странным зрелищем, всю драматичность которого он еще не ощущает в полной мере.

Давай, Франки, давай!

Капитан Каламбур произносит жалкую шутку. Его противник насмешливо фыркает, на экране появляется отметка в четырнадцать баллов.

Зал кипит.

– Франки! Франки! – скандируют зрители.

Крики становятся все громче.

– СМЕШИ ИЛИ УМРИ! СМЕШИ ИЛИ УМРИ!

Дуэль продолжается. Оба соперника теперь постоянно останавливаются на пятнадцати делениях, их шансы равны. Но происходит то, что предвидел Исидор: старый комик спокоен, а молодой начинает покрываться испариной, несмотря на поддержку зала. И тут Капитан Каламбур рассказывает непристойный анекдот, совсем не похожий на его прежние шутки.

– Прощай, Франки, ты погиб, – шепчет Исидор.

Шестнадцать баллов, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать…

– Бах! – шепчет Исидор за секунду до выстрела.

Пуля двадцать второго калибра проходит сквозь череп Зеленого Сарыча. Зал испускает стон разочарования.

Одни «девушки Дария» бегут к тем, кто поставил на человека с седой бородкой, который торжествующе улыбается, другие поднимаются на ринг и уносят тело несчастного юмориста из Ниццы.

Господи, он победил благодаря непристойной игре слов, это все равно что во время дуэли на шпагах схватить дубину и сломать ею тонкий клинок противника.

Тадеуш поднимается на сцену, развязывает победителя и высоко поднимает его покрытую татуировками руку.

Капитан Каламбур плотоядно поглаживает бородку.

– Жак Капитан Каламбур выигрывает первый матч!

– Как такой бездарный тип мог выиграть? – шепчет Лукреция.

– Главное правило любой дуэли – нельзя недооценивать противника! Ваш Франки гроша ломаного не стоил. Он был уверен, что победит, потому что его соперник стар, плохо шутит и стремительно добрался до пятнадцати делений. А тот ему просто заговаривал зубы. Сначала успокоил, а потом прикончил.

Он меня бесит. Он меня бесит. Надо быть внимательней. Я ведь и сама его недооцениваю.

Звук труб выводит Лукрецию из оцепенения.

Тадеуш объявляет следующий раунд, во время которого выступит победительница прошлой недели, Кати Серебристая Ласка. Кати в серебристом плаще и маске выходит на ринг и приветствует публику. Она будет бороться с Мими по прозвищу Пурпурная Террористка. На ринге появляется вторая женщина, в красном плаще и маске.

– Скорее! Воспользуемся суматохой и ускользнем, – шепчет Исидор.

Но бледная, как смерть, Лукреция словно окаменела.

– Лукреция! С вами все в порядке?

Внизу дуэлянтки тянут жребий. Их пристегивают к креслам и приставляют пистолеты к вискам.

– Лукреция? Что случилось?

Она не шевелится, ее взгляд остановился. Дуэль продолжается.

Первая шутка: анекдот про пингвинов, которая заставляет Пурпурную Террористку подняться на одиннадцать делений.

Она отвечает анекдотом про слонов. Кати оценивает историю в десять баллов. Шутки следуют одна за другой. О смерти, толстяках, супружеской неверности, о кроликах, крестьянах, водителях грузовиков, о путешествующих автостопом, о врачах и медсестрах.

Кати Серебристая Ласка лидирует, лоб Мими покрывают крупные капли пота. Счетчик Кати показывает четырнадцать делений. Мими, содрогаясь от нервной дрожи, уже добралась до шестнадцати. Она в двух баллах от роковой отметки.

Обессиленная Мими рассказывает анекдот про лесбиянок. Кати дает реакцию всего на одиннадцать баллов.

Зал свистит.

– СМЕШИ ИЛИ УМРИ! – скандируют первые ряды.

– Я ставлю на Кати Серебристую Ласку, – не может удержаться Исидор. – Ее соперница умрет максимум через два анекдота.

Лукреция по-прежнему неподвижна, как статуя. Серебристая Ласка начинает длинную историю про двух мужчин, попавших в рай. Ее едва заметная лукавая улыбка предвещает неожиданный конец анекдота.

Соперница не может подавить подступающий нервный смешок.

Развязка истории приближается, и каждое новое слово Кати усиливает истерическое возбуждение ее противницы. Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать… восемнадцать…

В зале царит гробовая тишина.

И тут Лукреция сбрасывает вниз веревку, при помощи которой они забрались на крышу, и стремительно спускается на середину ринга.

Девятнадцать…

Лукреция ногой бьет по пистолету. Пуля уходит в потолок, разбивает прожектор и погружает часть сцены в темноту.

Пользуясь всеобщим замешательством, Лукреция быстро развязывает Мими и тащит ее за кулисы. Они прячутся в гримерке и ждут, пока стихнет топот ног преследователей.

Они смотрят друг на друга. Лукреция хрипло, прерывисто дышит.

Шум в коридоре возобновляется, «розовые громилы» вернулись и обыскивают гримерки. Шаги приближаются, беглянки понимают, что их скоро найдут.

Мими находит силы прошептать:

– Ты спасла мне жизнь. Спасибо… Лукреция.

Лукреция, не глядя на нее, отвечает осипшим голосом:

– Не знала, что ты до сих пор увлекаешься шутками, Ми-ми Пурпурная Террористка. То есть Мари-Анж. Я узнала тебя по татуировке на руке.

91

1459 год нашей эры

Голландия, Роттердам

Его звали Дезидерий Эразм, но в историю он вошел просто как Эразм.

Незаконный сын священника и дочери врача, он родился в Роттердаме. После нескольких лет обучения, очень молодым, он получил место священника во фламандском городе Гауда.

Но Эразму хотелось путешествовать. Он отказался от сана и отправился дорогами Европы получать образование.

В шотландском университете он подружился с таким же любознательным студентом Томасом Мором. Оба любили остроумные шутки. Томас рассказал ему о тайном обществе, которое поставило себе целью повысить уровень общественного самосознания, используя юмор. Эта идея захватила молодого Эразма. Он решил примкнуть к удивительному обществу и овладеть накопленными им знаниями.

Томас Мор и Дезидерий Эразм получили не только поддержку членов тайного общества, но и доступ к богатейшей библиотеке, в которой хранились уникальные книги.

Два молодых человека, страстно любившие юмор и книги, решили перевести сатирические пьесы одного из создателей тайного общества, римского драматурга Лукиана из Самосаты. Томас Мор написал «Утопию», в которой представил картину лучшего мира, гарантирующего счастье всем людям. Молодой Эразм тоже создал оригинальное и необыкновенно смелое для своего времени произведение: «Похвала глупости».

Он посвятил его своему другу Томасу Мору, а главной героиней сделал саму богиню Глупость. Она бесстрашно издевалась над суевериями священников, монахов и высшего духовенства. «Глупая» героиня Эразма высмеивала теологов, философов и других педантов, которые давали уроки морали, а в собственной жизни придерживались совсем других правил.

В «Похвале глупости» автор перебрал все профессии, гильдии и братства, обнажая смехотворность их традиций и устаревшие принципы.

Он выступал за единый мир, не раздробленный на отдельные нации.

К большому удивлению Эразма, «Похвала глупости» принесла ему всенародную славу. С латыни книга была переведена на французский, а потом и на английский языки. Ганс Гольбейн Старший проиллюстрировал ее комическими рисунками.

«Похвала глупости» подготовила почву для церковных реформ (подхваченных Лютером и Кальвином); она предварила возникновение гуманистического движения в Европе. Яростный защитник терпимости и пацифизма, Эразм, тем не менее, не поддержал слишком радикальные идеи Лютера и его Реформу.

Папа Павел III предложил Эразму стать кардиналом Ватикана и впоследствии, возможно, папой. Эразм отказался, выбрав жизнь свободного мыслителя. Он продолжал работать, переводил Библию, написал учебник по воспитанию детей. В эссе о свободе воли он писал, что человек имеет право сам распоряжаться своей судьбой, без помощи политиков и священников. Это восстановило против него богословов.

Затравленный Эразм бежал к своим друзьям из тайного общества. Они одни поддерживали его.

Чувствуя приближение конца, весной 1536 года он вернулся в Базель, открыл ларец с надписью «B.Q.T.» и через несколько секунд умер.

Ватикан объявил его еретиком, его сочинения сожгли на городской площади и запретили упоминать его имя.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

92

Дверь гримерки распахивается со зловещим треском.

«Розовые громилы» хватают женщин и волокут к Тадеушу Возняку.

– Вы опять чуть не сорвали нам праздник, мадемуазель Немрод. Но меня не так просто остановить. Поскольку вы вмешались в дуэль и спасли Мими Пурпурную Террористку, вы сейчас вступите с ней в борьбу на сцене.

Лукреция пытается вырваться, но «розовый громила», похожий на питбуля, крепко держит ее. Через несколько минут Лукреция и Мими уже привязаны к креслам на ринге. Мими гораздо спокойнее, чем Лукреция.

– Дамы и господа! Все в порядке! Просто перегорела лампочка. Я полностью контролирую ситуацию. Шоу продолжается.

Но зрители возбужденно шумят. Многие встают и собираются уходить. По знаку Тадеуша в зале гасят свет. Освещен только ринг с двумя фигурами в креслах.

– Спасибо за внимание! Как я уже сказал, опасаться нечего. Небольшой инцидент исчерпан, вы можете наслаждаться спектаклем.

Зрители снова садятся на свои места. Человек в черном костюме, окруженный телохранителями, встает и просит объяснить, что произошло.

– Хорошо, – говорит Тадеуш. – Вы имеете право знать. Девушка, неожиданно выскочившая на сцену, – журналистка из «Современного обозревателя».

Зал бурно реагирует. Зрители снова встают.

– Прошу вас, сохраняйте спокойствие! Сейчас мы станем свидетелями ее смерти. Она хочет проникнуть в тайну наших развлечений, и мы предоставим ей такую возможность. Она станет соперницей той, кого хотела спасти!

Все снова садятся.

Лукреция пытается освободиться от кожаных ремней, но они крепко затянуты. Она в бешенстве встряхивает длинной рыжей шевелюрой. Ее изумрудные глаза мечут молнии.

– Думаю, правила вам напоминать не нужно, мадемуазель Немрод? Вы их уже знаете. Начнем.

Тадеуш роется в сумке и достает черный камешек.

– Начинает… Мими Пурпурная Террористка! Давай, Ми-ми, покажи, на что ты способна.

Ведущий покидает ринг и садится в первом ряду. На большом экране появляются лица соперниц, на этот раз без масок. Под ними шкала гальванометра с делениями от нуля до двадцати.

Мими откашливается и начинает:

– История двух сирот в приюте. Одна из них очень красива, другая влюблена в нее, не знает, как ей об этом сказать, и наблюдает издали. Однажды вторая видит, как первая наносит себе рану острием циркуля. Она понимает, что добиться дружбы той, кого она обожает, можно, предложив причинить ей боль.

Наступает тишина. Зал ждет развязки.

– Вот моя история, – заканчивает Мари-Анж Жиакометти.

Лукреция полностью владеет собой. Всего три деления Она отвечает:

– История двух сирот в приюте. Одна из них очень одинока, и ей кажется, что она нашла подругу, которая ее понимает. Она думает, что у нее теперь есть близкий человек. Но на самом деле новая знакомая не любит ее, а просто хочет над ней поиздеваться.

Снова тишина.

– Вот моя история.

Шесть делений. Но это не смех, Мари-Анж просто взволнована.

Зрителям не смешно, они разочарованно свистят.

– Смеши или умри! – выкрикивает кто-то.

Лицо Мари-Анж меняется.

– Нет, подруга не хотела издеваться над девочкой. Она просто хотела немного разнообразить их унылую приютскую жизнь. Девочке нравилось испытывать боль, и подруга решила помочь ей. Ей показалось, что она поняла, как лучше всего вести себя с ней.

В зале раздается несколько нервных смешков.

Гальванометр Лукреции стоит на «единице». Она спокойно говорит:

– Тем не менее доверие девочки было обмануто. Вместо того чтобы хранить в тайне их интимные игры, она привязала ее, голую, к кровати, позвала других девочек, и они разрисовали ее тело рыбками, выкрикивая: «С первым апреля!»

Несколько человек в зале смеются.

Мари-Анж не может совладать с эмоциями, гальванометр подскакивает до десяти.

Поднимаются руки желающих заключить пари. Тадеуш удивлен, но разрешает «девушкам Дария» принимать ставки.

– Скажи, что ты сожалеешь! – говорит Лукреция.

– Вовсе нет! Ты помогла мне развить природную склонность к юмору и садомазохизму. Спасибо, Лукреция.

На этот раз зал реагирует одобрительно. Ставки растут, все с интересом наблюдают за дуэлью, так непохожей на обычный раунд «ПЗС».

– Мы с тобой не виделись с тех пор. Я расскажу тебе, как я объединила обе страсти. Покинув приют, я попыталась выступать с юмористическими миниатюрами в маленьких кафе. Ничего не вышло. Я сидела без денег и искала работу, желательно на телевидении или на радио. Однажды подруга, профессиональная садомазохистка, предложила мне попробовать себя на ее поприще. Она пользовалась таким успехом, что не справлялась с наплывом клиентов. Первый сеанс прошел в ее квартире, похожей на застенок для пыток. В нем участвовали восемь мужчин в стрингах и подгузниках. Среди них я узнала руководителей знаменитых теле– и радиоканалов. Все эти начальники, до которых я не смогла добраться, чтобы выклянчить себе место, стояли передо мной на четвереньках в ошейниках и кожаных трусах с заклепками. Подруга сказала: «Бей их, они за это заплатили». Я принялась их истязать, но они казались недовольными. Я не понимала, что не так, а подруга сказала… что я бью недостаточно сильно, им кажется, что они тратят деньги впустую!

Смех в зале.

– Я стала колотить их что было мочи, и они замычали сквозь кляпы уже по-другому. Как животные. Представляешь, Лукреция, могущественные руководители средств массовой информации, к которым и приблизиться невозможно, стояли передо мной на четвереньках. Я хлестала их плеткой, а сама мечтала… как бы подсунуть им свое резюме!

Хохочет весь зал. Но Лукреция остается сдержанной. Всего три деления. Мари-Анж невозмутимо продолжает:

– Я согласилась бы и на должность секретарши!

Зрители в восторге.

– Я бросила это занятие. И нашла место, соответствующее моей первой склонности: поступила продавщицей в магазин товаров для розыгрышей. Знаешь, бутылки с невыливающейся жидкостью и чесалки для спины? Моими покупателями оказались в основном тринадцатилетние сопляки-садисты, те, из кого потом вырастают… директора каналов, те, кто посещает мою подругу!

Зал снова хохочет, но Лукреция совершенно невозмутима.

– Зарабатывала я не бог весть сколько, но смогла появляться на сцене. Усовершенствовала свое умение смешить и стала профессионалом.

– Но если ты здесь, это значит, что твой профессионализм никто не оценил, – замечает Лукреция.

Раздается несколько одобрительных смешков.

– Ты мне нравишься! Все такая же жесткая и свободная. Ты не поверишь, но я всегда любила тебя, Лукреция. Ты самая красивая женщина из всех, что я встречала. Воплощенная женственность.

Настроение зала резко меняется.

Реакция Лукреции: три деления.

Публика нетерпеливо выкрикивает:

– «ПЗС»! «ПЗС»! «ПЗС»!

Лукреция отвечает:

– А ты мне кажешься смешной. Всего-навсего продавщица из магазина розыгрышей.

Мари-Анж не смеется, но датчики улавливают ее волнение: одиннадцать баллов.

Зал бушует.

– Смеши или умри! Смеши или умри! Смеши или умри!

– Я всегда помнила тебя, Лукреция. Ты моя самая большая любовь. Но ты ничего не понимаешь. И сейчас я убью тебя, потому что я профессионал, а ты любительница. Твоя смерть станет развязкой шутки, начавшейся десять лет тому назад.

Лукреция выдает девять баллов. Это бешенство. Участники пари начинают испытывать разочарование.

– Хватит болтать! «ПЗС»! «ПЗС»! Смеши или умри! – кричат в зале.

– Видишь, публика не довольна, – говорит Лукреция. – Ты не остроумна. Давай вернемся к соответствующему тону. Знаешь, я сказала тебе тогда «ничего страшного», вернулась в свою комнату и… попыталась покончить с собой.

Зал аплодирует реплике.

– Покончить с собой? – Мари-Анж не может сдержать смешок, и ее датчики показывают тринадцать делений.

В зале вырастает лес рук желающих увеличить ставки. «Девушки Дария» бегают вдоль рядов. Перевес явно на стороне Лукреции, на нее ставят восемь против одного.

Мари-Анж Жиакометти начинает нервничать и решает перейти в наступление.

– Как же было смешно смотреть на тебя, когда ты извивалась ужом на кровати, голая, связанная и разрисованная рыбками.

Мари-Анж имитирует мычанье Лукреции сквозь кляп. Зал смеется.

Лукреция в ярости: одиннадцать баллов.

Эта штука реагирует и на смех, и на злость. Она не разбирает природу чувств. И бешенство, и радость – это просто эмоции, и гальванометр фиксирует их.

Цинизмом она может добиться того, чего ей не добиться остроумием. Меняем оружие? Отлично! Что может ее рассердить?

— Знаешь, почему тебе нравилось причинять мне боль? Потому что только так ты добивалась власти. Ты чувствовала, что не можешь любить меня нормально. Ты никого не можешь любить нормально. Вот откуда эти твои склонности: юмор и садомазохизм, издеваться и причинять страдания. Так ты компенсируешь неспособность испытывать оргазм.

Последняя фраза резко увеличивает показатели Мими.

– Смеши или умри! – кричит толпа, разочарованная и заинтригованная одновременно.

– Настоящая любовь не смешна. И не сопровождается физическими муками.

Мари-Анж останавливается на четырнадцати баллах. Теперь ее очередь нанести удар.

– Очень хорошо. Я извращенка, я люблю причинять боль и издеваться. Но что же тогда влекло*тебя* ко мне? Если я не испытываю оргазмов, то у тебя-то они происходили постоянно. Для отношений жертва – палач нужны двое. И нас было двое. Так ответь: кто же из нас больший извращенец? Не тот ли, кто получает больше удовольствия? И не ты ли своим притворным подчинением развила во мне склонности, за которые теперь упрекаешь?

Это так неожиданно, что Лукреция просто ахает от удивления. Нащупав слабое место, Мари-Анж продолжает:

– И почему ты спасла меня от Серебристой Ласки?.. Может, потому, что безумно дорожишь мной?

Лукреция чувствует, что ее душит истерический хохот. По спине течет пот. Волосы встают дыбом. Она пытается задержать дыхание, но показания растут: двенадцать… тринадцать… четырнадцать… пятнадцать… шестнадцать… семнадцать…

93

Умирает женщина, которая вела праведную жизнь. На небесах ее встречает святой Петр:

– Добро пожаловать в рай!

Вокруг светло и прекрасно, ангелы играют на арфах. Обитатели рая приветствуют ее улыбками.

В конце первого дня, полного чистых радостей, спокойствия и блаженства, женщина попадает в свою комнату и слышит, что откуда-то снизу доносится грохот барабанов.

Утром она спрашивает святого Петра:

– Что это был за шум?

– А… это нижние соседи, – отвечает он. – Хотите посмотреть?

И открывает дверь в облаке.

Женщина наклоняется и видит лестницу, уходящую в красноватый дым, из которого доносится манящая музыка.

– Но это же ад! – удивленно восклицает она.

– Если хотите, можете сходить посмотреть, – предлагает святой Петр.

После недолгих колебаний женщина спускается по лестнице. Внизу идет настоящий праздник. Там очень жарко. Обнаженные люди с блестящими от пота телами танцуют под ритмичную музыку и увлекают ее в свой круг. Она веселится всю ночь. Красивые мужчины ухаживают за ней, обольщают, приглашают танцевать, пить и петь.

Рано утром женщина возвращается в рай, в спокойную и скучную обстановку, где ангелы играют на арфах и декламируют стихи. Она идет к святому Петру.

– М-м… А могу ли я выбрать, где мне остаться? – робко спрашивает она.

– Конечно. Но, приняв окончательное решение, ты уже не сможешь его изменить.

– Тогда я выбираю ад. Мне очень жаль, святой Петр, но рай похож на дом престарелых. Мне веселей внизу, там настоящий ночной клуб.

– Очень хорошо, – говорит святой Петр и снова открывает дверь в облаке.

Как только женщина спускается по лестнице, на нее набрасываются черти. Они бьют ее, кусают и приковывают к скале. Отовсюду доносятся крики. Кругом зловонные испарения. К ней подходит большой черт с вилами и начинает больно колоть ее.

– Ой-ой-ой! В прошлый раз тут все было по-другому. Что случилось?

Черт усмехается:

– Не стоит путать туризм и эмиграцию.

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

94

Восемнадцать… Девятнадцать…

И тут включается пожарная сигнализация. Зал и сцену заливает водой.

Ледяной душ мгновенно отбивает у Лукреции всякое желание смеяться.

С потолка хлещет вода. Начинается паника. В нескольких местах одновременно появляются языки пламени.

Зрители бегут, давятся в дверях у запасных выходов. Тадеуш Возняк вспрыгивает на ринг и развязывает только Мари-Анж. Лукреция пытается освободиться, но ремни крепко держат ее. Зрители покидают зал, пожар разгорается.

Огонь, несмотря на струи воды, постепенно охватывает зал. Лукреция пытается перегрызть ремни зубами, как зверь, попавший в капкан. Глаза слезятся, трудно дышать.

– Апчхи! Апчхи!

В дыму к ней кто-то приближается и начинает развязывать.

– Апчхи! Апчхи! Исидор, что-то вы не торопились!

– Не грубите, иначе я пожалею, что вмешался.

– Апчхи! Мне не нужна была ваша помощь! Все шло отлично. Я бы ее победила. Апчхи! Апчхи!

Исидор бьется над слишком тугим ремнем на ее лодыжке.

– Тем не менее вы дошли до девятнадцати баллов из двадцати возможных, – резко бросает он, пытаясь перепилить кожаные путы ключом.

Лукреция кашляет и задыхается.

– Я полностью контролировала ситуацию, у меня был четкий план. Вы мне помешали отомстить!

Огонь наступает. С потолка падают горящие доски.

– Можно было придумать что-нибудь другое, а не пожар в театре.

– Критиковать легко, сделать трудно. Вы хотели мести, я поджег логово тех, кто уничтожил вашу квартиру.

Лукреция не отвечает.

Исидору никак не удается расстегнуть последний ремень. Он помогает себе зубами и ногтями. Кроме них, в театре уже никого нет. Сирена смолкла, вода больше не льется, огонь с треском пожирает театр. Едкая серая мгла окутывает зал. Со свистом рассекая воздух, с потолка падает горящая деревянная балка и задевает Исидора.

Лукреция, чьи легкие наполнились дымом, теряет сознание.

Исидор, собрав все силы, отрывает от кресла подлокотник, к которому крепятся ремни.

Он берет Лукрецию на руки и выносит из театра. На улице он кладет ее на землю и жадно дышит свежим воздухом.

Лукреция не шевелится. После некоторого колебания, Исидор делает ей искусственное дыхание. Он вынужден повторить процедуру несколько раз.

Наконец Лукреция приходит в себя.

– Апчхи! Апчхи! Апчхи! Чего только не сделаешь, чтобы заслужить ваш поцелуй, Исидор.

И в изнеможении закрывает глаза.

95

1528 год нашей эры

Франция, Монпелье

Группа студентов-медиков раскапывала могилы на кладбище.

Только так они могли проникнуть в тайны человеческой анатомии. Они знали, что рискуют жизнью, предаваясь этому кощунственному занятию, но страсть к научным открытиям заставляла их резать трупы.

Студентами руководил высокий статный человек, бродивший по кладбищу с лопатой и киркой. Это был Франсуа Рабле. Бывший бенедектинец, отец двоих детей, он был, несомненно, самым обаятельным из всех студентов-медиков. Он не только владел десятком языков, в том числе древнееврейским, греческим и латынью, но еще и сочинял стихи, которые пользовались неизменным успехом у девушек.

Когда студенты из Монпелье не откапывали мертвых и не лечили живых, они собирались в укромных местах, чтобы пить, танцевать и веселиться до утра. Они любили веселые песенки и смешные анекдоты. Вдали от чужих глаз и ушей они смеялись над

священниками-реакционерами, над преподавателями теологии из парижской Сорбонны, над буржуа и самодовольными аристократами, которых они именовали «горемыками».

Но вольнодумное поведение Франсуа Рабле стало вызывать недовольство. Почти все студенты стали прекрасными врачами, но завистники распустили слухи об их тайных сборищах. Им пришлось бежать из города.

Весной 1532 года Франсуа Рабле назначили врачом в госпиталь «Отель-Дье» в Лионе, где он обучал студентов науке Гиппократа и Гелена. В то время он познакомился с поэтом Жоашеном дю Белле, который стал его покровителем. Дю Белле в июле того же года пригласил Рабле совершить путешествие в Бретань. Там он ввел его в тайное общество. Жоашен дю Белле познакомил Рабле с неизвестными текстами великого голландского философа Эразма.

Это стало для Рабле открытием. Он навсегда оставил занятия поэзией и сосредоточился на прозе. В том же году под псевдонимом Алькофрибас Назье (анаграмма имени Франсуа Рабле) он опубликовал сатирическое произведение «Пантагрюэль, король жаждущих, в его подлинном виде, с его ужасающими деяниями и подвигами».

Франсуа Рабле написал плутовской роман, полный издевок над аристократами и святошами, пародию на великие рыцарские романы. Рабле восхищался народной мудростью, побеждающей самодовольство знати. Веселый главный герой, великан Пантагрюэль, любил праздники, вино и женщин. Франсуа Рабле, не называя имени Эразма Роттердамского, воздавал ему в своем произведении особые почести, представлял себя его духовным сыном и продолжателем философских традиций.

Несмотря на немедленную и огромную популярность, эрудиты упрекали автора в вульгарности и грубости языка. Под давлением епископов его книгу объявили «сочинением еретическим и порнографическим» и внесли в «Index Librorum Prohibitorum» (в список официально запрещенных книг).

Это не помешало врачу-писателю через два года, опять-таки под псевдонимом Алькофрибаса Назье, издать продолжение Пантагрюэля: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля» – книгу, не ведающую никаких ограничений, полную откровенных сцен и грубых шуток (например, Рабле сравнивал качество различных средств для подтирания зада, начиная с живого гусенка и заканчивая листком дуба), написанную весьма образным языком. Среди ее героев фигурировал даже Франсуа Вийон.

На этот раз на «непристойное сочинение» обрушились преподаватели Сорбонны.

Надо заметить, что последние, объявив себя стражами духовных и религиозных ценностей, выпустили обращение, в котором говорилось, что «смех безнравственен, а смеющийся человек совершает грех против Господа».

Но Франсуа Рабле продолжал творить. Благодаря негласной поддержке кардинала Жан Дюбелле (брата Жоашена Дюбелле) он в 1550 году получил от французского короля Генриха II право печатать книги и мог теперь издавать любые сочинения по собственному усмотрению и без всякой цензуры.

Он публикует все более и более смелые произведения. Третий роман «о героических деяниях и речениях доброго Пантагрюэля» Франсуа Рабле, ободренный поддержкой

короля, решается подписать своим настоящим именем. За третьей книгой следует четвертая, «Продолжение героических деяний и речений доблестного Пантагрюэля».

Франсуа Рабле страстно интересовался механизмом юмора. «Смех свойственен только человеку», говорил он. Он оставил нам и другие блистательные афоризмы: «Кто прыгает выше головы, рискует голову потерять», «Старых пьяниц всегда больше, чем старых врачей», «Обидно, когда готовой на все женщине не хватает красоты», «Аппетит во время еды приходит, жажда во время питья уходит».

Он придумал принцип акрофонических перестановок, самый знаменитый пример которых мы находим в тексте Пантагрюэля: «Кто в храме сердит, тот в сраме смердит». Он часто прибегал к игре слов, то более, то менее тонкой. Например, «Господь придумал Вселенную с планетами, а мы – суп с галетами». Мы обязаны ему такими глубокими изречениями, как «Знание без сознания – уничтожение души» и «К тем, кто умеет ждать, все приходит вовремя».

Рабле мыслил широко и свободно. Он мечтал о счастье для всего человечества, придумал прекрасное место, населенное красивыми от природы, умными, образованными, просвещенными людьми, и назвал его аббатством Телем. Девиз аббатства был таков: «Делай, что хочешь». Рабле объездил всю Европу, учась и совершенствуясь во всех областях знаний.

Однажды, 9 апреля 1653 года, Франсуа Рабле сидел с друзьями в кабачке, пил вино и веселился. Совершенно опьянев, он заявил друзьям: «Мне остается напечатать еще один роман, „Пятая и последняя книга героических деяний и речений доблестного Пантагрюэля“». Он показал друзьям рукопись, выпил еще и сделал нечто странное. Он достал из сумки маленький деревянный ларец с латинской надписью, засмеялся и заявил, что «в нем и начало, и конец». А потом открыл перед удивленными приятелями шкатулку, прочел ее содержимое и немедленно умер. Несколько человек, ставших свидетелями этой сцены, тоже умерли – по официальной версии «от злоупотребления алкоголем». Из всей компании в живых осталось лишь двое, причем оба не знали латыни.

Последнее произведение Франсуа Рабле, его «Пятая книга», вышло через одиннадцать лет после смерти автора, благодаря усилиям двоих выживших друзей.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

96

Ее глаза все еще закрыты, но она дышит.

Как она красива во сне.

Как она красива вообще.

Мне кажется, что она самая женственная, самая умная, самая обольстительная, самая изящная, самая сильная девушка на свете.

В ней есть все.

Она совершенна.

Исидор укладывает Лукрецию в коляску мотоцикла. Укрывает одеялом, надевает ей на голову шлем и нежно обнимает. Он роется в ее карманах, находит ключи и садится на мотоцикл. Впервые в жизни.

Надо вспомнить, что делала Лукреция, чтобы завести мотор. Кажется, она поворачивала ключ, потом нажимала на какую-то педаль, а потом дергала ручку, которая увеличивает подачу газа и регулирует скорость, как во всех двигателях внутреннего сгорания.

Исидор заводит мотор, который глохнет, как только он пытается переключиться на первую скорость. После нескольких попыток ему наконец удается выехать на дорогу. Он приходит к выводу, что трехколесный мотоцикл чрезвычайно устойчив, но все равно едет к гостинице на скорости, не превышающей сорока километров в час. Он включает радио, из динамиков звучит «Burn» Deep Purple.

Музыка хиппи семидесятых, старая, но настоящая. У малышки есть вкус.

Редкие рок-исполнители обладают таким мощным творческим потенциалом. Еще одно достоинство Лукреции – она разбирается в современной музыке.

«Burn». Это было… многообещающе.

Исидор останавливается у «Отеля Будущего». Держа на руках Лукрецию, он здоровается с дежурным за стойкой, который снова удивляется при виде странных постояльцев.

Исидор укладывает девушку на кровать.

Ей нужно прийти в себя после шока.

Невзирая ни на что, он очень любит эту девочку.

Удивительно, как слово «очень» меняет смысл слова «любить».

Лукреция напоминает мне племянницу Кассандру. Поэтому я любым путем хочу сохранять расстояние между нами. Я причинил столько зла Кассандре, что не хочу заставить страдать еще и Лукрецию. Но мне все равно надо знать, кто ты на самом деле.

Исидор подключается к Интернету, ищет в «Гугле» Лукрецию Немрод и находит обрывки самой разной информации.

Как и Кассандре, Лукреции никогда не давали возможности жить нормально. Ей словно все время твердили: «Ты никто». Но эта сирота, воровка и журналистка выросла… человеком. Я понимаю ее агрессию и обиду на весь белый свет.

Она не ищет во мне отца.

Она ищет во мне того, кто признает за ней право на существование.

Исидор смотрит на Лукрецию.

Она так бесстрашна. И к тому же хорошая журналистка. Я убедился в этом во время прошлых расследований.

Исидор чуть-чуть отодвигает штору, садится у окна и смотрит на огни Парижа. Он вспоминает, как пришел в «Современный обозреватель». Флоран Пеллегрини, старый опытный репортер сказал ему: «Ты поймешь, что ни один журналист не может быть счастливым».

Исидор, которому тогда едва исполнилось двадцать три года, ответил, что всегда мечтал работать в таком престижном журнале, как «Современный обозреватель». А Пеллегрини заметил:

– Есть очень престижные рестораны, но на кухню там лучше не заглядывать.

Молодой, счастливый, что может заниматься делом, о котором мечтал, Исидор сначала не обратил внимания на эти слова.

Потом… Потом его удивило обыкновение коллег из отдела «Потребление» писать о чем-то, только если им дарили товар, о котором говорилось в статье. Это касалось и машин, и компьютеров, и телевизоров. Они открыто признавали существование такой традиции, находили подобное положение вещей совершенно нормальным и считали это «профессиональной привилегией».

Право первой ночи. Оплата натурой.

Потом его потрясли коллеги из отдела «Литература», которые под псевдонимом публиковали отзывы на собственные произведения. Положительные, естественно.

В журнале все об этом знали и считали профессиональной привилегией, неотъемлемым правом журналистов. Флоран Пеллегрини прокомментировал ситуацию так: «Это настолько чудовищно, что читатели не поверят, даже если узнают. Кроме того, из этого следует, что критик точно прочел книгу!»

Со временем сюрпризы на кухне престижного журнала становились все более захватывающими.

Уровень проверки информации оказался удручающим. Сам Флоран Пеллегрини во время вьетнамской войны получил награду, как лучший репортер, за статью, которую он написал, не выезжая из Парижа. Он просто перевел и перетасовал заметки американских журналистов, побывавших на войне, и добавил несколько прочувствованных слов от себя.

– Понимаешь, военный корреспондент стоит дорого. Гостиница, страховка, все такое. И потом, всем наплевать, видел ты что-то своими глазами или нет, главное, хорошо написать. Вернее, даже не хорошо, а эмоционально.

Флоран Пеллегрини открыл Исидору секрет: любой военный репортаж он предварял фотографией ребенка, плачущего над убитой матерью.

Такая фотография сопровождала все его фронтовые отчеты, и никто этого ни разу не заметил.

– Когда пишешь о военных действиях, нужно мыслить кинематографично. Это всегда производит впечатление.

Для статей на тему семьи у него тоже был любимый сюжет: фотография мальчика с глазами, полными мух.

– Успех обеспечен на сто процентов.

Еще одно открытие: в журнале с ярко выраженной левой направленностью не было ни одного левого журналиста.

Пеллегрини объяснил:

– Они пишут передовицы на политические и экономические темы, притворяются социалистами, но на самом деле, думают о деньгах и о том, как обеспечить детей, и, как все богачи, голосуют за правых. А руководители некоторых отделов, такие как Тенардье,

даже за крайне правых. Она никогда и не скрывала, что сочувствует Национальному фронту.

Сначала Исидор считал, что старый репортер критикует начальство, потому что у него желчный характер. Но некоторые тревожные факты ему и самому бросались в глаза.

– Сам посуди, директор ездит на шикарной машине с шофером, а большинство журналистов работает внештатно, за копейки, некоторые – сдельно, получают построчно или постранично, не дотягивают до минимальной зарплаты. И ты хочешь сказать, что конторой руководят люди, сочувствующие левым?

Чертов Пеллегрини!

Исидор знал, что именно он посвятил Лукрецию в тонкости журналистского ремесла. Она тоже работала внештатно, с постраничной или построчной оплатой. Она тоже надеялась когда-нибудь стать постоянным сотрудником.

Исидор садится на край ее кровати и смотрит, как она спокойно дышит во сне. Они с Лукрецией дважды открывали сенсационные факты, которые так и не дошли до печати. Но теперь он больше не зависит от офисной иерархии, от Тенардье и ей подобных. Теперь он сможет написать правду.

Мир встал с ног на голову. Журналисты сочиняют статьи, полные выдумок. А писатели пишут романы, в которых описывают реальные факты. Но реальность кажется неправдоподобной.

Исидор касается волос Лукреции. Конечно, он помнит, как они занимались любовью. Она казалась маленьким зверьком, который хотел контролировать весь процесс, но в итоге не проявил никакой инициативы. Он долго ласкал ее, чтобы успокоить. И подумал: «Сколько в ней гнева». И: «Что бы я ни сделал, она потребует больше».

В общем, ему не понравился их первый сексуальный опыт.

Неожиданно Лукреция пошевелилась, словно ее что-то беспокоило и произнесла с закрытыми глазами:

– Восемнадцать. Я бы выпуталась.

– Девятнадцать, – тут же отзывается Исидор.

– Восемнадцать.

Она садится на кровати, видит Исидора и начинает кашлять. С трудом переводит дух. Он приносит ей стакан воды. Она пьет, опять откидывается на подушки, опирается на локоть, вздыхает.

– Зачем вы вмешались? Я бы выиграла.

– Если бы я промедлил еще секунду, вы бы погибли. От недостатка юмора.

Лукреция трет глаза.

– Зачем вы спасли Мари-Анж?

– Это вы ее спасли, а не я. Кто бросился на сцену и отвел дуло пистолета?

– Я хотела победить ее в честной борьбе. Я имею на это право.

– Она – ваша Немезида, не так ли?

– Опять ваши ученые термины…

– Ну, скажем, личный враг, и вы живете ради того, чтобы отомстить ему.

– А кто ваша «Немезида»?

– Тенардье. Создание, ничтожное во всех отношениях.

Лукреция глубоко вздыхает и окончательно приходит в себя.

– Вы спасли фотоаппарат и камеру?

– Нет. Я уже говорил, я отдаю предпочтение живым существам. Спасти и то и другое было невозможно.

Лукреция снова вздыхает.

– Значит, опять все напрасно.

Исидор приносит влажное полотенце и кладет ей на лоб.

– Нет, расследование идет успешно. Я воспользовался тем, что вы отвлекли внимание на себя, и обыскал кабинет Тадеуша.

– Нашли что-нибудь?

– Нет. Но сделал выводы.

– И какие же, мистер Холмс?

Исидор достает айфон.

– Я порылся в Интернете, пока вы спали, и нашел несколько упоминаний об аббревиатуре «B.Q.T.» на форумах комиков. Это значит «Blague Qui Tue». Многие юмористы верят в ее существование.

– Ага! Вы признаете, что текст, хранящийся в шкатулке, смертельно опасен.

– Я этого не говорил. Но многие в это верят. Так же, как в существование инопланетян. Но, даже если многие верят в какую-то легенду…

– Да, я знаю, «если многие ошибаются, это не значит, что они правы».

Она поудобнее устраивается на подушках.

– В любом случае, расследование продолжается. Теперь надо выяснить: первое, кто убил Дария, второе…

– Тадеуш, – быстро отвечает Исидор. – Он наследник империи Возняк. И ему наверняка до смерти надоела слава брата.

– Он сидел в зале. Он не мог нарядиться грустным клоуном и не мог войти к Дарию – пожарный и телохранитель увидели бы его.

– Грустным клоуном мог нарядиться один из его подручных. Кто-то из «розовых громил».

Лукреция смотрит на Исидора, впиваясь взглядом в его карие глаза. Потом пожимает плечами, неожиданно встает и уходит в ванную.

– Одна проблема все-таки остается, – говорит Исидор, повышая голос.

– Какая? – спрашивает она через дверь.

– Рано или поздно люди Тадеуша нас найдут.

Ее удивляет это замечание. И она решает без долгих размышлений помыть голову шампунем с ромашкой, чтобы осветлить рыжие волосы и придать им апельсиновый оттенок.

– Что вы предлагаете?

– Нападение – лучшая защита. Если у них есть «Шутка, Которая Убивает», мы ее украдем. Это их главное оружие, и мне кажется, я знаю, где оно.

– Где же?

– В их замке. В Версале.

97

1600 год нашей эры

Франция, Версаль

В ту пору в Италии вошла в моду комедия дель арте. Ставить подобные комедии в 1531 году начал Анжело Беолько, чтобы рассказать о жизни крестьян. Жанр эволюционировал и приобрел свои характерные черты. Представления комедии дель арте происходили перед толпой на площадях и рынках. Наспех установленные подмостки служили сценой для бродячих актеров, путешествовавших в фургончиках. Пьесы комедии дель арте имели несколько обязательных признаков: в них действовали одни и те же сатирические персонажи, которых зрители узнавали по маскам – Панталоне, Доктор, Капитан, Арлекин, красавица Изабелла и ее служанка Зербинетта. В них впервые появились женщины-актрисы. До этого женские роли исполняли накрашенные и наряженные в платья мужчины в париках. Каждое новое представление отличалось от предыдущего, так как актеры импровизировали. Основным выразительным средством в комедии дель арте были жесты и движения, что требовало от актеров таланта к мимике, акробатике и жонглированию.

Однажды на гастролях в Париже к знаменитому руководителю итальянской труппы Николо Барбьери подошел какой-то мальчик с восторженно блестящими глазами. Он сказал, что тоже мечтает стать актером. Мальчика звали Жан-Батист Поклен.

Повзрослев, мальчик собрал собственную труппу французской комедии дель арте и взял себе имя Мольер. Труппа Мольера исполняла множество фарсовых пьес: «Толстый Жан рогоносец», «Летающий доктор», «Лекарь поневоле». Но ей не удавалось найти свой стиль и своего зрителя. Актеры колесили по стране, и однажды, в марте 1658 года, разбили шатер в Руане. После представления к Мольеру подошел незнакомец и попросил следовать за ним. Он хотел познакомить его с братом – знаменитым драматургом Пьером Корнелем.

Они долго беседовали в доме Корнеля, и Мольер услышал странную историю. Адвокат Пьер Корнель страстно любил комический театр. Он написал восемь комедий, которые не имели ни малейшего успеха. Тогда он сочинил трагедию, ставшую его десятой пьесой. И назвал ее «Сид».

«Сид» получил оглушительный успех у всех слоев населения, от самых богатых до самых бедных. Многие учили его наизусть. В награду король Франции Людовик XIII пожаловал Корнеля и его отца дворянством. Кроме того, драматург стал членом Французской академии.

Но старые маразматики из Академии завидовали Корнелю и немедленно его возненавидели. Они обвинили драматурга в том, что в «Сиде» нарушены священные правила классической трагедии – единство места, времени и действия.

Корнель признался Мольеру, что он, автор прославленной трагедии, на самом деле интересуется только комедиями. Но писать их он уже не может. Если бы создатель знаменитой трагедии принялся сочинять комические пьесы для народа, его бы никто не понял. Это нарушило бы театральные традиции.

Фарсы, составлявшие девяносто процентов театральных пьес, считались низким жанром и предназначались для людей простых и неразвитых. Они изобиловали

крайностями, преувеличениями, грубыми и непристойными шутками, нравившимися непритязательной публике.

На следующей ступени находилась трагикомедия, смешение жанров, предназначавшаяся для чуть более просвещенного зрителя.

На третьей ступени стояла античная трагедия, подражавшая греческим и римским образцам и адресованная знати и богатым образованным дворянам.

Четвертое, почетное место занимал самый благородный вид театрального искусства – мистическая, героическая трагедия, повествующая о святых и Иисусе Христе.

Серьезные творцы, естественно, ставили свое имя лишь под трагедиями. Под комедиями никто не подписывался, стыдясь авторства. Лишь руководители театральных трупп признавались в том, что пишут комедии.

Мольер и Корнель почувствовали взаимную симпатию и решили работать вместе. Труппа устроилась в саду Пьера Корнеля. Во время работы с актерами автор «Сида» не устоял перед очарованием Арманды Бежар, ведущей актрисы мольеровской труппы.

Желая помочь новому другу, Пьер Корнель познакомил Мольера с Фуке, который представил комедиографа брату короля. В октябре того же года Мольер удостоился огромной чести выступить в Версале, перед самим Людовиком XIV. Стремясь понравиться повелителю и не разочаровать его, он выбрал античную трагедию Корнеля «Никомеда».

Пьесу сыграли, и она… провалилась. Зал остался совершенно равнодушен. Король, сидевший в первом ряду, откровенно зевал. Пытаясь избежать катастрофы, Мольер решил после перерыва показать одноактную комическую пьесу «Любовные досады», также принадлежащую Пьеру Корнелю. Король уже собирался отправиться спать, но начало спектакля неожиданно заинтересовало его. Он рассмеялся. Затем еще раз. За ним захохотал весь зал. Триумф был полным.

После завершения представления король встал и начал громко аплодировать. Мольера назначили придворным комедиографом короля и отдали ему под театр «Зал для игры в мяч» (впоследствии зал депутатов третьего сословия).

С этого времени Мольер ставил только пьесы Корнеля. Для солидности – трагедии. И наряду с утомлявшими всех серьезными пьесами – комедии, которые Мольер подписывал своим именем: «Школу жен», «Ученых женщин», «Жоржа Дандена», «Мизантропа», «Тартюфа», «Дон-Жуана».

В комедиях с богатым сюжетом и психологически сложными персонажами Корнель сводил личные счеты. В «Ученых женщинах», например, выведены его старинные недоброжелательницы: маркиза де Рамбуйе, ее сестра и дочь, некогда унижавшие драматурга.

В 1673 году Мольер умер на сцене, играя в пьесе «Мнимый больной».

Корнель, по-прежнему не писавший комедии из страха потерять уважение коллег из Французской академии, посвятил остаток жизни серьезным произведениям. Он написал поэму «Подражание Иисусу Христу», пересказывающую евангельские сюжеты. Поэма вошла в школьную программу и стала самым большим «коммерческим успехом» Корнеля. Она обеспечила ему пожизненную ренту и окончательно упрочила его репутацию религиозного и благонадежного автора.

И только где-то в Бретани, в нескольких сотнях километров от Руана, несколько человек, составляющих тайное общество, знали, что Пьер Корнель – их достойный собрат и создатель комедии нравов.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

98

В небе висит полная луна. На ее поверхности простым глазом видны кратеры, придающие ее лику мечтательное выражение.

Исидор и Лукреция перелезают через крепостную стену замка семьи Возняк. Их встречает свора доберманов. Собаки, вознагражденные за бдительность мясными шариками со снотворным, засыпают.

Полночь. Исидор и Лукреция идут по огромному парку маленького личного Версаля Дария. На столбе медленно вращается видеокамера. Исидор и Лукреция прячутся в кусты и ждут, пока она повернется в другую сторону.

– Вы действительно думаете, что Тадеуш использовал «Шутку, Которая Убивает», чтобы устранить брата и завладеть «Циклоп Продакшн»? – шепчет Лукреция.

– Пока это самая правдоподобная версия.

– Но, по словам отца Легерна, он участвовал в нападении на маяк.

– Ну и что? Тадеуш присвоил шкатулку и с ее помощью убил брата.

– Тогда он и есть грустный клоун?

Камера поворачивается в другую сторону. Исидор и Лукреция подходят ко второй камере и снова прячутся.

– Ваша гипотеза рассыпается: Тадеуш сам открыл дверь гримерки после смерти Дария.

– Он мог быстро переодеться. Или найти сообщника. Например, младшего брата Павла.

Камера поворачивается, и они продолжают путь. Оказавшись у входа в здание, Исидор убеждается в том, что это точная копия дворца Людовика XIV.

– Ваш любимый юморист страдал манией величия! – говорит он Лукреции.

Они идут дальше и пересекают двор, который в настоящем Версале называется оружейным. На брусчатке стоят десятки автомобилей. Все окна дворца освещены.

– Вы уверены, что стоило приходить так рано? – шепчет Лукреция.

– Разумеется! Смотрите, как интересно – полночь, а во дворце кипит жизнь.

Они проникают во дворец и переодеваются в форму работников службы информационной поддержки. Идея принадлежит Лукреции, которая в прошлый раз заметила здесь грузовичок «Компьютерная помощь». В любой фирме бывают проблемы с электроникой.

Лукреция убирает волосы под шапку, прячет глаза за большими очками. Исидор тоже надевает шапку и приклеивает усы.

В правом крыле дворца они обнаруживают несколько огромных залов, где сотни молодых людей сидят за компьютерами. Настенные часы показывают время в Лондоне, Мадриде, Берлине, Москве, Пекине, Токио, Сеуле, Сиднее, Лос-Анджелесе, Нью-Дели и Стамбуле.

Исидор и Лукреция смешиваются с проходящими мимо людьми. Никто не обращает на них внимания. Они подходят к двум свободным компьютерам и читают текст, который бежит с правой стороны экрана.

Это анекдоты. Десятки, сотни, тысячи пронумерованных, датированных анекдотов с ярлыками и баллами!

— Они создали поточное производство анекдотов и скетчей, – шепчет потрясенная Лукреция.

Исидор оглядывает зал.

– Как рабы на галерах. Обратите внимание, как они измучены бесконечным поиском и отбором информации.

Лукреция незаметно осматривается. Молодые люди сидят в наушниках с микрофонами. Кое-кто обклеил компьютер десятками листков с записанными на ходу идеями.

Эти, наверное, самые креативные.

Некоторые, продолжая печатать, тянут через трубочку газированные напитки, жуют гамбургеры, пиццу или суши. Другие, чтобы чем-то занять себя во время размышлений, вертят в руках помогающие расслабиться игрушки.

Исидор и Лукреция садятся перед свободными компьютерами. Перед ними мелькают анекдоты с номерами и датами поступления в банк данных «Циклоп Продакшн».

– Как вам № 103 683? По-моему, это смешно, – замечает Исидор.

Лукреция читает:

«Анекдот № 103 683.

В больнице родились два младенца. Один говорит другому:

– Ты девочка или мальчик?

– Я девочка, а ты?

– А я не знаю.

– Спусти пеленку, я тебе скажу.

Младенец спускает пеленку. Девочка говорит:

– Еще ниже, я не вижу.

Он спускает пеленку еще ниже, и девочка заявляет:

– Ты – мальчик.

– А как ты узнала?

– У тебя носочки голубые».

Исидор записывает анекдот в блокнот, озаглавленный «Филогелос». Лукреция знаком показывает ему, что нужно спешить, и они продолжают исследовать дворец. Они бегут по этажам. И находят огромную библиотеку, ринг для проведения дуэлей, физиологическую лабораторию, где изучают реакцию испытуемых на шутки.

Везде, невзирая на поздний час, кипит работа.

– Они скопировали Великую Ложу Смеха с ее дуэлями, библиотекой и лабораторией. Превратили секретное общество в промышленное предприятие с массовым производством. «Циклоп Интернешнл Интертейнмент».

Исидор увлекает Лукрецию на верхние этажи. Там они находят помещение, где другие молодые люди в очках сидят в креслах и смотрят юмористические сериалы, что-то отмечая в ноутбуках.

– Как вы думаете, что это?

– Они ищут шутки. Смотрят юмористические сериалы всего мира и всех годов выпуска, чтобы выудить то, что можно использовать еще раз.

На большом экране мелькают странные пронумерованные тексты:

«Идея № 5 132 806. Муж спрашивает жену: „Со сколькими мужчинами ты спала?“ Та отвечает: „Только с тобой. С остальными я бодрствовала“».

«Идея № 5 132 807. Пожилые супруги приходят в воскресенье утром в церковь. Во время мессы жена наклоняется к мужу и говорит: „Я только что тихонько пукнула. Что делать?“ Муж шепчет ей: „Сейчас ничего. А когда вернемся домой, я поменяю батарейки в твоем слуховом аппарате…“».

Лукреция ужасается.

– Это и есть исходный материал?!

– Да, переработанный юмор.

– Теперь я понимаю, почему Дарий стал самым популярным французом. Он владел богатейшими залежами ворованных шуток. Здесь круглосуточно работает полтысячи человек.

– Да, индивидуальному юмору с ними тягаться тяжело.

Они поднимаются еще на один этаж и видят людей в костюмах и галстуках, стоящих у светящейся карты мира. Они говорят по-английски. Исидор и Лукреция понимают, что эти люди отслеживают изменения и статистику развития юмора во всем мире, в каждой стране, на всех языках, во всех культурах. Они учитывают даже региональные и жаргонные анекдоты. На экранах компьютеров – фотографии комиков, рядом какие-то цифры.

– Как только юморист становится популярным, они либо покупают его, либо копируют и делают экспортную версию для других стран, – догадывается Лукреция.

– Возняки покупают театры во всем мире, – добавляет Исидор, указывая на другую группу технократов.

– Хитро придумано. Концерты, фильмы, книги сейчас можно найти в Интернете, поэтому выступления комиков пользуются все большим успехом. Юмористы работают и в рекламе, и в политике, и в кино, ездят с гастролями. Единственный барьер – язык.

Исидор и Лукреция смотрят на таблицы и диаграммы.

– Посмотрите-ка, цифры под фотографиями все время изменяются.

– Я думаю, это их стоимость. Юмористов изучают и оценивают, как скаковых лошадей, – замечает Лукреция.

Чуть дальше архитекторы склонились над макетом.

– Господи, быстро же они работают! Ведь это новый проект «Театра Дария», который вы сожгли.

– Они и так собирались его перестроить. Посмотрите на количество мест. Зал огромный – как минимум на тысячу зрителей.

– Представляете себе турнир «Пуля за смех» перед тысячной аудиторией? Все подонки мира придут повеселиться в полночь понедельника!

– Покорные жертвы и тысяча аплодирующих соучастников. Каков масштаб преступления! – добавляет Исидор.

Они переходят в правое крыло дворца. Лукреция ведет Исидора к апартаментам семьи Возняк. Здесь совершенно темно.

– Когда я приходила брать интервью у матери Дария, то обратила внимание на картины. Профессиональная привычка, наследие преступного прошлого.

– И вы увидели шедевры, Лукреция?

– Я увидела, что одна из картин слишком плотно прилегает к стене. Ни малейшего зазора. Значит, она поворачивается на шарнирах. Там и находится сейф.

Теперь они продвигаются молча, освещая себе путь мобильными телефонами. Лукреция подходит к стене, на которой висит много фотографий в затейливых рамах. Все они снабжены номерами и одинаковыми подписями: «И это вам кажется смешным?». На первой изображен «Титаник». На второй – диктатор Пол Пот. На третьей – человек на электрическом стуле. На четвертой группа куклусклановцев, вершащих суд Линча. На пятой – взрыв атомной бомбы над Хиросимой.

Лукреция уверенно направляется к пятой фотографии, за которой действительно обнаруживается сейф. Лукреция изучает его.

– Вы сможете его открыть?

– Это более сложная модель, чем те, с которыми я работала, но, думаю, смогу.

Она достает из сумки электронный стетоскоп, несколько очень мощных неодимовых магнитов и бормочет:

– Вся хитрость в том, чтобы правильно расположить магниты и манипулировать механизмом, не прикасаясь к нему. Посветите выше, Исидор.

Лукреция прикладывает магниты, медленно перемещает их, слушает. Сейф наконец открывается. Внутри они находят пакетики с кокаином, пачки денег и широкую плоскую стальную шкатулку современного дизайна. На крышке три буквы: «B.Q.T.».

– Бинго!

Лукреция берет шкатулку и осторожно, словно бомбу, передает Исидору. Но, возвращая на место фотографию с Хиросимой, она приводит в действие сигнал тревоги. Включается сирена, начинают мигать красные лампочки.

Перед ними появляется вооруженный человек. Он широко улыбается.

– Я не хотел в это верить, но теперь у меня отпали последние сомнения.

Он держит их на мушке.

– Вы, мадемуазель Немрод, и есть тот «грустный клоун», которого якобы разыскиваете.

99

1689 год нашей эры

Англия, Лондон

Питер Фланнаган, директор большого конного цирка, был мрачен. Публики с каждым днем становилось все меньше, хотя в цирке выступали самые лучшие наездники. Они выполняли такие опасные и красивые трюки, как двойная мельница (всадник вращается, пропуская под ногами сначала шею, а потом круп лошади), перевернутые ножницы (всадник встает вверх ногами и скрещивает их), амазонка на одной руке, не говоря уже о рискованном кабрировании и остановках на полном скаку. В представлениях участвовала даже такая знаменитость, как герой войны, капитан в отставке Уильям Макферсон.

Если положение не изменится, бывшие служаки королевской кавалерии станут безработными, а сам Питер Фланнаган будет вынужден продать свой великолепный цирк.

Пока директор сидел, погрузившись в мрачные мысли, на арене произошел инцидент. В разгар представления, на котором присутствовало всего несколько десятков зрителей, конюх Джозеф Армстронг, опять в стельку пьяный, совершил совершенно немыслимый поступок. Он перелез через барьер и побежал за Макферсоном, который, делая вид, что ничего не замечает, продолжал спокойно скакать на лошади. Конюх давился от смеха, выкрикивал глупости и кривлялся, подражая безупречной выправке наездника. Армстронг даже догнал лошадь и, испуская дурацкое мычание, принялся дергать ее за хвост.

«Он перешел уже все границы, я уволю этого пьяницу», – подумал Питер Фланнаган в бешенстве. Тем временем Джозеф Армстронг запутался в слишком больших башмаках, споткнулся и, перекувырнувшись через голову, упал на землю. Зрители начали смеяться и аплодировать. Чувствуя поддержку, конюх поклонился, оскалил зубы, словно желая укусить лошадь, и снова бросился за наездником.

Уильям Макферсон, естественно, поскакал галопом, но Армстронг, недолго думая, бросился наперерез и, корча страшные гримасы, схватил лошадь за поводья. Возмущенный до предела капитан хотел спешиться и вышвырнуть смутьяна с арены, но конюх, подбадриваемый публикой, которая всегда рада сюрпризам, пустился наутек. Сценка привела зрителей в полнейший восторг. Директор не только не уволил конюха, а, напротив, попросил его повторить свой трюк на другой день. И даже предложил выкрасить ему нос в красный цвет, чтобы подчеркнуть, что он пьяница, надеть еще более нелепую широкую одежду и огромные башмаки.

К началу следующего представления, благодаря распространившимся слухам, конный цирк Фланнагана оказался набит битком. Некоторое время зрители с интересом смотрели на звезду труппы Уильяма Макферсона, который демонстрировал свое искусство, но вскоре подняли крик: «Пьяницу! Пьяницу!»

Появление конюха было встречено дружным смехом. Он проделал то же самое, что и накануне, с той лишь разницей, что на этот раз капитан Уильям Макферсон, вне себя от гнева, спустился с лошади, догнал его и наградил мощным пинком. Публика подбадривала Армстронга неистовыми воплями, лишний раз доказывая, что она всегда принимает сторону не того, кто прав, а того, кто ее смешит.

В тот же вечер директор уволил капитана Уильяма Макферсона и повысил жалованье конюху Джозефу Армстронгу.

С тех пор конный цирк Фланнагана всегда был полон. Другие цирки стали заводить своих «пьяниц». Их назвали «клоунами» от английского слова «clod», «деревенщина».

Клоун должен был являть собой полную противоположность наезднику. Он подражал всем его движениям, но крайне неуклюже, и очень веселил публику. Чем сильнее отличались друг от друга искусный наездник и раззява-клоун, тем громче смеялись зрители.

Чтобы усилить контраст, наездник одевался в белый костюм, в цвет благородства и чистоты, а клоун с красным накладным носом наряжался в нелепые пестрые тряпки.

Популярность конных представлений с клоунами росла, цирк уже не мог без них обойтись. Вскоре успех конюха Армстронга вытеснил с арены главного участника спектакля, лошадь.

Лицо человека в белом покрыли белым гримом, на него надели белую шляпу, приклеили ему кустистые нахмуренные брови и назвали «белым клоуном».

Клоун с красным носом взял себе имя Август (в насмешку над римским императором), напялил широкий костюм в красную клетку, мятую мягкую шляпу и большие башмаки, делавшие его походку еще более смешной.

В моду вошел такой сценарий: белый клоун поручал клоуну Августу очень важную и деликатную миссию. Август обещал ее выполнить. Несмотря на приказы и советы белого клоуна, неуклюжий, неловкий Август, стараясь сделать все как можно лучше, вызывал одну катастрофу за другой. Чтобы усилить эффект, действие часто сопровождалось ударами в барабан или цимбалы.

Но и эти представления надоели зрителям. И клоуны стали просто выступать в цирке вместе с остальными артистами.

Дети, а зачастую и родители обожали номера клоунов. Многие клоуны достигли богатства и славы и умерли в достатке. Что касается Джозефа Армстронга, то он в зените популярности оставил карьеру, уехал во Францию и вошел в некое тайное общество в Бретани.

Там, вдали от людей, он совершенствовал грим и постановку номеров и отдельных трюков.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

100

Лукреция сдавленным голосом признает:

– Похоже, обстоятельства складываются не в мою пользу…

Тадеуш Возняк продолжает держать ее под прицелом. Лукреция не видит Исидора.

Он успел скрыться со шкатулкой. «Шутка, Которая Убивает» в наших руках. Нужно просто выиграть время. Как подобрать ключ к этому человеку? Обычные приемы на него не подействуют. Значит, не страх. И не деньги.

— Я сейчас все объясню. Может быть, пойдем в вашу комнату? Там нам будет спокойнее.

– Нет, лучше останемся здесь.

И не обольщение.

— У вас на руках все козыри. Признаю, сила на вашей стороне.

– А мне вот кажется, что вы гораздо сильнее меня. Убить моего брата, сжечь мой театр и после этого явиться сюда… Это смело.

И не самовлюбленность. Попробуем что-нибудь другое. Быстро.

— Хорошо, я все скажу. Я – не «грустный клоун». В убийстве Дария я подозреваю вас. И я здесь, чтобы найти доказательства.

Правда. Лучший рычаг.

Тадеуш выглядит огорченным.

– Вы понимаете, что теперь я должен избавиться от вас.

Спокойно. Попытаемся свести все к шутке.

— На вашем месте я бы даже не колебалась.

Он понимающе улыбается.

– Несмотря ни на что, я остаюсь джентльменом. Я оставляю вам выбор. Вы предпочитаете выстрел в сердце или в голову?

– Это еще что такое? Кого это ты собрался убивать?!

Тадеуш и Лукреция оборачиваются.

Перед ними Анна Магдалена Возняк в ночной рубашке в ярко-розовый цветочек.

– Что ты тут делаешь, мама? Иди спать! Это просто воровка, которую я поймал на месте преступления.

– Я все слышала, ты хочешь ее убить! Я знаю эту девушку. Это прелестная журналистка из «Современного обозревателя».

– Ну и что?

– Это будет преступление, Таду.

– Хватит, мама. Все очень серьезно. Скоро час ночи, журналисты в такое время не приходят. Она преступница, которая выдала себя за журналистку, чтобы все выведать. Она обманула тебя. Иди спать, я сам разберусь.

Но пожилая женщина подходит к сыну и хватает его за ухо. Он морщится от боли.

– Таду, ты ничего не перепутал? Я десять лет подтирала тебе задницу и укладывала в постель. Если кто-то из нас двоих должен сказать: «Иди спать», то это точно не ты!

Вот он, рычаг. Мать. Я всегда о нем забываю, потому что у меня нет родителей. А зря. Он очень мощный. «Страх вызвать недовольство матери». Большинство мужчин становятся маленькими детьми, как только появляется их мать. Наверное, даже Аттила и Аль Капоне боялись рассердить мать. Не вмешиваться. Она сделает все вместо меня.

— Но, мама! Ты сама не понимаешь, что говоришь!

– Молчи, Таду! Ты что же, думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься?! Я слишком долго молчала! Хватит. Довольно крови! Довольно убийств!

– Мама, перестань, мне больно! А что, если это она убила Дария?

– Глупости! Ты просто не хочешь признать, что неправ! Перестань сейчас же, или я вымою тебе язык с мылом!

– Нет! Только не с мылом!

Анна Магдалена хватает револьвер за дуло и сует к себе в карман. Воспользовавшись тем, что о ней забыли, Лукреция убегает. Никто ее не преследует. Она покидает поместье точно так же, как попала в него, и направляется к кустам, в которых они оставили мотоцикл.

Лукреция не сомневается, что Исидора уже и след простыл, но он сидит в коляске и играет в какую-то игру на мобильном телефоне.

– Я вас уже заждался, – ворчит он.

– Шкатулка у вас? И вы меня ждете?

– Конечно. Я знал, что вы обязательно выпутаетесь.

– Вы могли бы остаться и помочь мне! Все-таки вы трус, Исидор… Джентльмены не удирают, бросив женщину в опасности.

Он задумывается, потом кивает.

– Не спорю, я трус. А теперь, если вы ничего не имеете против, предлагаю завести мотоцикл и уехать. Они скоро бросятся за нами в погоню.

Исидор и Лукреция уносятся в ночь.

Отъехав подальше от дворца Возняк, Лукреция врубает радио на полную мощность. Звучит старая композиция Pink Floyd «Shine on your crazy Diamond».

Она мчится на мотоцикле, ее волосы, выбившиеся из-под шлема, летят по ветру, в коляске сидит Исидор и держит в руках «Шутку, Которая Убивает». Впервые за долгое время Лукреция чувствует, что действительно счастлива.

101

1688 год нашей эры

Франция, Париж

Пьер Карле де Шамблен де Мариво родился через пятнадцать лет после смерти Мольера. Закончив учебу, он работал журналистом сначала в «Новом Меркурии», потом во «Французском зрителе». Мариво женился на дочери богатого человека, и ее приданое позволило ему быстро сколотить состояние. Он завел влиятельные знакомства в Париже, у него появилась мечта сделаться драматургом.

Но 1720 год стал для него роковым. После краха банка «Лоу» он потерял все деньги. Его первая пьеса «Ганнибал» с треском провалилась. В том же году умерла его жена.

Однажды какой-то незнакомец постучал в его дверь. Он сказал Пьеру Карле, что его пьеса отличается удивительной психологической тонкостью характеров и он должен посвятить свой талант не трагедии, а комедии.

Незнакомец посоветовал ему посмотреть представления комедии дель арте и сходить в театры, где еще играли Мольера. Мариво ответил странному гостю, что мечтает стать членом Французской академии и поэтому должен писать только серьезные произведения.

Гость предложил ему не спешить и поближе познакомиться с комическим театром. «Популярный – еще не значит посредственный», – сказал он. И добавил: «Заставить человека смеяться труднее, чем заставить его плакать».

Эта фраза произвела на Мариво большое впечатление.

– Критикам понравиться легче, чем широкой публике.

И эта мысль удивила и позабавила Мариво.

– Народ – более справедливый судья, чем напыщенные самодовольные аристократы в париках. В отличие от простого зрителя, они все время оглядываются на моду, которая помогает им чувствовать собственную значимость. Это проверено временем.

– Кто вы? – спросил Мариво.

– Человек, который хочет открыть вам глаза на ваш талант.

– Я чувствую, что вы чего-то не договариваете.

– Ну, хорошо. Скажем, я принадлежу к группе людей, которые внимательно относятся к действительно одаренным авторам.

– К группе людей?

– К тайному обществу, одна из целей которого – убеждать талантливых драматургов не тратить силы на трагедии.

– Но зачем смешить людей? Это нелепо.

– Смешное запоминается, – ответил незнакомец. – Комическое лучше воздействует на умы, чем трагическое. Обстоятельства, вызывающие смех, отпечатываются в сознании и имеют гораздо более сильный и долгий воспитательный эффект. Забавляя современников, вы можете изменить их жизнь. Как гласит латинская поговорка,*Castigat ridendo mores* – «Смех улучшает нравы».

Таинственный гость и его рассказ о секретном обществе, помогающем автору не скатиться в болото элитарной трагедии, произвели на Мариво такое сильное впечатление, что он написал первую комедию: «Арлекин, любовью исправленный», имевшую некоторый успех, во всяком случае достаточный, чтобы Мариво решил написать продолжение. Так появилась пьеса «Игра любви и случая».

Но Мариво не хотел ограничиваться комедиями, он жаждал высказать и свои философские взгляды. В последующие годы он написал утопии «Остров рабов» и «Новая Колония». В этих пьесах Мариво утверждал, что человеческая натура сильнее любых обстоятельств, любых жестких правил, устаревших обычаев и социальных норм.

Мариво сочинил около тридцати комедий, в том числе «Двойное непостоянство» и «Ложные признания». Он был популярен в народных парижских театрах, но признания интеллектуалов не добился.

Его главным противником стал Вольтер, так же как и Мариво, претендовавший на место во Французской академии. Оба литератора ненавидели друг друга. Вольтер находил творчество Мариво искусственным и легковесным. Мариво называл Вольтера любителем читать нравоучения.

В ожесточенной борьбе победил Мариво, ставший в 1742 году секретарем Французской академии.

Невзирая на это, критики и парижские интеллектуалы не поддерживали Мариво. Хотя его пьесы пользовались народной любовью, ставить их ему было все труднее. Его талант так и остался непризнанным при его жизни. Ему помогали лишь его тайные друзья, и умер он в бедности.

Лишь сто лет спустя Сент-Бев вновь открыл для мира его творчество и позволил ему заиграть всеми гранями. И публика, и критики единодушно пришли в восторг. И Мариво сделался вторым самым популярным драматургом Франции… после Мольера.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

102

Рука Исидора медленно гладит шкатулку с тремя буквами на крышке. Другая его рука лежит на замочке, который можно легко открыть без помощи ключа. Лукреция испуганно останавливает его.

– Чего вы боитесь, Лукреция?

– Не знаю, у меня плохое предчувствие. Дарий Возняк взял в руки подобную вещь и умер.

Исидор пожимает плечами.

– Бросьте ваше ребячество. Текст не может убить. Это просто слова, буквы. Несколько маленьких значков.

Исидор отталкивает руку Лукреции и открывает стальную шкатулку. Достает свернутые листки бумаги, разворачивает и читает.

Лукреция закрывает глаза.

Он сейчас умрет. Вот к чему привело это расследование! Сейчас умрет самый дорогой для меня человек.

Мари-Анж права. Я совершенная мазохистка. Всеми моими поступками руководит бессознательное стремление уничтожить то, чем я дорожу. Сначала я хотела лишить себя жизни, теперь я лишусь Исидора.

Исидор продолжает читать. Лукреция открывает глаза, смотрит на него и хмурится.

Что-то уж очень долго. Может быть, шутка длиннее, чем я думала.

Она ждет какой-нибудь реакции со стороны Исидора. Он переворачивает страницу и продолжает читать.

Есть и вторая страница?!

Он озабоченно качает головой и переходит к третьей странице.

Там есть даже третья страница!

На лице Исидора появляется то серьезное, то заинтересованное, то взволнованное выражение. Он удивленно улыбается.

Это ожидание невыносимо. Так умрет он или нет?

Исидор облизывает указательный палец и переворачивает четвертую страницу.

– Ну и что там?

– Действительно нечто захватывающее, – отвечает он.

– Что? Да говорите же!

– Спокойно… Мне казалось, вы считаете этот документ смертельно опасным. А вы так молоды.

Он бесит меня! Он бесит меня!

Исидор переворачивает еще одну страницу.

– Дайте посмотреть.

– Тише, тише… Вы можете не выдержать. Я-то ладно, а вы…

Лукреция хочет вырвать листки из рук Исидора, но он успевает отшатнуться.

– Нельзя! Это слишком опасно! Я сам вам расскажу.

Я хочу знать, что там написано.

Лукреция снова пытается выхватить документ у Исидора, но тот поворачивается к ней спиной и начинает пересказывать текст:

– Здесь говорится, что «Шутка, Которая Убивает» придумана три тысячи лет назад Ниссимом Бен Иегудой, советником при дворе царя Соломона. Он создал секретную мастерскую, где и нашел «магические слова, способные привести того, кто их читает, в высшую степень возбуждения». И после этого умер.

Может быть, эти самые слова его и убили.

Лукреция садится и начинает слушать.

– Когда греки разрушили храм Соломона один еврей, некий Иммануил из колена Вениаминова, бежал с бесценным документом в Афины и передал его комику Эпикарму.

– Не читая?

– Да. Хранители текста получали инструкцию: не заглядывать в ларец.

– А потом?

– Его передавали друг другу авторы комедий: Аристофан, Менандр, Плавт, Теренций. Затем документ затерялся в Риме и появился в Галлии. Он оказался в руках некоего Лукиана из Самосаты. В XIII веке франкские крестоносцы нашли в подвале храма Соломона копию «магического текста, хранящегося в синем ларце». Они попросили перевести текст с древнееврейского. Переводчики умерли, но сами крестоносцы сумели уберечь себя.

Исидор делает паузу.

– Они разделили текст на три части и положили в три разных ларца. Тот, кто хранил первый ларец, не разговаривал с тем, у кого был второй, а второй не разговаривал с третьим. Так они смогли сделать «Шутку, Которая Убивает» транспортабельной и не слишком опасной.

Разумно.

— Затем «Шутка, Которая Убивает» стала частью сокровищ тамплиеров, превратилась в тайное духовное оружие. Они использовали его, чтобы отомстить Гийому де Ногаре, Филиппу Красивому, Гийому Умберу и даже папе Клименту. Тут говорится, что каждый из них случайно нашел в ящике шкафа или в шкатулке записку, развернул ее, прочел и умер.

– Так значит, проклятых королей погубила «Шутка, Которая Убивает»?

Исидор не отвечает и переходит к другой странице. Он не в силах оторваться от текста.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает Лукреция.

– Тамплиеры бежали в Шотландию и при поддержке ее первого короля, Роберта I, организовали тайное общество.

– Великую Ложу Смеха?

– Они создали ритуалы, иерархию, костюмы, даже свою конституцию. Первого шотландского Великого Мастера Великой Ложи Смеха звали Давид Балльоль. Официально

он считался шутом короля, на самом же деле был его серым кардиналом и начальником секретных служб.

В живом воображении Лукреции возникают удивительные картины. Она представляет себе шотландцев в килтах, собравшихся в тайном месте и приносящих клятву в верности… смеху.

Глаза Исидора сияют, словно он лакомится сластями.

– От материнской ложи отпочковываются другие сообщества. Двенадцать тамплиеров отправляется в Испанию и пускает корни в Толедо. Но королева Изабелла, узнав об их существовании в результате предательства одного из членов ложи, пускает по их следу Инквизицию. Она хочет завладеть сокровищем Соломона. И члены испанской Великой Ложи Смеха решают использовать против Изабеллы свое оружие. Она умирает от того, что тогда еще не называли сердечным приступом.

– Сколько же сердечных приступов в мировой истории произошло из-за «Шутки, Которая Убивает»!

– Несколько членов Великой Ложи Смеха, а также насильно обращенные в христианство евреи, так называемые марраны, бегут на кораблях Христофора Колумба. На парусах каравелл вышиты символы тамплиеров: красные кресты на белом фоне.

– Сменившие веру евреи и тамплиеры Великой Ложи Смеха отправились прятать сокровище в Новый Свет?

Исидор продолжает чтение:

– Ложа, обосновавшаяся в Карибском бассейне на острове Святого Доминика, исчезает после того, как один из ее членов по ошибке открывает ларец с надписью «Не читать!».

Лукреции приходит в голову, что «Шутка, Которая Убивает» подобна смертельному вирусу, который в любой момент может убить человека, единственным грехом которого оказалось любопытство.

Он еще только думает: «Ой, что это?», а сам уже одной ногой в могиле. Остаются копии смертельного вируса. Сколько же их? Первый раз «Шутка, Которая Убивает» нанесла сокрушительный удар в Бретани и погибла. Второй экземпляр совершил убийство в Англии и тоже исчез. И каждый раз хранители разделяли текст на три части, чтобы оружие не утратило силы и способности к размножению. Процесс деления клеток заменен процессом деления текста.

Лукреция придвигается ближе.

– Значит, в Америке в XV веке ответвление Ложи угасло?

– Да, а шотландское отделение, напротив, росло и крепло.

– И в трех ларцах у них остается копия, позволяющая переводить и воспроизводить «Шутку, Которая Убивает»?

– Вроде бы так. Итак, король Англии Генрих VIII по совету Томаса Мора решил оказывать покровительство тем, кого он называл «шотландскими философами».

Тем, кто умел пускать в ход смертельную шутку, разделенную на три части, и оставаться при этом невредимыми.

— Томас Мор, это тот самый писатель, который придумал слово «утопия»?

– Именно он.

Исидор переворачивает страницу. Лукреция подбирает ноги и устраивается поудобнее, чтобы внимательно слушать рассказ.

– Его поступок повлек серьезные политические последствия. Ватикан, получив информацию о силе духовного оружия еретиков, решает присвоить его, употребив все свое могущество. Вступивший в жесточайшую борьбу с папой Климентом VII, Генрих VIII отказывается от католицизма и основывает англиканскую церковь. Новый король Испании Филипп II, который захотел любой ценой получить «Шутку, Которая Убивает», через несколько лет при поддержке папы бросает на Англию Великую Армаду.

– Великую Армаду? Которая участвовала в той самой битве, где тяжелые испанские корабли столкнулись с маленькими быстрыми судами англичан?

– Да. В той самой морской битве, где испанцы потерпели сокрушительное поражение. И, если верить тексту, поражению этому в значительной степени способствовал необъяснимый сердечный приступ испанского адмирала, герцога Медины Сидонии, случившийся в разгар сражения.

– «Шутка, Которая Убивает»?

– Составитель документа считает, что тамплиеры тут сыграли не последнюю роль.

Исидор наливает себе чашку зеленого чая. Погружается в чтение, затем продолжает:

– Времена меняются. Тамплиеры Великой Ложи Смеха, боясь утратить поддержку королевы Елизаветы I, дочери Генриха VIII, укрываются в Шотландии, в материнской ложе. Они прекращают участвовать в общественной жизни и прячутся в замке, где совершенствуют «духовность Великой Ложи Смеха». Масоны становятся специалистами по возведению храмов, а члены Ложи – профессионалами по сочинению шуток. Первые создают все более сложные и величественные здания, а вторые пишут все более краткие и простые произведения.

– Фантастика!

– Шекспир под влиянием Великой Ложи Смеха сочинил свою лучшую комедию: «Укрощение строптивой», а драматург Бен Джонсон – веселую пьесу «Алхимик». Потом в Англии начались волнения. Шотландская Великая Ложа Смеха совсем уходит в тень, а на арену выступают итальянцы и французы.

– Возвращение к истокам?

– Основателями ложи во Франции считаются Великие Мастера Эразм Роттердамский и Франсуа Рабле. Их сменили Лафонтен, Лесаж и Корнель.

– А Мольер?

– Нет, о Мольере ни слова. Только о Пьере Корнеле.

– А еще о ком?

– В 1799 году последним Великим Мастером Ложи стал Пьер-Огюстен Карон де Бомарше.

– Бомарше?

Исидор переворачивает последнюю страницу.

– А дальше?

– Больше ничего нет. Все обрывается на Бомарше.

Исидор и Лукреция погружаются в молчание. Они оба чувствуют, что снова прикоснулись к «параллельной» истории – той, о которой не пишут в учебниках.

Вполне вероятно, что документ неполон, каких-то фактов не хватает, а другие приукрашены, но он предлагает посмотреть на события минувшего с совершенно новой точки зрения.

Смех, его хранители, во имя человеческих ценностей тайно управлявшие политическими событиями.

Их методы воздействия: комедии, фарсы, шутки.

Идеальное оружие: «Шутка, Которая Убивает».

Исидор подходит к окну и полной грудью вдыхает парижский воздух, словно это помогает ему переварить невероятную информацию.

– Но ведь этот текст – не «Шутка, Которая Убивает». Вероятность того, что Тадеуш Возняк убил брата, исчезает, как шагреневая кожа, – говорит Лукреция.

Исидор молчит.

– Итак, господин всезнайка, вы все-таки двигались не в ту сторону!

– Перестаньте, Лукреция. Каждый может ошибиться. Это жизнь, а не плохое кино. В реальности люди делают предположения, которые позволяют нащупать наиболее верные пути решений. Мне кажется, мы все-таки движемся к цели.

– Как бы не так… Преодолевая препятствия, мы все это время шли в неверном направлении. Мы собрали материал к вашему роману, а расследование убийства Дария по-прежнему не сдвинулось с мертвой точки.

Исидору приходит в голову какая-то мысль. Он снова берет документ, внимательно перечитывает и радостно восклицает:

– Ну, что вы там нашли?

– Посмотрите, чья подпись стоит под этим текстом!

103

1794 год нашей эры

Франция, Париж

Механизм часов дрогнул, раздался звон. Довольный Пьер Бомарше услышал шум на улице. Выглянув в окно, он увидел проплывающие мимо человеческие головы, насаженные на пики.

«Все зашло чересчур далеко», – подумал он, продолжая возиться с пружиной часов. От своего отца, часовщика, Пьер Бомарше унаследовал любовь к сложным механизмам, которые после завода могут долгое время работать самостоятельно.

На улице запели «Карманьолу». Пьер Бомарше открыл окно и увидел толпу, бегущую к гильотине на площади Шатле. Он отложил инструменты, закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

В двадцать четыре года Пьер Бомарше женился на Мадлен Катрин Обертен, которая была старше его на десять лет и очень богата. Через год она умерла. Бомарше заподозрили в убийстве, состоялся процесс, который едва не разрушил его честолюбивые планы. Он с большим трудом выпутался из этой истории.

Женитьба, смерть супруги и наследство положили начало его карьере авантюриста. В 1759 году Бомарше в результате искусных интриг получил место преподавателя игры на

арфе у дочерей Людовика XV. Он сумел подружиться с королевским финансистом и с его помощью осуществил смелые инвестиции. Быстро разбогател и получил должность королевского секретаря.

Теперь он мог предаться любимому занятию: сочинению комических текстов. Он написал пьесы «Сапоги-скороходы», «Зирзабелла», «Жан Глупец» для небольших театров.

Потом Бомарше женился на Женевьеве-Мадлене Уотеблед (Левек), которая через год умерла, причем при тех же обстоятельствах, что и его первая супруга. И он опять получил наследство, еще более значительное, чем в первый раз, и снова был обвинен в убийстве с целью наживы. Перенесенные мытарства вдохновили Бомарше написать «Мемуары», четыре блистательных памфлета, где он язвительно высмеял судебный произвол.

Ему снова с немалым трудом удалось избежать наказания. Он женился в третий раз, на Марии-Терезе Виллермолаз, и начал карьеру в «Корлевском секрете» – тайной разведывательной сети агентов Людовика XV. С различными миссиями он путешествовал по Голландии, Германии и Австрии. Уже от Людовика XVI он получил поручение отправиться в Англию и изъять документы, компрометирующие покойного Людовика XV, которые находились у французского проходимца шевалье д'Эона.

В 1775 году Пьер де Бомарше по просьбе министра иностранных дел отправился в Соединенные Штаты, чтобы изучить политическую обстановку. Он открыто принял сторону сепаратистов, боровшихся с английским влиянием, и убедил Людовика XVI тайно послать повстанцам оружие. Он открыл фирму в Португалии и обогатился, продавая порох и боеприпасы американцам. Он даже сумел послать в помощь сепаратистам частный флот для нападений на английские корабли.

Став богатым и знаменитым, пользуясь поддержкой Людовика XVI, он вспомнил о своей страсти и написал «Севильского цирюльника» – первую свою комическую пьесу в четырех актах, поставленную в «Комеди Франсез» и снискавшую успех. Затем он сочинил «Женитьбу Фигаро», комедию в пяти актах. В 1790 году он примкнул к революционному движению и участвовал в событиях Парижской Коммуны. Используя американские каналы перевозки оружия, Пьер Бомарше вооружает войска Робеспьера.

Благодаря связям в правительстве, он основал Бюро по драматическому законодательству, позднее превратившееся в Общество драматических авторов и композиторов. Впервые в истории он заставил признавать авторские права. Теперь под литературными произведениями стояла подпись. И тот, кто хотел их использовать, должен был платить их создателям.

Бомарше отложил часы. Радостные крики, доносившиеся с площади, становились все громче; сосредоточиться на работе было невозможно. Он закрыл окно.

В дверь постучали. Открыв, Бомарше увидел одного из своих товарищей по Великой Ложе Смеха, красного и запыхавшегося.

– Бегите, Мастер, они идут сюда! Спасите то, что должно быть спасено.

Пьер де Бомарше быстро достал из сейфа ларец с надписью: «Не читать!» – и тремя страшными буквами: «B.Q.T.».

Поколебавшись секунду, он убрал ларец в сумку. В коридоре уже слышались грохот сапог и бряцание оружия. В другую, более вместительную сумку Бомарше сложил часы,

пистолет и скрипку. Солдаты уже ломились в дверь, он едва успел выпрыгнуть в окно, где товарищ по Великой Ложе Смеха ждал его с лошадьми. Они помчались прочь.

Отъхав на приличное расстояние перешли на рысь, и Бомарше начал расспрашивать своего спасителя:

– Что произошло?

– Члены Комитета общественного спасения обезумели, они доносят на друзей и убивают друг друга. Робеспьер превратился в кровавого тирана. Дантона арестовали!

– Дантона? Да они с ума сошли!

– Кровь призывает кровь. От них теперь надо держаться подальше.

– Куда мы едем?

– Далеко.

Неожиданно путь им преградила баррикада. Со всех сторон к ним бежали солдаты.

– Спасай сокровище, – сказал Бомарше. – Им нужен я.

Его товарищ скрылся с бесценной ношей. Бомарше арестовали и заключили в тюрьму «Аббатство». Процесс над ним вышел очень громким. Благодаря своему ораторскому таланту он сумел избежать гильотины. Несколько друзей, еще сохранивших влияние, помогли ему найти убежище в Гамбурге.

Бомарше дождался, когда стихнет революционная буря, вернулся во Францию в 1796 году и закат своей жизни посвятил аэронавтике. В 1799 году обессиленный, разочарованный во всем человек, который был часовщиком, музыкантом, дипломатом, шпионом, торговцем оружием, комедиографом, писателем, решил свести счеты с жизнью. Ему было шестьдесят семь лет, когда он отправился в Бретань, нашел тайное место, прошел через множество дверей и открыл бесценный ларец, спрятанный его старым товарищем.

Через несколько секунд он умер с улыбкой на губах.

Великая Книга Истории Смеха.
Источник: Великая Ложа Смеха

104

Скелет динозавра так огромен, что за ним не видно потолка. Кажется, что острые зубы готовы впиться в жертву.

Исидор и Лукреция в Музее естествознания.

– Да, я работал на Циклопа. Каждый, кто хоть в какой-то степени связан с миром юмора, так или иначе работал на Дария Возняка. А что делать? Жалкой зарплаты Национального центра научных исследований на жизнь не хватает. Да, я провел то самое исследование, и, кстати, мне хорошо заплатили.

Профессор Анри Левенбрук ведет их к галерее эволюции. Больших динозавров сменяют более мелкие животные. Разглядывая длинный ряд рептилий, словно выстроившихся в очередь за получением разума, Лукреция делает записи в блокноте.

– Почему Дарий так интересовался «Шуткой, Которая Убивает»? – спрашивает она.

– Вы, наверное, знаете, что сейчас в масштабе всей планеты идет война между индивидуальным и индустриальным юмором. И индустриальный юмор уже почти победил. Сильные пожирают слабых. Это закон эволюции. Динозавры пожирают ящериц.

– Но динозавры исчезли, – замечает Лукреция.

– Битва еще не закончена. Ставки в игре весьма разнообразны. И тот, у кого окажется «Шутка, Которая Убивает», получает серьезный перевес над противником. «Шутка, Которая Убивает» – это Грааль, Экскалибур, священное оружие, придающее легитимность действиям обладающей им стороны.

– Итак, вы выбрали лагерь. Вы встали на сторону динозавров, воюющих против ящериц, – говорит Лукреция.

Профессор Анри Левенбрук поглаживает бороду.

– Я бы сказал, на сторону юмора будущего, воюющего против юмора прошлого.

– Вы ошибаетесь. У промышленного юмора нет будущего, – убежденно отвечает Лукреция. – Юмор – это последний оплот, который устоит перед большими деньгами. Никогда анекдот, изготовленный поточным способом, не будет остроумнее анекдота ручной работы. Маленький размер имеет свои преимущества. Вас еще ждут сюрпризы.

Она указывает на часть экспозиции, изображающую метеоритный дождь, погубивший динозавров, и на чучело маленького теплокровного животного, похожего на землеройку.

– То же самое говорили и о музыке. Слышали «Топ-50» на радио? Все песни там состряпаны из того, что когда-то имело успех. Они слегка переработаны – ровно настолько, чтобы избежать обвинения в плагиате.

– Музыканты из «Топ-50» ничем не рискуют, – подтверждает Исидор.

– Или просчитывают допустимый риск. Специалисты по маркетингу манипулируют общественным сознанием. Вот они, новые повелители экономики! А напоследок все посыпается блестками, клипами, пестрыми нарядами. Упаковка подменяет содержание.

В экспозиции «Эволюция видов» профессор показывает гостям пестрых птичек, похожих на маленьких павлинов.

– Это не преимущество, не отличие и не новое качество, – говорит Лукреция.

– Производители музыки и юмора пытаются охватить самый широкий пласт населения. Авторов слов и композиторов уже давно просят следить за веяниями моды.

Профессор Левенбрук указывает на чучело пингвина.

– С юмором будет точно так же. Смех превратился в такой же коммерческий продукт, как и все остальное.

Исидор не следит за спором. Они медленно проходят мимо слонов, львов, леопардов, страусов, газелей.

– Ваше расследование остановилось на отъезде Бомарше в Карнак. Что вы узнали о «Шутке, Которая Убивает»?

Они подходят к крупным обезьянам: гориллам, шимпанзе, орангутанам.

– Бомарше оказался последним Великим Мастером Ложи, о котором нам известно. Под конец жизни он не смог больше противиться желанию узнать правду. Он открыл ящик Пандоры, прочел текст и умер.

– Как вы считаете, что это за текст?

Глаза Лукреции вспыхивают.

– Мне кажется, что это нечто действительно необычное, волшебное, обладающее магической силой. Духовная атомная бомба. Альберт Эйнштейн открыл тайну материи, и появилось ядерное оружие. Ниссим Бен Иегуда открыл тайну разума, и появилась «Шутка, Которая Убивает».

Лукреция вдруг застывает на месте. Слева от приматов, все более крупных и более прямо стоящих на задних лапах, она замечает фигуру, чуть ниже воскового манекена.

Это грустный клоун! Он следит за мной!

Она протирает глаза.

– Что с вами, Лукреция?

– Э-э… так, ничего. Галлюцинация. Наверное, я немного устала. Надо поесть, а то у меня будет приступ гипогликемии.

Это расследование мне не по силам. Кажется, я действительно плохо себя чувствую. Только галлюцинаций не хватало.

Профессор Левенбрук ничего не замечает. Его волнует другое.

– Не стоит забывать о политической подоплеке этого дела. Вот что я понял, составляя отчет. Юмор стал не только экономическим, но и политическим оружием.

105

Американский, русский и китайский президенты едут на машинах и останавливаются на перекрестке. На правом указателе написано «Капитализм», на левом – «Социализм».

Американский президент без колебаний выбирает дорогу к капитализму. Сначала все идет хорошо, потом на асфальте появляются трещины, гвозди и лужи масла, машина теряет управление. Но он меняет лопнувшие покрышки и едет дальше.

Русский президент едет налево, к социализму. Сначала все идет хорошо, но потом дорога превращается в трясину, машина увязает. Он поворачивает обратно, возвращается на перекресток и едет направо, к капитализму.

Китайский президент смотрит налево, смотрит направо и говорит шоферу:

– Поменяй указатели местами, и поедем к социализму.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Вопрос точки зрения»

106

В китайском ресторане «Волшебная пагода» пусто. В огромном аквариуме с подсветкой плавают белые и красные рыбки, задумчиво поглядывая сквозь стекло на тела собратьев, лежащих в карамельном соусе на подогреваемых подносах.

Предупредительная официантка, похожая на погибшую юмористку Жин Ми, предлагает меню, в котором не меньше сотни страниц. Птице, рыбе, говядине, свинине посвящен свой раздел.

Исидор заказывает креветки на пару, а Лукреция – утку по-пекински. Стремясь любым способом угодить гостям, владельцы «Волшебной пагоды» установили над аквариумом большой телевизор, где безостановочно показывают новости.

Лукреция понимает, почему Исидор выбрал этот ресторан.

Даже во время еды он хочет быть в курсе того, что происходит в мире.

— Лукреция, вы переутомились. Вам нужно отдохнуть.

Исидор заказывает пиво «циндао» и креветочные шарики на закуску. Лукреция жадно ест.

– Ну, дорогой коллега, какие у нас развлечения в программе?

– Не знаю. Мы в тупике. Для романа материала достаточно, но что касается расследования, я не представляю, в каком направлении двигаться.

Официантка приносит тарелки. Исидор и Лукреция едят палочками, они оба прекрасно ими владеют.

– Ну, теперь вы признаете реальную силу «Шутки, Которая Убивает» и то, что от смеха все-таки можно умереть?

– Увы, я верю в это не больше, чем в Санта-Клауса, Зубную фею, Песочного человечка или демократию.

– А я уверена, что в этом ключ к разгадке! Надо понять, как убивают при помощи текста!

Исидор морщится.

– Мы очень по-разному подходим к расследованию, Лукреция. Я пытаюсь понять «почему», а вы пытаетесь понять «как». Это странно, обычно бывает наоборот. Женщины хотят понять «почему», а мужчины – «как». Возможно, в нашем тандеме я – женщина….

Исидор смеется, но вареник-хакао попадает ему не в то горло. Его лицо багровеет, он пытается откашляться, начинает задыхаться. Официантка равнодушно смотрит на него. Лукреция вскакивает и несколько раз энергично ударяет Исидора по спине. Безрезультатно. Исидору по-прежнему катастрофически не хватает воздуха. Тогда Лукреция обхватывает его руками и резко нажимает на живот. Кусочек пищи выскакивает у него изо рта и повисает на стенке аквариума.

Исидор извиняется, с трудом переводя дух. Из его глаз текут слезы, но он вновь начинает смеяться. Лукреция садится на место и спокойно отпивает глоток пива.

– Вот видите, от смеха можно умереть. Вы едва не задохнулись. Вам нужны еще какие-нибудь доказательства?

– Да. Но, тем не менее, спасибо, Лукреция.

Он смеется снова, на этот раз уже с облегчением.

– Скажите, Исидор, что вы считаете смешным? Когда вы в последний раз смеялись от души?

Он наливает пиво в кружку и не спеша пьет. Рассматривает пузырьки в золотистой жидкости.

– Я смеялся, когда в семнадцать лет у меня впервые был секс, и я испытал оргазм, – говорит он. – Девушка подумала, что я смеюсь над ней, ушла и больше не захотела меня видеть. Я нашел другую подружку. Она понравилась мне именно смешливым нравом. В

момент оргазма, который мы испытали одновременно, мы оба расхохотались. Наш роман длился целый год.

Зачем он мне это рассказывает? Я прошу рассказать о смехе, а не о постельных приключениях! Может, он хочет заставить меня ревновать?

— Когда мы занимались любовью, вы, кстати, не смеялись…

– Я смеюсь только после «большого» оргазма. Знаете, женщины часто путают эякуляцию и мужской оргазм. Бывает эякуляция без оргазма, и бывает психологический оргазм без эякуляции. Я думаю, и у женщин все происходит примерно так же.

Лукреция чувствует, что краснеет.

Он со мной разговаривает с такой грубой откровенностью, потому что ему неловко. Ему стыдно, что он обязан мне своим спасением. Все мужчины одинаковы! То, что делает он, необыкновенно, а то, что делаю я, – так, ничего особенного. Когда он поджигает театр, чтобы спасти меня, – он герой, а когда я бью его по спине, чтобы спасти его, – я… просто добрый приятель.

Лукреция начинает есть, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

– А кроме секса что-нибудь у вас вызывало смех?

– Наверное, фильм «Монти Пайтон и Священный Грааль»! Впервые я увидел его, когда мне было восемнадцать. То, что скетчи начались прямо с титров, показалось мне ужасно новым и удивительным. Я расхохотался. Больше в зале никто не смеялся, на меня стали шикать, и это рассмешило меня еще больше. Я думаю, что человек смеется до слез как раз тогда, когда смеяться нельзя.

Он вертит в руках палочки для еды.

– Я считаю, что настоящий смех – это бунт против остального человечества. Фильм Монти Пайтона ценен именно умом и дерзостью.

Лукреция ест утку. Она берет косточку и шумно обсасывает ее.

– А что смешит вас, Лукреция?

– Во время секса я не смеюсь. И мне кажется, что, если бы вы в такой ситуации стали бы смеяться, я обиделась бы точно так же, как ваша первая подружка.

Вот так. Я сказала это.

Он улыбается.

– Насколько я помню, больше всего я смеялась над анекдотом, – продолжает Лукреция.

– Так вот откуда ваша вера во всемогущество шутки.

– К врачу приходит пациент в большом цилиндре. Доктор спрашивает: «Что вас беспокоит?» Пациент приподнимает шляпу, под ней лягушка, лапки которой словно приросли к его голове. Врач в ужасе спрашивает: «И давно это у вас?» А лягушка отвечает: «Сначала это была просто бородавка на ступне!»

Исидор хохочет. Лукреция удивлена, что анекдот ему так понравился.

– Отлично! Абстрактный анекдот!

– Я услышала его в четырнадцать лет. У меня тогда как раз были бородавки на ступнях, и я страшно переживала. Анекдот меня несколько успокоил. А у вас какой любимый анекдот?

– Не помню. Я их сразу же забываю.

– Ну, хоть один!

– Ладно, но он короткий. «Доктор, у меня провалы в памяти!» – говорит больной. «И давно?» – спрашивает врач. «Что – давно?» – спрашивает пациент.

– И все? Не смешно.

– А мне смешно потому, что я боюсь болезни Альцгеймера. Это своего рода заклинание, изгоняющее злых духов.

– Юмор действительно обладает терапевтическим воздействием. Когда-то одна шутка чуть не убила меня, а другая спасла от смерти.

– А чуть не убила вас шутка вашей… Немезиды?

Лукреция вздрагивает.

– Может быть, вы так хотите узнать, от чего погиб Дарий, именно потому, что шутка едва не отправила вас на тот свет. Я прав?

Он понял. Он все чувствует. Он гораздо внимательнее к собеседнику, чем остальные. Меня это очень трогает. Другие мои любовники говорили только о себе и ничего не слушали. Они делали вид, что интересуются мной, чтобы я ими заинтересовалась. А Исидору действительно важно не только мое тело, но и душа. А я не ценю это и считаю вторжением в личное пространство. Я неправа. Рассказать ему все?

— Я могу сказать вам только, что это произошло первого апреля.

Неожиданно она прерывается и смотрит на экран телевизора.

– Черт! Сегодня двадцать седьмое марта.

– Ну и что?

Лукреция показывает на экран, где идет новостная программа. Журналист ведет репортаж, стоя у входа в «Олимпию». На огромной афише изображен знаменитый глаз с сердечком. У дверей концертного зала толпится народ.

Лукреция встает.

– Скорее, – говорит она.

– Ну, что еще? Неужели нельзя в кои-то веки спокойно поесть?

– Сегодня вечером в «Олимпии» большое шоу, посвященное памяти Циклопа!

107

Маленький циклоп спрашивает отца:

– Папа, а почему в школе только у меня один глаз?

Папа завтракает, читает газету и ничего не отвечает.

– Ну, папа! Почему у всех два глаза, а у меня один?

Папа опускает газету и говорит:

– Потому что ты – циклоп, а у циклопов один глаз.

Ребенок задумывается, а потом снова спрашивает:

– А почему у циклопов только один глаз? А?

Папа отгораживается от сына газетой.

– Папа, скажи! Папа, ну, скажи, почему у циклопов один глаз? А? Почему?

Папа резко опускает газету и в бешенстве кричит:

– Долго ты мне тут будешь яйцо выкручивать?!

Отрывок из скетча Дария Возняка «Жизнь артиста»

108

Сердечко в глазу.

Знамя Дария реет над входом. На фасаде «Олимпии» сияют огромные неоновые буквы: «Шоу памяти Циклопа». Один за другим подъезжают черные лимузины. Из них выходят знаменитости, на которых тут же нападает толпа фотографов.

Порядок поддерживается образцовый. У входа стоят не «розовые громилы» из «Циклоп Продакшн», а парни в черных костюмах из службы безопасности Стефана Крауца.

– Сожалею, но вы не можете пройти.

Лукреция показывает журналистское удостоверение.

– Сожалею. Пригласительные билеты именные, вас нет в списках.

– Я лично знаю Стефана Крауца, – настаивает Лукреция. – Спросите у него, если не верите.

Охранник соглашается позвонить ответственному по связям.

– Сожалею, но билеты кончились три дня назад. Мы всем отказываем.

– Я сотрудник «Современного обозревателя».

– Сожалею. Кстати, от вашего журнала уже есть представители. Госпожа Тенардье или что-то в этом роде.

Исидор и Лукреция вынуждены признать поражение. Обогнув здание «Олимпии», они подходят к служебному входу, рядом с которым, пытаясь согреться, отбивает чечетку группа курильщиков.

– Придется нарушить закон, – говорит Лукреция.

Она замечает пару клоунов в розовых костюмах подходящего размера. Под предлогом интервью она уводит их в ближайший подъезд и, угрожая оружием, заставляет снять одежду. Затем связывает и затыкает им рты.

Исидор старается немного ослабить веревки и оставляет в пределах досягаемости мобильные телефоны, чтобы пленники смогли позвать на помощь.

– Сейчас не время любезничать, – замечает Лукреция.

– Но это они оказали нам любезность, одолжив костюмы. С моей стороны это элементарная благодарность.

Переодевшись, Исидор и Лукреция входят в театр, затерявшись среди других розовых клоунов. Едва они оказываются внутри, как охранники закрывают двери, чтобы не допустить вторжения журналистов.

– Отлично, отступать уже некуда.

– Спрячемся где-нибудь и будем наблюдать. Главные действующие лица уже здесь.

– Осторожно, вот как раз один из них.

Перед ними «розовый громила», похожий на питбуля. Он явно ищет кого-то или что-то. Исидор и Лукреция отступают, чтобы не попасть ему на глаза, и чувствуют, как их хватают за руки.

– Господи, вот вы где! Наконец-то! Мы вас везде ищем. Торопитесь, через несколько минут начинаем.

Они понимают, что ассистент заметил большие цифры у них на спинах. Исидор и Лукреция смотрят на свои номера. У них обоих это цифра «девятнадцать».

– Наверное, дуэт, – вздыхает Исидор. Он чувствует растущее беспокойство.

Но «розовый громила», похожий на питбуля, продолжает шнырять поблизости. Выбора не остается.

Ассистент заталкивает Исидора и Лукрецию в большую комнату, где много клоунов в таких же розовых костюмах. Исидор и Лукреция наносят грим, приклеивают красные носы, надевают черные повязки. Затем вместе со всеми они толпятся в коридоре. Все комики, даже знаменитости, наряжены в клоунов с повязкой на глазу. К ним подходит возбужденный ассистент с наушниками.

– Все должны помнить текст! Напоминаю, суфлеров тут нет.

Ассистент предлагает напитки. На экране видна сцена. Лукреция замечает Феликса Шаттама. К счастью, он так занят заучиванием текста, что не обращает на нее никакого внимания. Раздается голос из громкоговорителя:

– Две минуты.

Напряжение нарастает. «Розовый громила», похожий на питбуля, не двигается с места, словно что-то учуял. Он топчется у двери.

– У меня такое чувство, что я лечу в самолете и нужно прыгать с парашютом, – говорит Лукреция. – Вот только парашюта у меня нет.

– Лукреция, я задам вам глупый вопрос, на который вы можете не отвечать. Так ли уж нам было нужно приходить сюда?

– Я тоже развиваю «женскую интуицию», Исидор.

– Очень хорошо. И кого вы подозреваете?

– Одного из клоунов. Все-таки очень полезно понаблюдать за таким количеством потенциальных убийц, собравшихся в одном месте, в одно время и при обстоятельствах, довольно схожих с обстоятельствами гибели Дария. Знаете поговорку: «Преступник всегда возвращается на место преступления».

Исидор пожимает плечами. Слова Лукреции его не убеждают.

– Тридцать секунд, – раздается голос из громкоговорителя.

Лукреция указывает на пожарного, сворачивающего самокрутку:

– Кстати, именно этого пожарного, Франка Тампести, я первого опрашивала после убийства. Доверьтесь мне хотя бы раз, поведем расследование моими методами.

Исидор поднимает брови.

– Не уверен, что это хорошая идея. Меня терзают нехорошие предчувствия. Как только питбуль отвернется, нужно убираться. И понаблюдать из какого-нибудь укрытия.

Громкоговоритель снова оживает.

– Пять, четыре, три, два, один. Тишина на площадке. Мотор! Начали!

Звучит симфоническая музыка. Один-единственный прожектор освещает медленно разворачивающийся над сценой гигантский портрет Дария.

Церемониймейстер Стефан Крауц выходит к публике. Зал аплодирует. Он ждет тишины.

– Когда я впервые увидел Дария, то сказал ему: «У вас ровно три минуты, чтобы рассмешить меня» – и включил хронометр. Он заставил меня расхохотаться через пятьдесят шесть целых и две десятых секунды. Его уже нет с нами, но магия его жива. Двадцать лет спустя я не боюсь сказать, что Дарий смешил меня всегда. И будет смешить людей еще долгие столетия.

Зал аплодирует.

– Дарий бессмертен. Он навсегда останется в сердцах тех, кто видел его выступления. Но я хорошо знал его лично, и могу сказать, что за веселой маской клоуна скрывался необыкновенный человек. Человек великой эрудиции, великого благородства, великой смелости. Может быть, поэтому его называли не только Циклопом, но и Великим Дарием.

Зал снова взрывается овацией.

Затем Стефан Крауц зачитывает программу шоу памяти Дария, перечисляя имена комиков, которые выступят, переодевшись в розовые костюмы. Снова звучит музыка, занавес поднимается. Первым выходит Феликс Шаттам, в сопровождении десятка девушек, тоже одетых розовыми клоунами.

Он подражает голосу мастера:

– Привет, друзья, я призрак Дария! Я перевоплотился в Феликса и страшно рад, что после смерти собираю еще больше зрителей, чем при жизни….

В зале слышен смех. Клоуны вокруг Исидора и Лукреции, кажется, испытывают облегчение. Первый парашютист приземлился удачно. Зал оживился, он разогревается. Следующим будет проще.

– Ненавижу имитаторов. Они воруют чужие голоса, – говорит один из комиков. – Хамелеоны. Своих красок нет, они заимствуют чужие.

– Меня Феликс Шаттам никогда не мог рассмешить.

– Ты прав, полное ничтожество.

– Да вы послушайте его! Принимает себя за второго Дария, но ведь давно известно: тот, кто копирует льва, не лев, а обезьяна.

Юмористы усмехаются.

– Когда обезьяна лезет на пальму, всем видно ее красную задницу.

– Он просто жалок. Зал смеется не там, где предусмотрено. Все шутки проваливаются.

Лукрецию удивляет такая недоброжелательность.

Исидор шепчет ей:

– А я вам говорил, что комики жестоки.

– Как и представители всех остальных профессий. Об отсутствующих коллегах всегда говорят плохо. Вы замечали, когда в «Современном обозревателе» обедаешь с кем-нибудь, он обязательно будет перемывать косточки остальным журналистам?

– С юмористами дело обстоит еще хуже – они остроумны по определению. И издеваются более зло.

Лукреция не находится с ответом.

– Так, питбуль исчез. Пошли?

Они хотят уйти, но тут к клоунам подходит Стефан Крауц. Исидор и Лукреция поспешно отворачиваются.

– Номер два. Приготовьтесь, Феликс скоро заканчивает. Освежите грим и становитесь на точку выхода на сцену. Не забудьте дойти до белой полосы, иначе боковая камера вас не увидит.

– Они выходят по порядку, – шепчет Исидор. – Пока очередь дойдет до девятнадцати, мы успеем улизнуть.

Клоуны продолжают комментировать происходящее.

– И все-таки… Все превозносят Дария, а ведь прекрасно известно, что он воровал чужие скетчи, – говорит клоун под номером тринадцать.

– Под конец он даже не давал себе труда воровать лично, его ребята приходили на чужие выступления и записывали хорошие шутки. Таковы крупные мошенники, за них всю работу делают подручные, – добавляет пятнадцатый номер. – Вот и один из них, пожалуйста.

Действительно, появляется «розовый громила», похожий на питбуля, и усаживается в кресло у выхода.

Юморист номер два выходит на сцену. Оставшиеся за кулисами обсуждают его точно так же, как и первого артиста.

– О-па! Первая шутка прошла незамеченной! – говорит тринадцатый номер.

Выступление продолжается, юмористы комментируют.

– Тут он промахнулся, – говорит пятнадцатый номер.

– А тут кусок текста забыл. Это из-за марихуаны. Он слишком много курит, вот память и отшибает. Он сам не помнит своих убогих шуток, – смеется одиннадцатый номер.

– Смотрите, публика не отреагировала на «пережаренного цыпленка»! А ведь это его лучшая шутка. Бедный, все резервы исчерпаны.

Через несколько минут клоун возвращается за кулисы.

– Ну, как это было? – спрашивает он с беспокойством.

– Великолепно! – отвечает тринадцатый номер.

– Ты их покорил. Взял за горло! – говорит одиннадцатый.

– Зал просто шел у тебя на поводу! – подхватывает пятнадцатый.

– Правда? А то мне показалось, что я вдруг забуксовал.

– Ты слишком требователен к себе.

Лукреция пихает локтем Исидора.

– Может быть, тут мы узнаем больше, чем за все время расследования.

Номер третий готовится к выходу. Остальные поддерживают его.

– Ни пуха ни пера! Не стесняйся, посылай нас к черту.

Странно, кажется, каждый искренне считает, что плохо говорят обо всех, кроме него.

Номер три выходит под свет прожекторов.

Клоун номер тринадцать провожает его глазами, а потом оборачивается к коллегам:

– Если хотите знать мое мнение, Дария доконал кокаин. Под конец он столько его нюхал, что его трясло даже на сцене. Аж под носом следы были видны.

– Видите, у нас появляется новая информация о его гибели, – шепчет Лукреция.

– Я вижу, что нам отсюда будет трудно выбраться.

Двадцать четвертый добавляет:

– Если его канонизируют, то это будет первый святой-наркоман.

Все хохочут.

– Это был самый злой человек, которого я встречал, – говорит одиннадцатый.

– И самый скупой! Когда мы ходили в ресторан, он всегда забывал кошелек! Подумать только, живет в замке и не может заплатить по счету!

– А как этот представитель народа презирал обслугу! Постоянно оскорблял официантов. Чаевых никогда не давал.

– И выступал со скетчем, в котором официант обсчитывает бедных клиентов! Мир встал с ног на голову.

Снова звучит смех.

Мимо, еле волоча ноги, проходит Феликс Шаттам. Он вышел из туалета, где его долго рвало. Все умолкают. Тринадцатый шепчет у него за спиной:

– Тише, тише, вот призрак Дария!

И снова раздается смех.

Скетч на сцене награждается громкими аплодисментами. Наступает очередь четвертого клоуна. Он присоединяется к группе розовых клоунов, участвующих в номере.

Во время паузы Стефан Крауц напоминает, что Циклоп не только смешил зрителей, он еще и воспитывал новое поколение комиков в «Школе Смеха» и в «Театре Дария».

Как странно! Такой контраст – на сцене его осыпают похвалами, а за кулисами поливают грязью. Не знаю, кому и верить.

— Пошли! Кажется, путь свободен, – говорит Исидор.

Но как раз в тот момент, когда они собираются улизнуть, клоун номер семь подскакивает к Лукреции и хлопает ее по заднице.

– Так ты вошла во вкус? Не терпится увидеть тебя на сцене!

Удивленная Лукреция разглядывает перечеркнутое черной повязкой лицо с красным носом.

Мари-Анж!

— А ты знаешь, что должен делать на сцене дуэт номер девятнадцать? – насмешливо говорит Мари-Анж.

Лукреция спокойно смотрит на нее.

– Представлять знаменитый скетч Дария «Я раздеваюсь». Это стриптиз.

Лукреция сжимает кулаки, собираясь нанести удар. Исидор шепчет:

– Сейчас не время привлекать к себе внимание.

– А этот толстый господин, который пришел тебя поддержать, наверное, твой папа? Я думала, что ты сирота. Браво, ты его все-таки нашла, – продолжает Мари-Анж.

Лукреция закусывает губу.

– Видишь ли, Лукреция, меня всегда разочаровывало в тебе отсутствие остроумия. Ты по-настоящему насмешила меня только тогда, в тот памятный первоапрельский день. Интересно, превзойдешь ли ты саму себя сегодня?

Лукреция бросается на бывшую подругу, но Исидор, уже изучивший манеру ее поведения, становится между девушками.

В этот момент церемониймейстер приглашает на сцену клоуна номер семь.

– Увы, друзья, хотелось бы продолжить беседу, но мне пора работать.

Исидор наклоняется к Лукреции.

– Предупреждаю, если вы еще раз не сдержитесь, я выйду из игры. Я не могу терять время на маленькую грубиянку, которая не умеет себя контролировать и, словно бык, бросается вперед, завидев красную тряпку. Пошли отсюда!

Но тут «розовый громила», похожий на питбуля, возвращается, и они остаются на месте. Рисковать нельзя. Клоуны, ожидающие своей очереди, продолжают отпускать комментарии.

– Это Мари-Анж Жиакометти! Кажется, она спала с Дарием, – говорит одиннадцатый.

– И не только с ним. И с его братьями тоже. И с телохранителями!

Звучит смех.

– А я считаю, что Дарий был отличный парень, – говорит клоун номер девять. – Я женщина, а мне он не только помогал, но и всегда относился с уважением.

– Естественно. Потому что ты не такая шлюха, как Мари-Анж. Ты создана скорее для фильмов Феллини, чем для Тима Бартона.

Смех.

– И все равно Дарий – настоящая звезда, а вы просто завистники. И если бы не это шоу в его честь… вас никогда в жизни даже близко к «Олимпии» бы не подпустили!

Выпалив это, девятый клоун на всякий случай отходит подальше от коллег, которые с трудом сдерживают гнев.

С волками жить, по-волчьи выть? Не люблю я этого.

Лукреция смотрит на экран, надеясь, что выступление ее бывшей подруги не увенчается успехом. Но та, может быть желая произвести впечатление на Лукрецию, превосходит саму себя и вызывает гром аплодисментов.

Громкоговоритель объявляет: «Изменения в программе! Дуэт номер девятнадцать выступает вместо клоуна номер восемь. Приготовьтесь».

Исидор и Лукреция застывают от ужаса. Телохранитель-питбуль и не думает уходить. Он спокойно разговаривает с пожарным Франком Тампести.

Мы не можем убежать! Попались, как мыши в мышеловку!

— Лукреция, я подчинился вашей интуиции. Но так, для справки… просто для общего развития… что мы будем делать, очутившись на сцене?

Лукреция смотрит на протянутый ей листок с текстом, но двадцати секунд явно недостаточно, чтобы выучить миниатюру наизусть. Лоб Исидора покрывают крупные капли пота.

За ними уже идут. Ассистент подводит их к сцене, они видят Мари-Анж, произносящую последнюю шутку. Ее награждают взрывом хохота и громкими аплодисментами.

Занавес опускается, Мари-Анж уходит со сцены, на которую, по знаку распорядителя, должен теперь выйти дуэт номер девятнадцать.

– Ни пуха ни пера!

Мари-Анж уходит, чтобы сесть в первом ряду. На освещенной сцене появляется Стефан Крауц и говорит в потрескивающий микрофон:

– А теперь – иностранные гости! Давид и Ванесса Битоновски, которые приехали из Квебека! Они исполнят скетч «Стриптиз». Предупреждаю, это очень необычный номер!

Ассистент заставляет их сделать несколько шагов и встать у белой черты.

– Вам повезло, публика разогрета.

Лукреция и Исидор ждут, стоя посреди сцены перед красным бархатным занавесом.

Как странно, в эту минуту мне вспоминается другая, очень давняя, забытая минута.

Красный бархатный занавес начинает медленно подниматься.

Та давняя минута – это мое появление на свет.

Это было очень давно, я находилась в утробе матери.

Это было очень давно, меня окружала темнота, но вдруг красные стены расступились, и я вышла на свет.

На меня смотрели. На меня смотрели люди. Они чего-то ждали от меня.

Тяжелый занавес «Олимпии» открывается, Исидор и Лукреция оказываются перед переполненным залом. К ним прикованы сотни глаз.

Лукреция видит рядом с прожекторами телекамеры, которые транслируют шоу в прямом эфире для миллионов жителей Франции и всей франкоговорящей части планеты.

Она чувствует, как по ее спине течет ледяной пот. В первом ряду министр культуры, известные политические деятели, знаменитые артисты и семь уже выступивших клоунов. Они доброжелательно улыбаются. Мари-Анж подмигивает.

Справа сидят общественные деятели и журналисты, и среди них Кристиана Тенардье в вечернем платье и колье, похожем на стетоскоп.

В минуту моего рождения что-то шло не так.

Люди смотрели на меня и чего-то ждали.

А я не делала этого.

Справа от Лукреции стоит окаменевший Исидор.

Он слегка улыбается краем губ и мысленно спрашивает ее:

И что теперь делать, дорогая Лукреция?

109

Три человека стоят над могилой друга и обсуждают, что бы им самим хотелось услышать, если бы они лежали в гробу.

Первый говорит:

– Я бы хотел, чтобы обо мне сказали – он был хорошим отцом и мужем.

Второй говорит:

– А я бы хотел, чтобы обо мне сказали – он был блестящим педагогом, ученики так любили его!

А третий, глядя на своего друга в гробу, говорит:

– А я бы хотел услышать: «Смотрите! Он шевелится!»

Отрывок из скетча Дария Возняка «Последнее желание перед прыжком со скалы»

110

Наступает тишина.

– Начинайте! – шепчет ассистент из кулис.

Лукреция и Исидор стоят неподвижно, словно кролики, ослепленные фарами приближающегося грузовика.

Исидор, конечно, будет на меня сердиться, но я чувствую, что происходящее чрезвычайно важно для расследования. И понять это мы сможем, только пережив эмоции выступающего на сцене юмориста.

Она, не моргая, выдерживает пристальный взгляд Исидора.

Во время моего появления на свет они тоже смотрели и ждали. Я не делала того, чего они ожидали, и они волновались…

Они боялись, что я умру.

Она видит взгляды, пронизывающие ее, словно стрелами.

Я умираю.

Смерть – это самое лучшее в данной ситуации. Не нужно думать о будущем. Смерть не вызывает смеха. Может быть, жалость. Почти всегда – уважение. Сейчас сотни зрителей в зале, миллионы людей у телеэкранов спрашивают себя: «Чего она ждет, почему не начинает нас смешить?»

Я больше не существую.

Все в эту минуту смотрят на меня и считают меня ничтожеством. Такого ужасного чувства я не испытывала никогда в жизни.

Даже тогда, первого апреля, меня видели лишь несколько прыщавых девочек-подростков.

А тут тысячи, да что я говорю, миллионы людей…

Я умираю.

Что теперь будет?

Я хочу двигаться и не могу.

Надо дышать медленно, надо заставить сердце продолжать биться. Надо сглотнуть слюну.

Зачем я сюда пришла?

И Тенардье сидит в первом ряду.

И Мари-Анж на меня смотрит.

Вся моя жизнь – это заговор, целью которого была эта минута величайшего позора.

Меня сейчас разорвет. Черная дыра в сердце засосет и тело, и душу.

Я УНИЧТОЖЕНА.

Но я рада, что нахожусь в этой страшной ситуации не одна.

У меня есть товарищ по несчастью. Мы вместе переживаем еще один ужасный опыт.

ЧТО ТЕПЕРЬ БУДЕТ?

Зрители в зале тоже испытывают неловкость.

Кое-кто начинает грызть ногти.

Два клоуна на сцене, высокий толстяк и худенький коротышка, по-прежнему стоят неподвижно и хранят молчание.

В родильном отделении больницы моя собственная мать, которая знала, что нельзя наказывать детей в первую минуту после их появления на свет, преодолела стыд и сочла, что такое убогое существо достойно пощечины.

И Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАСЛУЖИВАЛА ЕЕ.

Меня нужно было отшлепать, чтобы научить вежливости: родившись, надо поздороваться и поблагодарить за подаренную жизнь.

Здравствуй, Вселенная.

Спасибо, природа.

Спасибо вам, родители, за то, что вы меня зачали.

Спасибо тебе, мама, за то, что ты носила меня девять месяцев, ведь я сделала бесформенной твою стройную фигуру.

Спасибо тебе, мама, за то, что ты терпела из-за меня газы в кишечнике, обмороки, отяжелевшую грудь.

Спасибо вам, повитухи и акушеры, за то, что вы сумели вытащить меня из недр чрева, полного вязкой крови, ведь у меня были такие острые плечи, такая большая голова, а мои руки и ноги беспорядочно дергались, напоминая движения марионетки.

Спасибо тебе, мама, за то, что ты выдержала все муки, причиненные моим рождением.

А я, неблагодарное дитя, ничего не говорила.

Наверное, поэтому она меня и бросила. Быть может, и мой отец стоял среди смотревших на меня людей, ждавших от меня чего-то, среди людей, которых я разочаровала, потому что не сделала того, чего они ждали.

В зале, за кулисами, у камер все испытывают растущее чувство неловкости. Ничего не происходит. Проходит пять секунд. Десять. Двадцать. Они тянутся очень медленно.

– Чего вы ждете? Говорите текст и раздевайтесь! – слышится свистящий шепот охваченного паникой ассистента.

Два клоуна стоят неподвижно.

Чего они ждали в день моего рождения? ЧЕГО они ждали? Что я забыла сделать? Почему я так огорчила всех, едва появившись на свет?

Минуты кажутся часами.

Осуждающие, разочарованные глаза…

По спине Лукреции текут реки пота.

Теперь я понимаю, почему выступающим на сцене артистам так много платят. Это невыносимая пытка. Как ужасны эти глаза. И как велик страх не услышать смеха.

Дарий Возняк тоже знал этот страх, поэтому и заглушал его наркотиками, жестокостью, агрессией.

Часы превращаются в столетия. Вся жизнь проносится в ее памяти, начиная с рождения и заканчивая выходом на сцену «Олимпии». Она видит огорченные лица акушерок, насмешливое лицо Мари-Анж, удивленное лицо Тенардье, которая ее не узнала, черные зрачки камер с красными огоньками, расстроенные лица родителей. И вдруг кому-

то приходит в голову идея. Какому-то человеку в белой маске. Он берет ее за ноги, переворачивает вниз головой и шлепает.

Вот так нужно обращаться с плохими, неблагодарными младенцами, которые ведут себя не так, как полагается.

Вот так нужно со мной обращаться потому, что я всех огорчаю.

Вот почему мои родители меня бросили.

Они дали ей заслуженный шлепок. И ей было очень больно.

И вдруг Лукреция издает истошный вопль, прокатывающийся эхом по всей «Олимпии».

Исидор стоит не шевелясь.

Лукреция продолжает оглушительно кричать.

Чувство неловкости в зале нарастает, словно дождевая туча. И неожиданно с задних рядов слышится чей-то смех.

Быть может, первобытный вопль Лукреции напомнил этому зрителю его собственный крик при появлении на свет, и он, при полном молчании зала, начинает гомерически хохотать.

Толстый высокий человек на сцене не издает ни звука. Он неподвижно смотрит прямо перед собой. Невысокая девушка рядом вопит во всю силу легких. В глубине зала кто-то покатывается от истерического смеха.

Три составляющие спектакля потрясают зал. Камеры дают лицо Лукреции крупным планом.

Затем грозовая туча словно прорывается дождем. Еще два зрителя в зале начинают смеяться. Несколько человек в первом ряду нервно фыркают, как лошади, ожидающие сигнала к началу забега. Уже человек двадцать, не в силах сдерживаться, громко хохочут.

И шквал смеха, как шквал дождя, накрывает весь зал.

В следующие секунды начинают смеяться все, не понимая, почему они смеются, и от этого смеясь еще сильнее. Два клоуна неподвижно стоят на сцене. Один замер как соляной столп, другая истошно вопит.

Я не знаю, что со мной происходит.

Я не знаю, что с ними происходит.

Смех в зале нарастает.

Лукреция знает, что из-за кулис ассистент выкрикивает ругательства в ее адрес, но она не обращает на него внимания. Она видит расплывшиеся от хохота лица в первом ряду, кто-то показывает на клоунов пальцем, словно призывая соседа в свидетели этой нелепой ситуации.

Как они безобразны, когда смеются. Их лица искажаются, как пластилиновые.

Крик продолжается. Смех тоже.

Минуты идут.

Люди продолжают хохотать, Лукреция замечает, что даже кинооператор снимает очки, чтобы вытереть слезы, выступившие от смеха.

Задохнувшись, она умолкает. В зале тоже постепенно устанавливается тишина.

Она набирает в грудь воздуха и разражается рыданиями.

Зал встает и аплодирует великолепному выступлению. Это триумф.

Вот чего с самого рождения ждал от меня мир: крика и слез.

Вот чем я разочаровала всех: я не кричала и не плакала. Я всегда делала это тайно, без свидетелей.

Поэтому все считают меня жестокой и бессердечной.

В день моего появления на свет я должна была начать дышать, чтобы выжить. И с тех пор я следую этой привычке: дышу, чтобы выжить. Но я не испустила громкий ликующий крик, который издают все младенцы, пускаясь в приключение под названием «жизнь».

Так новорожденный говорит «спасибо».

Младенец кричит, выражая радость оттого, что появился на свет.

Этот крик означает: «Я СЧАСТЛИВ, ЧТО Я ЗДЕСЬ, Я СЧАСТЛИВ ЖИТЬ, Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ВЫ – МОИ РОДИТЕЛИ!»

Я издала свой первый крик только сейчас, все это понимают, испытывают облегчение и смеются от радости.

Кое-кто в зале продолжает смеяться.

Исидор стоит неподвижно. Из глаз Лукреции текут слезы.

Красный бархатный занавес, словно щит, наконец опускается перед ними. Они слышат нескончаемые аплодисменты. Тот самый ассистент, который недавно проклинал их, делает жест, изображающий рукоплескания.

Мы не провалились. Мы все-таки добились успеха. Господи! Заставили смеяться толпу! Я победила!

Стефан Крауц появляется перед занавесом. Он ждет, пока публика успокоится.

– М-м… Да, юмор – это иногда и молчание. Как у Моцарта… Тишина после скетча Дария – это тоже Дарий. Но только тишины было недостаточно, и Ванесса сумела дополнить ее личной нотой. Криком боли и плачем по исчезнувшему другу Дарию.

Аплодисменты звучат снова.

– Мы все оценили новую интерпретацию скетча «Стриптиз». Что может лучше всего выразить страдание, как не полное отсутствие игры и просто крик, не так ли? Итак, это были Давид и Ванесса, вы видели их впервые, поскольку, напоминаю вам, эти комики из Квебека специально приехали почтить память великого Дария. Вознаградим их аплодисментами.

Начинается настоящая неистовая овация.

Исидор и Лукреция по-прежнему стоят неподвижно, не в силах придти в себя после пережитого волнения. Их лихорадочно бьющиеся сердца не сразу возвращаются к нормальному ритму.

Лукреция сильно сжимает руку Исидора.

– Я думал, что умру, – говорит он просто.

А мне показалось, что я родилась.

— Американский комик Энди Кауфман проделал то же самое в 1970 году: три минуты молчания на сцене. Ни единого слова, полное отсутствие мимики. И имел успех. В подобных обстоятельствах мы и не могли избрать другой тактики, – произносит Исидор, еле ворочая языком. Он словно бредит.

– Да хватит вам делать вид, что вы все на свете знаете и все предусмотрели. Мы окаменели от ужаса. Вот и стояли истуканами. А закричала я потому…

Потому, что заново пережила свое первое поражение, то самое, что повлекло за собой другие.

— Почему?

– Потому что ожидание стало невыносимым. Пора продолжать расследование.

Они решают вернуться за кулисы и оттуда следить за продолжением шоу.

Остальные комики смотрят на них с каким-то страхом и недоверием.

Ни за что не буду спрашивать, что они думают о нашем выступлении.

Исидор и Лукреция садятся и смотрят на экран монитора. На сцену вновь поднимается Стефан Крауц и объявляет о неожиданном визите дорогого гостя.

– Это друг, коллега и знаменитый продюсер – брат Циклопа, сам Тадеуш Возняк!

Появляется Тадеуш в розовом костюме и бабочке цвета фуксии. Он приветствует публику, прижимая три пальца к правому глазу. Пожимает руку Краущу, и они дружески обнимаются.

– Дорогой Стефан!.. Можно я буду вас называть просто Стеф? Я помню, Стеф, как Дарий любил тебя и сколько им тебе обязан. Я знаю, что если он смотрит сейчас на нас, то он очень рад этому шоу в его честь, этому залу, полному его друзей и поклонников.

– Спасибо, Тад. Ты действительно отличный парень.

– Не за что, Стеф. Знаешь, в день смерти брата, я сидел здесь, в «Олимпии», в первом ряду. Я вспоминаю его скетч. Он заканчивался словами: «…тогда он прочел последнюю фразу, расхохотался и умер». Я хочу сегодня исполнить для вас этот скетч.

Тадеуш Возняк расправляет листок и читает текст. Последние слова он произносит преувеличенно медленно, с нажимом.

– Он… расхохотался… и… умер.

Зал аплодирует, стоя.

Исидор вытирает лицо, потом протягивает полотенце Лукреции.

Она обессилено говорит:

– Подождите меня. Мне лучше сходить в туалет.

Лукреция толкает дверь с изображением женской фигурки.

Она дергает дверь в первую, а затем во вторую кабинку. Обе заняты.

Только этого не хватало. Я долго не выдержу.

Она начинает стучать в одну из дверей, призывая поскорее освободить кабинку. Голос изнутри просит ее проявить терпение.

Она умывается. Никогда еще ледяная вода не доставляла ей такого удовольствия.

Если бы я родилась в бассейне, мне не надо было бы ни плакать, ни кричать. Я бы просто поплыла. Может быть, поэтому мне так приятно видеть, как плещется Исидор со своими дельфинами. Надо купить нового Левиафана.

Неожиданный шум заставляет ее вздрогнуть. В помещении неподалеку от туалета хохочет мужчина. Хохочет слишком громко. Во власти дурного предчувствия, Лукреция выходит в коридор, идет на звук и останавливается у гримерки Тадеуша Возняка.

Ее догоняют Исидор и пожарный Франк Тампести. Они подходят к гримерке и слышат, что Тадеуш смеется все громче и громче. Лукреция пытается открыть дверь, но та не поддается. Она бьет ее ногами.

Смех, доносящийся из гримерки, превращается в предсмертный крик. Слышен шум падающего тела. Со всех сторон подбегают люди. Пожарный достает связку ключей, но так спешит и волнуется, что никак не может найти нужный.

Догадавшись, что их ждет в гримерке и не желая тратить время зря, Лукреция бросается за толпой поклонников Тадеуша. Они получили автографы и, рассеиваясь, медленно движутся к выходу. Исидор понимает ее замысел и следует за ней.

– Там! – говорит она. – Он там!

Она бежит. Потом, потеряв цель из виду, останавливается. Исидор догоняет ее.

– Я видела его! Грустного клоуна!..

Задыхаясь, она оглядывается и вдруг снова замечает его.

– Эй! Стой!

Грустный клоун оборачивается и прибавляет шагу.

– Задержите его! Задержите!

Плотная толпа поклонников мешает им. Грустный клоун бросается к лестнице, открывает дверь и бежит по узкому проходу к колосникам. Исидор и Лукреция преследуют его и оказываются на мостках, на десятиметровой высоте над сценой.

Теперь они ясно видят беглеца.

Зал внизу смотрит скетч юмориста под тринадцатым номером.

Грустный клоун хватается за канат и спускается по нему прямо на середину сцены. Тринадцатый комик и его помощники удивленно умолкают. Грустный клоун кланяется и прижимает три пальца к правому глазу. Зал решает, что это часть представления и хлопает. Лукреция и Исидор спускаются на сцену тем же путем. Публика узнает их и взрывается аплодисментами.

– Давид и Ванесса!

Исидор и Лукреция повторяют жест грустного клоуна и кланяются. Зал бушует. Так они убеждаются в правильности утверждения Анри Бергсона: шутка лишь выигрывает от повторения.

Грустный клоун тем временем проталкивается к запасному выходу и выскакивает на улицу. Исидор и Лукреция следуют за ним. Он садится на мотоцикл и быстро уезжает. Они прыгают на свой мотоцикл и бросаются в погоню. Они мчатся по разделительной полосе Итальянского бульвара, вылетают на бульвар Пуассонньер с односторонним движением.

Мотоцикл грустного клоуна мчится по встречной полосе, лавируя между едущими навстречу машинами. Лукреция не может угнаться за ним. Она с трудом уворачивается от грузовика, задевает легковой автомобиль, проезжает мимо разгневанного пешехода и, едва избежав столкновения с автобусом, прекращает преследование.

– И что мы теперь будем делать, Лукреция?

– Вы – не знаю, а мне срочно нужно в туалет.

В деревне, живущей за счет туристов, поток экскурсантов сильно поредел из-за экономического кризиса. Проходит месяц за месяцем, и будущее представляется жителям деревни все более безрадостным.

Но вот в гостиницу приезжает постоялец и снимает комнату за сто евро. Турист еще не успевает подняться в номер, а хозяин гостиницы уже несет сто евро мяснику, которому задолжал.

Мясник отдает сто евро крестьянину, снабжающему его мясом.

Крестьянин немедленно возвращает сто евро проститутке, с которой провел несколько приятных вечеров.

Проститутка вручает сто евро хозяину гостиницы, который сдавал ей комнату в кредит.

Когда она кладет деньги на стойку, к хозяину гостиницы подходит турист, говорит, что номер ему не нравится, забирает деньги и уходит.

Никто ничего не потратил, никто ничего не заработал, но никто ничего и не потерял.

И в деревне уже нет должников. Не таким ли образом решается сейчас проблема мирового экономического кризиса?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Основной политический анализ»

Акт III
Умереть со смеху

112

«Новый удар нанесен в самое сердце юмора».

«Тадеуш Возняк умирает после шоу памяти брата».

«Брат Циклопа умер так же, как сам Дарий».

С такими заголовками выходят газеты на следующее утро.

Дневные новости в тринадцать часов начинаются сообщением:

– Трагическое событие в «Олимпии». После вечера памяти Дария его родной брат Тадеуш Возняк умер от сердечного приступа у себя в гримерке. Наш специальный корреспондент с места событий передает…

На экране появляется гримерка. На полу очерчен мелом контур мертвого тела.

– Да, Жером!.. Необъяснимая кончина Тадеуша – в том же концертном зале, в той же гримерке, где умер его брат Дарий. Чтобы понять причины этой странной смерти, дадим слово судебно-медицинскому эксперту Парижского института криминологии доктору Патрику Бовену. Доктор Бовен, вы можете прокомментировать уже вторую смерть без следов и улик?

На экране появляется знаменитый ученый.

– На этой стадии расследования мы, естественно, не можем ничего утверждать. Тадеуш Возняк находился один в запертой гримерке. У него случился сердечный приступ, который стал причиной мгновенной смерти. Судя по улыбке на его лице, он не страдал.

– Доктор Бовен, возможно, речь идет о наследственном заболевании?

– Это одна из гипотез. Тадеуш, как и Дарий, жил в очень напряженном ритме. Его окружение свидетельствует, что он курил, пил, мало спал. Выступление перед публикой – это испытание и для тела, и для психики. Я считаю, что оба брата страдали сердечной недостаточностью. Вскрытие позволит сделать более точные выводы.

– Спасибо, доктор Бовен.

Ведущий продолжает:

– Президент Республики выразил соболезнования семье Возняк. Похороны Тадеуша Возняка состоятся в среду, в одиннадцать часов. Он будет погребен в фамильном склепе на кладбище Монмартра.

113

– «Проклятие семьи Возняк снова напомнило о себе», восклицательный знак. Или многоточие. Как вам такой заголовок? – спрашивает Кристиана Тенардье.

– Очень хорошо, отлично, – раздается сразу несколько голосов.

– Неудивительно, что вам нравится. Этот заголовок предложила дирекция. Но он никуда не годится. А знаете почему? Потому что он был уже в двух газетах. У вас, наверное, нет времени читать прессу? Что там может быть интересного! Итак, надо придумать заголовок лучше!

Руководитель рубрики «Общество» достает зубочистку и начинает ковырять в зубах. Ей явно доставляет удовольствие ставить этих людишек в неловкое положение. Так она показывает им, что может делать все, что хочет, и никто не решится сделать ей замечание.

Двадцать журналистов делают вид, что перечитывают записи или что-то пишут.

– «Братья, проклятые смехом»? – предлагает Максим Вожирар, как всегда полный энтузиазма.

– Неплохо. Еще?

– «Сериал в „Олимпии“ продолжается»?

– Это скорее название для спагетти-вестерна. Что еще?

– «Конец империи Возняк»?

– А это уже Эдгар По. Ну? Кто еще? Мы опять не сумеем догнать ежедневные издания. Подумать только, я видела жертву за несколько минут до смерти! Меня всегда обвиняют в том, что я не выезжаю на место событий, но тут драма развернулась прямо на моих глазах. Я, кстати, могу, как свидетель, дать интервью тому, кто будет писать статью. А где Лукреция? Она ведь расследовала обстоятельства смерти Дария! Впервые она может принести пользу, так ее, как нарочно, нет! Кто о ней что-нибудь знает?

Журналисты качают головами, радуясь, что не они стали предметом особого внимания начальницы.

– Флоран! Вы же ее лучший друг! Где ваша юная подопечная?

Флоран недоуменно поднимает брови.

– Отлично. Эта капля переполнила чашу. Завтра я ее уволю.

Дверь распахивается, в помещение врывается Лукреция. Она бежит к стулу, садится и отбрасывает со лба рыжие пряди.

– Извините за опоздание.

– «Извините» – это повелительное наклонение. А нужно вопросительное: «Не могли бы вы меня извинить?» Надеюсь, ваше расследование принесло нам долгожданную сенсацию, мадемуазель Немрод?

Лукреция снимает куртку. На ней черное с сиреневым шелковое китайское платье с вышитым слоном.

– Тадеуш Возняк был убит, – объявляет она.

Тенардье кладет ноги на стол, демонстрируя всем подметки своих сапог.

– Мы знаем, что это ваша рабочая версия, но пока вы нас в этом не убедили. И результаты вскрытия, как назло, говорят о сердечно-сосудистой недостаточности.

– Тадеуша убили точно так же, как Дария. Преступник использовал тот же метод. Те же средства. Он даже действовал в том же месте. И при тех же самых обстоятельствах.

– И каково же, по вашей версии, это «таинственное оружие»?

Лукреция вздыхает, как человек, вынужденный повторять одно и то же.

– Текст. Человек, прочитавший его, умирает.

– От чего?

– От смеха.

Журналисты начинают давиться от хохота.

– Мы сейчас тоже умрем от смеха, мадемуазель Немрод. Мне кажется, вам пока не хватает опыта и вы не можете отличить правдоподобную гипотезу от неправдоподобной.

Лукреция не отвечает. Опыт в «Олимпии» показал ей, какой силой обладает молчание. Она просто смотрит на Тенардье.

Тишина становится гнетущей, и руководительнице рубрики «Общество» приходится ее нарушить.

– Вы мне напомнили Ванессу и Давида, двух безмолвных клоунов из «Олимпии»!

Журналисты, видевшие шоу по телевизору, поддакивают.

Бунтовать еще рано.

Пока надо действовать согласно правилу: покорись, чтобы покорить.

Сделаю вид, что согласна с ними и ценю их мнение. Иначе я окажусь в одиночестве, в башне из слоновой кости, как Исидор.

Он дал мне совет: «Есть только один способ общаться с дураком – дурачить его. Надо его хвалить, тогда ему кажется, что он встретил единомышленника, и он проникается к тебе искренней любовью».

— Я хотела вас поблагодарить, Кристиана, – четко произносит Лукреция. – Благодаря выделенным вами деньгам и вашему доверию, я нашла доказательства, которые могут показаться вам интересными. Интуиция, как всегда, вас не подвела.

Лукреция достает из сумки синюю шкатулку с золотыми буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать!». И маленький кусочек фотобумаги.

– Я это уже видела, – говорит Кристиана Тенардье. – Ничего интересного.

– Вы видели шкатулку, найденную в гримерке Дария. А эту пожарный нашел в гримерке Тадеуша.

Лукреция достает точно такую же вторую шкатулку.

– Вы оказались правы, Кристиана. Преступник убивал при помощи этих предметов.

– А отпечатки пальцев? – спрашивает Флоран Пеллегрини.

– Из-за них я и опоздала. Я пришла сюда прямо из криминалистической лаборатории. Отпечатков нет. Но я видела убийцу, на нем были перчатки.

Лукреция показывает отчет экспертизы.

– Вы видели убийцу? – удивляется Тенардье.

– Конечно.

– Ну и кто же это? – насмешливо спрашивает Тенардье.

Лукреция показывает ей фотографию, на которой с трудом можно рассмотреть лицо.

– Его, естественно, невозможно узнать – большой красный нос, грим, парик и шляпа, – ворчит Тенардье.

– Мы чуть не схватили его, но нам помешал автобус.

Журналисты снова смеются.

– Вы отдаете себе отчет в том, что вы несете, мадемуазель Немрод?

Тенардье ищет в кармане пиджака сигару, находит ее, вдыхает ее аромат, отрезает гильотинкой кончик, закуривает и выпускает скептическое колечко дыма.

– У меня есть гипотеза, объединяющая оба убийства, – настаивает Лукреция.

– Пустая болтовня. Шкатулки, черные бумажки, клоуны, лица которых невозможно рассмотреть. Безумные, ничем не обоснованные теории. Короче говоря, у вас нет материала для статьи. Для бредового романа есть. А для серьезной статьи нет.

– Две похожие смерти в одном и том же месте, при одинаковых обстоятельствах…

Тенардье резко встает и хлопает ладонью по столу.

– В обоих случаях это был сердечный приступ, который объясняется генетической предрасположенностью. Бедная Лукреция, вы уволены. Вы всего-навсего…

– Журналист, который хорошо делает свою работу.

Человек, произнесший эти слова, только что вошел в комнату. Тенардье смотрит на него.

– Господи помилуй, привидение! Исидор Катценберг! Вы больше у нас не работаете, и вам тут нечего делать. Это служебное совещание, на которое вас не приглашали. Убирайтесь!

Ничуть не смутившись, Исидор усаживается в большое кожаное кресло.

– Если вы хотите распутать это дело, вам понадобится наша помощь. Моя и мадемуазель Немрод.

– В вас никто не нуждается, Катценберг. Где бы вы ни появились, вы всех восстанавливаете против себя. Поэтому, кстати, вас и выгнали. Так же, как я выгоню эту бесталанную девицу.

– Вы этого не сделаете.

– Исидор, вы не можете мне приказывать. Вы журналист-неудачник. Лучше уходите, пока я не вызвала охрану.

Исидор не двигается с места.

– Через три дня мы найдем убийцу братьев Возняк, орудие и мотив преступления. Мы с Лукрецией уже очень далеко продвинулись в расследовании. Мы приближаемся к его завершению. Вы не хуже меня знаете, что ни один журнал не расследует

криминальную версию. Если вы хотите получить настоящий эксклюзив, сенсационное расследование смерти братьев Возняк, вы должны поверить нам.

В комнате воцаряется тишина. Исидор спокойно продолжает.

– Мне известно, что дела журнала не так хороши, чтобы из гордости отказываться от подобной удачи. Я имею в виду, что дирекция может не одобрить ваше слишком «личное» отношение к этому делу.

Он силен. Лучшая защита – это нападение. А нападать он умеет.

Кристиана Тенардье затягивается сигарой, словно ища спасения в никотине. Среди молчавших до этой минуты журналистов поднимается едва слышный ропот.

Исидор, не спуская с Тенардье взгляда, достает лакричный леденец без сахара, медленно разворачивает его и начинает шумно сосать. Она колеблется. Давит сигару в пепельнице.

– Что у вас есть на сегодняшний день?

– За наши услуги мы хотим, во-первых, чтобы мадемуазель Немрод была восстановлена на работе. Во-вторых, нам необходим бюджет для дальнейшего расследования. Мы уже истратили около трех тысяч евро. И в-третьих, прикрытие на случай неприятностей. И еще вы должны заключить с нами договор.

Тенардье снова закуривает. Она взвешивает «за» и «против». Взглядом спрашивает мнения остальных. Флоран Пеллегрини кивает.

– У вас есть три дня. И ни секундой больше.

– Отлично. Пойдемте, Лукреция. Пора приниматься за работу.

Он берет Лукрецию за руку и ведет к выходу из помещения, атмосфера которого ему кажется нездоровой.

– Вы мне не нравитесь, Исидор, – кричит Тенардье. – Мне все в вас не нравится, и походка, и голос, и манеры.

Исидор оборачивается.

– Вы мне тоже не нравитесь, Кристиана.

– Я ни за что не приму вас обратно.

– Я сам никогда не вернусь. Я не люблю ни тюрьмы, ни тюремщиков. С тех пор как я ушел из журнала, я стал нормально спать. Меня больше не мучает совесть.

Среди журналистов чувствуется волнение.

Он нравится мне все больше и больше.

Кристиана Тенардье раздавливает в пепельнице сигару, которую только что закурила. Все подчиненные понимают, что их начальница наконец-то столкнулась с достойным противником. Поскольку лобовая атака отбита, Тенардье пытается зайти с фланга:

– Один вопрос, Исидор. Вы же сами ничего не получите – ни славы, ни денег. Так почему вы помогаете этой девчонке? Понимаю… вы надеетесь с ней переспать, не так ли? Тогда я задам еще один вопрос: зачем вы усложняете себе жизнь, связываясь с такой капризной особой? Вызовите лучше проститутку, с ней проблем не будет. Раз уж мы все про юмор да про юмор, расскажу вам анекдот. Знаете разницу между любовью платной и любовью бескорыстной? Бескорыстная любовь обычно стоит гораздо дороже!

Она смеется своей шутке, подчиненные следуют ее примеру.

Исидор пожимает плечами.

– У нее есть то, чего нет у вас, Кристиана… Она талантливая журналистка.

114

Бездомный стоит над открытым канализационным люком и повторяет:

– Тридцать три, тридцать три, тридцать три…

Прохожий спрашивает:

– Почему вы повторяете «тридцать три»?

Бездомный сталкивает его в люк и начинает бормотать:

– Тридцать четыре, тридцать четыре, тридцать четыре…

Отрывок из скетча Дария Возняка «После меня хоть потоп»

115

Дверь в кабинет, который делят Лукреция и Флоран Пеллегрини, открыта настежь. У каждого на столе большой компьютер, телефон, гора прочитанной почты, гора непрочитанной почты, стопка журналов.

Остальные журналисты все еще находятся под впечатлением от той смелости, с которой Исидор разговаривал с их мучительницей, и наблюдают за ними издали.

Исидор включает компьютер и создает новый файл.

– Итак, война идет между «розовыми громилами» под предводительством Дария Возняка и… – говорит он.

– Это путь тьмы, – уточняет Лукреция.

– …и Великой Ложей Смеха, к которой примкнул Тристан Маньяр.

– Путь света.

– И еще у нас есть третья сила. Грустный клоун, который, как нам сейчас кажется, действует независимо.

– Синий путь. Потому что он раздает синие шкатулки, – предлагает Лукреция. – И я не могу отделаться от ощущения, что мне, несмотря на грим, знакомо это лицо, – тихо добавляет она.

– М-м… мне тоже кажется, что я его где-то видел.

В этот момент к ним присоединяется Флоран Пеллегрини. На его покрытом глубокими морщинами лице появились ямочки от улыбки. Похоже, он рад видеть бывшего коллегу.

– Как идет расследование? – спрашивает он.

– Так, рутина, – отвечает Исидор.

– Кстати, пока не забыла, – замечает Лукреция. – Квартиру Исидора затопило, моя сгорела, поэтому мы оба живем в гостинице. Приходите к нам в гости: «Отель Будущего» на Монмартре. Восемнадцатый номер.

Флоран Пеллегрини записывает адрес.

Исидор задает поиск в «Гугле» – «грустный клоун». На экране появляются лица комиков, их имена, авторы их грима. Никто не похож на того, кого они ищут.

Флоран Пеллегрини подъезжает к ним на стуле на колесиках.

– Да, слушай, Лукреция, тут для тебя скопилась почта. Ты исчезла на несколько дней, на стол уже ничего не помещалось, я все сложил в коробку.

– Спасибо, Флоран, но это не к спеху.

Она, не отрываясь, рассматривает лица «грустных клоунов».

Пеллегрини пожимает плечами.

– Хорошо, я сам ее просмотрю. Это нужно сделать, иначе ты в ней утонешь.

Он вскрывает конверты длинным ножом в виде сабли, потом переходит к посылкам.

– Стой! – кричит Лукреция.

Она смотрит на синюю шкатулку, которую Флоран освободил от оберточной бумаги. Очень осторожно берет ее в руки и кладет в прозрачный пакет. Сквозь пакет Исидор видит знакомую аббревиатуру «B.Q.T.» и надпись: «Не читать». К оберточной бумаге приклеена напечатанная записка: «То, что ты хочешь знать».

– Роли меняются. Дичь преследует охотника, – замечает Исидор.

– Пуская в ход любые средства, – дополняет Лукреция.

Пеллегрини растерянно смотрит на них. Он ничего не понимает.

– А что там внутри? – предлагает Исидор.

– Вы шутите?

– Лукреция, я серьезен, как никогда. Только не говорите, что верите в эту чушь про «Шутку, Которая Убивает»! Это не смешно.

Он хочет взять пакет. Лукреция резко останавливает его.

– Это моя посылка, не трогайте! – рычит она и запихивает пакет с драгоценным содержимым в сумку.

– Вы все равно не выдержите, Лукреция. Любопытство пересилит страх. Дайте мне открыть шкатулку. Я старше вас, у меня нет ни семьи, ни будущего. Если один из нас двоих должен умереть от смеха, для всех будет лучше, если им стану я.

Она упрямо качает головой.

– Перестаньте, Лукреция. Сейчас мы имеем дело уже не с наукой, а… с магией.

Меня ты не убедишь, я не Кристиана. Я знаю все твои приемы в словесных дуэлях. Меня так просто не возьмешь.

— Скажем, я имею основания серьезно опасаться этого предмета, предположительно явившегося причиной смерти двух человек, и считаю необходимым предпринять меры предосторожности, – говорит она.

Он пожимает плечами.

Лукреция запихивает шкатулку поглубже в сумку и прикрывает ее шарфом.

– Не настаивайте, Исидор. Я говорю вам «нет».

– На самом деле я знаю, как действует волшебный текст, – отвечает Исидор. – Это самовнушение. Все верят, что от этой «шутки» можно умереть, и поэтому, читая ее, как бы это выразиться, перевозбуждаются. Но, поскольку я ни во что такое не верю, со мной ничего не случится. Здоровый скепсис станет противоядием.

– Я устала, – говорит Лукреция. – Я ухожу. Вы идете со мной?

Флоран Пеллегрини не произносит ни слова.

Он улыбается, достает из шкафа фляжку виски, делает глоток и, смакуя, закрывает глаза. Потом сваливает гору нераспечатанной корреспонденции в коробку и заталкивает ее под стол.

116

Пассажиры садятся в самолет и ждут пилотов. Вскоре появляются два человека в форменной одежде и в черных очках. Одного ведет собака-поводырь, другой стучит перед собой по полу палкой.

Они идут по проходу, заходят в кабину пилотов и закрывают дверь. Пассажиры нервно смеются и переглядываются с удивлением, перерастающим в страх.

Через несколько секунд моторы заводятся, и самолет, набирая скорость, катится по взлетной полосе. Он мчится все быстрее и никак не взлетает. Пассажиры смотрят в иллюминаторы и видят, что самолет направляется прямо к озеру в конце взлетной полосы. Самолет вот-вот упадет в озеро, и пассажиры начинают кричать от ужаса. В это мгновение самолет плавно отрывается от земли. Пассажиры успокаиваются, смеются и чувствуют себя жертвами злого розыгрыша.

Через несколько минут они забывают об этом происшествии.

Командир экипажа нащупывает на приборной доске кнопку автопилота, нажимает и говорит второму пилоту:

– Знаешь, Сильвен, чего я боюсь?

– Нет, Доминик.

– Когда-нибудь они закричат слишком поздно, и мы разобьемся.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Как мы ничтожны»

117

Они едут на мотоцикле.

Исидор совершенно спокоен, а Лукреция раздражена. Она повесила сумку на левое плечо, чтобы Исидор, сидящий справа, не мог достать шкатулку.

Они молчат. Лукреция включает музыку, «Nothing else matters» группы Metallica.

Черт! «Шутка, Которая Убивает» в двадцати пяти сантиметрах от моих глаз. Меня защищают от нее лишь деревянная шкатулка и кожаная сумка.

Что же там написано?

Набор букв, слов, фраз. И все это вместе вызывает смерть.

Она пролетает на красный свет, раздается шквал гудков, на которые она отвечает неприличным жестом.

Исидор прав, этого не может быть.

Или это какое-то колдовство.

Но я чувствую – не надо смотреть, что находится внутри шкатулки.

Как профессор Левенбрук ее назвал? «Ящик Пандоры». Открыв его, ты выпустишь на свет всех демонов ада.

Улицы становятся шире.

Исидор часто бывает прав, но сейчас я уверена, что он ошибается. У меня интуиция сильнее, чем у него.

Они выскакивают на кольцевую дорогу. Лукреция обгоняет грузовики, легковые автомобили, мотоциклы. Воспользовавшись тем, что машин мало, она проезжает ворота Клиньянкур и совершает новое нарушение. Исидор молчит, он понимает, что скорость помогает ей думать.

С древности эта шутка убивает любого, кто ее прочитает. Невероятно. Но факты остаются фактами.

Дарий умер.

Тадеуш умер.

Мы преследуем грустного клоуна, он нас замечает, и вдруг мы получаем смертоносную посылку.

Лукреция гонит как сумасшедшая, не замечая, что ее засекли радары.

Давайте анализировать. Последствия известны. Причины неясны.

Левенбрук говорит, что в разные эпохи смеются над разными шутками. И в разных странах люди смеются над разными вещами.

Шутка, Которая Убивает побеждает и время, и культурные различия. Абсолютная шутка? Невозможно. Невозможно. И тем не менее…

Наконец они приезжают к «Отелю Будущего». Входя в холл, Исидор продолжает натиск.

– Лукреция, хватит ребячиться. Я взрослый человек и прекрасно осознаю меру ответственности за свои поступки. Я готов рискнуть жизнью, чтобы узнать, что такое Шутка, Которая Убивает.

Лукреция прыгает в лифт, двери закрываются, и Исидор не успевает войти. Он поднимается по лестнице. Лукреция уже стоит перед дверью восемнадцатого номера. Исидор входит и закрывает за собой дверь.

– Хорошо. Признаю, я сгораю от любопытства. Я хочу знать, что в этой чертовой шкатулке.

– Думаю, что вы не отдаете себе отчета в том, что за вещь попала к нам в руки.

– Слова, написанные на бумаге, не взрываются. Хватит ребячиться, Лукреция. Отдайте шкатулку.

– Никогда!

Исидор пытается выхватить у Лукреции сумку, но она отпрыгивает.

– Это слова, Лукреция! Всего лишь слова!

– Слова могут убить. Ведь Дарий и Тадеуш умерли.

– Они были глупцами.

– А я так не считаю.

– Дайте мне прочесть! Беру на себя всю ответственность.

– Нет!

– Почему?

Потому что я слишком дорожу тобой, идиот.

Исидор ложится на кровать и смотрит в потолок.

– Я не уверен, что мы сможем дальше вместе вести расследование. У нас слишком разные методы.

– Вы еще скажете спасибо, что я спасла вам жизнь, – парирует Лукреция.

– Лучше узнать и умереть, чем жить в неведении.

– А я предпочитаю, чтобы вы жили в неведении.

– Рано или поздно вы заснете, и я украду сумку.

Лукреция убирает шкатулку в гостиничный сейф и запирает его, набрав код из четырех цифр.

Исидор обреченно пожимает плечами и предлагает:

– Ладно, сыграем в три камешка? Если я выиграю, вы отдадите шкатулку.

– Нет. – Лукреция непреклонна.

– А в обмен на поцелуй скажете код? – спрашивает Исидор.

В этот момент раздается стук в дверь.

118

Артист приходит к директору цирка.

– Господин директор, у меня необыкновенный номер. Вы просто обязаны принять меня в труппу.

– Необыкновенный номер?.. Расскажите!

– Я поднимаюсь на сорокаметровую высоту, прыгаю вниз, изображая летящего ангела, делаю три пируэта и штопором вхожу в простую бутылку, стоящую посреди арены…

Директор в растерянности молчит.

– Но ведь это же отличный номер! Если хотите, я могу завязать глаза…

Директор колеблется.

– Ладно. Я понимаю, у вас высокие требования, это нормально. Я буду прыгать со связанными за спиной руками.

Директор продолжает сомневаться.

– Я поднимусь на сорок метров и перед прыжком повисну, держась зубами за веревку! Возьмите меня! Мне нужны деньги, детям нечего есть!..

Наконец директор говорит:

– Если вы это сделаете, я вас приму. Но я не понимаю, как вам удается выполнить такой трудный номер… В чем тут хитрость?

– Хитрость в том…

Акробат наклоняется к директору и продолжает шепотом:

– …что в горлышко бутылки я вставляю воронку.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Я всего лишь клоун»

119

В дверь стучат сильнее. Затем слышится «громкий фривольный смех пожилого человека». Лукреция приоткрывает дверь, не снимая цепочки.

– Надеюсь, я вас не потревожил, мадемуазель Немрод…

Это Стефан Крауц. Лукреция впускает его. Он ищет глазами стул и в конце концов садится на кровать.

– Не возражаете?

– У вас три минуты, чтобы рассмешить меня, – говорит Лукреция, повторяя слова самого Крауца. – Песочных часов у меня нет, но я буду следить за секундной стрелкой. Время пошло.

– «Политый поливальщик», первая кинокомедия.

– Две минуты пятьдесят секунд.

Крауц поворачивается к Исидору. Тот встает.

– Я, конечно, догадался, кто оказался на сцене вместо Ванессы и Давида. Быть физиономистом – часть моей профессии. Я узнаю лица даже под слоем грима.

Крауц оглядывает комнату, задерживается взглядом на единственной кровати и понимающе смотрит на Исидора.

– Я пришел поблагодарить вас.

– Надо же. И за что?

– Во время вашего номера наш рейтинг подскочил до потолка. Молчание… Вы уже использовали этот прием у меня в кабинете, мадемуазель. Я не ожидал, что он произведет такое впечатление на аудиторию. А вы знаете, кто первым его использовал?

– Американский комик Энди Кауфманн?

– Браво. Вы отлично знаете мир смеха. Он молчал перед полным залом, а вы – в прямом эфире, тут нужна смелость.

– Минута пятьдесят секунд, – говорит Лукреция, глядя на часы.

– … а идея спрыгнуть с колосников вслед за грустным клоуном! Просто фантастика! Жаль, мне самому это не пришло в голову! Ведь все решили, что это я придумал. Меня поздравляли руководители телевизионных каналов! Новостные программы даже не франкоговорящих стран просили право на показ. Удивить – вот главное в хорошем шоу, а вы уж точно удивили.

– Сорок пять секунд. Вы ведь пришли не затем, чтобы поблагодарить нас за рост рейтинга?

Лицо продюсера мрачнеет.

– Я пришел за «Шуткой, Которая Убивает», – произносит он четко и холодно.

– С чего вы взяли, что она у нас? – спрашивает Лукреция.

– У меня свои источники информации.

– Об этом мог рассказать только Пеллегрини, – говорит Исидор.

Крауц кивает.

– Мы вместе с ним учились в Институте социальных наук.

– Флоран! – восклицает Лукреция. – Я думала, он мой друг!..

– Да уж, с такими друзьями и враги не нужны, – замечает Исидор.

– Он знал, что я интересуюсь вашим расследованием, и рассказал о посылочке с необычным содержимым.

– И дал вам адрес гостиницы.

– В прошлом я оказал ему немало услуг, и он не хочет оставаться в долгу.

Продюсер улыбается как коммивояжер.

– Вы говорите, что узнаете любого даже под клоунским гримом. Может быть, вы поможете нам выяснить, кто ее отправил?

Лукреция находит в айфоне фотографию грустного клоуна и показывает продюсеру.

– Кто это? – спрашивает Крауц.

– Этот человек убил Дария и Тадеуша. Мы полагаем, именно он послал нам то, что вы так хотите получить.

Крауц явно заинтересован. Он внимательно рассматривает фотографию.

– Нет, увы, я никогда его не видел. Но мне кажется, вы не понимаете, что попало к вам в руки.

Лукреция невозмутимо смотрит на него.

– Это «оружие» в руках непосвященного может наделать много зла. Вы сами могли в этом убедиться. Отдайте мне шкатулку. Это в ваших же интересах.

– А что мы получим взамен? – спрашивает Лукреция.

– Я сохраню вам жизнь. Этого мало? Я хочу избавить вас от бомбы замедленного действия. Без нее вам будет гораздо легче, уж поверьте.

Исидор встает, наливает себе чашку кипятка и говорит:

– Вы состоите в Великой Ложе Смеха, не так ли, господин Крауц?

Продюсер снова включает машинку для смеха. Лукреция понимает, что он пытается выиграть время.

– Надо же. Вам известно о нашем маленьком клубе, господин Катценберг?

Исидор опускает в чашку пакетик зеленого чая.

– Наши условия просты. Вы отведете нас в новое убежище Великой Ложи Смеха и расскажете все о себе и своей деятельности. А мы дадим вам…

– Точнее будет сказать – вернем. Напоминаю вам, что «Шутка, Которая Убивает», принадлежит нашей Ложе.

– А мы вернем вам бомбу замедленного действия, которая случайно попала к нам в руки.

Стефан Крауц улыбается. Исидор улыбается в ответ.

– Мы, как Икар, слишком близко подлетели к солнцу. И солнце вот-вот опалит нам крылья, не так ли?

– Именно так.

– Вы не ответили, принимаете ли вы наши условия?

Стефан Крауц пристально смотрит на Исидора.

Он спятил! И речи быть не может о том, чтобы отдать им «Шутку, Которая Убивает»! Да еще взамен на информацию об их новом убежище, где-нибудь в глухой провинции! Мне наплевать на их тайное общество, расследование отлично идет и здесь. Хотя…

Я поняла. Исидор думает, что, если Дария убил не Тадеуш, значит, это кто-то из Великой Ложи Смеха. И значит, искать убийцу нужно не в лагере тьмы, а в лагере света!

Улыбка продюсера превращается в гримасу.

– Вы должны понять, в какое положение мы попали. Наша Ложа недавно пережила…

– Неприятности? – спрашивает Исидор.

– Это еще мягко сказано.

– Нападение «розовых громил» Дария, не так ли? Погибло много людей. Что, естественно, вынуждает вас занять оборонительную позицию, – дополняет Лукреция.

– Как минимум.

– И вы решили стать еще более закрытыми, еще более незаметными и осторожными. Короче, предпринять все меры для того, чтобы тайное общество оставалось тайным.

Исидор медленно пьет чай.

– И вам совершенно не хочется выполнять мою просьбу. Ведь вы считаете, что мной движет обычное журналистское любопытство.

– Верно. Вы все правильно поняли.

– Но «Шутка, Которая Убивает» у нас, и вы хотите ее получить.

– Я могу взять ее силой, – говорит Стефан Крауц и выхватывает из кармана револьвер.

– Этим вы ничего не добьетесь, – говорит Лукреция. – У моего друга Исидора аллергия на агрессию.

– Да, я считаю, что агрессия мешает диалогу. В моем будущем романе ни один герой ни разу не воспользуется ни детским перочинным ножом, ни даже рогаткой.

– Мне нравится ваша флегматичность, господин Катценберг, но вы по-прежнему не понимаете, что стоит на кону. Мы готовы на все, чтобы получить «Шутку, Которая Убивает».

Он поднимает револьвер.

– Убийством больше, убийством меньше… В нашем положении это уже неважно. Где шкатулка?

Он приставляет револьвер к виску Исидора, который продолжает невозмутимо пить чай.

– Мы не так наивны, господин Крауц. Мы спрятали ее. Далеко отсюда. Если вы нас убьете, то никогда не найдете ее.

– Вы блефуете!

– Ну что ж, проверьте.

Револьвер опускается. Продюсер достает мобильный телефон и отсылает эсэмэску. Получает ответ и снова отсылает эсэмэску. Он молча обменивается шестью фразами с неизвестным собеседником. Его лицо принимает озабоченное выражение.

– Они считают, что на ваше предложение можно согласиться, но, естественно, при соблюдении необходимых мер предосторожности.

Исидор делает глоток зеленого чая.

– Встреча может состояться только в том случае, если вы станете членами ложи, – продолжает Стефан Крауц. – Это непременное условие.

– Значит, Дарий тоже был членом Ложи. Спасибо за информацию, – замечает Исидор.

– Вы хотите сказать, что ваших друзей могут увидеть только посвященные? – спрашивает Лукреция.

– Да.

– А можно вступить в вашу организацию, а потом выйти из нее?

– Быть посвященным – значит узнать нечто новое. Разве можно разучиться плавать или ездить на велосипеде? Или забыть вкус соли или сахара? Нет, примкнув к нам, вы останетесь с нами навсегда. Вы узнаете новое и станете такими же, как мы. Наша ложа – это «клуб закрытого типа». Выбирайте. Я вас не принуждаю. Вы можете просто отдать мне «Шутку, Которая Убивает», и я оставлю вас в покое.

Он кладет револьвер в карман.

– Вступить в Великую Ложу Смеха, чтобы узнать, что такое Великая Ложа Смеха? Мне кажется, нам морочат голову, – говорит Лукреция.

Стефан Крауц усаживается поудобнее, понимая, что ситуация под контролем. Он снова включает машинку для смеха, чтобы чем-то скрасить ожидание.

Исидор и Лукреция совещаются.

– Нам нужно подумать, – говорит Исидор. – Дайте номер вашего мобильного, мы вам позвоним.

– Нет, – отрезает Лукреция. – Мы согласны. Ждем вас завтра в четыре часа дня в холле гостиницы. Мы возьмем с собой «Шутку, Которая Убивает», и вы отвезете нас в новую штаб-квартиру вашей Ложи.

– Вижу, вы умеете принимать быстрые и четкие решения. Я очень ценю это, мадемуазель Немрод.

Продюсер встает и направляется к двери.

– Да, и оденьтесь потеплее. Ехать не близко, и там довольно холодно.

120

Двое приятелей встречаются на улице.

– О, привет! Что это ты у тебя за чемоданы? – спрашивает один.

– Сам открой и посмотри, – отвечает другой.

Его приятель открывает один чемодан, и видит там миниатюрный корт, на котором два крохотных спортсмена играют в теннис.

– Это еще что?

– Сам видишь, теннисный корт.

– А что в другом чемодане?

Он открывает второй чемодан, оттуда в клубах дыма появляется джинн и говорит:

– Чего ты хочешь? Я исполню любое твое желание!

Приятель отвечает:

– Хочу миллиард!

С неба тут же падает биллиардный стол.

– Что это?! Твой джинн глухой, что ли? Я просил миллиард, а не бильярд!

Его приятель печально отвечает:

– А ты думаешь, я просил тридцатисантиметровый теннис?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Будь здоров»

121

Продавщица секс-шопа показывает Лукреции несколько моделей стальных наручников. К счастью, Монмартр совсем недалеко от площади Пигаль, и квартал «Отеля Будущего» изобилует специализированными магазинчиками.

– А кожаные не хотите? Еще есть с розовым мехом и поролоновой прокладкой, они удобнее.

Лукреция отказывается и выбирает стальные наручники американской полиции, самые дорогие и прочные.

Затем она покупает новые ботинки. Она выбирает целый час, едва не доводит продавщицу до нервного срыва и берет те, что примерила первыми.

Потом она идет к парикмахеру Алессандро.

– Боже, Лукреция, что с тобой? Чешуйки волос раскрыты, словно листья артишока! Ничего не говори, я сам догадаюсь. Тебя бросил парень, да?

– Браво. В точку.

Алессандро берет ее за руку.

– Не переживай. Одного потеряла – десятерых найдешь. Ты моя самая классная клиентка. Если бы я интересовался женщинами, я бы тебя не пропустил.

– Спасибо.

Парикмахер внимательно рассматривает волосы клиентки.

– М-м… Дело-то серьезное. У тебя и на работе проблемы. Твоя начальница отказалась тебя повысить?

– В общем, да. Честно говоря, она меня просто уволила.

– Да-да, помню, ты мне о ней рассказывала, с короткой стрижкой, красится в рыжий цвет?

– У тебя отличная память на волосы.

– Хорошо. Что будем делать, укладку, окраску или все вместе?

– М-м… помассируй мне как следует кожу головы. А поскольку меня скоро похитят и запихнут в багажник машины, ничего сложного делать не стоит.

– Тебя похитят? В багажник…. Ты шутишь?

Лукреция показывает наручники.

– Не волнуйся, видишь, я подготовилась. Они прочные.

Он кладет ей ладони на плечи.

– В критических ситуациях моей кандидатской степени по психологии недостаточно.

– Ты изучал психологию?

– Конечно. Семь лет, в университете. Теперь без этого парикмахером не устроишься. Но я за тебя волнуюсь. Тебе сейчас нужно что-нибудь более эффективное.

Алессандро уводит Лукрецию в подсобку.

Она видит помещение, напоминающее бело-розовый кукольный домик, его стены украшены афишами кинофильмов, фотографиями певцов «йе-йе» шестидесятых годов, коллекциями почтовых открыток, фарфоровыми фигурками и ракушками.

Алессандро усаживает ее в кресло, обитое бархатом в цветочек.

– Там, где психология бессильна… появляются карты Таро.

Он открывает шкафчик, достает потрепанную колоду и протягивает Лукреции.

– Перетасуй. Сними. И выбери одну.

Она так и делает.

– Вот. Это ты.

Лукреция переворачивает карту. На ней изображены цифра «один» и человек в широкополой шляпе, который жонглирует кубками и палками.

– Шут. Ты живешь иллюзиями. Ты сознательно кажешься другим не такой, какая на самом деле. Ты не глупа. И хочешь измениться. Дай еще одну карту.

Лукреция вытягивает вторую карту.

– Это твой враг. Настоящая проблема, с которой надо справиться.

Она смотрит на карту и видит старого бородатого человека в длинном плаще, идущего в темноте с посохом и фонарем в руках.

– Седьмой аркан. Отшельник.

Исидор?

— Отшельник – это одиночество. Ты боишься остаться в одиночестве.

Не Исидор, а я сама…

— Ты спрашиваешь себя, встретишь ли ты человека, который захочет идти с тобой по жизни. И это мучает тебя. Бери третью.

Лукреция наугад вытягивает карту.

– Теперь посмотрим, что тебе мешает.

Она переворачивает карту и видит рисунок, изображающий человека с головой козла. Он держит на поводке мужчину и женщину. Рядом стоит цифра «четыре».

– Дьявол. Ты находишься во власти первобытных импульсов. Похоть, стремление побеждать и быть побежденной, обжорство, гнев, страх, агрессия. Инстинкты обезьяны живут в тебе и заставляют действовать необдуманно, удовлетворять сиюминутные желания. Бери четвертую карту, узнаем, что тебе поможет.

Лукреция переворачивает карту. Папа Римский, сидящий на троне. Цифра «три».

– Верховный жрец. На твоем пути есть человек старше тебя. Он читает книги или пишет их. Он находится в духовном поиске, но не в таком, как у тебя. Он сидит на троне, а ты блуждаешь. У него нет иллюзий. Вы дополняете друг друга. Этот человек очень благотворно влияет на тебя. Это он тебя бросил?

– Пока нет. Но ждать осталось недолго.

– Тяни пятую карту, которая скажет нам, чем все закончится.

Лукреция переворачивает пятую карту.

И видит смеющийся скелет, который косит торчащие из земли головы и руки. На карте стоит цифра «тринадцать».

Лукреция вздрагивает.

– Смерть?

– Да, смерть. Тринадцатый аркан. Но не огорчайся.

– Почему?

– М-м… в твоей жизни произойдут кардинальные изменения.

– Я умру?

– Нет, нет. Ты изменишься. Радикально. Тринадцатый аркан – это карта обновления, поэтому она и находится в середине колоды. Иначе она была бы в конце. Посмотри, вот из земли появляются ростки. Это словно зима. Скоро придет весна. Созиданию всегда предшествует разрушение. Сухие листья должны опасть, чтобы раскрылись новые почки.

Лукреция, ничуть не успокоенная, старается поверить объяснению.

– Не знаю, прояснилась ли ситуация для тебя, но мне все это кажется обнадеживающим. Тебе помогают, перед тобой открывается духовный путь к истине, который ведет тебя от иллюзий к реальному миру.

– Спасибо, Алессандро. Ты мне прямо как брат.

– Гадание вдохновило меня, и я придумал тебе новый имидж. Я склоняюсь к каштановой гамме. Я вижу тебя светлой шатенкой. Пожалуйста, не возражай, это важно для меня. Я считаю, что цвет обладает энергией. Мне в голову пришла великолепная идея… Я, наверное, займусь таро-стилистикой. Буду делать прически по результатам гадания.

Лукреция соглашается подвергнуться трансформации. По окончании процедуры она смотрит в зеркало и хочет закричать от ужаса. Ей хочется затолкать Алессандро в рот все его расчески, гребенки и щетки, но она сдерживается. Ее обуревает искушение не заплатить ему за работу, но она платит, оставляет чаевые и уходит, еще раз поблагодарив за гадание на картах Таро, которое заставит ее задуматься над жизнью. Затем она покупает платок, чтобы спрятать последствия катастрофы.

К счастью, у меня сегодня нет важных встреч. Он окончательно испортил мне цвет. Волосы теперь цвета «Нутеллы». Может быть, сменить парикмахера? Он прав, внутреннее соответствует внешнему. Но в психотерапии между врачом и пациентом должна существовать дистанция. Он стал мне другом, гадал мне на картах, и уже не объективен.

Она проходит мимо зоомагазина и думает, не завести ли новую рыбку.

Потом, когда вернусь. Тринадцатая карта не сулит ничего хорошего.

Она покупает дорожную сумку, несколько шерстяных свитеров, стальной чемоданчик. Потом заходит в бакалейный магазин, берет бутылку виски и три шоколадки.

Возможно, я скоро умру, надо побаловать себя напоследок.

Она возвращается в гостиницу.

Исидор видит, что к ее запястью наручниками пристегнут стальной чемоданчик.

– Он закрывается на кодовый замок. Это поможет нам контролировать ситуацию при обмене «Шутки, Которая Убивает», – объясняет Лукреция.

Очень надеюсь, что поможет.

122

Священник и монахиня попадают в снежную бурю. Они с трудом находят домик, чтобы укрыться от метели. Совершенно обессиленные, они собираются лечь спать. Перед ними стопка одеял, спальный мешок и одна-единственная кровать. Священник самоотверженно говорит:

– Сестра, устраивайтесь на кровати, а я лягу в спальнике на полу.

Только он застегнул спальный мешок и начал засыпать, как монахиня говорит:

– Отец мой, мне холодно.

Священник расстегивает спальник, встает, берет одеяло и укрывает ее. Снова залезает в спальник, но как только он начинает засыпать, монахиня опять говорит:

– Отец мой, мне все еще холодно.

Он опять встает, укрывает ее вторым одеялом и залезает в мешок. Как только он закрывает глаза, монахиня говорит:

– Отец мой, мне так холодно!

Не вылезая из спальника, священник отвечает ей:

– Сестра, у меня есть предложение. Мы находимся бог знает где, и никто ничего не узнает. Давайте поступим так, словно мы – муж и жена.

– О, с удовольствием! Я согласна!

Тогда священник кричит:

– Дорогая, отстань! Возьми сама еще одно чертово одеяло и дай мне поспать!

Отрывок из скетча Дария Возняка «В глубинке».

123

В пассажирском отделении микроавтобуса нет ни одного окна. Стефан Крауц останавливается у «Отеля Будущего» и с удовлетворением видит, что Исидор и Лукреция ждут его.

– Я говорил, что ехать придется в багажнике, но я нашел для вас более удобный вариант.

– Нашего слова вам недостаточно? – спрашивает Лукреция, раздосадованная тем, что ничего не увидит во время путешествия.

– Увы, я больше сорока лет работаю с журналистами, и знаю цену их обещаниям. Я и так рискую, а вдруг вы выпрыгнете из машины на ходу?

– Откуда такое недоверие?

– Один из наших девизов гласит: «Смеяться можно надо всем, кроме юмора». Наша ложа стремится к полной секретности. Мы должны охранять наше сокровище. Согласие на ваш визит и так очень сильное нарушение правил безопасности.

Тут он замечает наручники на запястье Лукреции. Предупреждая его вопрос, она говорит:

– А мы считаем, что смеяться можно надо всем, кроме «Шутки, Которая Убивает». Вы не доверяете нам, а мы не доверяем вам.

Исидор и Лукреция залезают в маленький автобус и устраиваются на сиденьях. Пассажирское отделение освещено всего одной лампочкой. Автобус трогается.

Лукреция замечает решетку вентиляции, соединяющую их с кабиной водителя.

– А можно задать вам несколько вопросов, пока мы едем? – спрашивает она.

– Только пять, как всегда.

– Это вы и ваши друзья из Ложи убили Дария?

– Я уже отвечал на этот вопрос. Нет.

– Вы знаете, кто его убил?

– Нет. Осталось три вопроса.

– Вы верите, что можно умереть от смеха?

– Да. Два вопроса.

– Вы считаете, что Дарий умер от смеха, прочитав «Шутку, Которая Убивает»?

– Да. Один вопрос.

– Замешаны ли вы в этом, прямо или косвенно?

– Может быть. Всё.

– Вы ненавидели Дария?

– Я? Вы шутите. Я его обожал. Относился к нему, как к сыну. Блестящий ум, редкая образованность. Великолепный человек, достойный своей славы. Мне кажется, я первый оценил его природный талант комика, его способность находить смешное в любом грустном событии. При рождении этого уникального человека фея веселья склонилась над его колыбелью. Что бы о нем ни говорили, он принес ближним больше добра, чем зла. Можете ли вы представить, сколько радости он принес людям? Наверное, не случайно его выбрали самым популярным французом. Ну, закончим на этом. Отдыхайте. Я разбужу вас, когда приедем.

Крауц включает магнитофон, звучат «Гимнопедии» Эрика Сати.

– Автор этой музыки был членом Великой Ложи Смеха. Воспринимайте это как нечто вроде предисловия. Эрик Сати – настоящий гений… Как и Дебюсси, Форе и Моцарт, самые знаменитые композиторы нашего «клуба». Они изучали возможность вызывать смех при помощи музыки. Считайте это произведение разминкой для вашего ума, жаждущего проникнуть в тайны Великой Ложи Смеха.

Лукреция слушает странную музыку.

Как хорошо я чувствую себя в это мгновение. Мне нравится, что машина увозит меня в какое-то неизвестное место, где я узнаю все о Великой Ложе Смеха.

Мне нравится, что Исидор сидит рядом со мной.

Он сказал Тенардье и всем остальным, что считает меня талантливым журналистом.

И мне это не приснилось.

Если я и хорошая журналистка, то только благодаря двум наставникам, поверившим в меня: Жану-Франсису Хельду и Исидору Катценбергу. Первый научил меня работать на месте происшествия и не бояться идти до конца. Второй – наблюдать и размышлять, не поддаваясь первым впечатлениям.

У меня есть два отца, и нет матери.

Вернее, есть две мачехи, Мари-Анж и Тенардье. Когда-то я любила женщин и ненавидела мужчин, теперь все наоборот.

Все, что казалось мне когда-то правдой, теперь кажется ложью. Все изменилось.

И это не страшно.

Наставления Исидора сделали свое дело.

Я принимаю меняющийся мир.

Сидящий напротив нее Исидор также погружен в размышления.

Как плохо я себя сейчас чувствую. Мне не нравится, что машина увозит меня неизвестно куда.

Как там Лукреция?

Она закрыла глаза. Спит, наверное, набирается сил для продолжения расследования. Она все-таки очень наивна. Репортаж для нее это вот что: «Я еду на место событий и опрашиваю подозреваемых до тех пор, пока один из них не сделает признание. Если они ведут себя не так, как мне хочется, я угрожаю им и осыпаю тумаками».

Мы живем в мире, где лгут все.

Ложь – это цемент, скрепляющий здание общества. Если бы люди говорили правду, все социальные институты обрушились бы.

Что случилось бы, если политик сказал: «Голосуйте за меня, хотя я ничуть не лучше, чем мой предшественник. Сделать я ничего не могу, поскольку все решения сейчас принимаются на уровне мировых корпораций, страна у нас маленькая, и никакого влияния на их игры оказать не может».

Что произошло бы, если бы муж сказал жене: «Дорогая, мы живем вместе двадцать лет, наши занятия сексом стали так скучны и предсказуемы, что я предпочитаю посещать проституток, которые, по крайней мере, работают с выдумкой и огоньком».

Нет, никто не говорит правды. Да никто и не хочет ее слышать.

А эта девчушка бьется над удивительным вопросом: «Почему мы смеемся?»

Не знаю, что нас ждет в конце этого извилистого пути, но она уже помогла мне кое-что найти: наслаждение узнавать то, что никому не известно. И наслаждение рассказывать об этих открытиях.

Я ошибался с самого начала: распространять знания через средства массовой информации невозможно.

Журналистика – это тупик.

Роман и статья – две совершенно разные вещи.

Роман дает читателю возможность составить собственное мнение. Статья стремится склонить его на сторону автора и для усиления эффекта использует уловку: фотографию с комментариями.

Телевидение жульничает еще сильнее и воздействует на подсознание зрителя музыкой.

Как разорвать порочный круг?

Мне не справиться в одиночку с представителями профессии, прославившейся своими дурными привычками еще в Средние века.

Но я так хочу что-то изменить.

Раньше я думал, что, распространяя знания, как это делал Дидро при помощи своей энциклопедии, можно подготовить революцию.

Потом надеялся, что, если люди станут представлять будущее, опираясь на такой инструмент, как «Древо возможного», то они начнут искать перспективы и понимать, что происходит в нашей жизни.

Сейчас я считаю, что нужно найти другой рычаг, чтобы перевернуть землю.

Смех?

Быть может, Лукреция, несмотря на свою наивность, опять дает мне ответ на самые сложные вопросы.

Конечно, смех.

Только смех может позволить стать сильнее, чем руководящие нами лицемеры. Как Аристофан, как Мольер, как Рабле, нужно выставлять дураков, скряг и представителей власти на всеобщее осмеяние.

Но я никогда не проявлял особых способностей к сатире.

Надеюсь, это расследование даст мне возможность восполнить пробел.

Да, я думаю, что теперь пришло время научиться тому, чего мне не хватает: искусству вызывать смех.

124

Супружеская пара приходит в суд, чтобы развестись.

– Сколько вам лет?

– Девяносто восемь, – отвечает жена.

– А вам, месье?

– Сто один год, – говорит муж.

– Сколько лет вы в браке?

– Семьдесят лет.

– А когда у вас возникли проблемы в отношениях?

– Шестьдесят пять лет назад. И с тех все только хуже и хуже, – признается жена с горечью.

– Она постоянно осыпает меня упреками, – подтверждает старик. – Никаких сил уже нет.

– А почему вы решили развестись именно сейчас?

– Мы боялись огорчить детей и ждали, пока они умрут.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Семейные проблемы»

125

Исидору и Лукреции кажется, что путешествие длится шесть или семь часов.

Наконец автобус останавливается, визжа тормозами. Стефан Крауц открывает дверь в пассажирское отделение и просит журналистов завязать глаза. Они на ощупь вылезают из машины и чувствуют, что находятся в каком-то открытом и ветреном месте.

Поддерживаемые невидимыми руками, они идут вперед, пересекают широкую дорогу, поднимаются вверх по одной, затем по другой и третьей улицам, ведущим в гору. Они чувствуют под ногами древнюю булыжную мостовую. Скрипя, открывается тяжелая деревянная дверь.

Они проходят двор, потом еще один.

Стефан Крауц шепотом руководит людьми, о присутствии которых Исидор и Лукреция только догадываются. Открывается еще одна дверь. Они входят в прохладное помещение. Лукреция на ощупь находит руку Исидора. Он не отталкивает ее.

Приключения, опасность. Как же это меня возбуждает!

Если бы я сейчас занималась сексом с Исидором, мне хотелось бы, чтобы он ласкал самые неожиданные участки моего тела. Чтобы он поцеловал меня в затылок, потом в ямочку на крестце, потом в ухо.

Лукрецию выводит из состояния мечтательности грохот ржавого замка. Они идут вперед, спускаются по лестнице. Коридор. Снова лестница. Снова коридор. Они спускаются по винтовой лестнице еще на один этаж.

Наконец Исидор и Лукреция входят в какое-то помещение. Их усаживают. Стефан Крауц снимает с них повязки. Они сидят в креслах, установленных на ринге. Но они не связаны, и к их вискам не приставлены пистолеты. Помещение очень похоже на тайный зал в подвале маяка, правда, оно гораздо меньше.

Рядом стоит человек в фиолетовой тунике, в фиолетовом плаще и фиолетовой маске, изображающей веселое лицо с растянутым до ушей ртом и поднятыми бровями. За ним еще двое в сиреневых туниках и плащах. На них тоже смеющиеся маски. За ними еще две фигуры в темно-розовых и менее жизнерадостных масках.

Стефан Крауц также надевает плащ и сиреневую маску, изображающую широкую улыбку. Он обращается к фигуре в фиолетовом:

– Приветствую вас, Великий Мастер. Я привел к вам Лукрецию Немрод. Она научный журналист из «Нового обозревателя», ей двадцать восемь лет. Она расследует смерть Дария.

Спокойный голос Крауца контрастирует с веселым лицом его маски. Женщина, которую он называет Великим Мастером, кивает.

– А это Исидор Катценберг, научный журналист, безработный.

– В отставке, – поправляет Исидор.

– Сейчас он не работает, но был главным научным журналистом. Тоже в «Современном обозревателе».

– Пока меня не уволили, – уточняет Исидор.

– Сорок восемь лет. Занимаясь расследованием обстоятельств смерти Циклопа, Лукреция и Исидор узнали о нашем существовании. Они были на маяке и видели последствия трагедии.

Женщина в фиолетовой маске не проявляет никаких признаков волнения.

– С недавних пор в их руках находится «Шутка, Которая Убивает».

Некоторые из присутствующих не могут сдержать восклицаний.

– Схватить их, – приказывает женщина в фиолетовой маске.

– Наш чемоданчик заперт на кодовый замок, – говорит Лукреция. – При попытке взлома содержимое автоматически уничтожится.

Стефан Крауц кивает.

– Что вы хотите в обмен на «Шутку, Которая Убивает»?

– Знание, – говорит Исидор. – Мне казалось, что мы уже обговорили все детали и даже подписали документ.

– Какое знание?

– О смехе, о вашем тайном обществе, о вас, – отвечает Исидор.

– И только?

Серьезный тон не вяжется с веселым выражением маски.

– Мы же обо всем условились еще до нашего приезда, – подает голос Лукреция.

– Мы не устраиваем экскурсий. Чтобы получить знание, нужно стать членом общества. Это трудно. Это опасно. Это смертельно опасно. И требует немалого времени. Вы уверены, что этого хотите?

– Как долго надо ждать инициации? – спрашивает Исидор.

– Девять месяцев. Время вынашивания ребенка.

– В таком случае, мы отдадим вам «Шутку, Которая Убивает» через девять месяцев.

Женщина в фиолетовой маске совещается со стоящими поодаль коллегами в сиреневых плащах.

– Проблема в том, что у нас нет времени, – говорит она наконец. – Без «Шутки, Которая Убивает» мы как…

– Раковина без жемчужины? – заканчивает Исидор.

– Храм без святыни. «Шутка, Которая Убивает» – часть нашего духовного наследия. И очень важная. Вам известно, что некоторые люди, без всякого на то права, считают себя наследниками наших традиций. У нас были проблемы с… раскольниками.

– С «Возняк Продакшн»? – спрашивает Лукреция.

Женщина в фиолетовой маске не отвечает.

Господи! Так и есть! Ведь Дарий получил «Шутку, Которая Убивает» с пометкой: «То, что ты хотел узнать»! Значит, ему было известно о существовании Великой Ложи Смеха и смертоносной шутке. Он был знаком с этими людьми. Он был посвящен. Исидор прав, ключ к разгадке где-то здесь. Тайное общество и его сокровище. Вот что имел в виду Себастьян Доллен, когда говорил: «Найдите Тристана Маньяра, войдите в Великую Ложу Смеха, и вы поймете, как умер Дарий». Войдите. Он так и сказал: «Войдите». Словно предвидел то, что сейчас происходит.

Великий Мастер в фиолетовой маске наконец произносит:

– Ситуация исключительная, и мы вынуждены пойти на беспрецедентное отступление от правил. Вы пройдете ускоренный курс обучения. Ваша инициация будет длиться не девять месяцев, а девять дней.

Сиреневые маски кивают, выражая согласие. Темно-розовые маски недовольно ропщут.

– Таково наше решение! – говорит женщина в фиолетовой маске и хлопает в ладоши, призывая всех к тишине.

Темно-розовые маски постепенно умолкают.

– Вашим учителем станет Стефан Крауц, поскольку вы его уже знаете. Через девять дней вы пройдете последний экзамен, вольетесь в наши ряды и отдадите нам «Шутку, Которая Убивает».

Исидор приходит в полный восторг.

– Если я правильно понял, вы надеетесь за девять дней обучить нас остроумию?

Среди масок раздаются смешки. Великий Мастер снова хлопает в ладоши, требуя молчания, и отвечает:

– Видите, одно то, что мы приняли такое решение, уже дает результат. Вы уже вызываете смех.

Лукрецию пробирает дрожь.

Во что мы ввязались? А может быть, это просто сборище сумасшедших?*Все эти маски и плащи не сулят ничего хорошего. Но Исидор, кажется, совершенно спокоен.*

Женщина в фиолетовой маске делает знак, и вперед выходит фигура в маске и плаще светло-розового цвета.

– Вы, наверное, устали. Вас проводят в вашу комнату.

Светло-розовая маска ведет Исидора и Лукрецию наверх. Они видят узкий коридор с десятком пронумерованных дверей. Лукреция замечает, что в дверях нет замков. Наконец светло-розовая фигура открывает дверь в комнату номер сто три.

Исидор и Лукреция видят привинченную к полу металлическую двухъярусную кровать, стол, два стула, шкаф. Окон нет. Справа дверь в ванную.

Лукреция наручниками приковывает чемоданчик к спинке кровати и прячет его под матрас. Они устало выясняют, кто где будет спать.

– Ну, что вы обо всем этом думаете, Исидор?

Но тот, обессиленный переживаниями прошедшего дня, уже забрался на второй ярус, закрыл глаза и негромко захрапел.

А вдруг мы сделали большую глупость?

126

Встречаются два друга:

– Ну, как у тебя на работе? – спрашивает один.

– Плохо. Предприятие разорилось, меня уволили, сижу без работы. И сплю теперь, как младенец.

– Какой ужас! А с женой все нормально?

– Нет. Когда я стал безработным, она ушла к другому, побогаче. И теперь я сплю, как младенец.

– Да, плохо. А здоровье как?

– Не очень. Я так переживал, что у меня начались боли вот здесь. Врач сказал, что у меня рак. Видимо, от стресса. И теперь я сплю, как младенец.

– Странно, – говорит ему друг. – Такие ужасные испытания, а ты спишь, как младенец!

– А ты знаешь, как спят младенцы? Они просыпаются каждые полчаса и плачут.

Великая Ложа Смеха.
№ 911 432

127

Далекий звук колокола будит Исидора и Лукрецию.

Окон нет, и они не могут увидеть небо, но на часах семь утра. Белые туники и плащи их размера сложены на стульях. Поверх одежды лежат белые маски. Нарисованные на них лица совершенно бесстрастны.

Они принимают душ. Вода только холодная.

– Как в монастыре, – жалуется Лукреция.

– Скорее, в казарме, – поправляет Исидор. – Остается понять, какие цели мы преследуем, политические или духовные.

В комнату входит Стефан Крауц. Он по-прежнему в тунике, плаще и маске сиреневого цвета.

– Как спалось? – спрашивает он, открывая лицо.

– Матрас жестковат, – отвечает Лукреция. Под глазами у нее темные круги от усталости.

Крауц ставит на стол поднос с чаем и хлебом.

– Я знаю, завтрак скудный. Во время инициации, которая начинается сегодня, вы должны чувствовать легкость.

– Почему нам дали белую одежду? – спрашивает Исидор.

– Цвет первой ступени. Когда вы пройдете посвящение, получите право носить светло-розовую одежду учеников. Если станете совершенствоваться, получите темно-розовую тунику подмастерьев. А если продолжите идти этим путем, то обзаведетесь и сиреневой туникой.

– Иерархия мастеров? – спрашивает Лукреция.

– Да. Фиолетовый – цвет Великого Мастера. Но вы пока на самой первой ступени. Вы даже еще не начали обучения. Поэтому ваши маски выражают бесстрастие. Когда вы выходите из комнаты, нужно их надевать.

– Почему?

– Кое-кто из нас выходит в мир, и мы не должны знать друг друга в лицо и по именам. Поэтому по коридорам необходимо ходить, «закрывшись». Эта система безопасности была установлена еще в Средние века. Точнее, в эпоху гонений, когда один из братьев под пыткой выдал товарищей.

Исидор и Лукреция надевают белые туники и плащи, примеряют маски.

– У вас правила, как у масонов? – спрашивает Лукреция, доставая блокнот.

– В чем-то – да. Но наше обучение больше напоминает школу боевых искусств.

– Что же общего между смехом и боевым искусством? – изумляется Лукреция.

– Очень много. Вызывать смех – это значит посылать другому энергетический импульс. И эта энергия, в зависимости от дозы и способа ее применения, может причинить как добро, так и зло.

– Но ведь кто угодно может рассмешить другого без всякого обучения вашему «боевому искусству», – удивленно говорит Лукреция.

– Так и есть. Многие смешат своих друзей, сами не понимая, как они это делают. Точно так же многие дерутся, беспорядочно размахивая кулаками. Но они дрались бы лучше, если бы овладели кунг-фу в монастыре Шаолинь.

– Вы хотите сделать из нас Брюсов Ли юмора?

Стефан Крауц пропускает шутку мимо ушей.

– Вы научитесь сознательно и мастерски выполнять то, что раньше делали инстинктивно и неумело. Начнете взвешивать каждое слово, каждую запятую, каждый восклицательный знак. Ваше искусство вызывать смех станет совершенным. Ваши шутки станут идеальным оружием.

– Оружием?

– Именно так. Шутка – это клинок из закаленной стали. Тот, кто владеет им профессионально, попадает в цель, режет, колет, спасает…

– … или убивает? – заканчивает Лукреция.

Крауц наливает им чаю из термоса.

– Запомните правило двух первых дней инициации: «Не смеяться!»

Я ослышалась?

— Абсолютный запрет. Малейшее его нарушение будет наказано.

– Каким образом?

– Раньше применялись телесные наказания, но, с приходом нового Великого Мастера, нравы смягчились.

– Наказание? Это глупо! Мы же не дети, – замечает Лукреция.

– Но учиться будете, как дети. И поймете, почему «смеяться можно надо всем, кроме юмора».

Эта фраза у них, видимо, ключевая.

— Логично, – одобрительно говорит Исидор. – Мы ценим то, чего лишены. Священник дает обет молчания, чтобы насладиться возможностью говорить. Пост помогает оценить вкус пищи. Воздержание дает прочувствовать наслаждение половым актом. После тишины мы восторгаемся музыкой. Выйдя из темноты, понимаем всю красоту цвета.

Крауц доволен, что Исидор его понял.

– А в чем заключается наказание? – интересуется Лукреция.

– Увидите, если засмеетесь. Но осмелюсь дать вам совет: что бы сегодня ни происходило, подчинитесь приказу и не смейтесь.

– Не смеяться? Но это невозможно! Рано или поздно забудешь о запрете.

Стефан Крауц очень сухо говорит:

– Если вы хотите относительно приятно провести здесь время, вам, мадемуазель, придется забыть о царящей в современном обществе манере беспрерывно хихикать. Перестаньте постоянно необдуманно шутить. Смех – это энергия. Чтобы использовать эту энергию, необходимо в совершенстве владеть собой.

– Да все и всегда смеются по самым разным поводам, чтобы придать себе уверенности. Чтобы расслабиться. Чтобы выиграть время. Чтобы попытаться понравиться. За компанию. Вместе со всеми…

– Трудно все время оставаться серьезным, – подтверждает Исидор.

– Всего два дня. Другие ученики подчиняются этому требованию целый месяц.

Исидор и Лукреция пытаются представить себе долгий месяц без смеха.

– В наши дни люди смеются в среднем восемь раз в день. С возрастом обычно меньше. Для сравнения: дети младше пяти лет смеются девяносто два раза в день. Взрослый человек смеется примерно четыре минуты в день. А в 1936 году этот показатель равнялся девятнадцати минутам.

Интересно, где они взяли эту статистику. Опросы? Люди могут давать неточные ответы. Например, когда их спрашивают, сколько раз в неделю они занимаются сексом,

они выдают желаемое за действительное. К счастью, профессия научила меня воспринимать такого рода информацию с известным недоверием.

— Когда вступает в силу запрет на смех? – спрашивает Исидор.

Продюсер смотрит на часы и говорит:

– Сегодня ровно в восемь часов утра. И закончится ровно в восемь утра послезавтра. Никто, ни при каких обстоятельствах не должен слышать вашего смеха. Могу посоветовать: как только почувствуете, что вот-вот засмеетесь, прикусите язык, ущипните себя или наступите себе на ногу. Обычно это помогает.

Я в сумасшедшем доме.

— Который час? – спрашивает Исидор, который воспринимает все совершенно серьезно.

– Семь пятьдесят восемь. У вас две минуты, чтобы улыбнуться в последний раз.

Лукреция пытается засмеяться, но у нее ничего не получается. Исидор молча ждет, закрыв глаза.

– Внимание. Четыре, три, два, один… Все! Ровно восемь. Теперь вам нужно продержаться сорок восемь часов без смеха.

Закончив завтрак, Исидор и Лукреция следуют за Стефаном Крауцем.

Дом, в котором они находятся, оказывается гораздо больше, чем они думали. Это настоящий лабиринт коридоров, залов, лестниц и этажей.

Продюсер ведет их на верхние этажи, в зал, стен которого не видно за книжными полками. В глубине они видят статую Граучо Маркса, сидящего по-турецки, словно Будда, завернувшись в какое-то широкое одеяние. В углу рта у него окурок сигары, очки съехали на кончик носа и видно, что он страдает косоглазием.

Посреди зала стоит окруженный стульями овальный стол.

– Тема первого дня обучения – история. Люди часто говорят об Эросе и Танатосе, но забывают о Гелосе, о смехе. Это третья сила, побуждающая человека к действию. Знакомы ли вы с историей смеха?

– Мы уже говорили об этом с профессором Левенбруком, – замечает Лукреция.

– Я слышал о его теории. Она не только банальна, но и неполна. Он нашел несколько частей головоломки, но для того, чтобы собрать ее целиком, ему не хватает многих составляющих.

Человек в сиреневой тоге достает с полки толстую книгу, сантиметров семьдесят в длину и сантиметров тридцать в ширину. На обложке золотыми буквами написано: Великая Книга Истории Смеха. Источник: Великая Ложа Смеха.

На первой странице изображены какие-то странные существа.

– Мы считаем, что смех впервые прозвучал два миллиона лет тому назад где-то в Южной Африке. Палеонтологи, входящие в Великую Ложу Смеха, рассказывают о таком случае: саблезубый тигр преследовал первобытного человека. В тот самый миг, когда тигр уже собирался накинуться на обезумевшую от страха жертву, хищника случайно раздавил проходивший мимо мамонт. Неожиданное вмешательство мамонта, повлиявшее на расстановку сил, спровоцировало у счастливчика смену чувства страха изумлением и вызвало учащенную легочную вентиляцию.

– Как вы можете это утверждать? – удивляется Лукреция, для которой, как всегда, очень важен источник информации.

– Этот доисторический человек так хохотал, что поскользнулся и упал в болото. Он мгновенно захлебнулся, а тело его законсервировалось. Мы нашли отпечаток его фигуры, похожий на рельефную фотографию. Положение его челюсти и мышц живота ясно свидетельствуют о том, что он смеялся в момент гибели.

– Здорово, – замечает Исидор.

– Ученые Великой Ложи Смеха считают, что это произошло за два миллиона лет до нашей эры. По их мнению, именно тогда зародилась человеческая цивилизация. Не тогда, когда человек начал хоронить своих сородичей, а в тот момент, когда он впервые рассмеялся.

Исидор с интересом записывает материал для будущего романа. Лукреция проявляет большую сдержанность.

– Этот первобытный смех впервые отделил «хомо сапиенс» от представителей животного мира. Засмеявшись, человек доказал, что он один, благодаря специфическому нервно-дыхательному спазму, может превратить страх в веселье.

– Великолепно, – повторяет Исидор, быстро записывая.

– Но полной уверенности, что все произошло именно так, у нас нет. С приходом нового Великого Мастера мы решили считать, что смех появился за 320 тысяч лет до нашей эры там, где находится современная Кения.

– 320 тысяч лет до нашей эры? – спрашивает все еще сомневающаяся Лукреция. – Как вы можете знать, что тогда произошло?

– Произошло сражение между двумя племенами. Одно оказалось сильнее, и его вождь уже собирался нанести вождю проигравших смертельный удар, как вдруг прямо в глаз победителю с неба нагадил гриф.

– Нагадил гриф? И они впервые засмеялись? Чепуха какая-то!

Лукреция не может удержаться и насмешливо фыркает.

– Я вас предупреждал, – неожиданно говорит Стефан Крауц. – Латинская пословица гласит: «Dure lex sed lex» – «Закон суров, но это закон».

Он звонит в колокольчик. Появляются три здоровяка в темно-розовых плащах. Лукреция не успевает пикнуть, как они хватают ее и уносят в подвал.

– Что вы с ней сделаете?

– Накажем. Наказание помогает лучше усвоить информацию.

– Но, мне кажется, вы сказали, что уже не применяете телесные наказания.

– Это наказание не телесное, правда, на мой взгляд, оно еще хуже. Она вернется через несколько минут.

Действительно, вскоре появляется запыхавшаяся Лукреция с горящими щеками. Она, по-видимому, пережила нечто неприятное. Но она не печальна, а лишь серьезна.

– Простите, – говорит она, опустив глаза. – Поверьте, этого больше не повторится.

Стефан Крауц продолжает:

– Итак, смех появился за 320 тысяч лет до нашей эры. Он способствовал эволюции человека, поскольку именно в Восточной Африке тогда произошел резкий скачок в развитии человеческого интеллекта.

Он переворачивает страницу.

– Как отмечено в наших архивах, третий случай, когда люди отреагировали смехом на комическую ситуацию, имел место за 45 тысяч лет до нашей эры. Это история о том, как кроманьонцы и неандертальцы не поняли друг друга.

Продюсер излагает Исидору и Лукреции факты.

Он делает паузу, проверяя, не засмеется ли Лукреция, но та молча записывает.

Он признал, что Дарий входил в Великую Ложу Смеха.

Значит, Циклоп, скорее всего, посещал это место. И видимо, получал ту же информацию, что и мы. Он знал историю про грифа… Видимо, он обнаружил здесь то, что ему не понравилось и вызвало желание уничтожить этих людей. Я чувствую, что члены Великой Ложи Смеха скрывают нечто… темное.

Стефан Крауц кажется довольным.

– Теперь перейдем к шумерам. 4803 год до нашей эры.

– Шутка про женщину, сидящую у мужа на коленях? – спрашивает Исидор.

– Вы ее знаете? Вы прочли диссертацию профессора Макдональда о происхождении юмора? Интересно, но тоже неполно. Макдональд говорит о шумерской шутке 1908 года до нашей эры. А я – о вещах значительно более древних.

Он рассказывает, как пошутил шумерский царь Эншакушана во время переговоров с аккадским царем Энби Иштаром.

Затем переворачивает еще несколько страниц.

– Затем юмор переместился в Индию. Мы нашли шутку, придуманную в 3200 году до нашей эры, в эпоху цивилизации Хараппа.

Крауц рассказывает о комической ситуации, в которую попали индийский принц и танцовщица, обездвиженные судорогой во время занятий любовью.

Лукреция разражается смехом. Продюсер с опечаленным видом звонит в колокольчик.

– Не надо! Обещаю больше не смеяться! – умоляет Лукреция.

– Это нужно вам. Вы должны научиться владеть собой.

Он снова звонит в колокольчик. Трое мужчин уносят Лукрецию, которая кричит: «Нет, только не это!»

Она возвращается через несколько минут с еще более красным, мокрым, словно от слез, лицом. Оно хранит следы перенесенных мучений, но не грусти.

– Не знаю, что на меня нашло. Я буду держать себя в руках, – твердо говорит она, опустив глаза.

– Возможно, то, чему мы здесь и сейчас учимся, однажды спасет вам жизнь, – замечает Стефан Крауц.

Лукреция еще дважды за утро исчезает в подвале, откуда возвращается пунцовая и полная раскаяния.

Они разбирают древний юмор, изучая страну за страной. Наконец наступает обеденный перерыв, и они идут в столовую.

– Почему тут все без масок?

– Те, кто должен остаться неузнанным, едят не здесь.

Стефан Крауц снимает маску, Лукреция и Исидор следуют его примеру. Когда они входят в столовую, все смотрят на них. Лукреция тоже рассматривает присутствующих. Около ста человек. Некоторые очень пожилые. Большинство – женщины за сорок.

Так это они придумывают шутки, которые лежат в коробках с конфетами, анекдоты, которые рассказывают в конце обеда. Это они заставляют дрожать тиранов. Маленькие старички и старушки. Здесь прямо как в доме престарелых.

— Здравствуйте! – громко произносит Лукреция, приветствуя всех дружеским жестом. – Приятного аппетита!

В столовой сразу устанавливается благожелательная атмосфера.

Я понимаю, почему Дарий хотел их уничтожить. Здесь та же вечная борьба молодежи с цепляющимися за власть стариками. Я в полной зависимости от них – они должны передать мне свои знания, а я должна забыть о предрассудках и воспринять всю информацию, чтобы понять их тайну. Чтобы узнать тайну гибели Дария. Собери все силы, Лукреция. Вспомни слова Исидора: ты проигрываешь, если недооцениваешь противника. Выглядят они добродушно. Глаза живые. Похоже, юмор отличное средство сохранить молодость.

— Как дела, Лукреция? Вид у вас задумчивый. Все еще переживаете по поводу наказания? – спрашивает Исидор.

– Не знаю, что на меня нашло. Мне очень жаль, Исидор.

– А что они с вами делали?

– Если хотите узнать – засмейтесь.

Дама в сиреневой тоге предлагает им овощи и приготовленную на пару рыбу. На десерт – фрукты. Нет ни соусов, ни мяса, ни хлеба, ни молочных продуктов. Лишь оливковое масло в качестве приправы.

За едой Лукреция продолжает рассматривать присутствующих.

– Они не доверяют нам, – шепчет она.

– Они и не должны доверять новичкам. Это правило любого закрытого клуба.

К ним подходит Стефан Крауц.

– Вам нравится? Это биологически чистые продукты из наших садов. Комикам, как и профессиональным спортсменам, необходима строжайшая диета, чтобы оставаться в форме.

– А биологически чистого вина у вас нет? – спрашивает Лукреция.

– Может быть, вы получите его после завершения инициации. На этом этапе оно, я думаю, вам не поможет.

– Да вы что, Лукреция! Разве те, кто обучаются кунг-фу в монастыре Шаолинь, пьют вино во время занятий?

– А курить можно? Я не продержусь девять дней без сигарет!

– Мы можем предложить вам антиникотиновый пластырь, – говорит Крауц. – Это все, что мы можем сделать.

Лукреция пожимает плечами.

– Спасибо. Вы мне дали лишний повод не смеяться.

Стефан Крауц подает ей стакан холодной воды.

– Ни вина, ни пива, ни газированных напитков.

– И кофе тоже нельзя?

– А есть что-нибудь посмешнее воды?

– Морковный сок.

– Вот это я с удовольствием выпью, – говорит Исидор.

Взгляд Лукреции гаснет.

– Я не уверена, что хочу остаться здесь, – шепчет она.

– Вот увидите, привыкнуть можно ко всему. Ваш организм еще поблагодарит вас за здоровую пищу без сахара и жира.

Они жуют овощи.

После обеда изучение истории юмора возобновляется.

Стефан Крауц заставляет учеников переживать великие моменты развития юмора, рассказывает анекдоты, забавные случаи, изображает интересных персонажей, воспроизводит вымышленные диалоги.

– Не все великие комики принадлежали к нашему «клубу», но многие. О некоторых юмористах вы никогда не слышали, а они были истинными новаторами. Иногда история сохраняет имена лишь раскрученных подражателей.

Стефан Крауц показывает им другую книгу. В ней множество иллюстраций, изображающих ярко одетых людей.

– Я хочу рассказать вам о шутах. Положение королевских шутов было очень странным. Во Франции с XIV по XVIII век их, никого не спрашивая, назначал сам король. Они получали очень хорошее жалованье и имели право не подчиняться правилам, установленным для двора. Поскольку им было позволено смеяться над придворными, те платили им, чтобы не стать объектом издевательств. Некоторые шуты, например, Трибуле и Брианда, скопили настоящие состояния.

– О такой профессии можно только мечтать, – говорит Исидор.

– Не уверен. Все их боялись, а многие и ненавидели. В то время верили, что они принимают на себя часть грехов повелителя. Считалось, что шуты – воплощение дьявола.

– То есть, максимум привилегий и максимум ненависти? – удивляется Лукреция.

– В глазах народа они были чем-то вроде громоотвода, который принимает на себя гнев короля. И гнев вассалов, сердившихся на короля.

– Они разряжали обстановку шутками?

– Репликами, снижавшими накал страстей. Их остроумием восхищались, но их самих презирали. Их не признавали христианами и хоронили за церковной оградой.

– И сколько времени это продолжалось?

– Ну, с некоторыми натяжками, последним королевским шутом можно считать Мольера. Вернее, Мольер превратил шута в «официального королевского комедианта». Сделал его государственным служащим.

Терпеливо дожидаясь, когда снова можно будет приступить к расследованию, Исидор и Лукреция поневоле проникаются интересом к малознакомой им части истории. В полночь Крауц добирается до Бомарше. Лукреция с удивлением понимает, что не заметила, как пролетело время. Ей не хотелось курить, и она сдержала обещание не смеяться. Стефан Крауц провожает их в пустую столовую, где они молча съедают поздний холодный ужин, а затем – в спальню.

– Завтра начинаем в семь часов. Цените свою удачу, остальные могут только мечтать об инициации за девять дней.

– А вечером в комнате можно смеяться?

– Не советую. Если кто-то, проходя мимо, услышит вас, он должен будет донести. Потерпите до послезавтра, и уже в восемь утра сможете расслабиться. Спите спокойно. Завтра продолжим изучать историю юмора.

После паузы Крауц продолжает:

– Да, забыл вас предупредить. Послезавтра в восемь часов вы*должны* будете смеяться. Как в боевых искусствах, вы должны научиться владеть своим телом. Могу предложить вам первое упражнение. Постарайтесь как можно дольше задерживать дыхание. В туалете усилием воли попытайтесь остановить мочеиспускание, а затем возобновите его. Проснитесь утром именно тогда, когда решите накануне. Мастера йоги могут управлять даже своим пищеварением и скоростью биенья сердца. Это просто контроль над своим организмом.

Он подходит к Лукреции.

– Наш организм похож на избалованного ребенка, который постоянно требует все больше сластей, ласки и комфорта. Но, если его воспитывать, учить делать то, что нужно, он сначала будет сопротивляться, а потом поблагодарит вас. Не потакайте ему, а сдерживайте и направляйте.

Продюсер желает им доброй ночи и уходит. Лукреция принимает ледяной душ. Она закрывает глаза и слушает свое дыхание, удары своего сердца. «Неужели всеми процессами в организме можно управлять?» – спрашивает она себя.

Удивительно, но мне действительно кажется, что во мне что-то изменилось.

Конечно, как и раньше, мне хочется сигарет, сладкого, жирного. Хочется посмеяться. Но в то же время новая Лукреция чувствует себя более спокойной, более сильной. Уверенной в себе.

Неужели один день, проведенный среди этих старичков, оказал на меня столь благотворное влияние? Даже ледяной душ не доставляет мне страданий, я горжусь тем, что могу вытерпеть его.

Она намыливает тело и слышит бурчание в животе.

Желудок сердится потому, что я не дала ему ни мяса, ни сахара.

Она кашляет.

Легкие возмущены, они жаждут никотина и смол.

Лукреция включает воду на полную мощность.

Господи, если бы мне сказали, что расследование смерти Дария потребует от меня таких жертв, я бы, наверное, десять раз подумала, прежде чем взяться за него.

Эти люди кажутся мне все более и более странными. Их жизнь посвящена не только защите юмора. Что-то тут нечисто.

Спутанные мокрые волосы падают ей на лицо.

Мужчина едет на машине, и у него лопается колесо. Он хочет его поменять, но запаска тоже лопается. Он голосует, но никто не останавливается.

Начинается дождь. Надежды на помощь других автомобилистов все меньше.

Неожиданно рядом тормозит спортивный автомобиль. За рулем восхитительная блондинка, которая предлагает подбросить до автосервиса.

Они долго едут, но автосервиса все нет. Наступает ночь, блондинка предлагает остановиться в какой-нибудь деревушке и поужинать. Уже довольно поздно, и они решают там заночевать. Но в гостинице только один свободный номер с большой кроватью. Они ложатся вместе, среди ночи женщина прижимается к нему, и они занимаются сексом.

Утром мужчина просыпается, смотрит на часы и понимает, что спали они очень долго. Он быстро одевается, спускается вниз и спрашивает у администратора гостиницы, есть ли у них бильярдная. Подойдя к бильярдному столу, он пачкает руки голубым мелом, затем берет такси и поспешно возвращается домой.

Разгневанная жена ждет его на пороге, сжимая в руках скалку.

– Ну и где ты был? – спрашивает она.

– Дорогая, со мной случилось нечто совершенно невероятное. Вчера у меня лопнула шина. Запаска тоже лопнула. Я стал голосовать. Пошел дождь. Никто не останавливался. Вдруг ко мне подъехала спортивная машина, и очень красивая женщина за рулем спросила, не нужна ли помощь. Мы поехали искать автосервис, не нашли и остановились поужинать в какой-то деревушке. Потом решили заночевать в гостинице, но там была только одна свободная комната с большой кроватью. Мы легли спать, а ночью занимались сексом. Я так устал, что не заметил, как проспал.

Жена неожиданно успокаивается и усмехается:

– И ты думаешь, я поверю в эту чушь? Я же вижу, что у тебя руки перепачканы мелом. Не пытайся меня обмануть! Я-то знаю, что ты опять всю ночь играл с приятелями в бильярд.

Великая Ложа Смеха.
№ 572 587

129

Вода течет по ее волосам, по плечам, по груди и бедрам.

– Пошевеливайтесь, Лукреция! – шепчет Исидор.

– Ну что там еще? – спрашивает она, выключая воду, и выходит из ванной с махровым полотенцем на голове.

– Мы здесь для того, чтобы вести расследование. Я чувствую, тут что-то нечисто.

Он пришел к тому же выводу, что и я.

— Эти защитники светлого смеха кажутся не такими уж безобидными.

Он это сам сказал.

— Мы должны объяснить смерть Дария. Теперь, когда мы знаем, что это не его брат Тадеуш, у нас есть основания подозревать кого-то из Великой Ложи Смеха.

– Но у них нет «Шутки, Которая Убивает».

– Возможно, они потеряли ее. Или кто-то действует неофициально. В любом случае, ключ к разгадке находится здесь. Я это чувствую.

– Опять ваша «женская интуиция»? Кажется, до сих пор она вела вас не туда.

– А что вам сказал Себастьян Доллен?

Что делать? Напомнить ему, насколько противоречиво его поведение?

— Вот таким вы мне нравитесь, Исидор. Меньше размышлений, больше действий.

– Необходимо срочно исследовать это место.

Он достает сумку, которую прятал под плащом.

– Во время обеда, когда я ходил в туалет, я зашел в помещение, где хранятся принадлежности для уборки. Я украл два сиреневых костюма, в них мы не будем привлекать внимания.

– А что вы хотите делать?

– Нам нужно понять, куда мы попали, кто эти люди и что скрывается за красивым фасадом.

– Опять ваша интуиция?

– Конечно. Опираться только на предоставленную нам информацию не профессионально. Нужно узнать, что от нас скрывают.

Исидор надевает сиреневую тунику и показывает Лукреции два электрических фонарика, которые прихватил вместе с костюмами. Подчиняясь его напору и заставив себя забыть о мокрых волосах, она тоже натягивает тунику.

– Итак, вперед, к новым приключениям, как говорят в фильмах.

В этот поздний час большинство обитателей дома спит. Исидор и Лукреция идут по пустынным коридорам.

– Что вы думаете об этом балагане, дорогой Исидор?

– То же, что и вы, дорогая Лукреция.

– Я считаю, что это просто секта заигравшихся скучающих старичков.

Вдруг из-за поворота появляются две фигуры в сиреневых одеяниях. Лукреция вздрагивает, но Исидор делает ей знак не останавливаться.

Действительно, два человека в сиреневых масках и плащах спокойно идут им навстречу.

Может быть, это их внутренняя полиция. Если они узнают нас, наказание неизбежно.

Фигуры приближаются. Проходя мимо, одна из них произносит:

– Никаких происшествий?

– Никаких, – безмятежно отвечает Исидор, не замедляя и не ускоряя шага.

Они расходятся. Когда фигуры исчезают за поворотом, Исидор поворачивается к Лукреции.

– Вы вздрогнули. Испугались наказания, не так ли? Скажите, что они сделали с вами после того, как вы засмеялись?

– Хотите знать – засмейтесь. За информацию надо платить.

Они продолжают идти по коридору.

– Мы лезем в пасть льва, Исидор.

– Только так и можно понять, какова эта пасть, – отвечает он. Они приближаются к лестнице.

– Наверх?

– Нет, вниз. Самое интересное всегда в глубине. Ложа королевы в муравейнике находится под землей.

Он снова меня бесит. Не знаю, как ему это удается. Видимо, все происходит как-то само собой. Он никогда не соглашается со мной и делает это из чувства противоречия.

Они спускаются по лестнице.

– Вам не страшно, Исидор?

– Мне это напоминает обучение в университете. Мы на первом курсе как бы это назвать? Скажем, факультета филогелозии. Философия – это наука о стремлении к мудрости, а филогелозия – наука о любви к смеху.

– Наука?

– А почему бы и нет? Мы изучаем шутки, как другие изучают вирусы. Кстати, шутки и похожи на вирусы. Появляются, распространяются, переносятся воздушно-капельным путем. Мутируют, как вирусы.

– И убивают, как вирусы.

Исидору не нравится сравнение.

– Я боюсь, что все это плохо кончится, Исидор. Они держат нас взаперти, и вид у них у всех странный. Мы даже не знаем, где находимся.

– Жизнь – это фильм с плохим концом. Интересно лишь то, что происходит до того, как пойдут титры.

Он задумывается и добавляет:

– Нет, я неправ. Жизнь плохо кончается для нашего тела, а для души может закончиться и хорошо.

Лукреции подскакивает.

– Вы верите в бессмертие души?

– Моя душа в него верит. Тело сомневается.

Мне кажется, что обучение на факультете филогелозии внушает ему желание превзойти самого себя.

Они идут дальше по коридорам.

– Вы думаете, что через девять дней мы станем остроумными?

– Надеюсь. Напрасно я до сих пор пренебрегал чувством юмора. Благодаря вам, во время этого расследования я рассчитываю восполнить пробел.

– А я… Меня вы считаете остроумной? – спрашивает Лукреция.

– Несомненно. Видя вас, я с трудом удерживаюсь от смеха.

Эти слова он произносит совершенно невозмутимо.

– Вы опять издеваетесь надо мной, Исидор?

– Да. Вам это неприятно?

– Немного.

Неожиданно они выходят в галерею, ведущую к массивным дверям, украшенным искусным чугунным литьем.

– Вот вам и возможность продемонстрировать свои таланты.

Лукреция говорит, что ей необходимы инструменты. Им приходиться отступить. Кроме того, они замечают вдалеке фигуры блюстителей порядка. Не желая еще раз сталкиваться с ними, они прячутся за поворотом.

130

Шерлок Холмс и доктор Ватсон выезжают на природу. Они ставят палатку, ужинают у костра и ложатся спать. Посреди ночи Шерлок Холмс просыпается и будит Ватсона.

– Ватсон, посмотрите вокруг и скажите, что вы об этом думаете.

Доктор Ватсон не понимает, зачем Холмс его разбудил, но, тем не менее, отвечает:

– Я вижу тысячи звезд, и думаю, что мы находимся на маленькой планете, затерянной в безбрежной Вселенной.

Шерлок Холмс настаивает:

– Но какие конкретно выводы вы можете сделать?

Заинтригованный Ватсон размышляет.

– Ну, поскольку звезд так много, возможно, что некоторые планеты похожи на Землю. И там тоже может быть жизнь.

– Да, но к какому заключению подталкивает вас вид звездного неба?

– Что где-то существует параллельная разумная цивилизация. Может быть, такая же разумная, как наша.

Шерлок Холмс прерывает его:

– Нет, дорогой Ватсон, вы ошибаетесь. Раз вы видите звезды, значит, у нас украли палатку.

Великая Ложа Смеха.
№ 878 332

131

Звонит колокол. Проснувшись, они находят чистые белые тоги и плащи. На стуле лежит листок с программой на день.

– Сегодня опять история. Занятия еще более интенсивные. Закончим еще позднее, чем вчера, – вздыхает Лукреция.

– Такой темп нас вымотает, и мы не сможем посвящать достаточно времени ночным исследованиям.

– Но разгадка смерти Циклопа точно находится здесь. Что-то произошло именно тут. Без всякого сомнения.

Исидор и Лукреция принимают душ, завтракают и возвращаются в то же помещение, что и вчера.

Статуя Граучо Маркса в индийском одеянии производит на них сегодня еще большее впечатление. Занятия второго дня посвящены современным юмористам, Великим Мастерам ложи, новаторам, философам, людям, стремящимся к совершенству.

– На чем мы остановились? Ах да, Бомарше. Напоминаю, мы будем говорить только о тех, кто уже умер. Я не могу назвать вам имена живущих, – уточняет Стефан Крауц. – Ни один из братьев ложи не может назвать имени другого брата без его согласия.

Он открывает толстый фолиант с фотографиями людей, о которых идет речь.

– После Бомарше я хочу обратиться к Эжену Лабишу (1815–1888). Он придумал современную комическую пьесу. Он даже работал с Жаком Оффенбахом над оперой-буфф. Он был Великим Мастером нашей ложи.

Крауц цитирует несколько острот великого Лабиша, часто приписываемых другим авторам:

– «Эгоист – это человек, который не думает обо мне». «Я заметил, что моя супруга верна не мне одному». «Только Бог имеет право убивать себе подобных». «Люди любят нас не за те услуги, которые мы им оказываем, а за те услуги, которые они оказывают нам».

– «Путешествие господина Перришона»? – говорит Исидор.

Крауц переворачивает страницы.

– Затем, человек, который не был ни юмористом, ни клоуном, ни комедиографом: Анри Бергсон (1859–1941). Первый философ, создавший теорию смеха и юмора. Он придумал формулу: «Смех – это механика, действующая в живом организме».

– Он тоже стал Великим Мастером?

– Нет, только Мастером. Он, как бы это выразиться, чересчур серьезно относился к юмору. Он был аналитиком, а не практиком. Вот, что он говорил: «Искусство писателя, прежде всего, состоит в умении заставить нас забыть, что он пользуется словами». «Предвидеть – значит проецировать в будущее опыт прошлого».

Чтобы понять человека, надо изучать не биографию, а оставленные им афоризмы. Стефан Крауц несколькими цитатами обрисовал нам характер этого человека лучше, чем если бы рассказал всю историю его жизни.

Затем они обсуждают Жоржа Фейдо (1862–1921).

– Жорж Фейдо пытался понять сам феномен юмора. Это превратилось у него в навязчивую идею. От этого он и умер.

– А вы можете привести нам какие-нибудь высказывания Жоржа Фейдо? – спрашивает Лукреция, изображая прилежную ученицу.

– «Единственная гимнастика, которой я занимаюсь, – это посещение похорон моих друзей, занимавшихся гимнастикой для поддержания здоровья». «Мужья женщин, которые нам нравятся, всегда дураки».

Исидор с трудом удерживается от смешка.

– Затем конечно же мы поговорим о Чарли Чаплине (1889–1977). Вот мало кому известный эпизод из жизни этого гениального во многих областях человека. Однажды писатель Чарльз Макартур спросил у Чарли Чаплина, как ему написать комическую сцену для сценария. «Толстая дама поскальзывается на банановой кожуре. Как смешнее всего будет выстроить кадр? Сначала показать банановую кожуру, потом толстую даму, которая приближается и поскальзывается? Или сначала толстую даму, потом банановую кожуру, а потом даму?» Чарли Чаплин ответил: «Не то и не другое. Вы показываете приближающуюся толстую даму, потом банановую кожуру, потом толстую даму и

банановую кожуру вместе. Затем она осторожно перешагивает через банановую кожуру и падает в открытый канализационный люк!»

– Отлично! – восклицает Лукреция.

– Чарли Чаплин был членом Великой Ложи Смеха?

– Конечно. Американское отделение ложи одно время очень успешно развивалось. Чаплин был ее Международным Великим Мастером.

Исидор записывает.

– Граучо Маркс (1890–1977). Вот цитаты для мадемуазель Немрод, которая, как я вижу, до них большая охотница. «Я родился очень молодым». «Я никогда не вступлю в тот клуб, который согласится меня принять». «Мужчина так же молод, как женщина, которую он любит». «Или этот человек умер, или время остановилось».

Лукреция и Исидор с трудом сдерживают смех.

– Граучо Маркс тоже был Мастером вашей Ложи?

– Да. Он даже три года был Великим Мастером.

– Значит, он все-таки согласился вступить в клуб, который его принял, – замечает Лукреция.

Продюсер листает книгу.

– Саша Гитри (1885–1957). Он в представлении не нуждается. Вот несколько цитат: «Я охотно признаю, что женщины лучше мужчин, лишь бы они перестали требовать признать их равными». «Если бы те, кто говорит обо мне плохо, знали, что я о них думаю, они бы говорили еще хуже». «Вы когда-нибудь слышали, чтобы ребенок сказал: „Когда я вырасту, я стану профессиональным критиком“?» «Есть люди, на которых всегда можно рассчитывать. Обычно это люди, которые вам не нужны».

– Неплохо, – признает Лукреция.

– Вот еще, как раз для нас: «Цитировать чужие мысли – значит сожалеть, что они не пришли в голову вам самим».

– Саша Гитри был Великим Мастером?

– Нет, просто Мастером. О, а вот это очень важно. Один из самых великих: Пьер Дак (1893–1975). Тоже Великий Мастер, участник Сопротивления во время Второй мировой войны. Он делал комические радиопостановки, издеваясь над правительством Виши и Гитлером.

Цитаты: «Тот, кто начал с нуля и не добился ничего, никому ничего не должен». «Лучшее доказательство существования инопланетного разума – то, что он не пытается вступить с нами в контакт». «Порой молчать нужно даже тогда, когда тебе есть, что сказать». Сегодня остановимся на этом. Мы прошли путь от Бомарше до Пьера Дака.

Стефан Крауц закрывает книгу и приглашает их на ужин.

Изучение творчества пионеров смеха наполнило Исидора и Лукрецию новой энергией. Лукреция теперь понимает, что объединяет членов Великой Ложи Смеха.

Все они прожили трудную жизнь. Всем им смех помог выдержать удары судьбы, преодолеть чувство страха. Они победили благодаря смеху, но на склоне лет испытывали чувство неловкости оттого, что всю жизнь были шутами. Многие в старости, стыдясь клоунского имиджа, даже пытались создавать трагические произведения.

Стефан Крауц провожает Исидора и Лукрецию до их комнаты. Исидор принимает душ и надевает майку. Не говоря ни слова, залезает в постель. Ложась, Лукреция улыбается.

Завтра я смогу смеяться.

Затем поправляет себя.

Завтра я должна буду смеяться.

И с удивлением понимает, что если удерживаться от смеха трудно, то смеяться по приказу будет еще труднее.

Я должна научиться владеть своим телом.

Она делает упражнения по задержке дыхания.

Начну обратный отсчет. Когда дойду до нуля, сразу крепко засну. Десять, девять, восемь, семь, шесть… пять… четыре… три… два…

– Лукреция, нельзя забывать про расследование. Ну что, пошли?

Исидор стоит у ее кровати с сиреневыми плащами, масками и фонариками.

Они повторяют вчерашний маршрут. Подойдя к воротам в конце галереи, Исидор достает украденные отвертку и проволоку. Лукреция пытается открыть замок, но у нее ничего не получается.

– Я думал, вы профессионал, – удивляется Исидор.

– Я специалист по современным электронным сейфам, а не по замкам трехсотлетней давности. Я не знаю, как действуют эти механизмы. Там внутри несколько дополнительных очень прочных зубчатых систем, которые я не вижу. Эти замки похожи на часовой механизм.

– Вы меня разочаровали. Боюсь, я вас переоценил. Выходит, вы вообще ни на что не годитесь.

Лукреция начинает работать с удвоенным рвением.

Я тебе покажу, на что я гожусь!

Она внимательно слушает скрежет старинных деталей замка.

Черт, а ведь я опять попалась… Он сказал, что я ни на что не гожусь, чтобы я превзошла саму себя.

Она беспомощно разводит руками.

– Мне нужен рентген, чтобы увидеть то, что находится внутри замка.

К Исидору и Лукреции опять приближаются две фигуры в сиреневом, они едва успевают спрятаться.

Неужели я его действительно разочаровала? – думает Лукреция.

132

Адам заскучал в раю и потребовал себе женщину. Бог пообещал создать ему прекрасную подругу – красивую, нежную, умную, внимательную, одаренную во всех областях искусства. Это будет самое совершенное из всех творений Бога. Но Адаму придется дорого за нее заплатить – нужно будет отдать глаз, руку и шесть пальцев. Адам размышляет, потом говорит: «Дороговато. А что вы можете предложить за одно ребро?»

Великая Ложа Смеха.
№ 234 445

133

Большой палец нажимает на кнопку хронометра.

– Внимание, приготовились. На счет «три». Раз… два… три! Смейтесь!

Лукреция издает вымученный смешок, который превращается в более натуральный мягкий ритмичный смех.

– Стоп! – говорит Крауц, останавливая хронометр.

Лукреция умолкает, хотя и не сразу.

– Повторяем. На счет «три». Раз… два… три! Смейтесь! – говорит Крауц, запуская хронометр.

Как только смех Лукреции становится ритмичным, Стефан Крауц нажимает на кнопку.

– Стоп!

Она перестает смеяться быстрее, чем в первый раз.

– Повторяем!

Теперь он позволяет ей смеяться до тех пор, пока она не останавливается сама.

– Пять минут двадцать две секунды. Если вам не мешать, то вы смеетесь более-менее естественно пять минут двадцать две секунды. Ваша очередь, Исидор.

Исидор садится напротив Стефана Крауца. Тот надевает очки и смотрит на циферблат.

– Вы готовы? На счет «три». Раз…

– Нельзя ли услышать какой-нибудь анекдот для разогрева? – спрашивает Исидор.

– Нет, таковы правила. Вы должны начинать и прекращать смеяться без посторонней помощи.

Исидор делает знак, что он готов, и набирает полную грудь воздуха.

– Раз, два, три! Смейтесь!

Продюсер засекает время, и Исидор издает жалкий смешок.

– Что за лязганье ржавого мотора? Старайтесь, Исидор! Подумайте о чем-нибудь смешном.

Исидор вспоминает анекдот и начинает смеяться бодрее.

– Вы способны на большее! Повторяем. Раз… два… три! Смейтесь!

Смех Исидора усиливается, словно переключается с третьей скорости на четвертую. В тот момент, когда Исидор уже собирается перейти на пятую скорость, Стефан Крауц резко произносит:

– Стоп!

Исидор тормозит, четвертая скорость, третья, вторая, остановка.

– Нет, слишком медленно. Надо останавливаться сразу. На будущее: вы оба должны запастись анекдотами, чтобы смеяться, вспоминая их, и грустными историями, чтобы прекращать смех.

Господи, зачем это все? Этот парень начинает внушать мне серьезные опасения. Зачем он нас мучает?

— Как вы поняли, у всех нас в мозгу есть невидимая линия, граница, переступив которую, мы включаем механизм смеха. Мы изучим эту границу миллиметр за миллиметром.

– Зачем? – спрашивает Лукреция.

Крауц поднимает брови.

– Это нужно для вашей инициации. Вы же этого хотите, не так ли?

– А точнее?

– Что ж, если вы настаиваете… Для последнего смертельного поединка, которым окончится ваше обучение.

Что?!

— Но мы же договорились…

– Что вы будете посвящены. Как все мы.

– А как же «Шутка, Которая Убивает»?

– Это гарантия вашего посвящения. Но это не гарантия того, что вы останетесь в живых.

Ах, вот где ловушка!

Крауц широко улыбается.

– Не волнуйтесь. Я ваш учитель, и подготовлю вас к тому, чтобы вы успешно прошли последнее испытание. Раз все мы живы, это значит, что выжить можно. Я подвергну вас всем наказаниям, всем испытаниям, чтобы вы в решающий момент оказались на высоте.

Мы пропали. Дарий, когда-то ты спас мне жизнь, а теперь желание выяснить обстоятельства твоей гибели станет причиной моей смерти.

— Скажите, Лукреция, какое воспоминание сразу заставит вас прекратить смеяться?

– Я обязана отвечать? Это очень личное. Ну, издевательство детей друг над другом.

– А у вас, Исидор?

– Я был свидетелем террористического акта.

– Отлично. Держите их наготове в уголке памяти, чтобы суметь прекратить даже гомерический хохот. Эти упражнения подготовят вас к будущим испытаниям, и в то же время это введение к нашей сегодняшней теме. После истории – медицина. Мы узнаем, что происходит в организме человека во время смеха.

Стефан Крауц ведет Исидора и Лукрецию по коридорам и лестницам к маленькой лаборатории, похожей на ту, которую Исидор видел в клинике «Помпиду». Находящиеся здесь сканнеры и рентгеновские аппараты показывают электрические импульсы в мозгу.

– Первая машина – это «ИФМИ», изображение функциональных магнитных импульсов. Не путайте ее с «ИМИ». При помощи «ИФМИ» можно проследить за изменениями магнитных и электрических микрополей мозга.

Он усаживает Исидора и Лукрецию в большие пластиковые кресла, похожие на птичьи яйца. Ассистенты в темно-розовых тогах прикрепляют датчики к их телам. Включив аппарат, Крауц рассказывает анекдот.

Лукреция и Исидор смеются. На экране появляется вспышка. Они видят изменения, происходящие в их мозгу. Зоны, в которых активизировались пучки нейронов, освещены.

– Сейчас мы будем работать над самоконтролем. Я рассмешу вас, вы позволите себе засмеяться, а затем остановитесь, когда я вам прикажу. Через несколько секунд вы опять засмеетесь, и снова остановитесь по моему сигналу.

Исидор и Лукреция долго тренируются, добиваясь лучших результатов. Затем они переходят в зал, увешанный схемами, изображающими человеческое тело и, в частности, мозг.

– Смех – это сложный феномен, состоящий из явлений, одновременно происходящих на нескольких уровнях, – объясняет Стефан Крауц. – Правое, аналитическое, полушарие мозга получает неожиданную информацию и, не находя в ней логики, перебрасывает в левое полушарие, поэтическое, которое, тоже не понимая, как быть с этой горячей картофелиной, и желая выиграть время, включает нервный импульс смеха.

На гормональном уровне происходит выброс эндорфина, который дает ощущение удовольствия и возбуждения. Сердечный ритм учащается. Иногда очень сильно.

Вплоть до остановки сердца? Быть может, сейчас я получу ответ на вопрос: «Можно ли умереть от смеха?»

Стефан Крауц показывает следующий участок на схеме.

– Диафрагма приходит в движение. В легких образуется гипервентиляция, воздух выходит толчками, со скоростью сто двадцать километров в час. Брюшная полость и все расположенные рядом органы – желудок, печень, селезенка, кишечник – последовательно напрягаются и расслабляются. Смех – это встряска для всего организма.

– Мужчина не может одновременно заниматься сексом и смеяться, – продолжает Крауц. – Женщина, кстати, тоже. Потому что и первое, и второе требует всей энергии организма.

Исидор и Лукреция проводят все утро в попытках, как выражается Крауц, «обуздать горячего церебрального скакуна». Наступает время обеда, и они удивляются, что так проголодались.

– Смех вызывает аппетит. От смеха худеют. Это естественно, ведь во время смеха организм потребляет много жиров и сахара. Смех – отличный способ сбросить вес.

Еда кажется восхитительной. Каждая морковка, каждая редиска, каждый кусочек огурца – все имеет чудесный вкус. Послеобеденное время посвящается упражнениям, тренировке, изучению химических и электрических механизмов смеха. Примерно в шесть часов вечера они переходят к отработке «короткой шутки». Теперь они смотрят на экран другого аппарата.

– Это сканер Позитрона топографической эмиссии. На сканере «ПТЭ» мы видим перемещение жидкостей, крови, воды, лимфы. В хорошей шутке всегда есть недоговоренность – то, что не произносится вслух, а лишь подразумевается. Слушатель сам восстанавливает недостающую часть шутки. Пример: какая разница между пастисом 51и позой 69? Ответ: если это пастис, ты носом в анис.

Лукреции не нравится уровень шутки, хотя в ней нет ни одного неприличного слова. Ты домысливаешь все сам, и это еще хуже.

На экране видна ее реакция на анекдот. Некоторые участки мозга освещаются.

– Не стройте из себя пуританку, Лукреция. Восемьдесят процентов шуток посвящены запретным темам: сексу, смерти, экскрементам. Это самые распространенные табу, их нарушение производит самый сильный эффект.

Стефан Крауц приводит еще несколько примеров:

– «Разговаривают два сперматозоида. Один замечает: „Как же далеко еще до яичников!“ Другой отзывается: „Еще бы, мы пока только до миндалин добрались“».

Крауц следит за реакцией Исидора и Лукреции.

– Еще один соленый анекдот. «Почему собаки так часто лижут себе задницу? Потому что они могут до нее дотянуться».

На этот раз Лукреция не может удержаться от смешка.

– Есть табу и менее строгие, но тогда и шутка действует не так сильно. «Жандарм останавливает машину, за рулем девушка. „Вы что, не видели, что едете на красный свет?“ – „Светофор-то я видела, я вас не видела“, – отвечает девушка».

Исидору и Лукреции уже не так смешно.

– Запишите анекдоты и потом внимательно изучите их. Постарайтесь понять, отчего одни их них вызывают смех, а другие нет. Каковы границы запретов, что именно усиливает действие шутки. Воспринимайте анекдоты, как кулинарные рецепты, которые нужно улучшить, изменив соотношение ингредиентов.

Он показывает Исидору и Лукреции, как подействовали на них недавно услышанные шутки. На снимках видны белые линии, появившиеся на некоторых участках мозга.

– Думайте над связью слова и образа. В мозгу слушателя должна появиться картинка. Пример: «В бассейне служитель отчитывает посетителя за то, что тот помочился в воду. „Но ведь не я один так делаю!“ – оправдывается посетитель. – „Но с вышки это делали только вы!“».

Затем Крауц излагает несколько фундаментальных принципов создания анекдота: «обратная реакция», «неожиданный поворот», «эзопов язык», «невидимый персонаж», «ложь, которую замечаешь не сразу», «невыполнимое обещание», «непристойный подтекст».

– Еще один принцип: нелогичная логика, – продолжает Крауц. – Пример. «Ученый работает с блохой. Он командует: „Прыгай!“ Блоха прыгает. Он отрывает ей лапки и снова командует: „Прыгай!“ Блоха не прыгает. Ученый записывает: „Если блохе оторвать лапки, она глохнет“».

Исидор и Лукреция не смеются. На экранах видна вялая реакция их мозга на шутку.

– Ну, раз вы такие требовательные, придумайте что-нибудь сами.

Крауц предлагает Исидору и Лукреции сочинить короткие шутки, состоящие из трех частей. Последняя часть должна изменить смысл двух предыдущих.

Придумать анекдот за несколько секунд? Прямо так, сразу? У меня не получится!

— Дерзайте, верьте в свои силы, не бойтесь неудачи, не страшитесь нарушить приличия, старайтесь удивить.

Лукреция закрывает глаза и рассказывает не совсем пристойную историю о мужском эгоизме. Исидор отвечает шуткой о женских истериках.

Крауц выслушивает, оценивает, объясняет, как сделать их произведения более смешными. Указывает на сильные и слабые стороны. Они вместе переделывают анекдоты. За ужином продюсер говорит:

– Анекдот – это хокку западной культуры. Вы, конечно, знаете эти японские стихотворения из трех строк. Как и хокку, анекдот всегда состоит из трех частей. Первая часть: описание героев и места действия. Вторая: развитие сюжета с возникающей недосказанностью. Третья часть: неожиданная развязка. Чем меньше украшений на всех трех этажах, тем крепче конструкция и сильнее эффект. Пытайтесь придать максимум выразительности последнему слову или хотя бы последней фразе.

Исидор и Лукреция записывают.

– Слушайте внимательно, я расскажу вам довольно длинную историю, где все три части четко разделены. Напоминает сценарий фильма. Хорошая шутка, кстати, это и есть короткий фильм с персонажами, завязкой и развязкой. Конструкция должна быть легкой, состоящей только из необходимых деталей. К завтрашнему дню вы эту историю проанализируете во всех подробностях.

134

Три человека попадают в рай. Их встречает святой Петр, который удивляется тому, что они так искалечены.

– Господи, что с вами случилось? Почему вы в таком состоянии? – спрашивает он.

Первый человек отвечает:

– Я подозревал, что моя жена мне неверна. Я вернулся с работы раньше, чем обычно, открыл дверь и бросился в спальню. Я увидел, что моя жена лежит в кровати голая. Я пришел в ярость и стал спрашивать, где негодяй, с которым она мне изменяла. Она отказалась отвечать, тогда я стал обыскивать квартиру. И наконец заметил, что на нашем балконе кто-то висит.

Мы живем на четвертом этаже. Я выбежал на балкон и увидел, что там, цепляясь за решетку, болтается какой-то парень. Я попытался отцепить его руки. Он стал что-то мычать. Я не сумел сбросить его вниз, побежал на кухню, взял молоток и начал бить его по пальцам, пока он их не разжал. Я нагнулся, чтобы посмотреть, куда он упал, но ему невероятно повезло – он свалился на козырек цветочного магазина на первом этаже нашего дома и остался цел и невредим. Я окончательно взбесился, помчался на кухню и схватил холодильник. Вытащил его на балкон, примерился, сбросил и на этот раз попал точно в цель.

– Но почему вы сами искалечены? – спрашивает святой Петр.

– Я плохо рассчитал вес холодильника, и полетел вслед за ним. Но я пролетел мимо козырька цветочного магазина и разбился в лепешку.

– Понятно, – говорит святой Петр. – Ну, а вы?

– Я заметил, что мой балкон покрылся ржавчиной, и решил его покрасить. Подвесил люльку и вылез наружу. Неожиданно у люльки оторвалось сначала одно крепление, а потом и другое. К счастью, падая, я сумел ухватиться за балкон четвертого этажа. Но тут из квартиры выскочил какой-то человек. Я думал, он хочет мне помочь, но он начал бить

меня по рукам. Я цеплялся изо всех сил, кричал, и он вдруг убежал. Я надеялся, что теперь-то он вернется с веревкой, чтобы втащить меня, но этот придурок принес молоток и принялся бить меня по пальцам. Я разжал руки, но мне повезло, я упал на козырек цветочного магазина. Только я начал приходить в себя и поднял голову, как увидел, что на меня летит холодильник.

– Так, ясно, – говорит святой Петр. – Ну, а с вами что?

– А я был у любовницы. Услышал, что вернулся муж, и спрятался в холодильник. Ждал-ждал, а потом почувствовал, что холодильник куда-то летит. Я вообще ничего не понял.

Великая Ложа Смеха.
№ 773 423

135

Лукреция спит.

Ей снится театр, огромный, как стадион. Она поднимается на сцену, по обеим сторонам которой складки красного бархатного занавеса, и смотрит на публику.

Она знает, что должна рассмешить десятки тысяч внимательных зрителей.

Она начинает раздеваться.

Она снимает блузку, брюки, колготки, туфли, остается в бюстгальтере и трусиках. Она снимает бюстгальтер и обнажает грудь. Снимает трусики, поворачивается и показывает ягодицы тысячам зрителей, которые восхищенно свистят. Она смешно крутит задницей. Продолжая покачивать ягодицами, она приглашает выйти на сцену Исидора в белом плаще и в маске.

Тот наклоняется к микрофону, укрепленному на штативе, и произносит:

– Шутки похожи на вирус. Они распространяются воздушно-капельным путем. Они мутируют, как вирус, и… могут убить, как вирус.

Зал аплодирует.

Тогда он достает из-под плаща перевязанный ленточкой пакет.

– Сегодня первое апреля! С днем рождения, Лукреция!

Она развязывает ленточку, разворачивает пакет и видит синюю деревянную шкатулку с металлическими позолоченными украшениями. На шкатулке написано: «B.Q.T.» и «Не читать!».

Исидор говорит:

– Ни в коем случае не читайте, Лукреция!

Затем из люка в полу появляется Дарий Возняк, который лукаво повторяет:

– О, нет-нет! «Не читать!»

Он поднимает повязку. В его глазнице не светящееся сердечко, а машинка для смеха, которая повторяет, заливаясь хохотом: «Не читать! Не читать!»

Из люков в полу вылезают мать и брат Дария.

– Мой сын всегда отличался крепким здоровьем, – говорит мать.

– Первый, кто засмеется, получит пулю, – отвечает брат.

С колосников по канату спускается грустный клоун. Он снимает маску.

Это профессор Левенбрук, который говорит:

– Это ящик Пандоры. Вы даже не подозреваете, какому риску подвергнете себя, если решите его открыть.

Едва успев произнести эти слова, профессор превращается в Себастьяна Доллена, который говорит:

– Это поцелуй, это ласка для разума.

Затем он становится священником из Карнака, отцом Легерном.

– Это Сатана, это дьявол!

Из-за кулис на сцену выходит Стефан Крауц в сиреневой маске. Он снимает маску и произносит:

– Эта шутка – просто хокку, которое состоит из трех частей.

Он указывает на грудь Лукреции:

– Экспозиция.

Указывает на ее ягодицы:

– Развитие сюжета.

Указывает на ее половые органы:

– Развязка.

Лукреция прикрывает руками наготу.

– Не будьте стыдливой! Юмор – это секс, это непристойность, это все, что находится под запретом, все, что шокирует. Юмор неудобен, он грязен и антисоциален. Юмор должен быть отвратительным! Носом в анус, Лукреция, носом в анус!

Он пытается заставить ее показать голое тело, но Лукреция не подчиняется.

Раздает звон металлических тарелок. Джазовый оркестр Нью-Орлеана играет зажигательную мелодию. Прожектор освещает угол сцены. Там, рядом с витриной цветочного магазина, лежит разбившийся человек, рядом с ним – другой, раздавленный холодильником. Холодильник открывается, из него вываливается третий человек, весь окровавленный, и говорит:

– Я был у любовницы. Я вообще ничего не понял!

Зал аплодирует.

Лукреция внимательно смотрит на человека из холодильника и узнает любовника, которого она выгнала, взявшись за расследование. С колосников раздается свист. На сцену что-то падает. Это ноутбук Лукреции. Он разлетается на тысячу кусков.

Зал снова аплодирует.

Из-за спины Стефана Крауца появляется Великий Мастер в фиолетовой маске и подходит к микрофону:

– Через девять дней вы примете участие в решающем поединке. Девять дней – это как девять месяцев. Время, необходимое для рождения человека.

На сцене появляется пожарный Тампести. Он толкает перед собой гроб, на крышке которого написано: «Здесь покоится Лукреция Немрод. Ее никто не любил потому, что она была некрасивая, глупая и не сумела довести расследование до конца».

Пожарный Тампести осеняет себя крестным знамением:

– Рожденная на кладбище возвращается на кладбище.

Публика рукоплещет. Лукреция подходит к микрофону:

– Вы считаете меня ничтожеством потому, что я недостаточно раздета. Я продолжу стриптиз.

Стефан Крауц достает револьвер и угрожает ей.

– Быстрее! Рассмеши нас! Это финальное сражение, завершение твоей инициации.

Лукреция хватает себя за волосы и снимает их, как парик, обнажая совершенно лысый череп. Потом находит на затылке застежку-молнию, расстегивает ее и стягивает с себя кожу, словно розовый гидрокостюм. Становятся видны ее красные мышцы с пятнами желтого жира.

Она сдирает с костей мышцы и внутренние органы – сердце, кишки, печень, поджелудочную железу, легкие – и аккуратно складывает их на пол, будто одежду, которую потом снова наденет. Она счищает с себя последние остатки плоти и полностью обнажает скелет.

Толпа свистит и требует продолжения.

– Дальше? – спрашивает она.

Стефан Крауц поднимает револьвер.

– Финальное сражение!

Она откручивает верхнюю часть черепа и снимает ее, словно крышку с банки, достает мозг, похожий на серую желеобразную цветную капусту, и кладет на пол рядом со своими органами.

Потом скелет Лукреции костлявыми руками открывает шкатулку и сначала вынимает оттуда зажаренную тушку Левиафана с выпученными глазами.

Толпа аплодирует.

Потом она достает свернутый лист бумаги и громко говорит:

– Вы действительно хотите, чтобы я вас рассмешила? Это финальное сражение? Я готова прочесть вам «Шутку, Которая Убивает»! А вы готовы ее выслушать?

Толпа скандирует:

– Да! Да! Да!

Исидор одобрительно кивает. Тенардье хлопает в ладоши. Тампести закуривает сигарету, которая подпаливает ему усы. Крауц говорит:

– Не забудьте четко произносить слова и набирать в грудь воздуха перед каждой фразой.

Скелет Лукреции делает глубокий вдох и разворачивает листок бумаги перед пустыми глазницами:

– Это история про знаменитого комика, который умер, прочтя шутку.

Дарий поднимает руку и говорит:

– Это про меня, про меня!

Толпа начинает смеяться.

– Двое научных журналистов ведут расследование, выясняя, что же это за шутка.

Исидор бурчит:

– Это про нас, про нас.

Толпа смеется громче.

– А теперь развязка! Итак, знайте – эта шутка открывает тайну человеческой натуры!

Зал хохочет.

Десятки тысяч зрителей хохочут одновременно. Их кожа начинает трескаться и сползать лохмотьями. На пол падают мышцы и внутренние органы. Все, в том числе Исидор, превращаются в смеющиеся скелеты.

– Ну, вот, – удивленно говорит Исидор. – Абсолютная шутка напоминает людям о том, кто они на самом деле… Скелеты, покрытые мясом.

Он хохочет.

– Так вот он, вирус!.. Вот она, истина!.. Это настолько невыносимо, что мы смеемся, чтобы не сойти с ума!

Прожектор освещает заднюю часть сцены, где находится массивная дверь, которую Лукреция видела в конце подземной галереи. В замке торчит старинный ключ. Он медленно поворачивается. Дверь открывается. Из нее выходит парикмахер Алессандро. Он протягивает Лукреции косу.

– Пора закончить работу. Скосить лишнее. Поверь, Лукреция, стрижка все меняет к лучшему.

Скелет Лукреции, в точности повторяя движения смерти, изображенной на карте Таро, начинает со свистом косить головы зрителей, смеющихся над ее удачной смертоносной шуткой…

Будильник в айфоне Лукреции играет мексиканскую кукарачу.

Она просыпается вся в поту после кошмарного сна. Трет глаза.

Надо смыть этот ужас. Почему мой мозг показал мне этот жуткий фильм?

Она прекрасно помнит и свой сон, и то, что происходило в действительности. Вчера они с Исидором снова пытались открыть дверь в галерее.

Она принимает душ и сильно трет кожу губкой, пытаясь уничтожить остатки сна. Она чистит зубы с таким ожесточением, что из десен начинает сочиться кровь. Потом, все так же молча, одевается, красится, причесывается, надевает плащ и маску.

Они идут по коридору, встречаясь с фигурами в розовом или сиреневом. Стефан Крауц уже ждет их в столовой.

– Итак, что вы думаете об анекдоте «Трое в раю»?

– Конструкция великолепна, – признает Исидор. – Она проработана до мельчайших подробностей.

– Эту шутку в 1973 году придумал Сильвен Ордюро, Великий Мастер Ложи. И, поскольку о нашем существовании никто не знает, она осталась безымянной.

– В 1973 году? За это время она, наверное, претерпела некоторые изменения…

– Бесчисленное количество раз. Изменения – мерило успеха шутки. Талант изобретателя как раз и состоит в том, чтобы создать прочный костяк, который переживет и забывчивость людей, и неточности, возникающие при пересказе, и последующие искажения. Это неписаная литература, передаваемая из уст в уста. Каждый переиначивает шутку по-своему. Создатель анекдота должен учитывать, что будущие рассказчики будут в меру своих способностей придумывать собственные вариации.

Они завтракают фруктами.

Лукреция замечает, что ей не хочется курить. И даже как будто стало легче дышать. Она делится этим наблюдением с их наставником.

– Это одно из благотворных последствий смеха, – объясняет Стефан Крауц. – Он очищает бронхи. Он очень полезен для удаления никотиновых смол, скопившихся в легочных альвеолах.

Он улыбается.

– Сегодня именно это и является темой нашего урока: польза смеха… и его вред. Смех может быть и оборонительным оружием, и наступательным.

Они проходят в звуконепроницаемое помещение, где учатся смеяться горлом, легкими, утробой.

– Некоторые шутки провоцируют массаж брюшных мышц и помогают пищеварению.

Лукреция и Исидор узнают, что горловой смех может помочь побороть ангину. Интеллектуальные шутки излечивают от мигрени. Отметив целебные свойства смеха, они начинают изучать его, как оружие.

– Вы должны представить себе смех в виде меча, который используют в боевых искусствах, – говорит Крауц. – Шутка должна разить с точно рассчитанной скоростью и силой. Вы предупреждаете противника, затем отвлекаете его внимание и неожиданно сбиваете с ног. Это не кунгфу, а скорее дзюдо.

Они анализируют несколько анекдотов, разбирая воздействие финального удара. Исидор и Лукреция узнают, что смех вызывает не только содержание шутки, но и энергия, заключенная в голосе рассказчика. Впечатление от анекдота может меняться в зависимости от того, каким тоном он рассказан.

– Вы сейчас расскажете мне одну и ту же шутку три раза подряд. В первый раз спокойно, во второй раз – гораздо более эмоционально, а в третий – с разящей мощью лазерного луча. Не забывайте, что взгляд тоже может способствовать восприятию информации.

Исидор и Лукреция учатся разыгрывать комические сценки. Они пытаются говорить на разные голоса, изображая персонажей анекдота.

В качестве образца выбран анекдот о лягушке. Сначала его рассказывает Стефан Крауц.

– Жила-была лягушка с огромным ртом, которая говорила очень громко и медленно. Однажды она увидела корову на лугу и сказала: «ЗДРА-А-АВСТВУЙ, КОРОВА! А ЧТО ТЫ Е-Е-ЕШЬ?» – «Траву», – ответила корова. «ВКУ-У-УСНО?» – спросила лягушка. «Да», сказала корова. Потом лягушка увидела собаку: «ЗДРА-А-АВСТВУЙ, СОБАКА! А ЧТО ТЫ Е-Е-ЕШЬ?» – «Собачий корм». – «ВКУ-У-УСНО?» – «Да, могу поделиться», ответила собака, но лягушка ее уже не слышала. Она спешила к аисту, который искал еду около озера. «ЗДРА-А-АВСТВУЙ, АИСТ! А ТЫ ЧТО Е-Е-ЕШЬ?» – «Я ем лягушек с огромным ртом», – ответил аист. «Тут такие не водятся», – быстро и тихо ответила лягушка.

Стефан Крауц произнес последнюю фразу, сложив рот в куриную гузку и пропуская звуки сквозь маленькую круглую дырочку между губами.

– Конечно, вы можете увеличить количество персонажей, если хотите. Комический эффект заключается в контрасте между тем, как лягушка обычно разговаривает, и ее испуганной мимикой во время финального предложения.

Исидор и Лукреция долго упражняются, и им удается рассмешить друг друга различными вариантами постановки шутки.

Во время еды атмосфера становится более непринужденной. Послеобеденное время четвертого дня посвящается созданию и характеристике персонажей.

– Их надо описывать очень кратко, так, чтобы легко было их представить. «Пожилой человек», «красивая девушка», «маленький мальчик». Не бойтесь гипербол, но соблюдайте меру. Употребляйте минимум прилагательных. Иногда о персонаже достаточно сказать: «один человек». В анекдоте не должно быть больше пяти действующих лиц. Иначе слушатель их не запоминает или устает их себе представлять.

Лукреция и Исидор делают новое упражнение, придумывая анекдоты с карикатурными персонажами.

Стефан Крауц их исправляет, направляет, дает советы.

– Да, вот еще что. Не ходите ломать замок на большой двери в подземелье. Во-первых, в коридорах везде установлены камеры и микрофоны, и вас видят. А во-вторых, я сам вас туда отведу.

Исидор и Лукреция потрясенно переглядываются.

– Почему же вы нас не остановили, если все видели?

– Хороший вопрос. Честно говоря, это забавляло охрану. А также людей в сиреневых плащах, тех, с которыми вы все время сталкивались. Сожалею, но мы в храме смеха, здесь никто не упустит возможности повеселиться.

Исидор и Лукреция чувствуют некоторую обиду и раздражение.

– А зачем вы нам тогда об этом сказали?

– Я не люблю, когда издеваются над моими учениками. Я хочу, чтобы вы подошли к финальному испытанию во всеоружии.

Опять это финальное испытание. Каким оно будет? Ничего хорошего оно не сулит. Но мы им нужны, чтобы получить «Шутку, Которая Убивает».

В заключение перед сном продюсер дает им еще одну шутку для обдумывания. Комический эффект в ней основан на визуализации. Представить такие декорации можно только в супердорогом кино.

136

Человек, страстно увлекающийся астрономией, строит огромный телескоп и направляет его в ту часть звездного неба, где, как он думает, существует инопланетная жизнь. Он тратит все свои средства на усовершенствование телескопа и постоянно наблюдает за той частью Вселенной, где, по его мнению, обитают разумные существа. Потом он умирает. Его телескоп достается сыну. Отец завещает ему продолжать наблюдения. Сын совершенствует телескоп, и однажды, о чудо, на маленькой планете, затерянной в космосе, он видит нечто необычное. На поверхности планеты красуется надпись: «КТО ВЫ?»

Сын астронома-любителя сообщает ученым Земли о своем открытии. Ни у кого нет сомнений – надпись настоящая. Буквы четкие, в конце фразы стоит вопросительный знак.

По решению ООН на всей территории пустыни Сахара бульдозерами пишут ответ: «МЫ – ЗЕМЛЯНЕ. А ВЫ КТО?»

На это уходит год. Все обсерватории мира следят за маленькой планетой, ожидая продолжения космического диалога. И вот, надпись «КТО ВЫ?» постепенно исчезает. И появляется другая: «МЫ ВООБЩЕ-ТО НЕ С ВАМИ РАЗГОВАРИВАЕМ».

Великая Ложа Смеха.
№ 208 765

137

На пятый день Стефан Крауц переходит к практическим занятиям.

Он дает Исидору и Лукреции час на то, чтобы они сделали наброски будущего анекдота и включает хронометр.

– Странно, – говорит Лукреция. – Раньше мне казалось, что я могу быстро придумать что-нибудь смешное, но с тех пор, как я обучаюсь в Великой Ложе Смеха, у меня ничего не получается.

– Это как с фотографиями. Своей первой «мыльницей» вы сразу же сделали великолепные снимки. А когда купили большую профессиональную камеру с массой настроек, когда узнали, что такое диафрагма, затвор, чувствительность, кадрировка, источник света, то ни одной фотографии не получилось…

– Верно, – признает Исидор.

– Такова плата за переход из любителей в профессионалы. Когда вы начинаете что-то делать, опираясь на знания, требования к качеству возрастают. Надо преодолеть некий рубеж, и фотографии станут по-настоящему хорошими. Вы уже понимаете, к чему надо стремиться.

Исидор кивает.

Они начинают изучать психоаналитическую подоплеку шуток.

– Зигмунд Фрейд обожал собирать анекдоты. Он считал, что смех – это средство выпустить пар и снизить внутреннее давление. Он полагал, что юмор снимает запреты и высвобождает подавленные желания, дает высказаться. Фрейд постоянно использовал смех для лечения больных.

Исидор и Лукреция узнают о новых приемах, которые используют в анекдотах.

– Ложный след.

– Аллегория.

– Аналогия.

– Подтекст.

– Анекдот-перевертыш.

– «Волос в тарелке»: когда вслух произносят то, чего говорить нельзя.

– «Сюрприз в перечислении». Например: «Я пригласила своего бывшего на блины. Рецепт простой: берешь молоко, яйца, крысиный яд, муку…»

Затем они изучают иностранный юмор.

Стефан Крауц показывает ученикам карту, на которой каждая страна обозначена цифрой.

– Особенности юмора связаны с уровнем экономического развития. Подробное изучение показывает, что в шестидесятых годах прошлого столетия самой распространенной темой для шуток у американцев стал оральный секс, у англичан – гомосексуализм, у французов – супружеская неверность, а немцы отдавали предпочтение вообще любым непристойным шуткам. Количество анекдотов и их качество свидетельствуют об общем настроении умов в стране.

Лукреция и Исидор отмечают, что наиболее остроумные шутки рождаются не в самых развитых странах.

– В Японии смех и улыбка воспринимаются как проявление слабости или глупости. В некоторых племенах Африки поводом для смеха являются только насмешки над вражеским племенем. Есть некоторые страны, такие как Индия и то, что осталось от Тибета, где самоирония и трезвая самооценка возведены в настоящий культ.

Стефан Крауц показывает ученикам фотографии смеющихся представителей разных стран. Он просит Исидора и Лукрецию изучить положение лицевых мышц, выражение глаз.

– Смех первобытных людей, по сути, являлся реакцией на чувство страха, он являлся неким заклинанием против злых духов.

Стефан Крауц пишет на доске.

– Бывает нейтральный смех, выражающий непонимание. Сумасшедший красит потолок. Другой сумасшедший ему говорит: «Держись за кисточку, я убираю стремянку».

Ну и наконец есть смех возвышенный.

Он приводит учеников в очень маленькое помещение, которое занимает двухметровая статуя Будды. В помещении нет мебели – ни шкафов, ни книг, только стул, стоящий напротив статуи.

– Вот цель, к которой должен стремиться каждый духовный человек. Вот такой смех. Отстраненный смех. Смех человека, понявшего и ничтожность мира, и собственную ничтожность. Почувствовавшего легкость и поднявшегося над страстями и драмами. Только такому человеку жизнь приносит радость. Это смех окончательного прозрения.

– А для чего предназначена эта комната? – спрашивает Лукреция, показывая на стул.

– Для смеха после полного отрешения от всего земного, – отвечает Исидор.

– Совершенно верно. Но не для искусственно вызванного смеха, не для йоги смеха. Сюда приходят вспомнить о бессмысленности мира и посмеяться над самим собой.

– Нечасто, наверное, приходят? – предполагает Лукреция.

– Да, такого смеха достичь непросто. Эту комнату посещают только Мастера и Великие Мастера, чтобы посмеяться «истинным» смехом, раз или два в год. Не чаще.

Будда явно завораживает Исидора. Лукреция тоже потрясена.

Как это прекрасно. Значит, существует и такой утонченный смех, порождаемый высшей духовностью… Очень интересная теория.

Она замечает висящую напротив Будды репродукцию «Моны Лизы» Леонардо да Винчи. Продюсер поясняет:

– Такая улыбка, как у нее, предшествует возвышенному смеху. На самом деле, это смех человека будущего.

Смех – как направление эволюции человеческого сознания…

Исидору и Лукреции все больше нравится то, чему их учит Стефан Крауц.

Продюсер ведет их в другой зал, стены которого увешены картинами с изображениями костров, пыток, распятий, расстрелов.

– Теперь мы поговорим о «врагах смеха». Первым я назову Платона. Этот человек, получивший такую высокую оценку официальной философии, произнес следующие слова: «Две истинных причины смеха – это порок и глупость».

Рассказывая, Стефан Крауц показывает на портреты.

– Аристотель, другой светоч философии, заявлял: «Смех – признак уродства и нравственного падения».

Еще одна картина, изображающая человека с нимбом над головой.

– Савл из Тарса, более известный как Святой Павел. Основатель официального католицизма. В послании к жителям Эфеса он призывает отказаться от плотских наслаждений, «не имеющих целью деторождение», и от смеха, который он называет «духовным блудом». Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Эти люди, сами того не зная, страдали агеластией.

Исидор и Лукреция не понимают.

– Известная, много раз описанная патология. Слово состоит из префикса «а», означающего «без», и корня «гелос» – «смех». Само слово придумано врачом, которого звали… Франсуа Рабле.

Опять он. Этот парень изобрел решительно все. Просто Леонардо да Винчи юмора.

— Это настоящая болезнь, страдающие ею люди смеются очень редко или не смеются просто никогда. Одним из самых известных агеластиков являлся Исаак Ньютон. По свидетельству его окружения, он засмеялся всего один раз в жизни: когда его спросили, зачем он читает «Начала» Эвклида.

И Сталин.

По воспоминаниям близких, он заставлял себя улыбаться или смеяться только для того, чтобы хорошо выглядеть на фотографиях либо в пропагандистских фильмах. Помимо этого, смех у него вызывали лишь казни бывших соратников Ленина.

Среди противников смеха Стефан Крауц называет и Гитлера, который, после громкого процесса над юмористом, осмелившимся назвать свою собаку Адольфом, поставил на голосование закон, запрещавший людям смеяться на «недозволенные темы».

– Бастер Китон по прозвищу «Человек, который не смеется» тоже был агеластиком? – спрашивает Лукреция.

– Нет. Просто один из пунктов его контракта с кинокомпанией запрещал ему смеяться перед камерами. А в частной жизни он очень часто это делал.

Стефан Крауц переворачивает страницы книги.

– Во все времена у смеха находилось очень много врагов. И как вы увидите позже, иногда они боролись со смехом… при помощи смеха. Некоторые из них, как, например, Джонатан Свифт, человек чрезвычайно молчаливый, даже становились Великими Мастерами нашей ложи.

– Творец и его инструмент – это разные вещи. Все зависит от цели.

– Совершенно верно. Смех – это оружие, и его можно заставить служить совсем не тем целям, которые преследуют юмористы. При помощи смеха можно упрочить положение тирана на троне. Чаушеску, например, создал министерство юмора для того, чтобы люди смеялись и не бунтовали.

Исидор записывает услышанную информацию.

– За это мы и воюем сейчас. Не надо бороться с юмором. Надо бороться за то, чтобы плохой юмор не победил хороший. Поскольку они сосуществуют и взаимно уничтожают друг друга.

– Как плохой и хороший холестерин, – замечает Лукреция.

Поговорив о противниках смеха, Крауц рассказывает Исидору и Лукреции о приемах, усиливающих смех.

– Представьте, что, оседлав волну, можно двигаться быстрее самой волны. Мы усиливаем комичность ситуации, вспоминая еще одну шутку, которая заставляет нас смеяться вдвое сильнее. Мы называем это «турбоэффект». Вы наращиваете и наращиваете скорость.

Исидор и Лукреция упражняются, применяя «турбоэффект» на практике. Иногда они чувствуют утомление и понимают, что собственный мозг нужно воспринимать, как мотор, который нельзя перегружать.

– А может слишком долгое и слишком интенсивное использование «турбоэффекта» оказаться вредным и даже смертельным для мозга человека? – спрашивает Лукреция.

Продюсер отвечает не сразу. Он спокойно смотрит на Исидора и Лукрецию, отлично поняв, почему задан этот вопрос. Но он не выходит из роли учителя и следует намеченным курсом.

– Да, отмечено несколько исторических фактов «смерти от смеха». Они описаны у нас.

Он берет папку и просматривает несколько страниц.

– Греческий художник Зевксис умер от кататонии, возникшей в результате хохота. Он смеялся над собственной картиной, изображавшей очень уродливую женщину. Энтони Троллоп умер от смеха, читая роман Фрэнсиса Энстея «Наоборот».

Стефан Крауц еще несколько часов обучает Исидора и Лукрецию боевому искусству смеха. Потом он предлагает им устроить первый поединок.

– Как в турнире «Пуля за смех»? – спрашивает Исидор.

Лицо их наставника вдруг становится жестким, таким, как в гостиничном номере, таким, каким Лукреция видела его до приезда в это тайное место.

– Меня удивляет, что вы уже знаете об этом…

– Таким будет финальное испытание? – говорит Лукреция.

– Мы никогда не обсуждали с вами эту тему, но в финале между вами действительно состоится турнир «ПЗС».

– Как? – восклицает Лукреция. – Мы же договаривались…

– …Что после инициации вы отдадите нам «Шутку, Которая Убивает». Но никто не обещал, что вы оба пройдете посвящение. По правилам в Великую Ложу Смеха вступит лишь один человек, победитель турнира «ПЗС».

Я не ослышалась? Я должна убить Исидора?

Лукреция смотрит на своего спутника, который даже бровью не ведет. Похоже, все услышанное кажется ему совершенно нормальным.

– Согласно нашим правилам, инициация одного стоит жизни другого. Это правило введено нашим шотландским отделением более пятисот лет назад. Вековая традиция способствует отбору лучших.

– Но она лишила вас многих талантливых учеников, – замечает Исидор.

– Конечно. Но омлет не приготовить, не разбив яиц.

Лукреция стучит кулаком по столу, желая положить конец нелепой комедии.

– Но это же преступление! Вы сумасшедшие! Идемте, Исидор, мы выходим из этой идиотской секты.

Исидор не двигается.

Стефан Крауц опускает глаза.

– Вначале ни в Иудее, ни в Бретани не было финального испытания. Но Давид Балльоль, заметив растущий успех Великой Ложи Смеха, решил отбирать самых талантливых кандидатов. И никто никогда уже не подвергал сомнению форму этого последнего экзамена. Напротив, финальное испытание укрепляет нас в мысли, что юмор – дело серьезное.

– Но вы же наверняка убивали чудесных людей! – взрывается Лукреция.

– Это правда. Из-за этой традиции погибло много одаренных соискателей. Но риск увеличивает азарт. Только смертельная опасность может заставить продемонстрировать остроумие во всем блеске!

Монстры! Они ничем не лучше «розовых громил», они убивают «для смеха». В этом преступном сообществе такое положение вещей всем кажется нормальным. Даже жертвам!

Крауц по-прежнему разглядывает свои ботинки.

– Вы должны состязаться друг с другом. И только один из вас выживет и станет членом нашего «клуба».

– А если мы откажемся?

– Слишком поздно. Вы согласились на инициацию и должны дойти до конца.

– Исидор, сделайте что-нибудь! Они такие же убийцы, как и те, другие! Вы не ошиблись, им действительно было что скрывать.

Исидор совершенно спокоен.

– Хватит изображать удивление, Лукреция. Мы знали, на что идем. Чем хуже, тем лучше. Большой риск ради большого приза.

– Что?!

– Еще недавно вы были готовы участвовать в «ПЗС» с Мари-Анж, вашим злейшим врагом, а теперь не хотите сразиться со мной?

Он не хочет заниматься со мной сексом, но готов умереть от моей руки или убить меня! Мир перевернулся с ног на голову.

Лукреция пытается уйти. Ее немедленно останавливают. В столовой во время обеда она сидит с безучастным видом и отказывается от еды. После десерта она следует за мужчинами, но хранит молчание.

Дальнейшие занятия посвящены технике смеха.

Лукреция понимает, что их готовят к поединку так же, как готовят к соревнованиям профессиональных спортсменов. Учитываются малейшие мелочи. Огромное значение имеет еда. Неусвоенная пища может помешать сосредоточиться и стать причиной плохой шутки или неуправляемого взрыва смеха. Очень важен сон. Усталость способна привести к необратимым последствиям во время поединка.

Исидор, кажется, полностью поглощен процессом обучения. Услышав о технике составления шутки, он тщательно ее записывает и пытается дополнить собственными замечаниями. Он откладывает в сторону айфон, берет блокнот, карандаш, рисует схемы шуток при помощи кружков, стрелочек и нумерует их.

– Перестаньте воспринимать все так негативно, Лукреция. Пока вы оба на одном уровне, и я не знаю, кто победит на турнире «ПЗС». У Исидора юмор более интеллектуальный, у вас, Лукреция, – более естественный. Вы похожи на двух римских гладиаторов. Вы, Лукреция, мирмиллон, тяжеловесный, сильный, в руках у вас короткий меч и щит, лицо закрыто шлемом. Ваша стратегия – лобовая атака.

Лукреция не отвечает.

– Вы, Исидор, гопломах с трезубцем и сетью. Вы более подвижны и используете эффект внезапности.

Стефан Крауц с наигранной нежностью похлопывает Исидора и Лукрецию по плечу.

– Поединок будет интересный. Не скрою, все здесь только о нем и говорят. Нам не терпится увидеть вас в деле.

Так вот почему они с самого начала так странно смотрели на нас.

— Да, и еще. Поединок состоится в субботу, в полночь. А чтобы вам не было скучно сегодня вечером, я вас угощу несколькими шутками из «бронзовой серии».

И рассказывает первый анекдот.

Смеется только Исидор. За первой шуткой следуют еще несколько.

Мы умрем. Исидор не понимает, в какую ловушку мы угодили. Подумать только, ведь это я его сюда затащила, оторвала его от мирных игр с дельфинами и акулой. Я во всем виновата. От меня всегда одни проблемы.

Наступает время ужина. Лукреция словно издалека слышит полный неуместной бодрости голос Стефана Крауца.

– Бронзовые анекдоты вам понравились, но есть анекдоты еще лучше. И серебряные, и золотые. Мы их коллекционируем. Мы расходуем их экономно, это наше достояние; они не известны никому, кроме нас. Разумеется, я вас попрошу рассказывать их только членам Великой Ложи Смеха или людям, имеющим право их услышать.

– Вы словно иллюзионисты, – замечает Исидор. – Есть любительские фокусы, знакомые и доступные всем, а есть профессиональные трюки, хранящиеся в секрете и известные лишь посвященным. Бронзовые шутки великолепны. Не знаю, что можно придумать лучше.

– Всегда можно придумать лучше. Вы недооцениваете наши способности, господин Катценберг.

На шестой день начинается работа над длинными, иногда очень длинными шутками. Лукреция участвует в упражнениях, поначалу безо всякого энтузиазма. Но потом в ней, помимо ее воли, просыпается дух соперничества, инстинкт воина.

Вечерние тренировочные бои становятся все более жесткими и изощренными.

Стефан Крауц навещает их и говорит:

– Хотите, покажу вам, как юмор становится политическим оружием?

138

Африканский министр приезжает во Францию с официальным визитом. Его французский коллега приглашает его на обед. Африканец восхищается великолепной виллой со множеством старинных картин и спрашивает французского министра, как тот может позволить себе такую роскошь на скромную зарплату государственного служащего.

Француз подводит африканца к окну:

– Видите автостраду?

– Да.

– Она стоила двести миллионов евро, строители выставили счет на двести десять миллионов и отдали мне разницу.

Два года спустя французский министр приезжает с официальным визитом в Африку и приходит в гости к африканскому министру.

Перед ним дворец, роскошнее которого он не видал в жизни: мраморные стены, мебель из серебра, украшения из чистого золота…

Он говорит в изумлении:

– Как же так? Два года назад вам казалось, что я веду роскошный образ жизни. Но по сравнению с вами я просто нищий…

Африканец подводит француза к окну:

– Я запомнил ваш совет и начал строительство автострады. Видите ее?

Он указывает на расстилающуюся перед ними равнину.

– Э-э… Нет, – отвечает французский министр, – Я ничего не вижу, кроме бескрайней равнины.

Африканский министр хлопает его по плечу и смеется.

– Вот так я и разбогател!

Великая Ложа Смеха.
№ 123 567

139

Наступает последний, восьмой день обучения.

Стефан Крауц считает, что Исидор и Лукреция достигли больших успехов.

Лукреция, пережив период бунта и безучастной покорности, начала со страстью учиться. Она забыла, что когда-то курила. Она полюбила вареные овощи и морковный сок. Теперь она обдумывает все, что говорит, и заканчивает свои шутки неожиданным

поворотом, делая максимально эффектным последнее слово. Постоянная тренировка ума стала для нее нормой. В самой простой ее фразе таится ловушка.

Исидор тоже изменился. Он стал более легким. Он очень похудел без жирной и сладкой пищи. На его губах всегда улыбка, свидетельствующая о том, что он готов рассмеяться в любую минуту.

Он сам чувствует, что любая ситуация и любая тема вдохновляют его на создание шутки, игры слов, комической перестановки слогов.

В последний вечер Стефан Крауц впервые приглашает Исидора и Лукрецию за стол, за которым сидит десяток человек в сиреневых плащах.

Беседа с Мастерами Великой Ложи Смеха похожа на фейерверк, она полна остроумия, экспромтов, игры слов.

Исидор не испытывает никакого смущения, он шутит, слушает чужие шутки, и ему хочется, чтобы разговор продолжался бесконечно. Лукреция, забыв о грозящей им опасности, наслаждается тонким юмором собеседников.

В этот последний вечер им, в нарушение всех правил, предлагают выпить вина. Языки развязываются. Маленький лысый человечек признается, что он автор шутки про астронома, открывшего планету с надписью: «КТО ВЫ?»

– Эта шутка имела огромный успех, когда Дарий использовал ее в одном из своих скетчей, – замечает он.

Пожилая полная женщина рассказывает, что придумала серию анекдотов, начинающихся словами: «Сколько нужно…» Самый известный из них: «Сколько нужно женщин, чтобы вывернуть лампочку? Ни одной, это мужская работа».

Специалист по школьному юмору рассказывает о своих анекдотах в форме детских загадок. «Зеленый и прыгает по веткам, кто это? Жвачка в кармане Тарзана».

Лукреция отмечает про себя, что это бурлескная субкультура, которую многие недооценивают, на самом деле имеет огромное влияние на общество. Она воздействует на детей и подростков, которые запоминают школьные анекдоты на всю жизнь.

Отгоняя мысли о завтрашней дуэли, Лукреция соглашается выпить вина. Исидор решает последовать ее примеру. После долгого воздержания он смакует каждую каплю.

В последний вечер их инициации звучат веселые песни, слова которых сочинили знаменитые члены Великой Ложи Смеха – Рабле, Корнель и Бомарше.

После ужина верный своему слову Стефан Крауц ведет их вниз к массивной двери, которую Исидор и Лукреция уже пытались открыть. Их учитель достает тяжелый ключ сложной конструкции и открывает замок. Их встречает человек, похожий на Санта Клауса.

– Пропустите нас, Жак, я провожу инициацию новичков.

– Что ж, новички, так новички. Главное, помни, что новое вино в старые мехи не наливают.

Жак? Господи, да это Жак Люстик, знаменитый Капитан Игры Слов. Теперь понятно, почему он так легко выиграл. Он же член Великой Ложи Смеха. В поединке «ПЗС» никто другой и не победит. Но почему он участвовал в турнире? Наверное, это была разведка боем.

Человек разрешает им пройти и вновь углубляется в чтение «Альманаха Вермо».

– Не все шутки удачны, – говорит Стефан Крауц. – На самом деле, неудачных шуток гораздо больше, чем удачных. По-настоящему смешная шутка – это всегда чудо. Посетив «галерею славы» бронзовых, серебряных и золотых шуток, вы пришли теперь в «галерею позора» шуток из грязи, глины и мусора. Мы окрестили это место «адом». Точнее, «Comico Inferno».

Стефан Крауц включает свет в квадратной комнате.

– В этом помещении собраны неудачные шутки, анекдоты, не имевшие успеха. Мы их списываем и отправляем сюда. Нельзя забывать, что шутка – как вирус: едва появившись, она распространяется воздушно-капельным путем.

– Наверное, плохие шутки размножаются гораздо быстрее, чем хорошие, – замечает Исидор.

Крауц берет в руки первую попавшуюся папку и читает несколько жалких, вульгарных, откровенно неудачных анекдотов. Он показывает Исидору и Лукреции полки в книжных шкафах.

– Это незаконченные образцы. Наброски, наметки, не дождавшиеся отделки и распространения.

– Печально, – говорит Лукреция. – Шутки, наводящие грусть.

– Это напоминает мне строительство соборов, – замечает Исидор. – Мы восхищаемся церквями, вся конструкция которых чудом держится на наружных подпорных арках, и никогда не помним о сооружениях, рухнувших на прихожан из-за того, что кто-то ошибся в расчетах на один сантиметр.

Кладбище неудачных шуток.

Их не будут рассказывать, читать, представлять на сцене. Бедные.

Стефан Крауц оборачивается к стражу у врат «ада».

– Жак, есть новые поступления?

Тот показывает папку.

– Да, несмешные шутки… для глухой утки.

И подмигивает.

Стефан Крауц шепчет Исидору и Лукреции:

– Жак Люстик по пятницам делает опись неудачных шуток. Ими занимается только он. Остальные члены Великой Ложи Смеха стараются не иметь с ними дела. Не выдерживают и впадают в депрессию.

Стефан Крауц еще больше понижает голос:

– Кое-кто подозревает, что Жак даже тайком читает их. Просто извращенец какой-то.

– Зато они живут еще какое-то время, – замечает Лукреция, вспомнив выступление Жака Люстика в театре Дария.

– А почему дверь сюда заперта на замок? – спрашивает Исидор.

– Мы не даем плохому юмору распространяться, – отвечает Стефан Крауц. – Он не должен выходить даже за пределы этого помещения.

Жак Люстик снова весело подмигивает гостям и поглаживает белые усы. Стефан Крауц, Исидор и Лукреция поднимаются на верхние этажи.

– Ну, теперь вы знаете все наши тайны. Если вы все еще волнуетесь, то готовьтесь к завтрашнему поединку вместе. У нас говорят: «Иногда за один турнир „ПЗС“ узнаешь человека лучше, чем за двадцать лет супружеской жизни».

140

Рассеянный человек идет, не глядя по сторонам, и не замечает велосипед, который проезжает мимо и ударяет его в лицо. Человек падает, встает и не замечает мотоцикл, который приближается и сбивает его с ног. Человек падает. Оглушенный, он с трудом встает. И не видит надвигающуюся на него машину. Та задевает его. Человек падает, встает и не слышит, как к нему сзади подлетает самолет. Тут раздается крик: «Выключите мотор! Смотрите, там какой-то парень попал под карусель!»

Великая Ложа Смеха.
№ 505 115

141

Вернувшись в комнату, Лукреция и Исидор садятся на кровать.

– Они убили Дария, я уверена. Они безумцы и преступники. Они утверждают, что защищают юмор, но на самом деле лишь наводят ужас на членов сообщества. Они убрали Дария, потому что он знал об их существовании и мог рассказать об их секретах.

– Эта версия не выдерживает никакой критики. Убийцы Дария обладали «Шуткой, Которая Убивает». У этих «Шутки» нет, они хотят отнять ее у нас.

– Может быть, кто-то из них ведет нечистую игру.

– Это возможно.

– Тогда это и есть убийца. Тот, кто забрал «Шутку, Которая Убивает» у Тристана, когда тот лежал в агонии.

– Возможно.

Он странно себя ведет. Он мне не нравится. Он словно понял что-то, но не хочет мне рассказать. А мы ведем расследование вместе!

— Мы не должны были соглашаться на участие в финальном испытании. Нельзя умереть так глупо.

– Согласен.

– Правда, у нас есть защита. Мы обладаем бесценной для них вещью: кодом замка от чемоданчика с «Шуткой, Которая Убивает».

Исидор ничего не отвечает.

– Хотите, я вам его дам? На тот случай, если погибну… – спокойно спрашивает Лукреция.

– Да.

– Кода нет. Чемоданчик не заперт, его можно открыть, просто нажав на замки.

– Неплохо.

– Вы сами меня этому научили. Играть на воображении людей и не рассчитывать на сложные технологии.

Исидор читает комиксы, которые взял в библиотеке, «Всякая всячина» Марселя Готлиба. Рядом лежат книги Вуди Аллена и Пьера Деспрожа.

Он взял эти книги в библиотеке. Старается. Готовится к завтрашнему дню. Может быть, и мне надо поступить так же.

— Скажите, Исидор, вы больше не хотите прочесть «Шутку, Которая Убивает»?

Он улыбается и отвечает, не отрываясь от комикса:

– С тех пор, как я стал кандидатом в члены Великой Ложи Смеха, я понял, что юмор – это огромная, странная, неизведанная сила, разрушительную мощь которой я себе даже не представлял. Я почувствовал на себе, что некоторые шутки напрямую воздействуют на определенные органы.

Лукреция заставляет его опустить журнал и пытается поймать его взгляд.

– Поцелуйте меня, Исидор!

Он ничего не отвечает.

Она приближается к нему и целует его. Его губы крепко сжаты.

– Я вам совсем не нравлюсь? – спрашивает она. И продолжает: – Завтра один из нас умрет.

– Может быть.

– Оставьте ваше легкомыслие. Сегодня – последний день, когда «это» возможно.

Он смотрит на нее. Ее губы в нескольких сантиметрах от его лица. Он чувствует чудесный аромат ее кожи.

– Женщине приходится отбросить гордость и просить у мужчины любви. Я вам не нравлюсь, Исидор?

– Вы самая восхитительная женщина из всех, что я встречал. Многие мужчины мечтали бы оказаться на моем месте.

Он издевается? Что-то недоговаривает?

— Так не отталкивайте же меня, – шепчет она.

Лукреция медленно приближает свои губы к губам Исидора. Он не отстраняется. Не двигается. Она продолжает тянуться к нему. Сантиметр, полсантиметра, четверть сантиметра. Он замер.

Она целует его.

Он наконец приоткрывает губы. Они целуются долго, страстно, самозабвенно. Затем он отстраняется.

– Первый и единственный раз мы занимались любовью после окончания расследования «Последнего секрета».

– Что это значит? Вы не хотите продолжения? – спрашивает Лукреция удивленно.

Исидор откладывает комиксы и встает.

– Пока нет. Анекдот обрывается на самом интересном месте.

Она колеблется, потом хватает книгу Вуди Аллена и в ярости швыряет ее Исидору в лицо.

– Вы просто…

– Я никогда и не претендовал на роль прекрасного принца. До завтра, Лукреция. Пусть победит сильнейший.

– Я уничтожу вас, Исидор. Вы просто…

Лукреция не может найти достаточно емкой характеристики. Она мысленно перебирает оскорбления.

Хам, мерзавец, идиот, дебил, самодовольный дурак, лицемер, педант, наглец, тщеславный эгоист, эгоцентрист, нарцисс, самоуверенный всезнайка и мегаломан.

Она произносит слово, вбирающее в себя, как ей кажется, все промелькнувшие в ее голове определения.

– Вы просто… мужчина.

142

Пьяная женщина бредет по джунглям и пьет виски прямо из бутылки. Крокодил видит ее и говорит:

– Пьяница!

Женщина что-то недовольно бурчит, пьет и идет дальше.

– Пьяница! – повторяет крокодил.

Женщина оборачивается и отвечает:

– Если ты еще раз назовешь меня пьяницей, я поймаю тебя и выверну, как перчатку.

Она идет дальше, крокодил за ней, и, заметив, что она снова пьет, говорит:

– Пьяница!

Тогда алкоголичка набрасывается на крокодила со словами:

– Я тебя предупреждала!

Она засовывает руку глубоко в пасть крокодилу, хватает его изнутри за хвост и резким движением выворачивает наизнанку. Потом бросает его в воду и, довольная, идет дальше. И слышит позади себя крик:

– Ациньяп!

Великая Ложа Смеха.
№ 900 329

143

Лукреция спит. Ее лицо нервно подергивается. Губы шевелятся. Грудь вздымается, словно она видит кошмарный сон, в котором ей приходится бежать или сражаться.

Исидор смотрит на спящую. Она то улыбается, то досадливо морщится.

– Нет, – произносит она. – Ни за что.

Она снова шевелится. Потом выдыхает:

– О, да. Конечно. Почему же вы раньше не сказали! Хотя… нет. Нет, я прошу вас, нет.

Исидор гладит ее по голове, и Лукреция мгновенно успокаивается. Он подходит ближе. Она улыбается, чувствуя его дыхание на своей шее.

Наверное, в прошлой жизни она сделала много хорошего, и поэтому ее наградили таким прекрасным, таким соблазнительным телом.

Исидор неожиданно чувствует усталость. Ему надоел юмор. Ему надоело смеяться или не смеяться. Надоело напряжение, нагнетаемое вокруг того, что всегда казалось ему легким и естественным.

Он знал, что под клоунской маской юмористов часто прячутся люди, склонные к тоске и тревоге, и относил это к издержкам профессии. Но он никак не ожидал найти столько жестокости и агрессии в тех, кто должен нести в мир радость.

Он снова гладит Лукрецию по голове. Конечно, он помнит о расследовании «Последнего секрета». И о том, что завершилось оно любовным актом.

У него всегда были очень сложные отношения с женщинами, начиная с матери, которая отличалась очень властным характером. Отец часто отсутствовал, и мать по вечерам кричала, осыпая его упреками. Любовь к сыну проявлялась у нее вспышками – она то была к нему совершенно равнодушна, то душила в объятиях. То покрывала поцелуями, то не обращала на него никакого внимания.

Но страсть к живописи, музыке, кинематографу и театру она ему все-таки передала. Она пробудила в нем интерес к искусству, помимо его воли втолкнула его в мир прекрасного.

Она часто повторяла: «Изи, ты – гений». Он понимал, что она видела его не таким, каким он был в действительности. Она наделяла его воображаемыми чертами идеального сына. Но программу «Изи, ты – гений» мать в него все-таки заложила. Он хотел нравиться матери, хотел доказать, что она в нем не ошибается, что он достоин ее восхищения. Нет, он не поверил в свою исключительность, он просто начал работать.

Чувствуя, что обладает средними способностями, и не находя у себя никаких особых талантов, он понял, что только тяжким трудом сможет достигнуть результатов, которые не разочаруют мать.

Он мало спал и очень много читал. Он хотел знать все обо всем. Он хотел все испытать. Все понять. Он не хотел отступать перед трудностями, он хотел идти вперед, падать, подниматься. Он решил добыть победу если не талантом, то упорством.

Он не мог разочаровать главную женщину своей жизни.

Свою мать.

Удивительно, но воспитание матери-невротички принесло плоды. Он не считал себя победителем, и все-таки медленно, но верно шел к победе. Его мать, сама того не замечая, сумела сделать из него «необыкновенного ребенка». Ребенка, переросшего средний уровень. Мальчик стал постепенно выделяться из толпы сверстников, и вскоре это породило в других детях чувство недоверия и зависти.

– Да за кого он себя принимает? От книг своих не отрывается! Он презирает нас!

Начались драки. Учителя тоже невзлюбили Исидора. Им казалось, что постоянно читающий мальчик хочет показать, что знает больше преподавателей, и они не упускали случая унизить выскочку.

Его оценки становились все хуже. Он замкнулся в себе. Группировки, иерархия, попойки, дружно смеющиеся люди – все это стало для него невыносимым. Он погрузился

в полное одиночество. У него появилась потребность в свободе и независимости от взглядов и суждений остальных.

Все это не упрощало его отношений с женщинами. Исидор выбирал девушек, похожих на мать. Они восхищались его непохожестью на остальных и талантами. Но как только они начинали осыпать его упреками или спорить (точно так же, как его мать), он бросал их. Он понимал, что ведет себя по отношению к противоположному полу неправильно. И оставался холостяком в сорок восемь лет.

Он навсегда запоминал то мгновение, когда его кожа касалась кожи женщины. В этот момент он испытывал страх. Страх оказаться не на высоте, разочаровать и разочароваться.

Он ни разу в жизни не занимался сексом расслабленно. Кроме одного случая. Он тщетно убеждал себя в обратном, тщетно старался забыть о нем. Однако ночь с Лукрецией на Лазурном Берегу, после того как завершилось расследование «Последнего секрета», оказалась не такой, как с другими женщинами. Он больше не мог обманывать себя. Произошла редчайшая алхимическая реакция, вроде той, которая начинается, когда пчела садится на цветок орхидеи. Встретились два существа, созданные друг для друга. И слились в симбиозе. Он дышал ею. Собирал мед. Вибрировал, как натянутая струна. И она подняла его на вершины чистого восторга. В буквальном смысле слова, превратила лед сразу в пар, минуя фазу жидкости. Холодное стало пылающим, тяжелое – невесомым. Твердое – газообразным.

Это волшебное свойство женщин, они изменяют мужчин, чтобы открыть в них лучшее.

Это событие произошло при необычных обстоятельствах.

Они вместе преодолевали трудности, вместе долго исследовали тему наслаждений… Все это сблизило их и бросило друг к другу в объятия. Быть может, впервые в жизни он занимался сексом без страха. Под воздействием наркотика «Лукреция» он забыл обо всем. Он впервые не испугался женщины. Но испугался серьезных отношений.

Я стар. Она молода.

Я завершаю карьеру. Она только начинает.

Я большой и толстый. Она – маленькая и тоненькая.

Она достойна лучшего спутника, чем я. Молодого, веселого, энергичного, любящего праздники, ночные клубы. Она выйдет замуж, заведет детей. Заживет нормальной жизнью.

Я даже готов помочь ей найти хорошего человека. Она достойна счастья с ним.

А я могу стать для нее кем-то вроде отца. Буду свидетелем на свадьбе. Крестным для детей. Я сделаю все для того, чтобы мы не были вместе.

Я должен держаться более холодно, более отстраненно. Я должен быть резким, чтобы уничтожить те чувства, которые она ко мне еще испытывает. Необходимо рассеять ее уверенность в том, что между нами может быть нечто большее, чем профессиональное сотрудничество. Да и то…

Он замечает, что похудел за время расследования. Потерял пять из девяноста пяти килограммов. Он сам это чувствует. А Лукреция, наоборот, немного располнела и стала более мускулистой.

Что будет завтра?

Он наклоняется и целует ее в лоб.

– Я думаю, что люблю тебя, Лукреция… Ты первый человек в моей жизни, которого я люблю.

144

Здоровенный водитель грузовика сидит в баре. В бар входит маленький, тщедушный человечек и спрашивает, кто хозяин питбуля, привязанного на улице.

Водитель отвечает:

– Ну, я. А что? Ты чем-то недоволен?

Маленький человечек говорит:

– Нет, нет, Просто боюсь, что моя собака убила вашу…

Водитель вскакивает и кричит:

– Что? Какой породы твоя собака?

Человечек отвечает:

– Карликовый пудель.

– Пудель?! По-твоему, карликовый пудель может убить питбуля?

– Ну, ваш питбуль им подавился…

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

145

Прожектор заливает ярким светом середину арены. Все члены Великой Ложи Смеха уже собрались.

Исидора и Лукрецию привели в большой храмовый зал. На них белые тоги и плащи, маски с бесстрастным выражением лица.

Ну, вот и все , думает Лукреция.

Они садятся в большие кресла на ринге, их пристегивают кожаными ремнями. Два ассистента в светло-розовых плащах приставляют пистолеты им к вискам.

У меня плохое предчувствие , думает Лукреция.

Великий Мастер поднимается на возвышение. На ней фиолетовая смеющаяся маска и фиолетовый плащ. Она торжественно объявляет:

– Сегодня особый день. Два эти кандидата прошли самую короткую инициацию в нашей истории. Девять дней. Можно ли научиться остроумию за девять дней? Сегодня мы это узнаем.

По залу пробегает одобрительный гул.

– Дуэль «ПЗС» начинается немедленно. Предоставим даме право первого хода. Лукреция Немрод.

Сквозь прорези маски Лукреция смотрит на противника.

Смеши или умри, Лукреция. Не знаю, как ты попала в этот переплет, но выбора у тебя нет. Чтобы спасти свою жизнь, ты должна убить того, к кому питаешь самые нежные чувства.

Лукреция начинает с шутки о кроликах, страдающих приапизмом.

Первый удар сделан.

Довольно невинная шутка для разогрева.

Исидор, больше из вежливости, усмехается на девять баллов из двадцати. Он отвечает довольно средней шуткой о массовом переселении крестьян. Реакция Лукреции – восемь баллов.

Итак, с приветствиями покончено. Он не хочет меня уничтожать. Нам предстоит не блицкриг, а окопная война. Мы будем драться за каждый сантиметр смеха.

Лукреция рассказывает анекдот о гомосексуалистах, Исидор отвечает десятью баллами и шуткой о блондинках-нимфоманках. Лукреция реагирует на одиннадцать баллов и переводит дух.

На самом деле мы продолжаем игру в три камешка. Нужно предугадать ответ соперника. Нужно размышлять так: «Он думает, что я думаю, что он думает…»

Я вижу Исидора насквозь. Если бы последствия не были столь серьезны, я с радостью доказала бы ему, что мне понятен ход его мыслей и что я могу победить его на его же поле – на поле интеллектуальных игр.

Она рассказывает анекдот про собаку-поводыря. Исидор выдает всего семь баллов.

Черт, я забыла, что шутки про слепых обычно не имеют успеха.

Исидор отвечает анекдотом про пингвинов-кокаинистов, Лукреция не справляется с подступающим смехом и поднимается до тринадцати баллов.

Ужас! Я смеюсь, чтобы извиниться за свою предыдущую шутку.

— Смеши или умри! – выкрикивает кто-то в зале. Публика нетерпеливо топает ногами.

Все, Исидор, слишком поздно. Будь что будет. Я уже не контролирую ход этого расследования, которое завело нас так далеко. Обстоятельства сильнее меня, и я сделаю все, чтобы спасти свою жизнь, пусть даже ценой твоей.

— Смеши и умри! Смеши или умри!

Лукреция опять чувствует, как по спине течет пот.

Надо быть сильной. Я должна представить свой мозг в виде крепости. Крепость защищена высокими толстыми стенами. На стенах стоит катапульта. Я должна метать камни в крепость противника. Большие камни.

Она рассказывает анекдот о Боге и пробивает брешь в четырнадцать баллов во вражеской интеллектуальной крепости. Исидор давится от смеха.

Ура, я нащупала слабое место!

У него к Богу особое отношение. Он его боится.

Исидор наносит ответный удар шуткой о смерти и пробивает такую же брешь в обороне Лукреции.

Я должна укрепить свои стены. Скорее! Иначе пролом увеличится.

Она представляет, как солдаты-каменщики срочно заделывают отверстие и подносят новые снаряды, обмотанные горящей паклей: это анекдот про толстяков.

Если у него есть хоть малейший комплекс, связанный с его весом, анекдот сработает.

И действительно, Исидор выдает пятнадцать баллов.

Отлично. Надо прицеливаться тщательнее. Использовать все, что я знаю об этом человеке, чтобы наносить удары точно. Итак, если он отталкивает меня, значит, он боится женщин, если он боится женщин, значит, он боится себя самого. Следовательно, он глуп.

Лукреция рассказывает анекдот о мужчине, который боится женщин, что объясняется его глупостью. Пылающий снаряд вылетает из катапульты, рассекает воздух, достигает вражеских стен и воспламеняет крепость противника.

Шестнадцать баллов. Исидор смеется чуть громче, чем в прошлый раз, но быстро овладевает собой. Он понимает, что должен следовать правилам игры, и отвечает шуткой, где высмеивается мужчина, встречающийся с девушкой, которая моложе его на двадцать лет.

Удивленный зал затихает.

Черт, он сам над собой смеется. Он сам себя выставляет в смешном свете. Теперь я не знаю, как реагировать.

Лукреции хочется рассмеяться. Нужно как можно скорее вспомнить о чем-нибудь грустном. Она думает о первоапрельской шутке Мари-Анж.

Какое счастье, что Стефан Крауц научил нас включать тормоза. Сейчас самое время хвататься за ручник, иначе я свалюсь в кювет.

Она смеется, но успевает остановиться на семнадцати баллах.

Я стреляю из катапульты, а он из арбалета. Стрела попадает точно в цель и наносит больший урон.

Она видит, что крепостные стены пострадали и ущерб трудно восполнить.

Он играет на моих чувствах. Если героями следующего анекдота станем снова мы и он будет выглядеть смешно, я не сдержусь.

Она втаскивает на зубцы крепости новую устрашающую катапульту, чтобы метать огромные куски скал.

Нет. Я буду использовать его собственное оружие.

Она прячет катапульту и достает гигантский арбалет. Она рассказывает анекдот о девушке-геронтофилке, стремящейся заняться сексом с мужчиной, который старше ее на сорок лет. Исидор удивлен, но реагирует всего на шестнадцать баллов.

Стоп. Не копировать. Придумывать новое. Можно было бы догадаться, что, смеясь над собой, он будет ожидать от меня такого же хода.

Исидор отвечает невинной шуткой о журналистах. Реакция Лукреции сдержанная – тринадцать баллов.

Он сменил тактику. Или тянет время, готовя сюрприз.

Девушка возводит дополнительную крепостную стену, защищаясь от самоиронии и анекдотов на личные темы.

Зал продолжает шуметь.

– Смеши или умри!

В следующую минуту Лукреция рассказывает шутку о писателях (четырнадцать баллов), Исидор – о парикмахерах (шестнадцать баллов). Лукреция парирует анекдотом о сексуальных расстройствах (пятнадцать баллов), Исидор отвечает анекдотом о нимфоманках (пятнадцать баллов).

Зал затихает.

Оба противника применяют все более и более разрушительное оружие, но стены их крепостей остаются невредимыми. Противники придумывают новые варианты атак.

Исидор вспоминает печальные истории из своего детства, чтобы подавить смех. Лукреция вновь переживает сцену унижения, чтобы создать непробиваемую защиту.

Могла ли я думать, что этот кошмар спасет мне жизнь?

Нападая и защищаясь, соперники проявляют чудеса изобретательности. Сражение продолжается.

– Мирмиллон против гопломаха, – шепчет Стефан Крауц соседу. – Они одинаково сильны, но стиль разный.

После передышки, во время которой противники, словно два оглушенных боксера, обмениваются довольно слабыми шутками, они снова начинают наносить друг другу точные и сокрушительные удары. Но каждый успевает преодолеть подступающий смех. Дуэль продолжается.

Проходит десять минут. Двадцать. Полчаса.

Автоматные очереди коротких острых шуток сменяются залпами длинных историй с изящной концовкой. Два усердных ученика не забыли ни одного урока Стефана Крауца. Учитель замечает это и, гордо вздыхая под маской, узнает каждый использованный технический прием. Он даже бормочет вслух:

– О, браво! «Скрытый подтекст». «Второй смысл». «Тройной ключ». «Прыжок над пропастью». «Сальто назад».

Через час показания гальванометра колеблются между отметками восемь и тринадцать баллов, изредка подскакивая до четырнадцати. Зал уже даже не подбадривает соперников. Лукреция морщится под маской.

Тут как с оргазмом: не получилось сразу, значит, так и будешь топтаться на месте.

— Смеши или умри! – снова кричит кто-то в зале.

Лукреция вся взмокла. Она шевелит стянутыми ремнями руками и ногами, пытаясь восстановить кровообращение.

Мы слишком хорошо знаем друг друга. Мы вместе вели расследования, мы занимались сексом, мы спорили, мы играли в три камешка – все это позволяет каждому создать универсальную защиту против соперника.

Великий Мастер встает и хлопает в ладоши.

– Прекращаем поединок! Иначе он будет длиться бесконечно.

В зале поднимается удивленный гул.

– Эти двое любят друг друга, – говорит Великий Мастер. – Нежность переполняет их сердца. Ни один из них не сможет причинить зла сопернику.

Шум в зале нарастает.

– Я знаю, такого еще не случалось. Но однажды это должно было произойти. Необходимо учесть, что ситуация исключительная. Я предлагаю обоих оставить в живых.

Светло-розовые и темно-розовые маски начинают свистеть.

– Смеши или умри!

Великий Мастер поднимается на ринг и отводит дула пистолетов от висков Лукреции и Исидора. Она берет микрофон.

– Довольно смертей! Хватит пар, уничтоженных смехом! Я объявляю ничью, причиной которой стала любовь. Развяжите их.

Ассистенты не двигаются с места. Великий Мастер сама расстегивает кожаные ремни.

– Результат матча – ничья. Победителей двое. Сегодня у нас появилась еще одна сестра и еще один брат.

Шум продолжает нарастать. Кое-кто яростно стучит ногами в знак протеста. Маски с последних рядов не прекращают кричать:

– Смеши или умри!

Великий Мастер с силой бьет в гонг. Металлическое эхо гулко разносится под сводами зала.

– Хватит крови! С этого дня поединки «ПЗС» не должны оканчиваться смертью.

Зрители бушуют, топают ногами.

– Кощунство! – выкрикивает одна из масок.

Публика подхватывает слово, оно перекатывается над залом.

– Великий Мастер не может менять ритуал без нашего согласия!

– Мы хотим другого Великого Мастера, – раздается голос из глубины зала.

– Да! Выборы! Выборы!

Зал гремит раскатами грома, десятки голосов требуют выборов. Не в силах справиться с бунтом единоверцев, Великий Мастер оборачивается к Исидору и Лукреции.

– Все они рисковали жизнью, чтобы вступить в Великую Ложу Смеха. Они не понимают, почему я хочу изменить правила. А я не могу больше видеть, как льется кровь.

Она снова берет микрофон.

– Вы хотите выбрать нового Великого Мастера? Я предоставляю вам такую возможность. И немедленно.

Возбуждение зала достигает апогея. Члены Великой Ложи Смеха оживленно переговариваются. Великий Мастер в фиолетовом одеянии снова ударяет в гонг.

– Кто хочет стать Великим Мастером вместо меня? Говорите или молчите и повинуйтесь!

Наступает тишина.

– КТО?

Молчание. Неожиданно в зале поднимается рука.

– Я.

Все оборачиваются и видят сиреневую маску. Лукреция узнает голос. Это Стефан Крауц. Не снимая маски, продюсер проходит через расступившуюся толпу и поднимается на сцену. Зрители волнуются.

Великий Мастер бьет в гонг, требуя тишины.

– Выслушаем его! – говорит она.

– Мы видим борьбу двух тенденций развития общества. Одна призывает к сохранению наших устоев и обычаев. Другая требует изменения наших законов в связи с недавними трагическими событиями. Я считаю, что Великая Ложа Смеха лучше всего

продемонстрирует свою силу, если останется незыблемой скалой под натиском бури и ударами волн.

– А я думаю, что Вселенная – это непрерывное движение, – говорит Великий Мастер. – Жизнь продолжается, все течет, все изменяется. За летом приходит осень, весна сменяет зиму. Мы пережили зиму, суровую и разрушительную. Настало время весны. Сбросим старую кожу, изменим традиции. Пощадим жизнь.

Зал шумит.

– Мы – тайное, но демократичное общество, – убежденно продолжает Великий Мастер. – Проголосуем.

Ей отвечает одобрительный гул.

– Кто за то, чтобы новым Великим Мастером стал Стефан Крауц?

Поднимаются десятки рук. Кое-кто колеблется. Опускает руку, затем поднимает снова. Ассистенты в сиреневых плащах помогают Великому Мастеру считать голоса: из ста сорока четырех членов Ложи семьдесят два высказались за Крауца.

– Что ж, как ни странно, мнения разделились поровну. Проголосуем еще раз. Быть может, кто-нибудь передумает. Кто за Стефана?

Присутствующие голосуют снова. Один человек действительно становится теперь на сторону Стефана, зато другой примыкает к Великому Мастеру. Третий колеблется, но в конце концов опускает руку.

– Так или иначе, но слово произнесено! Мнение присутствующих понятно! Они не одобряют политику реформ. Быть может, люди и не решаются сказать вам это в лицо, но все уже устали от ваших изменений в регламенте. Нельзя нарушать тысячелетние традиции! Мы никогда этого не допустим!

Фиолетовая и сиреневая маски стоят друг напротив друга. Маска смеющаяся и маска улыбающаяся. Стефан Крауц открывает лицо.

– Никогда.

– Что ж, брат Стефан, будем действовать в духе вековых устоев. Мы поступим так, как велит нам закон «Об исключительных мерах при недоверии к Великому Мастеру».

Стефан Крауц переводит дух.

– Ты можешь сразиться со мной на дуэли «ПЗС». Если ты выиграешь, ты немедленно займешь мое место и сможешь навсегда запретить даже малейшие изменения традиций. Ты согласен? Я готова сесть в это кресло прямо сейчас.

Стефан пристально смотрит в глаза неподвижной маски.

Он хочет рискнуть, но сила противника его останавливает.

Стефан смотрит в зал и видит, что поднявшиеся руки опускаются одна за другой. Он швыряет маску на пол и уходит в боковую дверь.

– Есть еще кандидаты?

Ни одной поднятой руки.

– Итак, я остаюсь Великим Мастером. Мое решение таково: с этого дня инициации со смертельным исходом запрещены. Мы будем отбирать соискателей с еще большей требовательностью, но все, попавшие сюда, станут членами Великой Ложи Смеха.

Раздаются аплодисменты, крики, свист.

– Решение принято общим голосованием, и вы должны ему подчиниться. А вы, Исидор и Лукреция, отныне приняты в Великую Ложу Смеха.

Великий Мастер хлопает в ладоши. Ассистентка приносит Исидору и Лукреции тоги, плащи и маски светло-розового цвета. Великий Мастер жестом требует, чтобы Лукреция встала на колени, берет в руки меч и касается им ее плеча.

– Объявляю вас учеником Великой Ложи Смеха. Вы стали рыцарем Борьбы за Расцвет Духовности на земле. Вы должны защищать смех от темных сил. Вы не должны разглашать информацию о нашей Ложе и обязаны хранить верность нашим братьям и сестрам. Клянетесь ли вы, что будете подчиняться законам Великой Ложи Смеха, Лукреция?

– Клянусь.

– Если вы нарушите клятву, пусть отсохнет ваш язык, вытекут глаза, выпадут волосы и вечно дрожат ваши руки.

Исидор тоже встает на колени и приносит клятву. Великий Мастер посвящает его в ученики прикосновением меча. Затем Великий Мастер поднимает Исидора и Лукрецию с колен, бьет в гонг и берет микрофон.

– А самое лучшее я приберегла на десерт. Знайте, братья и сестры, двое новообращенных принесли нам наше сокровище: «Шутку, Которая Убивает»!

146

Восьмидесятилетний мужчина приходит к врачу на ежегодный осмотр.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спрашивает его человек в белом халате.

– Отлично! У меня роман с двадцатилетней девушкой, и она от меня забеременела, – отвечает пациент.

– Я расскажу вам одну историю, – говорит врач. – У меня есть друг. Он страстный охотник и ни разу в жизни не пропустил ни одного сезона. Однажды он страшно торопился, собираясь на охоту, и вместо ружья схватил зонт. В лесу на него напал огромный кабан. Мой друг вскинул зонт, прицелился и нажал на кнопку. Знаете, что произошло?

– Нет…

– Кабан мертвым свалился к его ногам.

– Это невозможно, – возмущается старик. – Вместо него выстрелил кто-то другой.

– Вот и я об этом…

Великая Ложа Смеха.
№ 53 763

147

Тонкие пальцы касаются фиолетовой маски. Великий Мастер снимает ее и открывает свое истинное лицо.

Лукреция видит брюнетку лет пятидесяти с короткими волосами и живым взглядом. Несмотря на явную усталость, она держится очень прямо и с большим достоинством. Все ее движения полны грации. Выражение лица серьезно.

– Меня зовут Беатрис, – говорит она.

Она переводит дух и произносит слова, которые давно рвутся с ее языка:

– Где она?

Поняв, о чем идет речь, Лукреция указывает в сторону своей комнаты. Вместе с Исидором они отпирают дверь. Лукреция достает ключи и открывает наручники, приковывавшие металлический чемоданчик к ножке кровати.

Она протягивает чемоданчик женщине в фиолетовом плаще. Великий Мастер гладит пальцами его стальную поверхность и испускает глубокий вздох облегчения. Она очень долго ждала этой минуты.

– Если бы вы знали, какую дорогу проделал этот текст. Сколько людей переписывали его, читали, спасали. А скольких людей он убил…

– Вот это как раз и является условием нашего договора. Мы хотим знать все, – говорит Лукреция.

– Хорошо, идите за мной.

Беатрис ведет Исидора и Лукрецию в свой кабинет, большую круглую комнату, увешанную портретами мужчин и женщин в фиолетовых одеяниях. Лукреция догадывается, что это портреты Великих Мастеров. Беатрис садится за стол и осторожно ставит перед собой стальной чемоданчик.

– До какого момента вы изучили нашу историю? – спрашивает она.

– Мы остановились на Пьере Даке и Второй мировой войне.

– Во время войны часть Великой Ложи Смеха отправилась в Соединенные Штаты, а другая часть осталась во Франции и участвовала в движении Сопротивления. Подпольные журналы, которые поддерживало наше общество, издевались над Гитлером. Если карикатуристов ловили, то их расстреливали. Некоторые из них заговорили под пытками. Таким образом, Гитлер узнал о существовании меча Соломона. Наши хорошие отношения с франкмасонами и еврейскими юмористами делали нас в глазах фашистов еще подозрительнее. Подчиняющаяся Петену французская милиция преследовала нас, арестовывала, депортировала.

– А та часть Великой Ложи Смеха, которая уехала в Соединенные Штаты?

– Не знаю, говорил ли вам Стефан на уроках истории о том, что американское отделение развило очень активную деятельность. Чарли Чаплин, входивший в состав нашего благородного сообщества, несмотря на угрозы и давление, снял «Диктатора». Он знал, что только смех может побороть страх перед нацизмом. Он не мог оставить психологическую победу за Гитлером.

– А во Франции? – спрашивает Лукреция.

– Сначала все шло хорошо. Но потом один из членов Ложи увлекся идеями нацизма и предал нас. Он рассказал о нашем европейском стратегическом центре на холме Карнака. Однажды зимой 1943 года полиция Виши явилась в часовню Святого Михаила. Мы защищались. Погибло около сотни человек, чудом спаслась только маленькая группа, бежавшая через потайной ход.

– Я не знала, что борьба за смех сопровождалась такими жертвами, – признает Лукреция.

– Мы, не колеблясь, рассылали смертоносные письма самым яростным коллаборационистам. Мы тоже участвовали в Сопротивлении. Мы даже перевели три отдельные части Шутки на немецкий, вслепую соединили их и послали Гитлеру. Но почту вскрыл один из его секретарей. Погибло немало народу, но Гитлер, к несчастью, остался в живых.

– Фантастика, – бормочет Исидор.

– Андре Мальро, министр культуры де Голля, знавший о нашем существовании и о наших потерях, в качестве компенсации предоставил нам новое убежище.

– Маяк-призрак в заливе Карнака? – спрашивает Лукреция.

– Да. Его нет ни на одной карте. Издали он кажется заброшенным. Он всегда служил аванпостом французских секретных служб. Использовать маяк-призрак для предупреждения английских атак с моря пришло в голову Наполеону. С виду просто заброшенный маяк, а на самом деле настоящее военное укрепление. Во время Второй мировой войны Петен рассказал о маяке немцам. Те выкопали новые просторные подземные помещения и модернизировали их, устроив нечто вроде секретного Генерального штаба на случай нападения союзников на юг Бретани.

– Так вот почему мы нашли там лестницы, лифты, водопровод, электричество – все для удобного проживания сотен человек!

– Это место стало напоминанием о немецкой оккупации и не вызывало ни у кого интереса. Те немногие, кто знал правду, считали маяк чем-то вроде остатков укреплений Атлантического вала, то есть, заброшенными грязными развалинами. Наш тогдашний Великий Мастер изъявил готовность заняться этим островком, и Мальро тайно отдал его нам. Первого апреля 1947 года Великая Ложа Смеха переехала на маяк и привела сооружение в порядок.

– Там вы наконец обрели покой.

Беатрис встает и показывает на портрет лысого человека в фиолетовом одеянии с сигаретой в углу рта.

– Тогда Великим Мастером был Пьер Дак. Во время войны он вел на «Радио Лондон» юмористическую передачу «Французы говорят с французами». Он активно участвовал в Сопротивлении, был арестован, бежал, пробрался в Англию и начал высмеивать правительство Виши.

– Да-да! Ведь это он придумал «На „Парижском радио“ все лжецы, на „Парижском радио“ – подлецы» на мотив кукарачи! – говорит Исидор.

– Браво! Немногие сейчас его помнят. Пьер Дак со своими друзьями Франсисом Бланшем, Рене Госини и Жаном Янном создали острый французский послевоенный юмор. Вместе с ними возродилась и Великая Ложа Смеха. Мы участвовали в выпуске сатирических журналов, комиксов, политических изданий, выступали на радио, работали в кино и на телевидении. Благодаря нам появились такие фильмы, как «Большая прогулка», «Прекрасные вакханки» и «Маленький купальщик».

Великий Мастер снова ласково поглаживает еще закрытый стальной чемоданчик с «Шуткой, Которая Убивает».

– После смерти Пьера Дака власть перешла к Мастерам, которые не пользовались известностью за стенами маяка. Ложа становилась все более закрытой, ее связи с внешним миром начали ослабевать. Несколько щедрых спонсоров, в основном знаменитые комики и кинопродюсеры, негласно финансировали нашу деятельность. Пользуясь полной независимостью, мы начали выпускать в свет анонимные шутки.

– Шутки, которые рассказывают в кафе? Шутки в конфетах? Школьные анекдоты?

– Самые разные шутки, но всегда направленные против тирании, ограниченности, хамства, против сектантства, нравоучений и скупости, против предрассудков и расизма. Мы говорили обо всем, мы смеялись надо всем, но всегда уважали человеческую личность и стремились способствовать ее духовному росту.

– А школы у вас были?

– Конечно, на маяке обучалось много людей. Мы повышали профессиональный уровень юмористов. Мы придумывали темы для анекдотов. Борис Виан был членом Ложи. Ему принадлежат такие афоризмы, как: «Выход – это вход, просто идешь в обратном направлении» и «В наши дни все предаются лукавым мудрствованиям, поэтому говорить глупости – это единственный способ доказать свое умение свободно и независимо мыслить».

Лукреция отмечает, что любовь к цитатам – это конек членов Ложи. Все вокруг с удовольствием сыплют ими.

– В мае 1968 года мы участвовали в студенческих волнениях и придумывали лозунги, афиши, шутки. «Под мостовой – пляж», «Пока ты будешь зарабатывать на жизнь, жизнь кончится», «Запрещать запрещено», «Будьте реалистами – требуйте невозможного», «Беги, старый мир тебя догоняет» – все эти юмористические слоганы созданы в стенах маяка-призрака.

– Но революция в мае шестьдесят восьмого провалилась, – напоминает Лукреция.

– Мы хотели создать новое общество. Студенты и профсоюзы послушались нас лишь наполовину. Личные интересы и политические амбиции оказались сильнее желания действительно изменить мир. После неудачи в мае 1968 года мы стали хитрее. Мы помогли английскому отделению Ложи создать комическую группу «Монти Пайтон».

– Ах, так это вы?.. – с восторгом спрашивает Исидор. – Я их обожаю. Это мои самые любимые комики!

– Они не знали никаких ограничений. Никаких. До такой степени, что однажды придумали скетч про «Шутку, Которая Убивает»!

Беатрис встает, проходит мимо портретов Великих Мастеров и приближается к двери, на которой висят кинопостеры. Она показывает на фотографию группы «Монти Пайтон».

– Да-да, я помню, скетч «World’s Funniest Joke» – «Самая смешная шутка в мире»? Черт! Так вот что это было! – восклицает Исидор.

– «Монти Пайтон» попросили у нас разрешения туманно намекнуть на «Шутку, Которая Убивает». Грэм Чепмен, прошедший обучение на маяке, начал убеждать тогдашнего Великого Мастера в своей правоте. Он говорил: «Это настолько невероятно, что никто не поверит, что „Шутка, Которая Убивает“ действительно существует!»

– Неужели вы хотите сказать, что Великий Мастер разрешил открыть всему миру вашу самую большую тайну? – удивляется Лукреция.

– В 1973 году это был еще Пьер Дак. Старость и усталость не ослабили его смелости. Он решил, что это будет забавно. Скетч «Самая смешная шутка» появился в шоу «Летающий цирк» в апреле 1973 года. Люди смеялись над ним безо всякого вреда для себя, точно так же, как и над другими скетчами «Монти Пайтона».

– Удивительно! – признает Исидор.

– А вот у самого Гэма Чепмена обнаружили рак, и он добровольно ушел из жизни, прочитав «Шутку, Которая Убивает».

Беатрис садится за стол и пристально смотрит на стальной чемоданчик. Ее рука осторожно, с какой-то печалью продолжает поглаживать металл.

– Я сама пришла сюда в 1991 году. Мой отец был юмористом, и с ним сыграли дурную шутку.

Ее лицо омрачается.

Исидор понимает, что произошла какая-то трагедия и просит Беатрис рассказать о ней.

– Он играл в большом театре. Зал был на триста мест. Он начал выступление. После первого скетча никто не засмеялся. Он собрал волю в кулак и продолжал. После второго скетча зал продолжал молчать. Он отыграл спектакль до конца. Никто не смеялся.

Такое, наверное, невозможно пережить.

— За все время его выступления никто ни разу не засмеялся. Даже не хихикнул. Даже не улыбнулся. Он видел перед собой триста мрачных, как глухая стена, лиц.

Какой ужас!

— На самом деле перед ним сидели подсадные утки. Им заплатили, чтобы они не смеялись. Один телеведущий придумал такой «комический» прием.

– Триста человек ни разу не засмеялись за полтора часа! Какая, наверное, стояла оглушительная тишина, – говорит Лукреция, вспоминая свое волнение на сцене.

– Для комика – это самое страшное, что может с ним произойти. Он стоял перед ними бледный, как смерть, дрожащий, растерянный. Публике, видимо, это было «интересно». Как в Средние века людям было интересно наблюдать за пытками.

Беатрис умолкает на полуслове.

– И?.. – спрашивает Лукреция с любопытством.

– Он сделал вид, что его нисколько не тронуло то, что он попал в такую аудиовизуальную ловушку. Но потом он ушел со сцены и покончил жизнь самоубийством. Без применения «Шутки, Которая Убивает». Просто взял веревку, сделал петлю, встал на табуретку и повесился.

Беатрис опускает глаза на чемоданчик.

– И я поняла, что смех – это вовсе не панацея от всех бед. Иногда, чтобы вызвать смех, совершают настоящие подлости.

Я-то знаю, что это правда. Мари-Анж открыла мне, что смех может принести столько же зла, сколько и добра.

— После этой драмы у меня появилось желание бороться со злым юмором, и я решила, что лучше всего это делать здесь, в этом тайном месте. Мой отец рассказал мне о

Ложе за несколько месяцев до смерти. Я пришла сюда. Прошла инициацию. Я приняла участие в дуэли, выиграла и стала учеником. Затем я выросла в звании. Стала учить сама. И однажды…

– …К вам пришел знаменитый комик Тристан Маньяр, – заканчивает ее фразу Исидор.

– Он искал место, «где рождаются шутки». Он пошел по следу, от рассказчика к рассказчику, и сумел добраться до нас. Я обучила его и подготовила к дуэли. По чистой случайности он соревновался со своим собственным импресарио, который пришел к нам вслед за ним.

– С Джимми Петросяном?

– Да. Тристан выиграл, стал членом Великой Ложи Смеха.

– И вашим возлюбленным, – дополняет Исидор.

Беатрис удивленно умолкает, но вскоре заговаривает вновь.

– Действительно. Мы сблизились во время обучения и наша страсть здесь, под землей, вдали ото всех, приобрела особую силу.

– Как это прекрасно, – говорит Исидор.

Исидор, видимо, забыл, что Тристан Маньяр бросил жену и детей. Когда они узнают эту историю, вряд ли она покажется им такой уж прекрасной.

Беатрис смотрит вдаль.

– Когда преемник Пьера Дака стал слишком стар, чтобы исполнять обязанности Великого Мастера и ушел в отставку, мы единодушно выбрали Тристана.

Она указывает на портрет Тристана Маньяра в фиолетовом одеянии. Исидор и Лукреция с трудом узнают в улыбающемся зрелом мужчине бородатого исхудалого человека, который умирал в темной комнате под маяком.

– Вы все время находились под землей. У вас не началась клаустрофобия?

Беатрис впервые широко улыбается.

– Смех – это всегда открытое окно воображения. Он заменял нам и тепло, и свет. Наша повседневная жизнь состояла из шуток и веселья. И это была райская жизнь. Мы поддерживали связь с некоторыми знаменитыми комиками, которые тайно приезжали к нам.

– Де Фюнес?

– Нет, Бурвиль, – отвечает Беатрис, указывая на портрет.

– Колюш?

– Нет, Деспрож. Не все были на нашей стороне. Кто-то ненавидел нас. Кто-то завидовал. А потом начало расти влияние юмора, подобного тому, который убил моего отца… Основанный на чуждых нам принципах неуважения к человеческой личности.

– О чем вы говорите?

– Смех – это энергия, подобная ядерной. Она может питать электростанции и освещать города, а может убить миллионы людей.

– Как молоток. Молотком можно и гвоздь забить, и размозжить голову, – добавляет Лукреция, вспоминая рассуждения Исидора.

– Инструмент – ничто. Сознание человека, применяющего инструмент – все. Иными словами, важно то, какую цель преследует тот, кто владеет новейшей технологией. Даже

рядом с тиранами работали юмористы, которые при помощи смеха делали народ более послушным.

Цель… вот один из ключей.

— Эта великая энергия попала в дурные руки. И возникло новое явление. Мы назвали его смехом тьмы. Этот юмор заставляет смеяться над несчастьем моего отца, над особенностями иностранца, над слабостью женщины, над умственно отсталым, над нищим. Смех, наносящий ущерб другим – это тоже смех.

– Разница между иронией и цинизмом, – добавляет Лукреция.

– Юмор – это аристократия разума. Но в недобрых руках он становится разрушительным.

Исидор и Лукреция начинают понимать, к чему ведет Беатрис.

– В то время существовало одинаковое количество «добрых» и «злых » комиков. Злые, делая вид, что они добрые, высказывали иногда ужасающие идеи. Великая Ложа Смеха внимательно следила за ростом влияния смеха тьмы. Сначала наши силы были равны, потом смех тьмы начал одолевать смех света.

– Злые всегда преуспевают больше, чем добрые, – признает Исидор.

– Некоторые юмористы защищали ревизионистские и расистские идеи, утверждая, что делают это «просто для смеха».

– А тех, кто возмущался, обвиняли в отсутствии чувства юмора, – говорит Исидор.

– Я уже говорила вам, что мы прежде всего ратуем за гуманизм. Мы решили бороться.

Беатрис поглаживает стальной чемоданчик.

– Стефан Крауц, очень хороший продюсер, к тому времени уже три года находился в наших рядах. Он предложил решение: «Для победы над смехом тьмы нам нужен лучший из лучших». Он пригласил на маяк девять молодых юмористов, по его мнению, самых многообещающих. Все они погибли, борясь друг с другом.

– Победителем стал Дарий Возняк? – спрашивает Лукреция.

Вот как все началось!

— Да. В этого юношу мы вложили все, чем обладала наша община. По восемь часов в день его посвящали в тайны импровизации. Команда психологов изучила его мозг. Режиссеры, актеры, мимы совершенствовали его мастерство. Ему поставили дыхание, осанку, манеру смотреть его единственным глазом. Идея вставить сердечко в пустую глазницу, естественно, тоже наша. Все было продумано до малейших деталей. Когда мы решили, что он готов, мы выпустили его в свет и обеспечили ему успех, используя все свои связи. Он сразу начал выступать в больших театрах, и очень быстро появился в самых популярных телевизионных передачах. Мы тратили деньги, мы заручились поддержкой политиков, положили все силы на то, чтобы он стал лучшим. Чтобы сумел противостоять властвовавшему тогда дурному юмору.

Беатрис встает, подходит к портрету Тристана Маньяра и нежно смотрит на него.

– Успех Дария превзошел наши ожидания. Он мгновенно стал знаменитым. Никто не мог противиться его обаянию. Мы достигли цели. Юмористы тьмы сразу вышли из моды. Они остановились где-то на полпути к настоящему успеху, а Дарий засиял на небосклоне

эстрады. Даже политики добивались его симпатии, чтобы погреться в лучах его славы. А десятки авторов Великой Ложи Смеха тайно работали, сочиняя для него лучшие скетчи.

Великий Мастер умолкает, погрузившись в воспоминания.

– А дальше?

– Дарий стал Циклопом, «самым популярным французом». Это событие мы отмечали шампанским. Ведь, кроме всего прочего, при помощи Стефана Крауца мы получали от этого успеха огромные проценты, что позволило нам еще лучше обустроить жизнь Ложи под маяком.

– А дальше? – снова спрашивает нетерпеливая Лукреция.

– Он предал нас. Слава и кокаин изменили его. Тихоня превратился в нарцисса. Невротик обзавелся манией величия. И он захотел «Шутку, Которая Убивает». Он стремился любой ценой узнать, что это такое.

Беатрис опять погладила чемоданчик, словно живое существо.

– Однажды он приехал на маяк и потребовал устроить общее собрание сиреневых плащей. Он произнес речь, в которой сказал, что Великая Ложа Смеха живет на его деньги, что он самый знаменитый и богатый из нас, поэтому он требует выборов и хочет стать Великим Мастером вместо Тристана.

– Логично, – замечает Исидор.

– Выборы состоялись. Самое удивительное, что ему не хватило только одного голоса. Быть может, моего. Перед отъездом он сказал: «Я найду способ получить то, чего мне не дают».

– То есть ваш лучший шутник уже не шутил, – замечает Исидор.

– Мы сами не понимали, что породили монстра.

– Диктаторы типа Фиделя Кастро, Норьеги или Бен Ладена начинали агентами ЦРУ, – напоминает Исидор.

– А Дарт Вейдер был джедаем, прежде чем перешел на сторону темной силы и восстал против тех, кто его воспитал, – добавляет Лукреция.

– Но тогда разрыв еще не произошел. Мы так гордились им, что ничего не видели. Мы прощали ему все, как гениальному избалованному ребенку. Мы продолжали работать на него. Дарий Возняк построил театр, потом открыл «Школу Смеха» – разумеется, при нашей финансовой поддержке, с нашими учителями, опираясь на наш опыт. Мы еще верили, что он, по выражению Стефана Крауца, «наше окно в мир». Его могущество росло. Дарий повелевал толпами, заставлял смеяться стадионы.

– «Берси», «Парк де Пренс», «Стад де Франс»… – вспоминает Лукреция.

– Икар поднялся к солнцу, и его восковые крылья растаяли, – шепчет Исидор.

– Эгоцентризм Дария рос. Он стал вспыльчивым, властным, агрессивным параноиком. Не выносил никакой критики, разучился смеяться над собой. Он теперь вообще не выносил насмешек.

Беатрис кладет обе руки на чемоданчик.

– Мы не хотели замечать очевидного. Мы постоянно находили ему оправдания. Считали все его выходки капризами слишком востребованной звезды.

– Вы не хотели признать, что ошиблись в выборе знаменосца.

– Но в один прекрасный день он ушел из корпорации Стефана Крауца и основал собственную фирму вместе с братом Тадеушем. Так развод стал официальным. Он забыл обо всем, что мы для него сделали. Он забрал у нас все: концепцию школы смеха, идею дуэлей юмористов и турниров «ПЗС», даже розовый цвет одежды членов Великой Ложи Смеха. Он просто-напросто организовал параллельное секретное общество, скопировав все, что узнал от нас, но оставив себе все доходы, которые приносила его популярность.

– Ему не хватало только одного. «Шутки, Которая Убивает», не так ли? Скипетра, без которого король не чувствует себя настоящим королем… – говорит Исидор.

– Да, «Шутки, Которая Убивает», меча Соломона, нашей реликвии, Экскалибура, атрибута истинного короля. Того, что придает смысл нашему существованию. Того, что освящено тысячелетней историей.

– И однажды он вернулся на маяк. «Я найду способ получить то, чего мне не дают». Да?

– С ним было шестеро сообщников. Три брата Возняк и телохранитель со странной внешностью…

Охранник-питбуль.

— Еще девушка и усатый мужчина, – добавляет Беатрис. – Они сказали, что приехали поговорить.

Мы рассердились, поскольку в наше тайное убежище запрещено приводить чужих. Тогда Дарий неожиданно вспылил, как часто с ним случалось в последнее время, и заявил, что он у себя дома и все тут принадлежит ему. Наша охрана уже собиралась вывести их вон, как все они по знаку Дария достали автоматы.

Лицо Беатрис искажается.

– Мы бросились врассыпную. Тристан, которого прикрыли своими телами несколько братьев, бежал первым. «Шутка, Которая Убивает» была у него.

– И в муравейнике в первую очередь спасают королеву и потомство, – шепчет Исидор.

– Некоторым удалось спастись. Многие погибли. Тристан, уносивший «Шутку, Которая Убивает», был уже далеко. Мы мчались со всех ног. Предатель, который зимой 1943 года рассказал нацистам о нашем убежище, многому нас научил. Мы предусмотрели тайный выход из маяка. Мы ушли в море на моторных лодках.

– Но ведь Дарий попытался вас догнать? – спрашивает Лукреция.

– Видимо, он хотел уничтожить всех, чтобы не оставлять свидетелей.

– Священник спрятал вас в подвале часовни Святого Михаила…

– Отец Паскаль Легерн сразу все понял. Чудесный человек.

Беатрис умолкает, словно перед ее глазами встает пережитое.

– Когда мы очутились в подземелье, мы заметили, что с нами нет одного человека. Тристана. Мы поняли, что Дарий схватил его и завладел «Шуткой, Которая Убивает».

Лукреция уже открывает рот, чтобы рассказать, что случилось с Тристаном, но Исидор незаметно наступает ей на ногу.

– Что было дальше? – спрашивает он.

– Мы переждали опасность в подземелье. А потом отец Легерн отвел нас в другое место, где, по его мнению, мы могли оставаться, ничем не рискуя. Ведь маяк мы потеряли навсегда.

– И где же мы сейчас находимся?

Беатрис глубоко вздыхает.

– Теперь вы имеете право это узнать. Идите за мной. Сейчас вы сами все поймете. Самое смешное в том, что во время нашей беседы мы уже не раз упоминали название этого места.

Великий Мастер ведет Исидора и Лукрецию вверх по лестнице.

Они поднимаются по ступеням. Постепенно звуки и запахи подсказывают им, в каком удивительном уголке земли находится нынешнее убежище Великой Ложи Смеха.

148

Какая разница между католиком, протестантом и евреем?

У католика есть жена и любовница, но любит он любовницу.

У протестанта есть жена и любовница, но любит он жену.

У еврея есть жена и любовница, но любит он маму.

Великая Ложа Смеха.
№ 452 897

149

Беатрис, крепко держа чемоданчик в правой руке, ведет Исидора и Лукрецию наверх. Они выходят из подземелья в сад.

– Это сад Иерусалимского Креста, – объясняет Великий Мастер.

Исидор и Лукреция переглядываются. Они входят в погреб и поднимаются в зал.

– Это зал Рыцарей.

Они проходят по коридору.

– Путь Тридцати Свечей, – говорит Беатрис.

Они проходят северный поперечный неф здания – очевидно, они в прекрасном соборе.

– Ну как? Вы поняли, где находитесь?

Через открытое окно Лукреция и Исидор видят бескрайнее море. Крики чаек и соленый ветер наполняют священное место.

Церковь на море?

Беатрис ведет их в сердце готического собора. Они проходят центральный двор, южный поперечный неф и по винтовой лестнице поднимаются на главную башню, увенчанную ажурной колокольней, на вершине которой – позолоченная статуя святого Михаила, убивающего мечом дракона.

Опять какой-то остров.

Нет, не совсем остров.

Лукреция улыбается.

Сен-Мишель.

Монастырь на горе Сен-Мишель.

— Отец Легерн из часовни Святого Михаила в Карнаке помог нам связаться с братьями монастыря, находящегося на одноименной горе.

– Мне показалось, что священник из Карнака считает «Шутку, Которая Убивает» порождением дьявола, – удивляется Лукреция.

– Отец Легерн узнал о существовании «Шутки, Которая Убивает» уже после того, как члены Великой Ложи Смеха обосновались здесь, – отвечает ей Исидор.

Они смотрят сверху на территорию монастыря, по которой ходят люди в монашеских одеяниях.

– Монахи нас любят. Хотя отец Легерн и боится «Шутки, Которая Убивает», он ничего не рассказал о ней братьям. Конечно, тут все не так, как на острове-призраке. Монастырь на горе Сен-Мишель уступает по популярности только Эйфелевой башне и Версальскому дворцу. Сорок человек постоянных жителей и… три миллиона посетителей в год.

– Парадокс! Вы защищены от нескромных взглядов толпой туристов с фотоаппаратами, – констатирует Исидор.

Вдали видны сотни экскурсионных автобусов.

Кто может подумать, что тайное общество, посвятившее себя смеху, живет под монастырем, посвященном Богу?

Рядом с ними кружат чайки. Одна дерзкая птица садится на статую святого Михаила, поднявшего меч, чтобы поразить дракона.

– Фантастическое место, – шепчет Исидор. – На границе между Нормандией и Бретанью, наполовину остров, наполовину континент, наполовину суша, наполовину море. Мне всегда казалось, что это место находится в какой-то другой реальности.

– Переселение заставило нас изменить традиционные способы распространения шуток. Мы уже не посылаем гонца на велосипеде подкладывать под менгир коробочку с шутками. Мы используем для этого сверхзащищенный сайт в Интернете. Мы идем в ногу со временем. Мы создали международное отделение с очень сильной командой переводчиков.

– Инициатором модернизации стали вы, Беатрис? – спрашивает Лукреция. – Вы поняли, что на горе Сен-Мишель нельзя жить так, как на маяке-призраке.

– Меня избрали новым Великим Мастером, потому что понадобился человек, способный преодолеть неминуемые кризис и разлад. Но я знала, что одним нам не справиться. Мы ждали чуда. И чудо свершилось.

– Чудо? – переспрашивает Лукреция.

– Этим чудом стали… вы.

Беатрис поворачивается к девушке с большими зелеными глазами и светло-каштановыми отныне волосами.

– Вы, Лукреция. Вы пришли к Стефану Крауцу и дали ему понять четыре вещи. Первое – у Дария нет «Шутки, Которая Убивает». Второе – человек, завладевший ею,

тайно помогает нам. Третье – этот человек убил Дария. Четвертое – он гримируется в грустного клоуна.

– Так он не из вашей Ложи? – удивляется Лукреция.

– Нет. Мы никак не ожидали, что кто-то решится казнить нашего палача, используя то, что он так хотел заполучить! Вот уж действительно…

– Отличная шутка? – говорит Исидор.

– Идеальное убийство, которое мы только мечтали совершить. С тех пор единственным следом, ведущим к «Шутке, Которая Убивает» и к грустному клоуну, стали вы, мадемуазель.

Беатрис вздыхает.

– Стефан Крауц установил за вами слежку. Он обыскал вашу квартиру, надеясь найти какую-нибудь информацию о «Шутке, Которая Убивает». Он оставил у вас подслушивающее устройство.

– Я заметила, что квартиру обыскивали, но микрофон не нашла.

– Он был под аквариумом с рыбкой. Потом ваша квартира сгорела, и мы потеряли с вами связь.

– Но вы снова ее нашли, когда мы появились в «Современном обозревателе», – продолжает Исидор.

– Репортер Флоран Пеллегрини – друг Стефана Крауца. Он знал, что вы интересуете Стефана, и рассказал ему историю с посылкой. Мы сразу поняли, что это «Шутка, Которая Убивает».

– И Флоран дал ему адрес нашей гостиницы, – ворчит Лукреция.

– Не обижайтесь на него. После всего, что случилось из-за «Шутки, Которая Убивает», мы боялись, что…

Беатрис резко умолкает. Исидор и Лукреция оборачиваются. На них нацелены дула пистолетов.

150

Священник идет через лес и вдруг чувствует, что земля уходит из-под ног. Он понимает, что попал в зыбучие пески, и не знает, что предпринять. Когда он увязает по щиколотку, мимо проезжает машина спасателей.

– Вам помощь не нужна? – спрашивает капитан экипажа. – Можем вам бросить веревку.

– Не надо, у меня есть вера. Господь мне поможет.

Священник уходит в землю по пояс. Спасатели снова проезжают мимо и спрашивают:

– Вы уверены, что вам не нужна помощь?

– Я уже сказал, у меня есть вера. Господь спасет меня.

Когда из песка торчит уже только голова священника, спасатели проезжают в третий раз.

– Вы по-прежнему отказываетесь от помощи?

– У меня есть вера, Господь не покинет меня.

Священник уходит под землю с макушкой, задыхается и умирает. В страшном гневе он прибывает в рай и требует немедленного свидания с Самым Ответственным Лицом.

– Почему вы не помогли мне, ведь я всю жизнь посвятил служению вам? – кричит он в ярости.

Бог отвечает:

– Послушай, я тебе три раза посылал спасателей. Чего тебе еще было нужно?

Великая Ложа Смеха
№ 511 905

151

Два человека в сиреневых масках и плащах держат их на прицеле и заставляют вернуться в помещения Великой Ложи Смеха. Они спускаются в тайный зал. Редкие братья, попавшиеся им на лестницах, не замечают спрятанного под плащами оружия.

Очутившись вдали от посторонних взглядов, один из мужчин в сиреневом плаще запирает входную дверь.

– Жизнь – это вечное повторение, не так ли? – замечает он.

– Как вы нас нашли? – спрашивает Исидор.

– Благодаря мадемуазель Немрод. Вернее, ее мобильному телефону. Удивительно, до чего полезны такие штучки во время слежки. Вы сами привели нас сюда. Потом сигнал пропал. Видимо, вы были вне зоны доступа, – отвечает человек и добавляет: – Как жарко в маске!

Он открывает лицо, и Лукреция узнает Павла Возняка, младшего брата Дария.

Его сообщник следует его примеру. Это телохранитель-питбуль. Павел направляет на них пистолет, а телохранитель – автомат.

– Пока вы были под землей, мы не могли поймать сигнал. Но как только вы поднялись на колокольню, мы немедленно вас обнаружили.

Лукреция смотрит на телохранителя, проявляющего несомненные признаки нервозности.

– Наконец-то… Вот она! – говорит Павел, глядя на стальной чемоданчик. – Наши усилия не пропали даром.

Он хочет вырвать чемоданчик из рук Великого Мастера, но на его пути встает Исидор.

– Он заперт на кодовый замок. Если вы не наберете нужные цифры, содержимое автоматически уничтожится.

– Вы блефуете.

– Что ж, рискните.

Исидор забирает чемоданчик у Беатрис, словно опасный предмет из рук ребенка. Павел Возняк приставляет пистолет к его виску, но, заметив полную невозмутимость последнего, не стреляет.

– Это мое, – говорит он.

– Вы украли это у Тристана Маньяра. Вы считаете, что владелец – тот, кто украл последним? Что ж, вы имеете право на свою точку зрения. Но, в таком случае, владельцами уже стали мы. И код известен только нам.

Исидор крепко держит чемоданчик, не обращая внимания на направленный на него пистолет. Он садится в кресло участника турнира «ПЗС» и говорит небрежным тоном:

– Я представляю себе, как все произошло. Во время стрельбы на маяке вы заметили, что Тристан Маньяр ускользнул в узкий боковой коридор. И вы последовали за ним, не так ли?

Готовый выстрелить Павел Возняк внимательно слушает. Его телохранитель застыл в ожидании приказа. Исидор спокойно продолжает.

– Тристан Маньяр, сам того не желая, привел вас к своему тайному кабинету, и вы успели вбежать внутрь, пока дверь еще не закрылась.

Беатрис напряженно ловит каждое слово.

– Откуда вы знаете? – нервно спрашивает брат Циклопа.

– Я понял это по вашему поведению, – мирно объясняет Исидор. – Итак, вы вошли за Тристаном и начали ему угрожать, но он не уступал. Вы выстрелили ему в живот. Не выдержав боли, он показал вам тайник, вы взяли шкатулку и бросили Тристана умирать.

Лицо Павла Возняка остается бесстрастным.

– Ваше молчание вас выдает. Итак, вы завладели «Шуткой, Которая Убивает» во время нападения на маяк. Вы должны были отдать ее Дарию, но почему-то не отдали. Вы решили оставить «Шутку, Которая Убивает» себе. Видимо, чтобы занять место брата.

«Розовый громила», похожий на питбуля, видя, что стрельбы пока не предвидится, опускает автомат. На пальцах его правой руки татуировка: «СМЕШНО», на фалангах левой: «ГРУСТНО». Ему явно не терпится пустить в ход кулаки и прервать непонятный и скучный разговор.

Агрессия – последний аргумент дурака.

Павел Возняк продолжает держать Исидора на прицеле:

– Дарий никогда меня не уважал. Для него я всегда был «маленьким». Моя мать считала, что у Дария всего в избытке, а мне не хватает даже самого необходимого. Он называл меня «самой младшей картой». Если я в чем-то ошибался, он сразу говорил: «Самая младшая карта опять бита». И громко смеялся.

– А Тадеуш подливал масла в огонь? – добавляет Исидор, пытаясь усилить его нервозность.

– Нет, Тадеуш был не дурак. Он всегда понимал, что Дарий – тиран. Он говорил: «Не надо с ним бороться. Надо его использовать. Пусть он тянет нас наверх». Когда Дарий оскорблял меня, Тадеуш объяснял: «Ему нужен козел отпущения. В любой момент на твоем месте могу оказаться и я».

Продолжая говорить, Павел медленно опускает пистолет.

– Я уже собирался отдать Дарию «Шутку, Которая Убивает», но тут он презрительно посмотрел на меня и сказал: «Павел, где тебя опять носит? Да ты и вправду просто обуза. Без тебя было бы гораздо проще».

– Не очень-то вежливо, – соглашается Исидор.

– И тогда у меня внутри будто что-то оборвалось. Я подумал: «Он недостоин „Шутки, Которая Убивает“».

– Естественно. – Лукреция подыгрывает коллеге. – Сокровище досталось вам и сделало вас самым сильным.

Павел молчит, погрузившись в воспоминания.

– В ночь стычки на маяке мы ужасно устали. Хотелось скорей покончить со всем этим. Дарий принял наркотики, стал нервным и нетерпеливым. Его все раздражало. Мы сели в моторные лодки, чтобы добраться до берега, где он надеялся настигнуть беглецов с сокровищем. Мы всю ночь рыскали среди песков.

Беатрис смертельно бледна. Она задыхается.

– А вы тогда уже знали, что практически сделались правителем империи, империи смеха! – говорит Лукреция. – И вы убили своих братьев, применив «Шутку, Которая Убивает». Грустный клоун – это вы.

Исидор перебивает ее.

– Да что вы, Лукреция! Если бы это было так, он сейчас не угрожал бы нам оружием.

– Он нашел сокровище, он использовал его, а потом потерял, – возражает Лукреция.

Отлично! Будем делать вид, что спорим!

— Нет, он потерял его, не успев пустить в ход!

Павел перебивает их:

– Он прав. Пока остальные прочесывали окрестности Карнака в поисках «Шутки, Которая Убивает», я спрятался в укромном месте, чтобы осмотреть мое приобретение.

Он выдерживает паузу.

– И что?

– Кто-то налетел на меня сзади и оглушил. Когда я пришел в себя, шкатулка пропала.

– Вот видите, Лукреция, – говорит Исидор.

Павел Возняк снова вскидывает пистолет, беря их на мушку. Но тема разговора явно его захватывает.

– Я подумал, что это кто-то из деревни. Через два дня, когда Дарий уехал в Париж, я вернулся в Карнак, надеясь вернуть «Шутку, Которая Убивает».

– И?.. – с нетерпением спрашивает Лукреция, которая не может больше оставаться в неведении.

– Меня встретили какие-то крестьяне, вооруженные охотничьими ружьями, которых возглавлял местный священник. Я предпочел с ними не связываться. Решил, что вернусь с подкреплением.

– Но потом произошел «инцидент в Версале». Лукреция сильна, ничего не скажешь, – говорит Исидор.

– Вы принесли шкатулку с надписью «Не читать!» нашей матери. Мы с Тадеушем глазам не поверили.

– Но сумели скрыть удивление, – признает Лукреция.

– Это все изменило. Тадеуш решил, что вы приведете нас к решению загадки. Он начал собирать о вас информацию.

– Люди из Великой Ложи Смеха уже установили у нее микрофоны под аквариумом. А вы их засунули в горшок с цветами? – спрашивает Исидор с иронией.

– Я следовал за сигналом мобильного. И понимаю, что оказался вдвойне прав. Благодаря вам, Лукреция, я нашел «Шутку, Которая Убивает» и новое прибежище Ложи.

Павел Возняк заламывает Лукреции руку и приставляет пистолет к ее подбородку.

– Хватит тратить время попусту, говорите код!

– Даже не мечтайте, – спокойно отвечает Исидор.

– На счет «три» я выстрелю.

– Я никогда не поддаюсь на ультиматумы и угрозы, – говорит Исидор. – Можете ее убить.

Что ж, по крайней мере, ясно, насколько он меня ценит.

— Раз…

– Это мой принцип. Я считаю, что если уступишь хотя бы раз, то вся жизнь насмарку.

Он жертвует мной ради какого-то расследования!

— Два…

Я его переоценила. Какое разочарование. Он такой же, как остальные.

По-прежнему не глядя на Павла, Исидор встает и заслоняет собой Беатрис. Словно желая ее защитить. Его поведение кажется совершенно естественным.

Как я наивна! Как можно было хоть на секунду допустить, что я что-то значу для него. Он участвовал в расследовании только из-за своего романа. Ему наплевать на меня.

Павел Возняк поднимает пистолет.

– Хорошо. Ваша взяла. Сдаюсь.

Исидор резко открывает чемоданчик, быстро достает синюю шкатулку с буквами «B.Q.T.» и предупреждением «Не читать!», откидывает крышку. Затем показывает содержимое Павлу Возняку и телохранителю-питбулю.

Те жадно впиваются глазами в листок бумаги, на котором написаны три фразы. Полные изумления глаза двигаются слева направо. Маленькие буквы складываются в слова и предложения, которые наполняются смыслом.

Сначала оба стоят как громом пораженные. Потом начинают улыбаться. Потом – смеяться. Смех превращается в хохот.

152

С вершины яблони два яблока смотрят на мир.

– Только посмотри на этих глупых людей! – говорит первое яблоко. Они дерутся, ссорятся, никто никого не слушает. Скоро мы, яблоки, станем управлять Землей.

– Кто это – мы? – спрашивает второе яблоко. – Красные или желтые?

Великая Ложа Смеха.
№ 511 905

153

Хохот становится все громче, раскатистей, начинается икота…

Павел Возняк опускает оружие, телохранитель вытирает слезы. Они согнулись пополам, задыхаются, изнемогают.

Исидор, Лукреция и Великий Мастер, окаменев, смотрят на них.

Павел Возняк и телохранитель-питбуль смеются долго. Они держатся за животы. Смех уже причиняет им боль. Достигнув апогея, хохот постепенно стихает.

В этот момент раздается выстрел, а затем – второй.

Первая пуля попадает в лоб Павлу Возняку. Он падает навзничь. Вторая входит в череп телохранителя, похожего на питбуля. Он успевает закрыть лицо руками, и пуля простреливает пальцы с татуировкой «ГРУСТНО».

Исидор и Лукреция оборачиваются.

Беатрис хватает пистолет, упавший рядом с креслами для турнира «ПЗС». Но оружие выпадает из ее дрожащих рук. Глаза Лукреции, не отрываясь, смотрят на шкатулку с буквами «B.Q.T.». Она валяется на земле, вылетевший из нее листок лежит рядом, исписанной стороной вниз. Исидор медленно наклоняется, берет листок, переворачивает…

НЕТ, ТОЛЬКО НЕ ЭТО! ТОЛЬКО НЕ ОН! ТОЛЬКО НЕ СЕЙЧАС!

Исидор опускает очки на нос и читает три предложения. Он чувствует непреодолимое желание рассмеяться. Он хмыкает, хрюкает и начинает хохотать во все горло. Затем качает головой.

– Ну, вот и все, – говорит он таким тоном, словно совершил прыжок с парашютом.

– И с вами ничего не случилось? – недоверчиво спрашивает Лукреция.

– Я же объяснял вам, Лукреция. Шутка действует только на тех, кто в нее верит. Эти двое, между прочим, умерли не от смеха, а от пули.

Лукреция потрясена. Она не может оторвать глаз от листка, который Исидор держит в руках.

А вдруг он прав. Быть может, он достаточно силен, чтобы противостоять «Шутке, Которая Убивает»… Я должна прочесть ее!

После колебания она делает глубокий вздох, набираясь мужества, берет листок и смотрит на текст, написанный печатными буквами.

Она видит три предложения.

Первое: «Держитесь подальше от этой истории».

Второе: «Иначе в следующий раз вы действительно получите „Шутку, Которая Убивает“».

Третье: «И тогда вы на самом деле умрете от смеха».

– Она не настоящая. Это просто предупреждение, – подтверждает Исидор.

Черт, нас обвели вокруг пальца.

154

Двое идут охотиться на гориллу. Первый говорит:

– Ты оставайся внизу с ружьем и собакой, а я полезу на дерево. Я буду его раскачивать, пока горилла не свалится на землю. Тогда наша специально обученная собака набросится на нее и схватит за яйца. Тогда ты свяжешь обезьяну.

– Хорошо. А зачем нам ружье? – спрашивает второй охотник.

– А вдруг с дерева упаду я! Тогда стреляй в собаку.

Великая Ложа Смеха.
№ 134 347

155

Спустя несколько часов Беатрис подвозит Исидора и Лукрецию с чемоданами к ближайшему вокзалу.

– Уезжайте. Продолжайте расследование и найдите грустного клоуна, – говорит она. – Привезите мне шкатулку с настоящей Шуткой, Которая Убивает. Вас просит об этом Великий Мастер Ложи, к которой вы отныне принадлежите. Это было одним из условий вашей инициации. Выполните свое обещание!

Она произносит это с едва сдерживаемым бешенством. Исидор находится в некотором замешательстве.

– Умирая, Тристан попросил меня передать вам лично несколько слов, – произносит он.

– Каких?

– Перед тем как испустить дух, он прошептал: «Я люблю тебя, Беатрис. Продолжай».

Великий Мастер застывает. По ее щеке медленно катится слеза.

Раздается сигнал к отходу поезда. Автоматические двери закрываются, поезд трогается. За окнами проплывают пейзажи. Коровы щиплют траву, не поднимая головы. Им стало неинтересно наблюдать за поездами с тех пор, как те начали набирать скорость выше двухсот километров в час. Исидор убирает чемоданы и садится в позу «лотоса». Он не закрывает глаза.

– Вы теперь медитируете с открытыми глазами?

– Нет, это кое-что новое. Этой штуке меня недавно научила моя племянница Кассандра. Она называет это «открытием пяти чувств». Ты полностью погружаешься в настоящее, анализируя всю поступающую в мозг информацию при помощи зрения, слуха, осязания, обоняния, вкусовых рецепторов.

– И зачем?

– Чтобы отбросить мысли о прошлом и устремиться в будущее. Жить здесь и сейчас в полную силу.

Лукреции становится любопытно, она садится напротив в ту же позу.

– Ну и что же происходит в вашем мозгу при открытии пяти чувств?

– Зрение. Здесь и сейчас я вижу: вас, Лукреция; купе поезда; пейзаж за окном; очень смутно – кончик своего носа.

Теперь я. Я вижу вас, Исидор. Дверь вагона, которая открывается и закрывается, пропуская пассажиров. Еще я вижу еще вышитые на подголовнике буквы – логотип железнодорожной компании.

Исидор закрывает глаза и продолжает:

– Слух. Я слышу: собственный голос, шум поезда, плач ребенка в соседнем купе, свое дыхание.

Я слышу его голос, перестук колес, свист ветра, бьющего в стекло, поскрипывание сиденья.

Исидор делает паузу.

– Осязание. Я чувствую: прикосновение одежды к коже; упругость сиденья, покачивание поезда.

Я чувствую, как лифчик стесняет мою грудь. Как чешется спина от застежки. Как мне мешает кольцо на большом пальце левой руки.

Исидор делает глубокий вдох.

– Обоняние. Запах ваших духов, запах вашей кожи, запах пищи, которую едят в соседнем купе, нечто вроде запаха озона, видимо из кондиционера.

Запах его туалетной воды. «Хром», наверное. Запах его пота. В общем, приятный. Запах моих волос. Черт, пора помыть голову. Только бы они не начали виться из-за этой влажной погоды.

Исидор цокает языком.

– Вкус. У меня во рту остался вкус зеленого чая, который мы пили десять минут назад.

А у меня – вкус кофе. «Робуста».

— Теперь наши пять чувств обострены. Мы не думаем ни о прошлом, ни о будущем. Только о настоящем во всей его полноте.

Лукреция закрывает глаза и погружается в то, что происходит с ней в это мгновение.

Мне нравится эта минута покоя после перенесенных тревог. Так, не думать о прошлом. Мне нравится эта минута покоя перед разрешением загадки. Теперь я верю, что мы откроем секрет. Так, не думать о будущем. Мне нравится переживаемая минута покоя. Я сижу рядом с Исидором и посвящаю немного времени его ребяческим глупостям.

Она глубоко вздыхает, чувствуя, как легкие наполняются воздухом. Она хочет сосредоточиться на настоящем, но ее мысли уже бегут прочь. Она сама не замечает, как начинает говорить.

– Тристан Маньяр действительно сказал «Я люблю тебя, Беатрис» перед смертью? – спрашивает она.

Исидор отвечает не сразу. Он вытягивает ноги и принимает обычную позу.

– Нет. Но Беатрис нужно было услышать эти слова. Если маленькая ложь может помочь человеку, почему бы и не солгать.

– А что Тристан сказал на самом деле?

– Он пробормотал что-то невнятное. Проблема многих комиков – плохая дикция.

Лукреция неторопливо приглаживает кудри, потом подносит к носу кончики пальцев, чтобы почувствовать запах своих волос.

– Что будем делать?

– Может, прекратим расследование? – предлагает Исидор.

Лукреция так и подскакивает на месте.

Он всегда нарочно выводит меня из себя. Любимый вид спорта. Но в боевых искусствах учат отражать атаки. Не просто защищаться, а использовать силу противника против него самого.

— М-м… почему бы и нет. Это ведь только в романах герои находят убийцу, завладевают сокровищем и под конец бросаются друг к другу в объятия. А в жизни преступник остается безнаказанным, сокровище – ненайденным, а герои спокойно продолжают спать на разных кроватях. Статью я немного приукрашу вымыслом, чтобы читатель поверил, что грядут великие разоблачения. Кстати, в «Современном обозревателе» все так делают.

Поезд проносится мимо маленькой деревушки.

– Да я шучу! Нет, мы дали слово Беатрис. Дело не в Тенардье, а в Великой Ложе Смеха. Мы ее члены, и это налагает на нас определенные обязательства.

– Вы так серьезно все это воспринимаете?

– Напомню вам, что мы едва не погибли. В дуле пистолета у вашего виска была настоящая пуля. Да, я все это воспринимаю совершенно серьезно. Мы найдем Шутку, Которая Убивает.

Он открывает айфон и перечитывает файлы.

– Я не могу вспомнить какую-то деталь относительно грустного клоуна, – бормочет Лукреция. – Я уверена, что мы с ним уже встречались. В его лице есть что-то знакомое, несмотря на красный нос… Что вы предлагаете теперь делать?

– В жизни, как в игре в три камешка, нужно предвидеть ход противника. До сих пор игру вел он. Настала пора перехватить инициативу. Грустный клоун будет теперь отражать наши удары, а не наоборот.

– Да, все это прекрасно, но что конкретно нам предпринять?

За окном мелькают горы, река и другой поезд. Исидор размышляет, перечитывая файлы.

– Итак, что нам о нем известно? Грустный клоун знал Дария, поскольку сказал ему, вручая шкатулку: «Вот то, что ты хотел знать». Они были на «ты».

– Правильно. Что еще?

– Грустный клоун находился в Карнаке во время нападения на маяк и кражи «Шутки, Которая Убивает». Значит, это либо «розовый громила», либо член Великой Ложи Смеха.

– Либо просто житель Карнака.

– Житель Карнака?

– Да. Может быть, священник? – говорит Лукреция. – Отец Легерн.

Пейзаж за окном летит все быстрее, мимо них проносятся атомная электростанция, группа охотников, какой-то замок.

– Но священник не мог напасть на Павла. Он был вместе с членами Великой Ложи Смеха в подземелье.

– Да и в Париже его не было, уж тем более в «Олимпии», – признает Лукреция.

– И фигура у него слишком плотная для грустного клоуна.

Исидор и Лукреция задумываются.

– Рассмотрим версию «розового громилы». Что мы знаем о ночном нападении? – спрашивает Исидор.

– В Карнак приехало шесть человек. Дарий, Тадеуш, Павел. Убийца-питбуль. Этих четверых мы знаем.

– Остается двое. Это точно один из них, – восклицает Исидор.

– И кто?

Исидор перечитывает записи.

– Как вы помните, Беатрис говорила об усатом мужчине и женщине. Женщина, которая отправляется вместе с мужчинами в карательную экспедицию, – это либо профессиональный убийца, либо…

– … очень близкая знакомая одного из членов банды. Вы действительно думаете, что грустный клоун – женщина?

– Почему бы и нет. Грим, парик, большой красный нос – пол определить невозможно.

– Как жаль, что у нас нет очевидца тех событий. Мы заставили бы его пережить сцену заново и…

– Этот очевидец находится внутри нас.

Лукреция не понимает.

– Мы не присутствовали там физически, но это ничего не значит. Наше воображение, интуиция, душа способны подключиться к минуте, записанной во времени и пространстве.

Он окончательно спятил. Склонность к мистике свела его с ума. К тому же его явно сбивает с толку общение с этой странной племянницей, с Кассандрой, которая, по-моему, точно какая-то ненормальная.

Исидор садится в позу «лотоса» и закрывает глаза.

– Представим себе всю картину. Просмотрим в уме пленку, заснявшую тот самый вечер, когда Павел и «розовые громилы» прочесывали берег в поисках беглецов. Сделаем то же самое, что и при «открытии пяти чувств», но вместо настоящего будем вживаться в воображаемое прошлое. Соберем вместе все известные нам детали.

Лукреция хмурится. Ее одолевают сомнения.

– Чтобы выиграть в лотерею, надо купить билет. У нас ничего не получится, если мы хотя бы не попытаемся.

Лукреция тоже садится в позу «лотоса», закрывает глаза и старается представить себе случившееся в Карнаке. Чтобы доказать, что она способна взять инициативу в свои руки, она комментирует вслух:

– Темно. Может быть, моросит мелкий дождик, как часто бывает в Бретани. Шесть фигур бредут, освещая себе путь электрическими фонариками. Холодно.

– Павел идет вместе со всеми. Шкатулка с «Шуткой, Которая Убивает» лежит, наверное, у него в кармане. Он волнуется. Он понимает, что к нему в руки попала вещь, которая может принести много зла и много добра. Он держится настороже.

– Неожиданно возникает грустный клоун. Кто же это?

– Дайте крупный план, как в кино. Кто это?

– Женщина, одетая в розовый костюм. Скорей всего, подружка Дария.

– Энергичная женщина, своя в банде Циклопа.

– Женщина, способная на агрессию.

– Женщина, находящаяся в компании комиков, следовательно, обладающая комическим даром.

– Конечно, раз она может одеться клоуном. Профессиональных комиков-женщин в окружении Дария не так уж и много.

Лукреция распахивает глаза и испускает крик.

– Черт! Вы – гений, Исидор! – вопит она. – Как же я раньше не догадалась!

156

Американец и французский турист стоят у окна на верхнем этаже небоскреба. Американец говорит французу:

– Знаете, в Нью-Йорке есть вещи, о которых знают только местные жители. Например, небоскребы такие высокие, что между ними образуются потоки воздуха такой силы, что могут перенести человека из одного дома в другой.

– Вы что, принимаете меня за идиота? – отвечает турист. – Я в такие глупости не верю.

– Не верите? Видите освещенное окно в небоскребе напротив?

– Да, конечно. Вы что же, хотите сказать, что доберетесь туда по воздуху?

Американец встает на подоконник. Взмахивает руками, прыгает и по идеальной прямой линии долетает до окна в соседнем небоскребе. Оттуда он кричит:

– Вы видите, поток воздуха достаточно силен, чтобы выдержать вес человека. Летите ко мне, я вас жду.

Турист поражен. Он залезает на подоконник, но все еще боится прыгнуть.

Американец кричит:

– Отдайтесь во власть воздуха, он сам понесет вас!

Турист взмахивает руками, прыгает, пролетает двадцать сантиметров вперед, а затем, испуская страшные вопли, камнем падает вниз с высоты сто двадцать метров.

И разбивается в лепешку.

В окне небоскреба рядом с американцем появляется уборщица и говорит:

– Ну и сволочь ты, Супермен! Особенно когда выпьешь.

Великая Ложа Смеха.
№ 556 673

157

Театр «Малыш».

Самый большой зал, на сто двадцать человек, заполнен до отказа.

– Отключите мобильные телефоны, – говорит билетерша. – У нас сегодня телевидение, не должно быть никаких посторонних звуков.

Занавес поднимается, представление начинается. Артистка громко читает первую миниатюру, слышатся аплодисментами. Скетчи следуют один за другим.

Мари-Анж Жиакометти сыплет шутками. Неожиданно она замечает в первом ряду два знакомых лица.

На долю секунды она умолкает. Она узнает Лукрецию и ее друга, лысого здоровяка в очках. Это он в костюме клоуна выступал вместе с Лукрецией на вечере памяти Циклопа.

Мари-Анж вздрагивает, но берет себя в руки, вспомнив о двух камерах, которые снимают ее слева и справа. Она исполняет скетч о консьержке. Скетч о толстухе. Скетч о трудных родах. Зал смеется. Мари-Анж постоянно поглядывает на Лукрецию и ее спутника, которые веселятся, словно самые обычные зрители.

Последний скетч. Сейчас она раскланяется и пойдет в душ. Словно лошадь, приближающаяся к финишу, она ускоряет темп. Но неожиданно происходит нечто невероятное. В самой середине скетча, в тот момент, когда весь зал обращается в слух, Лукреция встает и поднимается на сцену.

Нисколько не смущаясь, самозванка приветствует публику, словно это является частью представления. Удивленные зрители, тем не менее, аплодируют. Они знают, что во время выступлений комиков возможны любые сюрпризы.

Застигнутая врасплох Мари-Анж не знает, как реагировать. А Лукреция неестественно игривым тоном громко произносит:

– Мари, Мари, Мари… Помнишь ли ты наши девические садомазохистские развлечения в приюте?

– Конечно, конечно, моя Лулу.

– Не предаться ли им вновь? Здесь, перед всеми? Что скажешь? Иди же сюда, не бойся, ты ведь мне доверяешь, правда?

Зрители смеются. Не решаясь разочаровать довольную публику, уверенную в том, что на сцене разыгрывается отрепетированный номер, Мари-Анж смешно вытягивает вперед обе руки.

Лукреция достает из кармана веревку. Она связывает запястья Мари-Анж за спиной, усаживает ее на стул и стягивает веревкой ее лодыжки. В зале наступает тишина. Из другого кармана Лукреция достает ножницы и показывает их зрителям. Секундное замешательство, и они начинают смеяться и хлопать. Они ведь заплатили по двадцать евро за билет.

– Все было примерно так… Да, мой обожаемый ангел?

– Да, наверное. Это было давно, так давно… э-э… моя Лулу, – отвечает Мари-Анж, пытаясь скрыть растерянность под наигранной улыбкой.

– М-м… У нас тогда тоже были зрители, хотя и не так много, как сегодня, не правда ли, моя сладкая?

Лукреция аккуратно срезает одну за другой пуговицы с блузки Мари-Анж.

Мари-Анж, невзирая на смятение, продолжает из последних сил безмятежно улыбаться. Она следует принципу Талейрана: «Если ситуация выходит из-под вашего контроля, делайте вид, что все идет по плану».

Лукреция сдергивает с Мари-Анж блузку и захватывает ножницами перемычку между двумя чашечками черного кружевного бюстгальтера.

– Прекрати, Лукреция, – шепчет Мари-Анж. – Это не смешно. Нас снимают.

Лукреция громко отвечает:

– Да, нам было очень жарко в тот вечер, помнишь, Мари, мой плюшевый тигренок?

– Конечно, моя Лулу.

– Каким остроумием ты отличалась уже тогда! Ты мне сказала: «Самое главное в шутке – удивить».

Лукреция одним движением перерезает перемычку бюстгальтера. Теперь Мари-Анж сидит перед публикой с голой грудью.

– Знаете, что она мне сказала? Прекрати, Лукреция, это не смешно! Но ведь вам смешно?

Зал смеется и аплодирует, борясь со смущением.

– Ты видишь, мой ангел, им нравится. Ну, так давай перейдем к гвоздю программы.

Мари-Анж все еще улыбается. Лукреция достает фломастер, рисует на теле Мари-Анж рыбку и пишет: «С первым апреля!»

– Сегодня первое апреля! Разве можно отметить его лучше? Ты согласна, любовь моя? Итак, продолжаем!

Она собирается разрезать ножницами брюки бывшей подруги.

– Перестань, Лукреция! Это прямой эфир! Что ты делаешь?! – в ужасе шепчет Мари-Анж.

– Где же твое чувство юмора? Зрителям нравится! Зал замер, уверяю тебя, не правда ли, дамы и господа? Ну-ка подбодрите артистку!

Публика разражается бурными аплодисментами.

– Ты заплатишь за это! – шипит Мари-Анж.

Ножницы щелкают.

– Чего ты хочешь? – рычит артистка. – Отомстить?

– Для начала. «Ад недостаточно велик, чтобы вместить гнев оскорбленной женщины».

– Ну, хорошо, ты отомстила. Что дальше?

Лукреция начинает разрезать брюки снизу, постепенно поднимаясь к бедру.

– Я хочу «Шутку, Которая Убивает». И я думаю, что она у тебя, – негромко произносит она.

Мари-Анж с неожиданной силой сбрасывает с себя путы и одним прыжком оказывается за кулисами. Исидор и Лукреция не успевают отреагировать, она уже бежит по боковому коридору, ведущему к выходу на улицу. Исидор и Лукреция пускаются в погоню, но Мари-Анж садится на «Харлей-Дэвидсон» и исчезает в ночи.

Лукреция и Исидор преследуют ее на своем мотоцикле с коляской. Они мчатся по Парижу.

На этот раз ты от меня не уйдешь.

Но Мари-Анж мчится на предельной скорости. И тормоза у нее гораздо лучше. На углу бульвара Мари-Анж резко тормозит перед светофором, оставив на асфальте длинный след. Застигнутая врасплох Лукреция реагирует с опозданием и перелетает на другую сторону бульвара в тот самый момент, когда загорается зеленый свет для автомобилей, движущихся по перпендикулярной улице.

Пока Лукреция возвращается назад, мотоцикл Мари-Анж становится крошечной точкой вдали. Лукреция выжимает максимум скорости и летит по относительно пустому в столь поздний час бульвару.

Точка вдали начинает увеличиваться.

Водители, заметив амазонку с обнаженной грудью и развевающимися по ветру волосами, отвлекаются от дороги. Происходит несколько мелких аварий. Это усложняет задачу Лукреции. Даже полицейские не решаются вмешиваться. Все, оторопев, наблюдают, как две девушки на грохочущих мотоциклах мчатся по городу, словно всадницы Апокалипсиса.

158

Адвокат и блондинка сидят на соседних креслах в самолете. Перелет долгий. Адвокат предлагает блондинке сыграть в забавную игру. Блондинка устала и отказывается. Адвокат настаивает. Он говорит, что правила очень простые:

– Я задаю вопрос. Если не знаете ответа, отдаете мне пять евро, и наоборот.

Блондинка опять вежливо отказывается. Адвокат настаивает:

– Если я задам вопрос, на который вы не знаете ответа, дадите мне пять евро. А если вы зададите мне вопрос, на который я не знаю ответа, я дам вам сто.

В блондинке просыпается азарт. Она соглашается. Адвокат начинает:

– Какое расстояние от Земли до Луны?

Блондинка молча достает бумажник и вынимает пять евро.

– Теперь вы, – говорит довольный адвокат.

Блондинка спрашивает:

– Кто на гору поднимается на трех лапах, а спускается на четырех?

Адвокат не знает ответа. Но из-за ста евро он решает его поискать. Он достает ноутбук, роется в записанных на жесткий диск энциклопедиях и в других источниках. Ничего. Через спутник он подключается к Интернету, ищет во всех библиотеках мира, на всевозможных сайтах. Ничего. Он посылает электронные письма друзьям. Никто не знает ответа. Через час он будит блондинку и вручает ей сто евро. Она благодарит и собирается снова заснуть, но слегка уязвленный адвокат спрашивает ее:

– А какой ответ?

Блондинка молча достает бумажник, достает пять евро и отдает адвокату.

Великая Ложа Смеха.
№ 974 432

159

«Гуччи» тормозит, оказавшись в тупике. Еще дымящийся розовый «Харлей-Дэвидсон» валяется на боку. Его хозяйка не успела установить его на подпорку.

Улица пустынна и тиха.

Лукреция и Исидор смотрят на вывески близлежащих магазинов. Одна привлекает их внимание.

«Тещин язык. Шутки и розыгрыши для любого возраста». Дверь в магазин распахнута, кто-то только что вбежал туда.

Исидор и Лукреция заходят внутрь. Электричества нет. Лукреция возвращается к мотоциклу за фонариком. Она медленно обходит магазин, в одной руке у нее фонарик, в другой – револьвер. Исидор спокойно идет следом, словно турист за гидом.

Мари-Анж говорила, что работала продавщицей в магазине розыгрышей…

Неожиданно перед Лукрецией появляется гигантский паук. Вздрогнув, она дотрагивается до него и чувствует под рукой пластик. В пятне света на стене пляшет огромная тень насекомого. Затем Лукреция наступает на пластиковую змею.

Исидора и Лукрецию окружает беспорядочное нагромождение масок, пакетов, вонючих шариков, прыгающего мыла, конфет с перцем, кусающихся чашек с чаем, бутылок с невыливающейся жидкостью, забинтованных пальцев с торчащим гвоздем, клацающих челюстей.

Такое впечатление, что здесь давно никто не убирал. Или кто-то нарочно все разбросал.

Они осторожно продвигаются вперед, луч фонарика выхватывает из тьмы самые странные предметы: сахар с мухами, взрывающиеся сигареты, резиновые какашки.

Исидор наступает на пукающую подушку. Справа в темноте кто-то шевелится. Лукреция быстро освещает источник шума фонариком и видит большого пушистого кота. Он пускается наутек, опрокидывая банки с горчицей, из которых выскакивают смеющиеся чертики.

Кот мчится по лестнице на второй этаж.

Исидор и Лукреция натыкаются на челюсти на лапках, которые стучат зубами, имитируя смех. Освещая себе дорогу фонариком, они поднимаются по лестнице и заходят в комнату, заставленную манекенами и заваленную одеждой. Большие, в человеческий рост, манекены похожи на людей, застывших в причудливых позах. Словно издеваясь над Исидором и Лукрецией, они нацепили кто грустные, кто веселые клоунские маски.

Лукреция делает Исидору знак не шуметь.

Луч света обшаривает комнату. Никого. Лукреция уже решает уйти, как вдруг поворачивает назад и начинает внимательно рассматривать манекены один за другим.

Она касается первой маски, затем второй… Подойдя с клоуну с зелеными волосами, она отчетливо слышит его прерывистое дыхание.

Две женщины катаются по полу, опрокидывая манекены. Они колотят друг друга всем, что попадает под руку. В ход идут надувной молоток, который пищит при каждом ударе, и ручной звонок с электрическими разрядами. Они таскают друг друга за волосы, кусаются.

Исидор достает мобильный телефон и снимает драку на видео.

– Как вам не стыдно, Исидор! – задыхаясь, кричит Лукреция. – Сейчас не время для любительских фильмов! Помогите мне!

Обойдя все этажи, Исидор находит чесалку для спины и начинает щекотать шею Мари-Анж. Та отвлекается, теряет бдительность, и Лукреция одерживает победу.

Исидор и Лукреция привязывают ее к стулу «тещиными языками», гирляндами, ремнями, бечевками. Лукреция с мстительным удовольствием затягивает путы на груди Мари-Анж, на ее бедрах, щиколотках, запястьях.

– Как в старые добрые времена, Мари-Анж!

– Чего ты хочешь?

– «Шутка, Которая Убивает» у тебя?

Мари-Анж мрачнеет. Лукреция вырывает перо из головного убора индейца и начинает щекотать ей щеку.

– Так меня наказывали в Великой Ложе Смеха. Поверь, это невыносимо.

Мари-Анж дрожит. Закусывает губу, чтобы сдержать смех.

– Я боюсь щекотки. Только не это!

Лукреция проводит пером у нее под мышкой. Напряжение растет, Мари-Анж хохочет, просит пощады, но Лукреция продолжает пытку. Она словно разрисовывает кожу бывшей подруги, которая извивается и дергается в тесных путах. Затем Лукреция снимает с нее ботинок и подносит перо к ступне.

– Я все скажу!

– Где «Шутка, Которая Убивает»? – рычит Лукреция, хватая ее за воротник.

В этот момент вмешивается Исидор.

– Уймись, Лукреция. Я чувствую, что мадемуазель Мари-Анж ничего от нас не утаит. Мы не торопимся. Давайте спокойно выслушаем всю историю с самого начала.

– Но…

– Тише, тише, Лукреция. Не путайте спешку и суету.

Исидор достает записную книжку. Наливает стакан воды и дает пленнице попить.

Он хочет поиграть в «злого и доброго следователя». Неглупо.

— Мы действительно не торопимся. Как вы познакомились с Дарием? Он сам увидел вас во время выступления, не так ли?

Мари-Анж переводит дыхание.

– Нет, не во время выступления. Он познакомился со мной во время садомазохистских игр. Он пригласил меня в свой замок рядом с Версалем. Там я опять встретилась со всеми этими людьми из шоу-бизнеса. Когда Дарий пришел, я хлестала плетью его брата Павла. Дарий сказал, что ему нравится мой «стиль».

– Забавно, – замечает Исидор.

– Он предложил мне заняться его другим братом, Тадеушем. Я распяла его на кресте, как святого Андрея, и хорошо потрудилась над ним. Дарий стоял рядом и подбадривал меня. Он так возбудился, что тоже привел какую-то девушку, подвесил ее за руки и начал хлестать ее плеткой рядом со мной.

– Он, что же, был садистом? – недоверчиво спрашивает Лукреция.

– Не знаю, садизм это или нет. Ему было достаточно просто смотреть. Он даже просил телохранителей, чтобы они поработали плеткой вместо него.

– Видимо, и садисты бывают ленивые, – улыбается Исидор.

– И никто не жаловался? – удивляется Лукреция.

– Нет… Это же великий Дарий, Циклоп! Девушки приходили по собственному желанию. Они надеялись получить роль в фильме. Они гордились уже одним знакомством с ним.

– Вечная история, – вздыхает Исидор. – Надо бы их предупреждать на «Курсах Флорана».

– Продолжай, – требовательно говорит Лукреция.

– Потом мы с Дарием пошли наверх и занялись сексом.

– Как два усталых палача… – иронически замечает Лукреция.

Мари-Анж надменно смотрит на нее.

– Как два победителя в мире трусов! Мы оба были хищниками, и сразу узнали друг друга.

– Да, жертв много, а палачей так мало, – сочувствует Исидор.

– Я сказала ему, что мечтаю о карьере комической артистки, и он обещал помочь. Сколько продюсеров обещали мне помощь, просто чтобы затащить меня в постель, и ничего не сделали! Дарий, по крайней мере, сдержал слово. Тадеуш стал моим продюсером, он познакомил меня с несколькими своими друзьями-журналистами, которые посещали вечеринки Циклопа. Те написали обо мне хвалебные статьи.

– Очень мило, – фыркает Исидор.

– Но Дарий не хотел, чтобы я становилась слишком известной. Он боялся потерять власть надо мной. Он ввел меня в группу «розовых громил». Я была единственной девушкой в их банде.

– А еще он тебя трахал.

– Лукреция хотела сказать, что вас связывали близкие отношения.

– Ну… Честно говоря, Дарий отличался некоторыми физиологическими особенностями.

Мари-Анж кажется смущенной.

– Какими?

– Не знаю, имею ли я право говорить об этом. Это… очень интимно.

– Ну, не тебе, с твоим послужным списком, стесняться, – усмехается Лукреция.

– У него была одна сексуальная проблема… Как в известном анекдоте. Такого нарочно не придумаешь.

Исидор погружается в размышления, он берет блокнот и просматривает шутки, которые записывал с тех пор, как начал расследование. Неожиданно он восклицает:

– Анекдот про циклопа! Я догадался, Лукреция. У Дария было только одно яичко.

Мари-Анж кивает.

– Иногда это не вызывает никаких последствий. Но Дарий… не мог нормально заниматься сексом.

– Говорят, Гитлер страдал такой же патологией. Но проверить это так и не удалось, – дополняет Исидор.

– Дарий таким родился. И по чистой случайности после несчастного случая потерял и глаз.

– Так анекдот может изменить всю жизнь человека, – бормочет Лукреция. – Может, от этого он стал таким жестоким по отношению к женщинам… и таким авторитарным по отношению к мужчинам. Он ощущал потребность в компенсации.

– Он ощущал потребность в том, чтобы чувствовать себя уверенно. Я никогда не встречала человека, так сильно ненавидевшего самого себя. Когда мы жили вместе, он просыпался по утрам с диким желанием покончить жизнь самоубийством. Он говорил: «Я – худший из людей, я достоин страшной кары, но никто и не пытается встать на моем пути. Никто не осмеливается!» Однажды, точнее, в тот день, когда его избрали «Самым популярным французом», на него словно озарение нашло. Он сказал: «Мими, избей меня!»

Лукреция и Исидор поражены.

– Он словно искал границы самого себя. Границы боли, границы страданий. Все его обожали, а он себя ненавидел. Он считал, что это противоречие может разрешить только один человек. Я.

– Женщина может возвысить мужчину, – говорит Исидор. – И даже спасти его от него самого.

Куда это его понесло? Теперь он в поэзию ударился. Вот уж не вовремя. Он бесит меня.

— Я сделала ему очень больно, но, как ни странно, именно в тот момент он и поверил в себя. Он бросил всех других любовниц. Я могу с уверенностью сказать, что стала единственной женщиной в его жизни. Я одна знала все его темные стороны. Сомнения оставили его. Он решил заняться политикой, организовать собственную партию. Однажды, когда я била его, ему пришла в голову идея. Он произнес одну-единственную фразу: «Мне нужна „Шутка, Которая Убивает“!» Он объяснил мне, что это такое. Он наконец нашел достойную цель. С того времени он стал одержимым. Он день и ночь говорил только о „Шутке, Которая Убивает“».

– Как до предела избалованный ребенок, – шепчет Лукреция. Она совершенно разочарована в человеке, которым так восхищалась.

– Не судите его строго. Он был способен и на великодушные, благородные порывы. Он мог помочь артисту просто из любви к искусству. И совершенно безвозмездно занимался благотворительностью, скрывая это от журналистов.

– Он воровал чужие скетчи, присваивал анонимные шутки! – возмущается Лукреция.

– Не надо преуменьшать его таланты. Он кое-что делал и помимо этого. Он сам придумывал скетчи и анекдоты, обладал неподражаемым талантом к импровизации. Текст скетча становился солью, сдабривающей кусок мяса. Не путайте блюдо и приправу.

– А ведь она права, – признает Исидор. – Если бы все было так просто, кто-нибудь догадался бы это сделать и до него. В его исполнении любая шутка начинала играть всеми гранями.

– Его скетчи великолепны! Комплекс неполноценности, связанный с его «циклопической» проблемой, делал Дария трогательным. Он чувствовал чужую боль. Он был добрым человеком.

Лукреция чувствует, что ее уверенность поколеблена. Похоже, Исидор готов изменить свое мнение о Дарии. Он знает, что составить справедливое суждение о человеке можно, лишь выслушав всех, кто его знал.

– Расскажите про «Шутку, Которая Убивает». Итак, в тот вечер вы тоже были в Карнаке. Что там произошло?

– Да, я участвовала в нападении на маяк-призрак. Я уверена, что Дарий ожидал более серьезного сопротивления. Клянусь, он думал, что они будут вооружены, вступят в бой, что начнется сражение…

– Любой человек требует от жизни все больше, пока не получит щелчок по носу, который возвращает его к реальности, – философски замечает Исидор.

– Он ни разу не получил щелчка. Била его только я, да и то по его просьбе. Он пытался нащупать границы возможного. Он убивал. Он организовал турнир «ПЗС». Теперь он хотел посмотреть, сумеет ли совершенно безнаказанно уничтожить десятки людей.

– Причем людей, которым он был обязан всем. Эдипов комплекс, желание убить отца, который тебя воспитал, – говорит Исидор.

– Да нет. Это скорее комплекс Эжена Лабиша. Помните, в «Господине Перришоне»? – поправляет его Лукреция тоном отличницы. – Трудно сказать спасибо тому, кто тебя спас. Сколько раз в истории люди вместо благодарности всаживали благодетелю кинжал в спину!

– На острове-призраке начался настоящий кошмар. Они ни о чем не подозревали. Когда Дарий подал знак, я отошла в сторону. Я стояла в углу, у меня было оружие, но я не стреляла. Дарий заметил это и заставил меня прикончить одного из раненых. Он сказал: «Это тебе не плеткой махать, куколка! Вот ты и потеряла девственность, Мими. Ты – соучастница. Теперь ты действительно „розовый громила“». Он принял большую дозу кокаина и был в исступлении. А я спряталась в углу, и меня вырвало.

– Вы не думали о том, чтобы бросить его? – спрашивает Исидор.

– Я полностью оказалась под его влиянием. Он околдовал меня. Ведь он был «самым популярным французом». Человеком, который заставлял смеяться людей всех возрастов и социальных слоев. А я хотела стать знаменитой комической актрисой. Несмотря на то что у нас не было интимных отношений, я безумно его любила… Это невозможно объяснить.

– Очень на тебя похоже, – замечает Лукреция.

– Мы убили многих. Кому-то удалось спастись. Но «Шутку, Которая Убивает» мы так и не нашли. Дарий пришел в ярость. Он все повторял: «Мы не можем вернуться с пустыми руками!» Мы побежали догонять остальных и обнаружили, что добрая сотня ушла по потайной лестнице. Дарий обозвал нас никчемными идиотами. Мы вернулись в Карнак и стали прочесывать окрестности. Дарий думал, что беглецы спрячутся в прибрежных кустах.

Мари-Анж умолкает. Она задыхается.

– Через какое-то время я наткнулась на Павла, брата Дария. Он шел с рюкзаком, с фонариком, в руках держал автомат. Мне показалось, что он как-то странно выглядит, и я спросила, что случилось. Он ответил, что все хорошо, и он уверен, что мы скоро найдем «Шутку, Которая Убивает». Но мы так ничего и не нашли. И вернулись в Париж. Вот и все.

Исидор и Лукреция молча смотрят на пленницу.

– Мне кажется, вы бессовестно лжете, мадемуазель Мари-Анж, – сухо говорит Исидор.

– Но это правда, клянусь!

– Лукреция, вы готовы провести еще один сеанс щекотки?

– На этот раз я предлагаю щекотать ей между пальцами ног.

Лукреция стаскивает с Мари-Анж второй клоунский ботинок, поднимает ее связанные ноги и подносит к ним перо.

– Вы не смеете этого делать!

Лукреция касается пером кожи Мари-Анж, вызывая у своей жертвы нервный смешок.

– Хватит!

Мари-Анж с трудом переводит дыхание.

– Я стала издалека следить за Павлом. И вдруг увидела, как кто-то выскочил из кустов у него за спиной и ударил его палкой по голове. Я выстрелила из автомата. Нападавший исчез. Я подошла к потерявшему сознание Павлу и увидела у него в руках маленькую плоскую шкатулку.

– Значит, это ты завладела «Шуткой, Которая Убивает»!

– Да, но ненадолго.

– Не морочь нам голову.

Лукреция показывает Мари-Анж перо.

– Я не знала, что с ней делать. Я чувствовала, что это бомба, которая может уничтожить своего обладателя. И я ее… отдала.

– Кому?

– Человеку, которого я люблю. Человеку, который знает, что с ней делать.

– Дарию?

– Нет… другому.

– Ты же вроде безумно любила Дария?

Исидор отвечает вместо Мари-Анж:

– Вы что, не слушали ее, Лукреция? Мари-Анж сказала вам, что у Дария была проблема. Она любила его, он официально считался ее любовником, участвовал в ее садистских играх, но для сексуальных отношений ей нужен был другой мужчина…

– Да кто же?

Исидор улыбается.

Начинается! Он опять отвечает вместо других. Он бесит меня.

— Это не один из братьев и не телохранитель-питбуль. Некий «розовый громила» с усами. Кто-то свой, как и Мари-Анж. Кто-то, кто раньше носил усы, но сейчас их не носит. М-м… Я думаю, что знаю, кто это.

Он называет имя, и удивленная Мари-Анж кивает.

– Теперь я вам все сказала. Освободите меня! – умоляет она.

Лукреция подходит к подруге юности, целует ее долгим поцелуем в губы и уходит, бросив:

– С первым апреля, Мари-Анж!

Морис отправляется в кругосветное путешествие. Его корабль тонет. Из всех пассажиров остаются в живых только он и Джулия Робертс, знаменитая американская актриса. Они забираются в спасательную шлюпку и добираются до необитаемого острова. В первый день они строят шалаш, ищут еду, разжигают костер и, обессиленные, засыпают. На второй день они разговаривают, обустраиваются, как могут, придумывают способы связаться с землей. На третий день они уже общаются, как старые друзья, а на четвертый – занимаются сексом. Утром пятого дня Морис с Джулией Робертс сидят у костра и завтракают. Морис, смущаясь, говорит ей:

– Я хочу вас попросить об одной необычной услуге. Вы можете отказаться, если вам это будет неприятно.

– Говорите, Морис.

– Если вам нетрудно, можно я буквально несколько минут, даже несколько секунд, буду называть вас… Альбертом.

Актриса не понимает, зачем ему это нужно.

– Ну, пожалуйста, можно, я буду называть вас Альбертом? Не спрашивайте ни о чем, просто выполните мою просьбу. Вы доставите мне огромное удовольствие.

Актриса несколько удивлена, но, видя неподдельное волнение собеседника, соглашается:

– Хорошо.

И Морис начинает радостно тараторить:

– Алло, Альберт? Это Морис! Альберт, ты в жизни не догадаешься, с кем я переспал! Ты сейчас просто упадешь! Вчера вечером я трахнул саму Джулию Робертс!

Отрывок из скетча Дария Возняка «Вся моя жизнь – кораблекрушение»

161

Комик Феликс Шаттам живет на острове Жатт, в Нейи, в роскошном особняке, где он устроил целый музей клоунской одежды. Кроме того, Исидор и Лукреция видят коллекцию больших кукол с разнообразным гримом: белый клоун, клоун Август, английский, американский, французский, итальянский, испанский, африканский, индонезийский и даже корейский клоуны.

– Боюсь, вы не понимаете, что сейчас поставлено на карту. Война за «Шутку, Которая убивает», – это не просто последнее сражение разных типов юмора. Это… последнее сражение за разум!

Феликс Шаттам подходит к клоуну с гипертрофированно развитыми мускулами.

– Когда-то, на заре человечества, власть принадлежала тому, кому отлично развитая мускулатура помогала крепче держать дубинку. Эта власть держалась на страхе получить удар.

Затем юморист приближается к клоуну, похожему на огородное пугало.

– Позже власть перешла к тем, кто владел сельскохозяйственными угодьями. Она держалась на страхе перед голодом.

Феликс указывает на куклу, наряженную священником.

– Далее власть перехватили те, кто руководил церковью, заставлявшей верующих повиноваться. Эта власть держалась на страхе отправиться в ад.

Он отправляется дальше, к клоуну-жандарму.

– Потом властью завладели те, кто управлял администрацией, занимавшейся всеми областями социальной деятельности. Их власть опиралась на страх перед полицией, судом и тюрьмой.

Феликс останавливается рядом с клоуном в одежде горожанина.

– Затем власть перекочевала к тем, кто контролировал производство вещей, призванных сделать нас счастливыми. Их господство зиждилось на удовольствии, которое человек получает, водя машину или коллекционируя разные ненужные предметы, расхваленные рекламой.

Комик идет вперед и показывает на клоуна-капиталиста с большим животом и сигарой во рту.

– Наконец власть досталась тем, кто руководил средствами массовой информации. Человеку было достаточно появиться на маленьком экране, чтобы получать все возможные, притом не облагаемые налогами, подарки и привилегии. Тот, кого показывали по телевизору, входил в вашу семью и напрямую влиял на вашу жизнь. Эта власть держалась на наслаждении от обладания информацией.

Феликс добирается до куклы в розовом костюме и в маске. Она удивительно напоминает Дария Возняка.

– Теперь власть принадлежит тем, кто умеет развлекать толпу. Это каста представителей средств массовой информации, верхний эшелон власти. Их могущество основано на том, что они могут заставить человека забыть о несчастьях или хотя бы облегчить его страдания. Оно зиждется на умении развлечь тех, кто пресыщен и утомлен однообразием жизни. В наше время все одержимы страхом перед скукой. Мне кажется, что теперь властью над людьми обладает тот, кто может их рассмешить. И у него нет соперников.

– Но это же просто… шуты, – возражает Лукреция.

– Конечно, поэтому их и недооценивают, и от этого их могущество только растет. Они или, вернее, мы стали настоящими властителями дум. Всего общества.

Третья сила. Эрос, Танатос… Гелос.

— В отличие от власти политиков и средств массовой информации, эту власть никто не подвергает сомнению. Комики стоят над законом. Они стоят надо всем. Вот пример этой неофициальной, но реальной власти. Замечали ли вы, что политики, экономисты и даже ученые всегда начинают выступление с шутки? Чтобы расположить к себе аудиторию. Без юмора они слишком… пресны.

– Мы как раз недавно об этом говорили. Юмор – это соль. Он обостряет вкус. Соль стала пищевой добавкой. Несмотря на вред, который она наносит здоровью, – замечает Исидор.

Феликс вздыхает.

– Юмор позволяет настроить аудиторию на нужный лад. Рональд Рейган стал первым президентом-актером. Вы, может быть, слышали, что в Исландии мэром

Рейкьявика избрали Йона Гнарра, самого известного в стране комика. Вы увидите, что скоро в каком-нибудь большом влиятельном государстве президентом станет юморист.

– Клоун в Елисейском дворце или в Белом доме? – удивляется Лукреция.

Исидор опять отвечает вместо того, кому задали вопрос.

– Колюш пошел на выборы в 1981 году и получил восемнадцать процентов голосов в первом туре. Это встревожило Миттерана. Через неделю после объявления результатов убили Рене Горлена, режиссера с которым работал Колюш. И Колюш снял свою кандидатуру.

– Не спешите с выводами. Вы уверены, что эти события связаны между собой?

Феликс тонко улыбается.

– Почему проиграл Колюш? Потому что был одиноким ремесленником. Дарий очень внимательно изучил историю его жизни. Я знаю это, я вместе с ним читал документы. Он все проанализировал и сделал соответствующие выводы.

Феликс приглашает Исидора и Лукрецию пройти в гостиную.

– Рассмотрим положение в мире. Раньше юмором занимались независимые одинокие художники. Люди слабые и лишенные амбиций. Как только мы поняли, каких больших экономических и политических целей можно достичь при помощи смеха, мы отняли сокровище у людей, которые не умеют им правильно распоряжаться.

– У Себастьяна Доллена, например.

– Себастьян Доллен был безусловно очень талантливым автором, но, к сожалению, слишком добрым человеком. Он играл по правилам, а правила заключаются именно в том, что надо жульничать. Такие люди, как он, вредны: они разлагают партию.

– Вы убили его!

– Он пришел на «ПЗС», чтобы стать миллионером. Он мог выиграть. Он рискнул и проиграл.

Исидор призывает присутствующих не удаляться от темы разговора.

– На наших глазах произошло слияние крупных групп, – продолжает Феликс. – Что бы вы ни говорили о Дарии, он и здесь оказался провидцем. Он предвидел, что ремесленный юмор уступит дорогу индустриальному.

– Он вложил большие деньги в создание «Циклоп Продакшн».

– Огромные. Повторяю, он был провидцем. Он понял: чтобы ракета взлетела, в бак надо залить много горючего.

А горючее Дария – это не деньги, а энергия Гелоса, придающая деньгам форму и смысл. Словно нефть, сама создающая себе трубу для продвижения вперед! Фантастика!

— Он нанял сотни авторов, которые придумывают шутки, режиссеров, которые ставят номера, выпускников знаменитых экономических университетов, которые занимаются маркетингом, связями с общественностью, распространением скетчей, шуток, фильмов, телепередач по всему миру. При нем юмористическая фирма впервые появилась на бирже, он ввел ее в закрытый круг биржевого индекса CAC 40.

– Канадец Ги Лалиберте придумал «Цирк дю Солей» и превратил цирк в индустрию с котировками на бирже, – замечает Исидор.

– А другой житель Квебека, Жильбер Розон, создал международный фестиваль «Просто для смеха», – вставляет Лукреция.

– Но Дарий пошел дальше всех. Он нашел правильную стратегию, увенчавшуюся победой в мировой битве за смех.

– По примеру своего знаменитого предшественника и тезки персидского царя Дария, он хотел создать империю и уничтожить всех конкурентов, – говорит Исидор.

– В его лице искусство юмора приобрело харизматичного и амбициозного лидера. Он собрал все самое лучшее и обеспечил себе успех.

– Убив и обворовав других комиков? – насмешливо спрашивает Лукреция.

– Да, он оставил за собой много трупов. Но кто помнит о сотнях тысяч погибших рабочих, построивших Великую Китайскую стену или Версальский дворец? Каждый шедевр стоит на кладбище. Это нормальная цена… за счастье большинства.

– Продолжайте.

– Дарий был требователен, придирчив, суров. Никто раньше не поднимал искусство смеха на такую высоту.

Лукреция кивает и задает вопрос, который мучает ее с самого начала разговора:

– Теперь вы замещаете императора. Дария убили вы, не так ли?

– Дарий – мой учитель. Я всем обязан ему. Он воспитал меня, сделал мою карьеру. Я работал в его школе, а затем в театре, начал принимать участие в телепередачах.

– И вошли в круг приближенных, в состав «розовых громил», – с издевкой добавляет Лукреция.

Феликс делает вид, что не слышит ее слов.

– Я вышел на сцену, стал знаменитым. Он был моим отцом, а я – наследным принцем. Мы жили одной жизнью, я был его правой рукой. Семья Возняк приняла меня как родного.

– Братья Возняк мертвы. Будущее необъятной империи Дария стало неясным из-за отсутствия лидера. Теперь взвалить на себя эти не только тяжкие, но и сладостные обязанности можете только вы. Мать Дария уже предложила вам встать во главе холдинга? – спрашивает Исидор.

Лобовая атака заставляет Феликса Шаттама удивленно поднять брови.

– Действительно сегодня утром она попросила меня стать руководителем «Циклоп Продакшн», поскольку все ее дети умерли. Скоро она назначит общее собрание акционеров, чтобы объявить об этом официально.

– К тому же теперь у вас есть могущество обладателя «Шутки, Которая Убивает».

Феликс не отвечает.

– Мари-Анж во всем призналась, – продолжает Лукреция. – Вы завладели «Шуткой, Которая Убивает». Вы ведь с ней любовники, не так ли?

Он закуривает, тянет время. Лукреции тоже хочется закурить.

Черт, я даже и не заметила, как забыла о своей вредной привычке!

Феликс глубоко вздыхает и говорит:

– Мы, комики, нуждаемся в сексе больше, чем обычные люди. Может быть, оттого, что мы более чувствительны. Кроме того, смех – это мощнейший возбудитель половой энергии. Знаете поговорку: «Рассмеши женщину, и она уже наполовину твоя».

– «Шутка, Которая Убивает» у вас? Перестаньте увиливать и отвечайте, черт побери!

Лукреция ударяет по столу ладонью. Феликс Шаттам, не торопясь, встает, подходит к книжному шкафу и делает вид, что рассматривает корешки книг, посвященных юмору. Затем, не оборачиваясь, говорит:

– Все случилось в тот вечер, когда мы отправились на маяк-призрак. Мы напали на них. Они бросились бежать. Мы их преследовали. Павел нашел сокровище. Я это заметил и пошел за ним.

– Так это вы его оглушили? – спрашивает Лукреция.

– Нет, когда я подошел, он уже лежал без сознания.

– Вы невнимательно слушаете, Лукреция. Мари-Анж сказала, что видела, как кто-то ударил Павла. Мари-Анж и Феликс договорились, и он взял себе «Шутку, Которая Убивает».

Лукреция снова чувствует раздражение из-за того, что Исидор отвечает вместо другого человека. Она не выпускает инициативу из рук.

– То есть вы – последний, кто держал в руках «Шутку, Которая Убивает».

– Да. Но я знал, что умру, если прочитаю ее.

– Вы верите в эти сказки? – удивляется Исидор.

– И вы положили ее в шкатулку и отослали Дарию? – спрашивает Лукреция.

– Я уже понял, какую ответственность накладывает на меня обладание этой вещью.

– И что вы с ней сделали? Да говорите же наконец! Где «Шутка, Которая Убивает»?

– Дайте ему ответить, Лукреция. Если вы все время будете перебивать, то это будет тянуться бесконечно.

– И это вы мне говорите, Исидор? Да вы сами никому не даете ни слова сказать, пытаясь доказать, что вам все известно!

– Перестаньте спорить… Игра окончена, я открою вам карты.

Лукрецию охватывает нетерпение.

– Что произошло после того, как вы завладели «Шуткой, Которая Убивает»?

Исидор смотрит на Феликса и говорит:

– Я скажу вам, Лукреция, что произошло. Феликс был благодарен Циклопу, и в то же время терпеть не мог своего благодетеля. Он был влюблен в Мари-Анж, и бесился, оттого что его невеста спит с его учителем.

Феликс застывает. А Исидор рассказывает дальше.

– Дарий становился невыносимым для окружающих. Припадки беспричинной ярости учащались, зависимость от сильнодействующих наркотиков возрастала. Он уже не годился на роль руководителя предприятия, тем более на роль главы империи.

– Переодевшись клоуном из вашей коллекции, вы отдали ему «Шутку, Которая Убивает», – продолжает Лукреция. – Ну, вот и все. Загадка решена. Убийца – Феликс. Остается отдать его полиции и написать статью.

Исидор удерживает Лукрецию, которая достала телефон.

– Нет.

– Что – нет?

– Он не принял бы нас, если бы был виновен. Не так ли, Феликс?

Комик кивает головой и затягивается. Он предлагает сигарету Лукреции, которая отказывается, несмотря на то что пребывает в крайнем раздражении.

Не хватает только, чтобы я опять закурила из-за этого дурака.

— Я закончил экономический факультет. Я – управленец, здравомыслящий человек. Я спрятал «Шутку, Которая Убивает» в надежное место. Мне требовалось время, чтобы поразмыслить.

– И куда же вы ее спрятали?

– В сейф последнего поколения. Он находится в Театре Дария, в голове двухметровой статуи Циклопа. Там есть такое изваяние, которое сидит по-турецки и курит сигару.

Копия статуи Граучо Маркса. Даже это он скопировал.

— Как правая рука Дария и его доверенное лицо, я знаю код сейфа. Туда я и положил шкатулку.

– Умно. Если бы Дарий ее нашел, вы могли бы сказать, что собирались ее ему отдать.

– Вы хотите сказать, что Дарий искал «Шутку, Которая Убивает», а она лежала в его собственной статуе? В ее голове? – удивляется Лукреция.

– Я завернул шкатулку в газетную бумагу. В сейфе лежало много разных предметов, тоже завернутых в газетную бумагу. Шкатулка не привлекала к себе внимания.

– Дарий понимал, как трудно найти «Шутку», – дополняет Исидор. – Поэтому, беря из сейфа деньги или наркотики, он, конечно, не мог и предположить, что «Шутка» у него под носом.

Феликс не реагирует на комплимент.

– Но кто-то забрал ее прямо из этого сейфа.

– Кто? – тут же спрашивает Лукреция.

– Я не знаю, кто, но знаю, когда. Ровно за четыре дня до смерти Дария. Точнее, во время турнира «ПЗС». Все следили за поединком, и кабинет Дария остался без присмотра.

Они все водят нас за нос. Мне кажется, что я бегу по замкнутому кругу. А ведь мы никогда еще не подходили так близко к цели, я в этом уверена. В моем расследовании этот тип появился третьим. Если бы я задала ему тогда правильные вопросы, мы бы избежали многих неприятностей. Вот будет потеха, если «Шутка, Которая Убивает» окажется у пожарного – у самого первого моего подозреваемого. Тогда я сначала задушу его, а потом умру от смеха. И так докажу всем, что «Шутка, Которая Убивает» действительно убивает.

Исидор вопросительно смотрит на Лукрецию.

Он думает о том же, о чем и я. Если мы и дальше будем работать вместе, скоро мы начнем общаться телепатически. Сейчас он меня спрашивает: «Ну, и что вы обо всем этом думаете, моя дорогая Лукреция?»

Отвечу ему взглядом.

«Я считаю, дорогой Исидор, что сейчас было бы очень неплохо заехать ему в рожу и заставить сказать, что он сделал с этой проклятой шкатулкой, в которой лежит кусок бумаги».

Исидор приподнимает правую бровь.

Он говорит: «Насилие – последний аргумент дурака».

Исидор морщится, и Лукреция понимает это так:

«Вряд ли ему еще что-то известно. Мне кажется, он искренен».

Лукреция смотрит на свой кулак.

«В любом случае, даже если он и не врет, мне этот тип не нравится, и я с удовольствием дам ему в морду, просто чтобы снять стресс. Честно говоря, я испытываю невыносимый сексуальный голод, и мне надо как-то выплеснуть энергию».

Исидор выражает неодобрение, приподняв на этот раз и левую бровь. Исидор и Лукреция встают и собираются уходить.

– Вы разгадали мою загадку? – спрашивает Феликс, провожая их к двери.

– Напомните ее, пожалуйста.

– Человек ищет сокровище и оказывается на распутье. Одна дорога ведет к сокровищу, а другая – к дракону, то есть к смерти. У начала каждой дороги стоит рыцарь. Они могут помочь человеку, но правду говорит только один из них, второй всегда лжет. Человек может задать только один вопрос. Которого из рыцарей и о чем он должен спросить?

– Конечно, я ее разгадала, – говорит Лукреция. – Человеку нужно сказать: «Попроси другого рыцаря показать мне дорогу к смерти». В любом случае, он узнает дорогу к сокровищу.

– Неплохо, – отвечает Феликс. – Почему же вы не позвонили мне?

Лукреция улыбается.

– Честно говоря, я разгадала ее только сейчас, когда услышала, как вы лжете.

162

Директор «Банка Франции» с удивлением замечает, что одна старая дама постоянно кладет на свой счет крупные суммы. Однажды он не выдерживает и спрашивает:

– Не могу удержаться от вопроса: откуда вы берете деньги? Как вы зарабатываете?

– Очень просто. Я выигрываю пари.

– Пари? И они приносят вам такой доход? Что же это за пари?

– Ну, например… Держу пари на десять тысяч евро, что у вас квадратные яйца.

– Вы шутите?

– Вовсе нет. Если вы согласны, я приду завтра с адвокатом, и мы вместе проверим, права ли я.

Директор размышляет и приходит к выводу, что может легко заработать большие деньги.

– Отлично, я согласен. До завтра.

На следующий день старая дама приходит с адвокатом. Она входит в кабинет, расстегивает директору штаны, берет в руки его член и рассматривает в лупу его яйца.

– Делать нечего, сударь. Я проиграла. Завтра принесу десять тысяч евро.

Директору стыдно брать у старушки такую сумму, он говорит:

– Мне даже как-то неудобно, сударыня. Давайте забудем об этом нелепом пари.

– Не переживайте за меня, сударь. Я поспорила со своим адвокатом на сто тысяч евро, что войду в кабинет директора «Банка Франции», расстегну ему ширинку и возьму в руки его член. А он не только не будет протестовать, но и придет в полный восторг.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Вся моя жизнь – кораблекрушение»

163

Кладбище Монмартра. Исидор и Лукреция идут среди могил.

– Знаете, что я думаю, Лукреция? Мы зайдем в тупик и ничего не найдем. Ни убийцу, ни «Шутку, Которая Убивает». В своем романе я опишу расследование, которое заканчивается неудачей двух журналистов.

– Это будет обидно. И нам, и читателям. Но, поскольку такого никогда еще не бывало, получится… современно.

Они идут молча. Небо темнеет.

– Я шучу, Лукреция. Я не опущу руки. Это не в моем стиле.

– У вас есть план «Б»?

Собираются тучи. Ветер шумит в деревьях.

– Знаете, как я поступал в молодости? Если я не мог решить уравнение, то пытался зайти с другого конца.

– А как можно подойти с другого конца к нашему расследованию?

Они медленно идут по участку, где похоронены аристократы. Вокруг них, каркая, летают черные вороны.

– Я считаю, что Феликс не врет. Он сказал правду, но мы оказались в дураках. С самого начала мы ищем «Шутку, Которая Убивает». Мы нашли последний тайник, в котором она находилась, но это нас не продвинуло вперед. След оборвался. Мы должны отказаться от метода, который привел нас в тупик. Нужно зайти с другой стороны. Не надо смотреть на дело не глазами жертвы, не надо искать орудие преступления. Встанем на место убийцы.

Лукреция подходит к крошечной могиле Левиафана и кладет на нее маргаритку.

– Дорогая Лукреция, я задам вам вопрос, который мы с самого начала забыли себе задать. Почему грустный клоун грустен?

Исидор останавливается перед склепом, на котором написаны имена двадцати членов одной семьи.

– Я не понимаю вас.

– Когда мы поймем мотивы его поступков, мы поймем, как устроить ему ловушку. Мышеловку, заряженную сыром.

– То есть мы уже не спрашиваем «почему мы смеемся?». Нас теперь интересует «почему мы грустим?», так?

Невдалеке какая-то женщина утирает слезы, стоя рядом с могилой.

– Поняв, отчего мы смеемся, мы поймем, отчего плачем.

Они идут по аллее мимо надгробных памятников.

– Я здесь родилась, – говорит Лукреция. – Вот почему мне грустно. Вот почему у меня особое отношение к смерти. Вот почему я всегда хотела, чтобы живые приняли меня в свой круг. Вот почему я люблю возвращаться сюда, на место, где я совершила свое первое преступление: родилась. На место, где меня впервые наказали: бросили.

Исидор понимающе кивает.

– А что заставляет грустить вас, Исидор?

– Система с большой буквы. Я – анархист. Я не выношу иерархии, даже в среде анархистов. Ни Бога, ни хозяина! Ни профсоюзов, ни партий, ни группировок! Я всегда боролся с маленькими начальниками и никогда не принимал отношений «палач – жертва». А ведь всегда и везде возникают царьки и придворные, которые им поклоняются.

– Короче говоря, вы отказываетесь играть в социальные игры…

– Да. Я отрицаю их, и они, естественно, отрицают меня.

Он не только мизантроп. Он еще и параноик.

— Рабы и тираны объединились, чтобы высказать мне свое недовольство. Другими словами, сам ход развития человеческого общества – постоянный источник чувства разочарования. Я ежедневно занимаюсь мазохизмом, слушая новости по телевизору. И не могу от этого отказаться.

– И это вы называете «апофеозом затворничества»?

– Я чувствую себя одиноким борцом с системой, порочности которой никто не замечает. Во мне кипит ярость, которую ничто не может погасить.

Кажется, я нашла ключ к пониманию этого человека. Он еще сложнее, чем я думала. В любом случае, он таков потому, что его терзает какая-то давняя, глубокая боль.

Он бесил многих еще до меня.

И только и делал, что наживал себе врагов.

Потому, что он не такой, как все. И он не делает никаких усилий, чтобы произвести на кого-нибудь хорошее впечатление или включиться в жизнь общества.

Как-то он сказал мне: «Я не знаю, как стать счастливым, зато знаю, как стать несчастным – для этого нужно стараться всем угодить».

Уж он-то точно не старается.

Исидору и Лукреции нравится это место вдали от мирской суеты.

– Исидор, мы все прячем в сердце страдания, перенесенные в детстве. Почему?

– Потому что дети всегда страдают. Это закон нашего общества. Уверения о защите вдов и сирот лживы. Во всем мире вдовы прозябают в нищете, а сироты попадают в лапы сутенеров.

Лукреция горько усмехается.

– При этом на нашу долю выпали лишь небольшие неприятности. А другим приходится пережить и насилие, и жестокое обращение, и недоедание, они попадают в секты фанатиков, женятся и выходят замуж не по своей воле… Их действительно уничтожают с самого начала, и часто это делают их собственные родители. И они никогда уже не смогут начать новую жизнь.

– Человек все-таки какое-то бесовское отродье…

– Молодой биологический вид, бесконечно воспроизводящий систему насилия, унаследованную от поколений предков. И так может продолжаться вечно. Насилие – единственная известная нам форма устройства общества. Остальные свойства нашего сердца нам чужды. Какие видеоигры наиболее популярны? Те, где можно убивать и мучить других. Битва, война будит в нас нечто издревле знакомое. Братство – это новое

понятие, не находящее никакого отклика в наших клетках. Все наше естество ему противится. Этому надо учиться.

Лукреция останавливается у памятника. С фотографии на нее смотрит человек, страшно довольный собой, своей шляпой и сигаретой.

Он, видимо, прав. Нам знакомо только насилие. На смирение и любовь способны люди творческие, обладающие воображением. Почему нас не воспитывают в духе этих ценностей?

— Однажды в школе меня избили старшеклассники. Когда я рассказал об этом учителю, тот заметил: «А что тебя удивляет? Ты до сих пор не понял, что жизнь – это джунгли? Тебе никто не собирается помогать. Сильные и агрессивные уничтожают слабых и беспомощных. Можешь пожаловаться Дарвину. И сказать спасибо тем, кто тебя побил, потому что они подготовили тебя к взрослой жизни».

Лукреция пинает камешек. Тот отлетает прочь.

– Мы воспитаны в духе соревнования. Мы знаем, что для выживания нужно уничтожить остальных.

– Я тоже так думаю. Едва выйдя из чрева матери, мы начинаем испытывать стресс. И, что бы там ни говорили, подавляющее большинство родителей не умеет любить детей. Их этому не научили.

Потому что их самих не любили.

— А как научиться испытывать чувство, которое тебе совершенно не знакомо?

Они подходят к могиле Дария.

– А он?

– И с ним та же история. Нелюбимый ребенок, который никого не любил. Он нашел свой способ выжить: заставил остальных смеяться.

– Выжить? – спрашивает Лукреция.

– Да, биологические виды мутируют, чтобы адаптироваться к окружающей среде или защититься от хищников. Его мутация заключалась в развитии данного ему таланта. Он вложил в это все силы. А поскольку одной из проблем развития нашего общества является психологическая защита, то его немедленно признали героем.

– Но ведь внутри он ощущал полнейший дискомфорт. Он просто нашел быстрый способ адаптации, – говорит Лукреция.

– В нем всегда жил плачущий ребенок. Он ощущал постоянную неуверенность в себе. Смех – это способ компенсировать недостаток любви.

Исидор и Лукреция перечитывают надпись на могильном камне:

«Лучше бы тут лежали вы».

Лукреция поправляет один из множества букетов, возложенных на могилу комика. Тут же лежат подарки поклонников: игрушки, записки, майки, рисунки.

– Приходится признать, что у него были некоторые достоинства, – говорит Исидор. – Чтобы достичь того, чего он достиг, нужно обладать смелостью и упорством.

– Мне кажется, под конец он уже всем пресытился: деньгами, властью, женщинами, наркотиками, лестью толпы, поддержкой политиков. Он мог позволить себе даже роскошь безнаказанно убивать.

– Он хотел завладеть «Шуткой, Которая Убивает» именно потому, что это чрезвычайно трудно. Вот почему он потратил на это столько сил.

Они идут дальше по аллеям кладбища.

– Видимо, Дарий причинил зло грустному клоуну, и тот отомстил.

– Но вот вопрос – что именно сделал Дарий грустному клоуну? Кто скрывается под этой маской?

– Он многим причинил зло. Список большой.

– Мы знаем, что Себастьяна Доллена он обворовал, выставил на посмешище и разорил. Стефана Крауца лишил законных прав. Убил многих членов Великой Ложи Смеха и их Великого Мастера. Он убил возлюбленного Беатрис, унижал брата Павла, держал в тени брата Тадеуша. Кто еще мог затаить на него зло?

– Комики, которых он ограбил, родственники юмористов, погибших на турнирах «ПЗС»…

– Мафиози, потерявшие деньги на пари, политики, которым он давал пустые обещания.

– Феликс Шаттам. Дарий спал с его возлюбленной Мари-Анж. Феликс хотел стать лучшим и возглавить холдинг.

– Феликс не может быть грустным клоуном.

Они останавливаются у могилы другого знаменитого юмориста, умершего на несколько лет раньше Дария.

– Знаете, Лукреция, а я вам солгал.

– Как именно?

В чем он хочет признаться? Он женат?

— Я вам сказал, что знаю мир комиков, и что он ужасен. Я просто хотел заинтересовать вас. На самом деле я знал разных юмористов – и нервных, и вспыльчивых, и агрессивных, и страдающих манией величия. Однако таких ничтожное меньшинство. А большинство из них – прекрасные люди.

Вот это новости!

— Я знал комиков, излучающих радость перед публикой и скрывающих грусть в своей душе. Я знал комиков, искрящихся весельем и на сцене, и в жизни. Последних гораздо больше.

Чем дальше, тем удивительнее!

— Сами по себе они чудесные люди, прогнила система, смешавшая в кучу профессию юмориста, деньги, славу и средства массовой информации. Каждый молодой комик, начинающий карьеру, просто получает удовольствие оттого, что смешит людей.

Как все, кто умер на моих глазах на турнире «ПЗС».

Ветер треплет листву на деревьях. Небо покрывается тяжелыми тучами.

– Грустный клоун давно уже не смеется… – шепчет Исидор, закрыв глаза. – Из-за Дария. Он убил его, чтобы суметь засмеяться.

– Исидор, вы что, впали в транс?

– Грустный клоун убил Дария и Тадеуша. Месть свершилась.

Небо раскалывается от вспышки. Исидор вдруг открывает глаза.

– Нет, задуманное им не завершено. Грустный клоун нанесет еще один удар.

– Опять ваша женская интуиция?

– Нет. Нечто гораздо более определенное, – говорит он и указывает куда-то рукой.

164

Через три недели после свадьбы молодая жена звонит священнику, который совершил обряд венчания:

– Отец мой, мы с мужем ужасно поссорились.

– Успокойтесь, дитя мое, – отвечает священник. – Не надо принимать все так близко к сердцу. В каждой семье случаются ссоры. Все не так страшно.

– Вы утешили меня, отец мой, – говорит жена. – Тогда скажите: что делать с трупом?

Отрывок из скетча Дария Возняка «Семейные проблемы»

165

Она смотрит телевизор и вяжет свитер из розовой шерсти.

Мерное поскрипывание кресла-качалки убаюкивает ее.

Она сидит спиной к двери и не видит, что в комнату кто-то вошел.

Она вяжет все медленнее.

Незнакомец идет вперед и становится перед ней.

Это грустный клоун.

У него огромный красный нос, опущенные уголки губ, на левой щеке нарисована слеза.

– Вот то, что вы всегда хотели знать, – произносит он, и рукой в белой перчатке протягивает ей шкатулку с буквами «B.Q.T.» и надписью «Не читать!».

Кресло-качалка останавливается. Спицы перестают мелькать. Она трет глаза, берет шкатулку, кладет себе на колени. Руки нащупывают в корзинке очки и достают… револьвер.

– Ни с места!

Глаза грустного клоуна расширяются от удивления, но он быстро спохватывается и опрокидывает кресло-качалку вместе с сидящим в ней человеком. Седой парик слетает у Лукреции с головы. Клоун видит, что она загримирована под Анну Магдалену Возняк, мать Дария.

Оглушенная Лукреция шарит вокруг, пытаясь нащупать свое оружие. Грустный клоун отпрыгивает в сторону, поднимает с земли бесценную шкатулку и прячет в карман.

– Исидор! Задержите его! – кричит Лукреция, запутавшись в длинном платье.

Массивная фигура Исидора преграждает дорогу грустному клоуну.

Тот понимает, что не сможет проскочить мимо высокого широкоплечего журналиста, и избирает странную тактику: бежит прямо на Исидора и позволяет ему схватить себя.

Исидор задерживает противника и прижимает к себе. Но руки у клоуна остались свободными. Он яростно щекочет Исидора, и тот невольно выпускает его. Не успевает Исидор перевести дыхание, как клоун нажимает на резиновую грушу, и из маргаритки,

прикрепленной к его воротнику, вылетает струя воды, смешанной с лимонным соком. Исидор ничего не видит. Испуская проклятия, он прижимает ладони к глазам. Путь свободен. Грустный клоун стремительно выбегает на улицу, бросается за руль крошечного «смарта» и уезжает.

Исидор и Лукреция прыгают в свой мотоцикл с коляской. Лукреция нажимает газ, и пускается в погоню. Лукреция, кипя от ярости, кричит:

– Почему вы не остановили его, Исидор? Он же был у вас в руках!

– Он стал меня щекотать. Я этого не выношу. Я теряю контроль над собой.

– Я же положила вам в карман оружие! Вы могли выстрелить ему в ноги, а там бы и я подоспела!

– Разве можно использовать револьвер со свинцовыми пулями против маргаритки со струей лимонной воды?

«Смарт» проносится через перекресток на красный свет и исчезает на горизонте. Поток машин преграждает путь. Лукреция едва успевает затормозить.

– Браво, Исидор. По вашей милости мы его упустили. Ваша «ловушка для грустного клоуна» не помогла.

– Спокойно, спокойно… Как быстро вы впадаете в отчаяние!

– Да мы потеряли его! Поймали и упустили! Все пропало. Пропало. Пропало!

Исидор даже не дает себе труда отвечать. Он просто пожимает плечами. Вид у него обиженный, как у ребенка, которого несправедливо отругали.

Кажется, я немного переборщила. Признаю, мы нашли клоуна благодаря Исидору. Он заметил на могильном камне Дария место, оставленное для имени Марии Магдалены. Только ее место еще не занято в фамильном склепе. Он понял, что следующей жертвой станет она. И не ошибся. Но почему же, черт подери, он ни одного дела не доводит до конца?

— Ладно, раз вы такой умный, скажите – что нам теперь делать?

– Мы поедем к грустному клоуну для последнего большого и откровенного разговора. Это классическая концовка романа!

Лукреция потрясена невозмутимостью Исидора.

– Вы, конечно, знаете, кто он и куда сбежал?

– Знаю.

– Ну, тогда поехали!

Он накрывает ее руку своей.

– Спокойно. Не стоит путать торопливость и стремительность. Сколько сейчас времени? Полночь? Тогда лично я предпочел бы предаться одному совершенно безумному занятию.

– Какому?

– Я хотел бы поспать. А завтра утром, после хорошего душа и хорошего завтрака, мы поедем к клоуну. Чтобы удовлетворить ваше любопытство прямо сейчас, я сообщу вам некоторую информацию о нем.

– Да не томите же меня!

– Грустный клоун – это грустная клоунесса. Когда я прижал ее к себе, я почувствовал маленькую, но крепкую грудь. Когда вы увидите, кто это, вы все поймете.

166

В начале учебного года в школу приходит фотограф и делает общий снимок класса. Проходит неделя, учительница уговаривает учеников купить фотографию на память:

– Подумайте о будущем, ребята. Как приятно будет через много лет посмотреть на нее и сказать: «Вот Франсуаза, она стала врачом. Вот Сильвен, он стал инженером».

Тоненький голосок из глубины класса:

– А вот учительница. Бедная… она давно умерла.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Жизнь – это череда щекотливых моментов»

167

Синий пол, белые стены.

Они идут по серым, светло-серым, белым коридорам. Навстречу им попадается несколько женщин в белых халатах, которые не обращают на них никакого внимания. Слышны стоны и хрип. С потолка падает тусклый свет.

Они подходят к двери, на которой под надписью «Опасно, высокая радиация» изображен череп со скрещенными костями. Они идут дальше, тайком берут белые халаты и входят в операционные залы. Никто их не замечает. Множество людей сосредоточенно наблюдают за тем, что происходит за стеклом. На больничной койке лежит человек. По сигналу койка въезжает в белый цилиндр, снаружи остаются только ноги пациента. С шумом включаются различные аппараты. На экранах появляется объемное изображение мозга. В динамиках контрольного зала звучит спокойный голос:

– Анекдот № 1: «Женщина с младенцем на руках входит в автобус. Водитель говорит ей: „Господи, никогда в жизни не видел такого безобразного ребенка!“ Возмущенная женщина садится на сиденье в глубине автобуса и призывает в свидетели соседа: „Вы слышали, как шофер оскорбил меня?“ Сосед отвечает: „Да, безобразие! Идите и скажите ему все, что вы о нем думаете. Не волнуйтесь, я подержу вашу обезьянку“».

Испытуемый внутри пластикового цилиндра на мгновение удивляется, потом начинает смеяться. На изображении мозга появляется сияющая точка.

Рассказав анекдот, женщина в белом халате приближает изображение, и то, что казалось вспышкой, выглядит теперь светящейся белой линией, которая движется от мозжечка по коре головного мозга к мозолистому телу и останавливается в лобных долях.

Женщина в белом халате вновь подносит к губам микрофон:

– Анекдот № 2: «Очки влюбились в лупу и спрашивают ее: „Ты веришь в любовь с первого взгляда?“».

Испытуемый вновь смеется, на изображении его мозга появляется белая точка, его ноги дрожат. Светящаяся линия смеха, словно космическая ракета, вновь движется по экрану, совершая путь от мозжечка до лобных долей.

– Анекдот № 3: «Два охотника идут по лесу. Один из них неожиданно падает и лежит неподвижно. Второй звонит в „скорую помощь“ и говорит: „Мой друг умер! Что мне

делать?“ Ему отвечают: „Успокойтесь. Вы уверены, что он действительно умер?“ Тишина, потом звук выстрела. Охотник снова берет телефон и говорит: „Совершенно уверен. Что дальше, доктор?“».

Ноги испытуемого вновь дергаются. Из белого цилиндра слышится приглушенный смех. Женщина в белом халате объявляет:

– Достаточно. Всем спасибо.

Койка выезжает из цилиндра. Подопытный еще смеется, вспоминая анекдоты. Ассистентка выводит его из помещения. Женщина в белом халате начинает изучать световые линии на изображении мозга.

– Доктор, можно поговорить с вами без свидетелей?

Женщина оборачивается и узнает Исидора.

– Разве мы не закончили интервью для вашего журнала, господин Катценберг.

– У меня есть еще один небольшой вопрос, который поможет завершить расследование. И я хотел бы обсудить его спокойно у вас в кабинете, доктор Скалез… или, вернее, Кати Серебристая Ласка.

Женщина колеблется, смотрит на часы, затем нажимает кнопку интерфона.

– Перерыв. У меня интервью с прессой. Я вернусь через пять минут. Пусть следующий испытуемый подождет. Снимите все показания.

Доктор Катрин Скалез ведет Исидора и Лукрецию в свой кабинет. Это комната с белыми стенами, увешанными портретами ученых, которые изучали механизмы смеха. Все они в белых халатах, на их лицах решимость бойцов-первопроходцев.

Над креслом доктора Скалез в рамке висит цитата: «*При помощи воображения человек может представить себя не таким, каков он есть. А при помощи юмора он может смириться с собой истинным .Гектор Хью Манро* ».

Доктор закрывает дверь и снимает трубку телефона.

– Алло! Пять минут ни с кем меня не соединяйте. Я даю небольшое интервью. Спасибо.

Затем Катрин Скалез предлагает Исидору и Лукреции сесть в большие кожаные кресла, наливает в высокие стаканы апельсиновый сок и долго молча смотрит на них.

Наконец она произносит:

– Как вы меня нашли?

– Вчера, когда вы на несколько мгновений попали в мои объятия, я почувствовал ваш запах. Он напомнил мне о нашей первой встрече. Тогда я с удивлением отметил, что вы душитесь, идя на работу в лабораторию. Тем более что «Шоколадная тартинка» – это детские духи. Я подумал, что вы не хотите взрослеть.

– Вы внимательны.

– И я увидел топазы у вас в ушах. Грим не может уничтожить аромат и скрыть серьги.

– Вы действительно очень внимательны.

– Это моя работа. Все пять чувств должны быть задействованы.

Она улыбается странной улыбкой, но сохраняет полное самообладание.

– Ну, тогда мы сможем понять друг друга. Внимательность – первый и, быть может, главный признак ума.

– Вы догадались о цели нашего визита?

– Вы, видимо, хотите знать, где находится «Шутка, Которая Убивает»?

– А также почему вы убили Дария, – более сухо добавляет Лукреция.

Доктор Катрин Скалез не выглядит удивленной. Она маленькими глотками пьет апельсиновый сок.

– Еще у нас есть вопросы по поводу убийства…

– Лукреция, прошу вас, будьте вежливы с нашей собеседницей.

Это явь или сон? Он оскорбляет меня в присутствии подозреваемой!

— Катрин… Можно я буду называть вас Катрин? Помогите нам узнать правду о деле Возняка.

Доктор откидывается на спинку кресла.

– Я могу сказать вам правду, но готовы ли вы услышать ее, а главное, понять?

– Вы нас принимаете за…

Исидор перебивает Лукрецию:

– Катрин, начнем с нуля и отбросим предрассудки, устоявшиеся мнения, задние мысли. Мы вас слушаем и полны желания узнать истину.

Слова Исидора не совсем убеждают доктора.

– Что мне это даст? Я облегчу душу? Правда восторжествует? Я сниму с совести тяжкое бремя тайны? Я уже не в том возрасте, когда верят в подобную чушь.

Надо быстро найти ключ. Она готова открыть последнюю дверь, она ждет помощи. Как внушить этой женщине желание признаться во всем? Припугнуть полицией? Это было бы слишком просто. Пригрозить потерей работы? Надо воспользоваться подсказкой, которую она сама дала. Ее духи «Шоколадная тартинка», запах детства. Ключ – ее детство. Ключ Тадеуша, как и у всех мужчин, это его мать. Ключ Катрин – ее отец. Теперь осторожно вставим ключ в замочную скважину.

— Ваш отец, – говорит Лукреция.

Катрин Скалез будто ударило током.

– Что – мой отец?!

– Все случилось из-за вашего отца.

Наблюдать. Внимательно наблюдать. Она ждет ключа. А вдруг мне поможет загадка Феликса Шаттама про двух рыцарей? Я солгу, она солжет в ответ, и мы узнаем истину. А если она не солжет… мы все равно узнаем истину.

– Дарий умер из-за вашего отца.

На этот раз реакция Катрин ярко выражена. Она задыхается. Ее щеки побагровели.

– Что вы несете?!

– Ваш отец знал Дария, не так ли?

– Вы рылись в судебных архивах, да? Все, о чем там говорится, ложь!

Она приходит в ярость, ее глаза сверкают.

Ура! Замок поддается!

— За кого вы себя принимаете, гадкая пиявка! Кто дал вам право совать нос в документы столетней давности? Вы что, верите тому, что пишут в газетах? Вы, журналисты, верите в собственные выдумки? Как легко выдать их за правду!..

Она сметает со стола стопку папок. Исидор сохраняет олимпийское спокойствие.

– Не нервничайте, Катрин. Мы пришли именно для того, чтобы установить истину. Я знаю, что в газетах о вашем отце писали неправду.

Наконец-то он подыгрывает! Он помогает мне!

— Что вы собираетесь делать? Отдать меня в руки полиции? И добавить к давней лжи сегодняшнюю несправедливость?

О, мы, кажется, перестарались. Надо дать задний ход и успокоить ее.

— Мы на вашей стороне, – говорит Исидор. – Иначе мы не пришли бы к вам.

– Вы помешали мне…

… убить Анну Магдалену Возняк.

Доктор умолкает на полуслове. Но Исидор и Лукреция понимают, что она хотела сказать.

– Если я открою вам правду, обещаете напечатать все именно так, как я расскажу?

– Слово журналиста, – обещает Лукреция.

– Конечно, мы за этим и пришли.

Катрин колеблется, но пересиливает себя и приступает к рассказу:

– Мне было шестнадцать лет, Дарию – семнадцать. Мы полюбили друг друга. Наверное, все великие драмы начинаются с маленьких любовных историй. Уже смешно, не правда ли?

Исидор кивает.

– Мой отец подружился с ним. Вернее, стал его наставником и учителем. Отец принял Дария, как принимают в приют собаку. Тот, кто стал Циклопом, тогда был всего лишь жалким, неотесанным, агрессивным подростком. Впереди его ждали тюрьма или нищета. Мой отец совершенно случайно познакомился с его матерью. Она попросила его помочь Дарию. Она сама уже не могла справиться с грубым и непослушным сыном.

– Ваш отец…

– Когда отец впервые увидел его, он мне сказал: «Сегодня я встретился с одним несчастным юношей. Вся его вина в том, что он родился в неудачный момент и в неудачном месте. Ему просто с самого начала не повезло. У него есть небольшой комический дар. Я выращу из этого зернышка дерево».

– Значит, ваш отец…

– Мой отец, известный под псевдонимом Момо, был не столько юмористом, сколько преподавателем искусства смеха. Он воспитывал молодые таланты, учил их остроумию. В ту пору он передавал свои знания еще одному человеку.

– Кому? – спрашивает Исидор.

– Мне. Отец посвятил нас обоих в тайны «искусства быть смешным». Два зернышка росли рядом. Во время некоторых занятий отец просил нас переодеваться. Он напоминал нам, что предком юмориста является клоун. Дарий переодевался веселым клоуном, а я – грустным. Совместное обучение сблизило нас, мы полюбили друг друга.

Катрин Скалез достает из ящика стола красный клоунский нос и начинает нервно теребить его.

– Однажды отец открыл нам большую тайну. Он сказал: «Когда вы овладеете всеми необходимыми знаниями, я познакомлю вас со своим другом Стефаном Крауцем. Вы

войдете в Великую Ложу Смеха. И быть может, когда-нибудь узнаете секрет всех комиков мира: „Шутку, Которая Убивает“».

Катрин вновь, будто наяву, переживает сцену из прошлого.

– «Что такое Великая Ложа Смеха?», – спросила я. А Дарий спросил: «Что такое „Шутка, Которая Убивает?“» Отец нам все рассказал. Потрясенный Дарий немедленно захотел узнать секрет «Шутки, Которая Убивает». А мне не терпелось стать членом Великой Ложи Смеха.

Катрин вертит в руках красный клоунский нос.

– Занятия возобновились, но Дарий изменился. Ему не давала покоя тайна «Шутки, Которая Убивает».

Она глубоко вздыхает.

– А потом случилось это…

– Дарий потерял глаз в результате несчастного случая на заброшенном заводе? – быстро спрашивает Лукреция, вспомнив рассказ Анны Магдалены Возняк. Ей хочется опередить Исидора, который еще не высказал никаких предположений.

– Это не было несчастным случаем!

Доктор Катрин Скалез говорит с неожиданной яростью.

– Мой отец искренне полюбил Дария. Он занимался с ним больше, чем со мной. Я ревновала и следила за ними. Однажды, когда они репетировали жонглирование на заброшенном заводе, я забралась на верхний этаж и оттуда принялась незаметно наблюдать за ними. Они разговаривали. Неожиданно Дарий разозлился. Я слышала каждое их слово. Речь шла о «Шутке, Которая Убивает». Дарий угрожал отцу. «Открой мне секрет „Шутки“ – или я убью тебя!» – сказал он. Отец отличался худобой и невысоким ростом. Физически крепкий Дарий, несмотря на то что ему исполнилось только семнадцать, был гораздо сильнее отца. К тому же в тот момент его просто трясло от бешенства. Он схватил отца за ворот и засунул его голову под механический пресс.

Катрин Скалез умолкает. Она задыхается.

– Отец ничего не понимал. Он, видимо, решил, что у Дария временное помутнение рассудка. Но тот впадал во все большую ярость и повторял: «Говори! Открой мне тайну шутки! Я должен его знать!» Отец молчал. «Говори! Я ни перед чем не остановлюсь!» В конце концов отец признался, что никто даже в Великой Ложе Смеха не знает текста шутки и что она действительно смертельно опасна. Дарий не хотел верить, он в ярости твердил: «Ты скажешь или нет? Говори! Я убью тебя!» Отец нашел в себе мужество попытаться привести его в чувство не совсем удачной шуткой: «Зернышко хочет убить дерево?» Дарий не улыбнулся, он снова закричал: «Ты знаешь, я не шучу!» Отец, голова которого находилась под прессом, произнес: «Желудь против дуба?» Дарий зарычал: «Ты сам этого хотел!» Отец сказал: «Маленький росток…», но закончить фразу уже не успел. Дарий рванул рычаг, и огромный механический пресс раздавил голову моего отца, словно орех.

Катрин не хватает воздуха.

– Я не могла поверить в реальность происходящего. До самого конца я была уверена, что вижу репетицию какой-то юмористической сценки. Даже когда пресс опустился, я

надеялась, что это какой-то фокус с манекеном, облитым клюквенным соком. Но это был не фокус. Это было убийство.

Клоунский нос ломается в ее руках.

– Удар оказался так силен, что из челюсти отца вылетел коренной зуб и, словно осколок снаряда, вышиб глаз Дарию.

Катрин Скалез умолкает. Ее лицо пылает, как в лихорадке.

– Что же произошло потом? – с трудом выговаривает Лукреция.

– Я сообщила в полицию. Некоторые следы на месте преступления подтверждали мою версию событий, другие ставили ее под сомнение. Дело слушалось в суде присяжных, Дария задержали и обвинили в предумышленном убийстве.

– Я этого не знала, – признается Лукреция.

– Его брат Тадеуш и мать заявили, что были на месте событий, и, естественно, свидетельствовали в пользу Дария: «Несчастный случай во время репетиции». Неожиданно заработавший пресс. Но самым страшным испытанием для меня оказалось последнее слово самого обвиняемого. Он сказал присяжным: «Я убил Момо, потому что он не открыл мне тайну смертельно опасной шутки». И замолчал. Сначала засмеялся его адвокат, потом два или три удивленных присяжных. А затем все присяжные и люди в зале захохотали, как сумасшедшие. Председательствующий стучал молотком, призывая всех успокоиться.

Знаменитый прием: сказать правду, в которую никто не поверит. Стефан Крауц прав: смех – это оружие.

— Как только все засмеялись, он выиграл. Он обернул ситуацию в свою пользу, отец называл это «внезапным нападением акулы». Он добавил: «Я воспользовался возможностью избавиться от глаза. Как вы сами понимаете, второй глаз мне совершенно ни к чему. Хватит и одного». Он уже стоял в повязке. Он приподнял ее и показал всем пустую глазницу. Присяжных и публику охватило сочувствие. И он закончил выступление словами: «С этого момента можете звать меня Циклопом».

Доктор Катрин Скалез бросает клоунский нос на стол и вытирает лоб рукой.

– Контраст между пустой глазницей и веселым тоном Дария поразил присутствующих. Через минуту смеялись все. Даже судья и прокурор не смогли сдержаться.

Он все-таки был очень силен. Конечно, когда ты видишь, что человек потерял глаз, ты думаешь, что он уже достаточно наказан.

— Они смеялись долго. Когда мне дали слово, меня уже никто не слушал. Некоторые еще вытирали выступившие слезы. Я была спокойна и просто рассказала о том, что видела.

– И это выглядело неправдоподобным.

И не смешным. Публика предпочитает тех, кто ее смешит.

— Когда я сказала, что причиной преступления стала «Шутка, Которая Убивает», снова раздался смех. Теперь он был издевательским.

– Дарий обернул все в шутку. Заминировал поле, – говорит Исидор.

– Когда я рассказала, как зуб отца вышиб ему глаз, судьи и публика расхохотались.

– Механизм повтора, – комментирует Лукреция, вспомнив уроки в Великой Ложе Смеха.

– Присяжные единогласно оправдали его. Один из них даже подошел ко мне и посоветовал не видеть зло повсюду. Он был психиатром и дал мне свою визитную карточку.

Пальцы Катрин дрожат, она вновь теребит клоунский нос.

– Я подала апелляцию. Но вышло еще хуже. Публика пришла, чтобы послушать смешного обвиняемого, которого уже прозвали Циклопом. И Дарий расстарался. Второй процесс превратился в настоящий спектакль. Он повторил историю про «Шутку, Которая Убивает» и про Циклопа, затем, будто этого было мало, рассказал про наше совместное обучение клоунской профессии, про наши отношения.

Да, человек, который не боится сказать правду о своей личной жизни, не боится уже ничего.

— Он заявил, что понимает меня и на моем месте поступил бы точно так же: обвинил бы кого-нибудь в своих страданиях. Он закончил словами: «Если тебе от этого будет легче, Кати, я готов признать вину. Да, твой отец погиб из-за меня».

Эффект «коровы Эриксона». Если тебя тянут в одну сторону, ты инстинктивно направишься в противоположную.

— «И пусть меня казнят на гильотине, на виселице или электрическом стуле… Не знаю, что сейчас в моде». Это был триумф, вознагражденный смехом и аплодисментами. Я оказалась «завистницей, пытавшейся уничтожить талантливого конкурента», а он – отличным парнем, добрым и незлопамятным. Он даже прибавил, послав мне воздушный поцелуй: «Я не обижаюсь на тебя. Если будет трудно – звони. Я всегда приду тебе на помощь в память о твоем отце, которого я безмерно уважал, и во имя того… что нас связывало».

– Он тренировался на своих первых зрителях, – замечает Исидор, тоже взволнованный.

– Моя жизнь остановилась. У меня началась депрессия. Я не выходила из дома, ни с кем не разговаривала. Я не могла больше слышать никаких шуток, анекдотов. Я перестала выносить комиков. Однажды меня пришли навестить волонтеры из группы «Красный нос, белый колпак». Я накинулась на них и стала бить тем, что попадалось под руку.

Красный пластмассовый нос рассыпается в ее руках на мелкие кусочки. Она швыряет их в корзинку.

– Потом я попала в больницу, и психиатр поставил мне диагноз.

– Агеластия? – спрашивает Исидор.

– Да. Откуда вы знаете?

– Нам рассказывали о ней в Великой Ложе Смеха, – объясняет Лукреция.

– Эта болезнь выражается по-разному. Иногда она появляется после психологической травмы. У меня она протекала в очень острой форме, я совершенно не выносила смеха. У меня началась аллергия на юмор. Любая шутка вызывала сыпь на коже. Я могла потерять сознание, увидев скетч по телевизору. Психиатр сказал, что хроническая агеластия не лечится, но он попытается помочь мне новым методом – чтением трагедий.

– Гениально, – бормочет Исидор.

– Он рассказывал мне печальные истории. Выдал список для чтения: «Ромео и Джульетта» и «Макбет» Шекспира, «Тит и Береника» Пьера Корнеля, «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, «Хижина дяди Тома» Харриет Бичер-Стоу, «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза. Я полюбила книги о трагической любви, рассказы, в которых героев убивали или они кончали жизнь самоубийством. Я читала, и мне казалось, что не со мной одной обошлись несправедливо. Романы со счастливым концом и веселые истории я и в руки не брала.

Катрин Скалез встает и начинает ходить по кабинету, рассматривая фотографии Зигмунда Фрейда, Александра Адлера, Анри Бергсона.

– Вы не можете представить, что такое жизнь без смеха. Ведь смех – это победа над несчастьем. Если ты не смеешься, ты копишь в себе отрицательные эмоции.

– Вы долго оставались в больнице? – спрашивает Лукреция.

– Несколько месяцев. Потом меня перевели в реабилитационный центр. Там я провела три года. Мой психиатр не только научил меня жить с моей проблемой, он начал обучать меня основам медицины. Он считал, что, узнав, как функционирует мой мозг, я смогу сама себе помочь.

– У вас был роман с этим психиатром? – догадывается Исидор.

Черт, опять он меня опередил. Как я сама не поняла. Конечно, она сделала психологический перенос на этого мужчину.

Катрин Скалез садится в кресло.

– Он спас мне жизнь. Выйдя из центра, я решила изучать медицину. Когда я созрела до написания диссертации, психиатр посоветовал мне взять тему «Механизм смеха». Он считал, что это окажет на меня благотворное влияние.

Вот и новое подтверждение моей теории насчет того, что врачи выбирают себе специальность, ориентируясь на собственный недуг. Психиатры – сумасшедшие. Дерматологи – прыщавые. Агеластики изучают смех.

— Я написала очень подробное исследование о механизме смеха, о его истории, о его неврологическом, физиологическом, электрическом и химическом воздействии на организм человека. Никто еще не изучал эту «несерьезную» тему так глубоко. Семьсот страниц. Мной заинтересовался один журналист, и вскоре я даже приобрела некоторую известность.

– Он был не из «Современного обозревателя»? – на всякий случай спрашивает Лукреция.

– Нет, он был из конкурирующего журнала. Из «Моментального снимка», кажется. Узнав обо мне из газет, ко мне пришел продюсер Стефан Крауц. Он очень заинтересовался моими исследованиями физиологии юмора и предложил совершить небольшое путешествие.

– В багажнике, с завязанными глазами? – уточняет Исидор.

– Откуда вы знаете?

– Рассказывайте дальше. Итак, вы отправились на маяк-призрак…

– И узнала о Великой Ложе Смеха. О той самой Ложе, о которой говорил когда-то отец. У меня появилось отчетливое ощущение, что моя разбитая жизнь продолжается, и именно с того момента, когда связь времен была разорвана: отец обещал привести меня в

Великую Ложу Смеха, и вот я ее нашла. Я почувствовала, как с моей души упали оковы. После долгих переговоров члены Ложи предоставили в мое распоряжение лабораторию и снабдили всем необходимым, включая доступ к очень важной и до того неизвестной мне информации о механизме смеха.

– Вы прошли инициацию?

Катрин понимающе улыбается.

– Конечно. Я убила человека. Цена знания – потеря невинности. Поединок «ПЗС» был стремительным. Моим противником оказался маленький, довольно симпатичный толстячок. Бедняга и не догадывался, что моя странная болезнь не оставила ему ни единого шанса на победу.

Она задумчиво пожимает плечами.

– Я была ученым-изыскателем и могла уезжать с маяка-призрака и возвращаться туда в любое время. Я присутствовала на заседании, во время которого Дарий пытался занять место Великого Мастера. Он не узнал меня в толпе сиреневых плащей. Я, естественно, голосовала против него. Он едва не победил, голоса тогда разделились практически поровну.

– А в день нападения вы тоже были там? – спрашивает Исидор.

– Да, и бежала вместе с остальными. Но когда все спустились в подземелье часовни Святого Михаила, я осталась наверху.

– Вы хотели убить Дария, не так ли? – предполагает Исидор.

– Я нашла на земле толстый сук. Наши преследователи, разделившись, прочесывали окрестности с фонарями и оружием в руках. Я ждала Дария. Когда мне показалось, что он появился, я изо всех сил ударила его сзади по голове.

– Но это оказался не Дарий, а Павел, – говорит Лукреция.

– Да. Он рухнул на землю, и из его рюкзака выпал какой-то предмет.

– «Шутка, Которая Убивает»?

– Лукреция, дайте Катрин рассказать, – замечает Исидор.

Отлично! Сам все время ее перебивает, чтобы показать, какой он умный, а мне и слова сказать нельзя!

— Мысли у меня в голове мелькали с лихорадочной быстротой. Мной двигало не любопытство, а чувство мести. Я вспомнила шутку отца: «Когда Бог хочет нас наказать, он исполняет наши желания». И я подумала: «Я возьму „Шутку, Которая Убивает“, и отомщу Дарию, дав ему то, чем он так мечтает завладеть».

– Можно было просто оставить ее там, и он бы нашел ее, – говорит Лукреция.

– Нет, я хотела вручить ее ему лично, посмотреть ему в глаза и сказать: «Вот то, что ты так хотел знать».

– Я наклонилась, чтобы подобрать шкатулку. Но меня заметила какая-то женщина из банды «розовых громил».

– Мари-Анж, – поясняет Лукреция.

– В темноте она различила только мой силуэт и выстрелила. Все произошло в доли секунды, я не успела поднять ларец и убежала. Я спряталась и стала наблюдать. Мари-Анж взяла в руки шкатулку с «Шуткой, Которая Убивает». Она звала на помощь, кричала, что на Павла напали.

– К ней подошел Феликс.

– Она показала ему шкатулку и неподвижное тело Павла. Они некоторое время переговаривались, Феликс решил не отдавать трофей Дарию, а спрятать. Они были страшно возбуждены. Я слышала каждое их слово. Мари-Анж сказала: «Если Дарий узнает, что ты спрятал от него шутку, он тебя убьет». А Феликс ответил: «Я спрячу ее в его личный сейф в театре. Если он ее найдет, он ни в чем не сможет меня обвинить».

Это ход мысли, свойственный комикам. Сказать правду так, чтобы тебе не поверили. Спрятать предмет, который человек ищет, прямо у него в доме. Неплохо.

— Таким образом, я знала, где находится «Шутка, Которая Убивает». Мне оставалось лишь взять ее и осуществить план мести.

– И вы стали Кати Серебристой Лаской?

– Мне нужен был предлог, чтобы попасть в театр. Как ни странно, но во время турниров «ПЗС» практически ни одна система безопасности не работает, а «розовые громилы» покидают свой пост. Все наблюдают за поединком. Я подала заявку на участие, решив изучить театр во время дуэлей.

– И вы не побоялись принять участие в поединках? Вы же могли погибнуть.

– Агеластия служит мне щитом. Кроме того, знания, полученные от отца и во время инициации, знакомство с физиологией смеха – все это дает мне огромные преимущества перед соперниками. Я чувствовала себя воином в латах, сражающимся с пещерными людьми. Меч против дубинки. Чего же мне было бояться?

– Но риск все-таки смертельный, – говорит Лукреция.

– Мои противники были более или менее одаренными любителями. Они всегда боялись. Если ты боишься, то уже наполовину проиграл. Самым трудным для меня было имитировать смех, чтобы не вызвать подозрений.

– И что же вы делали, чтобы увеличить показания гальванометра?

– Грусть вызывает такое же сильное волнение, как и смех. Я растягивала губы в улыбке и думала об отце. И сама выбирала цифру, которая появится на экране.

Исидора впечатляет ее уверенность в себе.

До какого же безумия она была доведена, раз решилась на такое.

— Благодаря победам на турнире, я могла проводить в театре много времени. Я не вызывала подозрений у врагов и могла спокойно искать сокровище прямо в их логове.

Доктор Катрин Скалез усмехается.

– Я даже начала получать от этого удовольствие. Гелос и Танатос, объединившись, превращались в потрясающий коктейль эмоций.

Бедный Себастьян Доллен не имел ни одного шанса на победу в схватке с таким противником.

— Значит, пока все с замиранием сердца следили за ходом турнира, вы обыскивали кабинеты в поисках «Шутки, Которая Убивает»?

– И я ее нашла. Я помнила слова Феликса: «Она будет в голове». Я поняла их не сразу, сначала я решила, что это метафора. Как часто, вместо того чтобы искать подтекст, все нужно воспринимать буквально. Она действительно находилась в голове. В голове гигантской статуи.

– Еще одна хорошая шутка.

– Но я не знала шифра. Мне понадобилось огромное число попыток, чтобы вскрыть эту упрямую башку. До мозга моих пациентов добраться гораздо легче.

– У всех нас масса разнообразных талантов, Катрин. Если бы вы меня попросили, я с удовольствием помогла бы вам. Я защитила диссертацию как раз на эту тему, – говорит Лукреция с неожиданным сочувствием.

– Я справилась сама и выкрала «Шутку, Которая Убивает».

Дверь неожиданно распахивается, в кабинет врывается ассистентка.

– Доктор Скалез, больше ждать нельзя! Пять минут давно прошли! Испытуемый номер сто пятьдесят четыре готов. Он уже в сканере, ему ввели маркеры.

– Извините, – говорит Катрин Скалез. – Я должна идти. Делу время, потехе час.

Она замечает недоверчивое выражение на лицах журналистов.

– Не беспокойтесь. Обещаю, что вернусь и продолжу рассказ.

Исидор провожает доктора взглядом, встает и берет из шкафа сборник шуток, «филогелос». Наугад выбирает один анекдот.

168

Ученый и философ убегают ото льва. Ученый говорит:

– По моим расчетам, расстояние между нами и львом сокращается. Он скоро нас догонит.

Философ отвечает:

– Это лишняя информация, потому что я не пытаюсь бежать быстрее льва. Я пытаюсь бежать быстрее вас.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Жизнь – это череда щекотливых моментов»

169

Лукреция перечитывает вслух цитату на стене.

– «При помощи воображения человек может представить себя не таким, каков он есть в действительности. А при помощи юмора он может смириться с собой истинным. Гектор Хью Манро. Вы знаете, кто это такой? – спрашивает она.

– Бывший офицер колониальных войск, писавший новеллы, полные английского черного юмора. Хорошее изречение. Я думаю, он дал лучшее определение юмора после Рабле.

– Иногда мне кажется, Исидор, что мы с вами несколько наивны, – ворчит Лукреция.

– Почему вы так считаете?

Исидор тщательно осматривает рабочий стол.

– Подозреваемая говорит: «Подождите, я через минуту вернусь». Мы ее спокойно отпускаем и ждем. Такую цену не вставили бы даже в третьесортную комедию.

Исидор, изучив юмористические сборники и переписав несколько анекдотов, подходит к выставленной под стеклом коллекции красных клоунских носов.

Лукреция смотрит на часы.

– Может быть, еще не поздно. Пока Катрин Скалез в лаборатории, мы можем ее задержать.

– Что вы предлагаете, Лукреция? Связать ее и щекотать, как Мари-Анж?

– Арестовать ее.

– Мы не полиция.

Он бесит меня.

— Надо вырвать у нее признание! Я записала наш разговор с самого начала и…

– Магнитофонная запись не является уликой. Считается, что ее можно подделать. И потом, она сама сказала, что «Шутка, Которая Убивает» находится в у нее.

Лукреция мечется по кабинету.

– Вы действительно верите, что она вернется и отдаст нам «Шутку»?

– Верить – это не наше дело. Верить должны священники и мистики. Мы – журналисты, ученые, мы смотрим, слушаем, чувствуем и пытаемся найти связь между событиями и свидетельствами, чтобы узнать истину.

Лукреция подходит к креслу и падает в него с громким вздохом.

– Господи, мы были уже у цели, она обвела нас вокруг пальца, а мы не решились ее остановить! Ужасно обидно!

Исидор изучает книги на дальних полках.

– Вы можете себе представить, что такое жизнь без смеха? Дарий Возняк, подаривший столько веселья людям, навсегда лишил одного человека способности смеяться. И этим подписал себе смертный приговор.

Лукреция не слушает его.

– Она затуманила нам мозги. Она сбежала домой! Надо взять ее адрес и ехать к ней. Или дать ее описание полиции, чтобы ее арестовали.

Дверь открывается, и в кабинет входит доктор Катрин Скалез с толстой папкой под мышкой.

– Извините, – говорит она. – Надеюсь, что я отсутствовала не слишком долго.

– Мы остановились на том, что вы открыли сейф и взяли «Шутку, Которая Убивает», – несколько смущенно произносит Лукреция.

– Точно.

Специалистка по физиологии смеха садится за стол и снова предлагает Исидору и Лукреции апельсинового сока.

– Что же было дальше? – спрашивает Лукреция, сгорая от нетерпения. – Вы прочли ее?

– Да.

– И что произошло?

– Агеластия помогла ей справиться со смехом и спасла от смерти. Она осталась жива, – говорит Исидор. – Катрин Скалез оказалась одной из немногих, кто может безнаказанно прочесть абсолютную шутку.

Доктор улыбается.

– Шутка действительно необыкновенная. Особенно если учесть, что ее автор – простой юморист-любитель, и придумана она во времена Соломона, три тысячи лет тому назад. Ее действие рассчитано так же тщательно, как ход самых точных часов. Как только

ты прочел первую фразу, тебя охватывает желание прочесть вторую, которая будит в тебе неистребимое любопытство; ты читаешь третью, и у тебя перехватывает дух от изумления.

Я больше не могу. Я должна прочесть ее. Что там, в этой проклятой шутке? ЧТО ТАМ? Возьми себя в руки, Лукреция, или ты лопнешь!

— Три фразы: голова, туловище, хвост. И получается смертельно опасный, живой монстр. Как дракон. Этот Ниссим, несомненно, значительно опережал свою эпоху.

– Ну, и что же там? – зачарованно спрашивает Лукреция.

– Это лучшая шутка из всех, что я когда-либо слышала. Я не могла смеяться уже долгие годы, но тут во мне словно разблокировался какой-то механизм. Я почувствовала внутри напряжение и трепет. Я расхохоталась. Накопленные за все это время силы словно проснулись во мне. Мозг взрывался, в нем словно происходило извержение вулкана. Я смеялась, смеялась, смеялась. Я плакала от смеха.

– И?..

– Я не умерла, если вас это интересует. И разговариваю с вами.

– Я всегда знал, что она не действует! – замечает Исидор.

– Вас спасла ваша болезнь.

– Я вылечилась. Эта шутка избавила меня от агеластии.

– Значит, она действует! Значит, это правда, что она убивает! – говорит Лукреция восхищенно.

– Нет. Шутка не действует. Доктор же вам сказала, что она прочла ее – и осталась жива, – возражает Исидор.

– Доктор – это исключение. А для обычного человека эта шутка смертельна!

– Она не действует! – восклицает Исидор.

– Действует! – взрывается Лукреция.

– Нет!

– Да!

Зачем он упорствует? Он же знает, что я права. Он сам сказал: из-за своей болезни Катрин просто расхохоталась, а в противном случае она бы умерла.

Доктор Катрин Скалез прерывает спор.

– Ваш друг прав, мадемуазель. Шутка не действует. Это просто очень хорошая, необыкновенно хорошая шутка. И все.

Я уже ничего не понимаю.

— А как же тысячелетнее предание о «Шутке, Которая Убивает»?

– Люди, которые рассказывали, что эта шутка может убить…

– …были просто обманщиками. Это лишь слухи, легенды, ничем не подтвержденные домыслы, – заканчивает Исидор.

– Но…

Специалистка по физиологии смеха кивает головой.

– Увы, мадемуазель, ваш коллега прав. Это очень хорошая шутка, но она не смертоносна. Если кто-то и умирал, то только люди с очень слабым здоровьем, уверяю вас. Легенда о «Шутке, Которая Убивает» знакома всем юмористам. Я знаю, что вера может влиять на реальность. Беззаветная вера способна превратить вымысел в правду.

– «Стремление к вере несовместимо со стремлением к истине», – вздыхает Исидор, одной фразой подводя итог всем религиозным войнам. Я вот считаю, что самолет летит в небе только благодаря вере пассажиров. Они уверены, что гора железа и пластика легче облаков. Но лишь только в душу одного из пассажиров закрадывается сомнение… все, самолет падает.

Лукреция нервничает. Ее зеленые глаза мечут искры.

– Итак, вы узнали, что «Шутка, Которая Убивает», возможно, вовсе не так смертельна…

– Но от мести я отказываться не собиралась. И мне пришла в голову идея, как сделать легенду реальностью.

– Восхитительно, – с восторгом говорит Исидор.

Черт, это что, сон? Да он ухаживает за ней! Что в ней такого, чего нет у меня? Я красивее, моложе, свежее. Она… она… она совершенно обычная женщина. Даже волосы не особенно чистые. А руки? Она ногти грызет. Маникюр, видимо, не делает никогда. Его просто впечатляет ее ученая степень.

Доктор Катрин Скалез достает из ящика стола красный клоунский нос и начинает перекатывать его вокруг пальцев с ловкостью человека, обучавшегося жонглированию.

– И что же?

– Я сама сделала «Шутку, Которая Убивает». Шутку, которая действительно убивает тех, кто ее читает.

Исидор и Лукреция удивленно переглядываются.

– Мне казалось, что я должна продолжить, вернее, закончить работу, начатую Ниссимом бен Иегудой три тысячи лет назад. Он нашел направление, а я должна дойти до цели. Это стало возможно только в наши дни. Я знаю все, что происходит в нашем организме во время смеха. Я знаю, как воздействуют на человека разные типы шуток. Я миллиметр за миллиметром следила за продвижением шутки по мозгу.

– Но как можно создать такое чудо? – спрашивает Исидор.

– Я поняла главное: смех очень субъективен. Люди разного пола, разного возраста, разных культур, разных стран, разного уровня интеллекта смеются над разными вещами.

– Профессор Анри Левенбрук сказал, что почти все люди на Земле смеются, когда пукает собака.

– Так оно и есть, но это скорее добродушная, легкая улыбка. А шутка Ниссима – универсальное оружие, вызывающее максимальный эффект у огромной аудитории.

Лукреция вскакивает с кресла и кричит:

– Черт подери! Хватит тянуть время! Где она, эта эффективная «Шутка, Которая Убивает»?

Катрин Скалез, удивляясь такому отсутствию самообладания, смотрит на Исидора. Потом встает и достает из шкафа металлический чемоданчик, похожий на ноутбук, со сложным электронным замком.

Она кладет его на стол.

– Вот настоящая «Шутка, Которая Убивает». Любому, кто ее прочитает, смерть гарантирована.

Исидор и Лукреция с опаской смотрят на чемодан. Катрин Скалез подходит к белой доске и берет фломастер.

– Как же я справилась с этой неразрешимой задачей? Для начала я ответила на вопрос: «Как вызвать у человека действительно очень сильный смех?» И я нашла ответ. N2O.

– Оксид азота.

– Да. Веселящий газ. Его открыл в 1776 году Джозеф Пристли. Люди тогда собирались целыми компаниями, чтобы подышать этим газом и посмеяться. Дантист Хорас Уэллс решил применять его для анестезии во время зубоврачебных операций. Правда, появилась опасность асфиксии из-за нехватки кислорода. Поэтому в современную его версию добавлен кислород. Этот газ смягчает и усиливает эффект от других анестезирующих средств, в основном являющихся производными от кураре или морфина.

– Мне кажется, оксид азота также используется в качестве пропеллента в баллончиках со взбитыми сливками, – вспоминает Исидор.

– Точно. И еще для чистки компьютеров от пыли. Он даже входит в состав ракетного топлива. А некоторые используют его в качестве наркотика.

– С побочными эффектами…

Нет, вы только их послушайте! Как они хвастаются своей образованностью! К тому же эта Скалез, наверное, просто садистка, которая нарочно мучает нас.

— Профессор Смит в 1992 году открыл отравляющее действие веселящего газа, обнаружив причину болезней, проистекающих от применения анестезии.

– Пациенты вдыхали слишком много оксида азота?

– Я вам не мешаю? – язвительно спрашивает Лукреция.

– Продолжайте, Катрин! Вы позволите мне называть вас Катрин?

Ну, это уже ни в какие ворота не лезет!

— Да, конечно. Они действительно получали слишком большую дозу оксида азота.

– И у них начинались проблемы с нервной системой и дыхательным аппаратом. Значит, вы увеличили токсический эффект?

Но тут Катрин Скалез дает понять, что вывод слишком поспешен. Ей хочется подробнее рассказать о своем изобретении.

– Я решила применить концентрированный оксид азота и удвоить эффект газом.

– И у вас получился смертельно опасный химический смех? – говорит Лукреция, желая участвовать в беседе.

– К летальному исходу приводит соединение оксида азота, дополнительных газов и шутки. Вот состав токсичных ингредиентов моего коктейля: семьдесят процентов оксида азота, двадцать процентов других газов и только десять процентов – воздействие самой шутки. Если сравнивать с динамитом, то оксид азота – это порох, дополнительные газы – фитиль, а шутка – огонь.

Потрясенный Исидор теряет дар речи.

– Я не уверена, что правильно вас поняла, – признается Лукреция.

Исидор овладевает собой и спешит объяснить:

– Химическая субстанция воздействует на нейромедиаторы, как машины, которые заезжают на паром, вмещающий сто машин. Нормальное количество оксида азота – это

семьдесят машин. Дополнительные газы – еще двадцать машин. Итого на пароме находится девяносто машин. Мы добавляем интеллектуальный возбудитель, и последние десять машин занимают место на пароме. Нейромедиаторы перенасыщены, что провоцирует начало следующего этапа: заполненный машинами паром покидает причал и начинает пересекать реку Стикс, направляясь к противоположному берегу под названием Смерть.

– Именно так все и происходит, – подтверждает доктор.

– И этого достаточно, чтобы умереть?

– Перенасыщение нейромедиаторов вызывает очень мощный эмоциональный взрыв, из-за которого начинается фибрилляция сердца. Даже очень здоровое сердце не выдерживает такой нагрузки и останавливается.

Доктор пишет на доске:

Окись азота + вспомогательные средства + шутка – фибрилляция = остановка сердца.

Она решила интеллектуальную проблему при помощи химии. Ничто не могло остановить ее на пути к цели.

Катрин показывает на чемоданчик.

– Самым сложным оказалось претворить идею в жизнь.

Катрин Скалез рисует на доске схему, указывая положение баллончиков с газом.

– Я испытала смесь на морских свинках. Они впали в коматозное состояние. Девяносто процентов эффекта было достигнуто. Затем я перешла на кроликов, потом – на обезьян. Они все доходили до предынфарктного состояния, но последнего толчка не хватало.

– «Смех свойственен только человеку», – напоминает Исидор.

– Да, не хватало тех самых десяти процентов.

– Невероятно, – повторяет Исидор. – Есть динамит и фитиль, но нет искры.

– Выбора у меня не было, и первым подопытным стал тот, ради кого, собственно, все и затевалось: сам Циклоп.

Я так и знала. Это все-таки убийство! И убийство при помощи «Шутки, Которая Убивает»!

Катрин Скалез продолжает бесстрастным тоном профессионала:

– Здесь я тоже столкнулась с определенными сложностями. Как сделать так, чтобы не подвергнуть опасности жизнь других людей?

– И вы решили использовать фотобумагу, которая чернеет от света.

– Да, но это практическая сторона дела. Как заставить Дария заинтересоваться содержимым шкатулки? Тут я использовала психологическое оружие…

– Вы переоделись в грустного клоуна?

– Хотела напомнить ему о прошлом и надеялась пробудить в нем любопытство. Он не увидит моего лица, но узнает грим.

– И получилось?

– Да еще как! Все прошло идеально. Он сказал: «Кати, дорогая! Сколько лет, сколько зим! Как я рад тебя видеть! Ну, как поживаешь?» Он говорил так, словно нас связывала ничем не омраченная давняя дружба. Одно достоинство за ним все-таки надо признать. Он великолепно держался, никогда не показывал истинных чувств, находил в себе силы оставаться любезным со злейшими врагами. В турнире «ПЗС» он был бы великолепен! Он убивал, предавал, унижал, но всегда с улыбкой, с шуткой, не повышая голоса.

– И вы ему сказали: «Вот что ты всегда хотел знать»? – говорит Лукреция.

Катрин Скалез оборачивается к Лукреции.

– К моему великому удивлению, это подействовало. Я поняла это, посмотрев на другой день телевизор.

– То есть шутку, которая действительно убивает, изобрели вы? Вы гений, – признает Исидор. – Ниссим гордился бы вами. Вы превзошли его. Ваше имя должно остаться в истории рядом с именами Марии Кюри, Розалин Сасмен Ялоу, Риты Леви-Монтальчини.

Нет, я все-таки сплю. Он сейчас начнет рассыпаться в благодарностях за то, что она совершила преступление.

— Вы убийца! – произносит Лукреция.

Доктор Катрин Скалез ничего не отвечает.

– Когда вы пришли ко мне, господин Катценберг, и заговорили о «смерти от смеха», я поняла, что появился человек, напавший на верный след.

– Ничего, что я тоже здесь? – снова спрашивает Лукреция.

– Я тут же навела о вас справки и поняла, кто вы. Ваша биография произвела на меня сильное впечатление.

– Услышать комплимент от такой женщины, как вы, редкое счастье, – шепчет Исидор с полупоклоном.

– Мы в какой-то степени пионеры, каждый в своей области. Поэтому отношения с обществом у нас более трудные, чем у тех, кто просто идет проторенным путем и повторяет избитые истины.

Нет, вы только послушайте, как они воркуют!

— Вы только что признались, что умышленно и хладнокровно убили человека. Почувствовав безнаказанность, вы использовали «машину смерти» снова против ни в чем не повинного Тадеуша Возняка.

Доктор Скалез наконец обращает внимание на Лукрецию.

– Он дал ложные показания. Он заслуживал наказания.

– А затем вы послали шкатулку нам в журнал!

– Каждый борется, как может, – прерывает Лукрецию Исидор. – Нельзя упрекать противника за то, что он защищается.

– Я сделала это только для того, чтобы вы прекратили расследование. Я видела, что вы приближаетесь ко мне гигантскими шагами.

Лукреция не обращает внимания на замечание коллеги.

– Вы не постеснялись напасть на старушку. Вы хотели убить Анну Магдалену Возняк!

На лице Катрин Скалез появляется отвращение:

– Ее лжесвидетельство решило исход дела. Если бы она промолчала, я могла бы выиграть процесс. И Дарий был бы сейчас жив.

– В тюрьме?

– Конечно, где ему самое место.

– Он не создал бы свои скетчи, не сделал бы карьеру, не построил бы театр для молодых талантливых юмористов. Миллионы французов не смеялись бы его шуткам, – напоминает Лукреция.

– Да. А еще он не обворовал бы ни одного комика. И ни один юморист не погиб бы на турнире «Пуля за Смех», – добавляет Исидор.

А я покончила бы жизнь самоубийством в приюте.

Катрин Скалез со странной нежностью касается чемоданчика.

– Все встало на свои места. И мой отец отныне покоится в мире.

Доктор достает из ящика стола клоунский нос чуть большего размера, чем прежние. Она нервно вертит игрушку в руках.

– Теперь вы знаете все. Почти все.

Неторопливыми точными движениями она набирает код на клавиатуре замка стального чемоданчика. Щелкают два язычка. Она достает маленькую синюю лакированную шкатулку и показывает ее Исидору и Лукреции. Те видят знакомые золотые блестящие буквы. «B.Q.T.» и стилизованную надпись «Не читать!».

Доктор надевает клоунский нос и говорит гнусавым голосом:

– Вы потратили столько сил, что я должна удовлетворить ваше любопытство. Вот то, что вы всегда хотели знать.

С этими словами она открывает шкатулку и поворачивает ее к Исидору и Лукреции. Из двух отверстий с громким шипением вырываются струи серого газа. Серое облако быстро заволакивает комнату.

– Лукреция, не дышите! – восклицает Исидор. – Бежим отсюда!

Он зажимает пальцами нос, Лукреция следует его примеру.

– Она сама в безопасности! Красный нос – это противогаз! – кричит она.

Теперь они видят в большом красном клоунском носу решетку фильтра.

– Браво, мадемуазель. Это действительно мое изобретение: «Клоунский нос – миниатюрный противогаз», – подтверждает гнусавым голосом доктор Скалез. – А сейчас вы, наверное, ищете вот это?

Она улыбается и показывает им ключ от двери.

– Как жаль видеть гибель мужчины, который, кажется, меня понимает. Это такая редкость. Но, боюсь, вы не оставили мне выбора. Вы сами виноваты. Вы заставили меня рассказать вам слишком много.

Лукреция краснеет и приоткрывает рот, чтобы вдохнуть немного воздуха. Несколько миллионов атомов газа проникают внутрь. Достигают легких. Проникают в кровь. Сердце гонит кровь по сонной артерии к мозгу. В глубинах серого вещества происходит описанная Исидором химическая реакция. Клетки насыщаются газом на девяносто процентов.

Лукреция чувствует непреодолимое желание смеяться. Хохот накапливается в ней, как пар в гейзере.

Нет! Нельзя! Надо держаться. Это всего лишь химическая реакция!

Лукреция хочет ударить доктора Скалез, но у нее нет на это сил. Ее вялые жесты смешны. Ее сердце начинает стучать с утроенной скоростью.

Катрин Скалез вынимает из шкатулки свернутый в трубочку листок обычной бумаги. Она кладет записку на видное место.

– Я оставляю вам «Шутку, Которая Убивает». И осмелюсь дать совет: «Не читайте»!

Лукреция закрывает одной рукой глаза себе, другой – Исидору. Доктор Катрин Скалез спокойно выходит из кабинета и запирает дверь на ключ. Исидор и Лукреция не в состоянии ей помешать. Исидор отталкивает руку Лукреции, он хочет увидеть записку. Лукреция вцепляется в его рукав. Она пытает выговорить сквозь смех:

– Это искра… для пороха. Если вы прочтете… шутку… ха-ха-ха… будет взрыв! Ха-ха-ха!

Начинается то ли танец, то ли борьба. Исидор пытается схватить записку, Лукреция старается его удержать. Исидор спотыкается и падает. Он начинает корчиться на земле. На губах Лукреции выступает пена, она стучит кулаком по полу, надеясь, что боль пересилит действие веселящего газа.

– Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

Их дыхание становится прерывистым, сердцебиение учащается. Исидор хватается за ножку кресла и с трудом поднимается на ноги. Он снова пытается подойти к столу, на котором лежит листок бумаги с манящей смертоносной шуткой. Лукреция пытается его остановить.

– Ха-ха-ха! Нет… Ха-ха-ха! Исидор… Ха-ха-ха! Не читайте…

170

Три белые мышки сидят в клетке и хвастаются.

Первая говорит:

– Я – великий ученый. Я занимаюсь физикой. У меня в клетке стоит колесо, подсоединенное к динамо-машине. Я открыл закон, который гласит: «Чем быстрее я бегу в колесе, тем ярче горит лампочка».

Вторая мышка отвечает:

– Это что! Я тоже ученый, только гораздо более великий. Я занимаюсь геометрией. Я вывел математическую формулу, позволяющую в два счета найти выход из любого лабиринта. Благодаря этой формуле можно сэкономить много времени.

Третья мышка вступает в разговор:

– Чепуха! Вот я действительно сделала настоящее открытие. Я занимаюсь психологией животных. Можете мне не верить, но я подчинил людей своей воле. Это называется «условный рефлекс». Достаточно нажать на кнопку звонка, и люди тут же приносят еду.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Наши друзья животные»

171

Звуки хохота наполняют кабинет доктора Скалез. Исидору и Лукреции кажется, что давно умершие юмористы, в нелепых позах застывшие на фотографиях, с усмешкой наблюдают за ними.

Исидор по-прежнему пытается дотянуться до стола, на котором лежит освещенный лампой листок – предмет всеобщего вожделения.

Это не фотобумага , думает Лукреция, используя те нейроны, которые еще нормально функционируют.*Она не почернеет на свету* .

Катрин Скалез говорила, что шутка состоит их трех частей.

Голова монстра.

Туловище.

И хвост.

Если прочесть все три части, дракон изрыгнет пламя, которое подожжет фитиль и взорвет динамит.

Перекатившись по полу, Лукреция хватает приближающегося к столу Исидора за ногу. Сотрясаясь от хохота, они вяло борются.

– Дайте мне прочесть, Лукреция! Ха-ха-ха!

– Ни за что, никогда! Ха-ха-ха!

– Я хочу знать! Ха-ха-ха!

Исидор плачет крупными слезами, но неуклонно продвигается к заветной цели.

Вот его слабое место. Любопытство.

Я сильнее его. Я могу смириться с незнанием.

Неожиданно в памяти Лукреции возникает золотая статуя, венчающая купол церкви Сен-Мишель. Святой Михаил, убивающий дракона.

Она должна силой разума одолеть дракона.

Любовь – это меч.

Остроумие – щит.

Она уже не помнит, где прочитала эти слова, которые сейчас приобретают особый смысл.

Любовь – это меч.

Лукреция знает, что любовь к Исидору поможет ей найти оружие, которое победит его любопытство. Она перебирает в памяти моменты, которые помогали ей преодолеть первобытный импульс. Вспоминает Мари-Анж и страдания, которые та ей причинила.

Вот тормоз, использовать который нас научил Стефан Крауц.

Я должна отчетливо представить себе этот страшный миг из прошлого.

Мне нужно вновь почувствовать, как она привязывает меня к кровати, как затягивает повязку на глазах, как засовывает кляп в рот.

«С первым апреля!»

Вот зачем необходимы трагические воспоминания. Они отбивают охоту читать смертоносные шутки.

Она воображает себя в таких же латах, с таким же щитом и мечом, как у святого Архангела Михаила. Она вонзает клинок в голову дракона. Тот разевает пасть и умирает.

Во всю силу своих легких, она издает бешеный боевой клич:

– С первым апреля!

Лукреция чувствует прилив сил. Она встает, хватает записку и рвет ее на четыре части.

К ней приближается хохочущий Исидор и пытается собрать обрывки текста, словно пазл. Лукреция, не прекращая смеяться, рвет бумагу на мелкие клочки, но Исидор упорно продолжает складывать на глазах усложняющуюся головоломку.

Абсурдность собственного поведения вызывает у Исидора и Лукреции новый приступ хохота, и они, обессиленные, падают на пол.

Через некоторое время Лукреция, задыхаясь, с трудом встает и пытается открыть окно, но не находит ни ручки, ни шпингалета. Она берет стул и из последних сил швыряет его в стекло, которое выдерживает удар.

Исидор добредает до коллекции клоунских носов и разбивает витрину. Но фильтра у носов нет. Исидор, опираясь о стену, добирается до стола, открывает ящик, достает огромный клоунский нос и надевает его.

– Ха-ха-ха! Не смешите меня, сейчас… совсем не подходящий момент. Ха-ха-ха!

Но секунду спустя Лукреция понимает, что Исидор нашел противогазы, и тоже поспешно натягивает на себя маску. Им становится легче дышать, они постепенно находят в себе силы самостоятельно держаться на ногах.

Лукреция пытается высадить дверь, но та слишком прочная. Исидор снимает трубку со стоящего на столе телефона.

– Ха-ха-ха! Алло, полиция? Освободите нас, мы заперты в больнице Жоржа Помпиду, в неврологическом отделении. Ха-ха-ха!

Полицейский на другом конце провода решает, что это шутка, и бросает трубку. Исидор звонит пожарным, но с тем же результатом.

– Ха-ха-ха! Нужно позвонить надежным людям. Я сейчас попытаюсь, – говорит Исидор, пытаясь вспомнить номер и набрать его непослушными пальцами.

Помещение по-прежнему полно веселящего газа. И даже сквозь фильтр противогаза Исидор и Лукреция продолжают им дышать.

– Не знаю, когда подоспеет помощь. Надо думать о чем-то печальном, – говорит он.

– Экономический кризис?

Лукреция хохочет.

– Ха-ха-ха! Осторожно, – говорит она, успокаиваясь. – Если будете смешить меня, я могу умереть. Нужно найти действительно грустную тему.

– Глобальное потепление?

Лукреция снова покатывается со смеху.

– Ха-ха-ха! О чем вы думаете, чтобы отдалить момент семяизвержения во время секса? – спрашивает она.

– Чтобы продержаться подольше, я думаю о Тенардье.

Лукреция опять хохочет, ее сердце начинает бешено колотиться.

– Ха-ха-ха! Вы убьете меня, Исидор! Скорее что-то печальное!

– Не знаю, подумайте о смерти ваших родителей.

Девушка продолжает смеяться.

– Ха-ха-ха! Вы забыли, что я – сирота! Родители бросили меня на кладбище!

– Извините!

Исидор тоже хохочет.

– Вот, я придумал нечто очень грустное.

Он шепчет что-то на ухо Лукреции, и им удается немного успокоиться. Сердцебиение замедляется, но тела продолжают корчиться от судорог и спазмов.

Тут Лукреции в голову приходит идея. Вспомнив, как Исидор спас ее в театре Дария, она собирает обрывки бумаги, оставшиеся от смертоносной шутки, и поджигает их. Огонь разгорается. Дым поднимается к противопожарному датчику и… ничего не происходит.

Лукреция подносит горящую бумагу прямо к датчику, но он не включается. Видимо, он неисправен.

Ну, теперь мы пропали. Главное, не смеяться над этой анекдотической ситуацией.

И тут дверь в кабинет резко распахивается.

Исидор и Лукреция с изумлением смотрят на своего спасителя. Это Жак Люстик, Капитан Каламбур и хранитель подземного зала с неудачными анекдотами. Он решительно входит в комнату, держа в руках инструмент, позволивший ему открыть дверь – обычный лом.

– Извините за некоторое опоздание, – говорит он. – По приказу Беатрис я иду по вашему следу с тех пор, как вы покинули монастырь на горе Сен-Мишель. Честно говоря, маячком мне служил ваш хохочущий брелок. Меня задержало одно недоразумение, случилось вот что…

Лукреция бросается к нему и зажимает ему рот.

Он хотел завершить фразу шуткой.

Не стоит курить, сидя на пороховой бочке.

Исидор, поняв ход мысли своей спутницы, кладет руку поверх ее ладони, чтобы лишить Жака всякой возможности произнести хотя бы слово.

Глаза Капитана Каламбура округляются от удивления. Лукреция, вытирая слезы, задыхаясь, с трудом выговаривает:

– Нет, Жак, пожалуйста… Умоляю, молчите!.. Ни одной шутки, никакой игры слов. Если вы хотите что-то сказать нам, то пусто это будет нечто печальное, трагическое и деморализующее, хорошо?

172

Маленькая девочка спрашивает маму:

– Скажи, откуда взялись самые первые родители?

– Самых первых родителей создал Бог. Это были Адам и Ева, – говорит мама. – У них появились дети, у которых потом тоже родились дети, и все это продолжается по сей день. Так появилась человеческая семья.

Девочка задает тот же вопрос отцу. Тот отвечает:

– Понимаешь, миллионы лет тому назад обезьяны начали медленно эволюционировать и в конце концов превратились в людей, таких, как мы с тобой.

Озадаченная девочка возвращается к маме:

– Мама! Ты сказала, что первых родителей создал Бог, а папа говорит, что они произошли от обезьян?

Мама отвечает с улыбкой:

– Все очень просто, милая. Я рассказывала тебе о своих родителях, а папа – о своих.

Отрывок из скетча Дария Возняка «Война полов на наших глазах»

173

Дельфин Ринго прыгает, вздымая фонтан воды. Дельфин Пол прыгает вслед за ним еще выше. Акула Джордж, раздраженная шумом, прячется на дне восстановленной, перестроенной и укрепленной цистерны.

Исидор сидит за письменным столом под лампой дневного света, которую он купил на распродаже оборудования одной киностудии. После ремонта обстановка в его доме явно улучшилась.

Центральный бассейн остался таким же большим и глубоким, как раньше, но жилое помещение приобрело более экзотический вид. Его украшают тропические растения, кокосовые пальмы, лианы, песчаные дюны.

Телевизионные экраны стали огромными и плоскими. Самый большой экран подключен к Интернету и постоянно показывает изменения на сайте «Древо Возможного», где каждый может пополнить представления о будущем своими идеями, написанными на одном из листков гигантского растения. Огромное живое дерево цвета индиго растет на черном фоне, питаясь пророчествами.

В наушниках звучит музыка из фильма «Чайка Джонатан Ливингстон». Исидор вспоминает самые яркие моменты расследования, посвященного «Шутке, Которая Убивает».

Он достает из чемодана какие-то предметы и раскладывает их на столе.

Пакетик от блинчиков из Карнака, пластмассовая игрушка – точная копия яхты, которая доставила их на остров с маяком, картинка с изображением царя Соломона, бесстрастная белая маска кандидата в члены Великой Ложи Смеха, пистолет двадцать второго калибра с турнира «ПЗС», автомат «узи», открытка с менгирами Карнака, открытка с монастырем на горе Сен-Мишель, открытка с Архангелом Михаилом, поражающим дракона, статуэтка Граучо Маркса в тоге, фотография Дария на сцене, фотография его могилы, фотография Анри Бергсона. Несколько сборников шуток, «филогелос» всех народов и эпох. Он рассматривает большой клоунский нос с фильтром.

И печатает первую фразу: «Почему мы смеемся?»

Он улыбается, его радует начало, на котором он построит всю историю.

Он играет с клоунским носом, пытаясь прокатить его вокруг каждого пальца руки. Потом он бросает нос в бассейн. Красный шарик еще не успевает упасть в воду, как его ловит дельфин Джон, довольный новой игрушкой. Ринго и Пол присоединяются к товарищу и весело перекидывают нос друг другу.

Исидор размышляет. Он не хочет нанизывать фразы одну на другую, как бусины. Он намеревается изложить общий замысел и обозначить пласты интриг. Он собирается изобрести новый литературный жанр: научный детектив.

Результатом творчества является рождение нового организма. Надо воспринимать историю, как живое существо. Сначала создается скелет – это сюжет, на котором держится рассказ. Затем появляются внутренние органы, ключевые сцены, по ним циркулирует кровь, воздух и гормоны сюжета. Потом возникают мышцы, второстепенные эпизоды, обеспечивающие динамику повествования. Наконец скелет сформирован, органы начинают действовать, мышцы полны сил, теперь можно накинуть на свое творение кожу, словно покрывало, скрывающее тайну работы живого механизма.

Исидор решает, что будет писать простым и энергичным языком, языком анекдотов. Без прикрас, без длинных и запутанных фраз. Только прочная кожа, натянутая на скрытый от глаз скелет.

Бывший научный журналист и будущий пистаель берет карандаш и ручку. Продолжая слушать мощную симфоническую музыку из «Чайки Джонатан Ливингстон», он рисует некую фигуру, «глобальную форму истории». С головой, шеей, руками, животом, пупком, ногами… и половым членом.

В местах, которые ему кажутся подходящими, он делает надписи.

«Почему мы смеемся?» – пишет он рядом со ступнями.

Несколько мгновений он вертит ручку в руках. У правой икры появляются слова: «Кто виновен в смерти Дария?»

У левой икры: «Как можно убить человека в закрытом помещении и не оставить следов?»

Рядом с правым коленом: «Первые версии».

Рядом с половым членом: «Три силы. Эрос – секс. Танатос – смерть. Гелос – смех».

Лучи, исходящие от трех сил, пронизывают весь роман-организм.

У сердца появляется надпись большими буквами: «МОЖНО ЛИ УМЕРЕТЬ ОТ СМЕХА?»

Рядом с кишечником: «„Пуля за Смех“ – турнир, переваривающий юмористов и превращающий их в трупы».

Надо лбом: «Великая Ложа Смеха – священное наследие, пришедшее из тьмы веков».

Рядом с ягодицами: «Положение парижского шоу-бизнеса».

Исидор размышляет. Он спрашивает себя, не была ли драма, случившаяся с Дарием, спровоцирована самой системой, которая сначала создает знаменитостей, а потом приносит их в жертву.

Она их растит, закармливая до отвала деньгами, властью, кокаином, сексом, и тем самым готовит им судьбу рождественских индеек. Система превращает смерть звезды в шоу.

Исидор бросает белую маску дельфинам. Один из них, словно поняв предназначение предмета, играя, надевает маску на нос.

Маски – вот где ловушка. Знаменитости не отличают маски от своих истинных лиц. Они гибнут, как только они утрачивают связь с реальностью.

Мир юмористов так жесток оттого, что его власть слишком велика.

Дарий Возняк был воспитан в духе смеха света. Он скатился к смеху тьмы. И благодаря этому возникла третья сила: Катрин Скалез.

Он невольно создал новый путь развития юмора: «синий смех».

Рядом с шеей нарисованной фигуры Исидор пишет: «Доктор Катрин Скалез».

Она поняла все. В юности она овладела профессией клоуна, потом досконально изучила механизмы смеха, довела свои знания до совершенства. Она, а не Беатрис, должна была бы стать Великим Мастером Ложи.

Исидор задумчиво рассматривает свой рисунок.

Нет. Беатрис сильнее потому, что ее питает не просто смех, а сокровищница всех сохраненных человечеством шуток. Она разместила Ложу в самом чудесном уголке мира, не на суше, не на море, а сразу в обеих стихиях. Гора Сен-Мишель – сама по себе геологическая шутка.

Он печатает:

«Создание романа похоже на рождение живого существа».

Следовательно: «Все романы можно считать… длинными анекдотами!»

И добавляет: «Быть может, и человеческая жизнь – всего лишь шутка?»

«Быть может, любая форма жизни – всего лишь шутка?»

«Быть может, юмор – высшее достижение разума?»

«Быть может, смысл эволюции любой формы жизни – становиться все смешней и смешней?»

Он погружается в размышления.

Неожиданно раздается звонок.

Он открывает входную дверь новым дистанционным пультом управления.

На центральном острове появляется Лукреция.

Она переходит по мостику и приближается к Исидору.

Она в туфлях на высоком каблуке, мини-юбке и блузке, на которой изображен пронзенный мечом дракон, но не в китайском, а в венецианском стиле. Длинные светло-каштановые волосы уложены в сложную прическу с завитками на лбу и на висках.

Она целует Исидора в лоб.

– Ну? – спрашивает Исидор без церемоний.

Лукреция бросает на стол номер «Современного обозревателя». На обложке крупный заголовок: «Великий секрет». А сверху, помельче: «Эксклюзивная информация о смерти Циклопа».

Исидор поднимает глаза.

– Вы убедили Тенардье? Браво, Лукреция, не думал, что вам это удастся.

Он берет журнал и разглядывает обложку. Последняя фотография Дария – он на сцене «Олимпии», приветствует публику, приподняв повязку над глазом с розовым сердечком.

– Подумать только, этот жест и был ключом к разгадке, – вздыхает Исидор. – Все сочувствовали ему из-за его физического недостатка, а это было доказательство преступления. Возможно, маленькое сердечко даже намекало на его роман с Катрин Скалез. Все было ясно с самого начала. Вот в чем смех.

Он открывает журнал, находит статью. Видит фотографию могилы артиста и заголовок белыми буквами на черном фоне: «Гибель Дария Возняка. Шокирующие документы. Эксклюзивное расследование Кристианы Тенардье, материалы с мест событий – Флоран Пеллегрини».

Исидор не успевает произнести ни слова, Лукреция его опережает:

– Это было непременным условием. Тенардье, над которой в открытую смеются из-за того, что она за всю жизнь не написала ни строчки, решила реабилитироваться.

– А Пеллегрини тут при чем? Разве это он написал статью?

– Нет, статью написала я. Но, по словам Тенардье, читатели привыкли, что все серьезные расследования проводит Флоран Пеллегрини. Это, как она выразилась, «залог доверия читателей».

– Понятно.

– Но меня тоже упомянули.

Действительно, рядом с повторяющимися в конце каждой страницы именами авторов Исидор обнаруживает приписку мелкими буквами, курсивом и в скобках: (*Документы предоставлены Лукрецией Немрод).*

— Лучше, чем ничего. Тридцать одна страница. И заплатили хорошо. Даже очень хорошо. Меня повысили: теперь я получаю пятьдесят евро за страницу. Хватит на хлеб с маслом.

Исидор ничего не отвечает. Он просматривает начало статьи.

– И это еще не все. Тенардье согласилась возместить все расходы, рестораны, гостиницу, бензин!

Исидор не разделяет энтузиазма Лукреции.

– Ну, это минимум за статью, заголовок которой вынесен на обложку, – замечает он.

Лукреция продолжает:

– Тенардье меня поздравила. Она даже обещала рассмотреть мое зачисление в штат. Сказала, что поговорит об этом на верхних этажах.

Исидор переворачивает страницу и читает подзаголовок: «Дарий умер на сцене, как великий Мольер, игравший в „Мнимом больном“».

– Это вы написали?

– Нет, это идея Пеллегрини.

– Понятно. Великие артисты умирают на сцене. Жертвуют собой, развлекая зрителей. Настоящие герои. Интересный вариант для обвинения.

Он издевается надо мной. Он что, не слышал, что Тенардье обещала взять меня в штат? Или думает, что она не сдержит слово? Почему он всегда все портит?

Обиженная Лукреция пытается вырвать журнал у него из рук.

– Не стоило мне приходить. Я знала, что не надо этого делать. Я уже не хочу, чтобы вы читали дальше.

– Наоборот, мне как раз становится интересно.

– Я вам расскажу, что там написано. Дарий работал как каторжный. Своими произведениями он сумел сгладить противоречия между целыми поколениями. Он искал и растил молодые таланты. Он не заботился о своем здоровье, потому что тратил все силы на помощь ближним. Он стремился к совершенству, его требовательность к себе

граничила с одержимостью. И скорее всего, именно из-за этого стремления к совершенству он и умер на сцене.

– Вы не упоминаете в статье о деле Катрин Скалез?

– Я все подробно рассказала Тенардье.

– И что?

– Я предложила намекнуть на эту историю таким образом, чтобы не навлечь на себя неприятности с правосудием. Она мне ответила: «И речи быть не может о том, чтобы бросить тень на репутацию Дария, тем более что сейчас рассматривается вопрос о перенесении его праха в Пантеон».

Исидор медленно кивает.

– Ладно вам, Исидор! Мы давно знаем, что правду публиковать нельзя. Во всяком случае, в современной французской прессе. Да она, кстати, никому и не нужна, эта правда. Тенардье так и сказала: «Оклеветать Дария – значит потерять читателей».

– Что ж, по крайней мере, ее точка зрения понятна. А я люблю разоблачать обман, которым потчуют публику, если принадлежу к тем немногим, кто знает правду. Это утонченное удовольствие.

Исидор кладет журнал и подходит к бассейну. К бортику немедленно подплывают дельфины и акула. Он кормит их селедкой.

– Она сказала: «Дарий вселяет надежду в сотни тысяч молодых людей, живущих в нищих предместьях. Они хотят подражать ему. А вы собираетесь им рассказать, что это был циничный и пресыщенный человек, которого развлекала лишь смерть других комиков? Человек, который глубоко презирал зрителей? Нарцисс и наркоман, страдавший манией величия?»

– То же самое говорили и об аргентинском футболисте Диего Марадоне, который тоже, между прочим, был идолом молодежи. И ничего страшного не произошло. Он даже не потерял популярности.

– Публика не простит комику того, что простила футболисту.

Исидор продолжает кормить своих питомцев.

– Тенардье добавила: «Вы хотите бунта, мадемуазель Немрод? Положение в стране неустойчивое. По результатам опросов, большинство французов считает Циклопа прекрасным гражданином. Это как минимум двадцать миллионов человек. А вы хотите доказать, что они не могут отличить хорошего человека от подлеца!»

– Тенардье в чем-то права. Нельзя говорить мазохистам, что им нравится страдать. Нельзя говорить дуракам, что они дураки. Они обижаются.

Исидор возвращается к столу, берет журнал и читает первую попавшуюся фразу:

– «Дарий, великий артист, чей комический талант навсегда останется в памяти народа». Лукреция, вам не кажется, что вы перестарались? Зная истинное положение вещей, вы бы могли… Как бы это выразиться?.. Поумерить пыл.

– Когда выбраны заголовок и стиль подачи материала, правда становится не более чем вспомогательным элементом. Вы, так же как и я, знаете, что не это в статье главное. Так вы еще, чего доброго, станете меня обвинять в том, что я продала первородство за чечевичную похлебку!

Исидор сочувствующе кивает. Лукреция начинает раздражаться.

– Увы, Исидор, но я все еще часть системы! Я должна зарабатывать на жизнь! Я вынуждена писать то, чего от меня требуют, а не… эту никому не нужную правду!

– Зачем же тогда искать ее с таким остервенением?

– Быть может, то, что действительно произошло в «Олимпии», оказалось для меня неожиданностью.

Исидор поворачивается к ней спиной и идет к холодильнику, чтобы достать оттуда большой кусок говядины для акулы Джорджа.

– Вы лукавите. Я, например, не сомневался, что все этим и закончится.

Раздосадованная Лукреция садится. Она берет в руки журнал, словно не желая, чтобы Исидор прочел статью целиком.

– А как ваш роман?

Исидор бросает мясо в воду. Акула открывает челюсти с двойным рядом острых зубов и рвет добычу на части.

– Он станет полной противоположностью вашей статье. Можно сказать, дополняющей противоположностью. Я расскажу все, как было, и мне никто не поверит. Но правда будет сказана. И я привлеку внимание людей к вопросу, который кажется незначительным, а на самом деле является основополагающим: «Почему мы смеемся?»

– И каков ответ?

Он идет к стереоустановке. Из динамиков звучит «Аквариум» из «Карнавала животных» Камиля Сен-Санса.

Исидор снимает одежду, надевает очки для плавания и ныряет в воду. Он играет с дельфинами. Акула Джордж притворяется, что ведет нелегкую борьбу с куском мяса.

Он бесит меня.

Лукреция тоже раздевается и, оставшись в трусиках и лифчике, прыгает в бассейн. Она подплывает к Исидору.

– Вы ведь успели заглянуть в «Шутку, Которая Убивает» до того, как я ее разорвала?

– Я увидел первую фразу.

– Ну, и на что была похожа голова дракона?

– Лучше я не буду вам говорить, это… слишком потрясет вас.

– Я хочу знать. Хотя бы первую фразу из трех. Без оксида азота и без двух других частей она не опасна.

– Не совсем так. Первая фраза производит очень сильное впечатление. Я даже боюсь вообразить, каковы вторая и третья.

– Вы издеваетесь надо мной, Исидор?

– Хорошо. Честно, я ее не сумел прочесть. И ее никто никогда не прочтет.

Как понять, когда он шутит, а когда серьезен? Может быть, он лжет? Боится за меня?

— Я навел справки, говорит Исидор. Катрин Скалез больше в Госпитале Помпиду не появлялась. Она исчезла.

– Она отомстила. И осталась безнаказанной.

К Лукреции подплывает Джон. Он подставляет девушке свой плавник, и она впервые получает возможность почувствовать, как приятно кататься на дельфине.

Какое наслаждение! Фантастика!

Через некоторое время Джон доставляет ее обратно к Исидору.

Исидор неподвижно висит в воде и пристально смотрит на Лукрецию. Осторожно касается ее мокрых волос. Она не отстраняется.

– Лукреция, я должен вас поблагодарить. Я многому научился во время этого расследования. И я не смог бы провести его один.

– Исидор, я думаю, что тоже должна вас поблагодарить. Я тоже многому научилась во время этого расследования. Но я… смогла бы провести его одна. Во всяком случае, без вас.

Она с вызовом смотрит ему в глаза.

– Лукреция, а если бы я предложил вам пожить здесь некоторое время, вы бы согласились?

Она подплывает к нему, быстро целует в губы и отвечает:

– Нет, спасибо. Я предпочитаю оставаться вашим другом. Я уже нашла квартиру и перевезла вещи. Даже купила новую красную рыбку. Императорского сиамского карпа величиной с ладонь. Его зовут Левиафан-два. Вы увидите его, когда придете ко мне выпить чаю, и я уверена, что он вам понравится.

Исидор больше не улыбается.

– А не сыграть ли нам в три камешка? Если вы выиграете, то отправитесь домой, к Левиафану-два, а я буду иногда приходить к вам на чай. Выиграю я – вы переедете в мою водонапорную башню, и мы будем жить вместе.

– Перееду?

– На несколько дней. Просто чтобы лучше узнать друг друга.

– На несколько дней? Так сразу! Вечно у вас или все, или ничего, Исидор.

– Но ведь так смешнее, Лукреция!

Лукреция колеблется, потом соглашается. Они вылезают из бассейна, садятся на бортик, берут по три спички и вытягивают вперед сжатые кулаки.

– Ноль, – начинает Лукреция.

– Один, – отвечает Исидор.

Они открывают пустые ладони.

– Браво, Лукреция. Вы угадали. Но это только начало.

– Странно, у меня такое ощущение, что мы продолжаем турнир «Пуля за Смех», – говорит Лукреция, торжественно откладывая в сторону одну спичку.

– Борьба двух интеллектов всегда похож на дуэль. И задействованы все те же три силы: Эрос, Танатос и Гелос.

Начинается второй раунд. Лукреция начинает:

– Три.

– Четыре, – отзывается Исидор.

На его ладони три спички. Ее ладонь пуста.

– Красиво, – признает он.

Игра продолжается. Лукреция объявляет:

– Четыре.

– Три.

Исидор выигрывает. Он откладывает в сторону спичку. Теперь начинает он.

Он говорит «два», она – «один». Исидор снова выигрывает.

– Две победы у каждого. Решающий раунд.

Их сжатые кулаки соприкасаются. Исидор не сразу называет цифру.

– Один, – решается он.

Лукреция набирает воздух в грудь, закрывает глаза.

– Два, – отвечает она.

Он открывает ладонь. Одна спичка. И у Лукреции одна. Она выиграла.

– Я проиграл, Лукреция. Я недооценил вас, и ошибся. Так мне и надо.

Ни от одного мужчины я не слышала таких слов. Я потрясена. Вот, может быть, в чем его сила. Он не боится признать поражение.

— И ошибся я не только в этом. Я ошибся в вас. И во многом другом.

– В чем же? Продолжайте, мне интересно.

Пусть заплатит за все мои унижения.

— Я говорил, что не люблю шутки. Во время этого расследования я понял, как важен юмор, который раньше казался мне бессмысленным и ненужным. Смех стал чрезвычайно важен для меня. Способность шутить – это высшее достижение человеческого разума. Когда ты все понял, ты начинаешь смеяться.

Лицо Исидора становится печальным.

– В чем еще вы ошиблись?

– Мне кажется, что теперь я вас… действительно ценю.

Ценю? У него что, язык отсохнет, если он скажет, что любит меня?

— Очень ценю, – добавляет он.

В этот момент дельфин Ринго выпрыгивает из воды и окатывает Лукрецию целым фонтаном брызг. Исидор приносит теплое сухое полотенце и набрасывает на плечи Лукреции. Укутывая девушку мягкой махровой тканью, он обнимает ее и, прежде чем она успевает произнести хотя бы слово, нежно и страстно целует ее в шею, в щеку, а затем в губы. Лукреция не сопротивляется. Когда их губы размыкаются, она бросает на Исидора долгий взгляд.

Время останавливается. Они смотрят друг на друга, и ни один не решается нарушить молчание. Исидор первым выходит из оцепенения. В его глазах Лукреция видит искру, которой не было еще секунду назад. Маленький сумасшедший огонек, пляшущий на дне зрачков. Такой же огонек зажигается в зеленых глазах Лукреции. На ее щеках появляются крошечные ямочки. Такие же ямочки появляются на щеках Исидора. В то же мгновение, минуя этап улыбки, Исидор разражается хохотом. Лукреция следует его примеру.

Исидор и Лукреция смеются долго и безудержно. Они освобождаются от напряжения, накопившегося с самого начала расследования.

– Если бы сейчас мы вдохнули веселящий газ, то умерли бы, – сквозь смех выговаривает Лукреция.

– Не факт, – возражает Исидор, словно продолжая игру в три камешка.

Они продолжают хохотать.

– Мне кажется, я тоже способна признать ошибки. Я меняю свое решение, – говорит Лукреция. – Я перееду сюда на неделю. Но только на неделю. Я привезу с собой Левиафана. Я уверена, что он отлично поладит с Джорджем, Ринго, Джоном и Полом. Но у

меня есть три обязательных условия. Во-первых, не прикасаться ко мне. Во-вторых, не будить меня по утрам. В-третьих…

Он прижимает палец к ее губам.

– Боюсь, что не сумею подчиниться стольким запретам, – признается он. – Искушение будет слишком сильным.

– В таком случае, должна вас предупредить: если вы начнете настаивать, я могу и… уступить.

– Меня это устраивает, мадемуазель Немрод.

– Да, еще одно. Просто из принципа. Умоляйте меня остаться.

– Я умоляю вас, Лукреция, останьтесь со мной! Не на неделю, а дольше…

– Две недели.

– Две с половиной!

– Но не дольше трех! – отвечает Лукреция.

Они смотрят друг на друга и снова начинают хохотать. Лукреция отмечает, что Исидор стал держаться просто и естественно.

Он словно избавился от лишней ноши. Отдал мне то, в чем я так нуждаюсь. Это, наверное, и называется «нашли друг друга». Взаимная компенсация комплексов. Мизантроп и подкидыш.

Он вновь растирает и массирует ей плечи. Лукреция резко поворачивается, обнимает его за шею и приникает к его губам в долгом, страстном поцелуе, от которого у них перехватывает дыхание.

Исидор не успевает прийти в себя, как она бросает его на пол приемом «Лукреция-квандо». Прижавшись к его телу, приблизив губы к его губам, она шепчет:

– Я хочу заняться с вами любовью прямо сейчас, Исидор.

– Сегодня решаете вы, – отвечает он.

Она стягивает с него последнюю одежду, долго ласкает и целует все его тело.

Наконец-то он не сопротивляется! Сколько времени мы теряем на предварительные ласки!

Три дельфина и акула заинтригованы. Они подплывают к бортику бассейна. Ринго кажется, что два человеческих существа с розовой кожей слились в одно, с двумя головами и восемью конечностями. Чтобы лучше рассмотреть всю сцену, дельфины, стараясь оставаться незаметными, делают затяжные прыжки в воздух.

Джордж тоже пытается высунуть нос на поверхность, чувствуя, что на берегу происходит что-то новое и интересное. Но такое положение тела ему неудобно. Он думает, что было бы хорошо, если бы люди спустились к нему под воду.

Словно прочитав его мысли, Исидор и Лукреция скатываются в бассейн и продолжают ритуальный танец в воде.

Дельфины и акула плавают вокруг, рассматривая людей со всех ракурсов. Сначала два розовых тела неподвижно лежат на воде. Затем соединяются вновь. Их стоны сливаются в один вопль. Этот звуковой пузырь лопается, рассыпаясь лихорадочными раскатами смеха.

Они долго хохочут от счастья и блаженства.

Потом вплавь возвращаются на берег под одобрительные крики дельфинов, решивших последовать их примеру… несмотря на отсутствие среди них самки. Они хотят принять в свою компанию и акулу, но та пугается и прячется на дно бассейна.

Люди забираются на берег и падают без сил. Лукреция, улыбаясь, замечает:

– А ведь ученые ошиблись. Можно одновременно заниматься любовью и смеяться.

– Нужно просто найти партнера, который тебе подходит, – соглашается Исидор.

– Вы ведь мне так и не ответили, почему же мы смеемся?

Он размышляет несколько секунд, потом говорит:

– Быть может, в минуты просветления мы замечаем, что многое, что казалось нам важным, на самом деле таковым не является. Мы вдруг начинаем смотреть на жизнь отстраненно. Наш разум получает возможность оценить события непредвзято, и мы смеемся сами над собой.

– Неплохо. А у животных такого средства борьбы со страданиями нет.

Словно не соглашаясь с ней, дельфины начинают хором издавать звуки, похожие на смех.

Увы, милые мои «битлы», смеяться может только человек.

Исидор ищет более емкую формулу, подводящую итог его размышлений, и произносит:

– Мы смеемся, чтобы убежать от реальности.

Все есть в Едином. Авраам.
Все есть Любовь. Иисус Христос.
Все есть секс. Зигмунд Фрейд.
Все есть экономика. Карл Маркс.
Все относительно. Альберт Эйнштейн.
Все есть смех. Исидор Катценберг.

Послесловие

В основу романа «Смех Циклопа» легла странная история, случившаяся со мной, когда мне было семнадцать лет. Я уже целый год писал роман «Муравьи», но работа почему-то не ладилась. Когда я давал почитать свое произведение друзьям, то замечал, что книга валится у них из рук и они никак не могут дочитать ее до конца. Правда, в романе было полторы тысячи страниц. (Я тогда увлекался «Дюной» Фрэнка Герберта и «Саламбо» Флобера; мне нравились эпические полотна, битвы, необычайные приключения). Что-то с моей книгой не клеилось, но я не понимал что.

Озарение посетило меня во время вылазки в Пиренеи. Нас было восемь человек. Мы шли под ледяным дождем. У одной из участниц экспедиции случился приступ астмы. В час ночи (вместо запланированных пяти вечера) мы, совершенно обессиленные, добрались до приюта высоко в горах. Нас мучили холод и голод, ноги были сбиты в кровь, пальцы обморожены, а вдали слышался вой волков.

Луна и звезды спрятались, единственным источником света были наши фонарики.

Мы сбились в тесный кружок, и один из членов нашей маленькой компании предложил устроить «конкурс анекдотов, чтобы разогреться».

Мы по очереди стали рассказывать анекдоты и заставляли себя смеяться, пытаясь забыть о холоде и голоде. Вдруг кто-то спросил:

– А знаете историю про желтый теннисный мяч?

Мы покачали головами, думая, что речь идет о какой-нибудь детской загадке.

И наш приятель начал рассказ:

– Один мальчик получает свидетельство об окончании неполной средней школы. У него лучшие оценки в классе. Отец решает подарить ему велосипед. Но мальчик говорит:

«Папа, я, конечно, всегда мечтал о велосипеде, но я очень хочу получить другую вещь».

«Какую?»

«Желтый теннисный мячик».

Отец удивляется:

«Но ты же не играешь в теннис».

«Не играю».

«Может быть, ты хочешь набор мячей?»

«Нет. Я хочу один теннисный мячик. Но обязательно желтый».

«А что ты с ним будешь делать?»

«Папа, ты спросил, какой подарок я хочу, и я тебе ответил. Если тебя это раздражает или ты не видишь в этом смысла, можешь купить мне велосипед. Но я хочу не велосипед».

Отец, теряясь в догадках, дарит ему теннисный мячик.

Через несколько лет молодой человек заканчивает школу. У него в аттестате только отличные оценки. Отец хочет подарить ему мотоцикл. Сын говорит ему, что все его сверстники действительно мечтают о таком подарке. Но он хочет другое. Желтый теннисный мячик.

«Как, опять? А что ты сделал с первым? И кажется, ты ведь по-прежнему не играешь в теннис?»

«Папа, не пытайся ничего понять. Когда-нибудь я тебе все объясню. Если ты хочешь доставить мне удовольствие, купи мне, пожалуйста, один желтый теннисный мячик».

И отец покупает ему желтый теннисный мячик.

Сын поступает в медицинский институт и заканчивает его с красным дипломом. Отец хочет подарить ему квартиру рядом с университетом, в котором юноша теперь работает. Но молодой человек снова говорит, что предпочел бы получить желтый теннисный мячик.

«И ты по-прежнему ничего не хочешь объяснять?»

«Не сейчас».

Потом сын женится. Отец в качестве свадебного подарка хочет преподнести ему машину, но сын говорит, что хотел бы получить желтый теннисный мяч.

«В теннис ты так и не играешь? Может быть, лучше белый? Или набор из шести желтых? Сразу, с прицелом на будущее?»

«Нет, один. Желтый».

И отец опять дарит сыну желтый теннисный мяч.

Потом сын попадает в аварию. Он получает тяжкие увечья. Отец мчится в больницу, и врач говорит ему, что положение чрезвычайно серьезное и молодой человек не доживет до утра.

Отец в полном отчаянии входит в палату. Сын лежит весь забинтованный, трубки подсоединяют его к аппаратам, поддерживающим жизнь.

– Какой ужас! Сынок!

Из-под бинтов раздается слабый голос:

– Я знаю, почему ты пришел, папа. Завтра я умру, и теперь ты можешь узнать правду.

– Не говори таких страшных вещей, сынок, ты будешь жить!

– Нет, доктор сказал, что надежды нет. И я ждал тебя, чтобы открыть тайну.

– Что ты, сынок, все это уже неважно!

– Важно, папа. Ты хотел подарить мне велосипед, мотоцикл, квартиру, машину, но я отказывался и просил желтый теннисный мячик. На это были причины. Наклонись ко мне. Я скажу тебе тайну шепотом. Я хотел желтый теннисный мячик потому, что… хр-хр-хр…

И умирает.

Когда рассказчик умолк, воцарилась мертвая тишина. А потом мы все набросились на него в возмущении.

– И ты, мерзавец, так долго нас томил, чтобы в результате ничего не сказать?!

Но вот что интересно! Мне показалось, что несколькими минутами раньше с нами случилось нечто удивительное.

Слушатели забыли о мучительном восхождении, о мозолях, о сбитых в кровь ногах, о приступе астмы у нашей подруги, о близости волков. Желтый теннисный мячик приобрел для нас в тот момент первостепенное значение.

Услышав конец анекдота, мы пришли в настоящее волнение. Поэтому мы и накинулись на рассказчика, хотя после обычных анекдотов все просто вежливо смеялись. Незамысловатая история вызвала живейший отклик в наших душах.

Меня словно озарило. Вот он, секрет захватывающего ожидания развязки, подумал я. Нужно создавать эффект «желтого теннисного мячика».

Я переписал «Муравьев», дополнив их «желтым теннисным мячиком»: описанием таинственного подвала. Обычная семья получает в наследство дом с запертым подвалом. Люди, побывавшие в нем, говорят: «То, что я видел, так невероятно, что я не могу вам об этом рассказать». Книга стала воздействовать на воображение читателя. Каждый раз, когда новый персонаж романа спускался в подвал, читатель поневоле задавал себе вопрос: «Что же там такое, что это даже описать невозможно?»

Анекдот научил меня искусству рассказчика.

Мне кажется, суть любой хорошей книги можно изложить в форме анекдота.

«Одиссей» Гомера. Человек долгие годы бороздит Средиземное море, чтобы не видеть своей жены, а та при встрече ему говорит: «Надеюсь, ты мне не изменял!»

«Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Человек предпринимает невероятные усилия, чтобы отомстить обидчикам, а совершив возмездие, приходит к выводу, что делать этого, скорее всего, не стоило.

«Мадам Бовари» Флобера. Провинциальная блондинка делает массу глупостей оттого, что безумно скучает.

«Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Умственно отсталый калека влюбляется в цыганку танцовщицу и удивляется, почему она не отвечает ему взаимностью.

Я часто думал потом о человеке, который придумал историю про желтый теннисный мячик и дал мне урок мастерства рассказчика.

Я пытался найти первоисточник. Я обнаружил множество вариантов этой шутки. В частности, историю про «китайский зонтик», которая является зеркальным отражением «желтого теннисного мячика». «Сын спрашивает отца: „Что это за история про китайский зонтик, про который нельзя упоминать в нашей семье?“ Отец избивает сына кулаками и ногами и, при полном одобрении со стороны матери, выставляет за дверь. Молодой человек селится у своей невесты. Сразу после венчания жена спрашивает мужа, почему его родители не пришли на свадьбу. Он отвечает, что отец с матерью разгневались после того, как он упомянул об истории про китайский зонтик. Жена немедленно подает на развод и уходит от него навсегда. Молодой человек пытается найти утешение в работе. Он рассказывает о своих несчастьях начальнику. Тот спрашивает, почему все близкие отвернулись от него. Молодой человек отвечает, что пытался узнать историю про китайский зонтик. Начальник приходит в бешенство, хватает нож для разрезания бумаг и вонзает подчиненному прямо в грудь. Умирающий молодой человек спрашивает врача, почему никто не хочет рассказать ему историю про китайский зонтик. И врач, в приступе ярости, отключает его от аппаратов, поддерживавших жизнь».

Сколько людей обогатили деталями «историю желтого теннисного мяча»! Как приятно думать, что шутки превращают всех, кто их рассказывает, в артистов и творцов. В основе сюжета каждой книги действительно лежит шутка.

Я так и не нашел автора «желтого теннисного мяча», но полюбил анекдоты, этот неоцененный и никем не замечаемый литературный жанр, которому, как считается, отдают должное лишь дети да подвыпившие родственники во время семейных праздников.

Пять лет назад я начал размышлять над тем, как обратить внимание публики на мудрость и силу анекдотов. Я ведь и сам, честно говоря, запоминаю их с большим трудом. Я написал новеллу «Там, где рождаются анекдоты», которую опубликовал в сборнике «Рай на заказ». Когда я спросил пользователей Интернета, какое произведение в сборнике им понравилось больше всего, они назвали этот рассказ одним из первых, сразу после «Завтра только женщины».

Так возник замысел романа «Смех Циклопа».

Кроме того, я хотел продолжить приключения Исидора и Лукреции, потому что очень люблю этих героев. Иногда между писателем и его персонажами возникает дружба, и автору хочется встретиться с ними вновь. И я объединил «Там, где рождаются анекдоты» и «Расследования Исидора и Лукреции».

PS 1 . Все персонажи и ситуации в книге вымышленные, любое сходство с реальностью случайно.

PS 2 . Тем не менее я должен поблагодарить своих друзей – профессиональных юмористов, которые рассказали мне о своей закулисной жизни: о конкуренции,

продюсерах, драмах, о поставленных на кон деньгах, о маленьких тайнах, о том как работает механизм скетчей.

PS 3 : История про зрителей, которые не смеялись во время выступления комика, правдива. Она произошла с артистом Ришаром Ребеном. Он действительно выступал полтора часа перед залом, хранившим гробовое молчание. Публика состояла из людей, которым заплатили за то, чтобы они не смеялись.

PS 4 : Огромное спасибо пользователям Интернета, приславшим анекдоты на www.bernardwerber.com.

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить Ришара Дюкуссе, Франсуазу Шаффанель-Ферран, Мюгетт Вивьян, Рейн Зильбер.

А также Жиля Маленсона, доктора Патрика Бовена (консультации по естественно-научным вопросам), продюсера Стефана Крауца, Франка Феррана (консультации по вопросам истории), Себастьяна Друэна, Изабелль Долл, Паскаля Легерна, Себастьяна Теске, Мелани Ляжуани (веб-мастера сайта www.esraonline.com), Гюстава Паркинга, Марка Жоливера, Кристин Берру, Жонатана Вербера, Сильвен Тимсит (веб-мастера сайта bernardwerber.com).

Во время создания романа я слушал музыку:
«Планеты» Густава Холста
«Man of our Time» Genesis
«Resistance» Muse
«Burn» Deep Purple
«Shine on your crazy Diamond» Pink Floyd
«Гимнопедии» Эрика Сати
«Чайка Джонатан Ливингстон» Нейла Даймонда
«Аквариум» Камиля Сен-Санса